

ФАНТАСТИКА

2005

**ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВ**

**ЛЕОНИД
КАГАНОВ**

**СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО**

**ЕВГЕНИЙ
МАЛИНИН**

**ВЛАДИМИР
МИХАЙЛОВ**

**АЛЕКСЕЙ
ПЕХОВ**

И ДРУГИЕ...

ФАНТАСТИКА 2005

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ

ФАНТАСТИКА 2005

ИЗДАТЕЛЬСТВО **аст** .

МОСКВА 2005

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6- 44
Ф22

Составитель Н.А. Науменко

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.12.04.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 28,56. Тираж 12 000 экз. Заказ 3384.

Фантастика 2005 : [сб.]. — М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. —
Ф22 542, [2] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-027454-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9660-0909-0 (ОАО «ЛЮКС»)

По выуженной древней катастрофой земле бредет человек. жизнь
свою положивший на то, чтобы НАЙТИ другого человека... ЗАЧЕМ?

Мир, в котором бояться гигантских пауков-шатунов, сдают экзамены
на смелость и скорость в борьбе с дикими комарами и клянутся
книжными копирайтами... ЧТО ЭТО?..

Человек, способный сознательно привлечь к себе удачу, должен
расплачиваться за везение... НО ЧЕМ?!

Новые рассказы Сергея Лукьяненко!

Новые произведения мастеров отечественной фантастики Владимира
Васильева, Евгения Лукина, Евгения Малинина, Владимира Михайлова,
Святослава Логинова, Леонида Каганова!

Критические и публицистические статьи, посвященные проблемам
современной фантастики!

И-многое, многое другое — в сборнике «Фантастика-2005»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

РАССКАЗЫ

- © С. Лукьяненко, 2004
- © В. Васильев, 2004
- © Б. Руденко, 2004
- © А. Пехов, 2004
- © А. Павлухин, 2004
- © М. Харитонов, 2004
- © Е. Малинин, 2004
- © М. Олин, 2004
- © С. Герасимов, 2004
- © Н. Егорова, 2004
- © И. Ревва, 2004
- © В. Баканов, 1973—2004
- © Л. Каганов, 2004
- © С. Чекмаев, 2004
- © Е. Лукин, 2004
- © А. Корепанов, 2004

Сергей Лукьяненко

УДАЧИ В НОВОМ ГОДУ!

— Тут он мне всю правду и рассказал. — Михаил Немайлов обвел семью строгим взглядом. Впрочем, причин к строгости не было, заинтригованная семья не перечила. Жена послушно кивнула, сын сделал заинтересованно-внимательное лицо, дочь задумчиво накручивала на палец локон — но взгляда от отца не отрывала. — Тут, повторяю, генеральный мне и говорит: «Хороший ты мужик, Михаил! А так и проходишь всю жизнь в управленцах, будешь на чужих дядей горбатиться». Я, разумеется, про корпоративную солидарность, про его интересы, которые мне дороже своих... Генеральный хмыкает и начинает мне вот что рассказывать. Есть такой обычай в Испании — под бой часов съедать двенадцать виноградин. А в Италии другой — под Новый год выбрасывать старые вещи из окна. У нас полагаются долги отдать. Ну и дальше в том же духе обычаи перечисляет...

— Это он все в парилке излагал? — поинтересовался сын. — Силен...

— Серьезные разговоры, тинейджер, — наставительно ответил Михаил, — только в неформальной обстановке ведут... Итак, слушаю я его и пытаюсь понять, к чему генеральный клонит. А он вдруг говорит: все эти обычаи не зря придуманы. Ведь к чему все они сводятся? Старье вокруг

себя уничтожить, съесть, к примеру, или сломать и выбросить и в Новый год новенькими войти! Только лохи этого правила до конца не выполняют. Выкинут пару рваных носков и считают, что удача им обеспечена. Не так все просто! Надо от всех старых вещей избавиться! И тогда в Новом году придет к тебе удача!

— Он что, так много выпил? — поинтересовалась жена.

— Генеральный уже два года не пьет.

— Придумал, — фыркнула дочь.

— Он придумать ничего не может. У него голова не так устроена, чтобы придумывать, — спокойно разъяснил Михаил. — Все наши олигархи, все знаменитые певцы-певицы, все политики — с чего им удача поперла? С того, что они под Новый год от старья избавились и тем удачу к себе приманили! А теперь мой звездный час пришел!

Наступила тишина. Семья осмысливала. Наконец жена произнесла:

— Если ты, Мишенька, таким интересным образом хочешь сообщить, что старая семья тебя больше...

— Нет! — Михаил стукнул кулаком по столу. — О людях речь не идет. Будем старые вещи выбрасывать!

— Да где же у нас старые вещи? — удивилась жена. — Полгода как в новую квартиру въехали... Самая старая вещь — твоя машина, ей уже год!

— Машину я утром шоферу подарил, — спокойно ответил Михаил. Посмотрел на часы. — До Нового года — девять часов. Мы должны избавиться от старья.

— Если мы встретим Новый год в пустой квартире и все это окажется пьяным бредом твоего генерального — в следующем году у меня и впрямь появится кое-что новенькое... — пробормотала жена.

Михаил сделал вид, что не услышал.

Избавление от старых вещей шло долго и трудно. Проще всего оказалось с посудой — старую выбросили, все равно несколько тарелок и бокалов было разбито, комплекты с новой — распаковали. Так же поступили с постельным бельем.

А вот мебель проверяли вдумчиво. Кожаные диваны и кресла были признаны новыми, кухонный гарнитур — тоже. Все остальное, увы, пришлось выбрасывать. Обалдевшие от

поступившего под самый праздник заказа грузчики, к трем часам дня уже веселые, быстро протрезвели, сообразив, что шкафы, стулья, столы и прочую почти новую мебель надо вытаскивать на помойку. Для придания их работе энтузиазма Михаил предложил все вынесенное оставлять себе — и труд сразу приобрел ударный характер. Словно бдительный старьевщик Михаил бродил по квартире и инспектировал вещи.

— Тренажер спортивный. Уже два года как куплен, выносить! — командовал он.

К счастью, вовремя вмешалась жена:

— Ну и что, что два года? Ты же им не пользовался ни разу!

— Хорошо, — согласился глава семьи. — А что скажешь о телевизоре?

— На помойку! — радостно согласилась жена. — Давно пора плазму купить, а то стыдно людей в дом пригласить...

В комнате сына возникло особенно много проблем. Сын настойчиво предлагал избавиться от старых книг, но бдительная проверка показала, что зачитанных среди них нет. Зато все компакт-диски, и с музыкой, и с компьютерными играми, Михаил безжалостно выбросил. Ноутбук сын отстоял, забравшись в Интернет и доказав отцу, что это самая новая модель, зато мобильного телефона — лишился.

С дочерью все обошлось на удивление просто. Она заявила, что вся ее одежда, за исключением сшитого к новогоднему празднику платья, — старье, а косметика — вообще каменный век. Ювелирные украшения по здравому размышлению были признаны вещью нестареющей.

То же самое было и с вещами жены. Нельзя сказать, что сердце Михаила ни разу не екнуло, когда в большой тюк запихивались норковые шубки и платья из бутиков. Но генеральный директор вчера был так убедителен!

— Сам вынесу, — завязывая узел, решил Михаил. — Есть там, во дворе, один уголок, до завтра долежит спокойно... Если что, то...

Жена кивнула. В приманивание удачи она не верила, зато надеялась на завтрашнее раскаяние мужа и полное обновление гардероба. Но щипаную норку было жалко...

К девяти часам вечера в квартире стало более просторно и на удивление неуютно. Не хватало старых часов на стене, которые достались Михаилу от деда. Не хватало невзрачной черноморской раковины, привезенной двадцать лет назад из свадебного путешествия. Не хватало дурацкой вышивки, сделанной дочкой во втором классе и уже семь лет гордо вывешиваемой на стене. В общем — не хватало множества ненужных мелочей, которые накапливаются с годами в любом доме.

— Как в гостинице стало, — вынес свой вердикт сын, прохаживаясь по квартире. Он был в новых джинсах с бумажной этикеткой на задке и в новой рубашке с ценником на воротничке. Все было в новом, и этикетки глава семьи на всякий случай запретил снимать.

— Не остри, тинейджер, — нахмурился Михаил. — Лучше подумай, чего мы еще забыли?

— Старые башмаки выкинуть, — сказал сын. — В Италии так делают, я в Интернете посмотрел.

— Совсем они сдурели, макаронники... — возмутился Михаил. — Хорошо, иди и проверь все ботинки!

— Черные туфли не дам! — вскинулась жена. — Они новые! Михаил подумал и кивнул:

— Срок возврата обуви — две недели, а ты туфли купила неделю назад. Согласен, будем считать их новыми... Да, кстати, о макаронниках! Проверь продукты и старые выбрось!

— А какие продукты считаем старыми?

— Все открытые банки и пакеты, нарезанную колбасу и сыр, — ответил Михаил так быстро, будто готовился к вопросу.

— Там полукилограммовая банка черной икры. — Жена прищурилась. — Едва начатая.

— Намажь бутербродов, сколько надо для праздника, а остальное — в унитаз! — жестко ответил муж.

Жена кивнула:

— Хорошо. Но тогда учти, дорогой, что открытые бутылки тоже считаются старыми!

Михаил сглотнул, но смолчал.

Под бой курантов семья, согласно испанскому обычаю, глотала виноградины. На последний удар, согласно обычаю русскому, все выпили шампанского. Досталось даже сыну.

— И где она, удача? — иронически спросила жена, усаживаясь в кресло.

— Откуда я знаю, как оно все будет происходить... — Михаил тоже сел и открыл бутылку с коньяком. С последним ударом часов с него будто сошло наваждение. Что он надеялся? Выбросил половину мебели, почти всю одежду, машину подарил шоферу... ладно, это можно будет представить пьяной шуткой.

И почему? Из-за дурацкой истории генерального директора? В олигархии захотел, дубина... неужто плохо жилось простым управляющим компании...

— Удача! — захихикал слегка захмелевший сын. — Заходи к нам, удача! У нас теперь места много!

Михаил поднял на сына тяжелый взгляд, и тинейджер застыл, понимая, что перегнул палку. Но в этот момент в дверь позвонили.

В полной тишине Михаил прошел к двери и открыл, даже ничего не спрашивая и не глядя на монитор электронного глазка.

За дверью стоял кто-то морщинистый, румяный, в красном тулупе, с большой белой бородой и двумя огромными чемоданами на колесиках. За спиной маячила девушка в одеянии а-ля рус.

— Мы Деда Мороза не заказывали, — мрачно сказал Михаил.

— Как это не заказывали? — пробурчал гость в бороду. — Новогодний обычай соблюли? Старье все выкинули? Удачу в Новом году желали?

Михаил растерянно кивнул.

— Получайте. — Гость подкатил ему чемоданы. — Вот она, ваша удача на этот год. В денежном эквиваленте, разумеется.

— В долларах? — зачем-то спросил Михаил, приподнимая чемодан.

— Рублями по курсу.

Дед Мороз и Снегурочка пошли к лифту. Тяжеленные чемоданы оттягивали Михаилу руки, он их поставил. Обернулся. Домочадцы стояли за спиной. Молчали, глядя на чемоданы.

— Вот, — сказал Михаил. — Я же говорил. Все честно. Как хотели.

— Удачи в Новом году! — сказал Дед Мороз из лифта.

Жена задумчиво откручивала ярлычок с новенькой французской блузки. Дочь накручивала локон на палец. Сын непривычно серьезно смотрел на отца.

Почему-то было невесело.

Сергей Пукьяненко

ЖИВИ СПОКОЙНО

Когда я все понял? Точно не скажу. В детстве. До школы наверняка, а вот год не припомню... Играли во дворе в прятки. Ну где может спрятаться пятилетний ребенок... Что? Нет, пять лет — это к примеру. Может быть, четыре мне было. Может быть, шесть или семь. Так вот, спрятался я за кустами, возле мусорных бачков. Залег в кустах. Для взрослого место отвратительное: стекло битое, какашки засохшие и хорошо еще, если собачьи, бумага рваная и подозрительная, тухлятина всякая... А ребенку что? Для ребенка мир цельный, в нем все имеет свое место и все сообразно. Дерьмо? Пусть лежит, подсыхает, видоизменяется. Сопля из носа вылезла особо длинная — интересно-то как, всем надо ее немедленно показать! Червяки в тухлом мясе расплодились — целая вселенная возникла!

Так вот, прятался я среди всякой гадости. И очень мне хотелось победить. Ну очень-очень! Была в игре одна девочка, старше меня года на три, уже в школу ходила... Думаете, маленькие не умеют влюбляться? Еще как умеют. Вот я и выпендривался перед ней как мог. На руках ходить пробовал, через канавы прыгал, громче всех в игре орал. Теперь вот спрятаться решил лучше всех.

Конечно же, меня должны были найти. Первым делом мальчик, который водил, пошел за мусорные баки. Он стар-

ше был, опытнее. Идет, а мне так обидно стало! И так захотелось, чтобы он меня не заметил!

Он и не заметил. Прошелся, едва на меня не наступив, и отправился других искать. Перепрятываться не полагалось, так что он больше за мусорку не заглядывал. А я лежу, радуюсь, вспотел весь, сердце колотится, тело ослабло. Сейчас бы я это с оргазмом сравнил, а тогда с чем сравнивать было... Лежу — и одна мысль в голове: «Я невидимка! Я невидимка! Димка-невидимка!»

Потому что иначе меня должны были найти!

Всех нашли. Кроме меня. Меня долго искали. Потом стали кричать: «Димка, выходи, сдаемся!»

Я и вышел, дурачок... Гордый. Уверенный, что девочка та на меня с восторгом посмотрит...

Конечно же, мне сказали, что я сжульничал. Что перепрятывался. Потому что за мусоркой никого не было, там первым делом смотрели. А когда стал спорить, то отвесили тумачков. И девочка смеялась. Пошел домой — и получил от мамы за испачканную одежду.

Вот это и было самым первым разом...

Можно еще кофе? Спасибо. Я немного волнуюсь, знаете ли.

Потом был совсем другой случай. Я очень хотел, чтобы меня прокатали на мотоцикле. Настоящем, взрослом мотоцикле. И почти незнакомый парень с нашего двора, прекрасно понимавший, как ему попадет за катание шпингалета-дош-кольника на мотоцикле, меня прокатил. Два раза вокруг дома. Страшно было! Но какой восторг, вы себе и представить не можете. Разве что Гагарин, когда кричал «Поехали!», подобные чувства испытывал...

Но мама увидала в окно, как меня катают. И влетело мне — по первое число.

Наверное, были и другие случаи, но эти два особенно запомнились. Как-то само собой я понял: если очень сильно захотеть, то все сбудется. Повезет. И родители перестанут ругаться. И хулиганы отвяжутся. И пятерку можно получить, даже если ничего не знаешь. В общем — сплошная удача.

Но потом придет расплата.

Ребенок я был спортивный, пускай и занимался спортом смешным, в детском коллективе неуважаемым — фигурным

катанием. И потому первая аналогия, что мне пришла в голову, была именно со спортом связана: перенапрягся, перетрутился — получишь результат, но будешь ходить без сил. Объяснение это меня вполне устроило. Если можно мускулы напрягать, то почему бы не напрягать удачу?

Рассказывать? Нет, никому не рассказывал. Не знаю почему. Будто инстинкт включился. Так дети не рассказывают родителям про игры в доктора и прочие шалости. Хотя... стойте! Один раз я разговор завел. Лет десять уже было. Сказал папе, что если очень сильно захочу, то чего угодно могу добиться. Папа мои слова одобрил. Ответил, что так и есть, что если очень захотеть — чего угодно добьешься. И я успокоился. Будто получил разрешение пользоваться своим даром. Это сейчас я понимаю, что папа слова мои понял в обычном, бытовом смысле...

Годам к пятнадцати я уже понимал, что способность моя — уникальная. И довольно хорошо умел ею управлять. По мелочам больше не разменивался — на пятерки, мороженое, поцелуи с одноклассницами или найденные на тротуаре деньги. Очень уж неприятной была отдача...

Да, к тому времени я стал называть период, следующий после исполнения желаний, «отдачей». Чем сильнее везло, тем тяжелее были последствия. Когда в девятом классе (ну а какие еще мечты в этом возрасте?) мне отдалась признанная красавица школы десятиклассница Галя Стрельникова, отдача была очень серьезной. Видимо, мало у меня было шансов добиться ее любви при естественном ходе событий. Меня поочередно избили три ухажера Гали, родители ее грозились отдать меня под суд. Спасло лишь то, что Галя честно стояла на своем: все случилось добровольно. Дома тоже творилось черт знает что. Перитонит, уложивший меня в больницу на две недели, хоть и был, несомненно, частью отдачи, на деле оказался спасением. Школу я оканчивал уже другую... и стал осторожнее. Гораздо осторожнее.

Но все-таки отдача от поступления в МГИМО меня едва не прикончила.

С языками у меня было хорошо. С общественными науками тоже. Но для Института международных отношений одних лишь знаний было мало.

Я поступил — и весь первый курс расхлебывал последствия своей удачи. Меня сбил мотоциклист, квартиру родителей обворовали — и вынесли только мои вещи, какая-то сволочь пустила слух, что я стукач, вся профессура дружно меня невзлюбила и предрекала скорое отчисление. Пользоваться удачей было нельзя. Я сцепил зубы и терпел. Зубрил с утра до ночи. Научился играть на гитаре и потихоньку стал своим в студенческой компании. Убедил преподавателей, что «небезнадежен». В общем — выпутался. И после этого решил на время завязать со слишком уж наглыми требованиями к леди Фортуне. Если и пользовался своей способностью — то аккуратно. «Сдам экзамен? На тройку — наверняка. На четверку? Вероятно. На пять? Возможно. Что ж, тогда хочу сдать на пять...» А когда понимал, что пятерка мне не светит ни при каком раскладе, — желал четверочку. Или даже троечку. Во время отдачи был очень аккуратен — улицу переходил только на зеленый свет, в сомнительных забегаловках не питался, поздно ночью по улицам не ходил. Иногда удавалось перетерпеть отдачу без всяких неприятностей...

Что? Конечно, возможно! Это же удача и неудача, понимаете? Вероятностные показатели. Я вовсе не был обречен терпеть плюхи от судьбы, просто вероятность этих плюх сильно повышалась. Но если я выпрашивал себе слишком уж невероятную удачу, то скрыться от неприятностей не удавалось. Я падал и ломал голень прямо в квартире, заболел ветрянкой в двадцать пять лет, мою комнату заливали соседи, в окно девятого этажа влетал футбольный мяч, в который играли мальчишки во дворе. Надо сказать, что леди Фортуна по-своему была честна. Все неприятности касались только меня. Родных и друзей они не задевали совершенно. Выходим впятером из подъезда, с крыши падает здоровенная сосулька — и аккуратно мне в темечко... Это за распределение на практику в Бельгию вместо республики Чад. Эх, сколько же у меня было этих переломов, сотрясений, болезней... Одиннадцать сотрясений? Спасибо. Да, понимаю, у вас все подсчитано.

Собственно говоря, именно Бельгия и помешала мне спасти отца. Я любил папу. Конечно, он был самый обычный человек, если честно говорить — неудачник, не сумевший ничего добиться в жизни. Но все-таки он мой отец. Как умел — заботился, помогал. И я бы помог, но... Когда его

увезли с инфарктом, у меня как раз шел откат от распределения в Бельгию. Разрыв с Мариной я перенес спокойно, несданные зачеты меня тоже не тревожили. Та сосулька — вообще ерунда, я привык зимой носить толстые шапки. Но я не знал, понимаете — не знал, насколько силен будет откат! Кое-какие шансы попасть в Бельгию у меня и так были, но все-таки... Требовать от судьбы, чтобы отец непременно выздоровел в такой ситуации, — верное самоубийство!

Ну или почти верное.

Отец умер через два дня. Помню, когда стоял у гроба, смотрел на его лицо: сразу чужое, восковое, напряженное — все это ложь, что у покойников лица успокоенные; так вот — подумалось... Если я захочу, чтобы он ожил? Чтобы все это оказалось ошибкой, врачи проглядели, он просто впал в кому...

Скорее всего ничего бы и не вышло. Я же не чудеса умею творить, правда? Мне просто везет по заказу. А это уже настоящее чудо... после такого меня бы отдачей по стенке размазало... или распяло на кресте. Извините, что кошунствую, у вас вон крестик на цепочке, вы человек верующий, хоть и на службе, я все понимаю.

Но я не рискнул. Чтобы мама не так переживала — этого пожелал. Понимал, что тут особых усилий не требуется.

Так и случилось. Через полгода мать уехала жить к своему сослуживцу. У них давно уже был роман. Зато мне осталась хорошая трехкомнатная квартира. Можно жить и радоваться, правда? Молодой дипломат, жилье есть, перспективы хорошие...

Три года я почти не пользовался своим даром. Несколько раз, по мелочи — и то в экспериментальных целях. В свободное время рылся в библиотеках. Искал все, что касалось моей капризной леди Фортуны. В конце концов у меня сложилась следующая картина.

Я вовсе не первый человек, способный управлять своей удачей. История с царем Миносом и его дурацким кольцом, шагреновая кожа и портрет лондонского хлыща Грея — то, что вспоминается сразу. Но если покопаться... О, сколько их таится во тьме веков, людей, умевших управлять своей удачей! Иногда их истории имеют счастливый конец — жил долго и счастливо, был любим женщинами, окружен верными друзьями, посрамил врагов, что-то мимолетно изобрел или на-

писал... как бы шутя, играючи... но добился мировой славы... умер в глубокой старости в своей постели, окруженный безутешными близкими... Но чаще, конечно же, за чередой удач идет трагическая развязка. Я почти уверен: те случаи, когда история везунчика кончается хорошо, означают только одно — человек осознал, чем платит за удачу, и стал осторожнее.

Мне больше всего понравилась парочка писателей — Сирано де Бержерак и Эдмон Ростан. У обоих удивительно яркие и счастливые судьбы. У обоих — трагическая жизненная развязка. Убежден, что Ростан осознал свои способности, стал искать таких же, как он, наткнулся на жизнеописание Бержерака — и прославил его в своей пьесе.

Что вы так улыбаетесь? Ну, потом так потом...

Как только я понял, что мой случай не уникален, я сразу же пришел к логическому выводу: нас, везунчиков, неожиданно подружившихся с удачей, должны искать. По всему миру. Что может быть лучше для спецслужб, чем агент, способный выпутаться из любой передраги? Ну а неизбежный откат соответствующие органы не смутит — всем агентам рано или поздно приходит конец.

А найти нас не очень-то и сложно. Достаточно обратить внимание на людей, у которых жизнь «в полосочку», за удачей следует вереница неудач.

Я испугался. Очень сильно испугался, я понимал, что значит оказаться на крючке у спецслужб. И, конечно же, не захотел на этот крючок попасть. Было это... году в девяносто четвертом, осенью...

Почему вы хмуритесь? Неужели мое желание столь необычно? А... да... понимаю... простите. Нет, конечно же, я не желал никакого пожара! Откуда мне было знать про ваше управление? Я всего лишь хотел, чтобы на меня не обратили внимания... Друг? Пытаюсь спасти архивы? Примите мои соболезнования. Нет, я совершенно искренне. Кстати, при откате я опрокинул на себя чайник, получил ожоги...

Да, конечно. Я эгоист. Как и вы. Как любой из нас. Знаете, удача — она по определению своему эгоистична. Она всегда за чей-то счет. Захотел солнечного дня, а у кого-то огород без дождика засох.

Простите, отвлекся. Значит, девяносто четвертый год...

Собственно говоря, все у меня было. Престижная работа, красивые женщины, верные друзья. Но хотелось большего. Грубо говоря — в кармане ядерная бомба, а ты палишь из пистолетика. Нет, не та аналогия... ничего агрессивного не хотел. Скажем так — чувствовал я себя подпольным миллионером Корейко, который в кармане носит пятьдесят тысяч, а живет на нищенскую зарплату.

Какое-то время меня занимали глобальные вопросы. Что, если стать президентом России? Тогда как раз развалился Советский Союз, жизнь превратилась в безумный цирк, все стало одновременно невозможным и доступным. Сколачивались из воздуха какие-то немыслимые состояния, бывшие парии приходили к власти... самое раздолье для человека с моими способностями. Когда общество стабильно и предсказуемо, то управляемая удача поможет разве что в бытовых целях. А вот когда от случайности зависит каждая судьба... Я даже просчитал цепочку, по которой мог бы пробиться к власти. Работа в посольстве, работа в МИДе, работа в правительстве... Получалось, что года за два, за три пролезу к самым верхам.

Как именно рассчитал? Ну, я же говорил, что ставил небольшие эксперименты. Какова вероятность события, какой силы откат и какой продолжительности следует за вмешательством в естественный ход вещей. В то время я впервые представил себе удачу чем-то материальным. Вроде полоски золотого песочка, рассыпанного вдоль всей твоей жизни — от рождения и до смерти. У одних золотишка больше, у других меньше, это все от природы. Но обычно полоска ровненькая. Иногда подует ветер судьбы, собьет песочек в барханы — вот и запрыгал человек по жизни, то везет ему, то нет. Но некоторые люди, я в том числе, могут песочек и сами под себя подгрести. А берут откуда? Правильно, спереди, из оставшейся им жизни. Можно чуточку подгрести, а можно целую горку.

Почему вы смеетесь? Уровень удачи на графике рисуете золотистым цветом? Ну вот, видите, никто из нас не оригинален... Но от идеи лезть во власть я отказался. Решил, что там таких, как я, и ловят пачками. Где-то на подступах к вершине. А нагрести столько удачи, чтобы и карьеру сделать, и вам в руки не попасть, мне показалось рискованным...

Потом мне захотелось творить добро. Даже не знаю, откуда такие юношеские мечтания. То ли «Супермена» посмотрел, то ли просто сентиментальность пробила. Произошел при мне случай такой... неприятный. Ребенок попал под машину. Выжил, хотя и побился. Но было несколько секунд, когда я мог... теоретически мог вмешаться. Выдернуть пару перьев из хвоста синей птички и... А что и?.. Машина уже не могла свернуть, я это понимал. Ребенок от страха оцепенел. В общем, вероятность я просчитал моментально и вмешиваться не стал. Но ситуация угнетала. Поэтому стал понемногу желать удачи окружающим. Чтобы этого повысили, тому жена изменять перестала... Но откаты меня быстро уgomонили. Вроде и пустяка пожелал, а бьет со всей дури! В чужую-то судьбу вмешиваться куда сложнее, чем в свою. Так что с гнилым альтруизмом я завязал. Добрые дела делал, но естественным порядком, благо тогда от меня уже кое-что зависело, работал в МИДе, пускай и на третьих ролях. Мог и друга продвинуть чуть-чуть, и за интересы страны порадовать.

И в один прекрасный день мне все это обрыдло. Я вдруг осознал, что давно уже веду самую обычную жизнь. Что мои способности прогорают, а золотой песочек удачи остается и остается за спиной...

Я ушел с государственной службы. Открыл свой бизнес. Наконец-то обзавелся семьей. Безумной любви не было, но житейское понимание, симпатия, уважение — присутствовали. Родилась дочь. Очень понемногу, аккуратно, я использовал свои способности — и в целом процветал.

А году в двухтысячном впервые встретил такого же, как я.

Нет, имени не назову. И не надо улыбаться, когда я закончу, то вы поймете, что в этом нет нужды. Скажем так — бизнесмен и мой шапочный приятель. Сидели за кружкой пива, когда он внезапно сказал: «А ты удачливый». И улыбнулся так... понимающе. Я сделал вид, что ничего не понимаю. Он достал монетку, сказал: «Решка пять раз подряд» и стал ее подбрасывать. На четвертой решке я не выдержал и сказал: «Орел». Выпал орел.

Мы посмотрели друг на друга и оба захихикали, будто дети, услышавшие скабресный анекдот. Потом я сказал: «Откат у тебя будет часов на восемь». Он удивленно нахмурился,

потом улыбнулся: «Рикошет. Я его рикошетом называю. Часов десять, пожалуй».

Тогда я еще подумал, что наши способности могут разниться по силе...

Что? Нет, больше мы ничего не обсуждали. Практически не общались с той поры. Я знал, что он вполне комфортно существует. Он, уверен, наводил иногда справки обо мне. Я постарался максимально развести свой бизнес и его — после чего обнаружил, что он делает то же самое. Сами понимаете, что хорошего выйдет, если два везунчика начнут меряться удачей?

Так я и существовал до этого года. Полагаю, неплохо от вас маскировался. Жил хорошей человеческой жизнью, изредка пользовался своей удачей. Конечно, нужды в удовлетворении мелких потребностей уже не было, а с крупными я был очень аккуратен.

А потом заболела дочь. Врачи сказали — смертельно. Сказали → безнадежно. И знаете, если уж честно, то не было до той поры во мне каких-то отцовских чувств. Ну, копошится смешной комочек, лепечет что-то, ходить пробует, читать сказки требует. Умница, красавица, я ею гордился — и не больше того.

Только пошла в школу, пятерки стала получать — и на тебе...

Я не колебался, нет. Конечно, не предполагал, что это ловушка. Что вы использовали мою девочку как наживку... Вылечили бы? Что ж, спасибо, если не врете. Но если бы я и знал, что это ловушка, — все равно поступил бы так же. Захотел, чтобы дочь поправилась. Она и поправилась. Схлопотал откат. Не очень даже сильный. Или то, что вы меня взяли, это тоже часть отката? Смешно, верно? И еще два месяца все было хорошо. Правда, я узнал, что исчез мой знакомец-бизнесмен. С концами исчез. Но я тогда не понял, что вы его взяли. Решил, что надорвался на откате... на рикошете своем. Вот и сгинул где-нибудь в подвале у бандитов. Так что нет вам смысла его искать никакого...

А сегодня вы взяли меня.

Знаете, я даже не буду спорить. И сопротивляться не буду. Полагаю, у вас есть свои методы для сопротивляющихся, верно? Тогда скажите, как это произойдет?

Так... дайте хоть глазами пробежаться...

«Виновный в уклонении от уплаты... накопившаяся за срок два года сумма составляет вместе с процентами семьсот тысяч триста двадцать два бержерака одиннадцать ростанов...» Да, это действительно смешно! Теперь я понимаю, почему вы улыбались... «Добровольно уплачиваю государству из причитающейся мне в будущем удачи...» Подпись — и все? Как просто... И в других странах так же? Ну, в Америке всегда с налогами строже...

А как это будет? Потеряю удачу — и что? Инфаркт, инсульт, кирпич с крыши? Выбор велик, согласен. Инсульта точно не хочу. Ходить под себя, чувствовать, как разум уходит, пытаться что-то сказать перекошенным ртом... Нет. Лучше бы инфаркт. Как у папы. А он случайно не?.. Ну и слава Богу.

Нет, нет. Я не тяну. Кофе у вас вкусный. Можно еще чашечку? Чтобы уж точно — инфаркт. Скажите, а если у меня нет впереди такого количества золотого песочка? Долг на семью не перейдет? Ну что вы, я понимаю, что вы не звери. Сам был на госслужбе... Закон есть закон, да... Но если бы я знал! Если бы мне раньше сказали про налог с таких, как я! Что-то в этом нечестное, разве нет? С обычных людей удачу сразу удерживают, а мы, везунчики, должны платить сами!

Ну да, таилась... Верно. А вы ведь тоже умеете управлять удачей, товарищ майор? Почему же тогда вы по ту сторону стола, а я... Ага. В детстве. Понятно. Я оказался слишком скрытным ребенком, не повезло.

Не повезло.

Что ж, давайте ручку. Я все подпишу.

Сергей Лукьяненко

ВСЯ ЭТА ПОЖЬ

Радиопьеса

Стук пальцев по клавиатуре. Бормотание:

— И разве удивительно, что «Преступление и наказание» так усердно вдолбливается в головы русских школьников с советских времен и до наших дней. Боятся, ох боятся эти господа праведного топора в руках русской молодежи!

Последний удар по клавишам особенно силен. Слышится смехок. Потом звук откупориваемой бутылки пива. Глоток. Удовлетворенный выдох. И тот же голос напевает на диковатый мотив:

— Праве-е-едного топора-а-а... И сурового пера!

Раздается другой голос, гораздо моложе:

— Что ж вы немецкое пиво пьете, господин Орлов?

— Черт возьми, да как вы сюда...

— Через дверь. Итак, вы, великий русский патриот, немецкое пиво глушите?

— Нашего пива давно уже не осталось. Все русские заводы скуплены иностранцами. Полагаю, у вас в руке «Барак»?

— Что вы, обычный «Макаров». Дописали?

— Да.

— Это ваша последняя статья.

— Угрожаете?

— Нет. То есть да. Я пришел вас убить. И я это сделаю.

— Раз уж вы начали разговор, а не выстрелили мне в спину, то, вероятно, хотите мне что-то сказать. К примеру — причину, по которой лишите меня жизни. Это было бы... вежливо.

— Да, конечно. Я хотел бы все объяснить. Я не наемный убийца. Не сотрудник какой-либо секретной службы.

Смех.

— Я обычный московский студент. Меня зовут Ростислав Петров.

— И чем же я вас обидел, сударь Петров?

— Вы талантливый пропагандист. И вы русский националист. Если вы будете продолжать писать свои статьи, это приведет Россию к катастрофе. Начнется все с молодежных выступлений. Они перерастут в кровавые погромы. Власть бросит против бунтовщиков войска. Погибнут тысячи, а возможно, и миллионы. Это спровоцирует рост национализма во всем мире, и вся планета...

— Кхм. Вы так уверенно говорите...

— Вы читали роман Стивена Кинга «Мертвая зона»?

— Какая еще... да, припоминаю. Читал.

— Герой романа мог предвидеть грядущее, коснувшись человека. Так он опознал будущего кровавого диктатора и обезвредил его. У меня другая особенность. Я предвижу будущее, читая тексты.

Звук, который издает человек, поперхиваясь пивом. Кашель. Наступает тишина.

— Считаете меня психом? Я не псих. Мне очень тяжело, что на мою долю выпала такая... миссия. Ведь скорее всего меня поймают и осудят за убийство. И я никому не смогу доказать, что спасал миллионы жизней!

— Понятно. Понятно... Скажите, а насколько далёко вы предвидите будущее?

— На несколько лет. Собственно говоря, я знаю только про мятеж, войска на улицах... чем все закончится — не представляю. Но давайте закончим эту тягостную...

— Постойте! Посмотрите на меня внимательно. Вот я сижу перед вами. Живой человек. Пью пиво. Улыбаюсь и разговариваю. Я похож на безумца, который хочет утопить свою страну в крови?

— Нет. К сожалению, нет. Мне было бы проще, но я все равно...

— Погодите! Я должен вам кое-что сообщить. Я не умею предвидеть будущее, но я пишу свои статьи не просто так.

— Да?

— Да! Существует небольшая, хорошо законспирированная организация, занимающаяся построением будущего.

— Масоны?

— Ну зачем же сразу масоны! Ученые! Ведь вы — человек глубоко демократических убеждений, верно?

— Да. Я считаю, что в современном обществе национальности уже отжили свое, речь может идти...

— Хорошо-хорошо. Не спорю. Так вот, беды России истекают из того, что изоляционистские, националистические убеждения не являются в ней четко локализованными, а как бы рассеяны среди населения! Если произойдет тот самый бунт, который вы предвидите, то общество осознает себя и ужаснется происходящему. Да, погибнут сотни и тысячи людей! Да! Но в итоге Россия прочно станет на путь демократического развития.

— И вы...

— Я и мои товарищи сознательно идем на жертвы, чтобы Россия прильнула наконец-то к исстрадавшемуся лону мировой цивилизации.

— Вы можете это как-то доказать? Вдруг все это ложь...

— Легко. Но учтите, молодой человек, вам придется хранить тайну всю свою жизнь. А если что... у нас длинные руки.

— Я буду хранить тайну.

— Тогда слушайте. Я наберу номер и включу спикерфон.

Попискивают кнопки телефона. Раздаются гудки. Потом — глуховатый голос из спикерфона:

— Алло?

— Николай?

— Да. Закончил статью?

— Закончил. Сегодня же выложу в сеть. Николай... скажи... у тебя нет сомнений в том, что именно мы делаем?

— Орлов, ты сам на себя не похож. Сколько раз мы об этом уже говорили? Сколько расчетов сделали? Сколько графиков вычертили? Только после нового бунта, новой кровавой купели Россия сумеет избавиться от национализма и пост-

роить достойное гуманистическое общество! Немцам для этого потребовалось две войны. А нам — требуются две революции... Оставь сомнения, Орлов! Ты же кандидат наук! Ты ради победы демократии пожертвовал научной работой!

— Хорошо, Коля. Это была минутная слабость.

Короткие гудки. Потом спикерфон отключают.

— Все слышали, студент?

— Да...

— Ох и могли же вы натворить глупостей со своим пистолетом! Дурак! Сопляк! Мы готовим спасение нашей несчастной страны! Бережно, с учетом всех факторов! А вы... и к чему была эта нелепая ложь про особый дар?

— Это не ложь. Я в другом соврал.

— В чем же?

— В том, что я — демократ... Что, жидовская морда, вздрогнул? Я русский патриот! Член седьмой боевой ячейки пятой краснопресненской бригады тайной организации «Перун и Велес»! У меня только русичи в роду, никаких инородцев не влезло! А что горбоносый — так это результат пластической операции! Давно мы за тобой следили, с-с-сука... Давно. Чуяли, что дело нечисто. Русский патриот Орлов! Ха! С каким удовольствием я тебя порешу, геккон...

— Хамелеон, господин студент, если уж вы изволили язвить.

— Все равно порешу. Вот из этого честного русского пистолета! Встань, гад! Руки за голову! Убивать тебя буду!

— Неужели Иван Могилев санкционировал вам эту акцию, юноша? Какой у вас допуск?

— Третьей степени... Откуда про Ивана знаешь? Говори, враг!

— Откуда знаю? Друзья мы с ним. Друзья и единомышленники. Ты что, и впрямь поверил в этот бредовый телефонный разговор? Мне отвечал специально обученный человек. Как раз для случаев, когда враги России пытаются уничтожить настоящего патриота, и существует этот номер! Можно позвонить и ввести врагов в заблуждение.

— Не может быть... Вы меня опять обманываете!

— Я тоже из «Перуна и Велеса», мальчик. Только куда старше тебя по рангу.

— Тогда... тогда скажите пароль на сегодня!

— Икра заморская, баклажанная!

Некоторое время царит тишина.

— Чему улыбаетесь, студент?

— Тому, как просто все оказалось. Сидите, сидите! Вам пора привыкать сидеть. Я из той самой организации, которую вы так ненавидите. Из тех, кто, говоря вашими словами, «служит кровавому режиму». Этой ночью вас, психопатов, будут брать по всей стране. Нам не хватало только сегодняшнего пароля. Спасибо огромное за содействие, господин Орлов! Я так и полагал, что при вашей бурной фантазии вы включитесь в мою игру.

— Какое безумие...

— О чем вы?

— Я двадцать раз писал руководству — надо подождать! Надо брать всех тепленькими, в момент подготовки восстания. С оружием в руках. А сейчас что? Похватаете — и через месяц всех отпустите! Идиоты!

— Вы хотите сказать, что...

— Я подполковник госбезопасности.

— Не верю.

— Подлинное удостоверение отличите?

— Да уж сумею как-нибудь!

— Глядите...

— Руки от стола! Руки! Сам достану...

Звук выдвигаемого ящика. Пауза.

— Ну, молодой человек? Убедились? А теперь опустите пистолет и дайте мне позвонить в наше управление...

— В наше? Мое управление называется «Центральное разведывательное».

— Что?

— Вот именно. Мы предполагали, что русская госбезопасность прочно слилась с националистическими и реваншистскими элементами. Но что процесс настолько далеко зашел...

— Но я же объяснил! Русское подполье будет ликвидировано!

— А вот этого как раз нам не надо. Нам нужен русский бунт. Бессмысленный и беспощадный. И когда миротворческие войска войдут в Россию, нас будут встречать как избави-

телей! Так что пусть ваша акция пройдет неудачно... пусть экстремисты вновь наберут силу и устроят бунт.

— Нет, так дело не пойдет... У нас другие планы на эту страну.

— У кого это — у вас?

— У хранителей древних знаний. У тех, кто обитает в Шамбале.

Смех Ростислава. Потом его сочувственный голос:

— Вам плохо, господин Орлов?

— С чего бы? Тысячи лет мы ведем человечество из дикости к процветанию. И сейчас, в эпоху Водолея, наступило время России. Она станет великой империей. Центром притяжения всех стран мира. И для этого нам нужен великий русский народ и Великая Россия.

— Вы бредите. Но если бы вы говорили серьезно, я бы вас немедленно застрелил.

— Попробуйте. Я вполне серьезен.

— Что ж, господин Орлов. Все равно все кончилось бы этим...

Звук выстрела. Тишина. Голос Ростислава:

— Факин шит... Бронежилет?

— Попробуйте в лицо.

Еще один выстрел.

— Итак, вы убедились. Я — один из носителей древнего знания. Мы откроемся людям лишь через сотню лет, пока мы скрыты от их глаз. Судьба Атлантиды многому нас научила... А теперь, господин из Лэнгли, я попрошу вас закрыть глаза и уснуть. Сегодня вы доложите своему начальству, что... Почему вы не спите?

— Придется вам кое-что объяснить. Я из управления безопасности... но не американского, да и не из вашего. Я из управления безопасности времени. Родился я в самом конце тридцать второго века...

Слышен смех, перерастающий в кашель. Потом — голос Орлова:

— Это что-то новенькое...

— Да уж, не старенькое... Мы следим за ходом человеческой истории. Предотвращаем попытки поклонников Гитлера вручить Третьему рейху ядерную бомбу, фанатам Наполеона не даем вооружить его войска пулеметами, почи-

тателям Абу Дуабу не позволяем принести ему вакцину... Впрочем, про Дуабу вам знать не стоит. Сейчас я предотвращаю попытку воссоздания Российской Империи, которую кто-то инспирировал в начале двадцать первого века. Если это произойдет — история человечества двинется другим путем. Гораздо более тяжелым и кровавым... мы все просчитали. Так что простите, но вашу деятельность и впрямь придется пресечь. Но вы не беспокойтесь. Я не причиню вам вреда, будь вы хоть настоящий подполковник, хоть вождь русских националистов. С помощью этого приборчика... да, понимаю, он крайне странно выглядит... я переориентирую ваши интересы на что-нибудь более полезное для общества. Хотите рисовать картины? Сочинять музыку? Писать фантастику?

— Вы полагаете, я вам поверю?

— Конечно. Вы же умный человек. Вы понимаете, что прибор, наполовину состоящий из радужных силовых полей, в двадцать первом веке создать невозможно.

— Ну да. Это технология двадцать третьего.

Тишина.

— Откуда вам это известно?

— Потому что я из патруля реальности. Я — уроженец тридцать третьего века. И моя задача — чтобы восторжествовала именно моя версия истории. Та, в которой нации будут обособлены, где будут существовать империи... где жить станет куда труднее, чем в вашем сахарном сиропе... Да, я знаю про вашу ветвь реальности. Тупиковую ветвь!

— Почему это тупиковую? Звездное содружество Земли и Антареса живет счастливо!

Голос Орлова крепнет:

— Да потому тупиковую, что в начале тридцать третьего века на Землю нападут враги — цивилизация Гекко! Антарес будет выжжен протонными бомбами! Голубые равнины Спикси-3 покраснеют от человеческой крови! Земля на долгие годы станет охотничьим заповедником омерзительных бородавчатых ящериц! А знаете почему? Да потому, что только Россия с ее непрерывной междоусобицей, со своими исканиями, со своим разгильдяйством и шапкозакидательством способна была противостоять инопланетной агрессии! А растерзанная, ра-

— Ха! Ненадолго!

— Слушай, гекко. Мы в патовой ситуации. Давай выберем одну из линий реальности, которая нас обоих устраивает, и попытаемся ее...

— Я тебя с-с-ъем!

Слышен грохот. Звуки ударов. Взвизги и уханье неведомых устройств. Временами прорывается свистящий голос Ростислава: «З-з-забавное ус-с-стройс-с-ство...» и уверенный баритон Орлова: «А плазмы горяченькой не хочешь?»

Наконец звуки приобретают характер более-менее ритмичного мордобоя. Удары становятся все реже, потом стихают. Ростислав уже без шипения произносит:

— Предлагаю передохнуть.

— Поддерживаю.

Противники тяжело дышат. Голос Орлова:

— Ты мне хвост совсем сломал.

— Откуда я знал, что ты тоже гекко?

— Я не гекко. Просто в пятидесятом веке уже нет разницы в формах биологического тела... Так мы далеко не уйдем. Предлагаю кинуть монетку и решить, кто из нас победил. Пусть все решит случай.

— Удача, вы хотите сказать? Давайте. И... предлагаю вернуться к исходным формам.

— Согласен... о дьявол! Петька?

— Василий Иванович? Живой!

Кто-то из противников всхлипывает. Потом произносит:

— Ведь друзьями были... на одной стороне сражались... а?

— Предлагаю не заходить так далеко. Давай вернемся к исходным формам на момент начала нашего разговора. Я — студент Ростислав, демократических убеждений, обладающий даром предвидения...

— Хорошо, хорошо... А я — комбриг Ча... тьфу. Я политик Орлов, борец за великорусскую идею.

— Будем бросать монетку? У меня есть евро...

— Нет уж! Вот наш русский рубль.

— Хорошо.

— Я — орел, что логично. Если выпадет орел — я победил.

— Допустим. Ты орел, а я решка.

Щелчок пальцев и звук монетки, которая катится, звеня и подпрыгивая. Торжествующий голос Орлова:

— Орел! Удача на моей стороне!

— Хорошо... Это чудовищная ошибка мироздания, но... Хорошо. Прощай, Орлов!

— Прощай, Пе... тьфу, Ростислав!

Снова начинают стучать клавиши ноутбука. Звук удаляется, а мы слышим, как стучат башмаки по лестнице. Потом открывается дверь подъезда, становятся слышны звуки улицы. Щелкает зажигалка. Ростислав выдыхает дым, задумчиво произносит:

— Все-таки он дурак. «Удача на моей стороне...» Ха-ха! Только идиот добивается того, что ему действительно нужно. Умный требует обратного, чем убеждает противника в его заблуждениях... Только ты был по-настоящему умен, Адам! Только ты, любовь моя единственная... Ради тебя я пронзаю время и живу чужими жизнями, влезаю в тела ящериц и мужчин... Только ради тебя! Чтобы человечество крепло и мужало. Чтобы помнило вкус плодов, что я принесла тебе с Древа Познания... Но где же ты, где...

Шаги Ростислава затихают. Зато все громче и громче слышен звук удара по клавишам. Потом слышно, как открывается новая бутылка пива. Глоток. И тихий голос Орлова:

— Дурочка... милая дурочка... Ева... Как ты могла подумать, что я не узнаю тебя в любом обличье... С хвостом, с усами, с шашкой наголо, с козленком на веревочке, с кальяном, с пистолетом, с логарифмической линейкой, с ионным дератизатором... Глупая, глупая моя девочка... Пока люди спускают пар в пустой говорильне, размахивают лозунгами и пишут прокламации — человечество будет жить мирно. Куда страшнее, если все это запретить... И я буду провоцировать и будоражить, я буду тем клапаном, куда люди стравят свою агрессивность! Пусть жизнь человечества сложится удачно, ведь все они — люди, все они — наши дети... И пусть лишь мы с тобой заплатим за эту удачу... Ева, моя милая Ева...

Владимир Васильев

ИСПОВЕДЬ ЗАВЕДОМОГО СМЕРТНИКА

Микрорассказ

Выжить бы...

Надеюсь, получится. Глупо, конечно: из наших практически никто не ускользнул, не избежал предначертанной участи. Но я все равно надеюсь. Что еще остается?

Ничего.

Знали бы вы, насколько это ужасно: знать, что не выживешь. И все-таки я трепыхаюсь, я пытаюсь ускользнуть, уползти, спрятаться, вырваться из этого порочного и чудовищного круга.

Гляжу направо. Н-да.

Налево. Ничуть не лучше. Значит, будем глядеть прямо перед собой.

Взгляд останавливается на трупе, застывшем на полу. Это метра на три вниз. Ну вот, еще одна жертва в этой бессмысленной битве. Хотя кто назвал это битвой? Избиение. Геноцид.

Впрочем, есть немало примеров, когда и мы бивали врага. В кровь, иногда и до смерти. Но, к сожалению, это случаи единичные и несистематические. Ну, разбитая голова, ну, вспо-

ротый живот. Детские игрушки. А где масштабные операции? Где потери в рядах противника и неудержимое, как лавина, контрастступление с нашей стороны?

Нету. Слишком уж мы разобщены и молчаливы. Слишком привыкли нас уничтожать. Сама судьба, будь она неладна, предопределила это: нас выслеживают, захватывают и уничтожают. Хорошо еще если сразу и без мук. А бывает и хуже. Вас когда-нибудь запирали надолго в холоде, где нечем дышать, где вокруг лед и иней, где все внутри стынет и где прахом идут любые надежды? Завидую, если нет. А ведь есть еще и огонь, и он тоже способствует нашим мукам. Да мало ли способов посеять смерть?

По мне — так лучше холод. Угасаешь медленно, чувствуя, как жизнь медленно-медленно утекает из тебя, как цепенеют мысли, и иней так же медленно-медленно оседает на теле. По крайней мере уже не почувствуешь, как тебя, окоченелого, вынут и, чувств никаких не изведав, свернут шею.

Тыфу ты, можно подумать, я уже испытывал все это. Испытывал... А может, и правда испытывал? Откуда эти воспоминания? Пресловутая память поколений? Или это не я помню, а кто-то во мне? Или наоборот — помню не «Я» как личность, как мыслящий объект, а помнит моя телесная оболочка? У тела ведь тоже может быть память.

Чушь. Бред. Сейчас это не главное. Затаиться, замереть, не привлекать ничьих взглядов.

Некоторые умудряются на шаг столь же красивый, сколь и бессмысленный, — с высоты, навстречу асфальту. По мне — так та же смерть, только не по воле врага, а по собственной воле. К сожалению, исход все равно одинаковый.

Не хочу.

Замереть, затаиться...

Враг. Приближается. Неспешно, походкой хозяина. Лениво скользит глазами; от этого взгляда все внутри цепенеет. Кажется, он видит нас насквозь, и никакая неподвижность, никакие прятки не спасут.

Таюсь. Я маленький, я крохотный, я прозрачный. Меня вообще нет! Я выдумка! Фантом! Чего стоишь, проваливай давай, не трави душу!

Фух. Кажется, ушел. Пока живем. Надолго ли?

Ну, что, пробуем дальше? Глядите-ка, а труп, который я недавно видел, уже убрали. Быстро работают, этого не отнять.

Итак, куда? С высоты? Нет, это не мой путь. А какой тогда мой?

Не успеваю додумать — снова враг. Уже другой, полненький и лысый. Вот ведь пакость: нам даже такие опасны. Полненькие — в особенности. Глядит пока в другую сторону, там вроде кто-то из наших тоже пытался схорониться.

Мысли словно замерзают, остается одна, циклическая: «Не меня! Не меня!»

Гадкая мысль, не спору. Не меня, так другого. А представить себя на месте этого другого? Не хоч-у-у-у-у-у!!! И все равно — таюсь и твержу мысленно: «Не меня! Не меня! Чтоб вам всем сгореть и замерзнуть одновременно, сволочи!»

Когда придет мой черед, я буду реабилитирован за это трусливое: «Не меня!» Но сильно ли меня обрадует реабилитация? Сомневаюсь.

— Две бутылки «Клинского», пожалуйста, — говорит лысый. — Одну откройте.

— «Клинское» теперь с пробкой на резьбе, — с ленцой сообщает продавец и тянется ко мне и моему соседу.

— Да знаю я российскую резьбу, — бурчит лысый. — Плоскогубцами не свернешь. Откройте.

Последнее, что я вижу перед глотком воздуха и падением в преисподнюю, — тянущийся к моей шее-пробке ключ с эмблемой «Клинского».

Трудно быть пивом...

*октябрь 2004
Москва, Соколиная Гора*

Борис Руденко

ПРОЕКТ «СТАТИС»

Пермяков стянул с глаз черную повязку и некоторое время подслеповато моргал.

— Очень симпатично, — произнес он, осмотревшись. — Неплохое гнездышко. Даже уютное.

Насчет уюта он изрядно преувеличивал. Общая площадь квадратного помещения составляла тридцать шесть метров, но стеллажи вдоль всех стен, сплошь заставленные всевозможными припасами, существенно сокращали объем.

— Вот это совершенно лишнее. — Пермяков показал испачканным известкой пальцем на телевизор, и Левзин нахмурился.

— Почему?

— Во-первых, внешняя антенна рано или поздно демаскирует саркофаг. А во-вторых, даже с антенной вы ничего не сможете увидеть.

— Почему? — В голосе Левзина слишком быстро появилось раздражение, но Пермяков не удивился. За последние несколько месяцев они друг другу изрядно надоели.

— Это же просто, — терпеливо сказал он. — Скорость восприятия изображения в саркофаге уменьшится в тысячу раз. Экран для вас всегда будет просто светиться ровным светом. Ну, может, иной раз потемнеет на несколько секунд во время ночных перерывов вещания.

— Вы полагаете, что до этого я без вашей подсказки бы не додумался? — с ядовитой вежливостью осведомился Левзин.

— Нет, конечно, — ответил Пермяков, но, осознав оскорбительную двусмысленность фразы, поспешил уточнить: — Мы ведь об этом с вами уже говорили.

— Это видеодвойка, — снисходительно бросил Левзин. — А вон там, — он указал на картонные коробки у стены, — две тысячи кассет и дисков с кинофильмами.

— Вы намерены просмотреть их все за месяц?

— Конечно, нет. Просто люблю, когда есть достаточный выбор. Сколько времени вам потребуется для монтажа оборудования?

Пермяков ответил не сразу. Вначале еще раз задумчиво обвел взглядом помещение, открыл и закрыл дверь в крохотный санблок.

— Если бы вы разрешили взять помощника, я бы справился часа за три-четыре.

— Никаких помощников! — воскликнул Левзин. — И вы прекрасно знаете почему.

— В таком случае к завтрашнему утру, не раньше.

— Тогда можете приступать. — Левзин повернулся и вышел. Задвигая за собой тяжелый люк, крикнул в щель: — Я приеду завтра в десять.

Они познакомились восемь месяцев назад, и произошло это абсолютно случайно, если учесть, насколько далеко друг от друга на общественной лестнице располагаются нефтяной магнат и полунисший ученый, известный лишь в узких кругах столь же узких специалистов. Левзин был не чужд тщеславия и регулярно тратил некоторые суммы на гранты и стипендии, создавая вокруг своего имени ореол просвещенного мецената — покровителя отечественной науки. С той же целью он изредка принимал приглашения на научные семинары и симпозиумы, которые ему регулярно слали их организаторы в надежде на финансовую помощь для своих проектов. Бросать деньги на ветер Левзин не любил. Милостиво выслушивая в свой адрес лесть жаждущих подаяния, в такой помощи, как правило, отказывал.

И хотя его участие в подобных мероприятиях было чисто символическим, несколько раз в год Левзин все же ненадолго

появлялся среди плохо одетых и дурно постриженных людей, считающих себя без малейших на то оснований интеллектуальной элитой общества.

Та конференция проводилась под эгидой ЮНЕСКО и была посвящена неким свойствам пространства-времени, достоверно исчисленных математиками и абсолютно нереализуемых в каком бы то ни было материальном виде. Своим присутствием в качестве почетных гостей конференцию удостоили несколько высших чиновников государства, встречи с которыми Левзин считал для себя не лишними. Собственно, только поэтому он там и появился. По счастью, в день открытия конференции длинных научных докладов не было. Но все же часа полтора Левзину пришлось поскучать, выслушивая приветственные речи и перечисление имен участников. Затем мероприятие перетекло в банкетный зал, накрытый для торжественного фуршета. Оказавшись в нужном месте в нужный момент, Левзин перекинулся несколькими полезными фразами с интересующими его лицами, выпил пару рюмок коньяка весьма среднего достоинства и уже собирался благополучно покинуть высокое научное собрание. В этот-то момент он и увидел Пермякова.

Правильнее сказать: не увидел, а осязал. Неожиданный толчок в плечо заставил Левзина пошатнуться. Он потерял равновесие и неминуемо свалился бы, кабы сильная рука не ухватила его за талию.

— Прошу прощения, — смущенно произнес звучный баритон. — Какой-то растяпа уронил на пол маслину. Я едва не упал!

— Ничего. — Скрывая досаду, Левзин смотрел на высокого человека лет тридцати пяти с небольшой густой бородкой. Незнакомец был похож на викинга, какими их показывают в голливудских фильмах. У маленького и довольно тщедушного Левзина люди подобной внешности всегда будили комплекс неполноценности, поэтому в своем окружении он терпел их только в роли телохранителей.

— Кажется, мы с вами встречались, — добродушно сказал незнакомец. — Вы ведь были в прошлом году на симпозиуме в Стокгольме?

— Был, — согласился Левзин.

— Пермяков, институт биофизики.

Левзин был вынужден пожать твердую ладонь и ответно представиться:

— Левзин.

— Здесь собрался очень сильный состав, — сказал Пермьяков, словно продолжал прервавшуюся беседу. — Жаль только, что все это просто разговоры ни о чем.

— В каком смысле?

— В том самом, что в перемещении во времени, даже если его когда-нибудь можно будет осуществить технически, для человечества нет никакой пользы.

Через полчаса у Левзина должна была состояться деловая встреча. Не из самых важных, но, уж конечно, намного полезнее, чем этот пустой треп за фуршетным столом. И все же сейчас он отчего-то не торопился уходить.

— Вам неинтересно заглянуть в будущее? — улыбнулся он. — Или лучше узнать, свое прошлое?

— Конечно, интересно. Но это невозможно.

— Даже теоретически?

— Вот именно.

— Я понимаю, — кивнул Левзин. — Параллельные временные линии и все прочее — об этом сегодня что-то говорили. Это прошлое не будет нашим, как, собственно, и будущее.

— Нет, — помотал головой Пермьяков, — дело совсем не в этом. Я вообще не уверен, что предположение о временных линиях соответствует истине. Все намного проще. И сложней. Вот посмотрите-ка!

Он взял из вазы краснобокое яблоко и положил на край стола.

— Предположим, это Земля. Сегодня и сейчас. Как вы знаете, она не стоит на месте. Вращаясь вокруг Солнца, завтра она переместится вот сюда. — Он передвинул яблоко. — Послезавтра — уже сюда, и так далее. Но Солнце тоже движется по орбите вокруг центра Галактики, которая также имеет свою траекторию движения в пространстве. Фактически мы с колоссальной скоростью несемся по Вселенной по сложнейшей траектории. И даже приблизительно рассчитать ее не имеем возможности из-за недостатка данных. Но двигаясь по координате времени, мы останемся неподвижными относительно пространственных координат. Перескочив с помощью некой Машины Времени хотя бы на сутки в будущее, мы очу-

тимся в миллионах километрах от этого зала. Земля убежит от нас на огромное расстояние. То же самое и с прошлым. Совершив прыжок назад, мы обнаружим, что Земли здесь нет. Еще нет. В абсолютном вакууме нам придется ждать ее ровно столько времени, на сколько мы переместились. А это будет скучновато. Причем я не уверен, что дождемся.

Пермяков взял яблоко и с хрустом откусил кусок крепкими зубами.

— Самое печальное, — продолжил он, — что вернуться мы в обоих вариантах скорее всего не сумеем.

— Почему же? — Разговор этот Левзина невольно интересовал все больше.

— Это еще проще, — охотно принялся объяснять Пермяков. — После окончания временного прыжка машина начнет двигаться по своей собственной траектории, которая будет сильно отличаться от прежней. На нее уже не будет действовать земная и солнечная гравитация, возможно, даже проявятся какие-то иные силы. Доли секунды окажется достаточно, чтобы наши пути с Землей разошлись навсегда. Мы просто потеряемся в Космосе, представляете?

Левзин представил и поежился.

— Действительно невеселые перспективы, — сказал он. — Вы просто разрушаете всякие надежды.

— Мечты, — поправил Пермяков. — Фантазии. Надежды я не разрушил.

— Разве есть какая-то разница?

— Есть, и очень значительная. Надежда — она-то как раз сохраняется, — непонятно ответил Пермяков. — И даже больше, чем надежда.

— Ну что ж, приятно было познакомиться. — Левзин решил, что этот разговор пора заканчивать, и демонстративно взглянул на часы. — Пожалуй, мне пора.

— А вам бы хотелось отправиться в будущее? — внезапно спросил Пермяков. — Только, уж извините, без возврата.

— В абсолютный вакуум? — усмехнулся Левзин.

— Зачем же! Нормальное, земное. — Пермяков не думал улыбаться, и Левзин ощутил легкое раздражение. Время бессмысленной болтовни для него уже давно миновало.

— Не сегодня, — сухо произнес он. — У меня еще несколько важных встреч.

— Между прочим, я задал вопрос совершенно серьезно. — Пермяков протянул свою визитку. — Такая возможность в принципе существует. Я могу вам показать кое-что интересное, если вы как-нибудь заглянете в мою лабораторию.

— Возможно... Мне пора!

— Приходите обязательно, — сказал Пермяков с удивившим Левзина нажимом. — Путешествие в будущее — не фантастика!

— Как-нибудь, — обронил Левзин, уже решивший, что выбросит визитку в ближайшую урну для мусора. — Всего хорошего!

Но визитку Пермякова он не выбросил.

Страх, что по пути наверх возникнут немалые трудности, оставил Левзина, когда он убедился, что толстые стальные засовы легко вышли из своих пазов. Люк повернулся, открывая бетонные ступеньки уходящей вверх лестницы. Здесь все выглядело совершенно так же, как и месяц назад. Даже пыли не прибавилось. Собственно, пыли в замкнутом пространстве взяться было неоткуда. Перед внешней дверцей Левзин остановился и прислушался, напрягая слух едва не до боли. Он услышал лишь частые удары собственного сердца. Ни малейшего звука не доносилось извне. Сдвинув очередной засов, Левзин осторожно тронул дверь, потом толкнул сильнее — никакого эффекта. Так и должно быть, об этом Пермяков предупреждал. За прошедшее время во внешнем мире могли произойти немалые перемены.

Левзин присоединил к механизму сброса таймер и, задержав дыхание, включил. Прибор послушно защелкал, отсчитывая положенные секунды, а Левзин торопливо сбежал вниз. Время тянулось невыносимо медленно, но в конце концов наверху бухнуло глухо и мощно, толчок медвежьей лапы взрыва Левзин ощутил даже сквозь десятисантиметровую броню люка. Торопясь, вновь откинул люк и тут же зашелся кашлем в облаке ворвавшейся пыли. Но прежде чем зажмуриться, успел увидеть лившийся сверху дневной свет. Все в порядке, путь был свободен.

Сердце вдруг забило так сильно, что Левзин был вынужден опуститься на койку. Там, наверху, его ждал новый неизвестный мир, и Левзин понял, что боится. Он испытал

острый приступ тоски и отчаяния. Зачем он это сделал?! Спокойно, сказал себе Левзин. Все в порядке, у него не было иного выхода. Его травили, его загнали в угол, но он сумел обмануть всех своих врагов. Он победил!

Сумка давно уже была собрана. Несколько банок консервов, пачка галет. Документы. Зачем, ему, собственно, эти старые бумажки? Ладно, потом увидим... Бриллианты в замшевом мешочке Левзин положил в потайной внутренний кармашек брюк. Поколебавшись немного, он сунул в карман куртки маленький пистолет величиной с ладонь. Лишняя предосторожность не повредит, а избавиться от него он сможет в любой момент. Кажется, все!

Пыль на лестнице уже осела. Ювелирно рассчитанный взрыв аккуратно выдавил наружу внешнюю дверцу вместе со слоем почвы, образовав довольно узкий лаз, через который Левзину пришлось протискиваться почти ползком. Хотя облачная пелена полностью затягивала небо, дневной свет все равно показался Левзину слишком ярким. Он приложил ладонь козырьком ко лбу и огляделся, жадно отыскивая признаки перемен, и не находил их. Был теплый летний день. С каменистого склона холма Левзин видел густой кустарник, лес и кусочек разбитой бетонной дороги, по которой он в последний раз приехал сюда пятьдесят лет назад. Левзин посмотрел правее и увидел мощный дуб, стоявший отдельно от прочих деревьев. Дуб точно так же стоял там и тогда, когда за Левзиным закрылась дверь в это подземелье. Такого не могло быть! Так пятьдесят лет или всего лишь месяц? Подозрение, которое всегда сохранялось в одном из уголков разума, вспыхнуло с новой силой. Теперь уже не волнение, а ярость вбросила в кровь новую порцию адреналина. Пермяков обманул его? Кинул, как мальчишку, поманив дурацкой фантазией?

Нет, нет, спокойно. Левзин не ребенок, он все проверял лично, буквально на ощупь. И все же дуб и старая бетонка не могли сохраниться в прежнем виде. А собственно, почему? Дубы растут намного дольше. Бетонка могла оказаться окончательно заброшена. Что с ней станет, если по ней никто не ездит! Понемногу Левзин начал успокаиваться. В любом случае истина откроется очень скоро. И если эта истина не устроит Левзина, он не завидует Пермякову. Тому не удастся

спрятаться нигде, как бы он ни старался. Левзин найдет его, несмотря ни на что.

Закинув сумку на плечо, он начал спускаться, слегка оскальзываясь на камнях. До границы кустарника оставалось всего несколько шагов, когда Левзин внезапно услышал странный свистящий звук, приближавшийся из-за вершин деревьев. Скорее из осторожности, чем от страха, Левзин метнулся под защиту густых ветвей, поднял голову и обмер. Чуть в стороне от него над лесом плыл огромный, сверкающий в солнечных лучах серебристый аппарат совершенно незнакомых очертаний. Он имел форму равнобедренной трапеции, передвигающейся большим основанием вперед. Брюхо его выглядело абсолютно гладким, без малейших признаков шасси или иных посадочных устройств. Аппарат плавно замедлил ход, почти остановился, а потом вдруг, не разворачиваясь, прыгнул влево вверх, удаляясь с колоссальной скоростью, и уже через несколько секунд скрылся из виду.

Левзин с хрипом вытолкнул застывший в легких воздух, выбрался из кустарника и, едва перебирая непослушными, негнущимися ногами, зашагал к опушке.

Тучи сгушались над его головой. Пока что это были не совсем тучи — так, вполне безобидные на первый взгляд облачка, но Левзин остро ощущал приближающуюся опасность, исключительное чутье его еще никогда не подводило. В стране готовились какие-то серьезные перемены. Пока еще невнятно, как бы полупшепотом на них намекали Левзину его контакты в правительственных и банковских сферах, сами-то не уверенные в том до конца и склонные рассматривать даже собственную информацию лишь в качестве предположения. Однако Левзин чувствовал: все это неспроста.

По сути, готовиться к подобному развитию событий он начал далеко не вчера. Потихоньку и незаметно для окружающих сбрасывал мелкие пакеты акций своих компаний, переводил некоторые суммы на счета доверенных зарубежных банков, прикупал без особого шума недвижимость подальше от рубежей неласковой Родины. Он делал это, хотя отлично понимал невозможность для себя раствориться без следа даже при наиболее неблагоприятном стечении обстоятельств, потому что стал слишком известной, слишком заметной фигу-

рой. Ему уже не удастся укрыться где бы то ни было, мир чересчур мал для этого.

Левзин не считал себя вором, потому что он просто брал то, что в какой-то момент предлагали ему полезные друзья и обстоятельства. Так делали все, у кого сохранялась в смутные времена хоть капля здравого смысла. Беда была в другом. Чтобы стать тем, кем он теперь есть, иной раз приходилось идти не только по головам, но и по трупам. Сколько их было всего — Левзин не помнил, потому что не любил обременять себя неприятными воспоминаниями. Но это наверняка помнили его недруги, в том числе из самого близкого окружения. Здесь таилась главная опасность. Одно дело — почти легальный дележ ничейной собственности, и совсем другое — прямой криминал. Никто не будет разбираться в том, что некие осуждаемые цивилизованным обществом действия Левзин просто вынужден был совершать исключительно ради сохранения собственной жизни. Проклятое цивилизованное общество уже успело позабыть мрак пещер, из которых само вылезло совсем недавно, если судить по меркам истории...

Смятый картонный прямоугольник с фамилией Пермьякова вывалился из его кармана как-то утром, и Левзин вспомнил их недавний разговор. А потом улыбнулся внезапной сумасшедшей надежде. «Чушь, глупости», — сказал он самому себе, страстно желая чуда. Не признаваясь в том никому, Левзин верил в чудеса, хотя и несколько своеобразно. Материалисты раздражали Левзина, однако он никогда не показывал этого внешне. Успех в сегодняшнем обществе немало зависел от терпимости к чужим убеждениям и заблуждениям. Впрочем, публичную демонстрацию и первого, и второго Левзин относил к слабостям. Поэтому его личный астролог составлял ему гороскопы на день, неделю и месяц, получая кругленькую сумму не только за работу, но и за молчание.

Набирая телефонный номер, Левзин дал себе слово, что, если Пермьяков не вспомнит его в первую секунду, немедленно бросит трубку.

— Это Левзин, — безразлично произнес он. — Помню, вы хотели мне что-то показать. У меня как раз выдались свободными часа полтора...

Пермьяков не только вспомнил, но и совершенно искренне обрадовался.

— Конечно! Приезжайте! — воскликнул он. — Вы не представляете, насколько вовремя позвонили. Именно сегодня мне действительно есть что вам показать.

Снаружи здание института выглядело намного пристойней, чем изнутри. Левзина это не удивило и не шокировало, он уже не раз бывал в бывших цитаделях отечественной науки, ныне почти заброшенных и разваливающихся. Пермяков вел его пустыми коридорами, начав уже с порога рассказывать о своей работе, пересыпая речь непонятными Левзину терминами. Левзин не особенно вслушивался: еще ни одному просителю от науки не удалось таким примитивным образом вытянуть из его кармана хотя бы доллар. Далекие радужные перспективы Левзина не завораживали.

Наконец они оказались в небольшой комнате, заставленной широкими столами и шкафами с приборами. Здесь царили неприятные запахи, заставившие Левзина недовольно покрутить носом, но Пермяков этого не заметил.

— Вот посмотрите! — гордо сказал Пермяков, подводя гостя к самому дальнему шкафу.

За толстым стеклом Левзин увидел странную конструкцию, составленную из золотистых проволочек и прозрачных цветных кристаллов. Она напоминала одновременно клетку и модель молекулы, какие Левзину в свое время демонстрировали на школьных уроках химии. Нет, на клетку это все же было похоже больше, потому что там, внутри, в полной неподвижности сидела лабораторная белая мышь.

— Это ваша машина времени? — Левзин не счел нужным смягчать язвительность тона, однако Пермяков не обиделся.

— Вы угадали, — ответил он с какой-то трепетной гордостью. — Это и есть машина времени. Точнее, ее действующая модель.

Левзин разозлился, но решил испытать чашу до конца и принял игру.

— Я понимаю так, что, когда вы ее включите, мышь должна исчезнуть? — предположил он.

— Нет, — засмеялся Пермяков. — Машина уже включена. Она работает. И мышь не исчезнет.

— В чем же тогда фокус?

— А вы наблюдайте за мышью, — предложил Пермяков.

Две или три долгие минуты Левзин неотрывно смотрел на зверька, но так и не обнаружил никаких перемен в его поведении.

— Будет лучше, если вы объясните. Дохлых мышей мне приходилось видеть и раньше.

— Мышь живая, — возразил Пермяков. — К сожалению, сейчас мы не имеем возможности измерить температуру ее тела, но я вас уверяю, что она равна сорока одному градусу, как и должно быть. Она сидит так уже четверо суток и просидит еще трое. Внутри этого прибора все жизненные процессы замедляются в сотни и тысячи раз. По сути, мышь сейчас находится в прошлом. Естественно, по ее собственному времени. Через три дня, когда опыт будет завершен, ее биологические часы успеют отсчитать всего лишь несколько секунд. И тогда она окажется в будущем. Вы меня поняли?

— Не совсем, — пробормотал Левзин. — Вы хотите сказать, что наша неделя оказалась для нее сжатой в несколько секунд?

— Вот именно! Теперь вам ясно, что я имел в виду, когда говорил о реальности путешествия в будущее?

— Значит, этот прибор... — Левзин потыкал пальцем в стекло. — Ну что ж! Думаю, мышам повезло. А что вы предложите людям?

— Я же объяснил, что это всего лишь действующая модель. — Пермяков, кажется, начал сердиться непонятливости гостя. — На полноценную установку у нас, как всегда, не хватает средств. Мне не дают денег. Даже маленькую мышь я могу отправить в будущее всего на неделю. С увеличением срока расходы растут почти в геометрической прогрессии. Но это лишь технические трудности.

— Экономические, — машинально поправил Левзин. — Финансовые...

Он вновь пристально смотрел на мышь в золотистой клетке.

— Она пошевелилась! — воскликнул он. — У нее чуть-чуть изменилось положение хвоста!

— Естественно, — кивнул Пермяков. — За несколько секунд любая мышь успевает совершить очень много движений. Ведь она не спит. Она просто живет в ином темпе времени.

Медленно, но перед Левзиным все же начал открываться смысл того, что он сейчас видел. Истинный, настоящий смысл, который был недоступен Пермякову.

— Полагаю, ваш эксперимент требует очень большого количества энергии? — спросил он.

— Почти совсем не требует, — с удовольствием ответил Пермяков. Кажется, именно этого вопроса он ждал с самого начала. — Устройство работает по принципу волчка. Нужен некоторый начальный импульс — его величина и определяет протяженность, условно говоря, перемещения в будущее. В принципе прибор можно смонтировать даже в обыкновенной квартире. Наш волчок постепенно останавливается, а внутренний и внешний темп времени сравниваются.

— А если эксперимент прервать прямо сейчас?

— Представьте себе, что ваше сердце вдруг начало сокращаться с частотой сто двадцать ударов в секунду. Произойдет своего рода темпоральный удар. Результатом будет мгновенный разрыв сосудов. Мышь немедленно погибнет. Хотите в этом убедиться? — Пермяков сделал движение к приборной доске.

— Не нужно, — поспешил остановить его Левзин. — Думаю, что вы уже экспериментировали в этом направлении.

— Я обязан был проверить все варианты, — пожал плечами Пермяков.

— Забавно, — сказал Левзин. — Действительно забавно. Что ж, спасибо. Очень приятно было с вами познакомиться. К сожалению, мне уже пора. Я вам обязательно позвоню... Кстати, насколько широк круг тех, кто посвящен в этот эксперимент?

— Изобретение пока не прошло процедуру патентования, — ответил Пермяков. — Естественно, пока я его не афиширую.

— Но меня-то вы пригласили?

Пермяков вздохнул и широко развел руки.

— Вы — другое дело. Не стану скрывать меркантильного интереса. Ваша поддержка отечественной науки известна достаточно широко. Впрочем, я ни на чем не настаиваю. Может быть считать ваш визит просто экскурсией.

— Я вам позвоню очень скоро, — пообещал Левзин. — Возможно, я сумею чем-нибудь вам помочь... я имею в виду вашему институту. Благодарю, мне было очень интересно...

С того дня он встречался с Пермяковым еще несколько раз, внимательно присматриваясь, прощупывая его, и никогда тот не начинал разговора о своей установке первым. Он вообще не упоминал о ней, не получив вопроса собеседника — будто в самом деле был полностью равнодушен к результатам собственной работы, — и Левзина это злило. Он подозревал здесь какую-то игру, смысла которой не мог понять. Это было похоже на фехтование через непрозрачную занавесь или на партию покера, в которой игроки — все как один — играют втемную. В этих играх Левзин неизбежно проигрывал.

Переворачивать карты картинками вверх первым неизменно приходилось ему.

Впрочем, Пермяков сомнений Левзина словно не замечал вовсе. Услышав вопрос, начинал говорить с большим удовольствием и весьма подробно, чем в значительной степени развеивал тайные подозрения собеседника. В конце концов Левзин убедил себя, что Пермяков просто-напросто бесхитростен и глуп. В житейском, разумеется, отношении. Ученый оставался обыкновенным чудаком, неопасным энтузиастом-романтиком, и это Левзина вполне устраивало. Левзина очень интересовал процесс возвращения мыши-путешественницы в реальное время, он хотел лично наблюдать окончание эксперимента, и просьбу его Пермяков немедленно исполнил. Правда, сидеть возле золоченой клетки в лаборатории Левзину пришлось битый час: Пермяков предупредил, что точный момент синхронизации рассчитать невозможно. Но в конце концов Левзин увидел, как неподвижная мышка шевельнулась, затем совершила еще несколько медленных, словно неуверенных движений и наконец «ожила» полностью. После недельного пребывания в полной неподвижности она выглядела абсолютно здоровой и невредимой.

Наступил день, когда Левзин решил поговорить с Пермяковым напрямую.

— Как бы вы поступили, если бы получили финансовую возможность изготовить ваше устройство в натуральную величину? — спросил он.

— Я бы хорошо подумал, — ответил Пермяков после небольшой заминки.

— О чем?

— О том, каким образом это сделать, — объяснил Пермяков. — Сразу же возникает масса проблем. Видите ли, в лабораторных условиях аппарат можно только собрать. Придется искать предприятия, способные изготовить необходимые узлы и комплектующие. А при сегодняшнем состоянии нашей промышленности это далеко не просто.

— Можно заказать детали за границей.

— Представляете, в какую сумму это влетит! — воскликнул Пермяков.

— Сумма пусть вас не волнует. Сейчас меня интересует принципиальная возможность.

Пермяков еще немного поразмыслил.

— Все зависит от размеров аппарата.

— Допустим, он должен быть достаточным для того, чтобы отправить в будущее одного человека. Разумеется, не на неделю.

— А на сколько?

— Предположим, лет на тридцать или пятьдесят. Или даже на сто.

— Это возможно! — горячо воскликнул Пермяков. — Если бы я смог поставить полноценный эксперимент хотя бы годовой длительности. На добровольце... Нет! — тут же поправился он. — На самом себе! Под наблюдением компетентной и беспристрастной комиссии, представителей прессы... Сомнения скептиков отпали бы навсегда. Но неужели вы хотите сказать, что готовы... что собираетесь?..

— Я готов финансировать ваш проект, — кивнул Левзин. — Но только на определенных условиях.

— Согласен на любые, — поспешил заверить Пермяков.

— Вначале выслушайте меня до конца. Ни о какой публичной демонстрации речи быть не может. Заказ будет сугубо приватным...

Пермяков пристально смотрел на Левзина, и во взгляде его постепенно проступало понимание. Нет, абсолютным идиотом этого ученого, конечно же, назвать было нельзя. Он спокойно дослушал Левзина до конца и отнесся к его предложению вполне по-деловому. Слава, известность — эти нематериальные понятия прекрасно переводились на сухой язык цифр. Пермяков оценил их в один миллион долларов налич-

ными, чем Левзина слегка разочаровал. Дальше миллиона у вчерашних «совков» фантазия не срабатывала. Во всяком случае, определение гонорара не заняло и минуты. Но после того, как разговор их перешел в сугубо техническую плоскость, Левзину пришлось удивляться точности и оригинальности замечаний будущего директора проекта. Проекта, который Пермяков предложил (а Левзин это предложение принял) отныне именовать «Статис».

Прежде всего предстояло выбрать место размещения саркофага, который должен был на десятки лет укрыть Левзина от внешнего мира. Разумеется, ни квартира, ни даже специально оборудованный подвал загородного дома для этого не годились — там его станут искать в первую очередь. Не годился, впрочем, и любой другой подвал: в течение пятидесяти лет, на которые намеревался уйти из мира Левзин, невозможно было гарантировать, что кому-то не придет в голову заняться именно здесь архитектурной перестройкой. Но ответ на этот вопрос у Левзина уже был. Он бы не начал разговора с Пермяковым, если б не представлял, как справиться с проблемой.

Заброшенные еще в XIX веке каменоломни в одном из уголков Ярославской области вполне отвечали необходимым требованиям. Там давно не ступала нога человека, близлежащие к ним деревни давно уже вымерли в результате экономических экспериментов. Доверенный человек Левзина отыскал о них сведения в архивах. Ему же предстояло организовать в каменоломнях сооружение бункера.

Пермякова в эти детали Левзин не посвящал. Кроме самого Левзина, о расположении убежища не должен будет знать никто. Само по себе это составляло суть отдельной проблемы, но Левзин знал и ее решение.

Технические вопросы, связанные с изготовлением аппарата, полностью легли на плечи Пермякова. Левзин открыл на его имя счет в одном из своих банков. Левзин видел Пермякова насквозь и не боялся, что тот его обманет: реализовать свою научную идею, исполнить мечту жизни для этого ученого червя было намного важнее всего остального.

От ближайшего населенного пункта старые каменоломни отделяли десять километров. По крайней мере так было пятьдесят лет назад, в тот день, когда он привел в действие «Ста-

тис», и хотя Левзин надеялся, что за прошедшие годы население окрестностей возрастет, но в принципе был готов к тому, что проделать этот путь придется пешком. Старая бетонка удлиняла дорогу чуть ли не вдвое, поэтому Левзин решил идти напрямик через лес, сообразуясь с показаниями компаса.

Интересно, который теперь час? Левзин взглянул было на безотказный «ролекс», но тут же усмехнулся. «Ролекс» наверняка отставал или убежал вперед по сравнению с действительным временем — Пермяков об этом предупреждал. К сожалению, небо было закрыто толстым облачным слоем, и определить время наступления сумерек Левзин не мог. Допустим, сейчас раннее утро, сказал он себе. Даже если это не так, ночевка в лесу его не страшила. По сравнению с тем, от чего избавлял его этот мир и что должен был принести, такие мелочи в счет не шли. Левзин мирился даже с тучей комаров, сопровождавших его голодной стаей, едва он ступил под древесные своды.

Поселок, в направлении которого двигался Левзин, находился на пересечении железнодорожной и автомобильной магистралей. Поселок носил имя Скалкино. И хотя Левзину оно не понравилось с самого начала, он не сомневался, что обнаружит поселок на том же самом месте. Пятьдесят лет — слишком малый срок для радикальных перемен в организации путей сообщения. Если, конечно, за это время радикально не изменился сам транспорт. Но поселок в любом случае исчезнуть полностью никак не мог.

Иди было трудно. Участки относительно чистого леса попадались редко, сменяясь густым кустарником, буреломом и неглубокими, но топкими болотцами, преодолевать которые напрямик Левзин не рисковал. К тому же за месяц, проведенный в бункере, его мышцы отвыкли от долгой ходьбы по пересеченной местности. Левзин констатировал, что в этом отношении тренажер «бегущая дорожка», на котором он проводил непременно полчаса каждый день своего месячного заключения, помог мало. Поэтому он все чаще вынужден был останавливаться, давая себе короткие передышки. Во время этих остановок он всякий раз напрягал слух, пытаясь услышать шум железной дороги или автомобильных моторов, но вокруг по-прежнему стояла нетронутая цивилизацией тишина, которая постепенно превращалась для Левзина в источ-

ник все большей и большей тревоги. Что, черт возьми, они тут натворили всего за полста лет?!

Он перелез через толстый ствол сваленной ветром и временем ели и замер, уловив уже знакомый звук. Именно этот режущий свист сопровождал полет неизвестного аппарата. Звук приближался из-за спины, сила его увеличивалась с каждой секундой, и в какой-то момент Левзин присел под его давящей мощностью, закрыв уши руками. Плотные кроны деревьев не давали возможности разглядеть летящий объект, но даже прорвавшиеся сквозь хвою и листву неясные тени позволили Левзину почти физически ощутить его колоссальные размеры и массу. Свист достиг своего максимума, начал спадать и скоро полностью растворился в воздухе, оставив напоминанием лишь звон в ушах. Левзин потряс головой и довольно усмехнулся. Теперь он внезапно уверился, что шел в правильном направлении. Летающий корабль, конечно же, тоже направлялся в это дурацкое Скалкино. Левзину стало понятно, отчего он до сих пор не слышит звука проходящих поездов, — поезда уже не ходят, потому что просто не нужны.

И будто отвечая на его предположение, земля едва заметно дрогнула под ногами, а спустя несколько секунд Левзин услышал густое и низкое «У-уп-п!» — этакую сытую отрыжку суперкашалота.

Бункер строили гастарбайтеры — в основном таджики. В начале апреля их привезли в автобусе с темными стеклами, поселили возле каменоломен в палатках, а по завершении работ спустя два месяца в том же автобусе и увезли. В отношении этих работяг Левзин не беспокоился. Дорогу к бункеру они бы не нашли, даже если бы имели возможность ее увидеть. Да они бы никогда и не попытались вернуться в эти гиблые гнусом, настолько чужие для них места.

Необходимые материалы — цемент, песок, дерево и прочее — завезли еще до прибытия рабочих единым завозом на нескольких КамАЗах, арендованных вместе с водителями в соседних областях. Тут Левзин пошел на некоторый риск, степень любопытства наемных шоферюг была ему неведома, он рассчитывал лишь на их здравый смысл: гнать сюда почти по бездорожью машины ради неясной надежды украсть невесту что — чистая романтика, на которую вряд ли многие способ-

ны. Тем более что в качестве легенды прикрытия причиной строительства в глуши называлось сооружение могильника особо токсичных отходов. Именно так полагалось отвечать на вопросы любопытствующих шоферов, дабы отбить у них остатки охоты еще раз навестить эти места.

Только два человека знали почти все: ближайшие сотрудники Левзина — Воробьев и Крамер. Они были за рулем автобуса гастарбайтеров, они привезли за несколько приемов на джипе скромную мебель для бункера, личные вещи Левзина и оборудование Пермякова. Они не знали, правда, для чего предназначалось это оборудование, как не знали и того, кто будет жить в бункере. Воробьев и Крамер были самыми надежными сотрудниками Левзина, и тем не менее тут риск был неуместен.

По завершении последнего грузового рейса Левзин вынужден был застрелить обоих около входа в бункер. Он стрелял им в затылок и утешался тем, что оба умерли мгновенно, совершенно без мучений. Тела он стащил в приготовленную яму и завалил щебенкой. Точно так же Левзин был склонен поступить и с Пермяковым, но тот с самого начала не оставил ему подобной возможности, намекнув весьма деликатно, но вполне определенно, что принял некоторые меры безопасности, в том числе и технического характера. Какие именно — он не говорил, а Левзин не спрашивал, но от намерения ликвидировать Пермякова отказался. Обещанный миллион он передал ему ровно за неделю до начала монтажа «Статиса». В новеньком чемоданчике-«дипломате» аккуратно уместилась сотня банковских пачек стодолларовых купюр, которые эта скотина не постыдился тщательно пересчитать.

Убивать Пермякова было нельзя, однако полностью полагаться на его порядочность — как и на чью либо вообще — Левзин не мог. Они вместе разработали процедуру, гарантировавшую обоюдную безопасность. Левзин привез Пермякова на место в плотной повязке на глазах да еще надежности ради с мешком на голове. Слава творцу, что по пути его джип с тонированными стеклами ни разу не остановила милиция: Левзина непременно сочли похитителем, что бы потом ни говорил «похищенный» в оправдание своего работодателя. Милиция не остановила. Пермяков стойчески выдержал шес-

тичасовой путь в повязке и мешке, включая последние двадцать километров немыслимой тряски по колдобинам разбитой бетонки. Потом Левзин отвел его на холм и, отворив замаскированную дверь (конструкцию входа, кстати, тоже разработал Пермьяков), помог сойти по ступенькам вниз. Высокий Пермьяков хватался в поисках опоры руками за непросохшие еще до конца стены, но все равно приложился пару раз лбом о низкие перекрытия. И только внутри Левзин снял с его головы мешок и развязал повязку.

Все оборудование — четыре огромных ящика — было давно доставлено, на время монтажа Левзин запер Пермьякова в бункере и в Москву, конечно, не поехал. Он провел эту ночь в маленькой гостинице поселка Скалкино. Не лучшей в его жизни оказалась эта ночь. Отвратительная кухня местного ресторана, фальшивый коньяк, гнусные рожи вороватых официантов, а потом жесткая, скрипучая кровать в номере, навечно пропахшем дезинфекцией. Хорошо еще не было клопов. Левзин утешал себя лишь тем, что в свое время ему пришлось переносить и гораздо большие неудобства.

Он уходил как раз вовремя. Гроза уже разразилась. Прокуратура арестовала начальника его службы безопасности. Самого Левзина пока не трогали, но друзья в высоких сферах предупредили, что его загранпаспорт аннулирован, и попытка пересечения границы повлечет за собой неминуемый арест. Продажная пресса, ощутив запах крови, уже набросилась на него, как стая шакалов на раненого льва.

Левзин уходил отнюдь не с пустыми руками. Пока шло строительство бункера, он занимался тем, что скупал через подставных лиц произведения искусства выдающихся мастеров. Картины, скульптуры, ювелирные изделия. Одних драгоценных яиц Фаберже в его коллекции насчитывалось четыре штуки. Он потратил на это около четырехсот миллионов, заплатив намного больше, чем можно было бы, кабы он так не спешил. Левзина это ничуть не огорчало. При любом мыслимом развитии ситуации через пятьдесят лет вложенные деньги как минимум удвоятся. Все его сокровища ждали своего часа в надежных, отлично оборудованных тайниках. А на первое время его поддержат сорок прекрасно ограненных бриллиантов чистой воды весом от пяти до десяти каратов. Сейчас за них можно с легкостью выручить два миллиона долларов.

Через полвека — тоже никак не меньше, в том Левзин не сомневался ни на минуту.

Пятьдесят лет — оптимальный срок. Его личный астролог потратил целую неделю, составляя перспективный прогноз на столетие. Звезды четко указывали, что там, в будущем, Левзину отведено свое место. Астролог, конечно, не знал, каким образом и какой ценой Левзин этого будущего достигнет, и тем ценнее и достоверней выглядели его расчеты. Смешно сказать, сам астролог не верил, что девяностолетний Левзин будет еще на что-то способен. Левзин прекрасно разбирался в людях и легко читал это недоверие, усмехаясь в душе. Пожалуй, этот астрологический прогноз был тем самым аргументом, который развеял сомнения Левзина окончательно. С этими мыслями он ворочался почти всю ночь и уснул лишь под утро.

Небольшой инцидент произошел, когда он покидал малогостеприимный городишко. Дежуривший возле гостиницы милиционер в обтрепанной форме вначале долго таращился на Левзина, а потом потребовал у него документы. Левзин пожал плечами и предъявил паспорт.

— Гражданин Левзин! — обрадовался сержант, и сердце Левзина тревожно стукнуло. — А вы знаете, что вас разыскивают?

— Понятия не имею, — ответил Левзин.

— Вот! — Сержант торжественно вытащил из кармана утреннюю газету.

На первой странице Левзин увидел свое фото на полполосы и заголовок: «У прокуратуры появились вопросы к олигарху». Далее следовал полный гнусных намеков текст, завершавшийся сообщением, что Левзин официально вызван сегодня к заместителю Генерального прокурора для дачи показаний. «Попытки редакции связаться с господином Левзиным пока ни к чему не привели», — гласила последняя фраза.

— Ну и что? — спросил Левзин. — Где же сказано, что меня разыскивают? О вызове я знаю. Собственно, для этого я и собираюсь возвращаться в Москву.

Сержант если и смутился, то лишь самую малость.

— Я, это, обязан вас доставить в отдел. Там разберутся, — заявил он, разглядывая Левзина наглыми водянистыми глазами.

Левзин все понял и успокоился.

— Глаз у вас потрясающий, — искренне сказал он. — Не ожидал встретить здесь настоящего профессионала. Конечно, если обязаны — давайте поедem в ваш отдел. Боюсь, правда, это будет лишь пустой тратой времени и для вас, и для меня. Но в любом случае прошу принять от меня небольшой подарок. Это не взятка, это знак восхищения. Отличная работа требует хорошего вознаграждения.

Он достал стодолларовую купюру и нежно вложил ее в нагрудный карманчик блюстителя порядка. Тот слегка зарделся. Видимо, эта сумма намного превышала местные тарифы взятки.

— Ладно, это, чего в самом деле время зря терять, — солидно согласился он. — Короче, можете ехать.

Левзин улыбнулся ему на прощание и помахал рукой, а потом с отвращением сплюнул прямо на коврик салона джипа. Вся эта мерзость скоро останется далеко позади.

Он застал Пермякова небрежно листавшим какой-то журнал.

— Наконец-то, — обрадовался тот. — Я, честно говоря, начал бояться: не случилось ли что по дороге.

— Что со мной может случиться! — проворчал Левзин. — Вы закончили?

— Работать пришлось всю ночь, — пожаловался Пермяков. — Глаз не сомкнул.

— Ваше бдение неплохо оплачено. — Пермяков раздражал Левзина больше, чем обычно. Сегодня его все раздражало.

Он осмотрелся. Стены и потолок бункера покрывало золотистое сплетение проводов, в узловых точках сверкали граненные кристаллы. Все это действительно очень напоминало мышиную клетку, увеличенную в сотни раз. Перед дверью стоял компактный пульт с единственной кнопкой и цифровой панелью.

— Вам остается только нажать на нее, — показал Пермяков. — С этого мгновения начнется отсчет времени пребывания в статис-поле. Вашего собственного времени. Еще раз предупреждаю: после включения аппарата прервать процесс уже невозможно. Попытка покинуть объем статиса неизбежно приведет к гибели любого живого организма. Длительность

процесса рассчитана на тридцать дней. Семьсот двадцать часов или два миллиона пятьсот девяносто две тысячи секунд. Когда на таймере высветятся нули, можете смело выходить наружу. Там за это время минует пятьдесят лет плюс-минус один-два месяца. Точнее, к сожалению, сказать не могу. Но, полагаю, это не так важно. Вот, собственно, и все. Ну что ж, если у вас нет вопросов, думаю, мне пора вновь завязывать глаза...

Левзин шел за Пермяковым, борясь с сильнейшим искушением выпустить тому в затылок пулю, избавившись тем самым от последней проблемы. Словно услышав его мысли, Пермяков глухо заговорил из-под плотной мешочной ткани:

— В надежности аппаратуры я уверен на девяносто девять и девяносто девять сотых. Но сотая процента все же остается. Если таймер вдруг замрет, если раньше времени иссякнет питание — не паникуйте. Вы вновь доставите меня сюда, и я все исправлю. Однако хочу вас успокоить: критическим является только начальный период — первые два дня, когда статис входит в режим. Условно говоря, пока наша абстрактная юла набирает обороты. Потом процесс переходит в инерционную стадию, и повлиять на нее не может уже ничто, кроме атомного взрыва. Но от этого, я уверен, мы с вами оба гарантированы...

Левзин высадил Пермякова в пятидесяти километрах от бункера на остановке автобуса.

— Ну что ж, — сказал тот, — удачи! Если что-то случится, вы подберете меня здесь же. Но я уверен, что этого не произойдет.

Признаться, в этот момент у Левзина ненадолго сдавило горло. Пермякова он больше никогда не увидит. За прошедшие полгода он успел привыкнуть к этому большому ребенку, совершенно не приспособленному к жизни в нормальном обществе. Но это была лишь короткая слабость, о которой Левзин забыл уже через минуту. Он развернул джип и поехал обратно.

Левзин навсегда расставался с этим миром в тихую и теплую погоду в два часа пополудни восемнадцатого июня две тысячи шестого года от Рождества Христова. Маскировка внешней двери была идеальной. Что бы ни случилось снаружи за

пять десятилетий, он сумеет ее открыть с помощью пневматического устройства подобно тем, что сбрасывают многотонные крышки пусковых колодцев стратегических ракет.

Он запер дверь и, подсвечивая фонариком, принялся спускаться по узким ступенькам...

Последняя поездка в джипе далась Пермякову труднее всего. Часовое ожидание выстрела в голову стоило ему нескольких седых волосков. На порядочность Левзина он не надеялся и рассчитывал лишь на здравый смысл. К огромному облегчению, этот расчет оправдался. Откинувшись на спинку сиденья в рейсовом автобусе, мчавшем к Москве, Пермяков не испытывал торжества, но лишь сильнейшую усталость. И хотя он действительно не спал всю ночь, развешивая по стенкам бункера дурацкие проволочные декорации, усталость была не физической. Он переиграл этого хищника. Тонкая многоходовая партия, начатая Пермяковым полгода назад, завершилась победой. Собственно, замыслил он ее гораздо раньше, но сделал первый ход лишь после того, как обдумал все до мельчайших деталей и подготовил необходимый реквизит.

Дольше всего пришлось ждать случая вступить с Левзиным в непосредственный контакт. Знакомство должно было произойти совершенно случайно. Пермяков долго ждал подходящего момента, и та конференция оказалась чрезвычайно кстати. Зерна упали на подготовленную почву. Малообразованный и суеверный хищник клюнул на приманку. Пермяков прекрасно изучил личность своего противника, его сильные и слабые стороны, его звериное чутье, безжалостность и постоянный страх возмездия за совершенное. Именно страх должен был привести Левзина к Пермякову — так оно и произошло.

Поставить потрясший Левзина фокус с мышками было проще, чем разжевать конфетку. Укол аммиака в позвоночник почти полностью обездвиживал несчастное животное, которое сохраняло способность лишь иногда шевелить хвостиком. Сымитировать «пробуждение» оказалось еще легче. То и было самое настоящее пробуждение после наркотического сна. Мышка, разумеется, была другая, но разве мог

Левзин это понять. Для дилетанта все лабораторные мыши одинаково белы.

Пермяков не только обманул Левзина. Он его к тому же и обокрал. Стоимость оборудования «Статиса» — красивой и бесполезной игрушки — была, конечно же, намного ниже заявленной. Чтобы финансовые документы были в порядке, пришлось, разумеется, поделиться с изготовителями этого барахла, но все равно сверх гонорарного миллиона у Пермякова оставалось еще около восьмисот тысяч. Вполне достаточно, чтобы обеспечить достойную старость. Угрызений совести Пермяков не испытывал. Он рассматривал дополнительные восьмисот тысяч в качестве законной компенсации за полугодовое унижение. Все это время Пермяков с пронзительной ясностью ощущал, насколько Левзин его презирует. Несмотря на докторскую степень, авторитет в научном мире, Пермяков всегда представлял в глазах ловкого недоучки существо, сравнимое с насекомым под ногами. Ну что ж! Насекомые тоже иногда умеют больно кусаться.

Дальнейшие шаги Пермяков продумал до мельчайших подробностей. Шенгенская виза уже стояла в его заграничном паспорте, но в Европе он задерживаться не собирался. Он пробудет там ровно столько, чтобы окончательно запутать и оборвать след. А потом его ждет Австралия — научный центр в пригороде Мельбурна, куда Пермякова давно и настойчиво приглашали коллеги. Правда, тщеславные мечты о широкой научной известности придется навсегда оставить. Левзин не забудет нанесенного смертельного оскорбления. Пермяков не заблуждался по поводу того, что Левзин успешно преодолает свои текущие неприятности: в нашей стране богатых сажать не положено. Он, конечно же, примется искать Пермякова и, возможно, будет делать это с большим азартом и достаточно долго. Но скромного провинциального профессора Ирвинга (под этой фамилией Пермяков обоснуется в Австралии) ему не найти никогда.

Пермяков не смог сдерживать улыбки, представив себе лицо Левзина, когда тот ровно через месяц выползет из своей норы и поймет, как ловко и артистично его провели. Он улыбнулся, а потом рассмеялся в голос, отчего сидевшая рядом с ним женщина испуганно вздрогнула и отодвинулась на край сиденья.

Станции больше не существовало, как не существовало городка под названием Скалкино. Дымящиеся развалины обозначали местоположение бывшего человеческого жилья, в воздухе был разлит густой запах гари. Справа от себя Левзин уловил короткое движение и резко повернулся. Кошка. Она испугалась Левзина еще больше. Вытаращив безумные глаза, совершила громадный прыжок и скрылась в кустарнике.

Нерешительно помявшись, Левзин шагнул на опаленный асфальт. Происходящему должно быть какое-то разумное объяснение. Неужели мировая война? Мозг Левзина отказывался этому верить. Просидеть в тухлом подвале пятьдесят лет, спрессованные в месяц, чтобы поспеть к началу апокалипсиса? Нет, нет, только не это! Чеченские террористы? Какого черта им делать в этой глуши! «Землетрясение!» — осенило его. Ну конечно! Астролог что-то говорил о грядущих природных катаклизмах. Наплевать, что в средней полосе землетрясения редкость. Именно поэтому его последствия оказались столь катастрофичны. Но почему он его не почувствовал в бункере? Да разве он мог почувствовать, находясь в совершенно ином ритме времени! А бункер просто отлично выдержал толчки. Молодцы таджики, поработали неплохо.

Левзин почти успокоился. И все же требовалось как можно скорее найти подтверждение догадке. Немедленно... Осталась здесь хоть одна живая душа?

Он медленно шел по бывшей улице, всматриваясь влево и вправо, отыскивая хоть какие-то признаки жизни. Все напрасно. Разрушение царило повсюду, разрушение и смерть. Из кучи кирпича и бетонных обломков торчала обнаженная человеческая рука с раскрытой ладонью. Подавляя рвотный позыв, Левзин поспешно отвернулся. Где же спасательные команды? Не успели добраться? А как же тот летающий сундук, что оглушил его в лесу шумом своих двигателей?

В направлении центра Левзин увидел здание, выглядевшее издали наиболее сохранившимся среди прочих. С той стороны доносились какие-то механические звуки, скрежет и стук. Наверняка это работали спасатели. Он ускорил шаг, свернул в переулок и принужден был остановиться. Дальнейший путь баррикадой перегораживали обломки рухнувшей многоэтаж-

ки. Чтобы миновать препятствие, приходилось обогнуть целый квартал. «Как бы не уехали!» — мелькнула мысль. Торопясь, побежал, перепрыгивая через строительный мусор, и через несколько минут выскочил на относительно чистое пространство, откуда смог разглядеть происходившее возле здания, от которого его отделяло не более двухсот метров.

Конечно, это были спасатели. Одетые в незнакомые Левзину серо-стальные облегающие одежды, они копошились около большой приземистой машины плавных очертаний, будто разыскивая что-то в кирпичном крошеве. Машина, правда, мало чем напоминала бульдозер или иную строительную технику, подобных машин Левзину не приходилось видеть никогда и нигде, но он тут же сказал себе, что за прошедшие годы могло измениться многое. На танк, впрочем, она тоже совершенно не походила. Левзин глядел на все это, справляясь с приступом легкой растерянности, как вдруг один из спасателей выпрямился и тоже увидел Левзина. Повернув голову, бросил несколько неразличимых на таком расстоянии Левзину фраз своим товарищам, которые в свою очередь принялись заинтересованно разглядывать пришельца.

Левзин взмахнул рукой и направился было к ним, но успел сделать лишь один шаг. Будто каменными палками сыграли на жестяной крыше, под ногами спасателей взвихрились выбитые пулями фонтанчики пыли, одну из серых фигурок швырнуло наземь прямым ударом летящего свинца. Левзин ошеломленно замер, а спасатели, промедлив лишь секунду, принялись действовать решительно и слаженно. Кто-то залег, кто-то бросился под прикрытие машины. Появившееся в их руках оружие засверкало странными голубыми вспышками. Мощный толчок свалил Левзина с ног, он больно врезался боком в кирпичный осколок, чье-то тело на краткий миг навалилось сверху, потом Левзина рывком подняли на ноги и прохрипели в ухо:

— Бежим! Быстрее, мать твою!..

Повинуясь инстинктивно, а не осознанно, Левзин помчался туда, куда влекла его вцепившаяся в предплечье рука. Обернувшись на мгновение, увидел, как в том месте, где он только что находился, вспух клубок синего огня.

Они бежали по развалинам, пригибаясь и прыгая из стороны в сторону, падали, замирая, потом поднимались и бежа-

ли вновь, пока спасительная зелень леса не укрыла их от внешнего мира. И Левзин, и его спаситель — человек с донельзя перемазанным сажей и известкой лицом, на котором единственными чистыми пятнами оставались странно светлые глаза, драной одежде и автоматом в руках — повалились наземь, с трудом переводя дух.

— Что это? — спросил Левзин с коротким стоном. — Кто эти люди?

— Люди? — нехорошо усмехнулся спаситель. — Ты что, с чердака спрыгнул? Какие это люди?

— А кто?

Нехорошая гримаса исказила лицо спасителя.

— Ты чего, сволочь, шутики шутишь? Или у тебя у самого чердак в путь отправился? Клуги это, не понял, что ли?

— Какие клуги? — беспомощно пробормотал Левзин. — Извините, я тут у вас ничего пока не понимаю.

— Клуги! — повторил спаситель. — Духи инопланетные. Захватчики! Да откуда ты, это, взялся?!

— Захватчики, — осевшим голосом проговорил Левзин и хохотнул дребезжащим смешком. — Значит, вторжение... Как в кино? Когда оно началось?

— Три недели назад, — свирепо отвечал спаситель. — Свалились на нас с небес, сволочи, как горох. А ты, это, где был все это время? В подвале прятался или в запое лежал?

Что-то невероятно знакомое показалось вдруг Левзину в голосе спасителя и в его необычайно светлых глазах. Жуткое предчувствие сдавило горло, словно тисками.

— Какой сейчас день... я хотел сказать — год? — через силу выдавил из себя Левзин.

— Восемнадцатое июля, — ответил человек с автоматом. — А год все тот же — две тысячи шестой.

Он замолчал, всматриваясь в лицо Левзина со все большим удивлением, но Левзин успел узнать его первым.

— Олигарх, — тихо ахнул сержант. — Как там тебя... Левзин, что ли? Так где же ты, это, все время скрывался?

Алексей Пехов

ДОЖДЬ

— *Сара Тисдейл. Ваше любимое, если не ошибаюсь...*

*Будет ласковый дождь, будет запах земли,
Щебет юрких стрижей от зари до зари,
И ночные рулады лягушек в прудах.
И цветение слив в белопенных садах;
Огнегрудый комочек слетит на забор,
И малиновки трель выткет звонкий узор,
И никто, и никто не вспомнит войну:
Пережито-забыто, ворошить ни к чему.
И ни птица, ни ива слезы не прольет,
Если сгинет с Земли человеческий род.
И весна... и Весна встретит новый рассвет,
Не заметив, что нас уже нет.*

*(Сара Тисдейл. «Сонет № 40»)
Р. Брэдбери. «Марсианские хроники.
Будет ласковый дождь»*

Далеко на западе, там, где шумел океан, небо наливалось темно-лиловым. На самой границе горизонта росла тоненькая полоска грозовых туч. Дождь. Здесь, в пустошах, его не видели уже очень давно. Грозовой фронт еще ни разу не добирался до этих мест, хотя до океана было не больше восьми-десяти миль.

По иссохшей земле медленно шел человек. Из-под его саперных ботинок, подбитых тонкими металлическими пластинками, сизыми облачками поднималась пыль. Это был высокий сутулый старик с нелепо длинными руками и ногами, с осунувшимся пепельно-серым лицом. Дубленая всеми ветрами кожа обтягивала его скулы, неровно подстриженная борода неопрятными клочьями торчала во все стороны, из-под дырявой соломенной шляпы виднелись седые волосы, собранные в хвост. Обкусанные, потрескавшиеся от полуденного зноя и недостатка влаги губы. Грязный, истершийся на коленях и локтях серо-голубой комбинезон. Пустой вещмешок с одной оборванной лямкой.

Бродяга — один из тех, кого называют перекати-полем пустошей. Такие ребята странствовали по всему континенту. А точнее, по его жалким, пригодным для жизни останкам. За спиной старика висело старое однозарядное охотничье ружье — даже нищие не осмеливались перемещаться без оружия, пускай самого паршивого из того, что можно найти в этом мире.

Человек привычным жестом потер запястье правой руки, которое украшал золотой браслет в виде змейки. И, преодолевая усталость, продолжил путь.

Земля, по которой он шел, на мили вокруг была мертва. Она растрескалась от солнечного жара, и лишь чудом можно объяснить, что кое-где уцелели чахлые полужасохшие деревца и серая трава. Растения отчаянно вцепились в почву, стараясь выжать из нее хоть немного влаги.

Слева от путника, с запада на восток, тянулись железнодорожные рельсы с занесенными песком шпалами. Памятник довоенного мира. Кусочек недостижимой и прекрасной жизни, когда дожди шли ежегодно, а мертвой земли, изъеденной радиацией, не было и в помине.

В полдень силы оставили старика. Он споткнулся. Упал. С трудом перевернулся на спину.

Темно-лиловая, кое-где иссиня-черная полоса разрослась по всей линии горизонта, набухла, как переполненный бурдюк. Гроза и дождь. Обидно, что они не приходят на эту сухую землю. Тучи будто заговоренные останавливаются на границе и проливают драгоценную влагу в океан.

Дождь. В груди бродяги защемило от тоски. Боль, которая, казалось, навсегда спряталась глубоко под сердцем, поднималась наружу. Она расцвела тускло-серым цветком и, достигнув своего апогея, разбудила то, чего старик очень сильно боялся. Сквозь сухие ветры времени, дующие над мертвыми пустошами и развалинами облученных городов, сияющих призрачным светом, немилосердно просыпалась память.

Дождь... Сколько лет он не видел этого чуда?..

Маленький поселок к востоку от Нового Утеса. Он, десятилетний мальчишка, вместе с ватагой таких же полуголодных невымытых детей.

На старом аэродроме ребята играли в «Крыс и охотников». Между ржавых остовов военных самолетов, так и не успевших подняться в небо, когда началась Последняя война, отбросившая человечество в выгребную яму безумия. Именно тогда он впервые увидел дождь. Быстрее...

...Дэйл!

Крик Келли заставил его выскочить из ямы с оплывшими от времени краями. Топая босыми ногами по раскаленной от полуденного жара земле, он поспешил за девчонкой. Та неслась впереди, и ее грязный балахон развевался на горячем ветру. Справа и слева ржавые скелеты бомбардировщиков грозно нависали над бегущими по пыльной тропинке.

Он все время видел спину Келли. Девочка была проворна, и, чтобы не отставать, приходилось очень стараться. Тропинка резко вильнула, уводя детей к далеким, осыпающимся от времени останкам ангаров. Келли ворвалась в высокую сухую траву, разгоняя громко стрекочущих кузнечиков. Насекомые испуганно брызнули в стороны.

Легкие болели, глаза заливал едкий пот, но Дейл все бежал и бежал. Так уж случилось, что им сегодня предстояло быть «крысами», а Джеймсу и компании повезло стать «охотниками».

Подруга резко остановилась и упала на землю, подмяв траву. Дэйл шлепнулся рядом.

— Чщ-щ-щ, — прошипела Келли, прикладывая грязный палец к губам. Ее карие глаза настороженно сверкнули. — Они рядом.

Мальчишка прислушался.

— Ищите их, ребята. Они где-то здесь. — Голос прозвучал, казалось, над самыми головами.

— Слушай, Джеймс. Давай уйдем отсюда. Если взрослые нас здесь увидят, то устроят трепку, — вякнул Мэтью.

— Заткнись Мэт. Делай, что я тебе сказал!

Раздалось недовольное бурчание. Откуда-то спереди слышалось мерзкое хихиканье толстого Сопли.

— Сопля с ними! Этого только не хватало, — почти не разжимая губ, прошептала Келли.

У Сопли с девчушкой были свои счеты, она однажды засунула толстяку за шиворот дохлую крысу. Естественно, воняло от крысы за целую милю, и мальчишка визжал от ужаса и отвращения, пытаясь вытащить ее из-под грязной майки. Теперь он жаждал крови, и попадись Келли в его потные, вечно грязные руки, ей пришлось бы худо.

— Вон они! — внезапно крикнул Мэт. — Я их нашел!

Дети испуганными зверьками выскочили из укрытия и устремились прочь. Казалось, еще совсем чуть-чуть, и они вырвутся из окружения, но на пути выросла туша Сопли, и ребятам пришлось отскочить к старенькому «Фантому». Троих «охотников» с наглыми улыбками на грязных физиономиях медленно приближалась. Дэйл вжался в борт самолета, но тут же с шипением отскочил: солнце нагрело металл, и плечо обожгла боль.

— Ну что, попались? — произнес Джеймс, растягивая слова. — Думали, от нас так просто уйти? Вы проиграли.

— Ну и ладно. — Дэйл как можно небрежнее пожал плечами. — Идем, Келли.

— Не так быстро, — ухмыльнулся Сопля. — Ты можешь идти, а вот твоя подружка останется здесь. У меня к ней долг.

Дэйл молча отступил назад. Оставить Келли одну значит расписаться в собственном бессилии. А он на такое никогда не пойдет.

— А-а-а, — заржал Мэт, выглядывая из-за спины Джеймса и морща прыщавый нос в радостном возбуждении. — Женinx и невеста!

— Ну что, лысая, поговорим? — спросил подошедший к беглецам Сопля и протянул к Келли толстую руку.

— Я не лысая, — зло оскалилась Келли.

— Конечно, нет. — Улыбка подошедшего к девочке толстяка была сальной. — Но скоро будешь.

Дэйл было рванулся к Келли на помощь, но она и сама не растерялась, и ловко пнула Соплю между ног.

— Ой! — тоненько пискнул он, схватившись обеими руками за то место, куда бить уж никак не полагается.

Лицо Сопли стало бордовым, глаза закатились, он, не отнимая рук, шлепнулся на колени, а затем растянулся на пыльной земле, тихонько завывая тоненьким писклявым голосом.

Джеймс от удивления замер на месте, и Дэйл, решив воспользоваться секундным замешательством, бросился на растерявшегося противника. Не успел. Перед лицом его мелькнул жулак, а затем в носу тысячью иголок взорвалась боль. На глаза навернулись слезы.

— Ну что?! Получил?!

Чья-то безжалостная рука схватила за волосы и потянула вверх. Он раскрыл глаза, мир снова обретал краски. Перекошенное, злое лицо Джеймса, бледный Мэт, стонущий Сопля. Келли что-то кричит и размахивает палкой, зажатой в руке...

С безоблачного неба на лоб Дэйла упала тяжелая капля воды, следующая угодила Джеймсу по облупленному солнцем носу, взорвалась тысячью мелких сияющих камешков-брызг. За первыми каплями упали другие. Враг от удивления разжал руку, и боль отступила. Капли сотнями падали с бездонно-голубого неба, на котором не было ни облачка. Барабанили по лицам живительной влагой, питали высохшую землю, даря жизнь и восторг. Тяжелые дождевые капли долбили по плечам, по голове, намочили волосы, стекали по лицу.

— Дождь. Кажется, это называется дождем, — произнесла девочка.

Впервые за десять лет короткой жизни дети видели, что вода приходит не из колодца, а с неба.

Не обращая внимания на текущую из носа кровь, Дэйл подставил лицо под дождевые капли. Засмеялась Келли, засмеялся Джеймс, засмеялся подошедший к ним Мэт, даже Сопля перевернулся на спину и, ловя открытым ртом дождевые капли, весело хохотал.

Дождь. Обыкновенная вода с неба. Маленькое чудо для вечно засушливых пустошей, где поселки возникали только возле колодцев. Оно смыло враждебность, разбило войну и

распри детей на тысячу мелких осколков, которые уже никогда нельзя будет собрать вместе. Пятеро чумазных ребят посреди мертвого мира радиоактивной пыли. Дождь навсегда помирил их. Наверное, это был самый прекрасный день...

...померк. Темные тучи надвинулись, заслонив солнце. Поднялся яростный и свежий ветер. Он бросал гроздь песка в глаза старику. Трепал седые волосы, завывал в ушах. Тучи, словно испуганное стадо, надвигались угрюмой стеной. Алмазные гирлянды молний, сливающиеся в зарницы, то и дело сверкали по всему горизонту, освещая потемневшую, а от того еще более мрачную пустошь. Ветер, словно сошедший с ума цепной пес, гнал беременные дождем тучи. Скоро, очень скоро за грохотанием грома и сверканием молний тугие струи устремятся к замершей в нетерпеливом ожидании земле.

Еще раз-сверкнуло, и до старика долетело отдаленное рокотание грома. Ветер неожиданно стих. Он больше не завывал яростно, не пытался засорить глаза и был точно таким, как в далекие годы, когда весь мир искрился надеждой. Когда жизнь в деревне наконец наладилась, исчез голод, появились деньги, и казалось, ничто и никто на этом свете не способен разрушить счастье. Ему исполнилось тридцать, и жена с еще не родившимся ребенком ждали его возвращения. Ветер...

...гулял в каньоне меж низких красных скал, что безмолвными карликами глядели в черное свинцовое небо. Мертвые пустоши расстилались на сотни квадратных миль и переходили в радиоактивную пустыню, где не могло выжить ни одно существо. Почва там ночами испускала призрачный свет, и в мертвых развалинах городов бродили призраки погибших в гекатомбе катастрофы людей.

Вот по таким пустошам и двигалась сейчас пара медленно идущих волов, тащивших тяжело нагруженный фургон. Старая развалина с истлевшим брезентом на крыше и растрескавшимися досками бортов, принадлежащая общине деревеньки, тоскливо скрипела разошедшимися колесами. На козлах фургона, постоянно косясь на низко висящие тучи, сидели два человека.

Один, худощавый, с непокрытой головой и растрепанными черными волосами, сжимал в руках автоматическую вин-

товку. Второй, большой и толстый, с обвисшими щеками и маленькими карими глазами, держал в руках вожжи.

— Кажется, будет дождь, а Сопля? — спросил худощавый.

— Ага. Сколько лет прошло, как мы в первый раз увидели его? Пятнадцать?

— Двадцать, — негромко произнес Дэйл. — Мне как раз исполнилось десять.

— Помню-помню, мне тогда твоя разлюбезная женушка еще хорошо вдарила коленкой, — беззлобно произнес толстяк и чмокнул губами, подгоняя волов.

— Хорошая у тебя память, — протянул Дэйл и усмехнулся. Он тоже помнил тот день. — Но, согласишься, заслуженно?

— Ага! — Сопля кивнул. — Мы тогда дураками были...

Очередной порыв ветра взметнул волосы на голове Дэйла, и тот даже пригнулся от неожиданности, оглядываясь на догоняющие низкие тучи.

— А ветерок-то крепчает, как бы в бурю не попасть.

— Старики говорили, что давным-давно, еще до войны, в этих местах про бури вообще ничего не слыхали, и земля всегда была зеленой, а дожди шли круглый год.

— Брехня, — протянул Дэйл, встревоженно крутя головой. — Сказки. Кто это видел?

— Да мы с тобой и видели! — горячо заспорил Сопля. — Тот дождь никто из нас не забудет.

Дэйл сморщился, как будто проглотил мерзкое насекомое.

— Я уже начинаю сомневаться — видели мы его или просто пригрезилось. Не знаю, как выживают звери и трава в пустошах... Неужели тоже роют колодцы?

— А дьявол их разберет. — Сопля вытащил флягу с водой и сделал большой глоток. — Надо сниматься с места и всей деревней передвигаться на север. Говорят, там местность не так пострадала от войны.

— Переезжать деревней?! — Дэйл презрительно фыркнул, показывая, как он относится к этой затее. — Скажи это нашим старейшинам. Разве их расшевелишь?

— Зона, — резко выдохнул Сопля.

Оба погонщика натянули на лицо самодельные респираторы. Сопля вытащил из-за спины длинный гибкий кнут, щелкнул им в воздухе, а потом по спинам волов.

— Быстрее, коровьи дети!

Животные замычали и ускорили ход. Все та же унылая красная земля, все те же молчаливые скалы, все тот же яростный ветер. Вот только трава здесь была гораздо выше, чем в других местах. По счастью, опасная зона протянулась всего лишь на пару сотен метров. Эдакий символический язык, который смерть выложила на дорогу, пытаясь захватить зазевавшегося путника. Через двести метров счетчик Гейгера в фургоне перестал безумно щелкать.

— Фу... — Сопля исходил едким потом. — Каждый раз, когда здесь проезжаю, оторопь берет.

— Не тебя одного, — вяло произнес его собеседник, отстегивая респиратор и бросая его за спину. — Теперь можем с чистой совестью полгода никуда не ездить. Свою норму лучей мы сегодня получили.

— Надо сваливать из этих мест, и если проклятых старых хрычей не колышет отсутствие воды и здоровой почвы, то, может, хоть люди из города заставят их пошевелиться.

— Какие люди? — удивленно вскинулся Дэйл.

— Чаше надо дома бывать, а не гонять коров почему зря. Что бы ты делал, если бы я за тобой не приехал? — Сопля задал риторический вопрос. — Были тут одни. Ты тогда перегонял караван в Осколок, а я как раз уезжал из деревушки. Пришли человек двадцать. Головорезы. Все откормленные, при оружии. И не то что наши дробовики. Сразу видать — городские. Одеты — хоть щас на свадьбу, мать их так.

— А дальше?

— Дальше они сказали, что прибыли из города на севере. Ближний свет как будто! До ближайшего крупного поселения четыреста миль на северо-запад! И что с этого месяца деревня должна платить...

— За что?

— За охрану. — Сопля раздраженно хмыкнул. — Какую, на хрен, охрану?! От кого?! Здесь же никого не было, нет и не будет! Старики отказались.

— А они? — У Дэйла в груди поселилась необъяснимая тревога.

— Сказали, чтоб мы подумали, и ушли.

— Давно это было?

— Да с месяца, наверное.

— Ладно. Мне на всех плевать. Как приеду, беру Келли и сваливаю из этой дыры. — Дэйл перегнулся с козел и сплюнул на красную пыльную землю. Яростный порыв ветра сдул его плевки, и тот попал прямо под колеса фургона.

— Ты прав. — Сопля вздохнул. — Вот только нас там не больно-то и ждут...

— Нас нигде не ждут. Но сидеть просто так на мертвой земле — это не по мне. Хватит! И так тридцать лет провел в этом болоте.

Небо на короткий миг вспыхнуло, и извилистая молния ударила в соседнюю скалу. А затем, как бы настигая свою товарку, за спинами людей загрохотал гром.

— Ого! — Сопля даже привстал от неожиданности. — Ты видел?! Ба-бах!

— Скоро такое начнется... лишь бы ноги унести...

— Унесем. — Сопля щелкнул вожжами, погоняя медленно бредущих животных. — Вон справа аэродром показался, до деревни недалеко.

Действительно, поле желтой травы врезалось в кладбище военных самолетов. За прошедшие двадцать лет останки машин превратились в груды металла, лишь в некоторых можно было узнать резкие профили военной техники.

Скалы остались за спиной. Перед мужчинами была равнинная пустошь, что тянулась отсюда через всю страну, вплоть до океана. Сухой ветер завывал в ржавых грудях железа, порой срываясь на визг взбесившейся флейты. Он гнал готовую вот-вот разразиться бурю. Сопля без остановки щелкал кнутом.

— Смотри! — Дэйл резко вытянул руку в сторону низкого холма, за которым и находилась деревня. — Дым!

— Действительно... — Сопля сощурился. — Неужели кто дом поджег с перепоя?

Его спутник не ответил, только прикрикнул на волов. Над холмом поднимался густой темный дым.

Деревенька встретила их тишиной. Ни людей, пытающихся потушить пожар, ни собак. Дома уже догорали, но никто, ни один человек, даже не сделал попытки потушить огонь.

— Где все? — Сопля от удивления натянул вожжи, и волы послушно остановились.

Дэйл снял винтовку с предохранителя.

— Будь настороже.

Сопля понимающе кивнул и достал пистолет.

— Хорошо. Давай найдем наших.

Они нашли их в центре деревни, возле старой, покосившейся от времени церкви. Восемьдесят душ. Восемьдесят человек, которых Дэйл и Сопля знали с детства. Маленькая община, затерявшаяся среди пустышей мертвой страны.

Люди лежали на площади в самых разнообразных позах. Мужчины, женщины, старики, дети. Дэйл зажмурился. Они будут снится ему всю оставшуюся жизнь. Соплю вывернуло наизнанку.

Среди мертвых жителей деревушки попадались тела неизвестных. Деревня пыталась обороняться, и несколько врагов тоже остались на площади. Сытые, откормленные головорезы в хорошей одежде.

— Келли? — выкрикнул Дэйл, ища и боясь найти среди тел знакомую фигурку с соломенными волосами.

— Дэйл, не кричи. — Сопля вытер тыльной стороной ладони рот и произнес то, во что сам уже не верил: — Может, она спаслась.

— Келли?! Где ты?! — Дэйл шатающейся походкой ходил между трупов, ружье волочилось по земле. — Келли!

Вот старый Джонсон, хозяин местной пекарни, уставился погасшими глазами в клубящееся небесное море туч. Вот Джеймс. Пули разорвали ему грудь. Рядом вся его семья.

Лица. Друзья. Те, с кем он прожил тридцать лет.

Она лежала возле входа в церковь. Маленькое красное пятнышко засохшей крови под левой ключицей. Поблекшие соломенные волосы трепал ветер.

— Нет, — прошептал Дэйл, медленно, как во сне, опускаясь на колени. — Нет.

Сопля молчал за спиной. Дэйл качал головой, боясь поверить в то, что предстало глазам. Боясь сойти с ума, он долго стоял коленопреклоненным, но потом его прорвало. Ярость и боль вырвались оглушительным криком, потоком ненависти, готовой раздавить любого, вставшего на пути.

— Н-е-ет!!! — завыл он. — Почему я?! Почему она?! Почему?!!

Человек выл, богохульствовал, грозил небесам кулаком. А те отвечали безразличным и отдаленным громом. Окружаю-

щий мир дрожал, словно у лица провели призрачной рукой. По щекам текли слезы.

Потом он плакал молча и зло. Стиснув зубы, чтобы не кричать. Небо еще раз сердито заворчал на богохульника, а затем, сжалившись, разразилось слезами. Первые капли упали на обгаренную засохшей кровью землю. А затем неистовые водопады воды рухнули на мертвую деревеньку.

Дождь в один миг потушил пожар.

Дэйл так и просидел, вымокнув до нитки, но не произнес больше ни одного слова. В его груди тлел нежно оберегаемый огонек ненависти, готовый вспыхнуть всепожирающим пламенем, как только будет найден виновник страшной резни.

Когда дождь стих и на мокрую землю взглянуло солнце, друзья занесли тела жителей в старую церковь, провозившись больше трех часов. Мертвых убийц хоронить не собирались. Койоты тоже должны есть.

Солнце очень быстро высушило и землю, и деревянную церковь. Через несколько часов уже казалось, что дождя не было. И когда Сопля, все так же безмолвно, кинул горящий факел, дерево весело вспыхнуло. Дэйл смотрел на пляшущий огонь, пожирающий его прежнюю жизнь и любовь.

Они одновременно повернулись спиной к горящей церкви и пошли к ждущим на окраине деревеньки волам.

— У нее на руке не было браслета, — глухо произнес Дэйл.

— Какого браслета?

— Золотого. «Змейка», я подарил его на свадьбу. Купил в Осколке. Давно. Еще с первого перегона каравана. А он снял его! Посмел снять браслет после того, как убил ее! Я найду его. Клянусь богом, найду!

— Но как? Это же невоз... — Сопля осекся.

— По браслету и найдем. Я жизнь положу, но обойду все города и отыщу ублюдка!

Сопля молчал.

— Ты со мной Джон? — спросил Дэйл, впервые назвав друга его настоящим именем.

Тот кивнул.

Маленький фургон, запряженный волами, двигался по бескрайней и великой пустоши, увозя людей к мести, а за их спиной поднимался густой дым. Все мосты сожжены, осталась ненависть, заменившая жизнь...

...замерла. Не было слышно ни пищавших в траве крыс, ни стрекожущих насекомых. Все живые существа затихли в ожидании. Даже редкая трава, казалось, наклонилась к земле, предчувствуя ненастье. Низкая туча огрызнулась молнией, а затем громыхнул злой удар грома. Туча злилась на ветер, но тот, усмехаясь, подтолкнул ее еще сильнее, и вновь сверкнула молния.

Старик, лежащий на земле, зажмурился. Такой ослепительной и неожиданной была эта вспышка. А затем небо раскололось. Наверное, так звучали тысячи зарядов, что разорвались на планете две сотни лет назад, поглотив человечество. Так древние и теперь всеми забытые боги в гневе раскалывали небеса боевыми топорами.

От звучного удара прямо над головой у бродяги на миг заложило уши. Ужас всколыхнулся в сердце, ужас воспоминаний обо всех годах мести. Ужас от содеянного. Жизнь пройдена, и, увы, назад ничего вернуть. Мсть свершилась, навсегда врезавшись в его память точно так же, как резец мастера-столяра взрезает дерево, оставляя после себя глубокий рисунок. Тогда небеса грохотали еще сильнее, требуя отмщения. В очередной раз...

...сверкнуло, и Винсент Сартели отшатнулся от окна, через которое наблюдал за подступающей грозой.

— Мать твою! Вот это да! — выругался он, посмотрев, как люди на улицах Нью-Хоуп испуганно разбегаются по домам. — Ничего себе! Неужели на наш грешный городок вновь снизойдет дождь? Пресвятая Дева Мария!

На улице грохнуло, задребезжали стекла, и Сартели пригнулся.

— Тьфу, черт! Всего лишь гром! — Винсент, чего греха таить, подумал, что кто-то ретивый решил побаловаться с динамитом. — Эх, как стихия разбушевалась!

Он сел в глубокое кресло и раскурил сигару. Затем блаженно откинулся и выпустил изо рта несколько сизых колечек дыма. За прошедшие пятнадцать лет Винсент так и не привык чувствовать себя боссом. Он управлял «семьей» Сартели крепкой и безжалостной рукой, но все же иногда, вот в такие мину-

ты, когда оставался один, не мог поверить в свою удачу. Пятнадцать лет назад ему просто повезло, и после смерти отца — бывшего мистера Сартели — рулетка фортуны указала на Винсента. Он стал главой «семьи», пусть для этого пришлось отправить старших братьев на кладбище. Самый младший, он превратился в одного из самых важных, значительных и опасных людей этой части Обжитых земель. Именно под его каблуком находилась большая часть бизнеса, о котором порядочные граждане говорят только шепотом. Младшему сыну, начинавшему с разбоя на большой дороге, удалось то, что не получилось у других. Благодаря жестокости и хитрости остальные «семьи» Нью-Хоупа были либо уничтожены, либо полностью обескровлены и не могли сопротивляться. А если вдруг поднимали голову и пытались вновь показывать зубы в городе — Винсент вызывал Плакальщика, и все неприятности враз оказывались зарыты где-то далеко-далеко в пустошах.

Вновь вспышка молнии и грохот грома. Стекло покрылось первыми каплями дождя, забарабанившего на улице по крышам домов и неоновой вывеске единственного казино в штате.

Раздался вежливый стук в дверь.

— Войди, — отозвался Винсент и потушил сигару прямо о полированный стол. Он вполне мог себе это позволить.

Дверь открылась, и в кабинет Винсента вошел Плакальщик — сидящий человек лет сорока. Мужчина был худощав и совсем не выглядел опасным, однако никто в городе не решался связываться с ним.

— А-а-а! Мой мальчик! — радостно провозгласил Сартели, хотя он был младше Плакальщика на несколько лет. — Входи, входи. Присаживайся.

Гость молча сел в кресло, закинул ногу на ногу и посмотрел в окно. Дождь лил, иногда перемежаясь вспышками молний и грохотом грома.

— В твоих краях дожди большая редкость, — проследив за взглядом гостя, произнес Винсент.

Плакальщик привстал и взял из коробки на столе сигару. Дорогую, оставшуюся еще с довоенных запасов. Винсент Сартели ни от кого не терпел фамильярностей, но этому человеку было разрешено то, что никогда не позволялось другим.

— Вы правы, босс.

— У меня для тебя задание. Кнайты вновь решили вернуться в город. А он слишком маленький. Мне станет тесно. Ну, ты понимаешь. Сделай все, что считаешь нужным.

Гость кивнул и как бы невзначай спросил:

— А откуда вам известно, что у нас дожди идут редко?

— А-а-а, — протянул Винсент и улыбнулся, погружаясь в воспоминания. — Было дело. Давно. Лет пятнадцать назад. Я еще не был мистером Сартели. Приходилось заниматься ерундой, выбивать деньги с окрестных городков и деревень. Однажды нас забросило далеко на юго-восток. За Осколок. Нарвались на одну уж очень упрямую деревеньку. Названия не помню. Ну, пришли раз, пришли другой. А они — ни в какую. Не заплатим, говорят. Не от кого нас тут охранять. В бутылку полезли! Один из жителей, молодой да глупый, сорвался. Моего парня шлепнул. Ну, тут и пошла потеха.

Слова Винсента подтвердил очередной раскат грома.

— Всех там положили. Никто не ушел. Вот время было золотое! Не то что сейчас. Ну да ладно! — Винсент тряхнул головой. — Дела давно минувших дней, мы о них еще с тобой поговорим за бокалом довоенного виски. А пока меня больше беспокоят ребята Кнайтов. Ступай.

Он отвернулся к окну на какую-то секунду.

Гибкая струна оплела шею Винсента Сартели, глубоко врезаясь в кожу. Тот инстинктивно схватился за нее обеими руками, но тщетно.

— Не дергайся, — произнес Плакальщик, немного ослабляя удавку. — Сиди тихо.

— С ума сошел?! — прохрипел Сартелли, тщетно пытаясь вырваться.

— Ты ошибся, Винсент. Не вся деревня. Нас осталось двое, и мы пошли по твоему следу. Джон умер через год, а я продолжил поиски. Пятнадцать лет! Долгих пятнадцать лет мне потребовалось, чтобы найти тебя! Я убивал, я стал почти таким же, как ты! Я уничтожал охотников и бандитов, надеясь, что вот этот, падающий с пулей в голове, и есть человек, убивший мою жену. Я обошел все пустоши, все города в поисках тех, кто уничтожил мою деревню. Пять лет назад судьба мне улыбнулась, в баре я наткнулся на Мазилу. Ты ведь помнишь Мазилу? Он был с тобой в тот день пятнадцать лет назад. Но я поторопился и убил его раньше, чем узнал, кто был главарем

банды. Я знал, что он работает на «семью» Сартели, и мне удалось войти к вам. Пять лет я ждал. Давно подозревал тебя.

— Ты не сделаешь этого, Плакальщик, — прошептал Винсент. — За дверью мои люди...

— Какая мне разница? Я сделаю то, ради чего жил последние пятнадцать лет. А дальше... все равно. Но, пожалуй, если ты скажешь, где браслет Келли, я оставлю тебе жизнь.

— Какой браслет? — От страха в горле Винсента пересохло.

— Он был на моей жене. Чудесный золотой браслет в виде змейки. Верни его.

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Тогда просто умри. — Дэйл с силой стянул удавку на шее Сартели.

Хрипы умирающего заглушил гром.

— Ну что, идем валить Кнайтов? — спросил, отделившись от стены, один из боевиков Сартели.

— Отдохни пока с ребятами, Джузеппе. — Тот плотно затворил дверь кабинета. — Боссу нужно подумать.

— А ты куда?

— Пойду прогуляюсь.

— Дождь. Намокнешь.

— Люблю дождь. Он очищает.

Первая...

...тяжелая капля, не удержавшись в животе тучи, сорвалась с черного неба и упала вниз. Ударилась о железнодорожный рельс и разбилась, как разбиваются дорогие хрустальные фужеры, на тысячу мелких стеклышек. За первой упала вторая. Третья. Небесная вода барабанила по высохшей и жадно потянувшейся к дождю сухой земле. Человек все так же лежал, подставив лицо под тугие, обжигающие холодом струи дождя. Он смеялся беззвучно. Не раскрывая губ. Смеялся и вдыхал запах дождя. Смеялся и ждал...

...гибкий семицветный мост радуги, что раскинулся между холмов, рассек небо на две половинки. Тихо и сонно. Гроза отбушевала, оставив после себя радугу и мокрую землю с большими лужами, отражавшими чистое небо.

Человек, шедший по размокшей дороге, перепрыгнул через большую лужу, чуть было не поскользнулся на грязи, но, раскинув руки, сумел сохранить равновесие. Он выругался, посмотрев на испачканные рыжей грязью саперные ботинки. Затем махнул рукой, собрал растрепавшиеся седые волосы в хвост и крепко перетянул их тесемкой. В свои шестьдесят с небольшим путник еще сохранил потрясающую подвижность и гибкость, более присущую молодому человеку, чем старику. А тяжелый вещмешок и мощный карабин нисколько не стесняли движений.

Старик вдыхал запах свежей, промокшей земли. Вновь появившееся солнце припекало, и намокшая во время дождя одежда постепенно сохла. Лежащего на обочине дороги он увидел, когда повернул за очередной холм. Путник остановился, привычно дернув плечом, скинул карабин, снял с предохранителя и подошел ближе, настороженно посматривая по сторонам. Незнакомец пошевелился и приподнялся на локте.

— Я не опасен, — произнес он, стараясь показать пустые руки. — Ружье потерял, когда падал с этого проклятущего холма.

Старик проследил за взглядом лежащего.

— И как тебя угораздило? — Он не спешил убирать карабин.

— Дождь. — Лицо человека было бледным. — Хотел спуститься, поскользнулся и в итоге сломал ногу. Вот теперь жду, кто меня съест...

— Перелом открытый? — Старик забросил карабин на плечо.

— Нет. Меня Ивом звать.

— Дэйл, — буркнул старик, аккуратно ощупывая сломанную ногу. — Не дергайся. Где бы мне найти лубок?

— Вон сухое дерево, может, оно подойдет? — Ив вновь откинулся на спину.

— Я быстро, жди.

Дэйл снял вещмешок, карабин и стал взбираться на холм, с которого так неудачно свалился этот дуралей. Возле самой вершины росло тоненькое высохшее деревцо. Он сломал его и начал спускаться вниз. По пути назад подобрал старенькое ружье.

— Если хочешь, говори, — деловито сказал Дэйл, разламывая ствол деревца на две равные половинки.

— Что говорить? — не понял тот, внимательно наблюдая за действиями неожиданного спасителя.

— Что хочешь. Расскажи о себе.

— О себе? Хм... У меня небольшая ферма в деревушке Долина Солнца, в пяти милях отсюда, — начал рассказ фермер, следя за тем, как Дэйл отстегивает ремень от его ружья.

— Ты говори, говори.

— Живу там лет двадцать. У нас тихо и спокойно. Ни бандюги, ни твари пустошей нас не беспокоят. Ф-ф-ф! — зашипел Ив, когда Дэйл начал фиксировать ремнем от ружья палки к его ноге.

— Давай, давай.

— У меня жена, двое ребятишек. Долго шлялся по свету, прежде чем осесть. Пора было подумать о будущем. Я люблю семью и... жизнь. Много чего творил в ней, но все в прошлом. И я рад тому, что я всего лишь обычный фермер, хоть иногда и приходится сводить концы с концами.

— Сейчас будет немного больно, — произнес старик, и Ив потерял сознание.

Очнувшись, Ив увидел маячившую перед глазами красную дорогу. Странник нес его, взвалив себе на спину.

— Ты не мог бы меня опустить? — после секундного колебания попросил Ив.

— Ты сам напросился, — пропыхтел Дэйл.

Фермер соскользнул со спины. Вскрикнул. Левую ногу пронзила боль, в глазах потемнело. Старик покачал головой и достал из нагрудного кармана металлическую фляжку, протянул ему. Ив благодарно кивнул, глотнул и закашлялся.

— Чистый спирт, — невозмутимо проинформировал спаситель. — Ну и тяжел же ты, приятель!

— А где твой вещмешок и карабин?

— Там же, где и твой, — хмыкнул Дэйл и тоже сделал большой глоток из фляги. — В том самом месте, где ты сломал ногу.

— Но как ты теперь?.. — недоумевающе начал было Ив.

— Слушай, не бреди душу! — взорвался старик. — Ружье, вещмешок да еще ты в придачу! Все вместе бы я не утащил! Возраст, как видишь, уже не тот. Пришлось выбирать.

— И давно я так путешествую?

— На моем хребте? Пару миль, не больше.

— Пару миль?! Ты тащил меня две мили?!

— Да.

— Не стоило этого делать, — виновато сказал Ив. Он чувствовал себя беспомощным ребенком.

— А как бы ты ковылял? Прыгая на одной ноге? Мы так за неделю не доберемся.

Фермер ничего не сказал, понимая, как ему повезло, что путь пересекался с этим хмурым стариком.

— Скоро доберемся до твоей деревушки.

— Вижу. — Ив кивнул. — Это поле раньше было военным аэродромом.

— Знаю.

— Ты был здесь?

— Очень давно. В прошлой жизни, — неохотно ответил Дэйл. — Ну что? Дальше?

— Если ты отдохнул, — вздохнул Ив.

— Я надеюсь сегодня ночевать в постели. Обеспечишь?

— А то!

Сердце щемило. Бродяга сидел на крыльце и смотрел на звезды. Глубокая ночь, семья фермера давно спала, а вот он заснуть не мог. Тридцать лет Дэйл не был в родной деревне. Конечно, за эти годы все изменилось. Дома восстановили, на месте сгоревшей церкви построили новую. Зброшенную деревню возродили.

За спиной послышался стук костылей.

— Не спится? — спросил Ив.

— Да... мысли.

— Бывает...

Дэйл промолчал, и на какое-то время повисла тишина. Наконец хозяин дома не выдержал:

— Чудесная ночь, а?

— Да...

— Какие у тебя планы?

— Двигаться дальше, — пожал плечами Дэйл. — За жизнь я так и не дошел до океана.

— Рискованный маршрут... Не хочешь остаться в деревне? Ты уже не молод.

— Я не боюсь беспомощности и смерти. Но за предложение спасибо... Действительно, спасибо.

— Когда уходишь?

— Сейчас.

— Сейчас?! Ночью?!

— Пойду обратно, нужно забрать вещмешок и карабин. Нечего им пылиться на дороге.

— А потом? После океана?

— Дальше? — Дэйл смотрел на мерцающие звезды. — Может, во Фриско, может, еще куда-нибудь. Дорога выведет, думаю. Один человек сказал, что дорога заканчивается только тогда, когда ты сам этого хочешь.

Опять возникло неловкое молчание.

— Вот возьми. — Ив протянул Дэйлу пистолет. — Тебе еще пять миль идти ночью. Оружие пригодится. Бери, бери.

Старик взвесил на ладони тяжелый кольт. Вздыхнул, пытаясь подобрать слова для прощания. Не получилось.

— Ну... я пойду.

— погоди. — Ив вдруг крепко схватил его за руку. — Ты мне жизнь спас. Нет, молчи! Сам знаешь, что это так. Рано или поздно меня бы обязательно кто-нибудь сожрал. Или я бы умер от жажды. Так что я... обязан. Вот возьми, это самая дорогая вещь для меня. О ней до сих пор никто не знал.

В протянутой к Дэйлу руке Ива что-то блеснуло.

— Откуда это у тебя? — похолодевшими губами спросил старик, вертя в руках безделушку изумительной работы.

Тонкий золотой браслет в виде змейки с изумрудными глазами, кусающей свой хвост.

Фермер долго молчал, и когда старик уже не ожидал услышать ответа, сказал:

— Это мой позор. Кошмар, что преследует меня по ночам. Страшная ошибка молодости. Давно... Лет тридцать назад я, молодой парнишка, попал в плохую компанию. Связался с одними головорезами. Думал, если у меня в руках пушка, то весь мир упадет к ногам. Тебе знакомо такое ощущение?

Дэйл молчал, сжимая в одной руке браслет, в другой — пистолет. На своего собеседника он старался не смотреть.

— Свела меня кривая дорожка с сынком мафиози из Нью-Хоупа, есть такой город далеко на северо-западе. Шайка как

раз направлялась трясти местных. Винсент меня ради шутки взял. Сказал, что, если пройду испытание, войду в «семью». Я, дурак, и обрадовался. Пришли. Началась пальба. Я не стрелял, испугался сильно, а потом нажал на курок. Нажал, куда не целясь. И попал. В женщину попал. Сам того не желая.

Дэйл молчал.

— Я до сих пор помню ее лицо и соломенные волосы. Помню... Она умерла, а я, дурак, подошел к ней и снял вот этот браслет. Гордился. Трофей добыл. Осознание того, что совершил, пришло после. Убил человека. Ни в чем не повинного. До сегодняшнего дня я не могу найти себе оправдания. Хотя ушел от банды Винсента. Потом лет десять шлялся по всем Обжитым землям. Таскал браслет как напоминание. Почему ты молчишь? Осуждаешь?

— Я слушаю.

— Слушай. Я никому не рассказывал об этом и, наверное, больше не расскажу. Ты знаешь, что убийцу тянет на место преступления? Я вернулся назад, в ту деревню. В эту деревню. Другие люди, другие дома. Ничто не напоминало о трагедии прошлого. Я остался здесь. Наверное, судьба, — горько произнес Ив. — Женился. Появились дети, дочку назвал в честь той незнакомки. Соломкой. Пытался искупить свой грех. Дурак.

— Не получилось?

— Нет. Ночами все равно приходили сны. Вот на этом самом крыльце я молил бога, чтобы он или наказал меня, или простил. А сегодня, сломав ногу, понял, что это расплата за прошлое. Справедливая. Но потом появился ты. И я получил надежду, что Господь простил меня, послав тебя спасти ничемную жизнь. Значит, шанс быть прощенным есть даже у убийц... Возьми этот браслет себе. Поверь, он самое ценное, что у меня есть в этом мире.

— Это щедрый подарок. — Дэйл надел украшение на руку и крепко сжал в руке пистолет. — Ты не знаешь, будет ли дождь, Ив?

— Не думаю. У нас два раза в день такого чуда не бывает.

— Жаль. Мы прошли с ним через всю жизнь, но, видно, придется уходить без него.

Они еще немного посидели, вслушиваясь в звуки летней ночи.

— Мне пора. — Дэйл встал и убрал пистолет за пояс. — Дорога ждет.

— Ты не осуждаешь меня за убийство? — тихо спросил Ив

— Я сам много убивал. Бог тебе судья. Прощай.

— Если решишь вернуться, знай, в этом доме тебе всегда будут рады.

Старик кивнул и, не оборачиваясь, пошел прочь. На горизонте коралловой нитью просыпалось...

...утро. Оно преобразило вечно тоскливую и мертвую пустошь, за ночь превратив ее в цветущий сад — рай, который погибнет через несколько дней и возродится вновь только с очередным дождем.

От-буйства красок рябило в глазах. Синие, желтые, фиолетовые, лиловые цветы сплошным ковром покрывали землю. Ветер колыхал одеяло ослепительно красных маков, скрывших под собой железнодорожные рельсы. Радужные бабочки кружились в хороводе. Деловито гудели невесть откуда взявшиеся пчелы. Надувая пузыри в лужах, выводили песни семейства проснувшихся лягушек. Им вторили пустошные крысы, оглашая окрестности радостным пронзительным писком. По небу промелькнула маленькая пестрая птичка, и веселая трель разноцветными коленцами упала на ожившую землю.

Вопреки всем законам жизнь возродилась. На несколько коротких дней мир ожил волшебной сказкой весны. Но старик этого уже не видел. Он умер, когда ушел дождь.

Андрей Павлухин

САПЬТО НАД АЛЮМИНИЕВЫМ ПЕСОМ

Пляж опустел.

Уже неделю штормило, затянутое серостью небо обрушилось ливнем. Ветер сбивал с ног, скрипел дверцами кабинок и уныло завывал в ущельях улиц. Курортный сезон закончился. Море словно сорвалось с цепи: пенистые валы захлестывали песчаный берег, разбивались о камни мыса, где возвышался палец маяка, наваливались на треугольники волнорезов у входа в бухту, накатывали на причал... Отчаянно скрипели мачты белоснежных яхт, и бешено вращался флюгер на крыше здания морвокзала.

Осень...

Я шел, закутавшись в старое пальто, от самого парка отдыха с его «чертовым колесом» и «американскими горками», по набережной, мимо зоологического павильона и музея, через мост и по тропинке — на лодочную станцию, туда, где вырисовывались полусгнившая каравелла, завалившаяся набок, и вытащенные на берег катамараны.

Калитка и сетчатое ограждение.

Я знаю каждый свой шаг. Сейчас Школьник отвяжет зеленый облупленный катамаран и выплывет на середину озера, перевернется и начнет тонуть. Я сразу направляюсь к

гаражу, набираю код на двери. Вхожу, включаю свет, сажусь на воздушный спасательный скутер, завожу его и срываюсь с места. Успеваю как раз вовремя — парнишка только-только перевернулся. Подвожу скутер, зависаю, давая ему возможность вскарабкаться на заднее сиденье. Мокрый и озябший, Школьник протягивает мне жетон. На пластиковом кружочке всего одно слово: «Санаторий». Я прячу жетон в карман теплой куртки и возвращаюсь в гараж.

Мы идем на станцию, я выдаю Школьнику сухую одежду и разогреваю чай — все это фиксируется, родители парня оплатят наши услуги. Вчера мне его спасти не удалось...

Я познакомился с Муратом год назад. В Сети его звали Кунджи — это реальный ник, как объяснил Мурат, виртуальное имя хакера, жившего в двадцатом веке. Мы уже несколько месяцев знали друг друга по чату — в онлайн-режиме — и теперь решили встретиться. В баре «Процессор» на Четвертом Орбитальном Комплексе, где жил Мурат, обычно собирались неудачники-ламеры, клановые геймеры, кибернические — все, кто так или иначе связаны с Сетью. Таких заведений сейчас много, и вы, конечно, знаете, что там может появиться кто угодно — от мелких торговцев софтом, имплантами и «железом» до солидных, респектабельных агентов корпораций, которые рыщут по «дну» в поисках свежих кадров... Особенно активны лунные и марсианские вербовщики. Для нас же все началось с астероидов и филиала «Рейнкорн».

С Кунджи мы были партнерами. Он поставлял мне коды и важную своевременную информацию — я использовал это для своих атак. Софт я разрабатываю сам или покупаю на черном рынке. С точки зрения закона я — бомж. У меня нет прописки, гражданства. Хотя, чтобы беспрепятственно перемещаться в нашем мире, приходится использовать чужие личности...

Раньше, несколько веков назад, глобальные сети были исключительно кабельными. Так говорят. Колоссальные гигабайтовые массивы данных перемещались по телефонным линиям. Кабельная связь существует и поныне — на примитивном локальном уровне. Но Сеть... Она давно перешагнула границы Земли и уже полвека живет в сотовой ипостаси.

Многополосное образование, оплетающее Солнечную систему. Так уж случилось, что к Четвертому Орбитальному пристроились Центр коммутации и базовая передающая станция, превратив ничем не примечательный жилой комплекс в инфоузел космического масштаба. И как следствие попасть сюда дано не каждому. Миграция на Четвертый жестко контролируется: биометрическая идентификация, тестирование и сканирование, агенты Интерпола... Разные примочки.

На космодроме Улан-Батора мне просветили сетчатку глаза (заново перестроенную хирургами Цейлона неделей раньше), а безучастный голос у турникета предложил показать ладони. Я подчинился, протянул руки вперед — так, чтобы сканер разглядел татуировки-идентификаторы. Сложные геометрические узоры отразились, многократно увеличенные, на плазменном дисплее у самого потолка. Три секунды — сличение. Результат удовлетворительный. Энергетический барьер снят. В толпе отбывающих я шагаю к стартовым докам. У главного люка исполинского лайнера меня ждет еще одна проверка — рентгеновское просвечивание на предмет запрещенных имплантов. Правда, лучи не в силах пробить мою биотическую защиту... На титановой поверхности загорается надпись: «Вставьте билет». Пластиковый прямоугольник синего цвета пожирается приемной щелью. Такую же процедуру проходят остальные пассажиры... Двадцать четыре минуты — корабль отрывается от Земли, разгоняясь до первой космической. Я лежу, удобно устроившись в антиперегрузочном кресле, слушаю рекламный ролик «Транс Универс» — компании, которой я доверил свое бренное тело.

Комплекс — сооружение из кубических блоков-сегментов, вписанных в каркасную решетку, местами еще не заполненную. Стенки внешних сегментов закруглялись, плавно следуя изгибам решетки, которая образовывала кольцо. В середине кольца помещался шар-космодром с множеством стыковочных портов, соединенный с Комплексом прозрачными полимерными трубами коридоров. Отдельно парила пирамидка Центра коммутации, от которой к энергоблоку тянулись силовые кабели — мощные толстые кишки, тускло поблескива-

ющие в свете земного диска... Вся конструкция вращалась, создавая гравитацию.

Космодром облеплен гигантами-лайнерами, ремонтными катерами, слетевшимися как мухи на мед. Наш корабль пристыковался к свободному порту. Я отстегнулся от кресла и поплыл, цепляясь за скобы, к шлюзу. Миновав люк и узкий переходник, попал в камеру досмотра. Кроме меня, на Комплекс никто не стремился: створки шлюза за моей спиной захлопнулись с характерным шипением, а корабль, быстро скоординировавшись, лег на новый курс — к Меркурию.

Едва таможенный компьютер зафиксировал мой приход, как тотчас в воздухе собрался голографический диалоговый монитор. Побежали строчки на эсперанто, сопровождаемые голосовыми пояснениями:

— ВЫ СТОИТЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕТВЕРТОГО ОРБИТАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА, ИМЕЮЩЕГО СТАТУС СУВЕРЕННОГО АГЛОМЕРАТА. ЦЕЛЬ ВАШЕГО ВИЗИТА?

— Я хочу получить временный вид на жительство.

— ВЫ СОСТОИТЕ В КАКОЙ-ЛИБО ХАКЕРСКОЙ ГРУППЕ?

— Разумеется, нет.

— ВАША СПЕЦИАЛЬНОСТЬ?

— Инженер по телекоммуникациям второй категории.

— РОДНОЙ ЯЗЫК?

— Белорусский.

— КАКОГО ЦВЕТА НЕБО? А — ГОЛУБОГО. Б — КРАСНОГО. В — ЖЕЛТОГО. Г — НЕ ЗНАЮ.

— Чье небо? — переспросил я.

— ВОПРОС НЕ ПОНЯТ. ОТВЕЧАЙТЕ КОНКРЕТНО.

— Голубого.

— ПРАВИЛЬНО. У ВАС ИМЕЕТСЯ СТАНДАРТ-СЛОТ?

— Да.

— ВЫ ГОТОВЫ ПРИНЯТЬ СВОД ЗАКОНОВ НАШЕГО ХАБИТАТА?

— Да.

К разъему в моей голове подсоединили биосетевой кабель и скачали мне в мозги три мегабайта юридического хлама. Позже, бегло «просматривая» все это, я отметил, что значительная часть статей посвящена «компьютерным преступле-

ниям». Особенно строго каралось «несанкционированное проникновение» в Центр коммутации. За «акт космического терроризма» и вывод из строя системы жизнеобеспечения Комплекса — смертная казнь. Вот это уже серьёзно...

В «Процессоре» было шумно. Я уселся за свободный столик, заранее указанный Кунджи, и стал ждать. В баре галдела пестрая, частично обкумаренная толпа. За стойкой орудовал угрюмый, высокий и худой парень с ромбовидной золотой серьгой в правом ухе. Голубой... У стен портал-кабины, похожие на телефонные будки, — для входа в Сеть. Между посетителями сновали обнаженные тела официанток, татуированные дисками и платами. Очень стильно — каждая девушка как деталь компьютера.

Ко мне подсел бритоголовый мужик, одетый во все черное — от кожаных брюк до смокинга с серебристыми разводами.

— Привет, Даун.

Я почти не удивился. Многие знали мой ник. Другое дело — моя внешность. Агент Интерпола?

— Вы сели не за тот столик.

Передо мной — кто угодно, только не Кунджи. При встрече партнер должен был сказать фразу-пароль: «Дивно колосятся арбузы на елках».

— Дивно колосятся арбузы на елках, — сказал бритоголовый. Телепат? Не вопрос — врубается экранирующий чип.

— У меня встреча, — говорю я.

— Конечно. Со мной.

— Ты не Кунджи.

— Нет. Я — официальный представитель «Реинкорн Корпорэйшн».

Я наконец-то «догнал»:

— Вербовщик?

— Точно.

— Меня не интересуют...

— Зря, — бритоголовый гнул свою линию. — Вот послушайте.

И он расписал, как ему нужны парни вроде меня, как ценит их труд «Реинкорн Корпорэйшн», а главное — возможность по прошествии пяти лет получить шанс на перерождение.

Я больше не слушал. Я знал, что соглашусь. Не из-за перерождения — это лажа чистой воды: твое сознание запишут на ментальный носитель и поместят в виртуальный банк данных. И ты будешь годами ждать своей очереди. А чтобы клонировать собственное тело... Мне всю жизнь пахать на корпоративной ниве. Хранение клетки — почасовая оплата. Сам процесс клонирования и обратное переселение — астрономические цифры. На черном рынке, в подпольных клиниках это сделают быстрее и дешевле. Правда, никакой гарантии, что качественнее. Любой «хранитель душ» предупредит вас: пятьдесят на пятьдесят. Это все — эрзац, подделка... Но есть легенда, в которую свято верят все хакеры. Она гласит: в Сети есть сайт, если попасть в него — обретишь подлинное бессмертие. Сайт принадлежит «Реинкорн Корпорэйшн» и надежно защищен. Добраться до него и взломать еще никому не удавалось.

Я хотел это сделать.

Я знал, что смогу.

— Хорошо, — сдался я. — Ты меня уговорил.

— Великолепно! — просиял агент. — Вы не пожалеете; филиал, в котором вы будете работать, находится на Весте. Лайнер отбывает завтра в девять тридцать утра. Вот билет. Бедж. Идентификационная карта. До свидания.

Вербовщик затерялся в глубинах зала. На его месте возник Кунджи:

— Дивно колосятся арбузы на елках.

Я узнаю тебя по тайному знаку, я узнаю тебя по перстню на пальце. Кунджи — чернявый парнишка лет семнадцати, в хламиде, усеянной голограммами от «Версаче», — лукаво подмигнул:

— Можно поздравить, Даун?

— Да. Завтра я сваливаю.

— Молодец. Покажи мне свой и-карт.

Я протянул белый прямоугольник с магнитной полосой по краю. Кунджи повертел его в пальцах, затем извлек из складок хламиды маленькую коробочку, похожую на сканер. Карт-программатор. Мои брови стремительно поползли вверх.

— Откуда?

— Тебя не касается.

Он провел «коробочкой» над моим и-картом.

— Готово. У тебя — высшая степень допуска.

Я восхищенно смотрю на партнера.

— Пустяки. — Программатор исчез за цветными картинками. Но было видно, что Кунджи доволен собой.

Возле нас появилась официантка.

— Две текилы, — сказал я.

Девушка скрылась из виду.

— Ты всегда пьешь текилу? — спросил Кунджи.

— Нет. Это новая мода среди земных хакеров.

— Понятно. — Он сказал это так, словно ему понятно все во Вселенной. Этакий бодхисатва, добровольно отказавшийся от Нирваны ради нас, грешных смертников.

— Завтра улетаю, — сказал я.

— Замечательно.

Официантка принесла заказ.

— Еще, — попросил я. — И чего-нибудь поесть.

Она удалилась.

— Слышал про сайт Бессмертия? — Кунджи пристально глядит на меня.

— Глупый вопрос.

— Я откопал его адрес.

Я чуть не подскочил.

— Что?!

— Не кричи. Без тебя от адреса пользы — ноль целых ноль десятых. Сайт находится в локальной сети «Реинкорн». А попасть туда практически невозможно. Другое дело — изнутри.

— Ты предлагаешь, чтобы я проник в Бессмертие на Весте?

Кунджи усмехнулся:

— Самоубийство. Тебя сразу обнаружат. Чистильщики займутся твоим сетевым аватаром, а Служба Безопасности — телом. Есть другой путь.

Вот тогда, год назад, мы и разработали наш план. Он был прост.

Я проникаю в «реинкорновскую» локалку по и-карту с поддельной степенью допуска и скачиваю все пароли на десять лет вперед. Не входя в Бессмертие и не вызывая подозрений. Потом увольняюсь и первым же рейсом — обратно на

Четвертый Орбитальный, где меня ждет верный Кунджи. Я со своим «троянцем» взламываю локальное пространство корпорации... А дальше — все идет по накатанной колее. Очень эффектно. Так мы думали.

Санаторий выглядит мрачно и запущенно. Ветер прохаживается по его лоджиям и всюду разгоняется на крыше, где раньше был уютный ресторанчик под открытым небом. Там подавали хачапури и шашлыки с зеленью, помидорами, луком и острым соусом. Шашлыки жарились прямо у вас на глазах. Передо мной из ниоткуда возник телефон-автомат. Я приблизился к нему, снял трубку и бросил в щель жетон с надписью «Санаторий». Набрал номер, который знал еще вчера.

Длинные гудки сменились щелчком.

— Я иду, — сказал я и повесил трубку.

Поднимаюсь по ступенькам, открываю дверь из толстого стекла. Я — в вестибюле. Здесь пусто. Я могу воспользоваться лифтом, но вместо кабины скорее всего окажется выход на другой подуровень. Поэтому я направляюсь к лестнице. На втором этаже пусто. Такое ощущение, что неизвестный вирус выкосил всех людей, оставив лишь номера, коридоры, балконы да еще шум ветра и прибоя снаружи.

Двери номеров были открыты, везде — образцовый порядок и чистота. Я устало брожу по гулким пространствам. Мне надоел этот мир. Уже шестой день я скитаюсь по курортному городку, прерываясь лишь на то, чтобы поесть и сходить в туалет. И снова — бегом к компьютеру. Нельзя надолго оставлять своего сохраненного аватара без присмотра...

Третий этаж — ничего.

Я поднимаюсь дальше. В 416-м номере — два человека. Один развалился в кресле у распахнутой двери на лоджию. Ветер гуляет по комнате и рвет тюлевые шторы. Второй молча застыл у зеркала, в котором ничего не отражалось.

— Покажи, — сказал тот, что был в кресле.

Я достаю из карманов предметы: зеленый камешек с черными крапинками, спичечный коробок, фишку из казино и железнодорожный билет. Все это богатство лежит на моей открытой ладони.

— Бросай в зеркало. По очереди.

Я послушно выполнил команду. Предметы утонули в гладкой поверхности.

— Теперь иди в 308-ю комнату. Быстро.

Я направился к двери.

— Не туда. — Человек в кресле указывал на распахнутую балконную дверь.

Я вышел на лоджию, миновал несколько номеров, свернул... И столкнулся с чистильщиком.

Не знаю, как меня вычислили.

Факт, что на Кунджи и Дауна спустили киллера (их называют благородно — ликвидаторы), а по Сети теперь шныряли орды «реинкорновских» чистильщиков. Об этом мы узнали позже, но решили играть до конца. У нас не было выбора: столь могучая корпорация, как «Реинкорн», всю пользу получающая технологиями пришельцев, в Совете Директоров которой состоят «гости» с Денеба и Антареса, рано или поздно нас выщепит. Единственный шанс — доиграть, получить то, что мы хотим, и заставить их успокоиться, пригрозив обнаружить секрет бессмертия.

Не думаю, что они сменяют пароли, — для этого придется выполнить титаническую работу, и нет никакой гарантии, что мы нападём сейчас, а не через неделю. Я же скачал все на десять лет вперед. Слишком большой массив информации. Даже если что-то изменится, обычный «подборщик» сделает свое дело. Классический парадокс с обезьянами и пишущими машинками. Теория вероятности, дети мои...

Я помню весь путь до Весты. Корабль разогнал на лазерных лучах, а потом заработали ионно-кольцевые двигатели. Экипаж состоял из мутантов, выведенных специально для пилотирования. Рабы корпорации, живая собственность... Я быстро обнаружил, что с лайнера можно проникать в Сеть — на его борту имелась мощная передающая подстанция. Все складывалось просто замечательно. Мне даже не пришлось вылезать из своей каюты — в переборку был вмонтирован порт-терминал. Я вставил и-карт в прорезь, активизировав его. В воздухе развернулся голографический экран, справа от терминала открылась ниша, в которой я нашел виртуальный костюм, сенсорную клавиатуру и стандартный биосетевой ка-

бель. Последний идеально подходил к моему затылочному разьему. Надев костюм и привычно протестировав его, я подключился через кабель к терминалу. Мой допуск распахивал передо мной все двери. Я скачал в свою дополнительную память необходимые коды и пароли, затем вынырнул обратно, в привычную реальность. Операция заняла около получаса, даже смешно стало...

Напрасно. Теперь мне не до смеха. У меня есть одна версия: мое проникновение в «реинкорновскую» локалку было зафиксировано бортовым компьютером. Кое-где кое-кто проверил мой допуск и обнаружил лажу. Надо думать, прежде чем воевать с мельницами...

Я знал, что перед Вестой запланировано еще две остановки. Каньон-Сити (Марс) и Богом забытая пересадочная станция 32101-8. Я не стал обращаться к вербовщику и юридически оформлять свое увольнение. Я вновь погрузился в Сеть и стер все упоминания о себе. Чистка — сложная и кропотливая работа — заняла сутки. Закончив, я хорошенько выспался, поел.

После посадки на космодроме Каньона я незаметно затерялся в дебрях Мегаполиса. Четко? Хренушки. Я забыл про бортовой компьютер лайнера.

Но тогда я был счастлив. Еще бы — натянуть «Реинкорн»! Крутая фишка. Я почти легендарен. Аллилуйя.

На Марсе я задержался семь часов. Ближайший лайнер с Юпитера доставил меня обратно к Четвертому Орбитальному. Там уже пошустрил Кунджи — я обрел новое имя и новое прошлое.

«Поднялся» до полноправного гражданина Комплекса — ремонтника Тойо Шикомото. Почтовой ракетой Кунджи переслал мне свеженький и-карт и распечатку официальных сведений о Шикомото. Я выучил их наизусть.

Таможню прошел без труда.

В «Процессоре» замочили удачное начало.

Я помню первый прокол. Или не первый — как посмотреть.

...Группа захвата обрушила на корпус санатория огненный шквал. Федералы больше не играли по правилам. Их действия вознеслись над законом. Я вжимался в паркет вестибю-

ля, прячась от стеклянно-свинцового дождя. Осколки усеяли пол мелкой крошкой. Пытаются оглушить, взять на понт. Последнее предупреждение — и ринутся на штурм. Обстрел вели из леса, красивого вечнозеленого бора. Все сливается в надвинувшихся сумерках, и кажется, что само пространство злобно плюется смертью...

Пригибаясь и хрустя стеклом, я добрался до лифта.

Четвертый этаж. Через чердак — на плоскую крышу, частично залитую смолой, с выпуклостями вытяжных труб и холмиками битого кирпича. А с мрачнющего вечернего неба уже низвергается грохотом лопастей и мегафонным ревом легкий полицейский вертолет. На меня пахло запахом близкой грозы и сосен, пиджак вздулся парусом, отчаянно захлопали брюки. Краем глаза я уловил движение: от стены леса отделились крошечные фигурки, зашпешили к корпусу. Я нырнул обратно в чердачный люк, едва не поймав пулеметную очередь. Мои соседи, персонал — все куда-то исчезли. Я один метался в пустом склепе, отыскивая лазейку. Похоже — безрезультатно.

Спускаюсь на второй этаж. Отсюда можно спрыгнуть, но здание уже взято в кольцо. Атакующие пересекали местность спокойной, размеренной рысцой — они знали, что оружия у меня нет. В вестибюль хлынули пятнистые фигуры, ощерившиеся стволами. Хлынули и рассыпались. Их действия были четкими, слаженными. Мне эта сцена до боли стала напоминать DOOM — коридоры и куча чудовищ. Одного я вырубил, неожиданно напав из-за угла, апперкотом и подсечкой. Федерал рухнул на паркет, глухо стукнувшись бронежилетом. Я добил его ударом локтя в солнечное сплетение. Затем переоделся в его форму. Проверил обойму — полная. Предохранитель снят. Тело — в пустующий номер, к балкону. Штурмовик, похожий на паука, спустился с крыши, скользя по тросу. Точка лазерного прицела пошарила по комнате и уткнулась в мой лоб. Я коротко кивнул, пряча лицо в тени. Отцепившись от троса, федерал занял позицию на балконе. Все отдушины перекрывались.

Я перемещаюсь в номер на другой стороне коридора. Здесь проще. Прыгаю с балкона на мягкий желтый песок, усеянный шишками и иголками. Прокатившись, встаю на ноги,

подбираю автомат и бегу к лесу, вложив в бросок последние силы.

Пулю я не схватил. Федералы роем залетели в корпус и теперь перетряхивали его от фундамента до крыши. Я знал, что времени в обрез. Преследователи обнаружат мое исчезновение и двинут в погоню на «вертушках». Я мчался по лесу, как загнанный зверь, ломая ветки и огибая стволы. Ориентироваться становилось все труднее: сумерки сгущались, протекая в ночь.

За минувшие три недели местность я изучил досконально. Сейчас выйду на берег реки, вниз по течению — мост. Потом несложно выбраться на шоссе.

На мосту меня ждали. Засада притаилась за распоркой. Почувствовав дуло между лопаток, я замер.

— Брось автомат!

Исполняю.

— Пять шагов вперед!

Пауза.

— Обернись!

Федерал с нашивками лейтенанта держал меня на прицеле. Я вспомнил этого человека: еще недавно, в Москве, он одевался в штатское и, неслышно ступая, путешествовал по нашему банку. Чистильщик. Выслеживал меня, гад. Никогда не знаешь, когда такие «аудиторы» приближаются, — очнешься, когда уже удавка на шее. И дерутся они будь здоров.

— Гони ключ, — сказал чистильщик.

— Какой ключ?

Удар по почкам. Меня согнуло пополам.

— Не прикидывайся клином. Что это?

Он заметил на моем запястье часы. Хорошие часики — «Ориент» за тридцать баксов. Сейчас, в опустевшей тьме, светились покрытые фосфором стрелки и цифры.

— Снимай!

Я послушно растегнул браслет. Но отдать не успел: стрелки вдруг бешено закружились, весь циферблат оказался втянутым в сумасшедшую пляску, и я понял, что проваливаюсь в этот мерцающий омут, переходящий в извилистый тоннель. Мое сознание несется вдаль, ускоряясь...

Кунджи успел меня выдернуть.

Но я потерял своего аватара. С тоской я смотрел тогда на монитор компьютера, где чистильщик расстреливал из автомата мое тело. Помню, заново проходил три уровня — нелегкая работа насмарку. С тех пор я стал осторожнее.

Я теперь боюсь «аудиторов».

Мы поселились на самой окраине Комплекса. Здесь царили вольные нравы и почти земная гравитация. Плюс опасность метеоритного пробоя (ничтожная, но реальная). Плюс налог на экранирующее антирадиационное поле (в случае неплаты отдельные участки защиты отключаются — мутирую на здоровье). Плюс налог на светофильтры. Плюс наркоторговля, разборки между бандами, высокий процент смертности и вид звездного неба из окна. Вследствие постоянного вращения мы наблюдали то краешек Земли, то щербатую Луну, то размазанное пятно Солнца, затемненного фильтрующим покрытием. Наш иллюминатор во всю стену был одновременно информационным монитором. В режиме просмотра на него транслировались все 818 доступных телеканалов — легальных и подпольных. При желании я мог активизировать «голографикс-транслэйшн» СИМОТИ, но я не фанат бесконечных сериалов и хит-парадов. Правда, иногда прикалывают интерактивные шоу — я как-то выиграл в «Исполнителе желаний» путевку в межпланетный круиз, которую немедленно загнал через Сеть одному романтическому придурку с ником Рафаэль...

Наш район хорошей репутацией не отличался. Здесь обитали преступные элементы всех мастей, хакеры и мутанты (в народе — «муты»), ремонтники, обходчики, менялы и барыги, монахи-кришнаиты и проститутки. Еще, говорят, можно встретить последователей учения Рерихов. Те, кто побогаче, предпочитали квартиры поближе к центру, в зоне умеренной гравитации — около трети одного g.

Мои глаза стали узкими, волосы — жесткими и черными. По «утрам» я напяливал серую хламиду ремонтника, брал чемоданчик с инструментами и отправлялся на работу — шляться по служебным тоннелям внешнего периметра, ожидая сигнала вызова. Бывало, ком-браслет на запястье истошно верещал, и я мчался в сектор, указанный на табло, — латать оче-

редной клапан воздуховода или устранять утечку в охлаждающей системе. Работенка крайне нудная. Я коротал время, играя в «тетрис». Теперь в эти штуки вмонтированы сетевые порты и радиомодемы, фанаты устраивают турниры, учреждают призовые фонды...

Кстати, в нашем районе живет местная знаменитость — хакер, который с помощью «тетриса» взломал базу данных Космического Департамента, легенда и пример для подражания. Я, видимо, не скоро достигну такого мастерства.

На обратном пути я частенько захаживал к соседу из блока напротив. Игорь Кирченко, эмигрант из России, — тоже своеобразный талант. Кирченко умел собирать кубик Рубика. За рюмкой грузинского коньяка он рассказывал мне о своем прошлом. Бывший солист группы «Тандерфак», бывший инженер (на деревянной подставочке гордо красуется чудо-отвертка, занявшая второе место на Международном конкурсе отверток в Бангладеш), актер и руководитель общества «GREENPEACE», а также КМС по настольному теннису в условиях пониженной гравитации... Короче, личность многогранная. На моих глазах он с потрясающей скоростью складывал из разноцветной мозаики квадратиков фигуру, каждая плоскость которой имела свою окраску. Все манипуляции он производил меньше чем за минуту. Его личный рекорд — сорок секунд. По сути, творение Рубика — трансформер, предназначенный для ломки мозгов. Я как-то сказал об этом Кирченко — он рассмеялся...

Ну что, дружок, ты хочешь знать, кто такой чистильщик? Обычный наемник, работающий по заказу. Заказ прост — ликвидировать энного аватара, а если повезет — выжечь за компанию мозги его хозяина.

Чистильщик с виртуальностью на «ты», для него «сон разума» — естественная среда обитания. Некоторые даже не имеют тел, давно перекочевав в Сеть и органично вписавшись в ее матрицу. Для таких охота на очередную жертву — развлечение, способ скрасить бесконечное существование...

Меня спас прыжок в сторону.

Вообще-то чистильщики двигаются быстро. Сверхбыстро. Но этот был не готов к моему появлению и стоял ко мне спиной.

Он вычислил меня по отражению в полированной дверце шкафа и, смазавшись, развернулся, расстреливая то место, где я только что стоял.

В следующее мгновение Кунджи инсталлировал в меня ускоряющий софт. И я почти физически ощутил, как перестраивается структура виртуального альтер-эго.

И я стал равен чистильщику. Во всем.

Кроме одного. У меня не было оружия.

«Нет проблем», — прозвучало в мозгу. Кунджи внес незначительное изменение в матрицу — в моей руке оформился ствол. Солидная крупнокалиберная игрушка. Браво, партнер!

«Сделай его!»

Я побежал по стене. Словно делал это всю жизнь. Очередь из пушки чистильщика прошла кирпич и деревянные панели подо мной. Полетели щепки... Вытянув руку, я открыл ответный огонь. Повезло. Пули скосили его, лупанув по ногам. Я оттолкнулся от стены и мягко приземлился рядом.

— Добей! — шепнул Кунджи.

Пинком я отшвырнул оружие чистильщика в дальний угол комнаты. И вышел в коридор.

«Дурак...»

В 308-м номере через холодильник я перебрался на следующий уровень.

— Ты видел?!

Кунджи крутнулся на своем кресле, отрывая взгляд от контрольного монитора — там окаменел в паузе мой аватар. Я завел руку за голову и выдернул из разъема в основании черепа биосетевой кабель (биос). Затем, расстегнув «молнию», высвободился из объятий виртуального костюма. Тело слегка покалывало.

— Он тебя найдет.

Оптимизм Кунджи потрясал. Мой партнер любит называть себя «реалистом в инфернальной форме».

— Пусть попробует.

— Попробует, — заверил Кунджи. Вновь повернувшись к монитору, он словно утратил ко мне всякий интерес. В правом нижнем углу экрана вынырнуло окошко с перечнем ка-

ких-то названий. Часть из них была погашена, буквы потускнели и расплылись, — пройденные мной уровни.

— Тебе осталось немного, — бросил Кунджи через плечо.

— Сколько на это уйдет времени?

— Не знаю. От пары суток до трех-четырех недель. От тебя зависит. — Он пробежался пальцами по сенсорной клавиатуре. Окно развернулось в голограмму посреди комнаты. — Чистильщики перекапывают Сеть в поисках тебя. Это носит уже тотальный характер, дружище. Но их работа осложняется тем, что по мере продвижения в глубь «реинкорновской» локалки миры-оболочки становятся все совершеннее...

Отделавшись от костюма, я иду в туалет. Оборудование, заменяющее основные жизненные процессы, влетает в нехилые бабки, поэтому я вынужден иногда... для удовлетворения простейших потребностей, как сказал бы Кунджи. На работе я выбил отпуск, так что теперь почти не отвлекался от штурма.

Унитаз за моей спиной резко загудел, раскладывая содержимое на атомы. Автоматическая дверь отрезала этот звук.

В голоокне мелькали ряды цифр — Кунджи загружал очередной хитрый софтик, вплетая его в ткань Сети. Я направился на кухню.

Кунджи пил сок манго и играл в «тетрис».

— У тебя одни развлечения на уме, — буркнул я.

Вряд ли справедливое замечание. Именно благодаря «примочкам» партнера мне до сих пор не спалили мозги. Но я любил поспорить. Он — тоже.

— Развлечения — двигатель прогресса, — заметил Кунджи.

— Да ну?

— Без дураков. Что кричал плебс в Древнем Риме? «Хлеба и зрелищ!» Это — главные жизненные ценности, ориентиры. Кто вращает колесо цивилизации? Телекоммуникационные компании, вот кто.

Я слушал его, как студент лектора, при этом не забыв сунуть в микроволновку консервированный картофель с мясом и яичницу с помидорами. Хлеб отправился сначала в автонарезчик, а затем — в тостер. Кофе разогрелся сам по себе, когда я коснулся термически чувствительной упаковки.

— ...Углубимся в историю, — продолжал Кунджи. — Почему человек спустился с деревьев?

— Обезьяна, — поправил я.

— Хорошо, обезьяна. Почему она спустилась?

Я пожал плечами.

Кунджи ответил сам:

— Ей стало скучно. Любопытно, стремление к новым развлечениям — вот краеугольный камень человеческой психики.

Микроволновка подала сигнал о готовности пищи и отключилась. Я достал консервы, вскрыл их и принялся за еду.

— В итоге все важнейшие открытия используются королями масс-медиа. Волны?.. Радио, телевидение, Сеть, наконец, в теперешнем ее виде. Книгопечатание?.. Попсовые книжонки про любовь на лотках. Компьютер?.. Орды геймеров рубятся в DOOMы и стратегии по всему миру.

— Это — прошлое, — заметил я, поглощая картошку. — То, что ты перечислил, перекочевало в виртуал.

— Согласен. Но суть-то одна.

Он допил сок и поставил опустевший стакан в посудомойку.

— Скажи, Даун, зачем тебе бессмертие?

Я чуть не подавился:

— Глупый вопрос...

— И все же?

Я задумался. Долго молчал, прежде чем сказать:

— Чтобы не умереть, Кунджи. Я не верю в рай и Нирвану. Там, за барьером, ничего нет. Пустота. Все оборвется. Краски, звуки, запахи, боль и наслаждение — это будет потеряно. Я хочу жить дальше, вот и все.

Тостер выбросил поджаренные ломтики, шелкнул и затих.

— А дальше? — Кунджи, оторвавшись от «тетриса», сверлил меня взглядом.

— Что — дальше?

— Допустим, ты бессмертен. В двоем распоряжении — века... Ты встречаешь свой очередной миллиениум. Какая у тебя проблема?

Нас прервал компьютер, высветив на дверном табло: ЗАГРУЗКА ОКОНЧЕНА.

Кунджи вихрем вылетел в комнату — проверять результаты. Я в одиночестве допил кофе и выбросил смятую упаковку в мусорный бак-аннигилятор. Любые отходы в мире Комплекса перерабатывались в тепловую энергию — вечный круговорот.

— Даун!

— Иду!

Он сидел за контрольным монитором — собранный, напряженный. Я понял — отдых закончился.

— Моя программа называется «Лоцман», — сказал Кунджи. — Она изучила следующий уровень, внедрилась в него и выработала систему подсказок. Обращай внимание на мелочи.

— Принять душ я не успею?

— Нет. Надевай костюм.

Я стою на кладбище.

Ночь. Надгробные плиты, кресты, чугунные ограды освещены бледными лунными лучами. Фильм «ужасов» какой-то. Я усмехнулся: у «реинкорновских» разработчиков, оказывается, большая фантазия. Что бы сказал Фрейд, интересно?

Везде признаки запустения. Могилы давно поросли мхом и папоротником, утонули в кустах волчьей ягоды, в рябинах и прочей дряни. Я уныло брел по этим джунглям, высматривая в темноте малейшие подсказки. Ничего. Ситуация осложнялась туманом, голубоватой мутью, затянувшей кладбище. Ветви кустов норовили хлестнуть меня по лицу, ноги утопали во мху. Шуршала осенняя листва. Иногда я спотыкался о надгробия или поваленные ржавые кресты. Мощными колоннами вздымались к небу стволы сосен.

Удручающее однообразие. Ноль ориентиров. Куда идти? Еще не хватало, чтобы мертвецы стали вылезать...

Впереди замаячило что-то темное и мрачное. Постепенно оно приобрело форму, объем и размеры. Передо мной высится старенькая капличка, сложенная из красного кирпича. Я обхожу ее и встречаюсь с нищим.

Нищий сидит в позе лотоса и смотрит на меня пустыми глазами. У его ног — меховая шапка, на шее — кусок картона, на котором слова: «САМИ МЫ НЕ МЕСТНЫЕ...» Ну — и так далее.

Пошарив в карманах, я извлек горсть мелких монет и швырнул в шапку. В ответ нищий протянул мне руку со сжатым кулаком. Кулак разжимается — на ладони серебристо посверкивает жетон. Я беру его. Орел — змея, пожирающая собственный хвост, решка — одно только слово: «ТАНАТОС». Смерть. Больше ничего.

Я отворачиваюсь и ухожу. Нищий растворяется в тумане.

Довольно прохладно — думаю, этот мир застыл где-то в октябре. На мне по-прежнему пальто и длинный вязаный шарф поверх растянутого серого свитера, линялые джинсы и черные ботинки на «тракторной» подошве.

Поплутав по кладбищу, я вконец заблудился. Казалось, это место замыкается само на себя.

Я решил дожидаться утра. Опустившись на землю, привалился спиной к рельефной ограде. Плотнее закутался в пальто и попробовал заснуть. Меня встряхнул голос Кунджи, звучавший прямо в голове: «А ну вставай, урод! Хочешь с чистильщиком поцеловаться?..»

Я вновь бреду в никуда.

Мне повезло: деревья стали расти реже, и я вышел на берег реки. Крутой, обрывистый берег, по которому тянется извилистая тропинка. По ней я спустился в город — на узкую, мощенную булыжником улочку, одним концом упиравшуюся в лодочную станцию, а другим выводящую на площадь.

Городок был маленький. Чем-то он мне напоминал те старинные белорусские города, уже давно поглощенные мегаполисом и превратившиеся в заповедные «музейные» районы. Я родился и вырос именно в таком районе, в обшарпанной пятиэтажке времен XX века...

Час предраассветный. Я в нерешительности замер в центре площади, на перекрестке дорог. Подсказки. Где их искать? Разумеется, на доске объявлений.

Я направился к остановке. Обогнул скамейки и подошел к покосившемуся забору, ограждающему стройку. Света фонаря и луны вполне хватало, чтобы прочитать текст. Я мысленно пробежался по объявлениям. Все одинаковы. Сдается квартира по улице Ленина, 79/2. Телефон 1-18-25. Ни подъезда, ни номера квартиры...

«Думай, — сказал я себе. — Что у нас есть?»

Жетон.

Браво, Даун! Я подхожу к телефону-автомату, набираю указанные в объявлении цифры. Длинные гудки. Шелчок:

— Да?

— Я по объявлению. Как мне вас найти?

Получаю подробные инструкции. Двигаюсь по главной улице (она же — Ленина). Почти точная копия моего района. Не удивлюсь, если справа окажется книжный магазин, а затем — бар. Как он назывался? Вроде «Релакс». Воспоминания накатывали волной. Слева должна быть железная дорога, вокзал. Тогда, в моем детстве, на вокзале встречались «девятки» и «шестидесятки», до зубов вооруженные цепями, кастетами и кусками арматуры...

Я сворачиваю во двор дома №79, нахожу подъезд. Следуя указаниям, поднимаюсь на четвертый этаж. Останавливаюсь перед обитой дерматином дверью. Звоню.

Никто не открывает. Опять вдавливаю кнопку звонка. Ничего. Толкаю дверь — не заперто. Вхожу. Дверь сзади захлопывается.

Я нахожусь в восьмиугольной комнате с кучей дверей. Мебель отсутствует, окна тоже. Стены выкрашены в белый цвет. На каждой двери — табличка с надписью: «ДНЕПР», «ЗАВОД», «ВОКЗАЛ...»

Выбор.

Господи, как я это не люблю! Придется действовать методом научного тыка. Я делаю шаг к ближайшей двери («ВОКЗАЛ»), поворачиваю ручку и... перемещаюсь на перрон. Прямо передо мной в обе стороны тянутся пути. Сзади — голубое здание с круглым циферблатом над крыльцом и парой сводчатых окон, клумбы, стриженные кусты и ели, скамейки. Колонка с водой...

Я вхожу в здание. Кстати, название города я так нигде и не обнаружил. Странно, не правда ли? Как и то, что город абсолютно пуст. За все время я ни разу не встретил в этом мире живого человека. Словно чума всех выкосила. Но ведь разработчики могли и намеренно не предусмотреть населения. Для чего?

Правильно. Чтобы легче было выщемливать хакеров вроде меня.

В зале ожидания — гулкая пустота. Даже сиденья отсутствуют. В кассе — никого. Передо мной — расписание движения поездов. Мне показалось, что оно есть, что там обычный набор данных, но прочитать хотя бы строчку я не успел. Поэтому что все исчезло, и на белом квадрате высветилась надпись: «ЛЕНИНА, 79».

Из ступора меня вывел звук. Отдаленный гул, похожий на...

Приближался поезд. Какого хрена поезд в этой статичной вселенной?

Я вынырнул.

Кунджи буквально впился глазами в контрольный монитор. Мой аватар с глупейшим видом окостенел посреди марморного зала. Было видно окно с кусочками перрона и часть абстракционистской картины на стене.

— Эй! — Я окликнул партнера.

Он уставился на меня.

— Ты что тут делаешь?

— Я...

— Идиот! — Кунджи взорвался неожиданно, как ядерная бомба, выплескивая все накопившееся напряжение долгих недель штурма. — Там чистильщик! Слышишь меня, тупое животное? Он в поезде и сейчас доберется до тебя! Назад!

— Успокойся. Ты можешь загрузить для меня оружие?

Он немного остыл, вернулась прежняя рациональность мышления. И быстрота реакции.

— Что угодно. Только убирайся отсюда. Мы же почти у цели, понял? Почти у цели...

Поезд прибыл.

Помятый дизель — из тех, что списаны еще полвека назад и теперь ржавеют на многочисленных свалках.

Вышел чистильщик. Он не потрудился принять какой-либо конкретный облик — ко мне текло амфорное существо с зачатками конечностей, полупризрачное.

В реальном мире Кунджи запустил процесс загрузки.

В виртуальном почти мгновенно сконструировалось мощное орудие со стволом, нацеленным в окно. Почти не разду-

мывая, я подбежал к нему, уселся на вырост-сиденье, приваренный к станине. Руки сами собой нашли гашетки. Точной наводки не требовалось — с такой-то дистанции...

Огонь.

Залп вынес окно с фрагментами стены, перрон утонул в пламени. Когда дым рассеялся, я увидел чистильщика — удар совершенно не отразился на ублюдке. Он неотвратно приближался.

— Сваливай! — шепнул Кунджи. — Через расписание. Быстро, твою мать!

Я метнулся к плакату расписания. Прыгнул, провалился в зыбучую трясину неопределенности...

Знакомая квартира. Двери.

Снова — выбор. Я внимательно присмотрелся к надписям. «МУЗЕЙ», «ШКОЛА». На одной двери надписи не было. Буквы проступили, когда я к ней прикоснулся. Красные готические литеры с кровоподтеками: «ТАНАТОС».

Я вошел.

Мои ботинки вдавились в кладбищенский грунт.

...Лопату взял в домике сторожа. Я уже знал, что делать, — Кунджи мне все подробно разъяснил. Успею или нет — другой вопрос. «Реинкорн» не бросит охоту. Да и чистильщик где-то здесь, в городе. Возможно, он бродит неподалеку, шаря лучом фонарика по могилам...

Я тоже шарю.

Из сотен памятников и надгробных плит я должен выбрать кусок мрамора с сакраментальной надписью. Чем меньше времени уйдет на поиски, тем лучше.

По-прежнему — октябрьская ночь. Я уже облазил треть кладбища, но так ни на что и не набрел. «Думай, — напутствовал Кунджи. — Шевели мозгами. В виртуальности все символично. До гениальности просто. Ответ — в твоей голове...»

Я нашел это возле каплички. Всего в двух шагах. Вросший в землю памятник, на котором проступает знакомое «ТАНАТОС». Имя, фамилия отсутствуют, зато сохранились даты жизни: 1980—2067. «Это пароль, — предупредил Кунджи. — Запомни».

Я запомнил.

И начал копать.

Грунт поддавался легко, словно я рыл пыль или пепел. За считанные секунды углубился почти на два метра. Я уже готов был услышать стук лопаты о крышку гроба, но вместо этого... провалился. Скольжение — и выход.

— Это промежуточный узел, — сказал Кунджи.

— А потом?

— Потом ты сделаешь Сальто.

— И?..

— И ты — победитель. Вводишь пароль — из тех, что скачал на корабле, и Бессмертие — наше.

Финал. Я почти не верил, что он наступит. И что, вы думаете, я сделал?

Я отправился в душ.

Горячие струи смывали с меня многодневную грязь, принося очищение. Не только физическое, но и духовное.

Я думал о Сальто. Сальто над Алюминиевым лесом, которое я должен выполнить. Прыжок — символ. Я образу в момент Сальто картинку, которая ножом, цифровым кодом войдет в матрицу Их сервера. Последний аккорд моей одиссеи. Потом начнется новая жизнь. Вечная.

Я помню потрясение, испытанное мной, когда я осознал, что сайт Бессмертия реален. Когда я понял, что это не миф, это штука, которой я могу обладать. Мы с Кунджи — лучшая хакерская команда в окрестностях Земли, и мне кажется, что мы заслуживаем приз. За свои труды. За удачу. За каждодневный страх. Да, признаюсь, я до сих пор боюсь. Но скоро они будут бояться нас. Штурм вступает в решающую стадию...

Я действую решительно. Связываюсь по особому кодированному каналу со своими друзьями на Земле — подпольной исследовательской группой «Джокер». Эти ребята подрабатывают нелегальной телетрансляцией, но основное их достоинство в другом. «Джокер» считывает практически любую информацию: цифровую, штрих-код, генетическую, мертвые языки... Считывает, размножает и распространяет.

Просекаешь, дружок? Бессмертие скопируют с меня, тиражируют и забросят в Сеть — гулять по планетам и спутникам. Естественно, за плату. Идеальный сюжет: человечество

облагодетельствовано, «Реинкорн» в анусе, tandem Даун-Кунджи сказочно богат и знаменит. Великолепно, не правда ли? Круче Деда Мороза с мешком подарков.

Мои тело и волосы высушивает соляная лампа. Из стиральной секции, совмещенной с санузлом, я извлекаю чистую одежду. От нее исходит аромат лаванды — спасибо новому порошку «Люкс».

Кунджи вводит пароль — естественно, «1980—2067».

Загружается следующее препятствие. Это четверть часа — по минимуму. Мы завтракаем в абсолютном молчании. На табло вспыхивает классическое: ЗАГРУЗКА ОКОНЧЕНА. Мы возвращаемся в свою тюремную камеру.

Кунджи мановением руки «материализует» *Это* в гологрэфиксе.

Кубик Рубика.

Помню, как я матерился. Кунджи сказал, что будет искать в Сети обучающую программу. И тут меня посетило озарение. Кирченко! Я пригласил его к нам и указал на проблему. «Фигня», — сказал Кирченко. Я засовываю его в виртуальный костюм и вселяю в своего аватара. Небольшая задержка — компьютер подгоняет личностные характеристики. Силуэт перемещается по обоим мониторам и одновременно — голографическим фантомом — по комнате. Его руки (общим числом — шесть) дотрагиваются до кубика, словно оценивая его вещественность, и начинают мелькать с потрясающей быстротой. В углах мониторов таймеры отсчитывают секунды. Тридцать четыре. Мы с Кунджи обмениваемся восхищенными взглядами. «Это бутылка», — говорим мы хором. «Ерунда, — отвечает Кирченко, — сущие пустяки». Но зайти на вечерний банкет соглашается.

Я погружаюсь в Сеть.

Алюминиевый лес.

Над этим «шедевром» явно поработал извращенец. Программист-шизоид. Представьте себе обширную территорию, сплошь покрытую металлическими зарослями. Сегментированные стволы и ветки, скрепленные болтами, листья и шипы. Даже плоды, смахивающие на батарейки.

Я стою на холме. От противоположной возвышенности меня отделяет несколько километров леса. Но мне — не туда. Гораздо ближе зияет щель-переход, куда я должен нырнуть, выполнив Сальто. Я терпеливо жду, пока Кунджи не введет наш любимый софтик «прыжки-полеты». Алюминиевая листва колыхнется на ветру.

Ко мне словно приставили крылья. Кунджи — ты мой ангел-хранитель.

Я прыгаю.

Отрываюсь от земли с легкостью. Что там сказал классик? Человек создан для счастья...

Я делаю Сальто.

Бесконечно долгую, растянутую, как резина, секунду подомной проплывает лес, а затем...

Обычными словами этого не передать. Я пропустил миг, когда достиг цели. Мозг выдал запомненный годом раньше пароль — он вошел в ткань сайта, как нож в масло. Меня накрыло цифровой волной, поглотило, засосало. Повсюду выстраивались двоичные структуры, замкнутые сами на себя, и ныряющие, казалось, в иное, четвертое измерение, подчиненные странным, запредельным законам виртуальной топологии... Окружающий континуум выворачивался наизнанку, и по сравнению с этим лента Мебиуса была детской игрушкой. «ОНО» рванулось ко мне, подключилось, и я понял, что становлюсь бессмертным. Формация перестраивала меня на генетическом уровне, вписывая в каждую клеточку новую, свежую информацию. Виртуальная нанотехнология. Каким-то непостижимым образом сайт воздействовал на мое сознание, а через него — на неподвижное тело в скорлупе Четвертого Орбитального. И тело менялось неотвратно и навсегда, его лепили, как пластилин. Ничтожную часть данных мой хакерский мозг умудрялся расшифровать: циклическое омоложение тканей, внедрение (образование?) чужеродного гена, реставрация нервной системы...

А перед глазами вновь и вновь прокручивалась металлическая равнина и Сальто. Я теперь буду переживать это долго. Вечно. Вспоминаю и сейчас. По асконам пробегает дрожь...

Я просыпаюсь. Кунджи помогает мне снять костюм, выдергивает биос, отводит на кухню. Я настолько ошеломлен,

что практически не воспринимаю реальности. Кунджи заливает мне в рот кофе, смешанный с изрядной дозой грузинского коньяка. Я пью, не чувствуя вкуса, а за стеной нелегальные софты Кунджи стирают все следы нашего пребывания в Сети. Я подмечаю несущественные детали: горит индикатор микроволновки, лязгает хлебoreзка (обычно она не лязгает, видимо, что-то накрылось)... Постепенно возвращаюсь к норме. Кофе обжигает язык, слова партнера больше не тонут в непроницаемой вате, они достигают моего слуха. Я на Четвертом Орбитальном. Два непреложных факта впиваются в сознание. Я вскрываю еще одну упаковку с кофе. Кунджи протягивает мне «колесо» стимулятора, я отказываюсь. На информ-табло вспыхивает сообщение: к вам пришли.

Кирченко явился с бутылкой грузинского. Интересно, где сосед его достает? Надо будет спросить...

Раздавили пузырь за полчаса. Меня отправили за догонкой. Услуги пневмопочты распространялись и на наш район, только сейчас кусок вакуумной трубы вышел из строя. А ближайший магазин — в пяти минутах ходьбы по радиальному проспекту. Километры витрин и неоновых реклам. Бутики, салоны, бары...

Я добросовестно отстоял в очереди, товар мне мастерски запаковали, скрепив клейкой лентой с логотипом фирмы-производителя. Обычная процедура. Весь поход занял четырнадцать минут.

Когда я вставил магнитный ключ в паз двери и она открылась, я застыл на пороге...

Кунджи и Кирченко были мертвы.

Я вспотел. Всего четырнадцать минут...

Позже, обдумывая обстоятельства их смерти, я решил, что киллер, вероятно, принял Кирченко за Дауна. Вполне логично: наших фэйсов он не имел, но знал, что в квартире всего два клиента. Обоих и замочил. Судьба...

А вот мне невероятно повезло. Шансов выжить в подобной ситуации — кот наплакал. Мы взломали сайт именно сегодня, а не, скажем, вчера или завтра. Плюс — визит Кирченко. Плюс — поломка почтовой трубы. Плюс — очередь в магазине... Множество незначительных факторов сложилось и, взаимодействуя, спасло бессмертного хакера с ником Даун.

Чистая теория вероятностей. У меня была вечность, но решающими оказались жалкие четырнадцать минут.

Тогда я ни о чем таком не думал. Я думал, как выкрутиться. Ведь если «реинкорновцы» поймут, что замочили не того, охота продолжится. Ясно одно: нельзя производить лишней суеты. И еще: я, кажется, засиделся на Комплексе. Пора домой, на старушку Землю. Тойо Шикомото взял билет на Кипр — отдохнуть от гаечных ключей и отверток — и там благополучно пропал без вести. Вместо него родился некий Круз де Сад (как вам имечко?), и вынырнул он уже в Мадриде, а не на Кипре. Само собой, у де Сада была внешность корсиканского кабальеро с долей белорусской крови — но это пустяки. Кабальеро обожал чатоваться в Сети, особенно с «Джокером». Штаб-квартира «Джокера» по странному совпадению тоже размещалась в Мадриде...

Я часто думаю о Кунджи. Мне его не хватает — мы почти стали друзьями. А еще я вспоминаю наш разговор о развлечениях. Какая у меня проблема, Кунджи? Теперь я понимаю...

Убить время.

Михаил Харитонов

НЕВЕСТА

Снаружи было темно, и шел дождь. Дохленький свет автобусных фар выхватывал впереди дорогу: жирное месиво из грязюки и раскрошенного асфальта, выбоины, колдобины и ямы, в которых лежала желтая вода, рябая от капель. Наверху дребезжал неплотно закрытый люк — «брыбры-бры». Фиолетовые занавесочки на окнах чопорно вздрагивали. То и дело автобус опасно накренился вправо, проседая к обочине.

Влад бочком пробрался по пустому салону и пересел на переднее сиденье — так меньше трясло. Попытался примостить между ног докторский чемоданчик с лекарствами и инструментом. Получилось нехорошо: от тряски чемоданчик елозил, все норовя выскользнуть и шлепнуться на грязный пол. Пришлось примотать его за ручку к поручню резиновым жгутом.

Он выбрал кладбищенский автобус, потому что это был единственный доступный транспорт, более-менее пригодный для перевозки тел. Вряд ли, конечно, это понадобится, да ведь заранее никогда не знаешь: в случае чего оно может пойти по-всякому. Стоило бы попробовать со «скорой». В конце концов, он мог бы повести ее сам, посадив рядом кого-нибудь, знающего дорогу. Но, с другой стороны, подставлять коллег — Влад когда-то и сам работал на подстанции — не

хотелось. Оставлять местный народишко без врачебной помощи — не хотелось тем более. К тому же водитель автобуса оказался единственным, кто еще помнил проезд к старому кладбищу. И то — пришлось полчаса толкаться на кругу, нудно базарить с бомбилами, потом сидеть в местной тошниловке и, давясь засохшим бутером, слушать вторым слухом всякие разговоры... Хорошо, что нашелся хоть этот. Жаль, что пришлось его куснуть. Можно было бы, конечно, договориться по-людски, да придурок уперся: «Не, не поеду». И поздно-де, и далеко, и место не пикничковое, да еще ждать, да еще ночью. Каша из денег, которую Влад насобирали у себя по карманам, показалась водиле недостаточно сытной. Пришлось проследовать за мужичком за гаражи — он там собирался отлить — и делать эксклюзивное предложение клыками. Не обошлось, конечно, без кой-какого физического насилия: водила не хотел подставлять шею под клык и пытался сопротивляться. Ну да чего ж теперь-то.

— Аа-вто-радио! — неожиданно закричала в шоферской кабинке магнитола и задребезжала дрянной музычкой. Похоже, водила чуток очухался после обезволивающего укуса. И, ясен пень, первым делом врубил бормотофельник.

От сорного звука в салоне стало как-то тесно.

Влад немного послушал новости, сообщение о московских пробках и песенку «яй-а, яй-а, яблоки йелла», но когда в ушах засвиристел хит Ангелины Аум «ах бананчик сладкий мой бананчик у тебя мой мальчик» — не выдержал и пошел смотреть, что там да как.

Оказалось, вовремя. Шофер был в том нехорошем промежуточном состоянии, когда воля все еще подавлена вкусом, но в голове уже начинает что-то побулькивать.

— П-пидоры, — булькал мужик, на автопилоте крутя рулевое колесо. — П-пидоры... Мы едем? Покойник в салоне есть? Нет? Тогда ничего, если музыка будет?

Держась за поручень, Влад наклонился над шофером, примериваясь. Но тут автобус опять тряхнуло, да так, что он чуть не прокусил себе губу собственными клыками.

— Дорога, епта... Екарный бабай... Чего я тут сижу? Э, темно-то? Что-ли, ночь объявили, епта? Мы куда едем-то? — Мужик приходил в себя, надо было быстро что-то делать.

— Веди себя спокойно. — Пассажир положил руку на плечо водилы. Плечо было мягкое, покатоое, потливое — что называется, бабье. Прикаса́ться к нему было неприятно даже через рубашку.

Водиле это тоже не понравилось. Он пробормотал «че за дела» и попытался было стряхнуть руку. Пришлось прихватить его кlyками за загривок и впрыснуть в мышцу дозу зобного секрета.

Ойкнув, шофер выпустил баранку и сжался на сиденье. Секунд пять автобус шел своим ходом, съезжая на встречную. Потом водила прочухался и с новой силой вцепился в руль, выравнивая тяжелую машину.

— Мы едем на старое кладбище. — Влад склонился к волосатому уху водилы. — Ты везешь меня на старое кладбище. Понял?

Обезволенный шофер энергично затряс плешью и от дурного усердия газанул так, что из-под колеса вырвалась толстая струя жидкой грязи и заляпала столб с перечеркнутой табличкой «Малафеево».

Влад рассеяннo облизнул губы. Кровь была нехорошей, нездоровой. Он попробовал было разобрать, в чем там дело, но все оттенки забивал отвратительный привкус загубленной печени. Похоже, мужичонка сильно квасил... Снова пачкать рот не хотелось. Все же он отсосал еще немного — в последний момент ему показалось, что есть подозрение на онкологию. Оказалось — простата, ну и еще кой-какие застарелые болячки.

— Когда вернешься домой, — мягко, но властно сказал Влад, кодируя мужичка на будущее, — пролечись. У тебя *гард-нереллез*. Запомни — гар-дне-рел-лез. Это болезнь. Передается половым путем. Лечись. И обязательно заставь жену провериться.

Кристина Аум закончила наконец с бананчиком. Вступил Розенбаум, просящий не будить казака вашеблагородие.

— Гар... — Мужик попытался справиться со сложным словом, не получилось. — Гарденелез... Гаднелез... Гар... дар...

— Гар-дне-рел-лез. Запомни. Иди в больницу. Лечись. Жене тоже надо лечиться. Еще женщины есть? Партнерши? Ну, баба на стороне у тебя водится?

— Бабы всякие... А я про них все знаю, про сук... им денег надо... — Обезволенный человечек не мог лгать, но какая-то часть его маленького мозга все-таки сопротивлялась, заставляя уходить от темы. — Денег им вынь да положь...

— У тебя есть еще женщина, кроме жены? — Влад больно сжал плечо шофера, так что у того дрогнула рука, и автобус повело. — Есть?

— С Люськой, — выдохнул водила. — Она со всеми... я чего... я ничего... — Похоже, в сознании водителя зашевелилось что-то вроде чувства вины.

— Так вот, скажи Люське, что она больна. И будешь с ней еще — только в презервативе. Понял? — Здесь желательно было бы глянуть мужику в глаза, закрепляя внушение, но отвлекать водителя на такой дороге было опасно. Поэтому Влад ограничился тем, что повторил фразу и заодно потребовал выключить звук.

— Презики... — протянул шофер, послушно вырубая гавкалку. — Презики... Для Люськи. Поял... Жизнь — она, да... — В его бедовой голове опять что-то провернулось не в ту сторону. — Вот жена моя... Света... знаешь что... тебе скажу. Котлеты жарить не умеет. Двадцать лет любил. Веришь, нет... А она котлеты...

Влад поморщился. Похоже, мужик относился к той разновидности людей, которые реагировали на передоз зобной жидкости приступом безудержной логореи.

— Жена котлет жарить не умеет, слышь. Двадцать лет — и все не умеет. Да... Вот как так можно? Двадцать лет. Котлеты жарить не умеет. Вот такой вот женьшень. — Слова лезли из водилы, как какашки из кролика. — И бегонию не пересадила. Теперь даже не знаю. А на балконе срач. И в доме. Денег ниххх... — Мужик икнул. — Свято ж! Нет же, сукападла... Говорит, начальство задерживает... где она там шас... — Он внезапно крутанул руль, и автобус выехал на встречу.

— Вернись на правую полосу. Мы едем на старое кладбище. — Влад слегка выпустил коготь и ткнул им в жирную спину водилы.

Тот опять икнул, но пришел в чувство и выправил курс. Потом вдруг почти осмысленно спросил:

— Зачем туда едем?

— Мне нужно на свадьбу, — усмехнулся Влад. — Сегодня ночью там свадьба. Я вроде как свидетель со стороны невесты. Ну или типа того.

— Невеста. — Мужик снова провалился в свои смутные мысли. — Невеста-хуеста... Бабы все грязные, — поведал он, понижая голос. — Люська тоже баба грязная. Потаенку не бреет. Ты с нее трусняк стягиваешь... а тебе в лицо бах — такая... ну... своеобразная подушка безопасности волосаяная выскакивает, — мужик мелко засмеялся, — мне лично это не любо... И пахнет. Я ей говорю, сбрей хайры, а она мне фры. Такая вот разножопица получается...

Он немного помолчал, потом затынул новое:

— Начальство все ворье, вор на воре. Людям, слышь, них-хера не дают. Я такой жизни не понимаю... гребись оно все ладьей, Гайдар-байдар, Путин-мутин, блядва вся эта наверху, только бы воровать. Им дай, они у народа воздух спиз... спис... — Он поперхнулся и немножко посидел с открытым ртом, глотая воздух, потом сглотнул и дожал голосом фразу: — Теперь друг дружку едят без хлеба. Люська знаешь что говорит? Легче вскрыть на жопе вены, чем дожидаться перемены! По жизни все так и есть... Ну да Бог-то не тимошка, видит немножко... дожуются, дожиркуются, суки... кровь нашу пьют... кровь пьют... Чубайс.

Влад скептически оглядел водилу и подумал, что уж его-то кровью Чубайс точно побрезговал бы.

Он вернулся в салон. До места оставалось еще минут десять езды. Хотелось спать — не то чтобы сильно, а так, слегка. Он попытался было читать прихваченный с собой сборничек Веры Павловой, но книжка оказалась глупой и занудной, как и вся современная женская поэзия. В конце концов он принялся смотреть в окно, напрягая второе зрение. Увы, ничего интересного не было, кроме попадающихся костей на обочине: коровьи мосла, лосиный череп, какие-то засохшие перья, еще что-то совсем уж мелкое. Все эти останки еле-еле подсвечивали жалобной зеленцой истощившейся ауры.

Они приехал, когда на улице уже стояла густая колодезная темень. Над старым кладбищем поднимались тонкие, невесомые паутины астрального света: очень много человеческих тел, давно отдавших остатки души Богу или Природе, кому что ближе... Свежих было мало. Спокойный сине-фио-

летний столбик свечения над старой могилой — скорее всего семейный участок, куда совсем недавно внуки сгрузили зажившуюся бабушку. И несколько багровых пятен на краю, все с ядовитой оранжевой опушкой. Похоже, то были серьезные люди: в зубах аурум, в груди плеврум, все как полагается по жизни правильному пацану... Ярко сиял прикопанный с краешку — не на самом кладбище, а в лесочке рядом — труп. Судя по оттенкам свечения, человечка, прежде чем прикончить, долго истязали. Напрягая чутье, Влад понял, что убитый был крутым и небедным, а последние годы прожил где-то далеко отсюда, в теплом и безопасном месте. Небось прилетел ненадолго, по бизнесу или просто родных повидать. Расслабился. Добро пожаловать домой.

Шофер сидел на своем месте, сжимая баранку побелевшими пальцами, как утопающий последнюю соломинку. Ехать было некуда, новых приказов не поступало, и обезволенный мозг впал в ступор. Влад добыл из чемоданчика шприц со спухой и пустил ему по вене подходящую дозу. В принципе можно было бы обойтись своими средствами: защечные железы вырабатывали прекрасное естественное снотворное. Оно бы и лучше, но тратиться сейчас не хотелось. Мало ли.

Он вышел, с силой раздвинув закрытые двери автобуса, и направился к кладбищенской ограде. Дождь присмирел: не хлестал струями, а тихо накрапывал.

На кладбище было пусто и тихо, вокруг — тоже. Только где-то очень далеко, в загоризонтной темноте, дергалось и порывивало большое и очень тяжелое — не то трактор, не то экскаватор.

Что-то зашуршало за спиной. Влад оглянулся, но увидел только мокрые красные огоньки автобуса. Присмотрелся. Почему-то обратил внимание на голубую полосу на мятом боку. Потом сообразил, что смотрит вторым зрением, а мертвая вещь не излучает цветной ауры. Полоска, однако, почему-то упорно отливала в светлую синеву. Психика шутит? Или какая-то ассоциация? Напрягшись, вспомнил, чем навеяло: «...до отверстия в глобусе повезут на убой в этом желтом автобусе с полосой голубой» — это была строчка из журнальной подборки поэта Бориса Рыжего, и еще что-то там было такое тра-ля-ля про ударные и безударные гласные: он читал это под белой больничной лампой после обхода, а рядом стояла

вычурная кружка с кровью, точнее говоря — с кошмарной, совершенно несъедобной смесью, чего стоит хотя бы коктейль из Игоря Игоревича с его почками вкупе с Леночкиной, приторно-сладкой от ранней беременности... нет, употребить это по назначению было никак невозможно, но смотреть на кружку — по кайфу, потому что на ней написано «Дорогому Владиславу Сергеевичу Цепешу в день рождения от коллег», и глаза пощипывало, и журнальные строчки расплывались: «похоронная музыка на холодном ветру... прижимается Муза ко мне — я тоже умру... духовые, ударные в ритме вечного сна... о, мои безударные «о», ударные «а»...» и это были, черт возьми, хорошие стихи, и светила больничная лампа, и он знал, что находится на своем месте.

Все-таки у меня правильная работа, думал Влад, осторожно пробираясь среди могил. Правильная работа и правильные ребята. Хотя сначала — когда он решил, что больше не будет скрываться, — приходилось тяжело. Разговаривать с каждым, объяснять, убеждать, что-то доказывать ужасно нелепо и унижительно... Но потом все образовалось. День за днем, неделя за неделей, дежурство за дежурством — все утряслось, все встало на свои места. И теперь ему не приходится воровать краску из холодильника — холодную, невкусную, с лимонкой и цитратом натрия или, того хуже, с гепарином, от которого его выворачивает... Или, скажем, устраивать кросс по солнечному коридору, на бегу отбрехиваясь от предложений покурить и поболтать. И много чего еще не.

Ну конечно, над ним время от времени стебаются. Хотя бы эта вечная ресторанный хохма Генулика — «мне средней прожарочки, а вот этому господину, пожалуйста, прожарка ну са-а-амая минимальная... и красненькое подайте, он у нас по красненькому». Бесполезно говорить, что из человеческой еды он предпочитает ту, в которой нет даже следов крови животных, а свинину он теперь вообще не переносит ни в каком виде: свиная кровь похожа на испорченную человеческую и от этого особенно противна... А Фирочка презентовала ему диск с «Дракулой» Брема Стокера и тубик с французским кремом для загара. А тот коктейль с краской и томатным соком?.. Да хрен ли. Медики — народ своеобразный. Чувство юмора у них, так сказать, сильно профессиональное. Тут уж ничего не поделаешь.

Зато... Зато, скажем, питается он регулярно и разнообразно: ребята входят в положение и, так сказать, складываются. Правда, у Игоря Игоревича пиелонефрит, что изрядно портит вкус продукта, а у Виолетты Михайловны сложная женская судьба, сильно ударившая по гемоглобину. Но есть здоровый кабан Генулик, у которого высокое давление, так что небольшое кровопускание ему только на пользу. И Фирочка Отколупова, у которой в венах течет настоящий нектар — однажды он не удержался и махнул зараз граммов двести... А теперь еще и Танюша, которая в обеденный перерыв заходит к нему в кабинет и, ужасно краснея, лепечет, уже расстегивая пуговицы и обнажая пульсирующую жилку на шее: «Вы, Владислав Сергеевич, уж пожалуйста, засосов не оставляйте, я замужем...» Хотя он никогда не оставлял — только аккуратные точки, заживающие буквально за пять минут. Танюшка, кстати, по секрету шепнула Михайловне, что ее эта процедура ужасно возбуждает, а иногда — «ну когда он это... в шею... этими своими клыками... аж ноги подгибаются... если честно, кончаю». А недавно он нарвался на нахальную практикантку в готическом прикиде. Которая, когда ей про него рассказали, напросилась угостить своей краской. После чего заявила — «мне кажется, такие вещи должны быть взаимными». А пока он соображал, что она имеет в виду, встала на колени и расстегнула ему брюки... Хорошо хоть никто дверь не открыл. Нда, молодежь. Мы такими не были. А может, кстати, и зря, что такими не были, гм, гм...

Ладно, это все фигня. Главное — на него рассчитывают. В самых тяжелых, самых безнадежных случаях. Как в феврале, когда они вытаскивали на этот свет детишек из-под обломков торгового центра. Тогда он дневал и ночевал в палате. Он не спал восемь суток подряд. Он колдовал над составами в капельницах, как средневековый алхимик, — учитывая погоду, время суток, фазы луны и цвет ауры. У него болели губы и клыки от постоянных анализов. У него сводило скулы от голода, а он не мог поесть, потому что вкус нормальной свежей краски глушит тончайшие рецепторы... Но когда он вышел из палаты — белый, иссохший, с окровавленным ртом и запавшими глазами — классический вампир, куда там киношному Дракуле, — и сказал «всех в третью», он услышал вторым

слухом шепот: «Надо же, все живы... не верю...» И еще тише: «Сергеич, он у нас один такой...» И тогда он понял, что готов снова войти в такую палату еще на неделю. Или на сколько там оно понадобится.

Дело даже не в репутации, к ней он равнодушен... ну, скажем так, почти равнодушен. Просто работа была сделана как надо и оценена по достоинству. Впрочем... нет. Никто из обычных людей не сможет этого оценить — что это такое, когда окружающий мир скатывается грязной простынкой и перестает отсвечивать, зато удары чужого пульса отдаются в кончиках клыков громом небесным...

Хотя... зачем весь этот пафос? Людям нужен результат. Их драгоценные жизни и не менее драгоценное здоровье. Нужно, чтобы пить водку, смотреть телек и читать газеты. И вот мы возимся, становимся на уши, спасаем — чтобы очередной спасенный и выздоровевший мог пить водку, смотреть телек и читать газеты. Как будто, если он умрет, больше некому будет смотреть телек и читать газеты.

Легкий приступ самолюбования закончился, как обычно, мизантропическим делириумом. Что поделаться, такой уж у него вредный менталитет. А то ж. Повкалываешь в московской больничке годочков этак дцать с гаком — тот еще менталитет себе отратишь.

Он добрался до оговоренного места. Открыл чемоданчик, достал фонарь. Мягкий электрический свет осветил пятачок земли среди покосившихся оград. Участок был старый, непосещаемый. Тяжелые мраморные кресты соседствовали с ржавыми звездами на железных палках и гранитными утюгами с вмурованными фотокарточками. О добрососедстве, впрочем, говорить не приходилось: разнокалиберные памятники угрюмо наезжали друг на друга — во всех смыслах этого богатого слова. Некстати вспомнилось какое-то художественное воззвание, где кладбища сравнивались с музеями. Что-то там было про мрачное смешение множества тел, неизвестных друг другу... А, вот оно: «общественные спальни, где одни тела обречены навечно покоиться рядом с другими, ненавистными или неизвестными». Кажется, Маринетти. Основатель итальянского футуризма. Птичка божия незлая, любитель больших скоростей... Кстати о птичках: где наши претенденты на

руку и сердце? Пора бы уж. Он напрягся, пытаясь различить следы вампирской ауры. Никого. И невестой вроде как тоже не пахнет... Ладно, ладно, подождем, мы терпеливые.

Влад поискал какой-нибудь пяточок, чтобы присесть, не сильно запачкавшись. Ничего подходящего не нашел, но не слишком огорчился. В конце концов, и то хорошо, что дождь не хлещет.

На дороге сыто зарычал дорогой и мощный автомобиль. Влад мгновенно сосредоточился, напряг второе зрение. Так и есть, здоровенный «лендровер». А в нем сидит претендент номер один. Гость — не хуже татарина.

Судя по ауре, это был приземистый, массивный вампир лет сорока или около того. Он был упакован в какие-то дорожные тряпки, а в животе его плескалась свежая кровь. У него было оружие, скорее всего пистолет: чуялся холодный опасный металл у бедра. Цвета ауры свидетельствовали о самодовольстве, вскормленном хорошими деньгами, неплохими возможностями и очень немалыми амбициями. Но, похоже, человек уже давно не решал проблемы, полагаясь только на себя лично. Неудивительно, что он все-таки боялся. Или, скажем так, немного беспокоился. Аура-то бледновата для таких понтов... н-да.

Тем временем претендент остановился, встал враскоряку, сложил руки лодочкой и закричал:

— Эй! Тут есть кто?

— Кричать не надо, — сказал Влад.

Тот дернулся — аура колыхнулась, — потом взял себя в руки.

— Ты кто? — спросил он уже почти нормальным голосом.

— Я распорядитель свадьбы, — сказал Влад. — Я вам все объясню.

— Точно распорядитель? — подозрительно спросил низенький. — Документ какой-нибудь есть?

— Документ сейчас ты предъявлять будешь, — раздраженно ответил Влад. — И не ори так. Я тебя прекрасно слышу. — Он не любил тыканья, но чувствовал, что с этим набобом следует обращаться именно так.

Низенький, кряхтя, пробрался между могилами и подошел ближе — не появляясь, однако, в пределах прямой видимости первым зрением.

— Да не прячься, — поморщился Влад. — Я тут один. Ждем остальных. Успеешь еще промерзнуть... Приглашение с собой?

— Ну... — Претендент, уже не таясь, вышел из-за ближайшей ограды, внутри которой свирепо чернел мраморный монумент. — Лады. Будем знакомы. Я — Саша Швёдов. Швё-одов, не как «Швеция», а как «мед», понял? — Он упер на «йо» в середине. — Куришь? — Он достал пачку «Парламента».

— Вообще да, но сейчас не буду. Приглашение давай, — напомнил Влад. Он уже чуял запах верхним чутьем, но необходимо было убедиться.

— Вот. — Саша достал паспорт и лист бумаги, закатанный в прозрачный пластик. На листке было криво написаны цифры.

Влад сверил цифры с номером паспорта — все совпадало — и осторожно надорвал край пластика. Запах, которым тянуло из-под пластика, обозначился в воздухе и приобрел объем. Тяжелый животный аромат, манящий и возбуждающий.

— Ф-ф-фу. — Швёдов потряс головой, как лошадь. — Я когда эту бумажку получил, меня прям как по балде шарахнуло. Хрен вскочил, аж в пупок уперся. Это что такое вообще? Она так пахнет?

— Ну да. Естественный запах вампирши, — объяснил Цепеш. — Нравится?

— Гы... — осклабился мужик. — Аб-балдеть. Я уже хочу.

— Хотеть не вредно. — Влад не улыбнулся.

— Кстати, а почему у обычных баб предрасположенности не бывает? — поинтересовался Швёдов. — Я вот столько девок перекусал, не поверишь. Хоть бы одна оказалась из наших...

— Вампирессы бывают только прирожденные, — сказал Цепеш. — Мало их очень... Да ты кури, кури, я не хочу просто.

Мужик завозился с зажигалкой, укрывая сигарету ладонями от ветра.

— С официальной частью закругляемся. — Влад вспомнил, что еще не представился. — На правах распорядителя я допускаю тебя к свадьбе. Меня зовут Владислав Цепеш, можно Влад. К тому Цепешу прямого отношения не имею. Папа

выпендрился, сменил фамилию. И меня назвал Владом. Юмор, конечно, сомнительный. Но я привык.

— Это что, в советское время фамилию сменил, да еще на такую? — заинтересовался Швёдов. — Он у тебя кем был, папачиус твой?

— Большой шишк, — не стал уточнять Влад. *

— Погодь, — до Швёдова наконец дошло, — так ты из потомственных? Если папа такую фамилию взял...

— Я прирожденный вампир в третьем поколении, — объявил себя Цепеш, надеясь, что это прозвучит не очень глупо и надменно. — Если тебе сегодня повезет, начнешь свою ди-настию.

— Ну, я сюда за этим и ехал... Ты, значит, прямо такой и родился. Круто. Слушай, а маманя тебя чем кормила, когда ты мелким был? Молочком, в смысле, или сразу ею, родимой? Извини, если чего. Просто интересно.

— У меня была кормилица. Чем кормила... молоком с кровью, — грустно улыбнулся Влад. — Я же кусался. И еще папу кусал за палец. Ма-аленькими такими клычками. Было очень вкусно, до сих пор помню. Говорят, я рос милым ребеночком, румяньким... кровь с молоком, так сказать... Ладно. А ты как записался в наш клуб?

— Да как все... Был молодой да ранний. Денег нет, работы нет, делов в те времена никаких не было. А жить-то хочется. Парень я крепкий. Ну, сказал мне один жожик, что можно подработать, если кровь сдавать. Налево, в смысле. Сказал зачем, но я тогда не поверил. Я тогда вообще в вампиров не верил. Научный атеизм, то-се.

— Не понимаю, чем вампиры противоречат научному атеизму, — заметил Цепеш, но Саша выслушал без интереса и тут же вернулся на свое:

— Ну а потом я уже и в доноры подался. Одному серьезно-му дядьке. Сначала все ничего шло, а потом бах. У меня, оказывается, предрасположенность... Кстати, она часто бывает?

— Редко. Статистики точной нет, — пожал плечами Влад.

— Ну понятно... В общем, попал я. Но тот мужик оказался правильный. Ответственность какая-то у него была, понимаешь? Не кинул меня — кормись, дескать, сам, хоть бомжати-ну на улице пей. Не-е-ет. Пристроил при себе, взял в дела... а потом я и сам раскрутился... Как-то так.

— Кстати, — свернул с темы Цепеш, — а почему ты так представляешься — Саша? Несolidно звучит.

— Solidно, Влад, solidно! Сашу Швёдова кому надо все знают, будь спок. У нас типа фирма. Решаем проблемы. Свои проблемы, чужие проблемы, всякие проблемы решаем. Ты-то сам чем живешь? По бизнесу или по разборкам?

— Ни то, ни другое. Я бюджетник. Больница...

— Знаем мы, какой у вас бюджет. — В голосе Швёдова просквозила заинтересованность. — Ну да, больничка. Класика. При краске, значит. Переливания, все дела. Удобно, конечно. Но я предпочитаю свежую. Знаешь, кстати, кем я сегодня ужинал? Топ-моделью. Аристократка потомственная. У нее краска прям голубая, полированная, аж светится. И все в одном флаконе. В смысле пожать и потрахаться.

— С топ-моделями у нас херовато, но кровь я пью из вены, — скромно заметил Влад. — У нас хороший коллектив. Делятся.

— Что, вот прям так? Ну ты устроился! Я нехилое бабло за это выкладываю.

— Коллеги меня ценят, — улыбнулся Цепеш. — И не дают умереть с голоду.

— Хм... верно. Значит, хороший врач. Слушай. Мы же должны помогать друг другу. Когда закончим с этими делами, надо будет перетереть вопросы сотрудничества. У наших ребят бывают проблемки со здоровьем, так что... Кш-ш-ш, пшла, дрянь!

Что-то маленькое и темное шарахнулось за ограду.

— Кошка, — сплюнул Швёдов. — Не люблю я их. Меня в детстве вот такая киса покусала, помойница. Безобидная была с виду, сволочь. Я мелкий тогда был, жизни не знал. Хотел погладить. Так она меня уделала... Ладно, не буду тут из себя Шарикова давить. Но вообще я их серьезно не люблю. Живность всю эту. Вот кто настоящие вампиры-то и есть, все эти домашние тварюки. Собачки, кошечки. Срут, ссут, кусаются. Воздух ценный переводят. Зачем живут — непонятно. Черт, сбился я с мысли... О чем-то мы говорили важном... А, ну да. Так вот, у наших ребят бывают всякие проблемки. Ты как насчет помочь, если у наших чего?

— В пределах возможностей. — Влад хорошо знал, как принято отвечать на такие вопросы. — Крыша у нас хорошая, не течет, а так — можно обсудить.

— Ага, вот так. Ну, ты понял — по деньгам, если чего, не обижу. Если проблемы какие будут — тоже ко мне. Давай, что ли, это... Визитка есть?

Влад рассеянным жестом протянул визитку, напряженно вглядываясь в темноту.

— Да это кошка... — начал было Швёдов и осекся.

— Нет, не кошка. Это второй, — прокомментировал Влад. — Подтягивается потихонечку.

От дороги донесся громкий мотоциклетный треск.

— Точно к нам, — заметил Цепеш.

Помолчали. Швёдов бросил недокуренную сигарету на землю и аккуратно задавил окурок каблуком.

— Кстати, — его аура чуть съежилась, выдавая беспокойство, — ты скажи: что у нас будет-то? Вроде я че-та слышал про какой-то турнир...

— Ну, до этого может и не дойти. — Влад почесал нос. — Иногда невеста сама выбирает себе пару. А иногда приходится драться. На кулачках, так сказать. Но участие не обязательно. Можешь просто уйти. Если захочешь, конечно.

— Разберемся, — заявил Саша. Аура грозно распрямилась, оранжевые сполохи растопырились веером. — Со всеми разберемся.

— Да тут такое дело... — начал было Влад, но в этот момент услышал приближающиеся шаги. — Вот он, второй. Идет, кстати, прямо на нас.

Швёдов уставился в темноту, прищурился.

— Урод какой-то, — тихо сказал он.

— Ты кого уродом назвал? — донеслось из темноты. Похоже, Саша забыл, что второй слух тут имеется у всех.

— Не тебя. У нас тут свои разговоры, — погасил Влад начинающийся конфликт. — Давай сюда.

Второй претендент оказался молодым парнем с характерной вампирской внешностью: высокий тощий блондин с красными губами. Аура бодро попыхивала оранжевым.

В руке у него было свернутое в трубочку приглашение.

— Я распорядитель сегодняшнего мероприятия, — начал Влад. — Зовут меня Владислав Цепеш. Не родственник. А это господин Александр Швёдов, претендент...

— Саша Швёдов, — перебил тот. — Профессионально решаю проблемы.

— Ланшаков Валера, — буркнул парень. — А также джей Ланж. В смысле, это я — Ланж. Может, слышали?

Влад вспомнил про «Авторадио» и промолчал.

Зато Саша обрадовался:

— А, так это ты и есть? Тоже из наших? Не знал. Я тебя слушал в «Мальстреме» на той неделе вечером. Круто забабал.

Аура Ланшакова смущенно порозовела.

— Ну, в «Стрёме» еще не круто было. Приезжайте все в пятницу в «Собаку Качалова», это клуб такой на Фрунзенской, недавно открыли... Там будем зажигать.

— Приглашение давай, — напомнил Влад. — И документ, удостоверяющий личность.

Он проделал все то же: сверил данные, надорвал угол пластика, понюхал. Запах слегка ударил в голову, пришлось сделать несколько глотков сырого воздуха.

— Чем это пахнет? — задал ожидаемый вопрос Ланшаков.

— Запах женщины, — встрял свежееобразованный Саша. — Вампирессы то есть. У них там в этом месте...

— Нич-чёсики. — Валера демонстративно потер ладонью у себя в паху.

— Слушай, я вот что хочу спросить: в музыке наших много? — перевел разговор Швёдов. — Ну, в смысле, среди музыкантов?

— Не очень, — как бы оправдываясь, сказал парень. — Там геи в основном.

— Пидоры, — зашипел Швёдов. — Не признаю этого слова, «геи». Пидоры! Как телек включишь — там пидор кривляется. Я считаю — мочить. Шлепнуть в патоку — и всё дела.

— Ну, как сказать... — пожал плечами Валера. — Они всякие бывают. Есть нормальные. Нас вот тоже многие не любят. Ну и чего? Я вот тоже, пока человеком был, к вампирам относился как-то не очень. То есть вообще в них не верил, конечно, но как бы не любил...

— Ты сравнил, — наежился Саша, — кто мы и кто пидоры. Они же извращенцы, в очко долбятся. Ты вот долбиться в очко сможешь?

— Охренел? — Ланшаков даже слегка отодвинулся от Швёдова. — А хотя... ты вот в «Летучую Мышь» ходишь? С Москалюком краску пьешь? А Москалюк знаешь кто?

— Хожу, — признал очевидное Саша. — И с Жорой знаком. Ну, в смысле здороваемся. Хотя он пидор во всех смыслах. Но кабак у него знатный. Главное, донора там всегда можно снять.

— Если бабло есть, — завистливо вздохнул Валера. — С доноров, кстати, Жора имеет по полной. И хучь ты чего скажешь: точка-то его... Ну и дрючит, конечно, в попинс.

Стали обсуждать «Летучую Мышь» — дорогой московский вамп-клуб, о котором Влад много слышал, но ни разу не был. «Мышой» заправлял Жора Москалюк, известная сволота, вдобавок ко всему еще и любитель жарить в фуфляк.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что Ланшаков стал вампиром где-то с год назад, по пьяной лавочке: с малознакомым приятелем приперся на чей-то день рождения, потом оттуда поперся еще куда-то, заснул, проснулся на улице — без денег, без документов и без литра краски в венах. Для подавляющего большинства граждан такие истории кончаются просто скверным воспоминанием, но у Ланшакова была предрасположенность, так что через пару месяцев у него проклюнулись клычки. Хорошо, что на озвучке сидел один старый вампир, который быстро понял, что происходит с парнем, объяснил ему некоторые основные вещи, а главное — дал наводку на точки, где можно купить флакон консервированной или пообщаться с донором. На доноров у Валеры, правда, не хватает заработков и сейчас, но он не унывает — после открытия второго слуха он понял про музыку что-то такое очень важное и теперь профессионально растет не по дням, а по часам...

Опять высунулась из-за ограды кошка. Ланшаков зарычал на нее собакой, и та сгнула. Швёдов такое обращение с животной горячо одобрил, и разговор переключился на вред, происходящий от домашних животных.

Третий претендент появился неожиданно.

Этот умел ходить бесшумно и маскировать ауру. Поэтому, когда из-за могильного камня высунулась сморщенная бородастая физиономия, даже привычный ко всему Влад невольно поежился.

Физиономия гадко ухмыльнулась.

— Ждря-ашьче вам, — тихо и опасно просвистело в воздухе.

Говорящий сильно шепелявил — похоже, с зубами у него были проблемы.

— Выползай, — даже не пытаясь скрыть омерзение, сказал Влад. — Тебя никто не тронет. Здесь по крайней мере. Подходи, что ли, как тебя там...

— Ш-шидоровичи мы... — Претендент подошел поближе, однако не слишком близко.

— Пидоровичи вы, — ощерился Ланшаков. — Из-за таких нас и не любят.

— Мразло, — поддержал Швёдов.

Типчик и впрямь выглядел на редкость погано. Тощий, сгорбленный, с трясущимися руками и нечистой бородой, местами слипшейся от крови, и к тому же — если смотреть вторым зрением — окутанный свечением блевотного цвета.

Это был уличный вампир, «стрей», гроза бомжей, бич детей-беспризорников, ужас запоздалых прохожих. Уличные обычно не церемонились с добычей, высасывая тела досуха — из жадности и от страха перед разоблачением. Цепешу пару раз приходилось доставать с того света жертв стреев. Один выжил. Второй — тринадцатилетний мальчик в смешных очёчках — умер у Влада на глазах. Кровосос уж очень старательно над ним поработал: наверное, жил рядом и боялся, что мальчик, если останется в живых, его узнает... Влад выяснил адрес мальчика и чуть ли не месяц гулял в том районе, разыскивая убийцу, но так никого и не нашел...

Обычно уличные живут не слишком долго — рано или поздно их отлавливают и убивают свои же, — но этот был старый и хитрый. Он даже подходил с оглядкой, готовый в любой момент броситься наутек.

— Ну шшто, мужжишки, женичься бум? — Физиономия скривилась. — Кто жжешь за главного? Ксиву мою пжовежь, э?

— Я распорядитель, — сказал Влад с отвращением. — Доставай приглашение. И быстро.

Стрей протянул немытую лапу с желтыми ногтями. В ней был зажат такой же листочек, как у Швёдова и Ланшакова.

Закатанная в пластик бумажка сначала показалась Цепешу подозрительной: вместо паспортных данных там значилось только «Ефим Сидорович». Однако аромат вампирессы

был вполне настоящим. Вздохнув, Цепеш вернул уличному заявку и допустил его.

— И этот туда же. Женишок, мля. — Саша демонстративно сплюнул.

— Да ты не менжуйся, — неожиданно ехидным голосом заговорил уличный. — Чего чибе меня боячья? Я же шта-ренький...

— Говнище какое, — набычился Швёдов, засовывая руку за пазуху. — Может... того? У меня пули серебряные.

— Положи на место и не доставай, — попросил Цепеш. — Не то, когда начнется, пристрелишь кого-нибудь. Причем не его. Так что — не здесь и не сейчас. И ты тоже тихо сиди... Сидорович. Ну и отчество у тебя.

— Папку мово так жвали, — обиженно прошепелявил Сидорович. — А нашшот бабы — это ушш пущай баба решает...

— Заткните кто-нибудь этого чушка, или я за себя не отвечаю! — взорвался Саша.

— Заткнись, Сидорович, — скомандовал Влад. — Тут он прав, — обратился он к Швёдову. — В данной ситуации вы все, к сожалению, равны. Выбирает невеста. Если ей понравится этот, — он деликатно пропустил слово, — значит, будет этот. Ему же ответили на заявку?

— Почему у него вообще приняли заявку, хотелось бы знать. — Саша почесал подбородок. — Должен быть какой-то контроль.

— Какой контроль? — спросил Влад. — Система веками не меняется. Любой вампир может написать заявку в произвольной форме, удостоверяющую его желание продолжить род естественным путем. А также данные о том, как его найти в случае удовлетворения просьбы. Заявку кладут в одно из известных мест. Ты свою куда клал?

— В дупло. То есть, — сразу поправился он, — в смысле — в настоящее дупло. В дереве. В Ботаническом саду.

— Дубровский, — хихикнул Валера, блеснув знанием школьной программы.

— Иди ты, — беззлобно сказал Саша. — Сам-то...

— А мне адресок дали до востребования, я письмо послал. Честно говоря, сейчас вот думаю... Я вообще-то не очень хотел, — смутился Ланшаков. — Рано мне детей-то. Мне просто

сказали, что чем раньше начнешь заявки подавать, тем больше шансов... Некоторые, говорят, всю жизнь подают, и без толку...

— Надо жнать, кому шловечко жамолвить, — встрял Сидорович.

Его проигнорировали.

— Не некоторые, а большинство, — заметил Влад. — Принимается процентов пять от общего числа. Это все равно что попасть в шорт-лист Букера. Так что вам всем, считайте, крупно повезло.

— Извини за такой вопрос, а как ты сам насчет... — начал было Валера.

— Уже, — тут же ответил Цепеш. — У меня сын подрастает. Четвертое поколение.

— Сын — хорошо, — рассудительно заметил Швёдов. — Как зовут парня?

— Герка.:. Герман, то есть, — поправился Влад. — Герман Владиславович... Его мама хотела девочку, — добавил он.

— А правда, что Шарон Стоун наша? — сменил тему Ланшаков.

— Брехня, — авторитетно заявил Валера. — Вот про Мадонну вроде бы точно, что она да.

— Пужачева нашша, — попытался встрять в разговор уличный.

— Заткнись, говно. — Швёдов достал сигарету, размял в пальцах, но курить не стал. — Слушай, — повернулся он к Владу, — мне кажется, или сюда еще кто-то прется?

— Не кажется. Только он не скоро дойдет. Он не из наших.

— Тогда зачем? — Ланшаков, прищурился, разглядывая ауру незнакомца. — Слышите, мужики, это же вроде пацаненок какой-то?

— Ну, ты не сильно старше, — отпарировал Цепеш. — Но, в общем, да. Юноша бледный со взором горящим.

— И что он тут делать собирается? Он же не вампир.

— М-м-мн... — Цепеш поискал обтекаемую формулировку. Не нашел. Решил назвать вещи своими именами. — Просто за него заплатили нехилые бабки, чтобы он тут потусовался недалеко.

— Кто кому пробашлял, не понял, — нахмурился Саша.

— Вампирессам, — терпеливо объяснил Цепеш. — Им заплатил папа этого пацана. За то, чтобы парень тут немножко постоял рядом. Есть у него особый интерес.

— Какой?

— Вообще-то я не имею права... — замялся Влад.

— А у кого есть право? Кстати, как ты вообще в распорядители-то вылез? — подозрительно прищурился Швёдов.

— Ну... всякие причины. Меня охотно приглашают. В частности, потому что я медик. И могу оказать первую помощь в случае чего. А также решить проблему с трупами, если что.

— В случае чего? Если что? — переспросил Ланшаков. Потом сообразил, что сморозил глупость, и окончательно заткнулся.

— Платят, что ли? — не отставал Швёдов.

— Ну, в том числе и платят. Лишних денег не бывает, — объяснил Влад.

Саша понимающе склонил голову: высказанная сентенция была ему по жизни близка.

— Хотелось бы знать, по какому принципу претендентов выбирают, — сказал Ланшаков. — Это типа лотереи или как?

— Насколько мне известно, нет. Вампирессы приглядываются к кандидатам... собирают на них данные... что-то вроде того, — ответил Цепеш. — Им нужны гарантии того, что ребенок получит нормального отца.

— Пробивают, значит... Но почему тогда этот выродок?.. — Ланшаков картинно повернул голову к Сидоровичу.

— Это решают вампирессы, — вздохнул Цепеш. — У них бывают странные вкусы. Хотя в чем-то объяснимые. Их интересует потомство от производителей с высокой способностью к выживанию. А этого выродка по крайней мере не поймали...

— Ну зачем ему ребенок-то? — развел руками Швёдов. — Он же его содержать не сможет.

— А это не вам решать, — внезапно зашипел уличный. — Уж как-нибудь шам шоображу... не пропажем...

— Ну вообще-то, — заметил Влад, — вопрос глупый. Вот тебе зачем ребенок?

— А чего тут думать-то? — Саша развел руками. — Я детей хочу. Продолжить род. У меня и раньше их не было, а теперь вот и не будет. Кстати, вот ты доктор... скажи почему? Почему у вампира не может быть детей от нормальной бабы?

— Потому что он вампир, — сказал Цепеш. — Извини, — поправился он, — это не ответ, конечно. Но другого нет. Официальной науке это неизвестно.

— Официальной... Официально нас вообще не существует, — вздохнул Шведов.

— Ну и правильно, что не существует. Меньше болтать будут, — встрял Ланшаков. — Представляешь, какая шиза у людей поднимется? Мне лично осины в бок не нужно.

— Все равно все, кому надо, зна-а-ают. — Саша нервно зевнул.

— Кому надо, те знают, а остальным не обязательно, — пресек разговорчики Влад. — Может быть, я все-таки введу вас в курс дела?

Все замолчали.

— Итак. Во-первых, если кто-то думает, что он уведет отсюда счастливую невесту, то он глубоко ошибается. Женщины-вампириши предпочитают вынашивать плод в одиночестве. Так что все нужно будет сделать здесь.

— Трахнуть, в смысле? — уточнил Валера.

— Ну... в общем, да. — Цепешу не хотелось углубляться в этот вопрос раньше времени. — Дальше. Снова вы увидите вашу суженую только через девять месяцев, уже с ребенком. Дальше вы уж сами с ней решите, как жить дальше. Точнее, это она решит, захочет ли с вами жить. В любом случае ребенок остается вам. Вампирессы — плохие матери, с детьми возиться не любят. Так что, ежели не сойдетесь характерами... сами понимаете, растить свое чадо придется одному. Я своего один воспитываю.

Валера откровенно приуныл. Что подумал Сидорович, осталось неясным. Во всяком случае, он остался на месте.

— Теперь второе. В подавляющем большинстве случаев вампиресса делает выбор сама. Тогда она дает мне понять, кого она хочет. Мое дело в таком случае — увести отвергнутых кандидатов. Но иногда устраивается нечто вроде поединка. Сильнейший получает невесту. В этом случае мое дело — находиться в отдалении, чтобы потом оказать помощь тем, кому ее можно оказать, а также забрать трупы для последующего уничтожения... Вампиров, как вы знаете, в земле хоронить не принято. Во избежание интереса посторонних людей к нашим телам. Нечего в них копать.

— Трупы... — протянул Швёдов. — Н-да, ничего себе дела. Смотрите-ка, чувак-то этот... подгребает потихоньку.

Неяркий огонек человеческой ауры медленно двигался по кладбищу. Внезапно он вспыхнул красным, и через полсекунды вампиры услышали шум и сдавленный стон.

— Навернулся, — прокомментировал Валера.

— Ничего удивительного. Тут, знаешь ли, для человека темновато, — сказал Влад.

— И страшно небось, аж жуть, — вздохнул Ланшаков. — Нам бы его проблемы... Долго нам еще ждать великого счастья?

— Не знаю. Невеста думает. А что у нее на уме, я не знаю.

— Ты ее видел, невесту эту? Она так ничего? — обеспокоился Швёдов.

— А тебе не все равно? — пожал плечами Влад.

— Ну хоть красивая? Они же красивые, девки-то наши, — не отставал Саша.

— После родов они очень хорошеют, — неопределенно сказал Цепеш. — И очень долго остаются в форме. Кстати, в Голливуде их много.

— Вот и я так думал, — с облегчением вздохнул Ланшаков. — А то, знаешь, всякие мысли в голову приходили. Вдруг уродка. Да еще прямо здесь с ней трахаться. Честно говоря, как-то не стоит у меня на такую перспективу. Хотя запах... это да.

— У меня встанет. — Швёдов достал еще одну сигарету. Он нервничал.

— Извините, — послышался робкий голос.

— Алик? Дошел? Ну, выходи, — разрешил Влад.

В круг света вступил совсем молодой парень, почти мальчик. Его синий английский свитер был испачкан мокрой землей, бежевые брюки намокли. Массивные ботинки на тощих ногах выглядели нелепо и жалко.

Близоруко шурясь, он сделал осторожный шаг в сторону собравшихся мужчин.

— Здравствуй, Алик, — мягко сказал Влад. — Меня насчет тебя предупредили. Я — распорядитель мероприятия, меня зовут Влад Цепеш. А вот это — господа претенденты на невесту. Знакомство пока отложим до лучших времен. Тебя папа подвез? А забирать тоже папа будет?

— Не, — выдавил из себя пацан.

— Значит, обратно отвозить тебя мне... Нехорошо. Ладно. Папа что-нибудь для меня передавал?

— Угу, — засмутился Алик, вытаскивая из кармана конверт. — Вот.

Цепеш, не чинясь, сунул его во внутренний карман.

— Бабло, — сказал Швёдов с уверенностью.

— Ну да, — не стал отрицать Влад. — Скажи еще, что ты выше этого... Алик, иди сюда. Я сейчас тебя немножечко укушу. Подставь шею. Это не больно. Папа же тебя кушал, правда?

Парень кивнул и покорно оттянул свитер.

Цепеш попробовал губами холодную кожу мальчика, вонзил зубы, вливая обезволивающее. Подождал немного. Потом скомандовал:

— Иди во-он туда, там оградка открытая. Сиди там и не двигайся. Сиди и не двигйтся, понятно? Когда будет нужно, я позову.

— У-ммм, — бормотнул Алик и поплелся в темноту, слепо выставив перед собой руки.

— Ботан, мокрица, — заценил парня Швёдов. — Слушай, ну он же не вампир. Что он здесь делает?

— В том-то все и дело. Папашка хочет, чтобы сын стал вампиром. — Влад решил все же объяснить кое-что. — Он у него единственный, родился еще до папиной инициации. Такие вот дела.

— Ну так что? Если есть у парня предрасположенность, регулярно целуй его на ночь и жди результата. А если нет, ничего не поможет.

— У него нет предрасположенности. Поэтому папа его сюда и отправил.

— Не вижу связи... А что, предрасположенность можно занять? Это как же? А мы тут при чем?

— С какой целью интересуешься? — Цепеш слегка зевнул. Это было нервное — как обычно перед началом турнира. То, что он начнется вот-вот, Влад уже не сомневался.

— Бабой пахнечь. — Стоящий в сторонке Сидорович повел носом по воздуху. — Вкушно.

Через пару секунд Влад тоже почуял тот же запах, что был в приглашениях, — пока еще едва заметный, но уже заводящий.

— От-тё-тё, — принялся Ланшаков и пошел на запах.

— Куда? — одернул его Швёдов, тоже водящий носом по сторонам.

— Пшол ты! — Валера сделал шаг в темные кусты, откуда шел запах.

Швёдов ухватил Ланшакова за воротник и развернул к себе.

— Ты кому это сказал, Валерочка? — почти нежно спросил Саша. — Может, по ебальничку сначала оформим?

Уличный легко вскочил на ноги и отпрянул в тень.

Ланшаков развернулся. Аура взметнулась метра на три: за секунду-другую парень успел налиться адреналином под завязку.

Он не тратил время на разговоры, а просто засветил Швёдову в табло — неумело, но сильно. Саша поскользнулся в грязи, но не упал. Когда он выпрямился, над ним столбом стояла аура цвета пламени.

— С-сучонок, мля, — прошипел он и ударил Сашу головой в лицо. Тот отпрянул и попытался двинуть Швёдову по ушам, но не попал.

— Та-ак, мужики, — сказал Влад. — У вас тут дела начались. Я пошел. Удачи, — пожелал он непонятно кому и отступил в темноту.

Несколько мгновений за спиной слышались обычные звуки мужской драки: сипение, хрип, удары по мордесам, матюги и прочая хрень. Вдруг стало тихо — той нехорошей тишиной, когда обычная драка переходит в нечто большее. Слышалось только шлепанье ног по грязи и прерывистое дыхание.

Потом раздался яростный вопль. Не нужно было оборачиваться, чтобы понять: кто-то пустил в ход клыки.

Тогда Цепеш побежал, надеясь, что никто не ринется за ним следом: такое иногда случалось.

Он петлял среди могил, а запах рос, накрывал волной — сладкий, тяжелый, крышесносный аромат самки в охоте, нужный для того, чтобы распалить самцов, заставляя их бросаться друг на друга, рвать зубами, убивать.

Влад зацепился брючиной за какую-то ржавую проволоку и упал — в нормальном состоянии такого бы с ним не случилось, несмотря на темень и слякоть. В падении ударился о

железную оградку и ободрал себе бок. В этот же миг что-то коротко и сильно стукнуло в землю: Швёдов пустил в ход пистолет.

Потом все утихло.

Цепеш кое-как поднялся, скользя в грязи. Остатки аромата еще висели в воздухе — но на отвал башки его уже не хватало. Похоже, вампиресса выпустила в воздух все, что у нее было запасено в прианальных железах... Он посмотрел на свои грязные ладони, вздохнул и вытер их о брюки. «Надо было тренировочные надеть», — рассеянно подумал он, и, пошатываясь, побрел обратно.

Лежащие на мокрой земле тела выглядели не лучшим образом. Массивный Швёдов валялся в отключке возле уютного-образного памятника, вытянув вперед руку с пистолетом. Похоже, на него кто-то напал сзади и вкатил дозу спокухи. Ланшаков картинно развалился в грязи — его цапнули за предплечье, а потом, уже обезволенного, от души отоварили по корпусу. У него была сломана пара ребер и ободрана кожа на лице. Самое неприятное досталось Сидоровичу: у этого в брюшине застряла серебряная пуля. Но все трое были живы, хотя и не в форме. И хорошо — значит автобус все-таки не понадобится. Влад не любил возни с трупами.

Теперь надо было закругляться.

— Ну что? — спросил он в темноту.

— Сейчас посмотрим, — раздался из темноты женский голос. Уверенный и холодный.

Тени чуть сместились, и в истоптанный грязный пятачок осторожно вступила платиновая блондинка, дорого и вкусно одетая. На ноги красотишки были натянуты прозрачные пластиковые чехольчики — от грязи.

— Привет, что ли, — сказала блондинка.

— Привет, что ли, — вздохнул Влад. — Как работа? Все поешь?

— Да. Недавно записали новый хит. «Сладкий мой бананчик» — слышал?

— Ага, слышал. Сегодня, когда ехал сюда. Крутили по «Авторadio». Кстати, псевдоним у тебя дурацкий. Кристина? Жозефина? Парфюмерная лавочка какая-то.

— Ангелина Аум. Да, не очень-то. Но сейчас мне выбирать не приходится. Меня раскручивает Москалюк, а он же-

сткий менеджер. Скоро я от него уйду, там посмотрим... Как наш сын? — Блондинка решительно сменила тему.

— Герка-то? Нормально, — не поворачиваясь к собеседнице, ответил Цепеш. — Недавно укусил меня в плечо. Выпил граммов десять. Растет кровососик.

— Очень мило. — Аура блондинки даже не шелохнулась. — Ладно, это все хорошо, но нам надо дело делать. Эй, эй, эй. Кис-кис-кис.

Из-за ограды вышла кошка.

— Сколько ей? — Влад по-прежнему не смотрел на блондинку.

— Уже полгода. Вполне созрела.

— Ну да, созрела. Вонь-то какую подняла. У меня самого чуть мозги не отшибло.

— Я в свое время сильнее пахла. Да и сейчас могу, если что. Помнишь?

Цепеш предпочел промолчать.

При свете лампы стало заметно, что зверек — все-таки не кошка. Скорее он напоминал маленькую скрюченную обезьянку с гибким хватательным хвостом и кошачьей мордочкой. Грязная мокрая шерсть торчала пучками, сквозь нее просвечивала розовая кожа. Под хвостом бугрилась голая, красная, как у павиана, задница.

Животное, осторожно переступая лапками, подошло к Швёдову, понюхало, потом фыркнула и брезгливо умыло мордочку. Потом перебралась к Ланшакову. У его тела зверюшка задержалась подольше, но в конце концов отступила, на прощание присев и помочившись ему на брючину.

Когда тварь полезла на Сидоровича, тот немного пришел в себя и попытался отпихнуть животное. Влад тяжело вздохнул, наклонился и, прихватив клыками подбородок старого уродца — до других мест было не дотянуться, — вкатил ему секрет зубной железы. Глаза лежащего обессмыслились.

Тварюка добралась до ноги уличного, потерлась мохнатой щекой о ботинок, задрала хвост и выставила багровую задницу. В сыром воздухе снова повис возбуждающий запах.

— Этого, что ли, хочешь? Сейчас сделаем. — Блондинка опустила в грязь рядом с вампиром, расстегнула молнию на грязных штанах, пошарила внутри. Из ширинки выставился

кончик хера, чем-то напоминающий нос подглядывающего в окно соседа.

Зверюшка вскарабкалась на живот вампира и, похабно растопырив задние лапы, попыталась нанизаться на него сверху.

— Да помоги ты ей, — потребовала блондинка.

Цепеш открыл чемоданчик. Извлек пакетик с одноразовыми перчатками, натянул их на руки. Захрустел, расправляясь, латекс.

Потом он вытащил флакон с lubricатом и салфетку. Взял зверьку за шкурку, запустил пальцы под хвост. Обильно смазал отверстие, осторожно расширил его пальцами — зверюшка не сопротивлялась — и, зажав ствол вампира у основания, направил куда нужно. Обезьянка мявкнула и дернулась всем телом, с силой насаживаясь на мужскую плоть.

Вампир, закатив глаза, балдел, явно не соображая, кто он и где находится. На подурневшем от удовольствия лице плавала, как муха в супе, гадкая улыбка.

Внезапно зверюшка закричала почти по-человечески и приняла в себя член почти на всю длину. По неподвижному телу Сидоровича волной прошла судорога.

— Вроде все, — не глядя, бросила блондинка.

— Не все. Еще у нас Алик, — буркнул Влад. — Алик, где ты там? Сидишь? Вылезай, пора. Только без глупостей, за тебя уплачено...

Алекс вышел, таращась на свет пустыми бессмысленными глазами.

— Руку обнажи, — скомандовал Влад.

Мальчик безвольно выпростал руку из рукава.

Блондинка подняла зверьку за шкурку и поднесла его поближе.

— Ударь ее. Не сильно. Просто чтобы разозлилась, — скомандовал Цепеш, перехватывая зверьку поудобнее: из развороченной вагины животного подтекало на руку.

Алик неловко размахнулся и мазнул пальцами по усатому грызлицу.

Зверек зашипел и вцепился когтями и зубами в руку.

Парень дернулся, но остался стоять на месте.

— Терпи, терпи, — распоряжался Влад, пока разозленная зверюшка драла и кусала предплечье. — Вот теперь хорошо, —

наконец сказал он, бросил зверька и достал из кармана упаковку с бинтом.

Зверюшка упала на землю и тут же метнулась через ограды куда-то прочь.

— Слушай, а зачем тебе эти двое понадобились? — Цепеш показал на валяющихся в грязи мужчин.

— Ну не иди же девочке с ребенком к уличному. — Блондинка ухмыльнулась. — Сначала мы ее отправим вот к этому. — Она пнула ногой Швёдова. — У него денег больше, а ума меньше. Скажет, что залетела от него. Он же все равно ничего не помнит. Поживет с ним, высосет из него побольше денег и всего... потом, наверное, пойдет к тому. — Мысок окутанной грязным полиэтиленом туфли указал на Лоншакова. — Этот к тому времени раскрутится, будет на пике. Скажет, что ребенок на самом деле его... Уж как-нибудь устроится.

— Устраиваться вы умеете, — не удержался Влад.

— Умеем, — равнодушно согласилась блондинка. — Ладно, у меня тут еще есть дела. Все. Успехов.

— Тебе тоже успехов. Пошли, Алик. — Влад приобнял за плечо паренька. — Потом поговорим.

Они молча добрались до автобуса. Алик пару раз споткнулся, один раз ударился лбом о чей-то могильный камень, но в целом был адекватен.

Водитель автобуса спал, положив голову на баранку. Влад усадил его поудобнее. На щеке мужичка багровел отпечаток руля.

— Пускай проспится, — сказал он. — Ему еще нас везти... Ну, давай задавай свои вопросы.

К тому времени парень немного пришел в себя.

— Как ты? Нормально? Обезболивающего нужно? — поинтересовался Цепеш.

— Не-а, — протянул парень и тут же сморщился: искусанная рука болела.

— Вопросы есть? — спросил Влад. — Имеешь, как говорится, право знать.

— Что это такое было? — Алик показал на перебинтованную руку. — Ну... которое вроде кошки.

— Как это ты непочтительно, — усмехнулся Цепеш. — Кстати, — он завозился с чемоданчиком, — выпить не хо-

чешь? У меня коньячок с собой. Докторский. Папа не узнает.

— Спасибо... я крепкое не люблю, — зажался парень. — Вина бы вот не отказался.

— Где ж я тебе вина добуду? — почесал в затылке Влад. — Это уж давай до Москвы... Значит, папа тебе ничего про нас не рассказывал? В смысле, про вампиров.

— Ну... он что-то говорил, но я не очень понял... — протянул парень.

— Значит, ничего тебе папа не говорил. — Влад откинулся в кресле. — Откладывал, значит. Ну ладно, как-нибудь... Кстати, ты никогда не увлекался энтомологией? Жуками там, бабочками, насекомыми всякими?

Алик помотал головой и промычал «м-м-м».

— Жаль. Тогда тебе было бы понятнее. Ладно, слушай. У так называемых низших форм жизни — у насекомых, например, — бывают очень сложные схемы размножения. Какая-нибудь муха откладывает личинки в тело живого жука определенного вида. Там эти личинки подрастают, съедают жука изнутри и вылезают наружу в виде гусеничек. Потом они едят листики кустарника — опять же определенного вида, — пока не окукливаются. И потом уже, после окукливания, превращаются в мух, которые снова откладывают личинки... Слышал про такое?

— Ну. Я передачу американскую по телеку смотрел. — Парень осторожно поправил сбившийся бинт.

— Но самые сложные схемы размножения бывают у простейших форм жизни. Например, у бактерий, вирусов и прочей мелкой хрени, — продолжал Влад. — Тут встречается настоящая изощренность. Есть, например, один вирус, который поражает муравьев. Сам по себе он безвреден, но он каким-то образом воздействует на мозг муравья. Он заставляет его подниматься на вершину травинки и там сидеть. Корова идет по лугу и ест траву. Обычные муравьи, не пораженные вирусом, копошатся у корней и в рот корове не попадают. Но пораженные муравьи сидят на верхушках травинок, и корова съедает их вместе с травой. Таким образом вирус попадает в коровий желудок. Но ему туда и надо, потому что в корове он проходит следующий цикл размножения... Дальше там еще всякие приключения, но, в общем, ты понял.

Алик осторожно зевнул, прикрыв рот ладонью.

— Скучно? Сейчас будет веселее. Так вот, существует особый вид паразитов, очень редкий и почти не изученный наукой. Бактериями они не являются, вирусами тоже. Нечто среднее. Мы их называем микробиоты. Некоторые микробиоты обитают в телах мелких обезьян определенного вида. И у них довольно сложный и интересный цикл размножения. Часть которого ты, собственно, и наблюдал... Ну так вот. Ты спрашивал, что это такое было — вроде кошки. Так вот, это, если тебе интересно, — человек. Да-да, че-ло-век. Хомо Сапиенс в его первозданном натуральном виде. Не впечатлило?

Парень промолчал.

— Да. Выражение «человек произошел от обезьяны» надо понимать буквально. Человек именно что произошел от обезьяны. Точнее сказать, человек — это больная обезьяна. Обезьяна, зараженная микробиотом определенного типа. Этот микробиот сложным образом воздействует на развитие плода обезьяны, внося в него ряд нарушений. В результате плод развивается неправильно — в частности, дольше находится в утробе, а впоследствии дольше развивается. В результате он оказывается переразвит, причем неравномерно. Например, сверх всякой меры разрастаются ткани мозга, что в качестве побочного эффекта порождает так называемый человеческий разум... Зараза передается от обезьяне к обезьяне, так что обезьяны почти не встречаются в своем естественном состоянии. Они думают, что они такие от природы... и гордо именуют себя разумными существами. Являясь, по сути дела, всего лишь сосудом для размножения совершенно безмозглой твари...

Они шлепали по грязи, приближаясь к автобусу. Влад искося посматривал на ауру Алика — она слегка сжалась, но особых изменений в цвете не претерпела. Можно было продолжать.

— Тем не менее небольшое количество немодифицированных хомо все-таки выжило. Живут они, как правило, в городах, кормятся около помоек. Такая вот городская фауна. Ну да ты видел.

Парень опустил голову.

— Ну, дальше относительно просто. Микробиот человека тоже мутирует. Обезьянки, подхватившие одну из его редких модификаций, называются вампирами. Правда, цикл его раз-

множения куда более сложный, чем у обычных сапиенсов. Первую стадию развития он должен пройти в теле немодифицированного хомо. Вот такой обезьянки, которую ты видел. В нем он приобретает вирулентность, то есть способность заражать. Потом обезьянка должна покусать или поцарапать обычного человека, обязательно ребенка или подростка, внеся в его кровь микробиот. Так называемая предрасположенность к вампиризму на самом деле не является врожденной. Всех будущих вампиров в детстве кусала или царапала кошка... вернее, то, что они принимали за кошку. Правда, этого недостаточно. Требуется еще и укус взрослого вампира, который впрыскивает в кровь определенные вещества, активизирующие развитие микробиота... Сложно? Ты следи, следи за ходом мысли. Дальше будет еще сложнее.

Они вышли за пределы кладбища. Стали видны автобусные огоньки. Влад посмотрел вторым зрением на водителя. Тот, судя по цвету ауры, спал. В спектре было что-то еще, но Цепеш это пока проигнорировал.

— Так вот, слушай дальше. Укус, к сожалению, действует только на мужчин. В принципе этого было бы достаточно. Вампир кусает вампира, и так далее. Но природа предусмотрела и половое размножение вампиров. Для этого самка немодифицированного хомо должна зачать от полноценного вампира. В ходе беременности она растет и превращается в то, что мы называем нормальным человеком. После родов они выглядят как взрослые половозрелые самки человека... то есть как женщины. Но сама процедура оплодотворения создает кое-какие сложности. Нормальный человек не будет трахать животное. Правда, эти твари возбуждающе пахнут... но этого обычно недостаточно. Поэтому вампирские свадьбы выглядят... кхм... несколько своеобразно. Ты, наверное, кое-что разглядел?

Парень подавленно кивнул.

— А эта женщина? — только и выдавил он из себя.

— Это мать моего сына, — пожал плечами Влад. — Когда-то была такой же кошкообезьяной.

Они подошли к автобусу. Влад раздвинул дверцы, чтобы Алик мог пройти внутрь.

Водитель все еще посапывал. Цепеш присмотрелся к его ауре, пытаясь понять, что не так.

Внезапно Цепеш присвистнул и выругался сквозь зубы. Алик вопросительно посмотрел на старшего.

— Ничего-ничего, — успокоил его Влад. — Просто у этого мужичка за рулем, оказывается, была предрасположенность. А я его очень некстати покусал. Через пару месяцев у него вырастут клычки. Надо теперь будет его как-то ввести в курс дела, а то еще один уличный появится... Ладно, очухается — поговорю с ним. Хотя нет, не сейчас. Придется к нему отдельно ездить... Черт, как же все это некстати.

— А у меня когда клыки будут? — осмелел парень.

— У тебя еще не скоро. Ты только-только заимел предрасположенность. Необходимо, чтобы микробиоты в крови прошли несколько стадий развития. Годочков так через пять тебя можно будет уже и вампиром делать. Папаше своему скажи, чтобы тебя не кусал. Это пока ни к чему.

— Я вот чего не понял. — Алик слегка смутился. — Эта... штука... как она вынашивать-то будет? Ну, в смысле, ребенка?

— О ней не беспокойся, — усмехнулся Влад. — Вампирессы ее пристроят. Что касается ребенка... Самке вампира важно не столько родить, сколько превратиться в человека... внешне. Внутри они остаются обезьянами. Безмозглыми и жестокими тварями с помойки.

Водитель зашевелился. Похоже, спокуха его отпустила.

Цепеш легко встал, прошел в кабину, потом вышел, утирая рот салфеткой.

— Ну все. Поехали в Москву, что ли. Кстати, ты вроде бы вина хотел? — спросил он парня. — У этого козла в кабине вот что было. — Он протянул Алику пакет. — Доставай. Не коллекционное, конечно, но все-таки.

— Это же его вино, — начал было парень, но осекся.

— Ницё, — весело сказал Влад. — Я ему в карман сотню положил. А это пойло по-любому дешевле. Будем считать, что мы его купили. Ого, да тут даже стаканчики есть! Культура. Он, похоже, к Люське своей намыливался. — Цепеш извлек бутылку. — «Шепот монаха» — прочел он название на этикетке. — Типа винище. Скорее всего изделие российской химической промышленности, — сказал он, срывая, как шелуху, пленку с горлышка и пропихивая железным вампирским пальцем пробку вовнутрь. Та со скрипом вошла. На руку

брызнул красный винный фонтанчик. Влад брезгливо вытер кисть о сиденье.

Пришедший в себя водила запустил мотор, и тот забренчал железными косточками.

— Простите, я вот не понимаю... — робко спросил парень. — А зачем вы всем этим занимаетесь? Ездите... устраиваете... — Он не договорил.

— Ну вот твой папаша мне деньги заплатил за твою инициацию... Или тебя интересует вообще, в принципе? — Парень кивнул. — Ну... я врач, понимаешь? Врачи возятся с больными, это наша работа. А люди, как ты теперь знаешь, — это больные животные. Вампиры тоже, только болезни у них другие. Но разница в принципе невелика... Ладно, это все лирика. Пора бы и делом заняться.

Они разлили вино по пластмассовым стаканчикам.

Цепеш вдохнул вампирским обонянием смесь дешевого спирта, сахара и красителей. Улыбнулся.

— Ну, давай, что ли... За то, чего людям не дано. За здоровье! — он поглубже втянул клыки, поднес стаканчик к губам и медленно выпил.

Евгений Малинин

ДОЗА

Лорд Дорт проснулся сразу, словно вынырнул на поверхность из темной морской глубины, но не торопился открывать глаза. Он любил эти короткие зыбкие мгновения пробуждения и... боялся их. Боялся обнаружить... неожиданное. Но в этот раз все вроде бы было привычно. Привычно тихо, едва слышное мышинное шуршание не нарушало тишину, а скорее подчеркивало ее. Привычно темно, он не открытыми глазами, а обостренным внутренним чутьем ощущал эту полную темноту. Привычно... одиноко, все то же внутреннее чутье подсказывало ему, что в пределах пятидесяти—семидесяти метров от его укрытия нет ни одного живого существа... За исключением, конечно, мыши, но мышь сейчас была не в счет... Пока не в счет!..

Дорт медленно открыл глаза. Полная, абсолютная, идеальная темнота окружала его, и он с удовольствием сделал первый вдох. Окружающий воздух был затхл, немного пылен и в то же время отдавал легким ароматом лаванды — идеальным экологически чистым средством против моли, которое лорд предпочитал всем этим современным химикалиям.

Он сделал второй вдох и понял, что пора выбираться наружу. Он вдруг чувствовал Голод... сильный Голод... а пробудившийся инстинкт подсказывал, каким образом можно его

утолить. Дорт осторожно провел языком по внутренней стороне десен... Да, он был вполне готов... к охоте!

Автоматическим движением длинных проворных пальцев, оканчивающихся идеальной формы и железной крепости ногтями, он раскрыл все четыре внутренние защелки своего роскошного, обитого изнутри белым штофом гроба и откинул крышку. В склепе тоже царила темнота, хотя и гораздо более рассеянная, чем внутри гроба. Дорт еще раз удовлетворенно вздохнул — его убежище действительно было идеальным! Кто бы мог подумать, что в этом старом, давно заброшенном бомбоубежище, оборудованном под когда-то элитным многоэтажным домом, можно организовать такой роскошный склеп?!

Лорд Дорт сел в гробу и еще раз провел своим трепещущим, чувствительным языком по набухшим деснам.

«Покажите мне тонюсенькую синюю жилку на человеческой шее... или хотя бы просто белую кожу этой шеи, и мои клыки мгновенно выпрыгнут из своих гнезд!» — удовлетворенно, даже с некоторым оттенком злорадства подумал он, перебрасывая ноги через край гроба и спрыгивая на чисто промытый бетонный пол.

Утвердившись на чуть подрагивающих ногах, он быстро, внешне небрежно провел ладонями по своей груди, по бокам и бедрам. Его темно-серый костюм, светло-серый жилет, кипельно белая рубашка с широким отложным воротником и черным, немного приспущенным гастуком-бантом были в идеальном состоянии.

«Вот что значит лежать совершенно неподвижно!.. — с глубоким удовлетворением подумал Дорт. — Только так достигается образ истинного джентльмена!»

Тут ему неожиданно припомнился его старый знакомый из клана Малкавиан со смешным именем Кулла, в своем вечно помятом пиджаке, не совпадавшим по цвету с брюками, в несвежей рубашке, неряшливо застегнутой на пару болтающихся пуговиц, и в никогда не чищенных ботинках... Именно Кулла предсказал Дорту, что тот будет «жить»... долго и мучительно!.. Только самого Куллы что-то давненько не видно на улицах города, может быть, он уже и... «отмучился».

Дорт улыбнулся своими тонкими губами и сделал вид, что поправляет идеально лежащий бант, а затем, спохва-

тившись, тревожно пошевелил пальцами ног. Его тщательно начищенные черные длинноносые туфли также были в полном порядке.

«Ну, кто сможет догадаться, что я проспал целый месяц?!» — подумал он, но тут его мысли приняли совершенно другой оборот.

Месяц!.. Еще один спокойный месяц позади!.. Теперь нужно выбраться наружу и... достать дозу! Одну дозу, чтобы обеспечить себе еще один столь же спокойный месяц! Одну дозу — двадцать пять капель человеческой крови! Конечно, можно обойтись парой-тройкой глотков свиной или коровьей крови, но тогда сон его будет беспокоен, одежда после сна будет в полном беспорядке, да и вообще вряд ли такая замена позволит ему проспать целый месяц. Тридцать суток!..

«Как бы тебе не пришлось довольствоваться мышкой!..» — прозвучал его внутренний обозленно-ироничный голос, и лорд Дорт невольно вздрогнул, вспомнив свой годичной давности опыт. Тогда, загнанный и обложенный со всех сторон охотниками за вампирами, он, не помня себя от Голода, съел мышь! Съел целиком!!

Нет, он найдет человеческую кровь!! Он найдет полноценную ДОЗУ, а не какой-нибудь суррогат!!!

Лорд Дорт оглядел мрак своего подземелья, сегодня по всем законам конспирации надо было выходить на поверхность лазом номер три, а из всех шести имевшихся в склепе выходов третий был самым неприятным. Дорт не боялся высоты, но карабкаться по пожарной лестнице в его прекрасно сшитом костюме было даже хуже, чем тащиться почти километр по канализационному коллектору, как это предусматривалось, например, выходом номер пять! Однако конспирация есть конспирация, лорд направился к дальнему углу своего просторного склепа и откинул заслонку на растребе входного вентиляционного короба.

Короб, сделанный из качественного оцинкованного железа, имел такое сечение, что лорд, почти не сгибаясь, смог добраться до заборного вентилятора и сквозь защитную сетку, в которой предусмотрительно был сделан длинный замаскированный разрез, выбрался на крышу здания.

Над ним широко раскинулось синевато-бурое ночное небо огромного мегаполиса. По нескольким пробившимся сквозь смог звездям Дорт определил, что полночь еще не наступила, так что времени для удовлетворения своих нужд у него было вполне достаточно!.. Он присел на скате крыши, еще не потерявшем дневного тепла, и вгляделся в ночное небо, в темные крыши и мечущийся между ними суетливый свет ночной городской жизни. Где-то там, на ночных неспящих улицах, бредет сейчас его будущая жертва. Она, конечно же, молода, красива, нежна... Ее здоровое сердце и эластичные сосуды до краев наполнены свежей рубиново-красной кровью... Ее глаза расширятся в ответ на его Зов и загорятся страстью! Той самой страстью, которая заставляет жертву стонать в истоме, когда Поцелуй вампира пронзает жилу на ее шее, а его холодные, чувственно-жадные, опытные губы начинают отсасывать жизнетворную жидкость... Кровь!..

Он сам чуть было не застонал от вставшей перед его глазами картины и тут же почувствовал острый удар Голода! Удар, потрясший весь его организм. Месяц без пищи — это было все-таки слишком тяжело! Но ничего, скоро он найдет себе дозу, и тогда Голод перестанет его терзать!

И тут же Дорт вспомнил, что сейчас под расстилавшимися перед ним темными крышами была совсем не середина благословенного двадцатого века, когда он сам получил Высвобождение, превратившее его в... undead... в вампира. Тогда доза действительно не была проблемой... вернее, тогда вообще не было такого понятия — «ДОЗА». Но теперь!.. Теперь на улицах города его поджидал конец двадцать третьего века с его проклятым всеми вампирами «Эффектом виконта Борза»!!

«Если бы этот Борз, этот старый недоумок из клана Вентру, не влюбился как полный дебил в свою секретаршу-человека и не открыл ей тайну Молока Сатаны, мы до сего дня правили бы Миром и повелевали всеми этими людишками!! — с привычно бессильным остервенением подумал лорд. — А теперь, чтобы получить какую-то ничтожную дозу, какие-то двадцать пять капель, я, старейшина клана Тореадоров, поэт и эстет, должен изошряться, словно нищий наркоман! Да какое там — наркоман, наркоману, даже самому ни-

шему, гораздо проще добыть свою дозу! Он по крайней мере не рискует оказаться в одной из лабораторий исследования нетрадиционных методов питания!! О, эти лаборатории, сколько пойманных вампиров окончили свои дни в этих застенках, сколько их, бессмертных, не выдержавших пыток овощной или фруктовой диеты!!»

Дорт судорожно вздохнул и, едва слышно погромыхая железом крыши, осторожно направился к пожарной лестнице. Конечно, ему ничего не стоило просто слететь в темный провал колодца двора, но он слишком хорошо помнил, как четыре месяца назад визжала местная дворничиха, притащившая к мусорным бакам огромный полиэтиленовый мешок с отбросами и увидевшая его в элегантно развевающемся черном плаще и шляпе «боливар» на уровне третьего этажа. Мало того что эта бешеная баба своим визгом подняла на ноги всю округу, она еще гналась за ним два квартала, швыряя в него бытовой мусор из своего мешка. Хорошо еще, что он отлично знает все окрестные проходные дворы!..

Лорд машинально потер давно заживший рубец на левом запястье, оставленный в тот самый несчастливый вечер зазубренной крышкой консервной банки. Затем, нагнувшись над обрезом крыши, он внимательно взгляделся в непроглядную для простых смертных темень полуночного двора. Двор был пуст. В темных стенах четырех окружавших его домов светилось всего три бессонных окна, а еще одно окно, темное, было открыто, и оттуда доносились отрывисто-ритмичные хриплые стоны... Серый асфальт мостовой был подозрительно тщательно выметен, возможно, ту скандальную дворничиху уже выпустили из психлечебницы...

«Да, спускаться надо по лестнице... — еще раз подумал Дорт. — В крайнем случае можно будет закосить под обыкновенного чердачника».

Он развернулся, крепко ухватился за выступающие над обрезом крыши перила и поставил правую ногу на верхнюю перекладину лестницы. Потом, немного подумав, переменил ногу, чтобы начать спуск со счастливой левой ноги.

Спуск прошел вполне благополучно, так что по прошествии трех минут старейшина клана Торедоров уже стоял на дворовом асфальте, прижавшись спиной к стене дома и тща-

тельно осматривая двор. Все было по-прежнему тихо. Лорд бесшумной тенью скользнул вдоль стены и растворился во мраке выездной арки.

Улочка, на которую вышел лорд Дорт, была узкой и короткой, каждый камень на ней был хорошо ему знаком. Повернув направо, лорд через несколько шагов оказался на довольно широкой и хорошо освещенной улице, совсем недалеко от центра ночной жизни города. Еще раз придирчиво осмотрев себя, Дорт удостоверился, что выглядит вполне респектабельно, после чего спокойной, слегка расслабленной походкой ночного прожигателя жизни двинулся к ближайшему, хорошо ему знакомому кафе. Его хозяйка давно знала Дорта и считала его, по-видимому, разрездным коммивояжером, нечасто бывающим в городе, и тайным сыроедом, а потому всегда предупреждала о новых выдумках полиции надзора за питанием. Кроме того, ему надо было снова почувствовать человеческую жизнь, войти в ее ритм, он все-таки довольно долго отсутствовал... А может быть, ему сразу же повезет!!

План его был прост и потому давал надежду на успех. Именно в таких небольших, уютных кафе частенько попадались молоденькие девушки, жаждавшие ночных, увлекательно-страсных и подозрительно-пикантных приключений. Они уже переросли скамейки, кустики и полянки городского парка, но еще стеснялись появляться в шумно известных, явно «порочных» ночных заведениях. Именно в таких уютно-безопасных местах привыкали они к позднему электрическому свету, к неестественным, нарисованным чертам своих и чужих лиц, к ночному жаргону, не имевшему ничего общего с нормальной, дневной речью, к... ночной разгульной жизни! Именно такая, еще неопытная и потому отчаянно тянущаяся к ночным приключениям девушка была самой лакомой добычей для undead из клана Торедоров — поэта, эстета, ценителя женской красоты, мужского достоинства и... чистой человеческой крови!

Лорд прошел между вынесенными на тротуар пустыми в этот час столиками с опрокинутыми на них стульями и толкнул подсвеченную изнутри стеклянную дверь. Колокольчик над его головой мелодично звякнул, словно при-

зывая всех сидевших в небольшом зальчике повернуться к входной двери.

Дорт внимательно оглядел зал... Зал внимательно оглядел Дорта... И тот, и другой нашли друг друга ничем не примечательными и мгновенно потеряли интерес друг к другу. Хотя...

Десяток посетителей кафе вернулись к своим высоким бокалам с воткнутыми в них соломинками, а Дорт, стараясь не выказывать интереса к высокой белокурой девушке, сидевшей за столиком в дальнем углу в полном одиночестве, прошел к стойке и негромко обратился к стоявшей за ней молодой женщине:

— Добрый вечер, Клара, рад тебя видеть... Как дела?..

Женщина подняла на лорда разноцветные глаза и ответила низким, чуть хрипловатым голосом:

— Дела в ресторане у Брина, а у нас... сплошной отдых! И ты присядь, отдохни, давненько тебя не было в наших краях... Чего тебе нацедить?!

Дорт внутренне усмехнулся: «Нацедить!.. Хорошее словечко — надо запомнить!..» — а вслух довольно громко произнес:

— Нет, мне еще в пару мест заглянуть придется, голова свежая понадобится...

Клара молча кивнула, быстро оглядела маленький зал и одними губами прошептала:

— После часа ко мне не приходи, полиция надзора за питанием в это время у меня засаду оставляет...

Лорд сверкнул глазом и громко, так чтобы его слышали за ближними столиками, произнес:

— ...А вот дай-ка ты мне, хозяйка, двойной дуба-дубс на длинной палочке!.. Что-то меня на сладкое потянуло!

Всем людишкам было хорошо известно, что вампиры не переносят сладкого, и таким образом незнакомый человек всегда мог хоть отчасти отвести от себя нехорошие подозрения. Глупцы, им было невдомек, что настоящий undead может стерпеть и не такую гадость!

Получив свою конфету, он с треском сорвал с нее обертку, сунул липкий шарик в рот и повернулся в сторону заинтересовавшей его девушки. Но рядом с белокурой красавицей уже сидел какой-то здоровенный, обритый наголо парень с

узок, похожим на топор лицом, и что-то настойчиво, хотя и очень тихо, ей втолковывал. Девушка слушала своего соседа невнимательно, она длинными, тонкими пальцами теребила браслет голограммной связи на тонком запястье левой руки и задумчиво смотрела на лорда. И все-таки, несмотря на этот взгляд, Дорт не рискнул подойти к ней в присутствии другого человека, его могли запомнить. Но ждать, пока ее сосед уйдет, лорд тоже не мог, а потому он подавил разочарование и с независимым видом направился к выходу.

Когда дверь за ним с переливчатым звоном закрылась, отрезая теплый свет зала кафе от холодного безжизненно-белого мерцания уличных фонарей, лорд смачно выплюнул сладость прямо себе под ноги, на чисто вымытые камни тротуара, и с чувством глубокого отвращения наступил на нее ногой. Раздавшийся хруст показался ему странно знакомым и породил некую смутную, весьма неприятную ассоциацию.

И в тот же момент его снова скрутил сильнейший спазм Голода! Судорожно вздохнув, Дорт напряг все свои силы и... справился с приступом. Голод отступил и затаился, но... О! Он прекрасно помнил, каким беспощадным может быть этот Голод!

Впрочем, долго предаваться воспоминаниям ему не пришлось, метрах в двадцати впереди него из-за угла, с боковой улицы, на тротуар выступила дородная женщина в ярком шелковом платье.

На секунду приостановившись, она повернулась к Дорту спиной и неторопливо двинулась в сторону площади Согласия туда, где огни ночного города горели наиболее ярко.

Лорд, прищурившись, внимательно посмотрел ей вслед. Женщина шла, чуть покачивая широкими бедрами, помахивая свободно опущенными вниз кистями рук и нетвердо ставя ноги в узких туфлях, так что тонюсенькие каблочки-шпильки выбивали весьма сбивчивую дробь. В правой руке у нее зажат длинный алый шарф, волоочащийся одним концом по камням тротуара. Дама была явно в подпитии и направлялась, похоже, в очередное «знакомое» местечко для продолжения веселья.

Лорд послал короткий, едва уловимый Зов, проверяя ее «самочувствие», и тут же ощутил, как напряглась перебро-

шенная им ментальная нить. Женщина приняла Зов и ответила на него!

«Годится!..» — полыхнуло в мозгу Дорта, и он, внутренне подтянувшись, легким шагом устремился следом за потенциальной жертвой. Звать ее еще раз он не стал, она была совсем рядом, и в данном случае личный контакт был гораздо эффективнее.

В десять шагов нагнав даму, лорд Дорт склонился к ее ушку и, едва не потеряв над собой контроль от близости вожделенной дозы, галантно проговорил своим бархатным баритоном:

— Сударыня, вы не боитесь гулять по улицам этого вертепа в одиночестве? Такой роскошной женщине нельзя выходить из дома без мужского сопровождения!

Женщина остановилась и, вскинув голову, искоса посмотрела на Дорта. Судя по ее замаслившимся глазам, заговоривший с ней мужчина пришелся ей по вкусу. Она неловко повернулась на каблуках, пошатнувшись, ухватила за рукав его пиджака, ее губы растянулись в некоей двусмысленной улыбке, после чего она визгливо воскликнула:

— Это почему же ты, красавчик, считаешь, что меня нельзя одну пускать на улицу?! Я ведь уже вышла из того возраста, когда за девушкой нужен... э-э-э... присмотр!

— Сударыня, — мягко улыбнулся Дорт в ответ, — за вами еще долго нужен будет присмотр... такую обворожительную женщину могут запросто... похитить!..

— Так, может быть, сегодня ты за мной присмотришь?! — хихикнула женщина и еще крепче вцепилась в рукав пиджака, одновременно прижавшись к его плечу полной грудью.

«Помнет костюм, зараза!..» — раздраженно подумал Дорт, но дама не почувствовала его раздражения. Считая, что после такого многообещающего полуобъятия можно высказать и свои желания, она с интимным придыханием проговорила:

— Заодно поднесешь мне стаканчик-другой... В такой душевной ночи жажда просто замучила!..

Взгляд, последовавший за этим «обоснованным требованием», ясно показывал, что она ожидает ответа. Но само это требование было для Дорта весьма кстати, оно позволяло спокойно выяснить, годилась ли его новая знакомая ему в каче-

стве «дичи». Он тонко улыбнулся и, приобняв свою находку за талию, проворковал:

— Конечно, стаканчик чего-нибудь жгучего пополам с Молоком Сатаны очень хорошо утоляет ночную жажду и... стимулирует...

Ему не дали договорить, что же такое стимулирует Молоко Сатаны. Раскрашенное женское лицо скривилось в недовольной гримасе, и дама довольно визгливо воскликнула:

— Ну, вот уж нёт!!! Никакого молока, путь даже и от Сатаны! Не хватало мне еще завтра головной болью мучиться! Я предпочитаю чистый джин, запомни это, красавчик!.. Дженни Розовые Глазки предпочитает чистый, незамутненный джин!!

Орган, заменявший лорду Дорту душу, запел от восторга — его жертва не употребляла Молока Сатаны!

О, это Молоко Сатаны! Люди, принимавшие его, мучались в течение следующего дня страшной головной болью, которую ничем нельзя было унять, но зато они получали иммунитет против Поцелуя вампира! Даже Зов действовал на них очень слабо! А вот вампир, попробовавший крови, содержащей хотя бы каплю Молока Сатаны, кончался в жутких муках, как будто на него попадал прямой солнечный свет!

Но теперь Дорту можно было не беспокоиться — кровь его знакомой была чиста!

— И где же, дорогая, я буду... присматривать за тобой?.. — жадно, желая показаться распаленным, зашептал Дорт. — Можно, конечно, отправиться к Брину или в «Золотой каштан», но там так шумно и... многолюдно! Мне кажется, ты предпочитаешь более... э-э-э... интимные заведения!

— Озорник!.. — Дама, не выпуская пиджачного рукава, игриво ткнула лорда кулачком в бок. — Давай сначала заглянем в «Каштан», тем более что это совсем рядом, а уж потом поищем чего-нибудь... хи-хи-хи... интимного!..

Лорд неспешным шагом, обнимая женщину за талию, двинулся в сторону недалекого перекрестка, сиявшего разноцветными рекламными всполохами. Женщина, повисшая на его рукаве и обретшая поэтому некоторую опору, шагала рядом вполне уверенно. Перестук ее каблучков сделался тверже, отчетливее, приобрел некий музыкальный ритм.

Свернув на перекрестке направо, они почти сразу же уперлись в вертящиеся двери одного из наиболее известных ночных заведений города — элитный клуб «Золотой каштан». Впрочем, Дорт совсем не собирался вести свою даму в ресторанный зал клуба, тем более что вход туда был строго по членским билетам. Сунув некрупную купюру в потную руку швейцара, он с двусмысленной улыбкой на губах подмигнул ему и заговорщицки прошептал:

— Мы в бар на пару рюмок...

Швейцар понимающе улыбнулся и кивнул:

— Направо...

Лорд провел свою спутницу направо по вестибюлю в довольно большой, сильно затемненный бар и усадил на табурет около роскошной стойки. Присев рядом с ней, он стуком ногтя о столешницу привлек внимание одного из барменов, а когда тот очутился рядом, бархатным баритоном приказал:

— Два джина, и не вздумайте портить напиток какими-нибудь добавками!

Быстро повернувшись к даме, он переспросил:

— Я не ошибся, дорогая, чистый джин?!

— Не ошибся, красавчик, — ответила та, оглядывая зал рассеянным взглядом. — Чистый джин — это то, что надо!

Спустя мгновение перед ними стояли высокие стаканы с плескавшейся в них прозрачной, чуть желтоватой жидкостью, распространяющей запах можжевельника. Дама немедленно приникла губами к краю стакана и сделала несколько жадных глотков. Лорд едва тронул губами жгучий напиток и, увидев, что женщина, оторвавшись от стакана, снова принялась оглядывать зал, негромко спросил:

— И кого же это прекрасная Дженни разыскивает своими розовыми глазками?.. — а про себя подумал: «И почему это — розовые глазки?.. Она вроде бы не похожа на кролика!»

— А ты, красавчик, любопытен!.. — чуть хриловато и в то же время довольно визгливо ответила Дженни. — Разве не может быть у... молодой женщины каких-нибудь старых знакомых?..

— Нет, конечно!.. — немедленно ответил Дорт. — Ты находишься в таком возрасте, когда твои знакомые могут быть только молодыми!.. Ну, сколько тебе лет? Семнадцать?.. Девятнадцать?..

Дженни уставилась на Дорта округлившимися глазами, а затем, словно что-то сообразив, скромно их потупила и прошептала:

— Ах, мне уже двадцать два...

«Как же, двадцать два!.. — язвительно подумал Дорт. — Сказала бы — сорок два!», — а вслух удивился:

— Двадцать два?! Не может быть!.. Я, признаться, думал, что ты еще не окончила колледж!..

Дженни кокетливо улыбнулась и махнула рукой.

«Колледж она явно не окончила, — решил Дорт про себя. — Возможно, она и не знает, что это такое!»

Именно в этот момент на его плечо легла тяжелая рука, а за его спиной раздался хрипловатый бас:

— Дженни, старушка, где ты подобрала этого лощенного франта?!

Лорд повел плечом, но сбросить чужую ладонь не сумел, она лежала наподобие могильной плиты, прижимая его к сиденью табурета.

— Стокер, сволочь! — восторженно взвизгнула Дженни, едва не расплескав остатки своего джина. — Я думала, ты все еще томишься в лапах у закона!..

— Ну да!.. — самодовольно ответил Стокер, снимая наконечник свою длань с плеча Дорта и обходя его. — Мой адвокат давным-давно внес залог, да и проступок мой невелик...

— Невелик! — снова взвизгнула женщина. — А мне сказали, что ты накачал молодого Симпа Молоком Сатаны по самый воротник!! Стокер, он в самом деле... того... помер!! Тот, кто мне это рассказал, утверждает, что у малыша Симпа МС даже через поры выступило!..

Стокер оказался очень крупным мужчиной с грубо вылепленным лицом, здоровенным, не единожды ломанным носом, вывернутыми губами и маленькими, прижатыми к голове ушами. На секунду отведя пристальный взгляд от лица лорда, он быстро наклонился и звонко чмокнул Дженни в шею под левое ухо. У Дорта при виде этого поцелуя возникла долгая сосущая спазма в области солнечного сплетения, и ему пришлось незаметно сделать пару глубоких вдохов, чтобы сдержать новый спазм Голода. Стокер же, выпрямившись и снова уставившись на Дорта, усмехнулся:

— Ну и сдох!.. Подумаешь!.. Не надо было ему прикидываться вампиром, а то даже клыки себе вживил! Пришлось его как следует проверить! А раз он помер, значит, и в самом деле был вампиром!.. Что же касается его... пор, будто бы через них что-то там у него выступило, так покойник всегда... сильно потел!

— Сток, ты не прав, — раздался позади Дорта еще один незнакомый голос. — Симп сдох на следующий день после нашей гулянки, а если бы он был вампиром, он сдох бы сразу после... э-э-э... первой дозы!

Лорд Дорт быстро обернулся и увидел, что за его спиной стоит еще один мужчина. Лицо его было бледно, глаза прятались за темными очками, выглядевшими довольно странно в это время суток, а губы подергивались, даже когда он молчал. Судя по медлительности выговора и старательности произношения, говоривший был либо иностранцем, либо в сильном подпитии. Тем не менее говорил он спокойно, слегка наставительно, и, видимо, именно эта наставительность мгновенно привела Стокера в ярость. Его и без того не бледная физиономия налилась багровым румянцем, короткие волосатые пальцы сжались в кулаки, и он прохрипел с нескрываемой угрозой:

— Раз молодкосос сдох от МС, значит, он был вампиром!.. Во всяком случае, мой адвокат берется это доказать!.. А если кто сомневается в этом медицинском факте, тот сам будет пить «дрянь», пока она у него не выступит... откуда-нибудь.

Все это Стокер произнес, буквально пожирая Дорта глазами, потом вдруг выхватил у него из пальцев полный стакан и сделал из него жадный глоток. Пристально всмотревшись в содержимое стакана, он уже спокойнее, с некоей скрытой насмешкой, обратился к Дорту:

— Что это такое ты пьешь... прыщик?!

И тут же повернулся к Дженни:

— Ты где этого прыщика подхватила, подруга?!

— Какой он тебе прыщик?! — немедленно оскорбилась та. — Он красавчик!

И она ободряюще-покровительственно улыбнулась Дорту.

— Да нет, он прыщик, — не унимался Стокер, снова уставившись на Дорта, — смотри, такой же бледный и такой же... натянутый!.. Хм... Так что ты пьешь, прыщик?!

— Чистый джин, фурункул, — с холодной наглостью в голосе ответил лорд. — Или ты совсем уже не чувствуешь вкуса?!

Мужчина, стоявший позади него, расхохотался, повторяя сквозь смех:

— Фурункул... Фурункул... Ну и здорово он тебя приложил, Сток!..

— Это почему же... фурункул?.. — отдельно произнося слоги, поинтересовался Стокер.

— Такой же красный и так же дурно пахнешь!.. — спокойно пояснил Дорт.

С минуту двое мужчин, один нарочито элегантный, а второй нарочито расхлябанный, молча рассматривали друг друга, а затем Стокер повернулся к стойке и заорал:

— Эй, Макс, четыре джина... Три с капелькой «дряни»!.. — и снова повернувшись к Дорту, угрожающе добавил: — Сейчас мы посмотрим, прыщик, с чего это ты такой бледный?!

На стойке мгновенно появились четыре новых бокала, в одном из которых торчала соломинка, показывая, что этот напиток без примесей. Два стакана сразу же переключались в руки Стокера и его товарища, стакан с соломинкой взяла Дженни, а вот Дорт не торопился поднимать оставшийся стакан.

— Ну, чего мы ждем?.. — поторопил его Стокер, отхлебнув глоток своего напитка. — Или прыщик боится головной боли?..

Дорт смерил красномордого Стокера холодным взглядом и ответил:

— Во-первых, у меня есть что пить, хотя прикасаться губами к стеклу после тебя довольно противно... А во-вторых, в отличие от некоторых я не привык угощаться за чужой счет!..

Говорил он спокойно и неторопливо, а вот мысли в его голове бежали стремительно. Положение, в котором он оказался, было крайне неприятным — он, конечно, мог отказаться от «дармовой» выпивки, но отказ пригубить коктейль с Молоком Сатаны выглядел весьма подозрительно, так что можно было ожидать скорого появления наряда полиции надзора за питанием! А уж если он попадет в руки этим ребятам!..

У них глотком джина с «дрянью» не отделаешься, они заставят ехать в лабораторию!!

Едва он вспомнил о лаборатории, как его с головой накрыло темным ужасом. Огромным усилием воли лорд подавил рвущийся наружу панический вопль и заставил себя размышлять. Размышлять быстро и точно.

«Надо во что бы то ни стало отделаться от этих настойчивых приятелей! Отделаться так, чтобы это выглядело естественным и... неожиданным. Тогда они не сразу сообразят, кого пытались напоить «дрянью»! — Его взгляд скользнул по лицу Дженни, чуть прикрытому поднятым стаканом. — Жаль, конечно, что из рук уплывает такая добыча, но...»

Все это вихрем пронеслось в голове лорда, и почти сразу же пришло решение. Если на окружающих клуб улицах не появилось ничего нового, ему, пожалуй, удастся обоснованно смыться и даже...

Он ленивым жестом привлек к себе внимание бармена. Когда тот нарисовался у его табурета, Дорт медленно протянул:

— Плесни-ка мне в стакан, милейший, каплю МС, но смотри, чтобы капля не была слишком большой!..

Распоряжение клиента было мгновенно исполнено, и лорд поднял свой стакан:

— За правильное питание, господа! — произнес он традиционный тост, и «господа» доведенным до автоматизма движением поднесли свои стаканы к губам и выпили. Дорт тоже приложился к краю стакана, но вместо того, чтобы отхлебнуть из него, он неожиданно выронил посуду из задрожавших пальцев и со стоном схватился за живот...

— Что это с тобой, красавчик?!! — участливо поинтересовалась Дженни.

Дорт посмотрел на нее умоляющими глазами, и женщина мгновенно «сообразила»:

— Ему же плохо!!! — всполошилась она. — Да сделайте что-нибудь, а то он прямо здесь копыта отбросит!!!

— Глянь-ка, а прыщик-то вот-вот готов прорваться!.. — удовлетворенно рывкнул Стокер. — И даже без «дряни»!

— Видимо, дряни в нем и так порядочно!.. — скалambuрил его приятель и довольно «гыкнул».

Однако Дорт, не обращая внимания на это неприкрытое хамство, покачал головой и как бы через силу проговорил:

— Ничего страшного, Дженни, просто желудочная колика...

Потом он перевел взгляд на Стокера и несколько другим тоном добавил:

— Ну, кто-нибудь из вас поможет мне дойти до туалета?!

— Френк, помоги прыщику... — брезгливо приказал Стокер, а когда согнувшийся пополам Дорт, опираясь на руку бледнолицего Френка, поплелся в сторону туалета, добавил: — Да посмотри, чтобы он не смылся через сливное отверстие унитаза!!!

Лорд Дорт, конечно же, не собирался смываться из бара через сливное отверстие унитаза, хотя, возможно, у него это и получилось бы. Но, как он отлично помнил, из этого бара имелся гораздо более удобный и... благопристойный выход!

Едва Дорт со своим провожатым оказался в недлинном коридоре, ведущим к туалетам, как он без сил опустился на ковер и прошептал посиневшими губами:

— Я сам как-нибудь доползу до туалета, а ты отправляйся к бармену, пусть он вызывает карету «скорой помощи»... — И, уловив некоторое сомнение Френка, едва слышно добавил: — И поторопись!..

Френк раздраженно махнул рукой и отправился назад, а Дорт, проследив за ним взглядом, встал с пола, аккуратно отряхнул костюм и толкнул дверь с надписью «Для служебного персонала. Посторонним не входить».

За дверью оказался небольшой коридор, в который выходило три обитые искусственной кожей двери. Дорт без стука толкнул одну из них, имевшую табличку «Управляющий», и вошел спокойным, уверенным шагом.

В небольшом кабинете за письменным столом сидел высокий, полный мужчина, одетый в темный деловой костюм. Его лысая гладкая голова матово отсвечивала в свете потолочного светильника; напоминая бильярдный шар, в толстых пальцах левой руки была зажата черная тонкая сигара, а пальцы правой неторопливо перебирали лежащие на столе документы. Услышав шорох открываемой двери, управляющий спокойно посмотрел на вошедшего, но его правая рука молниеносно метнулась к краю стола, и в следующее мгновение

в ней появился пистолет, черное дуло которого нацелилось посетителю в живот.

— Слушаю вас... — произнес толстяк весьма добродушным тоном, который так не вязался с темным зрачком нацеленного ствола.

Дорт небрежным движением отогнул лацкан пиджака и блеснул в глаза управляющему серебром пришипленного там маленького половника. Значок агента полиции по надзору за питанием произвел должное впечатление — пистолет исчез, а сам управляющий посерьезнел и встал из-за стола.

— В вашем баре только что появилась весьма странная пара, — негромко, но внушительно проговорил Дорт. — Они называют себя... э-э-э... Стокер и Френк и усиленно потчуют всех подряд Молоком Сатаны.

Управляющий озабоченно наморщил лоб и пробормотал:

— Как вы сказали?.. Стокер и Френк?.. Я не припомню таких посетителей... По-видимому, новички!..

— Самое интересное, что эти... «новички» сами очень аккуратно избегают этого напитка! — холодно продолжил Дорт.

Глаза управляющего понимающе округлились.

— Бояться «дряни»?! Но у наших постоянных посетителей дрянь считается... высшим шиком! Вы обратили внимание на транспарант в баре?..

В голосе управляющего сквозило уже неприкрытое чинопочитание.

Дорт заметил этот пошлый... транспарант — «Молоко Сатаны — залог вашего здоровья!», но не стал поддакивать управляющему, вместо этого он еще более сурово произнес:

— Значит, теперь для посетителей вашего бара высшим шиком стало что-то другое. — Дорт чуть приподнял бровь. — А много ли надо, чтобы получить Высвобождение?! Одного вампира вполне достаточно... Так что вызывайте патруль, а я прослежу, чтобы они до приезда полиции не скрылись! Ведь эта дверь ведет к черному ходу?..

Он кивком указал на маленькую дверку, расположенную прямо за креслом управляющего и замаскированную под облицовочную панель. На лице управляющего отразилось уважительное удивление, и он утвердительно кивнул, но сейчас же поинтересовался:

— А как же вы собираетесь следить за... этими типами, если... э-э-э?..

Его глаза выразительно указали на открывающуюся панель.

Дорт усмехнулся одними губами:

— А вы думаете, они попытаются скрыться через парадный вход?..

На лице управляющего отразилось понимание, и Дорт деловым тоном добавил:

— Боюсь, эти двое заметят мое исчезновение из зала и всполошатся. Скорее всего они попробуют смыться через окно туалета, а чтобы обеспечить свободу действий, организуют какую-нибудь суматоху... Что-то вроде вызова «скорой помощи» или маленькой потасовки. До приезда патруля блокируйте главный вход и туалет, а если они все-таки прорвутся, я их встречу на улице. И пусть ваши люди будут осторожны!

— Они все принимают перед дежурством дозу дря... МС, — доложил управляющий.

Дорт одобрительно кивнул, затем прошел за кресло управляющего, отодвинул знакомую панель и шагнул в темноту потайного коридора. Прежде чем поставить панель на место, он высунулся наружу и повторил:

— И все-таки пусть ваши люди будут осторожны, мы боимся возникновения вторичных мутаций...

Фраза получилась не слишком понятной, но как раз это понравилось Дорту.

Спустя несколько секунд он оказался на темной узкой улочке, проходившей позади здания, в котором располагался клуб. У лорда было большое желание затаиться где-нибудь поблизости и посмотреть, что получится из его шутки, но, несмотря на свой артистический, рискованный характер, он понимал, насколько это опасно, а разумная осторожность не раз спасала ему жизнь!

Глубоко вздохнув, Дорт неслышно двинулся по темной улице в сторону городского парка — еще одного места, где можно было найти подходящую жертву. На его присыпанных гравием дорожках, под кронами деревьев и особенно в многочисленных укромных местечках, затененных кустарником, любила оттягиваться городская молодежь. Спящий наркотическим сном тинейджер его вполне устроил бы!

Вряд ли кому-то пришло бы в голову прогуливаться по этой темной узенькой улочке, а потому лорд Дорт шагал быстро и сосредоточенно, как допоздна задержавшийся на работе менеджер средней руки. Улочка должна была вывести его к заднему фасаду музея современного искусства, а оттуда до городского парка было совсем недалеко. Правда, он давно уже не бывал в этой части города, но...

Но тут впереди совершенно неожиданно выросла высокая кирпичная стена, перегораживавшая улицу. Дорт медленно приблизился к препятствию и с удивлением обнаружил, что улочка превратилась в тупик, и он стоит у стены жилого дома. Он даже слегка растерялся, когда понял, что, наверное, у задней двери клуба свернул не в ту сторону. Возвращаться к клубу ему очень не хотелось, однако другого выхода у него, похоже, не было.

И тут он вспомнил, что метрах в двадцати позади остался темный, узкий переулочек, ответвлявшийся от этой улочки вправо. Вернувшись, Дорт нашел этот переулочек и осторожно двинулся по нему.

Вряд ли этот проход среди домов старой застройки можно было назвать переулком, скорее щель между стенами, получившаяся в результате недосмотра городского архитектурного управления.

Лорд Дорт шагал в полной темноте сначала по асфальту, затем по засохшей комковатыми наростами глине и наконец по чахлой от нехватки солнца травке. Проход был настолько узок, что порой можно было коснуться ограничивающих его стен, просто разведя руки в стороны. Несколько раз Дорту пришлось поворачивать то в одну, то в другую сторону, так что в конце концов он совершенно потерял направление. Уже собравшись повернуть назад и попытаться проскочить мимо здания клуба, Дорт вдруг почувствовал, что вышел на открытое пространство. Внимательно оглядевшись, он увидел, что оказался в небольшом дворике, окруженном со всех сторон стенами домов. С трех сторон в этот дворик выходили двери подъездов, и лорд мгновенно почувствовал, что один из этих подъездов — проходной!

Не раздумывая, он двинулся вправо и, осторожно потянув за железную скобу, заменявшую дверную ручку, приоткрыл заскрипевшую дверь. В образовавшуюся щель немедленно

проблеснуло равномерно вспыхивающим светом — видимо, противоположная, парадная, дверь подъезда была стеклянной и пропускала всполохи световой рекламы с улицы. Лорд бесшумно проскользнул в подъезд и через мгновение был уже у парадной двери.

Все оказалось как он и предполагал — парадное крыльцо дома выходило на довольно широкую улицу, и напротив двери помигивала древняя красно-оранжевого неона реклама небольшой лавки.

Сквозь стекло парадной двери лорд внимательно осмотрел улицу — она была пуста. Он медленно приоткрыл дверь и неторопливо вышел из дома. Теперь надо было разобраться, куда привел его спасительный переулок. Дойдя до угла дома, лорд поднял глаза и прочитал на подсвеченной табличке «ул. 2-я Дорожная».

Он не знал такой улицы!

Нерешительно потоптавшись на месте, лорд хмыкнул и... пошagal дальше.

Через несколько десятков метров улица слилась с небольшим переулком, но не стала от этого шире, чуть дальше она резко повернула направо и тут же пересеклась с более просторной улицей. Лорд остановился и посмотрел в оба конца этой улицы. Справа, довольно далеко от того места, где стоял Дорт, она, похоже, выходила на какую-то площадь. Он немного подумал и направился в сторону этой площади. Спустя пятнадцать минут лорд вышел на площадь и... замер на месте!

Он сразу узнал ее! Узнал, несмотря на то, что прошло больше двухсот лет и площадь, конечно же, изменилась.

Площадь Семи Цветов!!! Площадь, которую вампиры Камариллы называли площадью Семи Кланов!!!

Лорд Дорт прислонился к стене здания и прикрыл глаза. Страшные видения немедленно встали из глубин его бессмертной памяти! Произошло это больше двухсот лет назад, но лорд Дорт помнил все происшедшее тогда так, словно оно случилось только вчера...

С незапамятных времен семь из тринадцати кланов вампиров, объединившихся в Камариллу, боролись за свое главенство в мире Undead. Именно Камарилла установила Шесть Традиций Каина — главные законы великого Маскарада, и

следила за неукоснительным их исполнением! Именно она возвела власть князей кланов в Абсолют и обеспечивала их Силой!

Но шесть кланов не присоединились к Камарилле, и если четыре из них — Ассамиты, Последователи Сета, Джованни и Равнос — старалась не задевать интересов Камариллы и не появляться на ее территориях, то секта Саббат, объединившая два клана — Лазомбра и Цимисце, — вела с Камариллой беспощадную борьбу!.. Борьбу не на жизнь, а на смерть! Смерть, такую же вечную, какой была жизнь вампиров!!

Цимисце — эти извращенные схоласты и темные колдуны изобрели способ исказить, калечить плоть и кости своих противников. Эта их способность стала страшной опасностью для кланов Камариллы, и тогда Совет Князей решил нанести своим противникам столь же коварный удар. Клану Треммеров, владевших секретом вампиризма, было поручено разработать средство нанесения такого удара.

И тогда Треммеры открыли формулу Молока Сатаны!!!

Все выглядело простым до гениальности — это средство даже не надо было напрямую вводить вампиру, достаточно было найти смертного, кормившего кого-то из Лазомбра или Цимисце, и дать ему каплю МС. Его хозяин, попробовавший отравленной крови, умирал практически мгновенно, словно бы сгорая в прямых лучах солнечного света! Через день-два кровь смертного очищалась, и его можно было снова использовать! Естественно, о самочувствии смертного, его удобствах или неудобствах никто не думал!

Это открытие было доложено Совету Князей, и как о нем узнал один из старейшин клана Вентру, древний, впавший в маразм виконт Борз, так и осталось тайной! Но именно этот полуторатысячелетний старец разболтал секрет МС своей миленькой и весьма недалекой секретарше, пытаясь добиться ее, как он сказал на допросе с пристрастием, «добровольной любви».

К сожалению, у этой девицы оказался весьма умный, дальновидный и образованный братец. Она поделилась с ним секретом Борза, и он мгновенно сообразил, насколько ценным и дорогим может стать МС. Будучи к тому же дипломированным химиком, он смог самостоятельно синтезировать Молоко Сатаны и начать его массовое производство.

МС не понадобилось даже сколько-нибудь серьезной рекламной кампании, чтобы почти мгновенно завоевать мир, — все смертные с поистине дьявольским азартом принялись выявлять вампиров, потчуют друг друга «дрянью». Именно так в просторечии стали называть Молоко Сатаны. А когда несколько десятков вампиров, которых принудили выпить коктейль с МС, сгорели на глазах толпы в бездымном пламени Превращения, охота за вампирами приобрела просто маниакальный характер!!

Камарилла поняла, что для Undead приходит день Геенны!

И тогда Совет Князей принял решение сорвать с вампиров покров великого Маскарада и действовать по законам смертных. В один прекрасный день во всех крупных, мелких и сколько-нибудь значащих странах было объявлено о создании МППМ — Мировой Партии Пищевых Меньшинств. В состав их руководящих органов вошли настолько известные в обществе люди, что «народные массы» приняли как должное то влияние, которое сразу же обрела эта партия. Однако спустя совсем немного времени некоторые малотиражные желтые газетки запустили в общество слух, что заправляют в МППМ... вампиры! Как ни высмеивали крупные газеты, телевидение и радио эти «гнусные инсинуации», общество потребовало гласной проверки членов МППМ Молоком Сатаны!!! МППМ ответило на это незаконное, нарушающее права человека требование серией демонстраций, проводившихся в основном в ночное время... ну-у-у... чтобы не мешать работе городских служб! Одна из этих демонстраций — демонстрация на площади Семи Цветов — стала исторической... переломной.

В этой демонстрации светлой весенней ночью принимал участие и молодой, тогда еще совсем не лорд, Дорт.

Старейшина клана Тореадоров вздохнул — молодость, молодость...

Общий лозунг демонстрации был «Мы с тобой одной крови — ты и я!», но Дорт нес свой собственный транспарант. На помятом крыле, оторванном от огромного старого лимузина и прикрепленном к длинной палке, он алой краской собственноручно начертил: «Одна автокатастрофа выпивает крови больше всех вампиров мира! Запретите автомобили!»

На площадь вышло более двух тысяч демонстрантов, и как только начался митинг, со всех пяти улиц, подходивших к площади, на них набросились толпы молодчиков из ультра-ядовитой группировки «Секонхэнд». Наряженные в яркие, пестрые лохмотья, с распущенными чуть ли не до пояса волосами, с криками «Земля только для людей!» и «Бей вампиров!!» они принялись избивать демонстрантов железными прутьями. И если бы только избивать!! Девчонки-секондхэндки, визжа, словно обезумевшие фурии, брызгали на собравшихся Молоком Сатаны из специально приготовленных спринцовок!!! Площадь мгновенно превратилась в ад... или в рай... ведь гибли на ней вампиры! Гибли десятками... сотнями!

Дорт со своим плакатом стоял в самой середине площади, поблизости от трибуны и потому не сразу понял, что произошло. Это уже потом, из телевизионных передач, он узнал все жуткие подробности ночного избиения undead. В тот момент он сначала только слегка удивился, потому что первый выступающий — член политбюро МППМ лорд Окош из клана Носферату — замолчал, и его чудовищное лицо перекосило жуткая судорога. А потом до середины площади донеслись вопли избиваемых и вопли избивающих!

Но что могли сделать вампиры, даже обладая своей сверхчеловеческой силой, против МС?! Они начали разбегаться!!

Впрочем, скрыться удалось немногим!.. Дорту повезло... Когда вал бесчинствующих секонхэндов докатился до трибуны, большинство спринцовок было уже опустошено. В него пустили пару хлипких, коротких струек, но он успел прикрыться своим металлическим транспарантом, а затем, используя тот же транспарант в качестве оружия, проложил себе дорогу к парадному одного из домов, вихрем взбежал на чердак и ушел по крышам! В то время он был невообразимо молод — всего-то восемьдесят лет — и неимоверно силен!

Сколько вампиров полегло в ту ночь на площади Семи... Кланов не знал никто. Полиция была не в состоянии подсчитать количество жертв, поскольку тела вампиров под действием МС сгорали без следа, а Камарилла молчала...

После этой ночи ситуация в мире изменилась самым кардинальным образом. Если прежде охота за вампирами, хотя и была предельно жестокой, большинству людей представля-

лась все-таки этакой забавой, то теперь Undead занялись самым серьезным образом. Иначе и быть не могло — по всем мировым телевизионным каналам прошла демонстрация случившегося на площади! Но показывали не жуткую гибель вампиров, не их сгорающие в бездымном пламени тела, не толстые железные прутья, рвущие плоть и дробящие кости мирных демонстрантов!!! Показывали единственный эпизод, снятый каким-то любителем из окна своей квартиры... Прямо под стеной дома, на тротуаре, четверо обезумевших от побоев и страха вампиров напали на тонконогую девчонку-секонд-хэндку в желтой кофте и ярко-зеленой юбке, со сморщенной спринцовкой в руке. Они повалили ее на асфальт и впились в ее тело активизированными клыками... Впились куда попало, не раздумывая, не отыскивая кровеносных сосудов. Девчонка истошно визжала, и под этот визг дергавшиеся тела вампиров вспыхивали одно за другим — их жертва приняла перед нападением на демонстрантов порцию МС!

И каждая такая передача сопровождалась восторженным комментарием: «В настоящее время жизнь Памеллы Гибсон находится в безопасности! Молоко Сатаны спасло ее, и не только ее. Оно спасло ее бессмертную душу!»

Камарила еще пыталась бороться — были предприняты попытки объединиться с вегетарианцами, сыроедами, стойкими поклонниками различных специальных видов питания, типа диет Модиньяка и профессора Елизарова, но они оказались безуспешными. Вегетарианцы отказались вступить в МППМ на том основании, что вампиры питаются животной пищей, сыроеды объявили себя организацией аполитичной, а модиньякцы и елизаровцы бросились под защиту медицины!

ООН рассмотрело вопрос «правильного, истинно человеческого питания» и приняло резолюцию, осуждающую вампиризм. А перед этим в аппарате ООН была проведена принудительная проверка на принадлежность к Undead, в результате чего Генеральный секретарь и несколько председателей комитетов и комиссий ушли в отставку (читай — погибли!). Следом за этим Всемирная организация здравоохранения единогласно приняла «Кодекс правильного питания» и разработала рекомендации по обеспечению этого самого правильного питания!

А затем пришла очередь Закона!!!

Практически во всех странах мира были приняты государственные законы о правильном питании, созданы специальные полицейские силы для контроля за соблюдением этих законов, как грибы после дождя росли исследовательские центры, институты и спецлаборатории по исследованию правильного питания и различных отклонений от него!

Горькое удовлетворение принесло кланам Камариллы то, что и вегетарианство, и сыроедение, и всевозможные диеты были объявлены «антизаконными, противоречащими принципам правильного питания»! Теперь человек мог использовать диету только в качестве лекарства, исключительно по назначению консультируемых врачей, но и в этом случае общественное мнение смотрело на него как на зараженного весьма опасной болезнью вроде гепатита С или СПИДа!

Эра Undead кончилась! Один за другим погибали Князья, первородные, старшие кланов, погибали потому что привыкли к слепоте людшек, к их покорности Зову, к их... беззащитности. Но слепые прозрели, беспечные стали осторожными до мнительности, беззащитные обзавелись смертельным оружием!!! А вот Ансиллы — вампиры, которым к моменту краха было от ста до трехсот лет, смогли приспособиться к новому, страшному для них миру! Они, прислужники старших и первородных, грязь под ногами Князей, они не забыли, как надо скрываться среди людей, как добыть пищу даже в самых стесненных условиях, не имея собственного людского «стада», не смея позвать во всю мощь. Они умели издавать короткий, точно направленный Зов, от которого не отравленный «дрянью» человек никогда не мог уклониться, они умели отслеживать «дичь» среди толпы и «увести» ее из этой толпы... Они умели многое, в том числе и управлять «новорожденными» — вампирами, которым еще не исполнилось века!

Камарилла тоже приспособлялась, выдвигая в первородные, старшие и даже Князья наиболее гибких, изощренных в борьбе, живучих и беспощадных Ансилл. Именно таким образом лорд Дорт, которому еще не исполнилось и трехсот, стал старейшиной, первородным! И Камарилла еще жила и даже поддерживала какое-то подобие властной структуры, а вот ее извечный соперник Саббат был уничтожен сразу же и полностью! Слишком прямолинейны, кровожадны и жестоки

были эти деградировавшие последователи дарвинистского учения, поставившие на вершину «пищевой» цепи самих себя. Они слишком полагались на свою власть над тьмой и всем, что связано с ней, они просчитались!!!

Неподвижная, слившаяся с ночной темнотой фигура лорда, казалось, превратилась в изваяние — памятник всем павшим на площади Семи Кланов вампирам. Но прошло несколько минут, и Дорт встряхнулся, отгоняя призраки собственной памяти, и снова подумал о «хлебе насущном» — времени оставалось немного, а необходимую «дозу» он все еще не раздобыл! Едва слышно вздохнув, старейшина клана Тореадоров отделился от стены и быстро пересек пустую, темную площадь. До городского парка было совсем недалеко, и он хорошо знал предстоящий путь. Скоро он был у кованой ограды парка и, оглядевшись, бесшумной тенью перелетел через ее заостренные прутья.

Под кронами невысоких деревьев, в зарослях замерших под лунным сиянием кустов ночная тьма доходила до своего совершенства, поглощая последние кванты света, и только на открытых полянках луна стирала черноту ночи, выбеливая все вокруг своим мертвенным серебром.

Лорд двигался в этой кромешной тьме, словно в родной стихии, его прозрачные, без блеска глаза отлично видели все, что происходило вокруг... Вон в тех кустах, на помятой, истоптанной, укатанной траве, кувыркались пятеро юных индивидов — две девчонки и трое парней. Парни были неумело агрессивны, а девчонки неумеренно смешливы, так что все могло кончиться потасовкой. Чуть дальше, в тени трех раскидистых рябин, компания из шести подростков, переругиваясь и неумело торопясь, пробовала какую-то синтетическую отраву. Лорд Дорт приостановился и принялся наблюдать за ними. Молоко Сатаны в смеси с наркотиками, как всем было известно, вызывало паралич дыхательных путей, а значит, кровь молодых экспериментаторов должна была оставаться чистой от «дряни»! Спустя несколько минут от компании отделилась одинокая тень и неверными шагами направилась точно в сторону лорда.

Старейшина Тореадоров насторожился, но Зов посылать не стал. Одиночка, чуть покачиваясь и петляя на нетвердых ногах, медленно приближался и вдруг... исчез в недалеких

кустиках, на другой стороне освещенной луной прогадины! Однако Дорта это исчезновение совсем не обмануло. Стремительно и бесшумно он переместился по опушке этой осеребренной прогадины к черным кустам, раздвинул темные ветви и... Увидел!!!

Скрытый ото всего мира, в густой ночной тени на мелкой, чахлой траве, закрыв глаза и откинув одну руку за голову, лежал юноша... почти мальчик, наряженный в ярко-красную открытую блузу, оставлявшую шею и верхнюю часть груди обнаженными, и в короткие шорты странного серебристого цвета.

«Секондхэнд!» — мелькнула в голове лорда ненужная мстительная мыслишка, не задержавшая, впрочем, его внимания, да и разглядывать наряд своей жертвы у Дорта не было ни желания, ни времени. Сквозь раздвинутые руками вампира кусты просочился серебристый лунный свет, и в его спокойном сиянии ясно выделялась детская еще шея с едва заметной голубоватой жилкой, пульсирующей чуть выше ключицы! Лорд беззвучно застонал, его набухшие десны мгновенно расширились, и идеальной формы и остроты клыки, увеличившись вдвое, выдвинулись в рабочее положение.

Тореадор изящным движением опустил на одно колено и склонился над своей жертвой. Несколько секунд, несмотря на сильнейшие спазмы Голода, он любовался изяществом своей жертвы, а затем тонкими, длинными, матово-бледными пальцами он осторожно провел по бархатистой коже чистой шеи, и ему показалось, что обреченная жилка затрепетала под этим прикосновением. Лорд снова застонал в экстазе и склонился еще ниже, готовясь подарить жертве Поцелуй вампира!..

И в этот момент что-то тяжелое и в то же время гибкое с протяжным свистом обрушилось ему на спину.

Неожиданность и сила удара были таковы, что Дорт не успел увернуться. Он упал ничком рядом с неподвижным юношей, но тут же попытался откатиться в сторону и вскочить на ноги. Это ему почти удалось, но следующий удар, уже с другой стороны, снова опрокинул его на землю. А затем раздался голос, визгливый, наглый голос не совсем трезвого подростка:

— Ну, я же вам говорил, что вампиры на синтет-травку ловятся лучше, чем на «дрянь»! «Дрянью» в него еще попасть

надо, а синтез-травка сама их притягивает!! Вот, пожалуйста, обещанный вампир, можем повеселиться!

Дорт наконец-то сумел подняться на ноги и быстро оглядеться. Его окружали шестеро подростков, среди которых был и тот, что секунду назад лежал без движения. Теперь-то Дорт ясно видел, что этот малец был одурманен совсем не настолько, чтобы свалиться без памяти, — если бы не Голод, мальчишке никогда не удалось бы одурочить его, но теперь!.. Теперь надо было что-то делать... Но что?! В руках троих из окруживших его тинейджеров были тонкие и довольно длинные железные прутья с посеребренными наконечниками, и с этим оружием он справился бы легко и быстро. Однако две молоденькие секондхэндочки сжимали в своих ладошках пресловутые спринцовки, и лорд прекрасно знал, чем они наполнены. Именно между этими девчонками был самый большой разрыв в окружавшей его цепочке.

— Ну что, сначала потыкаем его серебром или сразу... подожжем?.. — не совсем твердым языком осведомился один из молодых людей, обращаясь, по всей видимости, к предводителю группы, высокому пареньку с прыщеватой вялой физиономией. Девчонки со спринцовками, заинтересованные вопросом, тоже перевели глаза на прыщавого вожака... И в этот момент лорд Дорт высоко подпрыгнул, сделал в воздухе открытое сальто и, пролетев между «спринценоксами», приземлился уже по другую сторону кустов.

Секунду спустя он мчался по темному пространству парка, слыша за собой тяжелый топот и пыхтение беспощадной шайки секондхэндов. К его удивлению, юнцы не только не растерялись после его изумительного по красоте и силе прыжка, но и достаточно быстро организовали погоню! И все-таки ночное зрение вампира, сила и ловкость его тела, пусть и изнуренного долгим Голодом, не оставляли преследователям никакой надежды на успех!

Он ушел от погони!.. Он ушел ото всех — и от одурманенных наркотиками подростков, и от присоединившихся к ним трех куражистых алкашей, и от двух ночных парковых сторожей, внезапно начавших свистеть в свои дежурные свистки, надеясь на подмогу полиции. Он влет перемахнул через ограду парка и растворился в темных ночных провалах улиц за-

долго до того, как преследователи в свою очередь добежали до ограды.

Пробежав вдоль припарковой слабо освещенной улицы, лорд свернул на первом же перекрестке и оказался на одной из деловых улиц города, поражающей в этот ночной час ярким, как говорили прежде, «неоновым» освещением и полным отсутствием людей. Только изредка, сквозь стеклянные двери и витринные стекла первых этажей, в нижних холлах офисных зданий маячили смутные фигуры охранников. Но Дорт не решился ткнуть в одно из этих зданий, хотя слышал, что такие попытки кое-кому удавались — просто сейчас у него не было на это сил.

А Голод мучил его все сильнее! Теперь уже спазмы практически не прекращались, они гнали его вперед, в надежде на неожиданную удачу. Он пересек ярко освещенную деловую улицу и свернул в первый же попавшийся переулок, в темноту, в тишину спящего города. До рассвета оставалось часа два, а вожденной дозы все не было!..

Чисто интуитивно он двинулся в сторону своего укрытия, к своему склепу... к своему гробу, рассчитывая встретить по дороге подходящую жертву... Любую жертву, пусть не молодую, не с горячей юношеской кровью, лишь бы без МС в жилах и без... спринцовки в руках. Теперь уж он не будет очаровывать и соблазнять, ждать подходящего момента и наслаждаться этим моментом. Теперь он все поставит на неожиданность нападения и силу!!

Он миновал пару кварталов, и навстречу ему не попалось ни единого человека. Освещенные двери кафе Дорт проходил не задумываясь, опасаясь, что если он войдет в зал, то не удержится и набросится на первого попавшегося посетителя. Он слишком хорошо знал, чем это кончится, и даже его жуткий Голод не мог пока победить его осторожность!

Проходя следующий перекресток, лорд заметил, что не-вдалеке, метрах в тридцати от него, по тротуару медленно бредет какая-то неопределенная фигура, чуть пришаркивая подошвами обуви по чистому асфальту. Дорт свернул, двинулся следом, медленно приближаясь к шаркающей впереди фигуре, и немного погодя издал короткий, но очень сильный Зов. Фигура мгновенно остановилась и начала медленно оборачиваться.

Клыки лорда выскочили из своих гнезд, и он уже был готов прыжком опрокинуть свою жертву, когда прямо в его лицо глянули два водянисто-голубых глаза, горевших полубезумным огнем, и вверх взметнулись две старческие, но еще крепкие руки, сжимавшие большой деревянный крест с посеребренными концами и серебряной фигуркой Распятия.

Дорт откинул голову, словно распятие ударило его по лицу, а оно и в самом деле ударило! Вернее, даже не само распятие, а та иступленная, фанатичная Вера, которая прорвалась в крике странного старика:

— Изыди, исчадие Тьмы, именем Спасителя нашего повелеваю тебе!! Сгинь!!!

И снова взметнулся темный крест с посеребренными концами и серебряной фигуркой... И снова по лицу Дорта хлестнуло жестким ментальным ударом иступленной Веры!!!

Вампир повернулся и бросился прочь, в темноту городских переулков, к спасительному убежищу! А вслед ему неслись полубезумные крики:

— Беги!!! Беги, смердящий сын Греха!!! Так и твой господин побегит при имени Сына Господня, поднявшего свой светлый меч против Тьмы и ее блевотины!!!

Несколько минут лорд Дорт не совсем отчетливо соображал, куда несут его ноги. Когда же он пришел в себя и смог оглядеть узкий, грязный переулок, в который завел его Голод, ему стало понятно, что его убежище, его склеп совсем рядом, но прежде чем идти туда, надо было хоть как-то утолить Голод! И еще он увидел, что ночь... на исходе!!! Звезды гасли в чуть посветлевшем небе, и если бы дома не загораживали горизонт, то на востоке уже была бы видна светлая полоска зари!

Лорд зарычал, но в этом рычании не было ярости, страсти или величия... В нем было одно бесконечное отчаяние!!!

И тут позади него послышалось быстрое, какое-то вспугнутое шуршание. Лорд мгновенно обернулся!

Совсем рядом, буквально в нескольких шагах от него, располагались четыре грязных мусорных контейнера. Контейнеры эти, похоже, уже давно не вывозились, а кроме того, один из них лежал на боку, так что мусорная куча, образовавшаяся вокруг этой мини-свалки, была порядочная. И именно из этой

кучи доносилось шуршание, привлекшее внимание вампира... Нет!!! Привлекшее внимание Голода!

Лорд пригнулся и медленно направился к мусорной куче, не сводя с нее пристального взгляда. Спустя мгновение он увидел, что за лежащим контейнером притаилась здоровенная жирная крыса. Она даже закрыла глаза, то ли притворяясь дохлой, то ли не желая видеть приближения своей гибели. Лорд вздрогнул, словно вспомнив нечто уже испытанное, а затем снова зарычал. И в этом рыке прозвучало звериное желание крови! Любой Крови!!!

Лорд продолжал медленно приближаться к мусорной куче, но теперь он уже не подходил... он крался! Его пальцы скрючились, готовые схватить этот крошечный комок живой плоти, его клыки уже выдвинулись в атакующее положение, его глаза уже не видели, на кого именно он охотится. Они видели живое, наполненное кровью мясо! Они помнили уже посветлевшее небо!! Они прозревали близкий рассвет!!!

Крыса обреченно замерла, словно понимая, что уйти ей уже не удастся. Она открыла глаза, и теперь эти две живые бусины были маяками для всех инстинктов Undead. Когда до жертвы осталось не более двух шагов, вампир прыгнул!

Лорд Дорт, старейшина клана Тореадоров, клана художников, мыслителей, эстетов, уже не думал об изысканности своего костюма, изяществе жеста и слова, сладострастном стоне своей молодой и прекрасной жертвы. В его воспаленном мозгу, во всем его существе царило только одно желание, одна навязчивая мысль, одна страсть — доза! Любая!.. Пусть не совсем полная, пусть крошечная!.. Но способная заглушить Голод хотя бы на два-три дня!.. И сейчас, немедленно!!!

Поэтому у крысы не было ни малейшего шанса. Она метнулась в сторону от растопыренных пальцев вампира, метнулась стремительно, непредсказуемо!.. Но рука Дорта метнулась еще стремительнее и с абсолютной точностью.

Зверек взвизгнул и... умолк! Клики вампира проткнули трепещущую тушку насквозь, и его рот наполнился горячей кровью... И пусть эта кровь имела противный, чуть гнилостный привкус, пусть в ней недоставало необходимых Undead веществ, пусть ее было катастрофически мало, но это была Кровь!

И Голод, терзавший Дорта, отступил... Отступил настолько, что лорд пришел в себя и с отвращением выплюнул кусок грязной шерсти, который сжимали его клыки!

А вслед за этим плевком он услышал чуть испуганный и в то же время твердый голос:

— Господи!.. Что вы делаете?!

Лорд Дорт, не разгибаясь, повернул голову, так что его глаза глянули из-под оттопыренного правого локтя, и увидел, что позади него стоит высокая белокурая девушка в голубом, отделанном кружевами платье и округлившимися глазами разглядывает его скрюченную фигуру. Та самая девушка, которую он видел в кафе у Клары! И снова Голод требовательно толкнул его изнутри, толкнул не резко, но настойчиво. Лорд быстро обжег глазами переулок — тот был пуст и еще темен, — а затем медленно распрямился и повернулся к девушке. На мгновение к нему вернулся весь лоск Тореадора, и с истинным изяществом он поинтересовался:

— Откуда в таком... замызганном месте появилась столь прекрасная... фея?!

Однако он забыл о только что съеденной крысе, а следы этой трапезы явственно виднелись на его физиономии. И по мгновенно расширившимся глазам девушки, по ее невольно поднятой к горлу руке и шагу, сделанному ею назад, вампир понял, что он разоблачен. Глухо рыкнув, Дорт шагнул вперед — он не мог упустить этот подарок судьбы.

Но вопреки его ожиданиям она не бросилась бежать. Отступив еще на шаг и прошептав побелевшими губами: «Вампир!..», она быстро опустила правую руку в небольшую сумочку, висевшую у нее на запястье, и в следующий момент в ее кулачке блеснула маленькая бутылочка.

Если бы не съеденная только что крыса, Дорт, обезумевший от Голода, не обратил бы внимания на отблеск стекла в руке девчонки, и все было бы очень быстро кончено. Но теперь этот отблеск остановил его, он понял, что именно содержит маленький стеклянный сосуд.

Они замерли друг против друга, словно оба не знали, на что решиться. Несколько секунд спустя Дорт обеспокоенно вскинул глаза вверх и понял, что рассвет неумолимо приближается — небо над городом начало светлеть. Он улыбнулся

окровавленными губами и галантно, стараясь справиться с внезапно пришедшей хрипотой, проговорил:

— Я был бы рад познакомиться ближе со столь прекрасной женщиной, но... увы... мне необходимо срочно удалиться...

Он чуть склонил голову, одновременно окидывая стройную фигурку девушки жадным взглядом, и вдруг она спросила:

— Вампир!... Это правда, что вы живете... вечно?!

Лорд Дорт удивленно поднял бровь — вопрос был, мягко говоря, странен. Тем не менее он с достоинством ответил:

— Раз уж мы вступили в разговор, позвольте представиться — лорд Дорт, старейшина клана Тореадоров... Что же касается вашего вопроса, сударыня, то на него я могу ответить утвердительно. Мы действительно живем вечно, хотя нас всегда подстерегало множество опасностей... А теперь количество этих опасностей... значительно возросло!..

Девушка непроизвольно бросила быстрый взгляд на свой сжатый кулачок.

— Именно это я имею в виду... — подтвердил Дорт с легкой улыбкой.

Голод снова толкнул его изнутри, снова дал почувствовать, насколько мал был глоток крысиной крови.

— К тому же теперь нам довольно трудно раздобыть себе... пишу... — неожиданно для самого себя добавил лорд.

Девушка немного удивленно взглянула ему в глаза и спросила:

— Так вы... голодны?..

— И очень! — ответил Дорт. — Иначе я ни за что не позволил бы себе испугать такую прелестную леди!..

— А среди вас есть... женщины?.. — неожиданно поинтересовалась девушка.

— Есть... — улыбнувшись, проговорил Дорт и вдруг, удивившись, спросил: — Не хочешь ли ты... красавица, получить... Высвобождение?!!

Девушка вздрогнула и медленно покачала головой:

— Высвобождение... это же когда... теряешь всю кровь?..

— И обретаешь вечное... существование!.. — мягко, вкрадчиво добавил Дорт. — А кроме того, кое-что еще!..

Он снова взглянул вверх и со вздохом закончил:

— Однако мне действительно надо торопиться... — Он улыбнулся, словно извиняясь за свою бестактность. — Солнце, знаете ли, нам противопоказано!..

— Но вы... э-э-э... голодны, — торопливо проговорила девушка. — Может быть, я... могу вам помочь?..

Лорд вскинул голову и изумленно спросил:

— Вы добровольно примете... Поцелуй вампира?!!

Девушка смутилась:

— Н-нет... Я не хочу, чтобы вы меня... укусили... Пока не хочу... Но может быть, я могла бы... иным способом дать вам своей крови?.. Мне, право, хочется вам помочь! И... много ли крови вам надо, чтобы... э-э-э... насытиться?

Лорд Дорт был очень удивлен и... тронут. Он вздохнул и мягко проговорил:

— Дорогое дитя, если вы смогли бы капнуть мне двадцать пять капель своей драгоценной крови, я не только полностью удовлетворил бы свой Голод, но и смог бы месяц не показываться на улицах этого города.

— Двадцать пять капель?.. — тихо переспросила девушка.

Лорд только молча кивнул в ответ.

Несколько секунд она размышляла, а затем решительно принялась рыться в своей сумочке. Мгновение спустя у нее в руках вместо бутылочки с МС появились небольшой блестящий наперсток и маленькие маникюрные ножницы. Она решительно, не раздумывая, ткнула острым концом ножниц в большой палец левой руки и тут же подставила наперсток. В крошечную никелированную емкость начали падать крупные багряные капли крови.

Человеческой крови! Молодой человеческой крови!!

Лорд с едва сдерживаемым испуганием следил, как наперсток наполняется живительной жидкостью, и когда девушка, зажав ранку, протянула ему почти полный наперсток, он шагнул вперед и дрожащими руками принял этот подарок судьбы... это спасение, пришедшее столь неожиданно и столь вовремя!

Опустошив наперсток и вылизав его до блеска, лорд протянул его девушке, а когда та приняла его, склонился перед ней в низком, изысканном поклоне.

— Благодарная леди, — проговорил старейшина Тореедов, не распрямляясь. — Я буду вечно благодарен вам за ока-

занную услугу. Если я могу чем-то быть вам полезным, вы сможете найти меня в кафе у Клары!..

Он выпрямился и закончил:

— А теперь... прощайте!

Повернувшись, он быстрым шагом направился в сторону своего убежища. А девушка осталась стоять на асфальте переулка с чуть побледневшим лицом и зажимая ранку на указательном пальце левой руки.

Лорд Дорт, полностью удовлетворенный, убивший свой Голод полноценной дозой, бодро шагал по подсвеченному отблеском утренней зари городу и думал о том, что эта встреча может стать весьма важной, возможно, поворотной в жизни Undead. Ведь вполне возможно, что среди людей имеются еще многие, втайне сочувствующие вампирам, а может быть, и мечтающие пройти Высвобождение!.. Надо их искать!!

Девушка стояла неподвижно, глядя вслед удаляющемуся вампиру, а когда тот скрылся за углом, открыла свою сумочку, достала оттуда коагулянтный гель и аккуратно выпустила прозрачную каплю на все еще кровоточащую ранку. Через мгновение ранка закрылась и затянулась так, что даже малейшего следа от нее не осталась. Убрав ножницы, гель и наперсток в сумочку и закрыв ее, она посмотрела на свой наручный браслет и после короткого раздумья быстро перебрала его звенья. Спустя долгую минуту воздух в метре от нее сгустился и преобразовался в некое подобие голографического объема, внутри которого виднелся спящий мужчина.

— Надо же!.. — удивилась девушка. — Его даже вызов разбудить не может!.. — И, немного подождав, позвала: — Профессор!..

Голографическая фигура не пошевелилась.

— Профессор, проснитесь!.. — снова негромко позвала девушка, и на этот раз мужчина вздрогнул, открыл глаза и поднял голову.

Увидев девушку, он недовольно свел брови:

— Мария, ну что за нужда будить меня на рассвете?! Разве случилось что-то настолько срочное, что ты не можешь подождать до... э-э-э... утра?!

— Профессор, я выполнила ваше условие и хотела узнать, когда мы можем подписать контракт о моей работе в вашей лаборатории?..

— Но, милочка, — еще сильнее свел брови профессор. — Я не ставил вам никаких условий! Я сказал, что предложенная вами тема, может быть, и интересна для исследования, но у нас нет объекта исследования. Лаборатория не может под вашу тему выделить... э-э-э... вампира, а посему...

Девушка не дала профессору закончить:

— Я сама имею вампира!..

Ее собеседник замолчал, недоумевающе глядя ей в лицо, и только секунду спустя до него дошел смысл сказанного. Сон и недовольство мгновенно слетели с его лица.

— У тебя имеется вампир?.. И откуда же ты его взяла?..

— Я его сама нашла и сама дала ему испить своей крови, наполненной маячковыми изотопами... — Тут она победно улыбнулась. — Поставила ему «маячок». Так что мы можем в любой момент поехать и забрать... «объект исследований». Само собой разумеется, вампир будет принадлежать лаборатории только на условии приоритета моей темы!.. Так когда мне можно подъехать, чтобы заключить контракт?!

— Ну что ж... — задумчиво проговорил пришедший в себя профессор. — Сегодня мы заберем твоего вампира... посмотрим, в каком он состоянии... после этого подумаем о твоём контракте и...

— Мы заберем моего вампира только тогда, когда мой контракт будет оформлен и подписан по всем правилам! — жестко перебила его девушка. — Вы думаете, я выслеживала вампира, организовала его травлю и портила маячковыми изотопами свою собственную кровь для того, чтобы ваша лаборатория могла процветать? Если вы готовы подписать контракт на моих условиях — у вас будет свеженький, здоровенький вампир и не какой-нибудь там презренный Кайфит или провинциальный Джованни. У вас будет старейшина Тореедоров. Если же вы собираетесь «думать», то я обращусь к профессору Джеральду!

Профессор с минуту разглядывал девушку прищуренными глазами, а потом спокойным деловым тоном проговорил:

— Подъезжай вместе со своим юристом к девяти часам в мой офис. Мы подпишем контракт и поедем за твоим... Тореедором. Надеюсь, ты хотя бы приблизительно знаешь, где располагается его склеп!..

— Точно знаю, профессор... Точно в пределах одного километра, так что ваши приборы отыщут его без труда!

— Ну что ж, тогда до встречи! — буркнул профессор, и голограмма пропала.

Девушка удовлетворенно вздохнула и подняла лицо к розовеющему небу.

«Правильно, что я пошла работать в эту психиатрическую клинику... И хорошо, что четыре месяца назад эта дворничиха попала в мои руки!.. Ха!.. А все думали, что у нее просто белая горячка!..»

И она довольно улыбнулась!

Если бы в тот момент рядом с ней находился какой-нибудь прохожий, ему показалось бы, что у длинноногой белокурой красавицы, под ее не накрашенными, но тем не менее ярко-красными губами слишком выпукло... угрожающе... выступают верхние клыки!.. Но это был бы простой обман зрения. Девушка была самым обычным человеком.

Честно!..

Самым обычным... Человеком!!!

Макс Олин

ИЕРОГЛИФ КАЛЬВИНА

Несмотря на то что «Мона Лиза» единственна и неповторима, ее копировали чаще всех других картин. Наиболее известны копии Филиппа Шампанского, а также учеников самого Леонардо — Бернардино Луини и Салаино. «Мона Лиза» копировалась скульпторами, нередко ее рисовали в обнаженном, а то и вовсе карикатурном виде.

Из доклада Роберта Блейна

Отключи мемокамеру. Вид у меня сейчас не из лучших.

Уже почти утро. Я опять видел этот сон.

Да, я же еще не рассказывал тебе о нем...

Немножко отдышусь. Лина спит.

Ей в отличие от меня не снятся кошмары.

Вот и хорошо. (пауза) Умылся. Теперь полегче.

Первое утро очередного корабельного месяца. Рано или поздно кто-нибудь посмотрит старые записи и скажет, что капитан «Меркурия» окончательно спятил.

Может быть, это важно. Я не знаю. Ладно... (вздыхает)

Мне снится один и тот же сон. Вот уже несколько ночей подряд. (долгая пауза)

К черту его! Спокойной ночи! (смех).

Запись от 452.1,

Виктор Кальвин. 4:57 мемокам

Мы опоздали. На столетие, может быть — больше.

Эта земля была мертвой. Высохшей, как старые кости, облизанные огнем. Песок и пепел, тени и пыль. Будто узловатая рука смерти ласково провела по всему, что цвело, дышало и суетилось, и оставила после себя лишь скупые, невосмые макеты из праха.

На планете почти не осталось кислорода. Ядовитый дым плавал над городом, закрывая от солнца прокопченные скелеты зданий. Казалось, если этот сумрак схлынет, настигнутый свежим ветром, вместе с ним исчезнет и мираж бесконечного могильника, и беззвучный шепот тех, кто здесь жил.

Если бы Лина не предложила исследовать один из старых домов, я просто постоял бы немного рядом с пассажирским ботом, созерцая пустоту снаружи и слушая пустоту внутри, а затем покинул это место, пока призраки не сожрали мою душу.

Старый дом был вылеплен из праха чьей-то мечты. От прикосновения Лины дверь его растаяла, превратившись в белесый дымок.

Внутрь входить не имело смысла. Мы ведь не герои. Мы всего лишь военные торговцы и совсем немножко исследователи.

Наш товар больше никому не нужен.

«Они все умерли, — прозвучал в наушниках голосок Лины. — Целая планета». Увидела ли она сквозь зеркало гермо-костюма, как я кивнул? Вряд ли.

А несколько шагов спустя у корней мертвого дерева, похорожего на засохшую чернильную кляксу, мы нашли Хола...

Я живу в космосе.

У меня есть любимая женщина, дом и работа.

Все, что нужно человеку, правда?

Почему же мне тогда так плохо? Отключи мемокамеру, ненавижу наблюдать свою рожу на экране. (экран гаснет)

Лина любит называть меня «человеком со смешным орлиным носом» или просто Орлиный Нос, будто индейцы. (смеется)

Отключи насовсем. Опять этот сон. (вздыхает)

Мне тяжело и дурно. Сон... Планета...

После нее мне стало еще хуже. Все давит... Душит, как петля на шее. (пауза)

Этот пришелец мне не нравится. Пришелец...

Словечко со Старой Земли, ставшее сленговым.

Мы сами к нему пришли... Мы — пришельцы.

Несу чушь...

Запись от 452.2,
Виктор Кальвин, 4:57 мемокам

Хол расположился под тем деревом в позе лотоса, прикрытый истлевшими обрывками одежды и вооруженный небольшим кинжалом из серо-зеленого металла.

Его проверили на наличие «агрессивных бактерий», а затем переправили на «Меркурий», в каюту, которую наспех переоборудовали в некое подобие «планетарной среды». Впрочем, поселили — это громко сказано. Скорее посадили в угол, словно элемент интерьера или экзотическое растение. Жилистое, узловатое, как пень, с твердой коричневой кожей и полным отсутствием волос существо. Он дышал очень слабо и смотрел в пустоту невидящими белыми глазами, будто находился где-то очень далеко, а все, что сейчас с ним происходит, не имело никакого значения.

Идея назвать его Холом пришла в голову Лины. В ее родном английском это слово ассоциировалось с «hollow» — пустотой, и «holy» — святостью.

Самурай в молитве или святой отшельник?

Вряд ли он обрел покой среди изъеденной огнем Нирваны. Скорее он был мертв в гораздо большей степени, чем его сородичи, от которых не осталось ни следа. Сожженная душа.

Хол — пустышка.

— Интересная штучка, — произнесла Лина, вращая в руках его нож. — У меня такое ощущение, что он хотел умереть под тем деревом... Видеть гибель целого мира — это страшно. Почему он просто не убил себя?

Мягкий неоновый свет ламп скользил по зеленоватому лезвию, похожему на древесный лист. Ближе к рукояти его украшал причудливый золотой иероглиф.

— Очень трудно судить поступки того, кто отличается от нас. — Я разглядывал пришельца сквозь толстое стекло соседней каюты. — Ты считаешь, он должен был взять эту штучку и вырезать себе кишки? Как допотопный японец? А они у него есть, эти самые кишки?

— Он не похож на растение.

— Разве? Давай попросим врача поставить ему клизму и принесем ночной горшок.

Лина скривилась и ушла. Шутка и вправду получилась отвратительной. Но, знаете ли, в мои обязанности не входило пригревать и откармливать полудохлых пичужек, которые к тому же могут быть опасны. Если бы не Лина, этот болезненный заморыш никогда бы не оказался на борту моего корабля. Впрочем, особых неудобств заморыш нам пока не доставил, и оставалась надежда, что не доставит вовсе.

Опять этот сон. Боже, сколько это будет продолжаться? Уже неделю...

Отключи мемокамеру, черт бы тебя побрал! (экран гаснет) Каждую ночь! (тяжелое дыхание)

Рубашка мокрая от пота. Сейчас вернусь, минутку... (долгая пауза, шум воды)

Так лучше. Может, стоит поговорить с доктором? Не знаю... (пауза)

Мне снится комната с грязными стенами, без окон и без дверей, в центре которой на старой пеньковой веревке покачивается висельник. Его одежда, лицо и волосы покрыты отвратительным белым налетом. Знаешь, как мука. А глаза, красные, налитые кровью, смотрят куда-то вдаль. Сквозь меня.

В комнате светло, хотя я не вижу ламп.

И так тихо, что слышен стук собственного сердца.

*Мне очень страшно там, во сне. (пауза)
К чему это снится? Что я должен понять?
Я схожу с ума. (пауза) Хорошо, что рассказал тебе
обо всем.
До завтра.*

Запись от 452.3, Виктор Кальвин, 4:57 мемокам

Пока врачи пытались вернуть Холу жизнь, там, на его планете, среди мертвых руин, копошились исследовательские боты. Информация могла пригодиться Ассоциации военных торговцев. История гибели целого мира должна была впечатлить начальство. Я как минимум рассчитывал на повышение по службе.

Возможно, вы скажете, что зарабатывать на чужих бедах аморально и гнусно. В то время я так не считал. Мы оказались первыми мародерами в этом уголке Вселенной — грех отказываться от предложенной наживы. Отдел информации обещал собрать все сведения из планетарных каталогов и предоставить их мне не позже завтрашнего вечера.

Успехи же с Холом были невелики. Лина повалилась проводить вечера в его каюте и рассказывать пришельцу о Земле. Ее голос забавно искажался кислородной маской. В соседней каюте, которую переделали в медотсек для экзобиологов, были установлены микрофоны, и я подслушивал, каюсь.

Лина рассказывала пришельцу о зеленой траве, мягкой и душистой, и пронзительном голубом небе. О свежем ветре, который приносит с собой запахи моря или хвойного леса. О гигантских горных хребтах, на фоне которых люди чувствуют себя песчинками, и огромных океанах, населенных миллиардами живых существ. Она вспоминала яркое рассветное солнце, шорох осенних листьев и пушистые зимние снегопады, закрывающие весь мир белым полотном.

До сих пор я старался не вспоминать о Земле. Только Бог знал, когда закончится служба и мы вернемся. Но, черт бы ее побрал, я чувствовал, как из самой глубины сердца рвется наружу бесконечная, всеобъемлющая тоска...

Иногда Лина напевала чужаку песенки. Чаще всего колыбельные или какую-нибудь ерунду из родного техасского ре-

пертуара. Моя русская душа никогда не понимала ее фольклорных пристрастий. Даже фамилию мою Лина произносила на английский манер, с ударением на «а».

Впрочем, только после этих вечеров я наконец-то стал понимать, что творится в голове у моей жены. Каждый раз она тратила на Хола один кислородный баллон. Ей нравилось думать, что после каждой беседы взгляд чужака становится более осмысленным, хотя я этого не замечал. Лине было все равно, знает ли Хол ее язык. Она не обращала внимания на мое ехидство.

«Главное то, что он умеет слушать, — говорила она, забираясь под одеяло и пытаясь согреться, прижавшись ко мне. — И что больше он не остается один...»

Кто он такой? Почему не дает мне покоя? (свет от экрана падает на лицо Виктора, и видно, что его виски блестят от пота)

Я не могу больше. Висельник... (он закрывает лицо ладонью)

Отключи мемокамеру, в темноте мне проще рассказывать. (экран гаснет)

Почему мой мозг раз за разом выдает одну и ту же картинку?

Что я должен сделать? Разгадать, как туда попал этот человек? Зачем?

Бред... (долгая пауза)

Может, это просто идиот, который построил вокруг себя стены, но увлекся и забыл сделать дверь? И с горя повесился.

Только вот в комнате ничего нет...

Даже стула, на который он мог бы встать... (пауза)

Чушь несу. Все... Спокойной ночи.

Запись от 452.4, Виктор Кальвин, 4:57 мемокам

Шло время. Его течение все более назойливо убеждало меня в том, что планета никогда не откроет нам своих тайн. Однажды в лаборатории я наткнулся на Люциуса, старшего командира технического отдела, который устанавливал оборудование в каюте Хола.

— Как там поживает наш деревянный мальчик? — поинтересовался я. — Не собирается покрыться зелеными листиками?

— А вы уверены, что он мальчик, сэр? — хихикнул Люциус.

— Даже если девочка, тебе с ней точно ничего не светит.

— Разве это проблема? — Люциус махнул рукой. — Схожу в «мультик», повеселюсь.

Я усмехнулся, потому что как раз собирался сам принять порцию приятных иллюзий. С самого начала службы на «Меркурии» я посещал упомянутое место только один раз. «Мультик» представлял собой ряд кабинок с аппаратами виртуальной реальности, где пользователям на выбор предлагалось несколько вариантов «отдыха»: земные пейзажи, цветастая ярмарка, общение с виртуальной семьей, ну и секс, разумеется. Во время полета этот аттракцион служил отличной эмоциональной разгрузкой.

С утра я посетил нашего штатного психотерапевта. Смешной маленький человечек с эстонской фамилией Денгрэнжукес, которого многие называли просто Жуком. Он сказал, что мои кошмары в чем-то подобны кошме Шредингера.

Доктор считал, что причина моих кошмаров — замкнутость и космическая тьма. Узкие коридоры корабля, ощущение пустоты и одиночества нужно было чем-то компенсировать. Я знал, что многие члены экипажа, даже офицеры, посещали «мультик» каждый вечер, а в реальность выходили, как на работу. И еще я знал, что Лина ни разу им не воспользовалась.

— Как ты думаешь, отчего погибла эта планета, Люциус? — спросил я.

— Бабах! — Люциус развел руками. — Наверняка устроили игру в войнушку и сами себя уничтожили. Отрезали сук, на котором висели.

— Сидели, — поправил я его и ухмыльнулся.

Похоже, «мультика» мне не миновать. По крайней мере сегодня.

Оставив Люциуса колдовать над оборудованием, я направился в северный отсек «Меркурия».

Две виртуальные кабинки были заняты, и я шагнул в третью. Влез в специальный костюм, напялил очки и улыба-

нулся. Бравый капитан ищет утешение в виртуальных подделках.

Затем выбрал сценарий «Ярмарки» и словно провалился в густую кисельную массу.

Плавал в ней с полминуты, и... оказался на Земле.

Залитый солнцем парк, люди в самых разнообразных рядах, карусели, клоуны.

Под ногами — твердая и теплая земля. Боже, какое потрясающее чувство!

Парк был просторным. Вдоль аккуратных дорожек изумрудным ковром стелился газон. Высокие деревья шелестели листьями.

Сочная зеленая трава.

Душистый ветерок.

Как же тут хорошо, Боже!

Играла музыка, люди улыбались мне, кто-то из детей протягивал ослепительно красный воздушный шарик. Я сделал первый шаг. Слишком много места вокруг. Непривычное ощущение. Словно заново учишься ходить.

Огляделся.

Сделал еще шаг. На небольшой площадке выстроились ряды аляповатых торговых лотков. Люди суетились вокруг них, покупали безделушки, пили пиво из одноразовых стаканчиков. Клоуны дарили детям прозрачные, как цветное стекло, леденцы. Старик в кителе времен войны с нейбарианами играл на большом аккордеоне.

Ветерок налетел вновь. Он подхватил меня и понес в самое сердце толпы. Рука сама собой опустилась в карман, нащупала там несколько круглых металлических монет.

Я купил у клоуна желтый, как солнышко, шарик.

Улыбнулся, долго смотрел на великолепное голубое небо, на шарик, на клоуна, а затем...

В кроне деревьев...

В самой глубине парка...

Высоко...

На огромной сухой ветке... Ветка...

Болтался человек...

Я не помню, как вылетел из виртуальной кабины. Наверное, мое лицо выражало такой животный ужас, что все встреч-

ные служаки разбежались в стороны. Я помню только, как упал на кровать в своей каюте и разрыдался.

Привет, мой дневник. (Виктор сидит перед экраном, уронив голову на стол) Отключи мемокамеру, хорошо? (экран гаснет)

Я не знаю, что еще тебе сказать. Повторить вечеринную запись? (пауза)

Он стал моей тенью. Личный, мать его, кошмар. (пауза)

Призрак. Не убьешь, не прогонишь. Везде следом... Везде следом...

Что он хочет сказать? Может, его убили? Подтянули веревку снаружи, через дыру в потолке? А теперь он жаждет мести... (пауза)

Везде следом... Везде следом... (Виктор переходит на крик, смеется, затем тишина)

Выключись, черт... Лина?

Я встал попить. Горло пересохло. Ударился ногой. Свет забыл. Да...

Прости, разбудил. Иду, сейчас...

Выключайся...

Запись от 452.5, Виктор Кальвин, 4:57 мемокам

Через пять корабельных суток исследовательские боты вернулись. Результат меня не удивил. Похоже, планета сгорела. Целая планета вспыхнула, как спичка, и превратилась в головешку. Никаких свидетельств применения оружия массового уничтожения мы не нашли. По крайней мере — известного нам. Обычный пожар, который никто не захотел потушить. Вот и все...

В отделе информации подняли архивы и сопоставили разрозненные данные других экспедиций с тем, что досталось нам. Забавно, но собственного наименования у планеты не было. В земных каталогах она числилась как Дом Знаков. Мы выяснили, что местные жители по природе своей не воспринимали звуков, общаясь исключительно набором символов. Их письма напоминали иероглифы средневековых японцев, а для общения друг с другом эволюция сделала им и

вовсе шикарный подарок — особые светочувствительные микроэлементы, вырабатываемые железами, расположенными на кончиках пальцев. Судя по всему, они попросту писали пальцами в воздухе.

Узнав об этом, я решил, что бедная Лина зря старалась — тварь ее даже не слышала. Лина же приказала смонтировать в каюте Хола специальный автопереводчик, который мог бы воспринимать его иероглифы и конвертировать их в английскую или русскую речь.

Лина, сколько я ее помню, всегда была упрямой особой. Она трижды получала отказ, прежде чем ее приняли в нашу команду. Сейчас она с подобным упрямством относилась к своим вечерним посиделкам у Хола. Лина как будто приросла к этому пришельцу. Постоянно, за завтраками и ужинами, восторгалась строением его вытянутой черепашки и дурацкими тонкими конечностями, и глаза ее при этом сверкали, как у кошки, увидевшей в полутьме жирную упитанную мышь.

Хол превратился в домашнюю зверушку, любимого питомца. Я слышал, что некоторые члены команды уже делают ставки на его пробуждение, и подумывал о том, чтобы как можно скорее запечатать его труп в специальный контейнер. От греха подальше.

Так или иначе, но мое терпение было на исходе.

Вечером, подслушав очередную сказку о Земле, я ворвался в каюту Хола и начал убеждать Лину, что пришелец мертв.

«Он не понимает тебя. Он не дышит и не шевелится, — цедил я сквозь зубы. — Ты помешалась на нем. Ты не хочешь поверить очевидному. Этой деревяшке уже ничего не светит. Он сгорел, испарился, исчез. Мумия, памятник погибшему народу — ничего более».

Я часто и тяжело дышал в дурацкой кислородной маске и ненавидел себя в тот момент. Большие янтарные глаза Лины смотрели на меня испуганно, словно я готов был прикончить Хола прямо сейчас, собственноручно. Я не хотел ее пугать. Я просто сорвался. Отвратительное ощущение.

Лина молчала в ответ.

А потом я понял... нет, скорее почувствовал, что в каюте появился кто-то еще.

Чужое присутствие растеклось вокруг нас пряным хлюпком.

Пришелец смотрел на меня, слегка наклонив голову. Его глаза были сочно-зелеными, как первая майская трава. В воздухе перед ним тускло мерцал небольшой иероглиф — близнец того, что красовался на зеленоватом лезвии ножа Хола.

А затем бесстрастный голос автопереводчика произнес слово, которое впоследствии мне пришлось запомнить на всю жизнь.

Важадхава.

Он жив. Нет... они живы.

Когда же ты научишься отключать этот чертов экран! (бледный свет падает на лицо Виктора, который заворуженно смотрит на свою собственную руку. Он держит ее перед собой. Рука дрожит)

Хол жив. И сегодня во сне Висельник тоже был жив.

Так мне показалось. (пауза)

Этого не может быть.

Чем живой Хол отличается от мертвого?

Он молчит и смотрит. Как Висельник. (пауза)

Отключи мемокамеру, пока я не разбил ее. (экран гаснет)

Я думаю, что Хол виноват в моих кошмарах. Он посылает мне Висельника. Каким-то образом. Лезет в мысли. Хочет что-то сказать. Хочет, чтобы я понял, как он оказался в аду, на планете. Может, он просто придумал все это, и наваждение обрело жизнь. А Висельник придумал комнату вокруг себя. Зачем мне все это?

Я не хочу...

Может, мне стоит убить Хола. И тогда все закончится? (пауза)

Это сложно. (долгая пауза)

Спокойной ночи.

Запись от 452.6, Виктор Кальвин, 4:57 мемокам

День... Я уже давно ничего не записывал днем.

Хол отрезал себе руку.

Просто взял и отрезал, как отрезают ветку от дерева.

• *Положил перед собой на матово-черный пол каюты и начал объяснять что-то Лине.*

Лина потребовала вернуть ему важадхаву.

Хол называл так свой нож.

Зачем она потребовала вернуть ему нож?

Запись от 452.6, Виктор Кальвин, 12:35 мемокам

Слухи о чудесном воскрешении Хола расползлись по «Меркурию», словно чингванийские тараканы. С самого утра офицеры только и делали, что поздравляли меня с успешной реанимацией пришельца, предлагали отметить это событие и хвастались выигранными ставками. У меня не было ни желания, ни сил обматерить их всех как следует.

Со вчерашнего вечера и до сегодняшнего утра Хол повторял одно и то же как заведенный.

Иероглифы, похожие друг на друга как две капли воды, появлялись в воздухе, соскальзывали с его тонких пальцев, сияли и через минуту-другую рассеивались, словно бессмысленные миражи.

Важадхава, важадхава и еще раз важадхава.

Он монотонно и бесстрастно просил вернуть ему нож. Иного толкования его занудных значков не было. Я не хотел возвращать пришельцу оружие. Лина смотрела на меня исподлобья и заявляла, что выбора у нас нет.

Важадхаву пришлось забрать из лаборатории.

Офицер, который изучал молекулярный состав ножа, глядел на меня почти умоляюще.

Помню, он тыкал пальцем в иероглиф и уверял, что такое диковинное переплетение линий видит впервые. По его словам, в этом иероглифе были сотни других, мельчайших иероглифов, а в них, в свою очередь, еще сотни. Словно матрешки, один в другом, и до благополучного финала даже он, со своим электронным микроскопом, еще не добрался.

Я собственноручно отдал Холу его важадхаву.

Он лишь слегка кивнул головой в ответ. Выразил признательность, а может, похвалил за сообразительность? Все это не так уж важно. Я выставил двух вооруженных солдат около каюты пришельца. Еще двое должны были находиться внутри и держать чужака на прицеле во время его бесед с Линой.

Они прекрасно понимали, что, если с моей женой что-нибудь случится, все виновные тут же отправятся в мусорный шлюз.

Лина так и рвалась в каюту Хола, не сомневаясь ни на минуту, что теперь деревянный человечек заговорит. Я предлагал подключить к переговорам наш дипломатический отдел.

— Я помогла ему! — недоумевала Лина. — Моя заслуга, что он ожил. Какого черта я должна отдавать его этим жлобам из отдела?

— А ты задумывалась когда-нибудь, почему на всей планете выжил только он? Может, он сидел и ждал, пока кто-нибудь явится на погибший Дом Знаков и попадет в ловушку? Ты же не можешь с уверенностью сказать, что творится в его голове?! Он может принимать нас за врагов, он может быть в шоке... да мало ли что! Это риск!

— Ты параноик! — не унималась Лина. — Он с трудом шевелит костями!

Наш разговор происходил в соседней каюте. Мы видели Хола через поляризованное стекло.

И мы умолкли, когда он отрезал себе руку и стал рисовать в воздухе иероглифы, обмакивая пальцы в сияющую рану на плече. Зачем мы вернули ему нож? Хол выписывал в воздухе фантастическую вязь, которую тут же фиксировали камеры автопереводчика, и филигранное мастерство жителя Дома Знаков превращалось в грубую речь обитателей мира звуков.

Лина прошла в его каюту и опустилась на пол напротив, скрестив ноги по-турецки. Два воина в серебристой форме замерли за ее спиной с оружием на изготовку.

Картина, достойная того, чтобы быть запечатленной на холсте.

«Мое тело есть знак, — писал Хол. — Мы были мир. Наш мир был знаком, и мы были в нем».

Отрезанная рука лежала перед ним на полу, и я невольно задумался, что может означать этот поступок пришельца. Являлось ли это символом, подобно человеческому рукопожатию? Смешно...

Я не верил в благие побуждения пришельца. Слишком странной была эта сцена. Слишком болезненными были мои еженощные встречи с Висельником...

«Вы — твари-вторые, — продолжал Хол. — Мы — твари-первые. У вас все служит двум. У нас все служило одному. Ваши глаза — чтобы смотреть и плакать. Ваш рот — чтобы издавать звуки и питаться. Вы умеете дарить жизнь и отнимать ее Созидание и разрушение. Вы, твари-вторые, думаете, что от этого ваша жизнь будет вдвое длиннее? Но она может быть и вдвое короче...»

Эта последняя фраза хоть и смахивала на угрозу, но на деле таковой не являлась. Хол сделал себе еще один разрез, чуть повыше первого, и продолжал говорить.

Лина слушала.

В какой-то момент я поймал себя на мысли, что хочу ворваться в каюту Хола, прервать его дурацкую проповедь и закричать: «Убирайся из моих снов!»

Глупое, безумное желание.

Вместо этого я попросту ушел оттуда.

В тот вечер Лина истратила на Хола пять кислородных баллонов.

Она вернулась, когда я уже крепко спал.

Отключи мемокамеру.

Это никогда не закончится. Что не так на этот раз?

Чертов повешенный болтается в своей петле.

Я стою в его комнате и не могу найти выход.

Может быть, это такая форма существования — Висельники?

Хорошо, а? (пауза)

Может, они рождаются и умирают Висельниками. Растут вместе со своими комнатухами, как с панцирями. (долгая пауза)

Сегодня я обратил внимание на часы.

Висельник снится мне каждую ночь в одно и то же время.

И эти записи я делаю в одно и то же время.

Каждую ночь... (переходит на шепот)

Что тебе от меня нужно, Хол-Висельник?

Запись от 452.7,
Виктор Кальвин, 4:57 мемокам

Каждый человек стремится быть непохожим на других. Мы из кожи вон лезем ради того, чтобы обладать чем-то особенным, лучшим, неповторимым. Единственным в своем роде.

Но в то же время каждый человек стремится быть похожим на других. Он, словно паразит, выбирает то, что соответствует его вкусу или имиджу, и забирает себе, в полное владение. Модные вещи из рекламы, образы классического кино, манеры знаменитостей... Все это служит единственной цели — продать тысячи копий товара, убедить потребителя сказать себе: «Я хочу такое же!»

Желая быть уникальными, мы изо дня в день продолжаем подражать другим.

Лина выяснила, отчего погибла цивилизация Дома Знаков. Это прозвучит смешно и дико. Иероглиф...

Жалкий символ их расцвета и смерти.

— Помнишь, Хол признался, что его тело — это знак? — спросила Лина утром, потягивая горячий кофе. — Мол, его тело состоит из знаков, является знаком и составляет знак?

Я ковырял вилкой омлет и лениво кивал в ответ на ее реплики. Зелерия, наша корабельная повариха, умела готовить потрясающие блюда из синтетических продуктов, но утренний выбор в меню был небогатым. Омлет, манка или творожные смеси. Хорошо хоть должность капитана избавляла меня от необходимости есть в общей столовой — еду приносили прямо в каюту.

— Проблема в том, что жажда развития для этих существ стала первоочередной целью. Основным и единственным инстинктом, — продолжала Лина. — Каждый из них должен был либо добавить в общий иероглиф некую новую черточку, либо умереть.

— Нож?

— Важадхава — отличное словечко, — кивнула Лина. — Это больше, чем просто нож...

Она потерла пальчиком висок, собираясь с мыслями.

— Представь себе, что ты должен найти новый вариант для своей жизни. Ты должен четко знать все варианты, которые кто-то прожил до тебя, и суметь создать новый вариант. Раз за разом, пытаясь придумать, из кожи вон вылезти, но сделать что-то уникальное, особенное, неповторимое. Добавить новую линию в общий вектор развития. Если ты не смог

придумать в некий отведенный срок что-то новое — ты погибнешь. Твоя дальнейшая жизнь не будет иметь смысла. Более того, ощущение приближающейся смерти, по мнению сородичей Хола, должно было подстегнуть творческий процесс. Все — или ничего! А когда сотворишь — живи до смерти. Почти бесконечно...

— Это глупо...

— Это просто иной путь развития. — Лина поморщилась. — Вспомни, как на это смотрят люди. У нас творчество не является жизненно необходимым фактором. В итоге — мы имеем ноль. Человек, особенно современный, не способен сотворить что-то новое. Не для славы, денег, а просто — сотворить. Современным творцам до зарезу необходим сильный стимул. Признание, статус, деньги. Поэтому мы превратили творчество в поток ширпотреба.

— Тогда зачем это все?

— Люди — это ресурсы, которые приносят пользу населению. У нас всегда были прослойки созидателей и потребителей...

— У нас, людей, принуждение бывает внутренним.

— У этих существ принуждение к творчеству всегда было внешним. А теперь представь, что все люди начинают исключительно созидать. Тирания творчества, подхлестываемая жадой существовать и развиваться. С огромной скоростью развиваться.

— И они погибли.

— Да, погибли. В конце концов все варианты были исчерпаны. Их цивилизация оказалась в тупике. Они были вынуждены повторять то, что уже было сделано их предками. Какая разница — бесполезная жизнь одного или миллиардов? Они объявили сами себе смертный приговор и привели его в исполнение в строго определенный срок.

Перед моими глазами возник Висельник.

Каждую ночь я пытался найти новое объяснение моему сну. Раз за разом, новый вариант... Чего от меня хочет получить Хол? Ждет, пока все варианты объяснения этого сна закончатся. И что случится, когда это произойдет?

— Хол — это послание, — подытожила Лина. — Может, чуточку больше, чем просто послание. Вспомни, в какой позе

он сидел. Вспомни, где он сидел. Даже у землян есть символ жизни — дерево. Иггдрасиль.

— Он понимает; что мы говорим?

— Да. — Лина замешкалась. — Разглядывает наши мысли, как картинки, но слова не понимает. Знаешь, а они ведь наверняка ждали. Надеялись на чудо. Интересно, Орлиный Нос, что мы должны были доставить на их планету? Оружие? Вряд ли. Можно нарушить правила ассоциации и вскрыть груз?

— Я попробую. Для начала сделаю запрос. Завтра в любом случае откроем...

— Хорошо.

— И еще... Мне хочется поговорить с Холом. Думаешь, не будет проблем?

— Вряд ли.

В тот вечер я так и не поговорил с ним.

«Меркурий» готовился покинуть пространство Дома Знаков, и мое присутствие на капитанском мостике было необходимым. Всегда найдется сотня-другая неотложных дел — была бы причина. Честно говоря, глубоко в душе я хотел побеседовать с Холом. Хотя бы о Висельнике. Хотел — но боялся.

Запрос на вскрытие грузовых контейнеров я, согласно юридическим инструкциям, выслал в ассоциацию военной торговли. Связь была достаточно быстрой. Сутки — и ответ появится в нашей информационной базе.

В любом случае история подходила к концу.

Был ли мир, когда я закрывал глаза?

Я живу в своем собственном кошачьем ящике Шредингера. (экран мерцает, и сквозь помехи виден лишь силуэт Виктора)

Внутри меня есть только я. Здесь есть все, что мне нужно. Даже Висельник здесь есть. Может быть, это — я в будущем. Кто знает?

Кто способен с уверенностью заявить, что я еще жив, как та дурацкая кошка?

Мне придется понять, что находится за границами этих стен. Или придумать. Или создать. Какая, к черту, разница?

Сегодня все иначе...

Я опять видел этот сон.

Отключи мемокамеру, в глазах от тебя рябит. (экран гаснет)

Нужно собраться с мыслями. (пауза)

Я стоял перед Висельником, смотрел на него и размышлял.

Висельник был всего лишь символом.

Я подумал, что этот символ — концентрат жизни некоего человека.

Комната — граница его жизни. Возможно, тогда-то, в пределах этой комнаты, этой маленькой спичечной коробочки, когда-то существовал целый мир Висельника, где он мог спать, есть и общаться с людьми. Но в конце концов он умер, пускай даже таким страшным образом. Встал и повесился.

И после его смерти исчезло все, что его окружало.

Даже стул исчез... (пауза)

В этом поступке выразилась вся суть его жизни.

Именно об этом я подумал сегодня во сне. А потом... (пауза)

Он посмотрел на меня сверху вниз, с высоты своей петли, и прошептал, едва перебирая губами: «Прежде чем рассуждать обо мне, подумай, как здесь оказался ты?»

Запись от 452.8, Виктор Кальвин, 4:57 мемокам

В то утро я проснулся от вопля тревожных сирен. Наспех оделся и побежал на мостик. Лина проводила меня обеспокоенным взглядом. Она понимала, что в подобной ситуации может помочь только тем, что не вмешивается.

В караульной трое дежурных офицеров тупо пялились на мониторы слежения.

Экраны демонстрировали записи нескольких камер, размещенных в переходах «Меркурия».

Вооруженный отряд был уже на полпути к каюте Хола, но остановить пришельца они вряд ли смогли бы. Двух своих охранников он, судя по всему, просто ослепил — они терли глаза и натыкались на стены в переходе.

Самого Хола в каюте не было.

Черт знает, как этот деревянный человечек сумел открыть дверь с электронным замком.

Он возник на одном из экранов — темный, бесстрастный, сжимающий что-то в руке. Только потом, когда все закончилось, наши специалисты сказали, что чужак вырезал себе сердце.

С помощью своих светящихся знаков он открыл несколько шлюзов, ведущих в двигательный отсек, и благоразумно закрыл их за собой. Это было странное зрелище, будто всех нас пригласили на выступление древнего мага из волшебной страны эльфов. Несколько магических пассов — и все двери распахивались перед ним.

Один раз он остановился.

Равнодушно посмотрел прямо в камеру своими сочно-зелеными глазами и начертил в воздухе очередную диковинную закорючку. Эту запись потом прогнали через автопереводчик.

«Только одна жизнь», — написал Хол.

Это был его последний иероглиф. *

В конце концов, когда двери, которые он с такой легкостью открывал перед собой, закончились, Хол вылетел в черную, мерцающую миллиардами звезд бесконечность. С полсекунды его силуэт маячил на фоне бушующего потока пламени наших двигателей, а затем Хол вспыхнул и сгорел дотла.

Даже пепла не осталось.

Свой нож он оставил на полу, в самом центре каюты.

«Возьми важадхава, человек-птичий-нос, — сказал Хол автопереводчику перед тем, как выйти оттуда. — Теперь ты — иероглиф».

Вот таким незатейливым был его прощальный подарок.

Лиана плакала.

Вечером мы вскрыли контейнеры с грузом, который должны были доставить на Дом Знаков. Я только головой покачал, когда увидел их содержимое.

Там были скульптуры. Тысячи копий различных картин. Там было все, что считается символом развитого человечества. Дешевые копии а-ля эпоха Возрождения. Настенные календари с улыбкой Моны Лизы. Маленькие карманные календарики с копиями русских икон. Подсвечники в форме древнегреческих храмов. Часы, повторяющие обольститель-

ные формы Венеры и Афродиты и причудливо стекающие по стене в лучших традициях Дали. Бог ты мой, чего там только не было! Еще ни разу я не видел столько плагиата в одном контейнере.

Я приказал сжечь все.

Мы, твари-вторые, прекрасно научились справляться с подобными проблемами.

У нас, тварей-вторых, еще много жизней впереди.

Он больше не снится мне.

Запись от 452.9, Виктор Кальвин, 5:00 мемокам

Он больше не снится мне.

Запись от 452.9, Элейн Кальвин, 4:00 мемокам

Спустя год «Меркурий» попал в магнитную воронку на планете Джабраил.

Кажется, так звали одного из ангелов Судного дня — отличное название для подобной планеты.

Я встретил ангела, он бросил меня в грязь, и я стал как прах и пепел...

Наш крейсер разнесло на мелкие кусочки. Я не помню, как выжил сам. Просто очнулся среди искореженного железа, изрезанный, с огромными ожогами на руках.

Я не нашел тела Лины.

Может, кто-то другой и счел бы такое спасение чудом, но тогда оно превратилось для меня в проклятие. Я пытался плакать, но задыхался, потому что среди бесформенной массы раскаленных обломков корабля не было ни одного кислородного баллона. Только тела... Сотни изуверченных тел в острых лепестках раскаленного металла. Тот запах я не забуду никогда.

Я открывал рот в немом крике и бил кулаком землю, проклиная ее. Ближе к ночи я погрузился в забытие, надеясь, что оно станет для меня последним.

Утро вновь заставило меня жить.

Я почти ничего не видел — перед глазами все плыло и мерцало. Последствия кислородного голодания. Местное солн-

це жгло, словно спутало этот мирок с адской котельной. Единственное, что мне оставалось, — это поскорее сдохнуть.

На ошупь я добрался до скалы и нашел укромную расщелину, где танцевали тени. Там я и устроился, прислонившись к холодным камням и сложив ноги калачом — почти в позе Будды. В памяти возникло темное, бесстрастное лицо Хола в тот момент, когда он шел в двигательный отсек, сжимая в руке собственное вырезанное сердце.

Спустя несколько часов мне стало казаться, что Хол сидит рядом. Вонь сгоревших тел к тому времени стала почти невыносимой.

— Привет, дружище! — прошептал я. — Надеюсь, ты пришел одолжить мне свой чертов важадхава...

Ответом мне было молчание и далекий треск догорающего металла.

Я подождал еще немного, а потом вспомнил, что Хол не умеет говорить, и рассмеялся.

Слепой и немой — отличная парочка.

Мне захотелось броситься на пришельца с кулаками...

— Только одна жизнь, — прошептали мои губы, хотя, возможно, это все-таки был старина Хол.

А затем я услышал рев двигателей. Чьи-то руки подхватили меня и внесли в темноту. И небо закрыло за мной двери.

Привет! Есть кто-нибудь дома? Тук-тук... (на экране появляется лицо человека, очень похожего на Виктора, но на вид ему не больше двадцати лет)

Отключи дурацкую мемокамеру! (экран гаснет)

Это моя первая запись. Странное ощущение. Будто все это уже было... (пауза)

Отец с матерью сейчас живут на Земле. Они чуть не погибли во время катастрофы «Меркурия». Чудом выжили. Папа сразу же ушел в отставку, чуть-чуть не дослужив до звания командующего «Караваном». Представляешь, как было бы круто? Мой отец во главе дюжины крейсеров и двух тяжелых истребителей класса «Ифрит» (экран включается сам собой)

Тьфу ты, да отключись! (экран тут же гаснет)

Может быть, у меня получится стать командующим «Караваном»? Отец подарил мне свой талисман.

Ножик с какой-то планеты. На удачу. Он называл его ваядадхавой. Страшненькое словечко... (пауза)

Когда мы прощались, я сказал ему: «Хочу стать таким же, как ты!» (смеется)

А он только похлопал меня по плечу, улыбнулся и произнес: «Лучше останься самим собой, малыш».

Мама с отцом мне всю жизнь говорили, что я — особенный. (в голосе слышны довольные нотки) Уникальный и неповторимый. Такое, наверное, хочет услышать каждый ребенок.

И еще они говорили, что я — часть большого космического Иероглифа...

Запись от 623.5,
Виктор Кальвин-младший, 16:06 мемокам

Сергей Герасимов

Тоннель

Если бы не это голубоватое свечение, местность была бы похожа на земной лес. Пусть не совсем обычный лес, но хотя бы такой, какой может показаться обычным в ночной темноте. В темноте, когда не видишь почвы, по которой ступаешь.

То, что сейчас находилось у него под ногами, вообще не походило на почву. Эта штука была чистой, как хорошо подметенный пол. Чистой и гладкой, хотя совсем не скользкой. Конечно, то здесь, то там пробивалась трава отдельными плотными светящимися островками. Но в этом лесу не было ни сломанных веток, ни прелых листьев, ни полусгнивших кусков древесной коры, ни старых пожухлых стеблей. Не было паутины, как не было и насекомых, которые могли бы в нее попасть. Не было шума ветра, гудения пчел или птичьих голосов. Здесь не было запаха земного леса, запаха тления, запаха роста, запаха огромного круговорота рождений и смертей. В этом лесу ничего не умирало, поэтому казалось, что лес не живет. Но только казалось.

Грунт упруго вздрагивал под ногами. Шаги оставались бесшумны, так, будто бы он шел по мягкому ковро. Высокие стволы толщиной с фонарный столб, гладкие и влажные, возносились прямо к черному небу — или к тому, что здесь заменяло небо. Здесь не было кустов и подлеска, и лишь слабо

светящаяся трава струилась у его ступней, голубоватая, напоминающая ночное море.

Он должен найти тоннель.

Он остановился и посмотрел на часы. Затем включил передатчик. Передатчик сильно искажал голоса — так сильно, что некоторые слова невозможно было понять. Жаль, что обычные радиоволны здесь бесполезны, подумал он.

— Это Сергей, — сказал он, — это опять я, ребята. Еще не соскучились?

— Ты опаздываешь на семь минут, — ответил голос. — Что-то случилось?

Зайцев, как всегда, волновался сильнее, чем нужно. Это понятно: всегда нервничаешь, сидя в кабинете. Когда идешь сам, волноваться некогда. Нужно работать, вот и все. Забираться сюда и вправду опасно, но, к сожалению, никто не знает насколько, статистики пока нет: за три года работы здесь погибли два человека, и оба по собственной неосторожности. Но насколько опасно входить в эту тьму на самом деле? И что можно найти там, дальше? «Может быть, мы никогда этого не узнаем, — подумал он. — Но нечего об этом рассуждать сейчас. Нужно просто найти тоннель».

— Семь минут ничего не решают, — сказал он.

— Ты объяснишь, что случилось?

— Да ничего особенного. Увидел колодец. Там, где его раньше не было. Решил обойти на всякий случай.

— Где?

— В седьмом квадрате, — ответил он. — За тем овражом, помнишь? В точности на линии майского тоннеля. Там, где мы весной упустили старика. Слушай, не думай об этом. Это ничего не значит. Я иду дальше. Как будут новости, сообщу.

— Колодцы никогда раньше не появлялись так близко. Тот старик ведь покончил с собой?

— Кажется. Если хочешь знать точно, посмотри медицинскую карточку. Она должна быть в архиве.

Сергей отключил связь. Колодцы никогда не появлялись так близко, это правда. Но ведь ничто не мешало им появиться. Они безвредны, если не подходить к ним ближе, чем метров на десять или двенадцать. Колодец — это просто воронка

с гладкими стенками, в которую ты рискуешь свалиться, если будешь неосторожен. В свое время пытались измерить их глубину, опуская туда веревку с грузом. На глубине около сорока метров груз прекращал тянуть, затем была пауза и сильный рывок, который неизменно выдергивал веревку или разрывал ее. Бог его знает, что там на дне. Ничего хорошего, это уж точно.

Лес постепенно становился гуще. На стволах появились наросты, напоминающие грибы. Эти наросты тоже светились, даже ярче, чем трава, но оттенок свечения был другим, в нем стало больше зеленого, чем голубого. Сергей протянул руку к одному из наростов. Его рука была в перчатке — того требовала инструкция. Светящееся существо довольно проворно отползло в сторону, что несколько странно для гриба. Здешняя фауна еще совершенно не изучена.

Он достал трансфайдер и настроил шкалу. Плоский экранчик величиной с ладонь наполнился бессмысленным мельтешением фиолетовых и серых точек. Вначале он ничего не мог разглядеть. Повернул экран во все стороны, дважды поменял настройку и наконец заметил тонкую розовую нить. Нить была на месте, там, где ей и полагалось быть. Ребята из вычислительного отдела рассчитали точно. Интересно, почему тоннель всегда отображается на экране розовым цветом? Розовый — это цвет юности, цвет надежды, цвет мечты. Тоннель — как раз наоборот. Черный цвет подошел бы ему гораздо больше. Ведь черный — цвет смерти.

Линия была тонкой, но отчетливо различимой. Это означало, что до тоннеля еще километра два по прямой. Около того. Через двадцать минут он будет на месте. Он подойдет к тоннелю, включит резак и сделает отверстие достаточное, чтобы проникнуть внутрь. Кажется, что все просто. На самом деле он был здесь уже шестнадцать раз, и просто никогда не получалось. Слишком много неизвестных в этом уравнении. Но что бы ни случилось, он все равно будет делать свое дело. Слишком велика цена. Нет ничего дороже жизни, как бы банально эта фраза ни звучала. Слишком велика цена, черт побери.

Он вздрогнул и обернулся. Если и поминать черта, то только не здесь. И не сейчас. Здесь и сейчас у этой мохнатой и хвостатой животного наибольшие шансы выйти на контакт,

если животное существует, разумеется. Все же сейчас он находился в том мире, который лежит за гранью смерти. И это давило на нервы. Это всегда давит на нервы.

— Бред, — сказал он сам себе, — нет здесь никакого черта. Нет и не может быть.

Все началось в пять тридцать пять сегодняшним утром. Телефонный звонок вырвал его из сна. Полчаса спустя он уже был в клинике, внутренне готовый к тому, что придется совершить прыжок. Большое здание больницы еще спало; небо едва начинало светлеть; длинные коридоры были тихи и даже уютны особенным ночным уютом больших казенных зданий.

Но в тот момент еще ничего не было решено: ведь прыжок — это всегда последняя надежда. Сонный дежурный рассказал ему о том, что случилось. Сухие слова человека, привыкшего к чужой боли. Речь шла о жизни девушки, которая выбросилась из окна этой ночью. Упала очень неудачно и пролежала до самого утра без сознания, примерно до пяти часов. Когда ее привезли в отделение неотложной хирургии, она, как ни странно, могла говорить. Единственные слова, которые она повторяла, были: «Я не хочу жить». Она не сообщила ни своего имени, ни причины, по которой поступила так. Она просто не хотела жить, и весь мир уже перестал для нее существовать. А люди, которые не хотят жить, обычно не выживают. Особенно с множественными повреждениями внутренних органов. Еще два часа хирурги боролись за ее жизнь. А потом пришло время прыжка. Прыжка как последней надежды.

Первые прыжки люди научились делать совсем недавно — каких-нибудь шесть или семь лет назад. Это было сенсацией: человек научился проникать в тот мир, в мир, который лежит за смертью. Следующей сенсацией было то, что не удалось обнаружить там ни бога, ни демонов, ни разную потустороннюю нечисть. Вскоре стало понятно, что человек сумел проникнуть не на тот свет, а всего лишь на узкую полосу границы между тем светом и этим. А дорога дальше была для него закрыта. Исследовать этот новый мир по-настоящему так до сих пор и не удалось. Зато удалось найти применение новой технологии: порой, когда умирающего человека не удавалось

вытащить с этой стороны, его можно было вытащить с той. Для этого и нужен был прыжок.

Смерть человека, если смотреть отсюда, выглядит всегда одинаково. Вначале вдоль некоторой невидимой линии проходит серия шуршащих разрядов. Разряды намечают трек, по которому через некоторое время пройдет тоннель. Первые разряды невидимы и определяются лишь по характерному звуку, напоминающему треск в трубке плохо работающего телефона. Через несколько минут или через несколько часов, в зависимости от конкретного случая, появляются видимые разряды, которые идут в обратную сторону. Они движутся очень быстро — так, что сливаются в светящиеся изогнутые полоски. Некоторые из них отклоняются от прямой линии. Когда их становится много, трек кажется похожим на пульсирующую молнию с несколькими ответвлениями. Но это продолжается недолго. Разряды гаснут, и на том месте, где они прошли, образуется характерная серо-розовая нить, напоминающая бесконечно длинного дождевого червя. Появление нити означает, что человек обречен, хотя на самом деле он может прожить на земле еще несколько часов или дней. Возможно, даже лет.

Нить постепенно становится толще и со временем превращается в тоннель. Его диаметр несколько метров, обычно три или четыре, хотя бывают очень узкие тоннели и очень широкие. От чего это зависит и что это означает, неизвестно. Важен совершенно другой параметр: прочность стенки. Чем прочнее стенка, тем труднее будет вернуть человека к жизни.

С самого начала было понятно, что именно по этому тоннелю человек уходит в другой мир. Если помешать этому переходу, то человек останется жив. Так родилась идея посмертной реанимации безнадежно больного или умирающего. Вначале пробовали заблокировать тоннель механическим способом. Это ничего не давало и лишь ускоряло смерть. И более того, заблокированный тоннель начинал вибрировать и светиться, а затем выпускал несколько дополнительных рукавов, ведущих в разные стороны. По одному из этих путей и уходил умирающий. К сожалению, он уходил не туда, куда ему было предназначено идти с самого начала. Возможно, это обрекало его душу на невероятные

страдания. И уж наверняка приводило к последствиям, которые мы даже представить себе не можем. Опыты с блокировкой тоннелей пришлось прекратить. Вмешалась церковь, комиссия по правам человека и даже несколько крупных экологических организаций. Оставался единственный способ: прорезать в стене тоннеля дыру, самому войти внутрь и вернуть человека, уходящего во тьму. Вернуть его с помощью убеждения или с помощью физической силы. Порой удавалось и то, и другое.

Сейчас Сергей приблизился к тоннелю почти вплотную. Растянутая серая кишка диаметром метра в четыре лежала перед ним, выходя из черной бесконечности и уходя в черную бесконечность. «Так мало смертей, которые мы можем предотвратить, — думал он, — даже те, которые умирают достаточно медленно, даже те, к которым мы успеваем подобраться совсем близко, даже они обычно уходят. Жизни, которые мы спасаем, это единицы. Единицы на фоне миллионов и миллиардов. С точки зрения статистики это бесполезный труд. К тому же практически каждый, к кому мы можем пробиться, уже согласен умереть, уже приветствует смерть. Мы просто заставляем его жить, оживляя насильно. И мы не знаем, к чему приведет это насилие в долгосрочной перспективе. Может быть, мы не правы, мы ведь не знаем, куда ведет этот тоннель. А что, если он на самом деле ведет к счастью?»

Он ощупал стенку тоннеля и убедился, что она теплая. Не горячая, а просто теплая. По температуре стенки можно определить стадию умирания. Вначале тоннель холодный, затем он разогревается, а после этого снова начинает остывать. Он остывает до температуры человеческого тела, а затем разрушается — это означает, что умирающий уже проделал свой путь. Теплая стенка могла значить, что тоннель нагревается, а могла означать и то, что он остывает. В последнем случае времени почти не остается.

Он достал передатчик из чехла на поясе и снова связался с землей.

— Как там наша пациентка? Я на месте.

— Состояние стабильное, — ответил Зайцев. Его голос вибрировал и двоился. — Но в сознание не приходит. Как стенка?

- Теплая.
- Это плохо.
- Я сам знаю, что плохо. Сейчас попробую сделать разрез. Держите ее там, постарайтесь не потерять.
- Не учи ученого, — ответил Зайцев.
- Вскрываю тоннель через четыре минуты. Вам хватит?
- Вполне.
- В таком случае конец связи.

Он спрятал передатчик и начал собирать резак. Закончив с этим, простучал стенку тоннеля. Кажется, стенка слегка нагрелась. Хороший знак. Если так, то еще есть время. Три минуты, три с половиной, четыре...

Он начал резать стенку.

Тоннель — это в некотором смысле продолжение человека. Его ни в коем случае нельзя считать просто стеной из неживой материи. Он способен ощущать и передавать в умирающий мозг сигнал о повреждении. Когда мы начинаем резать, у умирающего изменяются биотоки мозга. Пульс становится чаще, если только у него еще есть хоть какой-нибудь пульс. Некоторые могут даже очнуться в этот момент. Обычно они кричат от боли. Они воспринимают это как болевой шок. Возможно, что резать тоннель — это такое же непозволительное издевательство, как, например, резать без наркоза кишечник или желудок. Выжившие навсегда запоминают невыносимую боль, которую мы им причинили. Последним, кого Сергею удалось спасти, был пожилой преподаватель консерватории. Он сказал, что чувствовал симфонию боли. Безобразную симфонию боли, которая вечно будет звучать в его мозгу. Многие из выживших уже не могут спать без сильного успокоительного. Но мы делаем то, что можем делать. Когда-нибудь люди изобретут наркоз для этой операции. Черт возьми!

Он выключил резак. Снова достал передатчик.

- Зайцев, привет. Вы ее не упустили, я надеюсь?
- Все в порядке. Как ты?
- Я — плохо. Стенка слишком прочная. Резак ее не берет. Попробую пройти дальше.
- Только не увлекайся. Ты знаешь, как кончил Габричидзе.

— Спасибо за напоминание, мог бы и не говорить.

Габричидзе погиб в прошлом году. Погиб во время прыжка. Дело в том, что чем дальше идет тоннель, тем мягче становится его стенка. Поэтому всегда есть надежда, что в нескольких сотнях метров от тебя стенку удастся разрезать. Почему бы и нет? Обычно так и случается. Только не нужно заходить слишком далеко. Этот мир не предназначен для живых людей. Этот мир — не место для прогулок. Габричидзе шел вдоль тоннеля до той точки, где отказал его передатчик. А затем он пошел дальше, хотя инструкция это категорически запрещала. С ним произошло то, что впоследствии назвали глубинным опьянением: он потерял контроль и навсегда ушел во тьму. Неизвестно, что его убило, потому что передатчик не работал. В последний сеанс связи он уже напевал «Ах, Самара-городок, беспокойная я», а на вопросы отвечал невпопад. Он потерял рассудок. Бедняга, ему было всего тридцать, он был человеком высокого роста, иногда несдержанным, очень сильным физически, хорошим спортсменом, хорошим другом.

Сергей разобрал резак и упаковал его. Еще раз пощупал стенку. Ее температура не изменилась. Затем двинулся дальше. В принципе нужно пройти всего лишь метров триста вдоль тоннеля, а потом попробовать еще раз. Но не все так просто. Его нога скользнула, и он едва удержал равновесие. Прямо перед ним была черная воронка колодца. Воронка, в которой скрывается нечто мощное и совершенно чуждое нам.

Он включил фонарик и осветил пространство перед собой. Ничего необычного, если не считать размеров. Обычно колодцы были раза в полтора меньше. Этот просто красавец, никогда еще не встречалось таких больших.

Он начал осторожно обходить, делая на всякий случай гораздо больший круг, чем требовалось. Больше всего колодец похож на ловушку. Но если это ловушка, то кого же ловят эти громадные муравьиные львы? Если существует охотник подобного размера, значит, есть и жертвы. В этот колодец свободно провалилось бы существо величиной с бизона.

По пути он наткнулся на три совсем маленькие воронки: похоже, что колодец умел размножаться. Когда он осветил последнюю воронку фонариком, ему показалось, что

он заметил движение — будто бы быстро юркнула вниз черная лента. Но он не был уверен. Пусть с этим разбираются другие.

Теперь он снова был у тоннеля. Прошел по прямой еще метров сто, затем включил передатчик. Вначале земля не отвечала. Очевидно, он уже достиг того предела, где связь обрывается. В наушниках осталось лишь тихое шуршание. Пришлось идти в обратную сторону. Вскоре связь восстановилась.

— Видел отличный колодец, — сообщил он, — такой большой, что вы просто не поверите. Рядом с ним три маленьких, возможно, они отпочковались. Насколько я знаю, раньше никогда не замечали детенышей. Стенка продолжает разогреваться. У меня есть не меньше часа. Поэтому буду действовать наверняка.

— Что значит «наверняка»? Дальше идти некуда. Связь на пределе.

— Я знаю. Я оставляю передатчик здесь и пройду немного дальше. Метров сто, не больше. Затем попробую сделать разрез. Обещаю, что не уйду далеко.

— Ты с ума сошел!

— Ничего подобного. Ты же не слышишь, чтобы я пел песни или говорил заплетающимся языком. Я контролирую каждый свой шаг. Слышишь, я обещаю, что не уйду дальше, чем на сто метров. Я специально кладу передатчик здесь. Он останется в пределах прямой видимости.

— Ты так хочешь умереть?

— Я хочу жить не меньше, чем ты. Но это безопасно. Понимаешь, совершенно безопасно. Пока, ребята. Это совсем не так страшно, как вам кажется.

Он положил передатчик на светящуюся траву и пошел вдоль выпуклой теплой стенки. Несколько раз он оглядывался и видел отчетливое темное пятно на фоне голубого сияния. Пятно становилось все меньше и меньше и наконец превратилось в едва различимую точку. Это означало, что расстояние до передатчика метров сто или чуть меньше. Так далеко за линию обрыва связи еще никто не заходил. За исключением погибшего Габричидзе, конечно.

Он огляделся. Со всех сторон был все тот же редкий лес, но деревья стали ниже и тоньше. Травы здесь было больше, и

ее стебли вытянулись. И тишина стала гораздо глубже. Может быть, это просто кажется? Тишина давит на уши, давит, как черная вода на барабанные перепонки ныряльщика. Пожалуй, он все-таки зашел слишком глубоко.

Бесцветное пламя резака пыталось прожечь плотную стенку тоннеля. «Каждое движение моей руки означает целый водопад боли, падающий сквозь умирающий мозг той девчонки, — думал он. — За что я мучаю ее так? Никто нас не спрашивает, хотим ли мы родиться на свет, а когда мы решаем уйти, нас вытаскивают обратно и заставляют жить насильно. Почему кто-то чужой должен распоряжаться твоей жизнью и смертью? Почему, если ты делаешь выбор сам, твой выбор не может быть окончательным?»

Он выключил резака. Снова ничего не вышло. Стенка оставалась слишком твердой. Конечно, она станет мягкой и податливой — может быть, в ста метрах от этого места, а может быть, в десяти километрах. Но он не будет это проверять. Такая прочная стенка означает, что девчонка на самом деле очень сильно хочет умереть. Может быть, это ее право. В любом случае он не станет рисковать своей жизнью.

И в этот момент он услышал голос. Услышал — и сразу же его узнал.

— Привет, Серега, — сказал голос. — Не ожидал, что ты зайдешь так далеко. Ты же всегда выступал за осторожность.

— Привет, Георгий! — ответил он. — Мы все думали, что ты погиб. Что с тобой случилось?

— Правильно думали. Я и на самом деле умер, — сказал Габричидзе, — только смерть — это немножко не то, что вы себе представляете. Смерть не разрушает сознание.

— Приятная новость. Тогда нам нечего бояться смерти?

— Я предпочел бы умереть полностью, чем существовать так, как я существую сейчас. Это трудно объяснить, это нужно почувствовать. Хотя лучше не чувствовать. Смерть есть смерть, ничего хорошего в ней быть не может... Кого ты выручаешь в этот раз?

— Девушка лет двадцати, пробовала покончить с собой. Какая-нибудь несчастная любовь, что еще может быть в этом возрасте?

— Ты говоришь так, как будто ты сам старик.

— Не старик, но кое-что успел в жизни повидать.

— Ничего не выходит?

— Ничего. Резак не берет эту стену. А идти дальше я уже не могу. Не могу и не имею права. Такое отвратительное и гадкое чувство, ну, ты знаешь, как будто тебя вывалили в дерьме. Сейчас поворачиваю обратно. Надеюсь, она не будет приходить ко мне во снах. Она уже седьмая, кого я не смог спасти.

— Подожди, — сказал Габричидзе.

— Что такое?

— Погоди возвращаться. Ты пока в безопасности. Можно пройти дальше еще около километра. Я буду тебя вести. Идет?

— Идет. Только кто поручится, что ты — это на самом деле ты? Может быть, у меня глубинное опьянение, и я просто слышу голоса.

— Никто не поручится. Решай сам. Как ты думаешь?

— Я думаю, что пятьдесят на пятьдесят, — сказал он. — Пятьдесят процентов за то, что мои мозги начали глючить. Хотя, если бы я был на земле, я бы дал глюкам девять из десяти.

— Решай сам, — повторил голос.

— Хорошо, — сказал он. — Я иду с тобой. Веди. И плевать на инструкции.

Он пошел вдоль тоннеля, слушая указания голоса. Кто-то другой внутри него искренне удивлялся, как могло случиться так, что он, нарушая инструкции, идет вперед, идет на верную гибель. Еще несколько минут назад он был уверен, что ничто не заставит его сделать это. Ничто. И вот — он идет вперед, продолжает погружаться во тьму.

— Эти колодцы, — спросил он, — это ведь ловушки, правильно? На кого они охотятся?

— Я никогда не видел, как колодец охотится, — ответил голос. — Но здесь, в лесу, много животных. Чем дальше, тем их больше.

— Ты не ответил мне.

— Я же сказал, что не видел, как он охотится.

— Ладно. Здесь есть хищники?

— Они есть везде.

— Почему я никогда не встречал животных?

— Они не подходят к тебе близко. Ты защищен.

— Что меня защищает?

— Сама технология прыжка. Звери боятся тебя так, как ты на земле испугался бы привидения. Эта защита работает идеально, но лишь до поры до времени.

— Точнее?

— Точнее, до тех пор, пока ты не слишком удалился от границы. Если ты будешь идти дальше, защита исчезнет. Она выключится, я знаю, я проверил это на своей шкуре. Хищники перестанут тебя бояться. Тогда ты их увидишь. Но мы не пойдем так далеко. Ни ты, ни я. На самом деле те места страшны для меня так же, как и для тебя. Я бы не хотел умереть еще раз.

— Это возможно?

— Еще как возможно. Я доведу тебя до самой границы безопасной территории, и ты сделаешь разрез. Если не выйдет, дальше ты не пойдешь. Это означало бы самоубийство.

— Кто живет в колодце? — спросил он.

— Одна неприятная тварь, похожая на большого глиста. Не хочу рассказывать подробнее.

Наконец они добрались до места. Здесь стена была горячей — как отопительная батарея зимой. Он включил резак.

— Сколько попыток ты уже сделал? — спросил голос.

— Режу в третий раз.

— Это ведь очень больно.

— Я знаю. Но я хочу спасти ее.

— Это потому, что ты не знаешь, что такое по-настоящему очень больно.

Струя пламени начала вгрызаться в стенку. Ему показалось, что стенка вздрогнула.

— Получается? — спросил голос.

— Нет. Подожди. Нет. Стена все еще слишком твердая. Эта девочка по-настоящему хочет умереть. Я первый раз в жизни сталкиваюсь с таким сильным желанием. По-моему, ее настойчивость заслуживает уважения. Пусть умирает, если она уж очень хочет. Я сделал все, что мог, и даже намного больше, чем мог. Я возвращаюсь, и будь проклят этот день. Прости, старик, все же сегодня я встретил тебя.

— Ты сказал, она самоубийца? — спросил голос.

— Да. Это что-то меняет?

— Это меняет все. Я не хотел говорить тебе, но, наверное, ты должен знать. Самоубийцы никогда не доходят до конца тоннеля, они сворачивают в один из боковых рукавов. У каждого тоннеля есть ответвления.

— Ну и что?

— Боковые рукава — это на самом деле длинные колодецы. То, что живет в глубине, ждет тебя, хватается тебя, пережевывает тебя и начинает высасывать то, что осталось, потом прорастает сквозь тебя. Оно становится тобой, и ты становишься им. Когда тоннель разрушается, колодец остается. После каждого самоубийцы остается один новый большой колодец.

— Это всего лишь смерть.

— Это бесконечная смерть. Ты продолжаешь умирать вечно, потому что сознание не разрушится. Ты превращаешься в тело этой большой пиявки и все еще продолжаешь жить. Это худшее из того, что может случиться. Это хуже, чем любой выдуманный ад, — уже потому, что люди на земле не могут этого себе представить. Если бы люди знали, они бы не совершали самоубийств. Никогда, ни по какой причине.

— Что я могу сделать?

— Ничего. Ты дошел до предела, — сказал голос. — Видишь ту полосу серой травы? Там граница. В двух шагах за полосой. Дальше не сможешь пройти ни ты, ни я. Еще несколько метров, и твоя защита разрушится.

— Что будет, если я перейду границу, а потом вернусь?

— Ты не успеешь вернуться. Ты не сможешь. Тебя просто разорвут на куски.

— Я пока не вижу ни одного хищника.

— Они появятся быстро, поверь мне.

— Я рискну, — сказал он. — Я не буду отходить далеко. Всего метров на двадцать или на тридцать. Как только закончится опасность, я побегу назад.

— Нет, — сказал голос. — Это безумие. Я запрещаю тебе.

— Ты можешь меня остановить?

— Если бы я был жив, я бы набил тебе морду. Остановись сейчас, потом скажешь спасибо.

— Здесь тебе кулаки не помогут.

Перед ним возникла полупрозрачная фигура, отдаленно напоминающая человеческую. Габричидзе даже здесь был на голову выше. Черты лица, как и другие мелкие детали, трудно было разглядеть. Фигура стояла на пути. Сергей шагнул вперед и прошел сквозь призрака. «Ах, Самара-городок, беспокойная я», — запел он злым голосом.

Призрак исчез. Может быть, и не нужно было так жестоко.

Он спел пару фраз и замолчал. «Как раз это и называется глубинным опьянением, я пою песни и разговариваю с призраками, — подумал он, — и что самое гнусное во всей ситуации — ведь никто не мешает мне вернуться, ничто и ничто. Я могу просто повернуть назад и уйти. Я делаю то, чего не хочу делать, хотя никто меня не просит это делать. Это бред, это болезнь, это яд, это сумасшествие. Но я все равно пойду дальше».

Жишники пока не появлялись. Он медленно продвигался вперед, шаг за шагом. Здесь тоннель стал немного уже, а его стенка начала остывать. Вскоре все это закончится, закончится так или иначе, думал он. Он прошел еще метров сто, пока заметил нечто новое: его ладони начали светиться.

Он поднес ладонь к лицу и долго вглядывался в нее. Кожа и в самом деле светилась каким-то мертвенным светом, словно гнилушка во влажном лесу. Большие линии ладони светились ярче, все, кроме линии жизни, они были будто нарисованы светящейся краской. Он прекрасно знал, что это означает.

В свое время, когда прыжки были в новинку, этот мир исследовали теми же методами, что и космические дали: запускали сюда беспилотные механизмы и животных. С механизмами ничего не вышло, техника ведь плохо переносит прыжок и всегда изменяется при фазовом переходе между двумя пространствами, а вот животные забирались очень далеко. Гораздо дальше людей. Но мир смерти оказался несоместим с жизнью. Чем дальше проникало животное, тем хуже оно себя чувствовало. У него нарушалась поведенье и координация движений. Некоторые собаки выли и кусали сами себя. Затем бедное существо начинало светиться, светиться все сильнее. Через несколько часов такого свечения животное погибало. Свечение всегда означало приближение смер-

ти. Собаки выдерживали почти два с половиной часа свечения. Мартышки семь часов. Крысы — пятнадцать минут. Муравьи выдерживали почти сутки. Но никто не знает, сколько часов или минут выдержит человек. Сейчас отсчет времени уже пошел.

Он уже ушел довольно далеко за ту черту, за которой отключается защита. Метров двести или триста. Никаких хищников пока не было. Он постучал по стенке тоннеля и послушал эхо. В окружающей тишине каждый звук казался значительным. Затем начал резать стенку — в четвертый раз за этот день. «Господи, сделай так, чтобы у меня получилось! — думал он. — Сделай это или дай мне знак, что я творю дело, неудобное тебе». Но знака не было.

В этот раз ему повезло больше. Он настойчиво направлял лезвие пламени в одну и ту же точку и наконец прорезал отверстие. Но дальше дело не двигалось. Он расширил отверстие еще на пару сантиметров, потратив на это не меньше, чем десять минут. Стенка тоннеля накалилась докрасна и начала вибрировать, издавая тихий гул. Чтобы прорезать приличную дыру, придется работать еще часов пять. Этих часов у него просто нет. Он выключил резак и прислушался. За его спиной кто-то двигался.

К счастью, у него имелось оружие. Нечто, напоминающее пистолет. До сих пор этой штукой еще никто не пользовался, и брали ее лишь на всякий случай, да еще потому, что это предписывала инструкция. Еще никто не сталкивался со зверем в этой тьме.

Резко обернувшись, он вскинул руку и выстрелил по направлению звука. Нечто темное метнулось в сторону. Метнулось беззвучно. Он выстрелил еще раз и, кажется, попал. Подождал минуту, прислушиваясь. Подошел и толкнул существо ногой. От зверя мало что осталось. Лишь нижняя половина тела и кусок плеча, висящий на тонкой полоске плоти. «Все же этот пистолет бьет просто здорово, — подумал он. — Ребятам надо сказать спасибо, что сделали такую штуку. И все ведь своими руками — руками, которые никто не ценил и не ценит. Интересно, как выглядел этот зверь. Судя по останкам, что-то вроде лягушки на длинных и тонких лапах. Во всяком случае, на пальцах имеются перепонки. Водоплавающая хищная мразь».

Он двинулся дальше. Вначале ничего не было, затем он услышал шаги позади себя с правой стороны. Это не были шаги человека. Несколько раз он оборачивался и направлял фонарик на звук, но ничего не видел. Сейчас его больше волновало свечение, которое продолжало усиливаться. «Что, если это радиация? — думал он. — Ерунда, никакая радиация не даст такого эффекта. Но что, если эта вещь еще хуже, чем радиация? Что, если оно убьет меня или просто свалит с ног после того, как я вернусь? Еще немного, еще совсем немного. Еще несколько шагов». Он поднял руку, чтобы посмотреть на часы. Поднял и подпрыгнул от ужаса.

Ремешок часов, всегда сидевший туго, сейчас прорезал плоть и вошел в тело глубже, чем на палец. При этом никакой боли и никакого кровотечения. Это выглядело так страшно, что его едва не стошнило. Он отстегнул ремешок, сорвал часы и швырнул их во тьму, даже не взглянув на время. На запястье осталась уродливая вмятина. Он пошевелил пальцами и убедился, что мизинец онемел и не гнется. Мизинец светился сильнее всего. Возможно, он уже начал отмирать. «Еще двадцать шагов, нет, тридцать, — думал он, — отсчитаю тридцать и остановлюсь. Я ведь прав. Не так ли? Чем дальше я зайду, тем больше выиграю времени на быстром вскрытии стенки. А время сейчас очень важно».

Только сейчас он увидел, что на его руках нет перчаток. Он совершенно не мог вспомнить, когда их снял и снимал ли их вообще. Инструкция это запрещала. Как же это случилось? Поглощенный этой мыслью, он чуть было не пропустил атаку сзади.

Несколько тяжелых тел бросились на него одновременно. Он успел срезать одного из нападавших, но второй сбил его с ног. Что-то ужасно захрустело в районе левой ступни. Он выстрелил, не глядя, еще несколько раз, затем закричал и продолжал стрелять в темноту, ощущая разогревшуюся рукоять оружия. Наконец выстрелы прекратились: он израсходовал весь заряд. Имелась еще и запасная обойма, она была последней. Перед ним лежало несколько изуродованных тел разных форм и размеров. Некоторые тела светились, некоторые нет. Прямо у его ног лежала оторванная голова с длинными и острыми зубами, напоминающими гвозди. Челюсти

продолжали рефлекторно двигаться. Он попробовал подняться, но не смог. Размер мертвой пасти был просто невероятным. Морда действительно напоминала лягушачью.

— Кажется, они откусили мне ногу, — медленно сказал он вслух и подтянул негнущуюся ногу поближе. Но все оказалось не так страшно: отсутствовала лишь передняя часть ботинка, а то место, где раньше находились пальцы, было сплющено — так, будто по пальцам ударили большим молотом. Чуть выше была дыра, сочащаяся кровью, а все остальное казалось целым. Во всяком случае, на пятку можно будет опереться.

Он еще раз попробовал встать. Вначале встал на колени, потом оперся на правую ногу. Взявшись рукой за стенку тоннеля, приподнялся. Потом попытался опереться на левую пятку и снова упал. Боль была такой сильной, что у него перехватило дыхание и закружилась голова.

Лежа, он поменял обойму. «Как я здесь оказался? — подумал он. — Как я здесь оказался и что я здесь делаю? С чего все началось? Ведь не может же быть, чтобы я забрался сюда безо всякой причины?»

Что-то было, что-то невидимое присутствовало в памяти, некая фигура, некий призрак — и вдруг он вспомнил. Это было так, словно ключ вошел в замок. Ну конечно же! Он вспомнил лицо умирающей девушки, спокойное лицо, безо всякого ожесточения, закрытые глаза, голову, соскользнувшую с подушки, полуоткрытые губы, прерывистое дыхание. Она была похожа на сломанный цветок. Пусть это сравнение банально, но она была именно такой. И в тот миг, когда он взглянул на нее, что-то случилось. Он понял, что не может отдать ее смерти. Она напомнила ему кого-то, может быть, старую фотографию собственной матери, может быть, первую детскую любовь, может быть, его собственный предрассветный сон.

— Так вот в чем дело, мужик, — сказал он сам себе, — она тебе просто понравилась. И ты захотел ее спасти, и это уже не просто работа. И что же тебе делать сейчас?

Допустим, он еще сможет кое-как идти. Идти, несмотря на боль. Рассуждая чисто физически, опереться на пятку можно. В крайнем случае можно прыгать на одной ноге. Но далеко так не уйдешь. Последняя обойма закончится быстро, по-

тому что хищников станет больше — их привлекает запах крови. Наверняка они приближаются уже сейчас. То есть вернуться он уже не сможет. Попробовать можно, но шансы равны нулю. Остаться здесь тоже нет смысла. Пройдет немного времени, и звери его съедят, не оставят даже косточек. Остается двигаться вперед.

Вперед — так вперед.

На этот раз он поднялся легче. Ему удалось опереться на пятку и сделать первый шаг. Это было очень больно, так больно, что он наконец-то оценил справедливость слов о симфонии боли. Это была именно симфония, как минимум соната для скрипки с оркестром. При каждом шаге он ясно ощущал, как скрипят и трутся друг о друга мелкие обломки костей. Но вскоре он притерпелся. Боль даже помогала ему сосредоточиться. Он уже ничего не боялся и ни о чем не думал, он просто шел, считая шаги. А хищники шли за ним, постепенно приближаясь. Когда пришло время, он обернулся, чтобы выстрелить.

Метрах в трех от него стояло жабоподобное существо с пастью приличных размеров. Пасть была приоткрыта, из нее торчали зубы, длинные и тонкие, как гвозди. Пистолет медленно поднимался, приготовившись к выстрелу. Палец напрягся, спуская курок. Но ничего не произошло. Выстрела не было.

Он жал на спусковой крючок снова и снова, а хищник стоял, не двигаясь ни вперед, ни назад. Хищник пока боялся, он помнил смерть своих сородичей. Сергей повернул пистолет и посмотрел на курок. Нет, этого не может быть. Он попробовал еще раз. Попробовал — и увидел то же самое.

Его палец не мог нажать на спусковой крючок. Палец просто проходил сквозь сталь — или сталь проходила сквозь него.

Оружие на самом деле лишь отдаленно напоминало пистолет, разве что игрушечный, с широким пластмассовым стволом. Спусковой крючок тоже казался ненастоящим, но он был металлическим и очень тугим. Очень тугим — в этом все дело: как только палец напрягался, он начинал погружаться в сталь. Казалось, что металл расплавляет плоть; затем тело проходило сквозь металл, а крючок оставался на месте. То же самое было с ремешком часов, затянутым туго: он глубоко погрузился в тело.

Возможно, что так выглядит смерть в этом мире: его тело постепенно становилось бесплотным. Он сам становился тенью в этом мире страшных теней.

Сергей бросил пистолет в животное, оно сделало шаг назад и присело. Затем он достал резак, прикрутил головку и включил язык пламени, настроив его на максимальную длину. Огненное лезвие вытянулось сантиметров на сорок. Неплохое оружие ближнего боя. Белые блики отражались в больших глазах животного. Оно мигнуло несколько раз и отступило за деревья. Оно имело длинные веки и несколько бесформенных выростов на щеках.

«Еще десять шагов, — подумал он, — еще десять шагов, и я начинаю резать».

В этот момент хищник прыгнул на него сверху. Этот был небольшим и не слишком быстрым, огонь мгновенно перерезал его пополам. Обе половинки все еще пытались двигаться, расползаясь в разные стороны. Еще две небольшие твари попробовали броситься на него с двух сторон одновременно, но тоже получили свое. Одной снесло голову, а другая удрала без лапы, хныкая, как ребенок. Отрезанная лапа продолжала подпрыгивать, словно хвост ящерицы. Девять шагов, десять, одиннадцать. Он прислонился лбом к остывающей стенке тоннеля. Кружилась голова. Возможно, от потери крови, возможно, просто от боли. Он слышал, как темное копошение приближается к нему со всех сторон. Ну что же, пришло время сделать последний разрез.

Пламя легко погрузилось в стену. Так легко, что он даже удивился. Ему понадобилось не больше минуты, чтобы прочертить три раскаленные полосы, три стороны квадрата. Он начал четвертую — и здесь пламя погасло. Плазменный резак израсходовал свой последний заряд. Оружия больше не было, и тоннель оставался закрытым.

Он сунул пальцы в раскаленную щель и ощутил запах горелого мяса. Затем потянул квадратный лист на себя. Лист прогнулся — и снова стал на место: пальцы прошли насквозь, они не могли удержать лист. Он попробовал еще раз: слегка потянул одной рукой, затем всунул другую руку по локоть в образовавшуюся щель. Кое-что получилось. Лист был отогнут градусов на тридцать. Он навалился на лист всем телом, отгибая его книзу. В этот момент кто-то прыгнул ему на спину.

Перевернувшись, он придавил нападавшего к острому раскаленному листу — хватка сразу ослабла. Он продолжал свое дело. Дыра уже была достаточно широкой, чтобы пропустить человека. Он встал на колени и начал пролезать ногами вперед. Хищники осторожно приближались. Один из них корчился на траве, дрыгая лапами. Он был так близко, что можно было дотронуться до него рукой.

В последний момент он почувствовал острые зубы на своей шее. Ощущение было такое, будто шею прокусили насквозь. Кто-то сидел на его плечах и тянул его наружу. Еще минуту продолжалась молчаливая схватка, затем он рывком втиснулся в тоннель и повалился на мягкий теплый пол.

Он сразу почувствовал небольшой сквозняк. Внутренность тоннеля была покрыта упругим ворсом, который струился волнами, изумительно красиво переливаясь, чувствуя поток свежего чистого воздуха, воздуха с ароматом степных трав. А возможно, наоборот, это ворсинки гнали воздух, создавая ветер, достаточный, чтобы унести умирающего человека в вечность. Внутренность тоннеля всегда покрыта мириадами ресничек.

Он лежал и чувствовал, как истекает кровью. Жабья морда просунулась в отверстие, затем спряталась, и ее сменила другая, поменьше. Большой зверь в такую дыру не пролезает, вяло подумал он. Наконец маленькое существо, ростом не больше метра, ухитрилось протиснуть свое тело в отверстие. Оно шлепнулось на пол и поползло. Оно выглядело очень вялым и напуганным. Но даже в таком виде оно оставалось смертельно опасным для обессиленного человека.

Что-то зашипело и начало дымиться. Он поднял голову и увидел, что дымятся края дыры. Тоннель заращивал повреждение стенки. Обычно дыра существует не больше двух или трех минут. Чтобы выйти, нужно сделать новую. В данном случае это невозможно — он заперт здесь, и резака нет.

Тварь ползла все медленнее и наконец остановилась. Она глотала воздух широко открытой пастью. Она умирала — похоже, что воздух тоннеля совсем не годился для нее. Несколько раз хлопнула глазами, раздвинула лапы и начала сморщиваться. Казалось, что она высыхает на глазах. Через минуту она превратилась в скелет, обтянутый кожей.

Он поднялся. Хищников больше нет, но это ничего не меняет. Теперь оставалось лишь то, зачем он шел сюда: спасти чужую жизнь. Несмотря на то что он все же проник в тоннель, это будет не так-то просто сделать.

Он увидел легкую фигуру девушки, плывущую издалека в коконе золотистого сияния. Фигура приближалась, он видел расслабленные раскинутые руки, наклоненную голову, волосы, рассыпанные ветром, закрытые глаза, маленькую грудь, прикрытую больничной сорочкой. Почему-то все умершие появляются здесь в последней одежде, которая была на них, обычно в больничном белье. Он встал посреди тоннеля, придерживаясь левой рукой за стенку, и вытянул правую вперед. Летящая девушка открыла глаза; сияние вокруг нее начало гаснуть.

— Я вас не знаю, — сказала она, — вы — ангел боли?

— Почему боли? — удивился он.

— Я не знаю, — она улыбнулась, — просто в последнее время все, что я испытываю, это боль. Но теперь это все закончилось, ведь я умерла. Простите, если я вас обидела.

— Нет, нисколько, — ответил он. — Вы очень красивая. Даже сейчас. Поэтому я хочу вас спасти. То есть не поэтому, не только поэтому. Мой долг спасти вас, но я бы сделал это даже вопреки долгу.

— Спасти от кого? — удивилась она. — Кто может быть мне страшен теперь?

— Спасти от вас самой. Я не хочу, чтобы вы умирали.

Кажется, она начала понимать. Сияние вокруг нее совершенно исчезло. Ветерок стал сильнее, реснички на стенах начали двигаться и извиваться в каких-то конвульсиях. Стена тоннеля снова потеплела.

— Как вы проникли сюда? — спросила она. — Это ведь моя территория. Здесь не должно быть чужих, я знаю. Если вы не ангел, то почему вы здесь? Откуда?

— Оттуда. — Он показал рукой на стену. — Этот тоннель довольно длинный, не правда ли? Любая длинная труба обязательно проходит по какой-то местности. Любая труба имеет и внутреннюю, и наружную поверхность. Я пришел снаружи. Я прошел то пространство, по которому проложена эта труба, сделал отверстие в стенке и вошел, чтобы сделать то, что я должен сделать. Чтобы спасти вас. Это было

нелегкое путешествие, я думаю, самое тяжелое в моей жизни. Я чуть было не погиб. Но я успел вовремя. Я здесь, и мы разговариваем.

— Я слышала об этом тоннеле, но я никогда не думала, что там, снаружи, еще что-то может быть. Что там?

— Там тьма, — ответил он. — Там целый мир тьмы. Мир, чуждый жизни, наполненный антижизнью.

— Что это там лежит? — спросила она, указав рукой на мертвого высохшего хищника.

— Представитель местной фауны. Уже не кусается.

— Пропусти меня, — сказала она, — пропусти меня туда, слышишь, иначе я тебя убью.

— Нет.

— Учти, я буду драться за свою смерть. Ты не знаешь, какая я сильная.

— Знаю, — ответил он. — Ты самая сильная из всех, кого мне приходилось спасать.

— Тебе приходилось спасать! — закричала она. — Ах, тебе уже кого-то приходилось спасать! И что же, те люди не проклинали тебя и не плевали тебе в лицо, встретив в коридоре?

— Бывало всякое.

— Ты думаешь, что им нужно было твое спасение?

— Я думаю, что некоторым из них оно было нужно.

— Тогда ты заблуждаешься. Человек должен иметь право умереть. У нас отобрали все, но это единственное право, которое отобрать невозможно. Уйди с дороги.

— Ты не понимаешь, — начал он, но она толкнула его рукой и брезгливо вытерла ладонь о рубашку. На белой ткани остался след крови.

Он упал, и, пока пытался подняться, девушка уже прошла мимо. Сияние вокруг нее разгоралось с новой силой.

— Подожди! Я должен предупредить тебя!

Она остановилась и обернулась.

— Ты все равно не доберешься до конца этого тоннеля. Для тебя этот путь закрыт.

— Там ждут меня твои друзья? — спросила она. — Они меня не остановят.

— Нет. Просто самоубийцы всегда сворачивают в один из боковых тоннелей. Тебя там ждет смерть.

— Я уже умерла.

— Тебя там ждет вечная смерть, вечная и повторяющаяся. В конце каждого бокового тоннеля живет хищник, который... Ты идешь прямо в его челюсти.

— Хищник вроде этого, что лежит здесь? — Она толкнула существо ногой, и то рассыпалось, словно состояло из хлопьев пепла.

— Гораздо страшнее. Гораздо страшнее, чем ты можешь себе представить, и в сто раз страшнее, чем я могу описать. Это ужас, равного которому нет на земле. Именно это ждет самоубийц. Не будет никакого доброго бога, задающего вопросы, не будет никаких умерших родственников, прилетевших приветствовать тебя, а будут лишь челюсти черной пиявки и ее безразмерный желудок. И это навсегда. Сейчас твой последний шанс вернуться. Послушай меня.

Ее глаза на мгновение померкли.

— Я тебе не верю, — сказала она. — Ты придумал все это, чтобы меня обмануть. Чтобы не пустить меня дальше.

— Ты сама знаешь, что это правда!

— Это ничего не меняет, даже если это правда.

Она начала удаляться. Легкий ветерок, пахнущий степными травами, подхватил ее и понес во тьму. Надежды больше не было. Так жаль, что все это было зря.

Он закрыл глаза. Он ощущал, как кровь продолжает вытекать, и вместе с нею уходят последние силы. Теперь осталось совсем немного, думал он, еще несколько минут. Она достигнет развилки и попадет в колодец. Затем сорок метров темного пространства и невидимая тварь, схватившая тебя за голову и потащившая вниз. И вдруг его осенило. «Неужели все колодцы питаются именно так? — подумал он. — Неужели они питаются нами и только нами? Наевшись, они отпочковываются от тоннеля и спокойно переваривают пищу, ожидая, пока следующая жертва бездумно бросится во тьму. Нажравшись, они могут даже дать несколько отпрысков, почему бы и нет? Но если сознание не разрушается, значит, на дне каждого большого колодца есть человек, по крайней мере один человек. Этот человек до сих пор видит, слышит и чувствует. Неужели это и есть ад? Нет никаких горячих сковородок и вечно пожирающего огня. Есть лишь пустыня боли, ненависти и одиночества. Так жаль, что она не поверила мне. Она уже была готова поверить.

Но если люди об этом когда-нибудь и узнают, то это будет не сейчас, — думал он. — Сколько мне осталось? Несколько минут, не больше. Как только она погибнет, стенка тоннеля начнет разрушаться. А стенка — это единственное, что сейчас отделяет меня от хищников. Тоннель исчезнет, и я исчезну вместе с ним».

Он ощутил легкое и нежное прикосновение, но не стал открывать глаз, чтобы продлить иллюзию еще хотя бы на несколько секунд. Ничего легкого и нежного здесь быть не может. Здесь может быть лишь смерть, которая приходит явно или крадется бесшумно. Неужели у смерти могут быть такие руки? Он с трудом открыл глаза.

Сиреневые ленты света струились по стенам тоннеля, а ветер пах костром, затерянным в ночи, пах звездами, и камышом, и летним ором лягушек, пах сонно плеснувшей рыбой посредине тихой реки, тонким комариным гудением у твоего уха, мохнатыми соснами, дальними огнями и стуком колес поезда, проходящего вдали за лесом, — пах всем этим одновременно и еще тысячью тысяч вещей, о которых нельзя сказать и которые можно лишь ощутить, ощутить одновременно, как один большой глоток жизни. Девушка склонилась над ним, и каждое прикосновение ее волос делало его невыразимо счастливым.

— Почему ты вернулась? — удивленно спросил он.

— Как я могла не вернуться? Не могла же я оставить тебя умирать. Я коснулась своей рубашки, и на ней осталась кровь, твоя кровь, посмотри. А под тобой уже целая лужа. Если тебя не перевязать, ты умрешь от потери крови. За кого ты меня принимаешь, за изверга какого-нибудь? Ты знаешь, что у тебя здесь несколько глубоких дырок? Повернись немного. В тебя что, гвозди заколачивали?

Почти. Что-то вроде того.

Она оторвала несколько матерчатых полос от своей длинной больничной рубашки и начала накладывать повязку. Ему пришлось приподняться, и он застонал от этого простого движения.

— Вот так уже лучше. Теперь расскажи, как тебя отсюда вытащить.

— Зачем ты это сделала? — спросил он.

— Что сделала?

— Сделала то самое, из-за чего мы здесь.

На мгновение ее глаза будто подернулись корочкой льда. Цветные полосы на стенах тоннеля погасли, сейчас ее освещало лишь ее собственное свечение. Ветер затих, воздух стал спертым, как на закрытом чердаке, полном старого хлама.

— Это был плохой вопрос, — сказал он, — прости меня.

— Ничего, когда-нибудь расскажу, обещаю. Но обещаю, что это случится нескоро... Ты заметил, что здесь нечем дышать?

Он попытался подняться, и она помогла ему.

— Тоннель умирает, — ответил он. — Мы должны успеть. Нужно пройти около двух километров в обратную сторону. Там ты можешь меня оставить. Потом ты пойдешь в ту сторону, которую выберешь сама. Вперед или назад. Когда тоннель исчезнет, я окажусь на безопасной территории. Там у меня передатчик. Я свяжусь со своими, и они меня вытащат. Обо мне не беспокойся.

— Отлично. Тогда попробуем проползти эти два километра. Обопрись на мое плечо. Не стесняйся.

— Ты уже решила, в какую сторону пойдешь? — спросил он.

— Пока нет. Но я успею решить, пока мы будем идти.

Наталья Егорова

ПУШИСТИК

Деликатный сигнал автосекретаря прозвучал, когда Бутов придиричиво рассматривал в зеркале собственное отражение, украшенное последней моделью голографического галстука.

— Частный посетитель. Имя Петр Седых. Причина посещения — пополнение вашего зверинца.

— Он опоздал на 40 минут, — констатировал Бутов, не оборачиваясь.

— Сообщить, что прием отменяется? — с готовностью отзывался автосекретарь.

Карл заколебался. Опоздавший контрабандист, безусловно, заслуживал того, чтоб его прогнали. Однако Бутов оставался хладнокровным дельцом, только если речь не шла о его зверинце. Да и сам зверинец на той неделе, согласно Универсальному Рейтингу частных собраний животных, провалился с четвертого на шестое место по планете. Его обогнал даже Юрген Стив, этот нахальный мальчишка, унаследовавший сеть ресторанов «Ультима». Положение следовало немедленно исправлять.

Магда уже в светящемся, прихотливо меняющем цвет платье расчесывала великолепные каштановые волосы. Карл привычно поцеловал жену в плечо, отметив новый запах духов.

— Я буду готова через десять минут.

На ее шее опять появились предательские морщины. А ведь с последней процедуры омоложения прошло всего полгода.

Быстро глянув на часы — до начала приема оставалось еще 37 минут, — Бутов принял решение.

— Если я задержусь, проследи, чтобы все шло как надо.

Жена кивнула. Она никогда не отличалась особой разговорчивостью, а в последние годы все их общение зачастую ограничивалось десятком слов в день.

Контрабандист выглядел истинным «космотыком»: плохо справляющийся с частыми сменами гравитации и климата организм позволил телу обрюзгнуть, а коже приобрести нездоровый сероватый оттенок. Петр Седых был помят, потерт и явно нуждался в средствах. Как, впрочем, и все контрабандисты, с которыми доводилось сталкиваться Бутову. Едва ли не половина животных его зверинца, так же как и в большинстве частных собраний, была куплена незаконным образом, но, поскольку речь обычно шла о людях достаточно влиятельных, Департамент Порядка предпочитал в большинстве случаев закрывать глаза.

Взгляд посетителя отражал всю гамму виноватости и даже заискивания. Тем не менее Карл резко указал ему на опоздание и, лишь выслушав положенный набор извинений и оправданий, позволил себе сменить гнев на милость.

— Итак, что вы можете мне предложить? Насколько я помню, каталог моего зверинца у вас есть?

Контрабандист торопливо закивал, выуживая из кармана потрепанный видеоблокнот.

— У меня есть трансплантаты-охранники для особо беспокорных животных. Ваш зеленый кот с Кохаруса и свинозавры...

— Я не вживляю экспонатам инородные предметы. У меня абсолютно надежная система обеспечения безопасности.

— О... но ваша защита зависит от надежности коммуникаций и информационной поддержки, а трансплантаты...

Бутов прервал его не терпящим возражений тоном:

— Система обеспечения зверинца автономна и самодостаточна. Трансплантаты меня не интересуют. Что-то еще?

— Безусловно. Вашей ге... гангрене...

— Гигране, — поморщился Карл.

— Да, конечно, простите, гигране всего восемь месяцев, однако еще год-другой, и понадобится внепространственная клетка для содержания столь крупного животного. Я мог бы...

— Не понадобится. Если вы внимательно читали каталог, то должны были обратить внимание: моя гиграна — карликовый экземпляр. Размах крыльев во взрослом состоянии четыре метра. Так что я вполне обойдусь обычной клеткой.

— Тогда водяные тараканы для цефаноруса?

— Он содержится на искусственном корме. И неплохо себя при этом чувствует. — Бутов бросил взгляд на часы. — Давайте договоримся: меня интересуют только новые экспонаты. Как и где их содержать, я решу сам.

Контрабандист забегал глазами, суетливо доставая пачку голографий. Передал их клиенту, приблизился едва не вплотную, комментируя из-за плеча качественные, но явно любительские изображения.

— Все животные — с Халцеи и Лигеруса. В вашем зверинце не представлена ни та, ни другая планета. Вот это — насекомоядное растение, именуемое кувшинкой Этуса. На Земле таких всего три — все в Мировом ксенологическом парке. У меня две взрослых особи, но если вас интересует выращивание из семян...

Карл неопределенно качнул головой и перелистнул снимок.

— Болотный буцефал — очень крупное животное, к тому же нуждается в выгуле, однако во внепространственной клетке...

Лист перевернут.

— Райская птица. На самом деле это колония плотоядных беспозвоночных организмов, объединенная единым разумом. В момент объединения...

Райская птица тоже перевернута.

— Койлег безухий, на Земле содержится в Мировом парке и трех частных коллекциях... Шиловыверт-птицеед. Чрезвычайно неприхотлив в неволе, питается... Синебрюхий котик... Каменная русалка...

Седых запнулся. Предполагаемый покупатель с недоумением разглядывал зверя, не отмеченного ни одним каталогом фауны Халцеи и Лигеруса. Внешне похожего на добрую сот-

ню видов млекопитающих с разных планет и в то же время незнакомого Бутову.

— Уникальный экземпляр, — зашипел Седых почти в самое ухо. — Запрещен к вывозу с Халцеи и даже не указывается в каталогах. Похоже, у них нет даже общепринятого названия. Мы-то звали их просто пушистикками.

Все ясно. Очередное «священное» животное — так с ними обычно и бывает. В число их на разных планетах попадали и симпатичные на взгляд землянина, и откровенно уродливые твари, как полумразные, так и совершенно безмозглые. До сих пор Буты с таким явным нарушением законности — содержанием животного, запрещенного к вывозу, — не связывался. Однако рыжий зверек показался ему чрезвычайно милым. Да и частная ксеноколлекция — редкая цель для проверки инспекторов Департамента Порядка.

— Совершенно ручные зверьки: неделя, и он сам будет бегать за вами, как собачонка. Наш техник дрессировал... одного, так тот сам включал кофеварку, представляете?

Рыжий комок шерсти с большими смышленными глазами. Да, симпатяга — пушистик.

— Вероятно, нравятся детям? — задумчиво бросил Карл.

— Ну... Я бы не подпускал детей к... этому экземпляру. Все же незаконно содержащийся вне родной планеты, вы понимаете?

Буты мимоходом отметил, что цены на снимках высоки, но не нагло завышены. Торговаться в подобных сделках не принято.

— Я возьму обе взрослые кувшинки, райскую птицу и этого... пушистика. Когда вы можете их доставить?

— Растения и птица будут у вас завтра утром, а пушистик, если позволите, у меня с собой.

Маленькая клетка на антиграве бесшумно подплыла к ним. Режим транспортировки придавал поверхности куба полную непрозрачность, но, повинаясь пульту, белизна с одной из граней мягко стекла, показывая содержимое клетки — симпатичную зверушку, свернувшуюся клубочком.

— Я готов принять плату по факту доставки всех экземпляров. Пушистика же, если хотите, оставлю прямо сейчас.

Эта уступка казалась странной. Хотя логично объяснялась жгучим желанием совершить сделку, помноженным на

репутацию Бутова и, вероятно, полное безденежье контрабандиста. Решив не заморачиваться поведением чудака, Карл сделал приглашающий жест и направился в святая святых — зверинец, расположившийся в подземных этажах дома и напичканный автоматикой в большей степени, чем иное банковское хранилище.

Хозяин приложил обе ладони к сенсорным панелям, внимательно глядя в сканер сетчатки. Тяжелая плита отъехала в сторону, открывая широкий проход между двумя рядами клеток. Чужая жизнь окружила пришедших: в любой клетке тщательно воспроизводился уголок соответствующей планеты, надежная автоматика следила за соблюдением полнейшей комфортности для каждого из многочисленных обитателей зверинца. В то же время посетителей окружала тишина, лишь изредка нарушаемая легким жужжанием роботов-многофункциональников. Трансляция звука из клетки в отдельности или из всех сразу осуществлялась специальными командами с пульта, что служило удобству зрителей.

Справа из сизых спутанных зарослей метнулся клыкастый уродец метровой высоты с распушенным колючим гребнем. Расплушил морду о невидимую силовую поверхность, цапнул ее загнутыми когтями. Контрабандист невольно отшатнулся.

— Поганец красноголовый с Морены-4, — пояснил Бутов, не замедляя шаг. — Два экземпляра на Земле.

Между служебными помещениями и лифтами прямо в коридоре расположилось несколько небольших клеток для временного содержания новых животных. На данный момент все они пустовали: Карл действительно давно не расширял зверинец. Открыв одну из клеток, он посторонился, предоставляя действовать Седых. Тот почему-то заколебался, но вскрыл контейнер, с чрезвычайной осторожностью выудил пушистика и, держа его на вытянутых руках, перегрузил в новое обиталище.

Величиной с крупную кошку, не рыжий, а скорее светлорыжий, он был еще очаровательнее, чем на голографии. Огромные круглые, как у лори, но без лориной вековой грусти глаза его светились любопытной сообразительностью щенка или даже обезьянки. Их делали еще выразительнее кольца светлого меха и темная полоска вдоль носа. Лапки

оканчивались уморительными крохотными пальчиками, а короткий пушистый хвостик задорно торчал вверх.

— Чем он питается? — Бутов набирал предварительную программу содержания, учитывая обычные природные условия Халцеи.

— Неприхотлив, как поросенок. Может есть водоросли или объедки с вашего стола, — заверил контрабандист. Заключение соглашения явно придало ему уверенности. Карл скривился: его зверям предоставлялись самые лучшие условия, невзирая на расходы.

— Итак, я жду животных завтра. Автосекретарю будут переданы все необходимые распоряжения, вы получите плату сразу после доставки экспонатов.

Передав Петра в руки робота-привратника, Бутов еще несколько минут разглядывал пушистика. Выглядел тот чрезвычайно мило, этого не отнимешь. Вдоль спины тянулись три темные полосы, как у бурундука, но шерсть скорее напоминала о котенке. Маленькие круглые ушки нервно подрагивали, лоя неизвестные звуки, но в целом животное не проявляло ни капли беспокойства, словно всегда жило в клетке.

— Карл? — бесцветный голос жены прошелест из динамика. — Гости уже собрались. Если ты не занят...

«Если ты не занят». Он хорошо вышколил Магду за эти годы: она совершенно смирилась со своей вторичностью по отношению к его работе и его зверинцу — подумалось с внезапным раздражением.

Пушистик провожал нового хозяина неподвижным взглядом круглых глаз.

О да, гости уже собрались. Горела пестрая паутина гологирлянд, «живой» оркестр гремел киберджазом, расторопный Крис Вейснер — правая рука Бутова — успевал повсюду и распоряжался всем. У бассейна с полижелейным наполнителем поднялась возня: не иначе, шепутная сестра Магды, Фрида Кок, приехала уже «под крилем» и норовит искупаться прямо в вечернем платье. Карл усилием воли надел маску радушно-го хозяина. С Фридой разберется нанятая прислуга, а от репортеров поместье надежно защищает электронная охрана.

Дарители слащавой лицемерной очередью потянулись отметиться у владельца компании «Осматик». Подарки — большей частью претенциозные уродцы, мнящие себя произведе-

ниями искусства, — наполняли тележку-антиграв. Завтра они пойдут на благотворительные дары или просто осядут в помещениях компании — Вейснер разберется. Что-то вообще пополнит утилизаторы.

Подвыпившие гости, хохоча, развлекались метанием «ежей», фейверки выстреливали над площадкой яркими всплесками, наполняя воздух осязаемой вибрацией. На антиграв-площадке извивались в танце разгоряченные мужчины и эффектно раздетые женщины. Между шедеврами кулинарного искусства, каждый из которых был приготовлен вручную, что возносило цены на недосягаемую высоту, радужно сверкала голографическая эмблема «Осматика».

Карлу показалось, что единственный чужой здесь — он сам. Удалившись в густые заросли экзотических растений в обществе бокала энерготоника, он машинально следил за мелькающим в толпе фиолетовым платьем Магды — хозяйка дома в отличие от него позволить себе уединение не могла.

С приглушенным треском на посадочную площадку приземлился таксофлайер, выплунув из кабины хрупкую фигурку, облаченную по последней городской моде в светящиеся полосы пластоткани. Резво перебирая ногами в тяжелых ботинках-универсалах, девушка замешалась в толпу.

Бутов недовольно глянул на часы: Люсинда, несносная девчонка, опять заявила в три часа. Надо все же выяснить, чем она занимается в этом своем «Изетроне». Негласно, чтобы не провоцировать взбалмошную дочь на очередной скандал.

Со вздохом именинник двинулся в сторону огней. Люсинда привычно чмокнула отца в щеку, невнятно пробормотала пару слов — видимо, поздравление. Сунула очередную записную книжку в подарок — на сей раз со встроенным мини-визором. После чего сочла свое присутствие на торжестве достаточным и удалилась в дом, сопровождаемая откровенными взглядами молодых людей и шлейфом запахов, в котором причудливо смешивались духи, алкоголь и жвачка «бонатос», рекомендуемая рекламой в качестве средства от похмелья.

Бутов покрутил книжку в руках, сунул в карман. Дочь особой фантазией не отличается, но хорошо хоть вообще вспомнила про его день рождения. В глубине души он понимал, что не вспомнила — сообщил автосекретарь, но таковы

сейчас все. Люди-автоматы: одинаковые дома, каждодневные обязанности, одинаковые вечеринки. Только способ отвлечься от рутины у каждого свой, для него — это зверинец.

Не дожидаясь отлета последних гостей, Бутов вернулся к животным.

Бережно опекаемый бесстрастными механизмами зверинец мало обращал внимания на посещения хозяина. Подбросив пару змеек в клетку свинозавров, Карл невидящим взглядом уставился на отвратительную сцену пиршества неповоротливых тупых тварей. Его мысли блуждали далеко: он думал, что следующий день рождения будет похож на сегодняшний вплоть до названий напитков и что нужно заказать новую девушку-сопровождающую для приемов, поскольку прежняя стала предъявлять некие неопределенные права на хозяина. Что Магда выглядит гораздо старше своей сестры, несмотря на все косметические ухищрения, возможно, нужно провести процедуру кардинального омолаживания. Что пушистика необходимо перевести в клетку тупоголовца с Ахинеи, а самого тупоголовца отправить на минус второй этаж: он оказался чересчур ленивым и малоподвижным.

Пушистик ждал его, все так же свернувшись в клубочек и наблюдая за окружающим большими глазами, будто и не шевельнулся за несколько часов.

— Доброе утро, малыш, — серьезно сказал ему Карл. Темные глаза мигнули в ответ.

Не спеша он просмотрел результаты анализов. Зверек в самом деле оказался исключительно неприхотлив как в содержании, так и в пище: никаких хлопот с ним не предвиделось. Расписав программу приема новых зверей и отдав все необходимые распоряжения автосекретарю, Бутов зачерпнул сухого корма для приматов и прямо на ладони протянул Пушистику.

Тот без тени испуга подошел и принялся трапезничать, аккуратно снимая сухие комочки уморительными пальчиками и с величайшей серьезностью отправляя в рот. Подобрав все, зажмурился, облизнулся, мелькнув розовым язычком, и коротко чирикнул.

— Умница, — умилился Бутов. — На здоровье.

Магда еще не спала — не позволяла себе заснуть без него. Бутов вдруг отметил, что ее глаза похожи на бесстрастные

гляделки земляной черепахи, такие же неподвижно-ждушие. Бурча что-то по поводу духоты, он принялся устраиваться на своей половине кровати.

— Как тебе сегодняшний вечер? — Жена ждала вполне заслуженного одобрения. Он потянулся было поцеловать ее, но в нос ударил запах косметики — неожиданно тяжелый, неприятный. Карл отвернулся. Если Магда и была разочарована, то давно уже научилась не подавать вида.

Он проснулся еще более разбитым, словно и не засыпал. Кондиционеры совсем разучились справляться с духотой, кофе показался слишком горьким, тосты — пересушенными. Репортер 3D-новостей восторженно рассказывал о двух вновь открытых переходах-порталах на планеты-свалки: самая приятная тема для завтрака, нечего сказать. Раздраженно швырнув посуду автомату, Бутов отправился к своей ксеноколлекции.

Контрабандист, как бишь его звали, оказался точен: вскоре новые животные расположились в клетках, все необходимые сведения были предоставлены, предварительная программа содержания ждала лишь одобрения хозяина. Собственно, он мог бы и не вмешиваться в рациональную систему жизнеподдержки этого мира, но кое-какие действия доставляли Карлу ни с чем не сравнимое удовольствие. Например, кормление особо интересного экземпляра: таковым обычно оказывался редкий хищник. Или даже прогулка вокруг дома со спокойным экспонатом на поводке.

Пушистик не проявил никакого беспокойства в связи с открытой дверцей клетки. Он ничуть не растерял невозмутимости даже на руках у хозяина. Зверек оказался необычайно приятным на ощупь и удивительно легким. Ласково поглаживая пальцами темные полосы на его спинке, Бутов включил полный звук и, устроившись в эргономичном кресле, закрыл глаза.

Зверинец шептал, рычал, бормотал. Шумно вздыхала гиграна, семейка охтилонов выясняла отношения своими писклявыми голосами, умиротворяюще шумел портативный дождик в клетке свинозавров. Бутов поймал себя на мысли, что хорошо бы целый день оставаться здесь в окружении простых и понятных животных, которые не стремятся тебя подсадить, которые не умеют завидовать и ненавидеть, которые

признают лишь право сильного, что в конечном итоге не так уж плохо.

— Через 15 минут начинается назначенная вами встреча с делегацией Неделимой Австралии, — обеспокоенно сообщил портативный автосекретарь. Бутов бросил взгляд на часы — не успеть ни при каком раскладе. Все же он аккуратно усадил Пушистика в клетку и тщательно запер зверинец, не доверяя автоматике.

Его, конечно, ждали. Два ряда черно-белых мумий с одинаково официальными масками на невыразительных лицах. Вейснер, застывший возле стола, автосекретарь с приклеенной улыбкой. Манекены театра абсурда, в котором он должен играть главную роль. Отвратительно!

Главой делегации оказалась женщина, именно такая, какие вызывали у него наибольшее раздражение: немолодая, сухощавая, бесконечно уверенная в себе — полная противоположность Магды. Выслушивая суть предложений австралийцев и бездумно скользя глазами по выданному инфоэкра-ном тексту документов, Бутов постепенно закипал.

15 процентов. На что они рассчитывали, интересно знать? Они считают его полным кретином, что ли? И этот идиотский заклад — четверть планетки, единственный портал на которую открыт в их стране. Планетка-якобы-курорт, в которую не вкопано еще ни одного пляжного зонтика. И эта система выплат... о черт! вот и еще подвох: они же могут и вовсе не выплачивать проценты, если...

Бутов поднял побагровевшее лицо, обвел гневным взглядом черно-белые ряды. Он пытался сдержаться, сохранить корректный тон, но его уже захлестывала волна справедливого негодования.

Австралийцы были выдворены с треском. Бутов слышал, как за дверью успокаивающе и подчеркнуто бесстрастно говорит Вейснер, выпроваживая наглецов. С удивлением рассматривал рассеянные по всему полу обрывки копии договора: он совершенно не помнил, как искрошил бумагу. Ярость откатилась, оставив горький привкус отвращения. Карл почувствовал, как же устал за последние дни.

Он не полетел домой обедать, как делал это всегда, хотя Магда звонила, спрашивала, какой соус он предпочитает к жареному трихвосту. Он вообще не стал выходить, заказал

обед прямо в офис и заперся в кабинете. Ежедневная рутина приводила его в уныние, хотя, казалось бы, еще пару дней назад он был бодр и уверен в себе, как и положено главе компании. Сейчас ему представлялось, что посади в его кресло автосекретаря — и ничего не изменится в четко отлаженном механизме работы «Осматика», что его зашифрованная подпись — атрибут примерно одного класса с рекламой компании на станциях монорельса или секретаршей-человеком, встречающей посетителей в приемной. Никому не нужная безделица, работающая на имидж, одним словом.

И однако же все эти люди, составляющие четко тикающий механизм «Осматика», ждали решений часовщика, усталость и недовольство которого, естественно, в расчет не принимались.

Он вспомнил о своем решении проверить, чем занимается дочь, только вечером, когда таксофлайер уже приземлялся на площадке перед домом. Возвращаться не хотелось. Хотелось углубиться в созерцание простых животных инстинктов.

В этот вечер он выпустил Пушистика погулять в пределах зверинца. Зверек важно шествовал между клетками, изредка забавно приподнимался на задние лапки и трогал маленькими пальчиками толстый прозрачный пластик. Иногда он что-то чирикал, словно пытаясь разговаривать с обитателями этого мирка. Он был умирительно-серьезным, а повадками напоминал и котенка, и маленькую обезьянку сразу. Устав от прогулки, он устроился у Карла на коленях, тихонько щебеча на своем языке что-то ласковое.

Когда Бутов вернулся, Магда уже спала. Или делала вид, что спит.

Проснувшись, Карл сразу же представил себе идиллически-тошнотворную картину домашнего завтрака с заботливой женой и предпочел уехать немедленно, даже не дожидаясь таксофлайера. Впрочем, в вагоне монорельса оказалось невозможно душно, солнце билось в голову раскаленным молотом. Спасаясь от невыносимой жары, Карл зашел в крошечное почти пустое кафе, заказал олаивевого сока пополам с энергоколой, устроился в углу. Напротив него хихикала группа мелких служащих возраста Люсинды. Судя по масляным взглядам, на видеопанели перед ними демонстрировались отнюдь

не биржевые сводки и не последние новости внешней торговли. Бутов сердито уткнулся в стакан, но тут же уловил знакомое название в разговоре клерков.

- «Изетрон» вчера выкладывал подборку со змеями, видел?
- Настоящими?
- Вряд ли. Но сирены у них действительно хороши.
- Тоже дорисовка?
- Естественно. Кто ж им разрешит наживаться на мутантах.

Коктейль стал пресным. Солнечный луч прожектором осветил лица. Карл отодвинул стул с резким звуком, заставившим молодых людей посмотреть в его сторону, и вышел на тротуар.

Непонятно почему, он хотел не просто навести справки о пресловутом «Изетроне» — это было бы проще простого. Он хотел именно застать дочь на работе. А это значило, что еще рано: Люсинда отбывала из дома около полудня.

Верный Крис Вейснер всюду замешал опаздывающего босса: из-за дверей доносились негромкие голоса — шло совещание, о котором Бутов совсем забыл. Автосекретарь было двинулся к нему с какими-то сообщениями, но Карл попросту отшвырнул легкий каркас. Войдя, он с такой силой хлопнул дверь, что видеопанель на столе отозвалась звоном. Видя недовольство начальства, Вейснер спешно закончил обсуждение. Служащие принялись собирать мем-карты.

— Вы и вы. — Палец Бутова уперся по очереди в двух работников, как по команде застывших на месте. — Ваша работа за последние недели принесла компании только убытки. Вы допускаете слишком много ошибок в работе. Вы уволены. Выходное пособие получите с утра.

Более всего, кажется, был огорчен Вейснер.

«Изетрон» располагался в футуристическом даже для временной архитектуры здании в самом центре города. Прикинув стоимость аренды, Бутов помрачнел: компания явно не нуждалась. Трехмерная вывеска «Изетрона» соседствовала с рекламой нескольких модельных фирм, артистическим кадровым агентством и едва не десятком дизайнерских контор. На вывеске изображались две девицы фривольного вида, но как раз это не говорило ни о чем: подобная вывеска могла красоваться и над магазином бытовой техники.

Он шагнул в полыхающий всеми оттенками красного интерьер. Складки пластоткани, гроздь воздушных пузырей, лампы, мохнатые ковры — все ослепляло одним и тем же цветом. Бутов почувствовал, что еще минута, и он заполучит великолепную головную боль.

Служащий был шупл и разодет в красные же перья брако-десса, судя по всему, искусственные. Зато его улыбка могла бы поспорить по сладости со знаменитым бразильским мороженым.

— Что вы хотели бы заказать? Витрину? 3D-рекламу? Могу предложить вам нашу последнюю разработку: многосторонние голонаклейки, изменяют изображение в зависимости от вашего настроения. Представляете...

Бутов остановил его движением руки.

— Я хотел бы... — Он запнулся и обвел взглядом комнату. — Видите ли...

— О, не смущайтесь. — К немалому изумлению Карла клерк заговорщицки подмигнул ему. — Я все понимаю, вы никогда не делали подобных заказов, но реклама требует жертв, не так ли? — Он противно захихикал. — Прошу, прошу. У нас все предусмотрено, все материалы в наличии...

Не давая ошеломленному Бутову вставить ни слова, настырный клерк потащил его куда-то вбок, за алую стену, оказавшуюся ширмой. Едва не силком усадив потенциального клиента в неудобное вишневое кресло, он мигом включил огромный голоэкран.

— Выбирайте, пожалуйста, вся наша база в вашем распоряжении. Качество и соответствие основным стандартам, естественно, гарантируется. Мы можем предложить голокопию и натурал-копию любого размера. Сама... модель обойдется, конечно, дороже, но дело того стоит. Вы не напрасно пришли в «Изетрон».

Бутов почти задыхался от навязчивой опеки служащего. К счастью, тот уже выдал всю заготовленную рекламу и, воскликнув напоследок «Наслаждайтесь!», испарился. Карл остался наедине с экраном.

Он пролистнул несколько голографий, и в ушах настойчиво заколотились молотки: конечно же, это было самое откровенное нуд-агентство, а то и просто бордель, какие всегда скрывались под благопристойными вывесками рекламных

компаний. Надо отдать должное «Изетрону»: девушки на снимках выглядели великолепно и даже в меру прилично, но ведь ему сразу сообщили, что модель можно заказать и живьем...

Он набрал в строке поиска «Люсинда». Система вежливо заявила, что девушек с таким именем в базе нет. Но Карл уже не сомневался, дочь просто не могла оказаться секретаршей на видеофоне, «работая» в подобном притоне. Дрожащими от бешенства пальцами он впечатал «Люси», «Люсина» и, наконец, «Люс». Школьное прозвище оказалось верной кличкой модели: на экране послушно возникло изображение, тут же сменившееся другим, третьим...

Карл тяжело дышал сквозь стиснутые зубы. Он судорожно провел рукой по побагровевшей шее и ринулся к клерку.

— Я хотел бы заказать... модель «Люс». Саму модель. Сейчас.

— Один момент. — Клерк не отреагировал на возбужденное состояние клиента: видать, много перебивало здесь таких вот порядочных отцов семейств, приходящих в экстаз от просмотра голографий. — Да, она в настоящий момент свободна. На какой срок? С вас...

Бутов шваркнул кредит-чек об сенсорную панель, даже не взглянув на сумму.

— Прошу вас подождать возле экрана, малышка сейчас будет, — пропел служащий, весьма довольный сделкой.

О да, дело было поставлено четко. Она появилась буквально через несколько секунд под мелодичный звон невидимых инструментов, эффектно распахнув красные драпировки. Привычно приняла соблазнительную позу, улыбаясь той зазывной улыбкой, которая преследует человечество с рекламных плакатов.

И испуганно попятилась при виде разъяренного Бутова.

— Дрянь! — завопил он, сорвавшись на фальцет. Вскочил, рванул к дочери. Люсинда судорожно вцепилась в огненную ткань, ловя ртом воздух. Вмиг потерявшая весь шик дорогой модели, она напонила Бутову остракию, которую в ресторанах подавали живьем. Тот же перепуганный взгляд со слабым проблеском надежды на спасение. Это вызвало у него новый приступ негодования.

Первая пощечина отбросила девушку к стене. От второй изумительно причесанная голова жалко стукнулась о гладкий

пластик экрана. Не удержавшись на ногах, Люсинда сползла на пол. Эффектное одеяние из узких полосок черной кожи бессильно разметалось по ковру.

— Вот, значит, где и как ты продаешься? Дрянь! Дрянь!

Он отвешивал ей оплеуху за оплеухой, уже не замечая насмерть перепуганного клерка, который мельтешил вокруг в тщетных попытках утихомирить внезапно сошедшего с ума клиента. Но Карл не уловил тот момент, когда в девушке словно прорезался стальной стержень. Выпрямившись, она вцепилась в его лицо ненавидящим взглядом остановившихся глаз.

— Домой можешь не возвращаться! — выдохнул он, внезапно теряя запал.

Из уголка ее рта на подбородок и по загорелой шее чудовищным украшением ползла струйка в цвет портьер. И при этом она еще криво усмехалась.

— Домой? И это ты называешь домом?

Люсинда трудом поднялась, доковыляла во внезапно наступившей тишине до выхода, прошипела от порога:

— Сама не собираюсь больше тебя терпеть.

Клерк провожал буяна остекленевшим взглядом. Он был потрясен настолько, что даже не догадался вызвать полицию.

В офис Бутов не вернулся — отправился к Прудам, где и прослонялся остаток дня, отпугивая прохожих застывшим лицом. Играющие в воде пестрые рыбы и вяло шевелящиеся в зеленых потоках черви мало-помалу вернули ему некоторую долю спокойствия. К вечеру на Карла даже снизошло некое умиротворение: когда он пронаблюдал воочию схватку здоровенной зубастой рыбины и биопластового робота, в служебном рвении неосмотрительно подобравшегося слишком близко к хищнице. Рыба победила. Останки робота медленно покачивались на поверхности аквариума, окрашивая воду зеленой функциональной жидкостью.

Магда не встречала его. В столовой ждал стандартный ужин, а сама она делала вид, что давно уже спит. Впрочем, прерывистое дыхание говорило о том, что госпожа Бутова плакала. Естественно, Люсинда после неприятного инцидента позволила ей или заехала домой.

Не притронувшись к еде, Карл отправился в зверинец. Его слово в этом доме было законом, что, впрочем, иногда мешало Магде проявлять неприятную эмоциональность.

Выпущенный на лужайку Пушистик потешно переваливался на коротких лапах, увязая в густой траве. Деловито подобрался к бассейну, попробовал воду — лапкой и на вкус, поиграл с брошенным ему мячом, повалялся на спине, смешно дрыгая лапами. После чего вернулся к хозяину и, поднявшись столбиком, положил маленькие пальчики тому на колени.

— Умница, — ласково пробормотал Карл, награждая зверька горстью кормовых комочков. — Умница, Пушистик. Хороший.

Он улегся в гостевой спальне, оставив Пушистика возле себя. Тот прошелся по комнате, заглянул в ванную, запрыгнул на подоконник и наконец облюбовал глубокое кресло возле окна. Просыпаясь ночью, Бутов ловил на себе неподвижный взгляд удивительных глаз зверька: тот так и просидел до утра в кресле, похоже, не собираясь засыпать. Возможно, ночной образ жизни был ему привычен.

За все утро Магда не произнесла ни слова. Бутову это только нравилось. Он усадил Пушистика на отдельную табуретку за стол и разложил перед ним несколько орехов и банан. Тот с самым серьезным видом съел все предложенное, после чего без тени недовольства устроился в переносной клетке: Карл решил взять зверька с собой.

В этот день был уволен сисадмин, опять прозевавший хакерскую атаку на сервер «Осматика», клерк, умудрившийся сделать две орфографические ошибки в трех страницах документа, и секретарша, с чьими обязанностями превосходно мог справиться и автосекретарь, не требующий зарплаты. После этого, оставив Вейснера разбираться с контрактами, Карл отправился в Парк Живой Природы.

Пушистик всюду осваивал новые территории, не забывая время от времени возвращаться к хозяину и довольным чириканьем выражать свою признательность. Они заказали обед прямо на лужайку Парка и разделили его на двоих. Бутов чувствовал себя помолодевшим: все договоры, неприятности и сам «Осматик» поглотила легкая дымка. Он ловил себя на совершенно дурацких мыслях, например, выпустить гиграну на оживленной улице и, запершись в бронированном флайере, наблюдать, как она расправляется с прохожими. Или привезти пару свинозавров в офис «Изетрона»...

Таксофлайер высадил их на улице: Карлу хотелось продолжить столь приятную прогулку. Подходя к дому, он автоматически заглянул в окно и остолбенел.

За суперпрозрачной поверхностью пластика Магда уткнулась в грудь молодому человеку, в котором Карл почти без удивления узнал Вейснера. Так вот какова преданность помощников! Но жена — эта тихоня, которой он столько лет оплачивал косметические операции! Которая еще смела проявлять недовольство его решениями!

Взбешенный, он взбежал по ступенькам. Отшвырнул Магду — недовольно звякнула кухонная аппаратура, врезал по холеной физиономии Вейснера — еще и еще раз. Тот не сопротивлялся, смотрел на него прозрачными глазами, так похожими на Люсиндины, что Бутов окончательно разъярился. Молодой человек мог бы, вероятно, справиться с боссом, имея он такое намерение и не будь Карл настолько взбешен. Сейчас же он не сопротивлялся, даже когда Бутов попросту спустил его с лестницы. Чувствовал свою вину, сволочь!

Он сам не знал, когда ему попала под руку эта железка — кажется, кухонный агрегат для ручной готовки. Бутов остановился, только когда залитое кровью лицо Магды застывшей маской соприкоснулось с безупречными плитками пола. Швырнув оружие в угол, он отправился в зверинец, нимало не заботясь о состоянии женщины. Пушистик торопливо заковылял следом.

Когда уехала Магда, Карл не видел. Вейснер был уволен следующим утром. Без рекомендаций и выходного пособия. Бутов остался наедине со своим зверинцем и с Пушистиком.

На следующий день, прогуливая Пушистика, он заметил человека с желтыми волосами, чей взгляд показался ему чересчур пристальным. Впрочем, человек тут же отвернулся и скрылся в одном из домов.

Через день тот же человек с неподвижным взглядом круглых глаз попался ему на Прудах. Он сидел на скамейке и наблюдал за Бутовым поверх портативного головизора. Карл угрожающе двинулся было к соглядатаю, но в этот момент Пушистик обнаружил зубоголова, и хозяину пришлось срочно уводить малыша от возможной драки. Когда же он снова обернулся к скамейке, желтоволосого там уже не было.

В следующий раз он наткнулся на этого же типа в кафе. И тут уже бешенство прорвалось наружу: Бутов сгреб чело-вечка — тощего и не сопротивляющегося — за грудки и, вы-тащив на улицу, попытался надавать ему по физиономии. К счастью для жертвы, поблизости оказался автополицейский. Бутов заплатил крупный штраф и с того дня заперся внутри собственного дома.

Желтоволосый больше не показывался.

Прошла неделя.

Пушистик играл лапками с бахромой старомодной порть-еры: в свое время Бутову показалось забавным воспроизвести в кабинете обстановку старинного дома. Изображая звон стар-ых часов, автосекретарь отбил полдень, и, отвечая ему, веж-ливо тренькнул видеофон. Бутов раздраженно нажал кнопку ответа, уже предвкушая все, что скажет в адрес назойливых коммивояжеров. Однако на экране маячила квадратная фигу-ра, затянута в полицейский мундир.

— Прошу прощения, сэр. — Офицер была сама коррект-ность. — В Департамент Порядка поступили сведения о неза-конно содержащемся у вас животном... Если вы не возражае-те, мы могли бы осуществить неофициальную проверку. Со-блюдене конфиденциальности гарантируется.

В груди разлился острый холодок. Мелькнула мысль: спря-тать Пушистика, увести в офис, оставить на время в гостини-це. Следом пришло законное раздражение: угораздило же свя-заться с запрещенным к вывозу животным! Но Пушистик лас-ково чирикнул с подоконника, и Бутов понял, что расстаться со зверьком даже на день — выше его сил.

Офицер ждал ответа, застыв словно робот. Человек, доб-ровольно выполняющий роль автосекретаря при самой иди-отской организации, какую можно себе вообразить.

— Я отказываюсь, — хрипло произнес Бутов. — Я не со-бираюсь отвечать на глупые обвинения.

— Сэр... — Полицейский казался растерянным. — Мы будем вынуждены принять... соответствующие меры.

— Подите к черту! — взорвался Карл и ударил по кнопке. Физиономию полицейского поглотила тьма пустого экрана. Бутов вскочил и принялся мерить комнату широкими шага-ми, пытаясь взять себя в руки. Но успокоение не шло: вместо ожидаемой тревоги его все больше охватывало негодование.

Пушистик привлек его внимание тихим чириканьем. Бутов взял малыша на руки, провел пальцами по мягкой шерстке, чувствуя, как уходит напряжение.

— Я тебя никому не отдам, — твердо сказал он.

Он не выходил из дома, не появлялся в офисе, укрывшись под защитой электронной охраны. Подловили его в тот момент, когда Карл находился в зверинце, отрезанный от внешнего мира бронированными дверями и звуконепроницаемыми стенами. Войдя в дом, Бутов оказался в плену «паутины», распластавшей его в пространстве прихожей. Пушистик в транспортировочной клетке тревожно вскрикивал в руках у одного из служителей порядка.

Разгневанный владелец «Осматика» мог сколько угодно рваться, осыпая бесстрастных полицейских отборной бранью. Впрочем, перетаскивая его к флайеру, зеленые мундиры вежливо извинялись за причиненное неудобство. Карл пришел в совершенное неистовство, подогреваемое вынужденной неподвижностью.

«Паутина» испарилась, когда его водворили в камеру с мягкими стенами, минимумом функциональной мебели и небьющимся экраном информатора. Теперь он мог браниться, бросаться на стены и негодовать сколько угодно. Вместо этого Бутов тяжело опустился в игрушечное кресло и тупо застыл. Бешеная ярость сменилась полной апатией.

Его кольнуло неприятное чувство, когда он вспомнил о неведомо куда увезенном Пушистике. Маленький зверек, привыкший к хозяйской ласке, напрасно ждет его — владельца и повелителя — появления. Что они сделают с ним? Нахлынула жгучая ненависть к конторе, хватающей почем зря законопослушных граждан. Скажем, почти законопослушных, а кто нынче без греха?

Карл даже не удивился, когда в возникшем проеме появился все тот же желтоволосый тип. Конечно же, кем он мог оказаться, как не чиновником Департамента Порядка?

Бутов не двинулся с места, следя за прибывшим тяжелым мутным взглядом. Желтоволосый помедлил у порога, негромко отрекомендовался:

— Инспектор Департамента Порядка Грин Дори.

Прошел в комнату, присел к столу, помолчал, внимательно вглядываясь в лицо Карла. Спросил будто невзначай:

— Вы знаете, почему пуштики запрещены к вывозу с Халцеи?

— Нет, — опешил Бутов, ожидавший неких обвинений. Спыхватился и добавил: — Вероятно, они являются священными для местного населения.

Инспектор покачал головой. Выудил из кармана курительную палочку, осведомился:

— Вы позволите?

Курительные палочки не выделяли в пространство ни унции вредных веществ, да и для самого потребителя были не опаснее леденца. Стандартная эта вежливость, видимо, унаследовалась еще со времен никотиновых сигарет.

Бутов кивнул.

Инспектор провел худыми пальцами вдоль коричневой трубочки, активируя механизм. Сунул палочку в угол рта, задумчиво перегнал в другой.

— В XXI веке человечество озаботилось проблемой сосуществования людей в узком жизненном пространстве. Один из вариантов решения — научить человека привязанности к окружающим. Например, методом внушения или психотропными препаратами.

Карл пребывал в странном оцепенении. Рассуждения инспектора представлялись ненужными, неуместными, но почему-то не было сил прервать их.

— Эксперименты провалились. Оказалось, человеческая психика забавно устроена: кроме привязанностей, человеку обязательно нужны и антипатии. Любя членов своего семейства, человек начинал неосознанно ненавидеть остальных людей. Воспылав патриотическими чувствами, он мог наброситься на улице на представителя другой национальности — тогда еще существовало понятие национальностей и государств, как вы, вероятно, знаете. Попытки подавить подобные отрицательные эмоции, как ни странно, приводили к тому, что человек превращался в кретина, а планета кретинов, сами понимаете, никому не была нужна.

Что-то промелькнуло в мыслях, какая-то аналогия, слишком чудовищная, чтобы быть правдоподобной. Бутов в упор уставился на инспектора. Тот поспешил пояснить:

— Нет-нет, над вами никто экспериментов не проводил. Хотя... К вам попало животное, не только запрещенное к вы-

возу с Халцеи, но и запрещенное к исследованию без специальных мер предосторожности. Вы ведь не удосужились покопаться в архивах. Первые поселенцы назвали этих зверюшек разрушителями мозга. Это своеобразные паразиты, которые управляют подсознательными эмоциями хозяина — неосознанно, повинаясь инстинкту. Так рассудила природа: не имея других способов защиты от суровой действительности, пушистик находит более сильное существо и принимается постепенно, исподволь воздействовать на его ощущения. В результате хозяин сильно охладевает к окружающим сородичам, а зверек становится единственной его отрадой. Вам это ничего не напоминает?

Карл промолчал. Человечек с черными глазками дрсированного каукса говорил чудовищные вещи, невозможные. Этого не могло быть в устоявшемся мире владельца «Осматика».

— Естественно, разрушители приспособились к сосуществованию с основной разумной расой Халцеи. Но вот когда началось освоение планеты людьми, обнаружилось, что человек — существо гораздо более психологически неустойчивое по сравнению с флегматичным халцеидом. Там, где халцеид привязывался к пушистику, человек оказывался полностью подчинен ему. Вплоть до полного разрушения социальной функции мозга, которое происходило примерно через месяц непосредственного контакта. После наступления кризиса человек либо впадал в яростное безумие и бросался уничтожать себе подобных, либо впадал в глухую депрессию и кончал с собой. А пушистик отправлялся искать себе новую жертву.

Дори внимательно вглядывался в лицо подопечного:

— Вы не удосужились узнать, что произошло с группой, к которой принадлежал Петр Седых?

Бутов вздрогнул. Хотя, конечно же, Департамент знал имя контрабандиста и наверняка тот находился в соседней камере. Возможно, с ним тоже сейчас беседовал один из инспекторов.

— Нет, — хрипло пробормотал Карл.

— Ваш экземпляр животного — именно тот, которого приручил техник исследовательской группы. Неприязненность этого человека к окружающим списали на усталость. Через три недели техник набросился с виброножом на младшего

служащего. Молодой человек в больнице — множество раненых, техник — в доме спокойствия. Пушистик перешел к одному из медиков. Как вы думаете, что случилось дальше?

Бутов молчал, ощущая себя декорацией сюрреалистической пьесы. Но инспектор и не ждал ответа.

— Он покончил с собой через одиннадцать дней — оказался менее устойчив к воздействию. До этого отказывался выдать медикаменты больным — посчитал их ненужными обществу личностями. Смерть выглядела как несчастный случай, но постмортальное исследование доказало наличие изменений, характерных для самоубийц. После этого экспедицию срочно отозвали с Халцеи. Однако Петр Седых, уже неоднократно проносивший через порталы контрабанду, прихватил пушистика с собой, надеясь выручить за него крупную сумму на Земле. Он, кстати, был одним из немногих, кто догадывался об опасной природе животного, поэтому обращался с ним чрезвычайно осторожно. Ну а здесь пушистик достался вам со всеми вытекающими последствиями. На данный момент, по нашему прогнозу, вам оставалось бы дней шесть до наступления необратимых изменений психики. Именно поэтому пришлось принимать экстренные меры, чтобы... пригласить вас сюда, за что перед вами еще будут извиняться.

Сам инспектор, очевидно, извиняться не собирался.

— Его уничтожат? — сдавленно спросил Бут.

— Он опасен.

— Он не виноват в... в своей природе! Он не монстр! — Одна мысль о том, что это очаровательное существо погибнет, была невыносима. Карл понимал, что смысленный взгляд круглых темных глаз будет преследовать его неотвязным видением.

— Он не виноват, поскольку не мыслит — лишь инстинктивно приспособливается. Но по природе своей он смертельно опасен для любого. Даже депортировать животное обратно на Халцею — неоправданный риск. Ни за кого нельзя поручиться, понимаете?

Он понимал. Но это была чудовищная жестокость.

Дори молчал, гоняя во рту курительную палочку. Синеватый дымок свивался в воздухе в причудливые фигуры. Карл с усилием провел руками по лицу, словно стирая липкую пленку наваждения.

— Вы хотите сказать, что в моем случае также имела место немотивированная... — Он запнулся, подбирая слово: «неприятнь», «жестокость»? Но инспектор понял.

— Мы проверили компанию «Изетрон», проверили досконально, уверяю вас. Девушек действительно нанимают для профессиональной голосъемки, видеосъемок и рекламных показов. Никакого криминала, никакой непристойности. Ваша жена добровольно прошла сканирование памяти: она также чиста перед моральным законом. Вашему секретарю она всего лишь жаловалась на невыносимые условия, создавшиеся в доме, и нет ничего предосудительного в том, что молодой человек посочувствовал жене босса — в самом, заметьте, невинном смысле. Что же касается разорванных вами контрактов, уволенных служащих... Боюсь, и здесь здравый смысл изменил вам.

Нелепо. Разлетевшаяся вдребезги жизнь — и вдруг оказывается, он сам тому виной. Ожесточившаяся Люсинда, Магда, отчаявшаяся до такой степени, что сама пошла на сканирование, Вейснер, старавшийся смягчить последствия его выходок для компании. Весь устоявшийся порядок вещей смят движением лапы чуждого существа, которое ненадолго заменило ему весь мир.

— Что со мной будет?

— Если вы о нашем департаменте, то обвинение состоит в покупке и использовании заведомо контрабандного объекта, но думаю, адвокаты добьются оправдания. Другое дело, что вся история станет — уже стала — достоянием гласности, и ваш авторитет как директора «Осматика»... впрочем, вы остаетесь владельцем компании.

— Это Люсинда передала сведения журналистам?

— Я не стал бы ее винить. В любом случае это уже произошло. Что касается вашего состояния, то прогнозы врачей положительны, хотя, конечно, вам предстоит серьезное лечение.

Инспектор по имени Грин Дори выключил курительную палочку и направился к дверям. И уже с порога мягко произнес:

— На вашем месте я попытался бы обратиться к чувствам жены. Дочь вам, вероятно, уже не вернуть, но Магда Бутова

производит впечатление поддающейся внушению особы. И она до сих пор верна вам.

Дверь бесшумно задвинулась, оставляя Карла наедине с его химерами. Белая дверь, белая, как оставшаяся ему пустая жизнь.

— А этого куда? — Хрупкая девушка держала клетку с очаровательным рыжим зверьком. Тот смешно шурил умные глаза и держался за прутья клетки маленькими лапками с почти человеческими пальчиками.

— Написано «передержка перед уничтожением». — Пожилая женщина пощелкала клавишами.

— Уничтоже-нием? Жалко как... — Лицо девушки приобрело умоляющее выражение. — Может, оставим его в лаборатории. Смотри, какой симпатяшка. Пуши-истик.

Пожилая в сомнении покачала головой:

— Здесь утверждается, что он социально опасен. И как ты себе это представляешь? Завтра прибудет спецподразделение, все документы...

— Да, конечно. — Девушка прикусила пухлую губку, потом решительно направилась с клеткой в дальний угол помещения, за многочисленные аквариумы. Пристроив там зверька, она выудила из кармана горсть орехов.

— Сиди тихо-тихо, Пушистик, — прошептала она, протягивая на ладони угощение. — Вечером мамочка что-нибудь придумает, и мы поедem в твой новый дом.

Пушистик аккуратно взял орех и внимательно посмотрел в лицо новой хозяйки большими темными глазами.

август 2003 г.

Игорь Ревва

САФАРИ

Не люблю я работать с драббами, но клиентов выбирать не приходится. Как, впрочем, и им не приходится выбирать себе агентов. Наша фирма давно уже испытывает нехватку, как говорит шеф, «в хороших кадрах». А где их взять, кадры-то? Молодняк приходит, покрутится пару месяцев, побывает на двух-трех заданиях, а потом закусывает удила. Начинают думать, что все-то они могут, во всем разбираются. Ну и, натурально, влипают в дерьмо. Да причем в такое, что или вовек не отмоешься, или вообще — мыть уже нечего будет... Особенно если клиент попадется с норовом. Впрочем, в этом отношении драббы очень даже приличные клиенты — спокойные, послушные, без выкидонов. Хотя лично я все-таки предпочитаю сопровождать триллов. А с драббами просто-таки обожает работать Светка, но сегодня у нее выходной. На мое несчастье. Так что шеф запряг меня.

Драббов было двое. Вообще-то это не по правилам — на охоту положено выходить в одиночку. Но мало кто на эти правила внимание обращает. Двое, трое, пятеро — какая разница? Главное, чтобы охотником из них был один. К тому же второй драбб — молодой, можно сказать, пацан совсем, даже мех у него еще не посинел, — клятвенно пообещал, что не будет вмешиваться, а только рядом постоит, посмотрит, что и как. А первый — что постарше — робко так молчал. То

ли отец он этому младшему, то ли брат старший — черт их разберет, драббов этих. Наверное, все-таки отец. Захотел сыночку развлечение устроить. Ну, у богатых свои причуды — я бы не рискнул на сафари кого-нибудь из близких брать. Опасно это. Хотя да, конечно, — защитные экраны, глушилки, паутины... Опять же — инструктор (я то есть). Но все равно опасно. Хотя мне-то какое дело? Желают вдвоем — пожалуйста. Мне — сорок процентов надбавки за сопровождение. Да и шеф не возражает — знает, что драббам доверять можно. Это вам не тиросиане, от которых вечно жди какой-нибудь гадости.

Два месяца назад водил я группу тиросиан, так не поверите, замучился с ними. Сам их убить был готов. Честное слово, всерьез уже обдумывал — кокнуть группу и на хищников свалить. Пойди разберись потом... Да и не разбирался бы никто, не в новинку такое. Потому что — сафари.

Группа тогдашних тиросиан состояла из пятерых... Особей? Гостей? Охотников? Не, из пятерых сволочей! Все нервы мне истрепали, зар-р-разы! Я так и ждал, что остальные вмешаются в охоту, — очень уж хотелось кляuzu шефу настроить. Но охотился все-таки только один из них. Правда, наблюдал он после себя хуже свиньи. А ведь убирать-то за клиентами мне приходится. Так что драббы — это еще не самое страшное в жизни. Хотя и не привык я с ними работать.

Сколько раз уже клялся себе, что уйду из фирмы на фиг! Слово давал, божился — все впустую. Не уйду я никуда. Нравится мне эта работа. Несмотря на все неприятности и проблемы, с ней связанные. А нравится она мне потому, что имеешь дело с хищниками. Настоящими хищниками, жестокими, беспощадными. Это вам не львов с автомобиля стрелять, это дело серьезное.

Я еще раз оглядел обоих драббов. Ничего, на вид очень даже приличные. Чем-то на людей похожи... Ну, на таких людей, которые могут при белой горячке привидеться... Я напустил на рожу сердито-озабоченное выражение, чтобы показать им, кто здесь в данный момент хозяин и от кого зависит, вернутся ли они домой. Драббы не возражали, покорно смотрели на меня, робко вздыхая.

— Оружие! — строго потребовал я.

Старший драбб торопливо выложил на стол нож с широким лезвием, кожаные перчатки и... бластер.

Хороший бластер, ЕН-2314СТ, производства Пермского завода космического оборудования. У меня самого такой есть — дома, в тумбочке.

— А это зачем? — нахмурился я.

— На ффсякий пожаркиный слутшай, — попытался сострить младший драбб. Но старший толкнул его локтем в бок и тихо сказал:

— Исфинимся, слушайная вешш, болльше не-е-е буду...

Я сверкнул глазами на младшего, и тот сразу стушевался.

— «Всякие пожарные случаи» происходят лишь тогда, когда охотники не выполняют распоряжений инструктора.

Драббы опустили глаза в пол.

— Не положено! — Я небрежно швырнул бластер в сейф, где уже лежали документы обоих драббов, и обернулся к молодому, вопросительно посмотрев на него. — Что еще у вас есть? На всякий пожарный случай...

— Нетту орушшия, — пропищал тот.

Я несколько секунд сверлил его взглядом, потом кивнул, захлопнул дверцу сейфа и загромыхал ключами. Черт его знает, есть у тебя оружие или нет? Не обыскивать же клиента, в конце-то концов. Но если есть и если ты егопустишь в ход, то вам, ребята, до смерти все наши штрафы неоплатить. Если, конечно, живы останетесь. Но уж я-то постараюсь, чтобы не остались. А если повезет вам, ребята, и удастся после такой вот подлости обратно вернуться — платить вам и платить до скончания века. Те, кто пытался нарушить заведенные в фирме порядки, хорошо это знают — до сих пор на рудниках вкалывают. И долго еще вкалывать будут.

— Выходим через три часа, — строго предупредил я. — В вашей заявке указаны четыре хищника. Вы уверены, что справитесь со всеми ними?

Оба драбба послушно закивали головами в ответ, хотя я обращался только к старшему. Ох не понравилось мне это...

— В засаде сидеть тихо, — продолжал привычно говорить я. — Не шуметь, не разговаривать. Если не хотите превратиться из охотников в дичь. Вы впервые на нашем сафари?

— Ффторой расс, — ответил старший драбб и посмотрел на младшего.

— Фф перффый, — робко прошипел младший.

— Не высовываться! — строго сказал я. — Если что не так — знаете, что будет?..

Они знали. Могли бы и не кивать своими башками. Знали, уверен. И, похоже, старший станет зорко следить за тем, чтобы молодой не встревал, чтобы охота была честная. Охотник и зверь — один на один, без посредников... тьфу!.. без помощников!

Это первое правило нашей конторы — борьба на равных. Чувствуешь в себе силы, готов выйти на зверя — вперед! Но — один на один. И с простым ножом, а не с бластером каким-нибудь. Чтобы шансы были равны. У обоих. И у хищника, и у охотника.

С вертолета или с автомобиля — это и дурак сможет. А ты попробуй оказаться перед зверем безо всех этих цивилизованных прибабасов. Вот тогда-то и станет понятно, кто ты есть по жизни — охотник или дичь.

Наши — земляне то есть — тоже иногда к нам обращаются, любят кровь свою погорячить, а по деньгам у нас выходит гораздо дешевле, чем в других фирмах. Правда, мозгов у наших почему-то не хватает — не всегда умеют силы свои рассчитывать. Только в прошлом месяце трое погибли. И в этом — уже двое. Лезут на рожон, не зная брода. Последний, если не ошибаюсь, сразу десятерых хищников заказал. Мишка его водил. Рассказывал, что минуты полторы тот клиент прожить успел. Нет, пришельцы — они аккуратнее. На моей памяти за восемь лет всего случаев шесть было, когда мы на космодром пластиковые мешки отвозили. Кстати, по большей части это тиротиане оказывались.

— Можете забрать. — Я кивнул на перчатки и нож, лежавшие на столе.

Старший драбб торопливо схватил их и засунул в карман. На фига ему перчатки?! Кто их разберет, драббов этих? Может быть, они только в перчатках и охотятся?.. Эх, Светку бы сюда!

Не нравится мне, что драббы с бластером приперлись. Ох не нравится. Что-то перестал я им после этого доверять. И ведь зар-р-разы какие — знали же, что нельзя, старший-то не в первый раз ведь идет. А все равно взяли! Вот тебе и

драббы. Нет, Светка бы сразу поняла, стоит их выпускать или нет.

Вообще у девчонок эта работа получается лучше. Ну, это понятно почему... Но вот Светка — просто гений своего дела. Жалко, что у нее выходной.

Мне вдруг страшно захотелось послать всю эту работу подальше, засесть в каком-нибудь баре, выпить водки, познакомиться с девушкой, потанцевать... Бывают у меня такие минуты хандры, что ж поделать...

...В баре царил полумрак. Это хорошо, потому что в такой обстановке толком не разглядеть было окружающих лиц. Точнее — морд.

Бар назывался «Корявая пустошь». Более дурацкого названия трудно было придумать. Пустошь? Корявая?! Мозги корявые, а не пустошь! У того, кто такое название родил.

Бар располагался на окраине города, в районе новой застройки. Заселенные уже дома соседствовали тут со строительными площадками, огороженными высокими заборами из бетонных плит. Асфальт имелся только чисто теоретически. Фонарей на улицах не было. Гнусное место, одним словом.

Да и в самом баре было не менее гнусно. Куча шпаны, какие-то размалеванные девки, духота, шум. И пиво гнусное, тепловатое. И бармен. И...

Я уставился на сидевшую возле стойки девушку. Эта-то откуда здесь взялась? Если по виду судить, то таким тут как раз не место...

И вдруг я понял, что это мой шанс. И упускать его нельзя.

Быстренько снимаюсь с места, беру курс на девушку. Подхожу. Смотрю.

Длинные светлые волосы — легкие, нежные. Кажется, подуи на них — облаком взлетят.

— Не подскажете, который сейчас час? — спрашиваю.

Ну, она, естественно, окидывает меня тоскливо-утомленным взглядом — еще бы, после такой банальности, — и тычет пальцем в стену, на которой висят часы.

— Ага, — удовлетворенно говорю я, — без пяти час. А это местное время? Или по Гринвичу?

Девушка удивленно приподнимает брови.

— А то я сам не местный; я из этого... как его?.. из Гринвича, — продолжаю я. — Мы тут с ним в ресторане были, а он не рассчитал своих сил и теперь не знает, который час...

— Кто не знает?! — спросила девушка. Голос у нее был тихий, грудной, совершенно не вязавшийся с внешностью.

— Кто? — глупо переспросил я. — Гринвич. Я же говорю, что мы с ним вместе приехали.

Было заметно, что она пыталась сдержать улыбку. Но получилось это у нее не очень-то хорошо. Окрыленный эффектом, я уже хотел выдать следующую порцию белиберды, но меня осторожно похлопали по плечу.

Оборачиваюсь. Двое. Стоят. Морды — хуже не встречал.

— Приятель, валил бы ты отсюда на хрен, — миролюбиво говорит один.

— Ага, — киваю я, — щас! Только шнурки поглажу.

— Это чужая женщина, не твоя, — презрительно цедит второй. Видно, что слова ему удастся подбирать с большим трудом.

— Пошел ты... — отвечаю я.

— Ну, сука!.. — мгновенно звереет тот.

Первый тоже звереет, но молча, без слов. Он протягивает свою волосатую лапищу, чтобы схватить меня за грудки. И тут я его бью. Сильно бью, некрасиво, два раза. Коленом в пах и тем же коленом по морде — когда он, охнув, сгибается.

Второму я успеваю только дать по шее ребром ладони, но очень неудачно — никакого эффекта. Тогда я толкаю на него согнувшегося приятеля, перепрыгиваю через столик и бегу к двери на улицу.

Мысль о том, зачем мне все это вообще было нужно, присутствует в моей башке очень недолго и вскоре сменяется более актуальной — что такого мудака, как я, еще поискать надо. Бегаю я хорошо, дерусь тоже неплохо, но, судя по звуку, за мной устремилось все гнилостное содержимое этого бара. Интересно, чья это девушка была? Шефа этой банды? Хозяина бара?

Нет, неинтересно. Вру я, неинтересно мне сейчас это. Мне сейчас интересно, догонят ли? Ведь если догонят, больше ничто уже меня интересовать в этой жизни не будет, разве что больничная койка, да и то не наверняка.

На ходу оглядываюсь через плечо — человек шесть бегут, а мне показалось, что сотни полторы... Что-то нервничаю я. От шестерых-то я смоюсь. Тем более что двое уже подают явные признаки усталости — не резво они как-то бегут.

Я прибавляю скорости. Узкий переулок, темно. Сворачиваю направо, краем глаза успевая заметить, что двое преследователей все-таки отстали. Делаю рывок вперед, сворачиваю еще раз...

Тупик.

Останавливаюсь. Оглядываюсь по сторонам. Серые стены, серый асфальт, серые фигуры позади. Только небо — угольно-черное с мерцающими блестками звезд.

Преследователи поняли, что мне теперь не уйти. Они останавливаются и начинают расходиться, перекрывая мне выход из тупика. Четверо. Двое что-то держат в руках. Ножи? Кастеты? Камни?

Они медленно приближаются. Мне кажется, что я различаю в темноте их наглые ухмылки. Ухмылки палачей, понимающих, что жертве теперь никуда не деться. Что теперь с ней (со мной) можно делать все, что захочется. Можно избить, искалечить, изуродовать, убить — медленно, неспешно, наслаждаясь каждым мигот доставляемого мучения.

Звери. Хищники.

Я лезу в карман и достаю пульт. Нажатием первой кнопки я включаю глушилку. Нажатием второй — защитный экран. Теперь никто не войдет в этот тупик. А заглянувший сюда случайный прохожий ничего интересного не заметит — пусто тут, нет никого.

Все четверо останавливаются. Радужная пленка защитного поля, возникшая вокруг меня, приводит их в недоумение. Ночь, тишина, стоящий перед тобой человек окутывается тончайшей, словно мыльный пузырь, радужной светящейся пеленой. Должно быть, это очень красиво выглядит, думаю я, нажимая еще одну кнопку и сбрасывая маскирующую паутину.

Освободившиеся от паутины драббы вызывают у преследователей не меньшее изумление, чем пелена защитного поля. Младший драбб остается возле стены, во все глаза наблюдая за вторым. А тот неспешно приближается к одно-

му из преследователей и делает неуловимо быстрое движение рукой.

Тишина. Слышно даже, как брызги крови, сорвавшиеся с лезвия ножа, шлепаются о стену и мостовую.

Двое из преследователей испуганно пятаются. А третий — кидается обратно, натывается на глушилку, начинает биться в ней, словно муха в паутине. Проходящий мимо драбб небрежным и плавным движением погружает нож в его шею, и тело неподвижно провисает в невидимых силовых лучах глушилки.

Один из оставшихся в живых понимает, что теперь, возможно, наступила его очередь. Он делает шаг вперед.

Взмах рукой — драбб отшатывается, лезвие едва не полоснуло его по лицу. Мех на его голове начинает искриться — признак страха. Хорошо, что нападающий этого не знает. Он делает второй выпад, драбб подныривает под нож и наносит сильный удар ему в живот. Мне кажется, что я слышу треск разрываемой лезвием плоти.

Последний из оставшихся в живых преследователей разворачивается, подпрыгивает и бьет драбба ногой. Удачно бьет — драбб отлетает метра на полтора и грохается на асфальт, словно мешок с песком. Похоже, этот парень неплохо владеет приемами рукопашного боя, думаю я, нащупывая в кармане рукоять бластера.

Младший драбб испуганно пищит и делает движение броситься на помощь. Я выхватываю бластер, отключаю на секунду защитное поле и стреляю в землю прямо перед ним. Молодой драбб словно спотыкается перед вскипевшим асфальтовым озерцом. Нет, приятель, все должно быть честно. Один охотник. А дернешься еще раз — мозги вышибу.

Упавший драбб ворочается на земле, пытается подняться. А парень уже стоит перед ним в классической стойке. И едва инопланетянин оказывается на четвереньках, он с разворота бьет его ногой по голове. Драбб шипит и снова валится навзничь.

— А-а-а, падла! — хрипит парень. — Не нравится, да? Держи еще!!!

Прыжок обеими ногами на грудь драбба. Тот всхрипывает, словно смертельно раненный конь, изо рта его выплес-

кивается зеленоватая светящаяся жидкость — странная у этих драббов кровь.

Парень нагибается, приподнимает голову драбба и с силой бьет ею об асфальт. Раз, второй... Третьего движения он сделать не успевает — драбб наносит ему ножом удар в нижнюю часть живота.

— Оуп!.. — выдыхает парень, приседая.

Драбб приподнимается — теперь они оба стоят на коленях, один напротив другого. И драбб быстрым движением перерезает парню горло, отталкивая от себя валящийся на него труп.

Я выключаю защитное поле и подхожу к драббу.

— Напрасно вы заказали четырех хищников, — сочувственно говорю я.

— Не ращ... ращитал... — с трудом выдыхает драбб и заходится в кашле.

— Вам просто повезло, — спокойно говорю я. — И вам повезло дважды — ваш напарник пытался нарушить условия договора с фирмой. Он хотел вмешаться в охоту. Вы будете оштрафованы.

— Ш... Шс... Шсколько? — Драбб поднимает на меня глаза.

Я называю сумму штрафа. Сумма невелика, особенно для заказавшего сафари.

— Ххоррршо, — кивает драбб, поднимаясь с земли. — Я ссаплатить... У меня ессть...

Я тоже киваю и задаю вопрос:

— Трофеи?..

— Фо-о-от та хичних... — Драбб указывает на продолжающего висеть в лучах глушилки парня.

— Хорошо, — отвечаю я. — Тело будет доставлено в офис фирмы. Сейчас вам следует отправиться в гостиницу. Вам помочь?

— Не... — мотает головой драбб. — Шсам...

Ну, сам так сам, удовлетворенно думаю я. Мне же лучше. Мне еще тут за вами убирать предстоит. Ассенизационная работка, надо заметить. Приятного мало. Единственное, что греет душу, — мысль о зарплате.

Нет, хорошо все-таки, что я им ввернул про штраф! Мне больше обломится. А у них денег и так куры не клюют.

Интересно, сколько у меня сейчас на счету? Тысяч сорок, наверное, не меньше. Все-таки второй год собираю. Надо будет завтра в банк зайти, проверить. А то я давно уже что-то сам на сафари не отправлялся. В последний раз привез хороший трофей — тиросианина. Молодой, крепкий, злой... был. Сейчас-то он добрый, в виде чучела у меня в прихожей стоит, я на него иногда свою куртку вешаю. Ребята все удивляются, как это я его простым ножом взял. А вот так — уметь надо.

На этот раз хочу к драббам съездить. А что? Думаете, у них сафари не практикуется? Ошибаетесь! Хищники — они ведь повсюду есть, хоть на Земле у нас, хоть у драббов, хоть у остальных. Галактика — она ведь большая. И далеко не каждая раса умеет обуздать своих хищников. Потому и не возражают они ни против сафари, ни против фирм наподобие нашей.

Я оценивающе поглядел на драбба, возившегося со своим трофеем. Интересно, как будет смотреться у меня в прихожей чучело такого вот парня?..

Апрель, 2004

Владимир Баканов

ИРЭН

Собаки умерли неожиданно. Одна за другой, через несколько секунд.

Я наблюдал это из своего укрытия — навеса из веток, который я соорудил для спасения от палящих лучей африканского солнца. Жара. Жажда. Проклятое место — вся эта страна, эта Африка.

Но собаки!.. Сперва одна, а затем и другая поднялись, дружелюбно завиляли хвостами, словно увидели старых знакомых или любимую еду, потом вдруг поникли и свалились на землю.

Проклятое место. В радиусе десяти миль ни единой живой души, не говоря уже о белом человеке. Я живу здесь один. Один.

С тех пор, как нет Ирэн.

Я вернулся в дом, смешал себе коктейль покрепче и вышел к собакам, чтобы исполнить свой религиозный долг. Кроме того, если их не зарыть, через час тела станут смердеть.

Как странно они умерли.

На полпути к спасительному навесу я вспомнил, что под утро просонья слышал какой-то шум в курятнике — я держу несколько цыплят. Как будто что-то переполошило маленьких крошек; потом все стихло. Тогда я не придал этому зна-

чения — во дворе были собаки, способные справиться даже со львом. Но сейчас...

Курятник встретил меня молчанием. Мертвы. Все мертвы. Невероятно!

И еще одна странность. Обычно в этом африканском аду уже через несколько секунд после смерти тело облепляют большие жирные мухи. Но не сейчас.

Кругом все застыло в звенящей тишине; только моя грудь возбужденно вздымалась и опускалась, да через стиснутые зубы судорожно вырывался воздух.

Я вышел наружу. Солнце слепящим молотом ударило в глаза, вызывая головную боль, но все это отошло на задний план перед заложившей уши тишиной. Внезапной тишиной. Смолкли цикады. Не слышно птиц. Загадочная, неестественная, чудовищная тишина.

Я прожил в этом зеленом аду достаточно долго, чтобы чувствовать опасность. Она имеет свой уникальный запах. Сейчас им было пропитано все вокруг. И я инстинктивно чувствовал, что за мной наблюдают. Чьи-то холодные враждебные глаза.

Страх. Страх. Мною овладела паника.

Я заставил себя шевельнуться. Поверьте, это было не-легко.

Поблизости притаилось что-то чужое, чуждое человеческой натуре. Враг.

Повернувшись к этому спиной, я медленно пошел к дому, заставляя себя не оглядываться, каждую секунду ожидая самого страшного. По пути чуть не наступил на двух птиц, валившихся на дороге. Мертвы.

Вам следует знать, что в прошлом я дважды покушался на самоубийство. С тех пор, как нет Ирэн, мне все равно, живу я или нет... Но теперь... Я боялся смерти.

Ружье висело на стене над нашей свадебной фотографией. Именно тогда, после свадьбы, заработав достаточно денег, мы и решили уехать от нервозности нашей жизни в Африку, причем в самую глухую деревушку. Ирэн...

Зарядить... Один ствол, второй. Клик — щелкнул замок. Несколько секунд я смотрел невидящими глазами на тяжелое оружие в руках, затем, глубоко вздохнув, вышел за дверь.

И солнце с новой силой набросилось на меня.

Я ждал.

Внезапно на маленьком участке выжженной земли возникло какое-то движение.

Я моргнул и опустил ружье, увидев, кто ко мне идет.

Ирэн? Я, должно быть, сошел с ума. Ирэн?

Она была обнажена. Ее золотистое тело, ее гордая грудь, мягкий живот, знакомые ложбинки...

Она приближалась ко мне с улыбкой — чувственной улыбкой, которую я так хорошо знал. Она была вся улыбка, любовь и желание. Ирэн.

— Ирэн! — Это была молитва.

Она остановилась и взглянула на меня.

Богиня. Моя богиня.

Она потянулась; я увидел знакомое светлое пятнышко у нее под мышкой. Она распустила ленту, стягивавшую ее длинные золотые волосы.

Она прекрасна... Я был так одинок без нее!

Длинными тонкими пальцами она погладила себя по груди, по животу. Она застонала. Застонала от желания.

Боже. Все эти годы я ошибался. Она жива. Она жива!

— Ирэн...

Настороженность исчезла — замененная нетерпением, сжигающим меня изнутри. Я шагнул ей навстречу.

Между нами пятнадцать метров, десять... И тут она заговорила.

— Вик, — сказала она. — Я так хочу тебя.

Я поднял ружье и выстрелил. Сперва из одного ствола, потом из другого. Я стрелял в оргазме огня, свинца и смерти.

Ирэн исчезла в безмолвном смерче пламени, оставив после себя на голой африканской земле нечто.

Оно лежало, покрытое рябью, студенистое, желто-зеленое. С десятком глаз и бурой жидкостью, что недавно циркулировала по венам. Мертвое. Мертвое. Как оно оказалось здесь, так далеко от своего дома?

И это было разумное существо. Оно, очевидно, прочло мои мысли, как прочло мысли собак и цыплят, — и узнало, что мы любим, а чего боимся. Собаки и цыплята любили еду. Я?.. Ирэн, конечно.

Оно материализовывало наши желания, чтобы подобрать-ся вплотную и убить. Оно воссоздало мою любовь такой, как я ее запомнил. В ту ночь пять лет назад.

Она стояла в комнате обнаженная. Ее зеленые глаза сверкали. Ее дивное алебастровое тело дышало похотью. Ее соски встали. Она стонала от желания.

Тогда она сказала:

— Вик, я так хочу тебя.

...Я застрелил их обоих — ее и Вика, вшивого выблядка.

1973—2004

Владимир Баканов

ОРЕХОВЫЙ ТОРТ С СЕЛЕДОЧНОЙ НАЧИНКОЙ

Никогда весна не была так прекрасна. Никогда дела не шли так хорошо, мир не был так красив, а девушки — так очаровательны.

Это верно, что за последнее десятилетие не было весны холоднее — с резким пронизывающим ветром и постоянным сырым туманом, да и дела Олега Белкина шли хуже некуда. Работать становилось все труднее, зарплату практически не выплачивали и в частных фирмах, не говоря уже о государственных конторах. Число банкротств било все рекорды, разорялись даже продовольственные магазины. Ходили слухи, что приземлились пришельцы (хотя их никто не видел) и распространяют Декларацию, согласно которой одной части человечества предстоит вымирание, а другая сохранится в качестве слуг. Обстановка была дурной, но настроение превосходным.

Белкин сам со дня на день ожидал полного разорения. Но при этом оставался счастливым.

Когда женщины так чудесны, остальное не имеет значения.

Вы только вообразите, как хороша была Яна! Очаровательная девушка с волосами, как мед. От взгляда ее голубых

глаз — а порой они были фиолетовыми, зелеными, черными — таял любой мужчина. Никто не мог устоять перед такими мягкими губами и тонкой, будто изваянной, шеей. Грудь Яны — совершенство. Ноги... ноги просто неопишуты! Одним словом — дух захватывает! Вы ее не видели? Тогда ваша жизнь прошла впустую.

Может быть, я преувеличиваю? Нет, таково мнение Бориса Светлова, Василия Захарова, Ивана Кутуева и сотен других мужчин, благоговейно поклонявшихся ей с тех самых пор, как она появилась в городе.

Но Яна была не единственной. Была Валерия, вселявшая в мужчин приятное безумие, Аза — тропическая сказка, воплощение экзотических грез, Елена — искрящееся солнце, Зоя — святая белая богиня, Нелли — мужчины при встрече с ней просто слепли.

— Не могу понять, откуда взялось столько прекрасных молодых женщин, — сидя рядом с другом, размышлял вслух Олег. — Они придают жизни смысл. Динамичные, полные энергии, деловые... Ты заметил, как много стало женщин за рулем? Что-то меняется в нашем мире... Борь, одолжи мне тысячу, я хочу встретиться с Яной. Когда я увидел ее впервые, я подумал, что это галлюцинация. Ты ее знаешь?

— Да, замечательная женщина. А какая у нее дочка — изумительный ребенок! — вздохнул Светлов. — У меня у самого осталось всего пятьсот, и мы их с тобой поделим. Ты знаешь, я ведь тоже разорился — кто сейчас покупает импорт... Как хорошо жить на свете, Олег!

Мир нравился всем, кроме Ларисы Белкиной и других жен, не разбиравшихся в высоких материях. Им была недоступна высшая красота, которой наслаждались мужчины.

Они бранили мужей за то, что те не хотели работать, за равнодушие к своим неудачам, они злились на прекрасных женщин с прелестными дочурками и страстно призывали неведомых пришельцев сожрать этих красоток, сведших с ума мужскую половину человечества.

Дни шли за днями, и в разговоры даже самых зачарованных мужчин входили другие темы.

— Интересно, — спросил Кутуев Василий Захарова, — когда мы разоряемся, кто-нибудь подхватывает наши дела?

— Стоящие компании приобретаются анонимно. Знаешь, говорят, будто все это козни пришельцев.

— При чем тут пришельцы?! Страна катится в пропасть два десятка лет. Ничего удивительного. Выживают только чиновники, да и им становится труднее — с кого брать взятки, даже у нас в Москве? Пришельцы — такая же выдумка, как отсутствие бензина из-за его перерасхода на сельхозработках.

— Власти сообщают, что пришельцы среди нас. Если так, то где они?

— Зоя говорит, что мы встречаемся с ними каждый день — и не распознаем. Она говорит, что пришельцы достигнут своей цели, прежде чем мы очуаемся. До чего женщины легковверны... А что слышно в мире? Я давно не читал газет.

— Повсюду одно и то же. Все летит в тартарары, и все счастливы. По крайней мере так было на прошлой неделе — потом пришлось обменять мой семидесятидвухсантиметровый «Панасоник» на духи для Валерии. Знаешь, Олег, и я ощущаю покой и блаженство! Можешь дать мне пятьдесят рублей? Марина нашла работу, однако курьерам платят немного.

— У меня всего-то двадцать, возьми десять. Моя жена тоже работает, но для нас, похоже, работы не будет. Думал ли ты, что мы доживем до объявлений «Мужчины не требуются»? Господи, каких-то два года назад я руководил приличной фирмой, у меня работали почти семьдесят человек. А теперь вот живу за счет жены... И все же жизнь прекрасна!

— Да. И всюду изумительные девушки: в Москве и Питере, в Брянске и Рязани. Везде.

— Хорошенькие девушки в Брянске? Ты шутишь! Да, все перемешалось... Ты видел когда-нибудь такое прекрасное лето, а, Вань?

— Никогда в жизни.

Лето было мрачным и сырым, солнце не показывалось несколько месяцев. Но это были прекрасный мрак и чудесная сырость. А за тучами, несомненно, сияло великолепное солнце.

В те дни мужчины начали уходить из своих домов. Их больше не интересовала прозаичная жизнь. Разве тот, кто светится внутренним пламенем, нуждается в свечке?

Мужчины превратились в бродяг и нищих. Они горели своим огнем, и каждое утро женщины-милиционеры выво-

зили на грузовиках мертвые тела с застывшей счастливой улыбкой. Ведь смерть — только начало еще большего блаженства.

Олег Белкин и Василий Захаров сидели после бесплодного похода по мусорным ящикам. Они были голодны, но счастливы — осень выдалась прекрасная.

Действительно, снег пошел рано, и мужчин умерло множество. Но счастливая жизнь не обязательно должна быть долгой.

У них еще сохранились силы разговаривать. Олег держал в руках лоскут истертой газеты.

— Тут написано, что американский профессор Куинлан перед смертью от голода высказал мнение, будто пришельцы насаждали в мужчинах эйфо... Дальше оторвано.

— Олег, я видел сегодня Яну — издали, конечно, не мог же я приблизиться к такому бесподобному созданию в моем нынешнем виде... Но, Олег, ты понимаешь, чем мы обязаны этим великолепным девушкам? Ведь если бы не они, мы ничего не знали бы о внутреннем огне, о Прекрасном, разве мы так жили бы?

— Вась, одно меня в них изумляет.

— Меня в них изумляет все. Что ты имеешь в виду?

— У них у всех дочки. И ни у кого нет мужей. Почему у них нет мужей? Или сыновей?

— Никогда об этом не думал. Славный выдался год, Олег. Жалею я лишь о том, что не доживу до зимы, которая наверняка будет потрясающей. Так много было всего — нельзя ожидать большего. Неужели тебе не нравится мягкий нежный снег, который покрывает нас?

Олег не ответил, застывшим взором глядя в даль, и Светлов продолжил, обращаясь к самому себе:

— Интересно, когда умрут последние из нас — а это произойдет скоро, — девушки будут помнить, сколько света они внесли в нашу жизнь?

Владимир Баканов

ЧЕРНОЕ ЧУДОВИЩЕ

Это был самый обыкновенный человек лет сорока пяти, с хорошо поставленным бархатым голосом, с мягкими, порой изысканными манерами, в дорогом, явно пошитом на заказ темно-синем костюме. Целый день пробродив по взморью, он наконец снял комнату с верандой в Лиелупе.

Хозяйка дома Эмма Августовна угадала в нем отставного военного: его осанка была прямой, а маленькие усики аккуратно подстрижены. Но представился он просто: Марк Григорьевич Спивак. Она еще подумала: не женат ли? Нет, скорее холостяк или даже вдовец. Возможно, одинокий офицер, приехавший в Ригу в отпуск.

Первым делом новый постоялец попросил телефонную книгу и удалился к себе. Эмма Августовна очень удивилась бы, узнав, что он выписал около десятка телефонов вместе с фамилиями владельцев. Все телефоны принадлежали женщинам.

Марк Григорьевич вышел в душно-ароматный сад, уже наполовину скрытый сумерками, вернулся в комнату и проверил, везде ли вытерта пыль. Потом распаковал чемодан, достал бутылку вина «Мурфатлар» и серебряный кубок с выгравированной надписью «Майору Спиваку М.Г. за отличную стрельбу. 1984 г.» и, захватив предложенный хозяйкой кофе, вышел на веранду.

Там были радио и телевизор, но он не стал их включать. У стены стояла книжная полка, но он не взял ни одной книги.

Он просто удобно расположился в кресле и, время от времени потягивая кофе, стал листать записную книжку. Несколько страниц были исписаны аккуратным почерком телефонами абонентов от Саулкрасты до Кемери. Первой в списке стояла Боровая Е.И.

Марк Григорьевич налил в стакан «Мурфатлара» и придвинул к себе телефон. Короткое молчание, а затем, вместе со знакомым чувством возбуждения, пришли гудки. Его рот пересох, и он с трудом сглотнул.

Кликанье, и голос произнес:

— Алло.

Теплый женский голос, глубокий и приятный.

— Вы слушаете меня?

— Да, да. Кто это?

Он начал говорить — спокойно, тихо, своим хорошо поставленным бархатным голосом, сперва очень туманно, с тончайшими намеками на двусмысленность, затем прямо перешел к делу, посягая на скромность, оскорбляя честь.

Лишь через некоторое время она опомнилась и оборвала:

— Кто вы? Что вы несете?

Тогда начались ругательства, все грубее и грубее, все непристойнее и непристойнее по мере того, как росло возбуждение. Он наслаждался ее ужасом и отвращением. Удачный звонок — прошло не менее четырех минут, прежде чем она повесила трубку.

Марк Григорьевич отодвинул телефон и, отпив вина, расслабился в кресле. Пульс постепенно успокоился, возбуждение спало. У имени в блокноте он поставил галочку.

В тот вечер он сделал еще три звонка. Первая сразу же бросила трубку. По второму номеру его слушали очень внимательно; он скорее ощутил, чем услышал присутствие другого человека, руку, закрывающую микрофон, и просьбу позвонить в милицию. Он разочарованно отключился.

Но третий звонок... Самый приятный за вечер. Сладкоголосая девушка, чье искреннее смятение было отмечено любопытством и даже увлечением; невинность, жаждущая быть искушенной.

У этого имени он поставил крестик. Надо будет к ней вернуться.

Как всегда после звонков он чувствовал себя усталым, но довольным. Пора и спать.

Следующий день Марк Григорьевич бродил по побережью, загорал в дюнах, зашел в пивную «У Эдгара» и даже сидел в «Вигвамах». Он почувствовал, как крепнут силы, пробуждается знакомое беспокойство. Несколько раз он бесцельно выходил на веранду и с тоской смотрел на телефон, черный и молчаливый.

А может быть, лучше завтра утром? Воскресное утро... они будут лежать в постелях, сонные и податливые... Но нарастающее напряжение требовало разрядки немедленно. Он включил телевизор — передавали последние известия. Слова и картинки мелькали, не привлекая его внимания. Половина десятого... Неторопливым чеканным шагом он пересек комнату и выключил телевизор. Наступила тишина, нарушаемая лишь тихим пением птиц. Тишина и телефон.

Ему не везло. Три раза подряд трубку вешали прежде, чем он успевал произнести пару слов. А напряжение росло и требовало разрядки.

На четвертый раз ответили сразу же. Как будто она стояла у телефона и ждала его звонка.

— Да, слушаю.

Голос был молодым, но каким-то усталым, безжизненным.

Он заговорил; все быстрее и быстрее, все громче и возбужденнее. Это говорила жаждущая выхода энергия, в течение года подавляемая ночными дежурствами, это кричала душа, измученная душными подземными помещениями, запыленной аппаратурой и солдатами, отсутствием женщин и ласки.

Его не перебивали. Когда он замолчал, она сказала:

— Продолжайте.

Очень редко, но иногда такое случалось: попадалась женщина, чья нужда совпадала с его собственной. Однако здесь было другое. В голосе было что-то странное, но вовсе не чувственный отклик.

— Слушаю вас. Говорите.

Он попытался продолжить, однако ситуация смущала и раздражала его. Он снова остановился, и тогда она быстро произнесла:

— Не молчите. Говорите что-нибудь. Что хотите, я не возражаю. Но только не молчите!

Все не так. Он не понимал, в чем дело, и самым разумным было бы повесить трубку, но он распознал эту странность в ее голосе. Отчаяние.

— Мне необходимо поговорить с кем-нибудь. О чем угодно... все равно. Мне нужно... Хотите, я расскажу о себе? Мне двадцать один год, но говорят, я выгляжу еще моложе. Говорят, я хорошенькая. Мужчины говорят. И сексуальная. Вы ведь хотите поговорить об этом? Я буду слушать. Обещаю.

Он молчал.

— У меня темные волосы, — продолжала она, — и хорошая фигура. 88 бюст, 88 бедра, 57 талия, но можно затянуть еще тоньше. Хотите узнать, во что я одета? Практически ни во что. Халат и тапочки. И духи — французские, «Femme», что означает «женщина». Мне говорили, что это очень соблазнительно. Да, мне говорили.

Она глубоко вздохнула.

— Хотите еще? Хотите поговорить о моей личной жизни? Я не девушка. Это имеет значение? Были... двое или трое. Так, несерьезные увлечения. И еще один. Хотите узнать о нем? Его звали Вадим. Он любил со мной спать. Детали? Где и когда, сколько раз и как? Пожалуйста, я расскажу. Я лишь хочу поверить, что мир не пуст — что есть кто-то, где-нибудь...

— Мне кажется... — выдавил он.

— Не надо! Прошу вас, не надо... Это такая старая история, дешевая сентиментальная история слезливой писательницы. Я часто думаю — а что, если и я персонаж из этой истории? Мы все? Нет, только не вы. Вы настоящий, вы реальный. Иначе не может быть. Понимаете... он был женат, не ладил с женой, собирался ее бросить — развестись и жениться на мне. Вы ведь читали об этом, правда? И видели в кино и по телевизору. Так что, наверное, ничего и не было. Наверное, я что-то прочитала или увидела... или приснилось... Дурной сон. Люди не умирают от дурных снов.

Марк Григорьевич медленно шевельнулся, собираясь повесить трубку, ее голос становился все слабее и слабее. И вдруг она как почувствовала, что происходит, потому что он услышал ее крик: «Постойте!» и почти нехотя поднес трубку к уху.

— Вы здесь? — взмолилась она. — Вы ведь слушаете?
— Да, да, слушаю, — с трудом произнес он.
— Вы знаете, что тогда случается. Девушка обнаруживает, что у нее будет ребенок. И счастлива сперва, потому что она хочет, да-да, она хочет этого ребенка. Но потом девушка понимает, что он недоволен. Он обеспокоен. Это вызовет скандал. Это повредит ему.

А у него есть дочка. Они мало говорили о ней, и девушка не сознавала, насколько он ее любит. Вы понимаете, это и ей повредит. Нет, сперва он ничего не говорит. Но девушка видит, что он расстроен. И вот вместо того, чтобы любить человека, зарождающегося внутри, она начинает ненавидеть, потому что от этого плохо ему. В конце концов именно она заговаривает об аборте. Ему сразу становится легче. Он просит, чтобы она не волновалась — он все устроит, за все заплатит. А это ведь все равно не человек, пока не родился. У них еще будет возможность иметь детей — потом, позже, когда все будет улажено, когда все будет как положено, правильно, без скандала и шума.

Она замолчала, и ему показалось — сейчас заплачет. Но она уже продолжала:

— Он сделал все, как обещал. Все устроил. И даже пришел навестить меня, принес цветы и ликер в шоколаде. Он забыл, что я не люблю ликер в шоколаде, но ведь нельзя же помнить все, правда? И он, наверное, был очень занят, думая о записке, которую собирался мне написать. Как все потактичнее изложить... Он подождал, пока я не оправлюсь. Она была очень хорошо написана.

Очень деликатно... Что такая ситуация заставляет человека взглянуть на вещи трезво. Что он зря мечтал о счастливом конце. Потому что Лена, его жена, никогда его не отпустит. И Ира, это его дочь, — для нее ближайшие годы особенно важны, скоро она пойдет в школу, нельзя допустить никаких потрясений. Да и он сам мне никак не пара, он просто меня недостойн. Конечно же, я найду себе другого, гораздо лучше. Заботливо, не правда ли?

Это было вчера. Я написала ему. Я умоляла прийти ко мне сегодня, по крайней мере позвонить. Я сказала, что буду ждать. А утром я подумала, что они могли уехать на субботу-воскресенье, и позвонила ему домой. Ответила его жена Лена.

Я ничего не сказала, только вцепилась в трубку изо всех сил. И я слышала, как она обратилась к нему: «Вадик, кто-то звонит, но молчит»; и он ответил, очень издалека: «Какая-то шутка. Повесь трубку». И вот я сижу здесь с тех пор, жду, что он придет или позвонит.

Забавно, я всегда боялась высоты, а сегодня нет. Никогда не могла выглядывать из окна, а сейчас меня к нему тянет. Все внизу кажется таким маленьким, таким незначительным... Как он, как я... Я сказала себе: жду до семи часов. Потом прибавила еще час, еще... Наконец я дала ему полчаса и почти уже решила и была рада, и тогда, в самую последнюю минуту, зазвонил телефон. Это были вы.

— Простите, — выдавил он.

— Не жалейте. Поговорите со мной. Или послушайте. Мне все равно, о чем мы будем говорить. Ведь все такое маленькое и так далеко внизу, а я оставила окно открытым, и теперь мне кажется, что я немного боюсь, но мне это безразлично, потому что я не могу так жить, не могу! Неужели не понимаете? Ведь должен же быть на свете кто-нибудь, кроме меня!.. Хотите я расскажу о нашей последней встрече? Я ему приготовила поесть — жареную печенку, он очень любит печенку, — а он принес шампанского, а потом мы включили проигрыватель и...

Повинуясь внезапному порыву, Марк Григорьевич резко бросил трубку.

Сгушалась тьма. Воздух был теплым и спокойным. Через распахнутое окно вливал густой аромат жасмина.

Он любил сад. Сад возвращал силы и мир в душе. Но сейчас даже сад не мог его успокоить. Мозг жил чужой агонией. Он попытался посмеяться над собой: истеричная девчонка, через день у нее все пройдет. Его это не касается. Ему безразличны все, кому он звонит. Они не люди — голоса. Она одинока... а кто нет? Все равно он ничего не может сделать.

На небе показались первые звезды. Земля вкатывалась в ночь.

Он вернулся в дом. Некоторое время стоял у телефона, слепо глядя на черное чудовище. Затем набрал ее номер.

Телефон звонил, звонил, звонил...

Леонид Каганов

ДЕНЬ СВЕРЧКА

1. УЛИЦА

Первым в калитку инспекторского двора пошел Акимка. Так и сказал, мол, давайте, ребята, я первым пойду, чего там. Оно и понятно — у Акимки батя известный в мегаполисе ведун. Ясно, что батя Акимку сызмальства брал на местность и вышколил на пять баллов, да и Инспектор такого заваливать не станет. Акимка ушел, а мы, помолясь, стали тянуть щепу, кому идти вторым. Выпало Ингриду. Стали тянуть снова — короткая щепа выпала мне.

Я вздохнул и отошел в сторонку. Думал постоять в одиночестве, подготовиться. Да только как тут еще подготовишься, три месяца готовились. Так просто стоял, смотрел на выбеленные хатки, огороды, на стадо саранчи, лениво щипавшее травку в канаве вдоль улицы. Все как на подбор откормленные, брюхастые, с икрой — небось инспекторские, не иначе. Одна ленивая зверюга подошла ко мне и начала внаглую обнюхивать сапоги всеми своими усиками, уже примериваясь клянуть. Я оглянулся на инспекторский дом — никто не видит? — и втихаря пнул ее сапогом в зеленые пластины бронированной хари. Обиженно заскрежетав на всю улицу, тварь вприпрыжку поскакала к стаду. Стадо тоже взволновалось, захлопало подрезанными крыльями.

В этот момент дверь инспекторского дома распахнулась, и я уж думал, мне конец. Выйдет сейчас Инспектор, заорет, мол, какой тут паскудец мою саранчу гоняет? Но это всего лишь вышел Акимка. Он сдавал знаки совсем недолго. Вышел радостный, помахал нам рукой через плетень и отправился на задний двор — сдавать площадку, скрытую от посторонних глаз кактусовой грядой. Какая уж там площадка у Инспекторов — этого никто не знал, даже Акимка.

Неразговорчивый Ингрид поднялся с корточек и отправился в дом. Я тоже подобрался и подошел поближе к калитке. Наставник наш божился, что та площадка, на которой мы занимались, в точности такая же, как у Инспектора. Но кто там знает, чего Инспектор придумает перед экзаменом?

Я оглянулся на наших: кто зубрил знаки, кто вполголоса распевал древнее заклинание майя, кто отрабатывал прыжки для площадки — будто не этим занимались три месяца во дворе Наставника.

— Мох — к югу... — бубнил Нефёдор, закатив глаза. — Стрекоза низко — к дождю... Просыпать соль — к ссоре... Кактус зацвел на Первомай — репа кислой уродится...

— Эй! — окликнули Нефёдора. — Стрекоза низко к дождю — только днем или в полнолуние!

— Ох, мать! — Нефёдор стукнул себя по лбу. — Конечно, днем или в полнолуние. В ущербную луну низкая стрекоза — битым быть!

Я это знал. Тем временем дверь распахнулась, и вышел Ингрид.

— Ну?!! — закричали мы хором.

Ингрид всегда казался угрюмым, так что было не понять сразу. Ничего нам не ответив, он спустился с крыльца и пошел к калитке, а не в глубь двора, где площадка.

— Не сдал... — буркнул Ингрид, выйдя к нам на улицу. — Поклонился высоко, он меня выгнал...

— За поклон?! — изумился я. — Во режет...

— Не за поклон, — поморщился Ингрид и досадливо махнул рукой. — Выгнал в сени по второму разу зайти, а я в зеркало забыл посмотреть...

— Ах вон за что... — У меня отлегло от сердца. — В зеркала-то, конечно, смотреть надо...

— Хорош болтать! — зашипели на меня со всех сторон. — Иди уже, иди, не зли Инспектора!

И я пошел к калитке. Взялся за ручку, на миг закрыл глаза и прошептал молитву: «Господи наш, Спаситель, единый в трех, Эллибраун, Переводсанглийского и Татьянасмирнова, ниспошли мне удачу!» А затем решительно распахнул плетеную калитку, взбежал на инспекторское крыльцо и устоялся на дверную табличку.

«Инспектор — три звонка, Инспекторша — два звонка, дети и секретарши — один звонок».

Я аккуратно потянул за веревку колокольчика — так, чтоб, не дай Господь, не прозвонил более одного раза.

Тут же дверь распахнулась, и я увидел в сенях дородную тетку в кокошнике.

— Вы пришли в дом Инспектора, нам очень дорог ваш визит, — лениво прошамкала тетка слова этикета. — Как вас представить?

— Представьте, что пришел Мигель-пастух, сын Марии, для сдачи экзамена по вождению, — заученно отчеканил я.

— Что-то больно молод, а туда же, в ведуны, — проворчала злобредная тетка, осматривая меня. — Двадцать один-то есть?

— Весною стукнуло... — Я потупился. — Мне семью кормить надо, мать у меня и два брата мелких...

— Ну, входи уж тогда, не топчись в дверях... — Тетка посторонилась и крикнула в комнаты: — Мигель-пастух, сын Марии! — и тут же наябедничала: — В двери мешкался, открытую держал долго, злых сквозняков радиоактивных напустил, поди, в хату...

«Вот ведь подлюга!» — опешил я, но ничего не сказал, только сжал челюсти.

2. ЗНАКИ

Кабинет Инспектора впечатлял. Первое, что бросалось в глаза, — мохнатая паучья шкура, распятая на стене. Это был просто огромный паук-шатун, я таких здоровенных никогда не видел — ни на нашем хуторе, ни даже в Музее мегаполиса.

Паука в неволе держать нельзя, вырвется — перережет ленту мегаполиса. А убить паука и вовсе никак невозможно — это к страшной беде. Ну а перед своей смертью паук зарывается глубоко в землю, так что выследить паука в дикой зоне — дело гиблое.

Ярко пылали свечи в бронзовых картриджах и недобро сверкали угольки в ксероксе, сложенном из силикатного кирпича. Беленые стены были изрисованы знаками. Над ксероксом висели крест-накрест два булатных галстука в ножнах, а выше располагался большой портрет Мэра мегаполиса — тончайшей работы угольком по побелке. Квадрат с портретом сильно выдавался вперед — значит дом был очень старый, раз столько Мэров забеливали и перерисовывали заново.

Сам Инспектор оказался толстым, лысым и неприветливым. Был одет он в серый халат и ворочал кочергой в ксероксе.

— За ваше здоровье! — поприветствовал я его и постарался склониться как можно ниже.

— Готов к экзамену-то? — ворчливо спросил Инспектор, не поворачиваясь.

— Готовился, Ваше благородие...

Инспектор отложил кочергу, отряхнул ладони и цепко глянул на меня.

— Что такое управлять удачей? — спросил он с ходу.

— Ну, это если... — начал я.

— Без «если»! — строго оборвал Инспектор. — Точное определение.

— Виноват, Ваше благородие. Управление удачей есть доставшаяся нам от Предков совокупность теоретических правил и практических навыков, которая позволяет предсказать грядущее, истолковать прошедшее и выбрать наиболее удачный путь.

— Наиболее удачный путь — в настоящем... — поправил Инспектор, задумчиво глядя сквозь меня. — Кто называется ведуном?

— Ведуном называется человек, сдавший экзамен, получивший Талисман удачи и право выходить за окружающую мегаполиса на местность в дикие места.

— В самостоятельном порядке или для вождения, — ворчливо поправил Инспектор. — Сколько спутников позволяет водить с собой категория «В»?

— До трех, Ваше благородие...

— До трех спутников старше восемнадцати лет... — поправил Инспектор. — Неуверенно, неуверенно отвечаем. Ладно, о'кей... — Он кивнул на стену. — Покажи знак Силы.

— Вот.

— Знак Ума, Чести и Совести?

— Вот.

— Знак Радиации?

— Э-э-э... Сейчас найду... А, вот они, все тридцать три: зараженная местность, зараженное место, зараженные ветры, зараженные вещи, зараженная дичь, зараженный галстук, зараженные люди, зараженные хаты...

— Достаточно, — проворчал Инспектор. — Черная мошка, перебежавшая дорогу?

— Пути не будет... — насторожился я такому простому вопросу.

— Что?! — гневно вскричал инспектор. — Любую дорогу? В любую погоду? А в полнолуние?!

— Как бы... вроде бы... да, тоже... — растерялся я.

— «Если», «Вроде», «Как бы»... — возмущенно передразнил инспектор. — Что за неуверенный лепет?

— Виноват, Ваше благородие, пути не будет в любую погоду при любой луне на любой дороге в совокупности и без исключений!

— И еще в двери топтался, сквозняка напустил... — напомнил Инспектор.

— Секретарша меня не впускала! — обиделся я. — Все расспрашивала, сколько лет и все такое...

— О'кей, — махнул рукой Инспектор. — Посмотрим, как площадку сдать.

— И все? — вырвалось у меня. — И больше ничего по знакам спрашивать не будете?

— Иди! — повелительно махнул рукой Инспектор.

— За ваше здоровье! — с восторгом поклонился я на прощание.

На сердце стало легко и радостно. И я уже развернулся, чтобы уйти, но тут меня прошибло потом. Я искоса глянул на Инспектора — тот внимательно на меня смотрел.

— Где у вас зеркало, Ваше благородие? — спросил я.

— Вот именно... — проворчал Инспектор. — Слева у косяка посмотришься.

3. ПЛОЩАДКА

Продраться сквозь кактусовую грядку оказалось нелегко, а вот площадка оказалась почти такой же, как во дворе Наставника. В центре площадки стоял задумчивый Инспектор. Не тот, что принимал знаки, другой, моложе — видать, его сын.

— За ваше здоровье! — поклонился я низко-низко. — Мигель-пастух, сын Марии, пришел сдавать экзамен.

— Это которой Марии? — обернулся молодой Инспектор. — Которая из восемнадцатого квартала, парализованная?

— Никак нет, Ваше благородие гражданин Инспектор! — помотал я головой. — Мы из сто сорок третьего квартала мегалополиса.

— А... — поморщился Инспектор и сразу потерял ко мне интерес. — Ну, давай, что ли, эта... Вспышка слева!

Я бросился на сухую землю площадки, поджал коленки и закрыл руками голову.

— Достаточно, — произнес Инспектор. — Почему не посмотрел, куда падаешь?

— Посмотрел, Ваше благородие! — возразил я, поднимаясь и отряхиваясь.

— Что-то не я видел, — пробурчал Инспектор.

— Зато я видел, — возразил я, потому что чувствовал, что с молодым Инспектором можно быть и наглее.

— Помеха справа! — крикнул Инспектор.

Я отпрыгнул влево и замер в стойке.

— Ну, более-менее... — пробурчал Инспектор. — О'кей. Плевок через левое плечо?

— Тьфу-тьфу-тьфу!

— Еще раз!

— Тьфу-тьфу-тьфу!

— Еще раз! Мало слюны! Точнее бить! Не брызгаться!

— Тьфу-тьфу-тьфу!!!

Инспектор подошел к мишени и начал считать попадания. Я тем временем вынул деревяшку и постучал по ней — громко, чтоб Инспектор слышал.

— Восьмерка... Девятка... Семерка... — считал инспектор. — Что стоишь без дела? Спой пока древнее заклинание маяя!

— Майя-хы, майя-хуу, майя-хоо, майя-ха, ха! Майя-хы, майя-хуу, майя-хоо, майя-ха, ха!

— Достаточно. — Инспектор развернулся. — Ну, вроде ничего так... Выбирай галстук.

Облегченно вздохнув, я подошел к стойке и начал выбирать. Мне сразу понравился галстук, что висел с краю, — не длинный, зато легкий, удобно ложившийся в ладонь. Но брать его сразу было никак нельзя, следовало пересчитать все остальные — я четко помнил слова Наставника: Предки выбрали галстуки долго, а завязывали быстро.

— Что копаешься? — проворчал за моей спиной Инспектор.

— Выбираю с умом, Ваше благородие. Вот этот! — Я снял галстук и быстро повязал его на пояс.

— Встань в стойку! — приказал Инспектор. — Галстук наголо! Слева — руби! С плеча — руби! Выпад! Коли! Налеву! Кр-р-ругом! С плеча — руби! Подсечка! Справа с разворотом — режь! Еще! Еще! Отставить! Стоп! Галстук поднять! Замереть!

Я замер, с трудом переводя дыхание. Хорошо, что выбрал легкий галстук.

— Держать, держать! — прикрикнул Инспектор и обошел меня кругом, глядя, к чему бы придаться. — Ноги в коленках плохо согнуты, — объявил он наконец.

Как могут быть ноги согнуты плохо — я представлял смутно, но решил промолчать.

— Стоп. Прячь в ножны, — скомандовал Инспектор.

Я быстро запихнул галстук в ножны и замер.

— Гигантская жужелица справа! — заорал Инспектор.

Я отпрыгнул влево и рубанул галстуком.

— Паук-крестоносец за спиной! — заорал Инспектор. — Руби его!

Опустив меч, я подпрыгнул, поглядел, где Солнце, и бросился наутек.

— Куда понесся? — заорал Инспектор. — Там вешки!

Но я уже залег за кактусом, прикрывшись ветками, что валялись рядом. Инспектор внимательно осмотрел, как я спрятался, но ничего не сказал — в тень от кактуса я вписался ровно.

— Развязать боевой галстук, повязать учебный, — командовал он и тоже взял бамбуковую палку.

Гонял он меня недолго, зато по всей площадке. Я отбивался изо всех сил, но и на вешки поглядывать не забывал. Молодой Инспектор галстуком владел отлично, спору нет, я три раза получил по голове и один раз по коленкам. Но в опасные места ему меня загнать не удалось, и ни за одну вешку я не заступил.

— Стоп, — сказал Инспектор с сомнением и воткнул учебный галстук в землю. — Ладно, считай, сдал площадку, иди к крыльцу, жди бату, назначит день, когда сдавать местность.

— За ваше здоровье! — с восторгом поклонился я.

4. МЕСТНОСТЬ

В назначенный день я пришел к нужным воротам окружной. Толстый лысый Инспектор чуть опоздал.

— Готов? — хмуро спросил он.

Я кивнул, и мы вошли в карантинную зону. За окружной я бывал, наверно, раз двадцать — и с экскурсиями, и как спутник, и как помощник на заготовке дров. Но каждый раз было страшновато, а уж теперь — и подавно. Галстук, который мне выдали на проходной, оказался тяжелым и туповатым, с металлической рукоятью, которая неприятно холодила руку. Через эти ворота я никогда не ходил, за ними оказалась долгая равнина, а поодаль темнел лес.

Дверь карантинного бокса закрылась за нами, а Инспектор все шагал и шагал вперед, не обращая на меня внимания.

Лишь когда отошли на приличное расстояние, Инспектор обернулся и произнес со значением:

— Экзамен хочешь сдать... Просто так никто не сдает...

Я промолчал, Инспектор продолжил:

— Но есть способ...

Я снова промолчал.

— Мигель-пастух, ты понимаешь, о чем я говорю?

— Нет, — ответил я, хотя, конечно, понимал.

— Мигель-пастух, — произнес Инспектор, — я мог бы тебе помочь. А у тебя в стаде нету лишней пары саранчи?

— Мы бедно живем, господин Инспектор, — ответил я. — У меня нет своей саранчи. Я гоняю чужую саранчу утром на выпас, а вечером обратно хозяевам.

— Ну, как знаешь... — пробормотал Инспектор. — Вон видишь Святофор? Что положено делать?

— Остановиться с зеленой стороны Святофора, Ваше благородие, чтобы помолиться.

— Веди к нему. Ты ведущий, я ведомый.

Я подобрался, положил ладонь на рукоять галстука, как требовала инструкция, и пошел вперед, вглядываясь, которая сторона зеленая. Остановился я у Святофора как положено — за пять шагов. Встал на колени и прочел молитву:

— Господи наш, Спаситель, единый в трех, Эллибраун, Переводсанглийского и Татьянасмирнова, ниспошли нам удачу!

— Господи наш, Спаситель, единый в трех, Эллибраун, Переводсанглийского и Татьянасмирнова, ниспошли нам удачу! — пробормотал Инспектор за моей спиной и вдруг продолжил буднично: — А, скажем, три мешка пшеницы?

— Мы бедно живем, господин Инспектор, — повторил я, поскольку это было сушей правдой.

— Тогда шагом марш к лесу, — лениво вздохнул Инспектор.

Я встал и пошел к лесу, внимательно глядя под ноги, на Солнце и на вешки, расставленные по полю. Опасности пока не было. Вдали на поле запела дикая цикадка.

— Цикадка-цикадка, сколько мне годков осталось? — машинально спросил я и тут же получил увесистого тумака в спину, да такого, что чуть не упал.

— Минус три балла! — рывкнул Инспектор. — На местности с цикадами не гадаются!

Я досадливо умолк, потому что совсем забыл про это правило.

На опушке леса оказалось спокойно и натоптанно — видно, сюда часто ходили. Я-то боялся диких джунглей, путаных и плохо размеченных вешками, а если такая накатанная дорога...

— Поворачивай, поворачивай налево в заросли, — сказал сзади Инспектор.

Вздохнув, я свернул с найденной тропы в заросли. Куст ядошипа я заметил издали, остановился и предостерегающе поднял руку. Инспектор удовлетворенно хмыкнул. Следы гигантской жужелицы я тоже заметил — они были старые, прошлогодние. Вскоре под ногами захлюпало, я думал, просто лужи, но вдали замелькали болотные вешки.

— Остановись за третьей вешкой, — скомандовал Инспектор.

— Здесь по вешкам болото, а на болоте стоять нельзя — к утопленнику, — твердо отчеканил я и, увидев, что Инспектор уже открывает рот, быстро закончил: — Но, с другой стороны, я обязан выполнять все указания Инспектора, поэтому если Ваше благородие настаивает...

— Не проведешь тебя, Мигель-пастух, — хмыкнул Инспектор. — Но все равно никто с первого раза не сдает. Давай-ка покажи, как ты пересекаешь болото...

5. БОЛОТО

Я начал прыгать сквозь заросли тростника по кочкам. Инспектор за мной. Вначале шло хорошо, мы уже почти пересекли болото, но в какой-то момент мне показалось, что на следующей кочке что-то блеснуло. И я не прыгнул, а поднял руку. Инспектор этого не ожидал, думал, я освобожу кочку, поэтому прыгнул и с размаху налетел на меня — так что я чуть не скатился в лужу.

— Остановка на болоте? — разъярился он. — Не следишь за спутником? Грубейшая ошибка, Мигель-пастух, незачет!

— Мне показалось, там блеснуло... — пробормотал я.

— Где?! — презрительно скривился Инспектор, близоруко щурясь.

— Вон на той кочке... Как бы не...

— На этой? — Инспектор прыгнул на следующую кочку, но не долетел — завис в воздухе, словно прилип.

— Ваше благородие! — прошептал я. — Ваше благородие! Это ж паутина!!!

— Идиот! Кретин! Придурок! Из-за тебя все! — зашипел Инспектор, пытаясь отлепиться, но это ему не удавалось.

Я замешкался, потому что не помнил, что надо делать, если паутина на болоте. На сухом месте — ясно, а вот на болоте? В конце концов я решил, что здесь неглубоко, и аккуратно шагнул с кочки. И тут же погрузился по щиколотку в студеною воду. С чавканьем вырывая ноги, я остановился за три шага до Инспектора, зачерпнул со дна грязи и поплескался вокруг, обозначая паутину. Немного попало и на спину Инспектора, но что уж тут поделать.

— Не вздумай рубить галстук! — прошипел Инспектор.

— Знаю, знаю, Ваше благородие, — успокоил я его. — Паутину не рубят, паутину отмазывают.

Паутина была толстая и явно не учебная — без белой разметки по краям. Но, слава Спасителю, желтоватая, а значит, старая. А значит, шатуна поблизости нет. Ладно бы в чаще, но откуда паутина так близко к окружной? Инспектор влип прочно — сразу в восьми местах. Я вынул платок и начал грязью отмазывать Инспектора от нитей. Инспектор больше матерился, чем давал указания. Наконец мне удалось отмазать его полностью, и он плюхнулся в грязь рядом со мной. Я помнил, что правила велят немедленно убираться обратным маршрутом, повернулся, махнул рукой и поскакал по кочкам. Инспектор поскакал за мной, но когда вокруг замелькали заросли, вдруг догнал меня и схватил за плечо.

— Послушай, Мигель-пастух, — прошамкал он. — Ты все сделал правильно, я тебе зачту местность, но не рассказывай никому, что я упал в паутину... Стар я уже, глаза мои видят худо...

— Так точно, Ваше благородие, никому не скажу! Но надо быстрее уходить...

Я рванулся вперед, но Инспектор снова схватил меня за плечо и развернул.

— И еще... — начал он.

Я сначала не понял, что произошло. Словно вдали по тропнику дробно прошелестел ветер. Но в следующий миг между стволами мелькнуло острое хитиновое колено, и я заорал:

— Паук-крестonosец за спиной!!!

Инспектор все-таки был тертый и опытный, он даже не стал оборачиваться. Бросился в сторону, а я за ним, хотя, будь моя воля, я бы кинулся обратно к тропе, к окружной, к мегаполису. А что еще делать, если нет кактусов и нету тени, где можно спрятаться? Только потом я уже вспомнил, почему к окружной бежать нельзя: на равнине шатун догонит мигом.

Мы бежали долго, сердце бешено колотилось в груди, воздуха не хватало, по лицу стегали ветви. Несколько раз Инспектор замирал на месте, подняв руку, а затем бросался в сторону. То ли была опасность впереди, то ли путал следы. Наверняка же он прекрасно знал эти места.

Наконец Инспектор остановился, поднял руку, оглядываясь, а затем плюхнулся на землю. Я плюхнулся рядом. Тень здесь была неважная — не плотная, от листы.

— Вроде бы ушли... — прошептал Инспектор. — Уже лет тридцать здесь шатунов не водилось. Была учебная паутина в конце болота, хитрая такая, со стертой разметкой, на ней все сыплется. Я тебя к ней и вел. И вот тебе на, беда какая... Откуда такая беда? — Он вдруг сурово глянул на меня. — А ты в зеркало глянул перед выходом?

— Глянул, Ваше благородие.

— Мошка дорогу не перебегала?

— Никак нет.

— Пальцы крестиком складывал у Святофора?

— Сами ж видели, Ваше благородие...

— Исповедовался в Церкви когда последний раз?

— Вчера исповедовался...

— Странно... — пробормотал Инспектор. — Откуда же тогда неудача?

Я молчал. И даже не потому, что нечего было сказать, а потому, что прислушивался. Вдалеке явно раздавался шелест

и дробный топот с поскрипыванием, будто в грунт аккуратно втыкали острые палки.

— Идет... — прошептал я.

— Тихо! — шикнул Инспектор. — Слышу! Не вздумай пошевелиться!

И мы замерли.

6. ШАТУН

Топот то замедлялся, то ускорялся, то вовсе замирал, и непонятно было, приближается шатун или нет. Наконец шелест послышался совсем близко, затем еще ближе, и наконец я увидел гигантскую ногу — она воткнулась почти рядом с нами. Очень плохая примета смотреть на паука — это взгляд его притягивать, но я искоса глянул. Паук стоял близко-близко, почти вплотную к лежащему Инспектору. Бесшумно шевелились пучки вонючих жвал на морде, и белой пеной висели слюни почти до земли. Крохотные глазки-фасетки, разбросанные по телу, крутились в своих орбитах, сияясь разглядеть, есть ли кто в тени. Мне казалось, прошла целая вечность. Затем паук сделал шаг и вонзил передние ноги рядом с телом Инспектора...

Опустил морду... Понюхал... Чуть подался назад... Бесшумно раздвинул ротовые жвалы, распахивая гигантскую глотку, и выпустил иглу... Еще чуть подогнул ноги во всех коленках, напрягся...

Я понял, что он сейчас ударит. Ударит Инспектора. И сделать ничего нельзя. Ударит, потащит тело пеленать, а мне надо будет уползти по инструкции. Я сжал рукоять галстука изо всех сил.

Даже не знаю, как это случилось, но как только голова паука дернулась вперед, я выхватил галстук, привстал и со свистом рассек воздух.

Громадная мохнатая голова глухо упала на землю, из рубца на тонкой шее полилась слизь, тело закачалось на всех своих ногах и повалилось бы на Инспектора, только он уже вскочил и проворно отполз.

Паучьи ноги подгибались и натужно скребли землю, а лежащая голова распахивала ротовые пластины и запахивала

снова — с каждым разом все медленней. Я глянул на Инспектора — рукой он держался за сердце, а в его глазах был ужас.

— Ты... — прошипел он, — ты понимаешь, ЧТО ты сделал, идиотина? Ты понимаешь, на кого ты поднял руку? Ты понимаешь, кого убил?

Я понимал. Но вот почему я это сделал — не понимал.

— Я убил дикого клопа... — тупо пробормотал я, вытирая галстук о землю. — Клоп охотился. Напал на нас. Клопа убивать можно.

— Клопа?! — заорал Инспектор. — Клопа?!!

— А разве это не клоп? — Я постарался изобразить недоумение.

Инспектор подскочил и схватил меня за рубашу на груди так, что ткань затрещала.

— Ты кого обманываешь, придурок?! — зашипел он. — Меня обманываешь? Себя? Ты Господа не обманешь! Поднять руку на шатуна-крестоносца — грех, за который Господь выгнал Адама и Еву из Рая!!!

— Он бы вас убил, Ваше благородие...

— Да пусть бы он трижды убил и меня, и тебя, и кого угодно!!! — заорал Инспектор. — А что теперь будет с мегаполисом, ты подумал?!! Сто сорок тысяч человек в мегаполисе!!!

— Может, ничего и не будет... — пробурчал я.

— Ты Святое писание читал?! — взревел Инспектор. — Паука случайно убить — к страшному несчастью!!!

— Так я не случайно, я нарочно... — буркнул я.

Инспектор в неопиcуемом гневе распахнул рот, замер, снова захлопнул, снова распахнул, затем горестно обхватил голову руками и сел на землю.

— Никто! — прорыдал он, раскачиваясь. — Никогда! Не убивал паука! Ни у нас, в Ерофей Палыче, ни в Чите, ни даже за Стеклянными равнинами — в Кемерово и Новосибирске! Может, Предки убили паука, от того и вымерли... Господи, я сам уже кошунствую... Господи, что с нами будет... Что с нами будет...

В это время туша издала свистящий звук, суставчатые ножищи перестали скрести землю, рывком подтянулись к брю-

ху и замерли. Голова тоже замерла, ротовые пластины и жвалы вытянулись в трубу и не шевелились, только игла еще дернулась — раз, другой, третий — и окаменела.

— Ваше благородие, — прошептал я. — Может, мы его быстренько закопаем? И Господь сверху ничего не увидит?

7. МОГИЛЬНИК

Быстро закопать не получилось. Мы рыли яму много часов, почти до заката. Копать приходилось галстуками. Ссыпали комья глины на плащ и относили в кучу. Я все еще не мог как следует осознать случившееся, а Инспектор был и вовсе плох. Поначалу он мрачно молчал, а затем начал вещать.

— Может, ты думаешь, Мигель-пастух, — проскрипел он, — что Предки наши были неучами?!

— Никак нет, Ваше благородие... — отвечал я. — Известно, что Предки знали все и умели управлять удачей, а нам от них достались лишь обрывки знаний...

— Обрывки?! — скрипел Инспектор. — Сопляк! Как ты смеешь называть обрывками святые документы! А ну перечисли Наследие!

— На сегодняшний день из Наследия Предков найдено... — затараторил я заученно, — Три типовых договора, Штраф-квитанция, Больничный лист Ковальчука Эс, Билет в Дозор-Кино, Правила пользования Лифтом, Инструкция к Прокладкам, Свод Бытия и Книга Святого писания «Тысяча и один совет, как достичь успеха в офисе, бизнесе, найти работу и мужа», написанная Господом нашим Спасителем, единым в трех лицах, распятым на кресте и принявшим смерть за грехи Предков...

— Что?! Свод Бытия?! — разъярился Инспектор и замал галстуком так, что я уже подумал, что он меня сейчас зарубит. — Да ты дебил! Чему тебя учили в школе, Мигель-пастух?! Свод Бытия написан не Предками, а Двенадцатью учениками уже в начале Новой эры! Как ты дожил до двадцати одного года, если...

— Мне восемнадцать... — тихо прошептал я.

— Ах вон оно что... — протянул Инспектор. — Малолетка! Лгун! Полез на ведуна сдавать обманом! А я-то, старый болван...

— Мне семью кормить надо... — Я шмыгнул носом. — Мать у меня, и малые братья...

Инспектор ничего не ответил, только с отвращением покрутил головой и вонзил галстук в землю. Я продолжал копать.

— Ты хоть понимаешь, зачем нужны законы, приметы и правила? — безнадежно спросил Инспектор.

— Чтобы предсказать грядущее, — забубнил я, — истолковать прошедшее и выбрать наиболее удачный путь.

— В настоящем! — с отвращением поправил Инспектор.

— Предки знали все и умели управлять удачей, — продолжал я чеканить заученные формулировки. — Нам достались лишь обрывки знаний, смысла которых мы понять не можем, но соблюдать обязаны. В мегаполисе мы должны соблюдать Этикет, за окружной — правила вождения и безопасности... Я вот только не пойму, Ваше благородие, если Предки управляли удачей как хотели, куда же они исчезли?

— Это все, что ты не можешь понять? — с омерзением покачал головой Инспектор.

Я замолчал, и долгое время мы копали молча. Наконец я не выдержал.

— Товарищ Инспектор, а правду говорят, будто Предки носили галстук на шее?

— Носили... — хмуро пробасил Инспектор. — Говорят.

— А как же они носили? Он тяжелый и соскальзывает...

— Откуда я знаю?! — рявкнул Инспектор. — Если когда-нибудь люди найдут хоть одно изображение Предков — тогда и увидим, как они носили галстук.

— А я вот много про это думал... — продолжил я. — И подумалось мне: может, мы просто слова ихние неправильно используем и не так вещи называем? Может, шей они называли вовсе не голову, а поясницу?

Инспектор прекратил копать, смерил меня уничтожающим взглядом и ничего не ответил. Только сжал ладонью нательный крестик, запрокинул голову и еле слышно прошептал: «Господи, Спаситель, единый в трех, Эллибраун, Переводсанглийского и Татьянасмирнова, прости эту тварь неразумную, ибо не ведает, что брешет...»

Я заткнулся и больше не проронил ни слова. Инспектор тоже молчал. Уже почти стемнело, с Запада потянулись радиоактивные ветра — во рту появилась кислинка и начало пощипывать лицо. Я принялся копать более ожесточенно, и вдруг мой галстук звякнул, выдав искру. Я присел на корточки и разгреб руками глину. Там, несомненно, что-то было. Инспектор отпихнул меня и сам принялся разгребать сырые комья.

8. ДОКЛАД

Это была небольшая чугунная коробка-сундучок. Похоже, когда-то она была обернута ветошью, но теперь ветошь безнадежно истлела. Истлел и маленький висячий замок — рассыпался прямо в руках Инспектора. Уже почти стемнело, поэтому мы зажгли огниво и распахнули коробку.

Внутри лежала куча металлических кружков — я видел такие в Музее мегаполиса. На одной стороне была отчеканена цифра сто, на другой стороне — саранча-мутант с двумя головами. Известно, что Предки питались этими металлическими кружочками, только непонятно как.

Мы аккуратно высыпали кружочки на плащ и пересчитали. Под кружками в сундуке оказались хлопья пластинчатой пыли. Мы попытались найти среди них хоть что-то осмысленное, но пыль распадалась в руках. Инспектор сказал, что это похоже на истлевшую бумагу.

Больше в коробке ничего не было. Мы перевернули ее — и вдруг оттуда выпала крупная дощечка, лежавшая на дне. Дощечка была странная — очень тонкая и прозрачная, напоминавшая застывшую смолу, хоть и пожелтевшая. А внутри... Внутри смолы был лист бумаги с печатным текстом!

Склонившись над листом, мы медленно читали букву за буквой:

*Доклад Новосибирского института Агностики
при РАН РФ президентам Содружеств*

Проведенные нами социологические исследования среди широких слоев населения свидетельствуют, что сегодня более 17%

желаний остаются невыполненными, откладываясь на неопределенное время. Многие граждане находятся в состоянии ожидания заказанных желаний уже много лет и не верят в их успешное выполнение.

Это противоречит базовой концепции Футурологической Революции, согласно которой механизм безоговорочного исполнения желаний каждого гражданина, запущенный на всей территории планеты с 2067 года, безотказен.

С момента Футурологической Революции прошло одиннадцать лет, и результаты ее неутешительны: получив в свои руки инструмент исполнения любых желаний, основная часть населения утратила стимулы к труду и познанию, что привело к изощрению заказываемых желаний и резко увеличило процент отложенных заказов.

Изучив статистику отказов, мы построили математическую модель происходящего, которая позволила пересмотреть некоторые постулаты концепции Футурологической Революции.

Если раньше считалось, что все невыполнимые или противоречивые желания граждан откладываются до благоприятного времени в Футурологический Стек и оттуда со временем извлекаются, то теперь мы видим, что это не так: отложенные желания извлекаются из Стека все реже, а количество их в Стеке растет в прогрессии, которая принимает лавинообразный характер.

Мы не можем измерить объем Футурологического Стека, поскольку он иррационален по своей природе, однако имеем все основания предполагать, что объем его не бесконечен. Согласно нашей модели, в случае переполнения Стека произойдет неконтролируемый выброс в мир всех накопленных с 2067 года невыполнимых желаний, включая ядерно-террористические. Чудовищные последствия этого выброса приведут к парадоксальной ситуации: живые позавидуют мертвым, в результате чего произойдет коллективный подсознательный заказ тотальной смерти. Человечество рискует полностью исчезнуть как вид, а поверхность планеты, быть может, окажется безжизненной или населенной гигантскими насекомыми.

Необходимо немедленно принять меры по предотвращению катастрофы. Содружество Государств должно взять на себя

роль переполняющегося Стека — мы должны выработать законы и правила, ограничивающие заказ желаний и цензурирующие их содержание. Если эти меры не будут приняты в ближайшее время, то, согласно нашей модели, уже к концу года может произойти катастрофа.

Эта катастрофа, по сути, будет отложенной расплатой за одиннадцатилетнее использование управляемой удачи. Наша цель сегодня — бросить все силы, чтобы предотвратить это.

*академики Егоров С.Д., Кумич В.Л., Кожухов С.С.
доктора наук Шепорт Е.К., Тремакова П.Р., Ищенко С.А.*

— Святые... все шестеро... — благоговейно прошептал Инспектор и посмотрел на меня круглыми от счастья глазами.

Наверно, и у меня сейчас были такие же глаза.

— Но мы выжили! — прошептал я. — Выжили!

— Но какой ценой...

9. ДОМОЙ

Инспектор вдруг пришел в себя и помотал головой.

— А что это мы тут сидим? — забеспокоился он. — Стемнело! Ночь! Кругом дикая зона, полная зверья! У нас на руках бесценный документ Предков, который мы обязаны доставить потомкам! — Он вскочил, сверкая огнивом. — Галстук к бою! Сбор! Двухминутная готовность! Возвращаемся в мегаполис!

— Но... как же шатун?

— Плюнуть через левое плечо! — рывкнул инспектор и сам трижды плюнул: — Тьфу-тьфу-тьфу!

— Тьфу-тьфу-тьфу! — послушно плюнул и я.

— Шатун этот... — начал Инспектор оборачиваясь — и остоленел.

Я резко обернулся.

Над тушей шатуна в нескольких шагах за нашими спинами возвышались в сумраке леса еще две такие же туши. Погрузив хоботы в мертвое тело, они бесшумно сосали кровь. На их мордах виднелись наши плевки.

Не сговариваясь, мы кинули в железный сундук все, что там было, подхватили его — я слева, Инспектор справа — и понеслись сквозь чащу — прочь, к мегаполису.

Когда выскочили на равнину, я остановился перевести дыхание.

— Бежать! — рявкнул Инспектор. — Бежать, подлец! Бежать, сынок! На равнине нельзя скрыться от шатунов!

— Если нападет шатун, я его зарублю, — ответил я, сжимая галстук и твердо глядя в лицо Инспектору. — Это очень хорошая примета — может, найдем еще документы Предков...

Инспектор не нашелся, что возразить, мы передохнули и побрели к мегаполису.

10. МЕГАПОЛИС

На проходной никого не было. Мы толкнули дверь, прошли в дезинфекцию, взяли по мочалке и принялись смывать с себя радиоактивную пыль.

— И оказывается... — неожиданно для самого себя я продолжил вслух свою мысль, — что наши Предки были ленивы и глупы?

Немедленно из-за душевой перегородки появилось лицо Инспектора.

— Мигель, сын Марии! — назидательно произнес он, заглущая шум воды, но в его голосе уже не было прежней уверенности. — Наши Предки были умнее нас! Сообразительнее! Смелее! Внимательнее! Расторопнее! Осторожнее! И они знали все! — Голова инспектора исчезла.

— И чуть не погибли... — пробурчал я. — И не оставили нам, своим потомкам, ничего...

— А что ты? Ты что оставишь потомкам?! — рявкнул Инспектор, снова на секунду появившись из-за перегородки.

Я ничего не ответил. Почему-то больше всего сейчас мне хотелось спросить, сдал ли я местность или все-таки не сдал. Но я так и не спросил.

— Одевайся скорее, Мигель-пастух, сын Марии! — строго сказал Инспектор, бережно прижимая к груди дощечку. —

Я жду тебя в оружейной, мы идем к Мэру и на совет Старейшин!

Глянув в зеркало, он вышел из душевой.

Я тоже выключил воду, расчесал усики, надел халат, повязал галстук и посмотрел в зеркало. Да, это я, Мигель-пастух, сын Марии, потомок наших Предков. Две ноги, четыре руки, еще по-детски остренькие ротовые жвалы, голубые фасетки, короткие рудиментарные крылышки над плечами, не очень мощная головогрудь, а на ней — нательный серебряный крестик на цепочке: шест с двумя поперечными перекладинами.

— А что мы оставим потомкам? — пробормотал я и пошел в оружейную. — Что мы оставим?

Сергей Чекмаев

СПАСИБО, МЫ САМИ

Когда на твой вопрос отвечает философ, перестаешь понимать вопрос.

Андре Жид

Сначала их было двое в пустой комнате — Наблюдатель и Палач. Первый выглядел усталым и отрешенным, второй же, наоборот, казался собранным: последний раз его призывали очень и очень давно. Не то чтобы он соскучился по работе — не та у него была работа, чтобы любить и скучать, — просто он засиделся без дела. Но правила есть правила, их никто еще не отменял. Оба знали, какие вопросы обязан задать Палач и что должен отвечать призвавший его Наблюдатель. За многие тысячелетия все это превратилось в своеобразный ритуал.

— ...поэтому мы считаем, что раса слишком быстро вошла в космическую стадию и в перспективе представляет опасность для мироздания. Я закончил, Палач. Дело за вами.

— Вы уверены? Другого выхода нет?

— Нет. Все просчитано.

— И все же... Может, стоит просто затормозить развитие? На время. А, скажем, через треть короткого полураспада...

— Через треть полураспада на этой орбите вас встречу не я, а тройное кольцо разрушителей материи.

— Простите, Наблюдатель. Просто я очень не люблю ошибаться.

— Я тоже. Не волнуйтесь, в случае ошибки отвечать буду я, а не вы. Кроме того...

— Нет-нет, вам я верю...

— ...я уже пять раз принимал Решение, и со всеми пятью Совет согласился!

— Никто не ставит под сомнение вашу квалификацию. Но по правилам планете должно быть предоставлено право защищаться. Как, кстати, называют ее аборигены?

— У них нет единого языка. Но смысл везде одинаков — Земля.

— Земля. — Палач словно попробовал слово на вкус. — Звучит странно. Что это значит по-местному?

— Как обычно — верхний плодородный слой почвы. Здесь почти все, как обычно, кроме скорости развития. Она не просто настораживает, она пугает меня. Послушайте, Палач, может, обойдемся без фарса в этот раз? Что нового может поведать нам обитатель приговоренной планеты? Тем более — случайно выбранный?

— Но...

— Моя группа работала здесь четверть долгого полураспада! Мы несколько раз проверяли всю цепочку расчетов! А вы считаете, что какое-то там примитивное существо способно опровергнуть наши выводы?

— Не горячитесь, Наблюдатель. — В голосе Палача впервые за время разговора громыхнул металл. Стало ясно, кто в этой комнате главный. — Таковы правила, вы знаете не хуже меня.

Тогда в комнате и появился третий. Он был без сознания — трансфер слишком сильно воздействовал на него, примитивная нервная система не выдержала нагрузки.

Впрочем, его состояние мало кого интересовало.

Наблюдатель поднялся, прошелся по комнате широким шагом. Бесформенная накидка скрадывала очертания тела, но все же с первого взгляда на него было понятно: не человек. Хотя и похож.

— Хорошо, что не придется ему слишком много объяснять... — заметил он и, отвечая на невысказанный вопрос,

продолжал: — У них очень сильно развито искусство вымысла. Я изучал образцы... Вы не поверите, Палач, сколько раз в их культуре описаны контакты с иным разумом! Да-да, вы не ослышались! Причем концепция угрозы извне повторяется с пугающим постоянством. Встречается, конечно, и надежда на инопланетную помощь, на мирные отношения, даже на союз и ассимиляцию рас, но все-таки конфликт, война, уничтожение преобладают.

— Вы хотите сказать...

— Да, и это тоже есть в моем отчете. Они слишком агрессивны. Ксенофобия — одна из основ их психологии. Представьте, что произойдет, когда подобная раса вырвется за пределы собственной системы. Боюсь, нам нечего будет им противопоставить.

Человек действительно быстро понял, КТО его собеседники и зачем здесь он сам. Он вслушивался в равнодушный голос Наблюдателя и с каждой фразой все больше мрачнел. Палач с интересом следил за ним — самообладание человека ему нравилось. Когда Наблюдатель закончил, землянин глухо спросил:

— Спрашивать, кто дал вам право решать нашу судьбу, я думаю, смысла нет?

— Нет. Мы могли бы, конечно, назваться любыми высшими существами из ваших многочисленных религий, но права обязывают нас быть до конца откровенными.

— Ладно, с этим ясно — у нас это называется: кто сильнее, тот и прав.

Наблюдателя заметно передернуло, но он смолчал.

— А теперь вы хотите, чтобы я вас переубедил? Или это просто для отчетности, а на самом деле вы давно все решили?

Палач ответил подчеркнуто спокойно:

— Человек, ни одному из нас не доставляет удовольствия уничтожить целый мир. И уж тем более никто не хочет однажды сделать это по ошибке. Слишком высокая цена. Поэтому выводы группы Наблюдателя проверены и перепроверены, но даже теперь остается ничтожный шанс, что существует какая-то мелочь, неизвестный нам фактор, который способен изменить всю ситуацию. Так бывало раньше, может быть, так случится и сейчас. Потому и существует правило —

предоставить наугад выбранному представителю расы возможность защищаться.

Человек усмехнулся.

— Так вы меня выбрали наугад? Ну-ну... Интересно, как бы на вас бушмен какой-нибудь отреагировал? Или крестьянин тибетский?

— Судя по презрительной интонации, ты имеешь в виду представителя какого-нибудь малоразвитого племени, которых так много на вашей планете. Могу тебя успокоить: таких отсеивает пеленгатор интеллекта. А трансфер, который доставил тебя сюда, ориентирован на совокупность излучений, характерных для управляемых атомных реакций.

— Понятно. Черт меня дернул напроситься в эту инспекторскую поездку в Дубну с завлабом... А! — Заметив, что собеседники смотрят на него с недоумением, человек махнул рукой. — Не обращайтесь внимания, мысли вслух. И как же я должен «защищаться»? Рассказать вам парочку душещипательных историй?

— Не совсем так. Просто постарайтесь вспомнить какие-то события, которые, как вам кажется, показывают лучшие качества человечества. Пусть даже и отдельных людей — не важно. Вспоминать лучше про себя, но если для более четкой картины вам необходимо говорить вслух — не стесняйтесь.

И человек стал вспоминать.

Он тогда оканчивал третий курс физтеха. И надо же было такому случиться: просто и естественно, как в кино, познакомился с девушкой. Она тоже куда-то торопилась, на бегу открылась сумочка, высыпались какие-то мелкие женские безделушки, он бросился помогать и... В тот день они гуляли всю ночь, и он, пьяный от любви, слушал все, что она говорила. Катя оказалась будущей медсестрой, без остановки рассказывала про родителей, подруг, учебу, практику, но вдруг осеклась и замолчала.

Он тактично попытался выяснить, в чем дело. Оказалось, что после лекций Катя иногда подрабатывает санитаркой в доме престарелых. Работа неблагодарная, грязная, платят сущие гроши, но...

— Понимаешь, — сказала она, — я, когда отработала первый день, чуть не поклялась никогда больше туда не приходить. Там есть старушки, которые уже не встают. Давно. Растения, местные зовут их овощами. А бывает, что и похлеще. И мне пришлось переворачивать их, обтирать, менять простыни... Запах еще можно вытерпеть, но остальное... Знаешь, ты счастливый человек, наверное, ты никогда не видел пролежней во все тело, струпья, шелушащуюся желтую кожу. Я не особенно брезгливая, но тут дважды приходилось прерываться: выворачивало. Еле дотерпела до конца смены.

— И что, — спросил он, — отказалась?

— Нет, — просто ответила Катя, — потом, дома, я подумала: ну, кто-то же должен это делать. Старушки же эти ни в чем не виноваты...

— Мало? Хорошо, смотрите еще.

Эту историю рассказал ему старый школьный товарищ. После десятилетки пути их разошлись: Олег поступил в военное училище, пропал на три года — ни слуху ни духу. И вдруг неожиданный звонок: оказалось, он только-только, буквально вчера, прилетел из Ханкалы. Отрубил свою командировку, вернулся живой и невредимый, только вот руки все еще дрожат, а перед сном он, стараясь не показать жене свои страхи, незаметно проверяет окна: вдруг не закрыты. Привычка.

Человек на мгновение осекся: наверное, не самый лучший пример — война, агрессия, смерть. Потом упрямо тряхнул головой — да и черт с ним!

Чехи пришли в Камай-Юрт под вечер. Федералов там не было, а из всей власти — три чеченских милиционера во временном здании комендатуры. Их разоружили и куда-то увезли. А потом боевики наведались в поселковый медпункт. Под него отдали местную школу — все равно сейчас детям не до учебы. Боевикам не хватало бинтов и лекарств, и не собирались они никого убивать, но бойкая русская врачиха почему-то наотрез отказалась впустить их. Выбить хлипкую дверь не составило труда, и все бы обошлось, но докторша словно сама лезла под пулю. Звуки выстрелов привлекли внимание проезжавшего неподалеку патруля на двух БМП. Боевикам при-

шло из поселка срочно уходить, прихватив лишь десяток перевязочных пакетов.

Несговорчивость врачихи стала понятна лишь после того, как омовцы обыскали бывшую школу. В дальней комнате прятался раненый дезертир — простой русский паренек, на- смерть запуганный непонятной войной. Нога у него уже начала заживать, и через неделю-другую он собирался домой. Когда чехи принялись колотить в дверь, докторша сказала ему спрятаться и ни в коем случае не выходить.

— Опять мало?

Он вообще старался не вспоминать об этом дне. Никогда.

Костика провожали в хоспис всем курсом. Ребята остались в холле, а он и староста группы Сонечка поднялись с Костиком в палату. Надо было посмотреть, как его устроят.

Диагноз Костику Берзину поставили уже в семнадцать. Саркома легкого. Родителей у него не было, а тетка, номинально исполнявшая обязанности опекуна, сама не вылезала из больниц. Поначалу еще теплилась какая-то надежда, но через три года уже все стало понятно. Из онкоцентра Костик ушел сам, подписав какие-то бумажки: врачи пытались оградить себя от ответственности. Ему просто надоело постоянно ловить на себе сочувственные взгляды. Да и умирать в родных стенах как-то проще.

Но через месяц выяснилось, что не так уж и проще. Страшные, бесконечные ночи, когда летит в корзину уже третий измазанный в крови платок, когда духота цепко берет за горло... И пустота вокруг. А когда приходят друзья, то опять — все те же сочувственные взгляды, вздохи, нарочито бодрый тон.

В хоспис Костика направили еще в онкоцентре. Он бережно сложил бумажку — он вообще был аккуратист, — но не думал, что она когда-нибудь понадобится.

Выходит, пригодилась.

Костик ушел по широкому коридору к своей палате, а они вдвоем с Сонечкой смотрели на людей, не в силах вымолвить ни слова. Их было много вокруг, молодых, и не очень, и даже совсем старых людей, пришедших сюда умирать. Они были спокойны и деловиты, они дружелюбно говорили друг с дру-

гом, шутили, даже смеялись! Те, кто еще оставался на ногах, ухаживали за другими.

Но больше всего его поразили персонал. Такие же спокойные и веселые ребята, неизвестно в каких глубинах своей души утопившие бесполезную жалость. Они просто приходили сюда, к умирающим, чтобы те не чувствовали себя одинокими, помогали им... нет, не доживать, просто жить!

Все они были добровольцами. Все они работали бесплатно.

Он не смог заставить себя прийти в хоспис снова — боялся, что не сможет так скрывать свои чувства. А вот Сонечка, староста группы, была там с Костиком до самого конца.

— Еще? Или хватит.

— Остановись, человек. Объясни, что ты хочешь этим доказать?

— Разве непонятно?

— Уважение к старым и немощным говорит только о том, что вы цените людей с большим жизненным опытом и стараетесь максимально растянуть срок их жизни, чтобы они успели передать свои знания как можно большему числу учеников. А что до ухода за больными, инвалидами, умирающими — вообще любыми неполноценными членами общества... — Наблюдатель покачал головой, — ...и это говорит не в вашу пользу.

— Как это?

— Просто. Если ваша цивилизация может позволить себе тратить время и ресурсы на заведомо увечных своих представителей, которые не способны ничего создать, то вполне естественно предположить, что вы считаете себя достаточно сильными и обеспеченными ресурсами для этого. Обычная самоуверенность молодой расы, самоуверенность, возведенная в принцип. Очень опасное качество. Столкнувшись с нехваткой ресурсов, вы в первую очередь будете стремиться отнять их у других, а не ограничивать себя. А при вашей чудовищной плодовитости... Так что ни милосердия, ни каких-либо проявлений терпимости я здесь не вижу, скорее наоборот. А вы, Палач?

— Да и я тоже. Все, что ты показал нам, человек, пока только подтверждает выводы Наблюдателя.

На какое-то мгновение показалось, что человек сейчас бросится на них. Они знали, что сильнее его во сто крат, но неприкрытая ненависть в его глазах едва не заставила их отшатнуться.

— У вас странные понятия о милосердии... — наконец выдал он из себя.

— Обычные. Не стоит мерить все законами и обычаями своей цивилизации, человек. Просто так милосердия не бывает — всегда за счет кого-то другого. В вашем случае любому аналитику понятно, что, столкнувшись с выбором между процветанием отдельных представителей своего вида, пусть даже и неполноценных, и существованием другой, более слабой расы, вы выберете первое. А учитывая вашу агрессивность...

— Я понял, — медленно проговорил человек, — милосердие в вашем представлении — это что-то вроде ксенофилии, такая своего рода терпимость к чужим расам, да?

— Почти так. Не просто терпимость, а способность жить в мире, сотрудничать... Каким бы отталкивающим ни казался вам их облик.

— И что теперь? — Голос человека дрогнул, в нем появились даже истерические нотки, хотя внешне землянин старался казаться спокойным. — Р-раз — и все! Солнце выключится?

— Нет, это не так просто. Мои функции выполнены, теперь его работа. — Наблюдатель кивнул Палачу. — Я здесь пробыл почти триста лет по вашему счету, приговор вынесен.

— А я привожу приговор в исполнение, человек. С ведома Совета, конечно.

— И сколько нам осталось?..

— Полсотни оборотов твоей планеты, может, чуть больше. Чтобы подготовить установку, смонтировать ее на орбите и накопить энергию, мне потребуется время.

Палач замолчал. Наблюдатель не счел нужным ничего добавлять, и в комнате повисла тишина. Вдруг человек встрепенулся:

— А зачем такие сложности?

Наблюдатель застыл, пораженный, Палач еле заметно усмехнулся.

— Зачем столько мучиться, тратить силы, средства? Целых пятьдесят лет — а? Это не шутка. Нет дел поважнее?

— Мы все подробно тебе объяснили, человек. Ты что-то не понял?

— Да, не понял. Зачем переводить на нас силы?

Наблюдатель хотел ответить, но человек лишь отмахнулся:

— Знаю, знаю... Бессмысленность существования, опасность для целостности вселенной и так далее. Это я все слышал и даже понял. Только вот зачем нас уничтожать?

— Ты...

— Я. Я спрашиваю: зачем нас уничтожать, если за пятьдесят лет мы и сами справимся! Благополучно деградируем и вымерем абсолютно без вашей помощи.

Наблюдатель посмотрел на землянина с долей интереса, потом совершенно человеческим жестом потер рукой подбородок — нахватался за эти годы. Палач лаконично сказал:

— Поясни.

— Да-да, — подхватил Наблюдатель, — расскажи нам, невеждам! Моя группа потратила на анализ почти семьдесят ваших лет, каждый — слышишь, человек! — каждый ручается за результаты! Бесспорно, когда вы только овладели атомным распадом и понаделали примитивных военных игрушек, мы ожидали, что все закончится само и выносить приговор будет некому. Но вы, с невероятной глупостью пробалансировав полстолетия на самом краю атомного уничтожения, вдруг смогли непостижимым образом вывернуться из этой ловушки. Немногим цивилизациям это удалось, человек. Как раз способность выбирать рискованные пути развития и выходить из них победителями и заставила меня поторопиться с приговором.

— Все очень просто. Удивляюсь, как вы этого не заметили. Наверное, потому, что просто заикнулись на нашей агрессивности. А на самом-то деле все наоборот. Мы стали слишком мягкими. Мы тратим огромные средства на лечение смертельно больных, на помощь инвалидам, на поддержку умственно неполноценных. Никто из них не способен, как вы сказали, «ничего создать». Часто они не в состоянии даже просто работать. В стране, где я живу, каждый пятый — пенсионер, то есть человек, живущий за счет других: государства ли, своих близких и родственников, не важно. То есть четверо здоровых и сильных людей вынуждены содержать одного. Есть стра-

ны, где ситуация еще хуже. И с каждым днем она все ближе к катастрофе: умственно неполноценные плодят себе подобных, так как больше ничего они делать не умеют, старики и инвалиды все крепче цепляются за свою жизнь, за каждый лишний день. Через пятьдесят лет вам уже не нужно будет нас уничтожать — мы сами выродимся. Здоровых людей будет становиться все меньше и меньше, пока наконец не наступит полный крах.

Палач хотел что-то сказать, но человек остановил его жестом:

— Погодите. Это еще не все. У нас сейчас многие говорят о генетической катастрофе — и это не просто громкие слова. Относительно здоровые люди умирают чаще всего во цвете лет, не выдерживая безумного ритма нашей жизни, а вот те же инвалиды и умственно неполноценные живут намного дольше. Каждое новое поколение несет все меньше здоровых генов и все больше скрытых дефектов, наследственных болезней, маленьких генетических бомбочек, которые сработают если не в первом, то во втором, в третьем поколении... Вот я и хочу сказать: мы вымрем и без вашей помощи! Теперь понятно?

— Такие дела. — Макс одним глотком допил вино, подмигнул мне. — Тот, который Наблюдатель, исчез, долго пропал где-то, а когда явился — видок у него был весьма ошарашенный. Все, что наш парень им в запале выдал, подтвердилось. Палач сразу повеселел, расслабился. Поспорили они еще, не без этого: Наблюдатель все никак не соглашался. Все равно надо давить, мол, для подстраховки. Долго спорили, в общем, наш-то уже и выспаться успел, а они все руками друг перед другом размахивают. В итоге Палач Наблюдателя все же убедил. Вы, говорит, не хуже меня знаете: с подобной ситуацией мы уже сталкивались. И результат вы тоже знаете... И я не хочу, чтобы Совет потом обвинил нас в уничтожении вымирающей расы. Наблюдатель как-то притих сразу, будто желание спорить у него разом иссякло.

Макс сделал эффектную паузу, надеясь, видно, что я не выдержу и начну сыпать вопросами. Боюсь, я его разочаровал. Минуты полторы он пытался меня переиграть, но терпелки не хватило: сам спросил, сам же и ответил:

— Хочешь знать, что было дальше? Засобирались они домой. Нашего паренька, конечно, обратно на Землю услали с извинениями, даже память стирать не стали — зачем, если здесь все так и так скоро накроется. Да и кому бы он разболтал, интересно? Так, чтобы первым делом в психушку не уехали? Разве что другу на кухне...

Я вертел в руках давным-давно пустой стакан и ругал Макса последними словами. Про себя, правда.

Блин, как меня достали эти доморощенные пророки! Кассандры кухонные! Чуть что — начинают с пеной у рта кричать, что человечество обречено, катится в пропасть, само себя пожрет, а мы наблюдаем последние судороги издыхающей цивилизации.

Надоело.

И Макс туда же. Такую классную историю загубил. Я-то думал, это все из области вечернего трепа — идея нового рассказа ему в голову ткнулась, вот он на мне ее и проверяет, графоман недобитый. Как обычно: он грузит, я критикую, — глядишь, и выйдет что-нибудь путное.

А на самом деле он, оказывается, про крах человечества мне поведать решил, только замаскировал поначалу, чтобы я сразу не стал плевать. Да еще причину какую пошленькую подобрал, а? Гуманизм, мол, нас погубит, человечность и милосердие! Вырождаемся, оказывается, мы от этого. Ницше перечитал на ночь, что ли?

— И эти парни, по-твоему выходит, решили все на само-тек пустить?

— Вроде того, — отвечает Макс и ехидно так улыбается.

Я плечами пожал, повернулся вместе со стулом в холодильнике поскрести — все, что было на столе, мы уже изничтожили. Даже в банке с солеными грибами, что жена строго-настрого приказала оставить к Новому году, давно уже только бычки плавают.

Залез с головой, бурчу изнутри вроде как про себя:

— И ты туда же, значит: пропасть, конец мира и все такое... То есть всем нам крышка, и даже рыпаться не стоит?

— Чего ты там бормочешь? Не слышу! С кем беседуешь-то вообще?

— С тобой! — сказал я погромче. — Уверен, значит, что недолго осталось хомо сапиенсу Землю поганить?

— Нет, не уверен...

От неожиданности я даже стукнулся затылком о верхнюю полку. Вылез наружу, посмотрел на Макса. Сидит, молчит с невинным видом, только в глазах нет-нет, да и проскочит хитринка.

— Что ж ты мне тут вкручивал тогда?!

— В том-то и дело, Игорек. Сам я как раз ни в чем не уверен. Мы можем стоять друг за друга горой, если припрет. Сколько раз так было — вспомни историю. Забыть все свои мелкие разборки и ссоры, сомкнуться в круг, рогами наружу. Они, — он мотнул головой куда-то вверх и в сторону, — называют это агрессивностью. Пускай. Но еще мы способны на сопереживание и милосердие, на бескорыстную помощь. Не все, конечно. Многие, но не все. Вот и смотри, что выходит: тем, кто сильнее нас, мы тоже отвечаем силой... Нас, мол, не возьмешь! А с теми, кто слабее, беспомощнее, мы и сами проявляем слабость. Слабость по нашим меркам, а Наблюдатель с Палачом и это считают силой. Выходит, мы сильны во всем, как ни поверни. Они это не учили, просто никогда ни с чем подобным не сталкивались. Не будем их разочаровывать. Правда?

Евгений Лукин

ЗВОНОЧЕК

**Подлинная история из жизни
Президента Сызновской Академии
паранормальных явлений
Леонида Кологрива**

Говорили, что он будто бы бухгалтер.

Михаил Булгаков

Не рискну утверждать, будто в каждом бухгалтере до поры до времени спит Петлюра, но кто-то в ком-то спит обязательно. В уголовнике полководец, в художнике рейхсканцлер. Стоит осознать, что первая половина жизни растрочена и что неминуемо будет растрочена вторая, спящий может проснуться. Хотя случается такое далеко не всегда. И уходит на заслуженный покой скромный труженик, так никого в себе и не разбудив...

А ведь слышал, слышал звоночек Божьего будильника! Порой звоночек этот негромок, а порой подобен набату: низвергаются державы, умирают и воскресают религии, вчерашняя ложь становится сегодняшней правдой и наоборот. Суть не в этом. Суть — в последствиях. В плодах. Разбойник уходит в монахи, монах в разбойники — и слава о них раскатыва-

ется, пусть не от моря до моря, но хотя бы от Сусла-реки до Чумахлинки.

Главное — вовремя напрячь слух.

Внешность у Лени Кологрива в определенном смысле самая соблазнительная — временами хочется подойти и молча дать ему по морде. Даже когда он, внушаемый демоном самосохранения, принимается публично клясть интеллигенцию, начинаешь в этом подозревать если не самокритику, то репетицию явки с повинной. Следует, правда, заметить, что по морде Леня получает крайне редко, поскольку чуток и осмотрителен.

Будь я врачом, непременно прописал бы ему очки — и как можно раньше. В нежном детском возрасте.

Мы как-то все по традиции полагаем, что, если ты четырехглаз, то, значит, беспомощен, избыточно вежлив, бездна комплексов. Во времена Первой Конной, возможно, так оно и было, но последующие семьдесят с лишним лет Советской власти вывернули ситуацию наизнанку: стоило подростку обуть глаза в линзы, как он сознавал с тревогой, что на него положено некое подобие Каиновой печати — и теперь каждая шмакодавка имеет право сказать ему «очкарика». Естественно, бедняга старался по мере сил предупредить такое бесчестье — и вел себя, с классовой точки зрения, безукоризненно.

Ничем иным я не могу объяснить эту странную закономерность, наблюдаемую у большинства моих знакомых: чем очкастее — тем наглее.

Поэтому вполне возможно, что нехитрое оптическое устройство, будь оно применено вовремя, выковало бы из Кологрива совершенно иную личность, но, во-первых, я, повторяю, не врач, во-вторых, к моменту описываемых событий Леня успел разменять тридцатник, а в-третьих, обладай он другим характером, звоночек Божего будильника вряд ли был бы им услышан.

Итак, едет он однажды в трамвае (кондукторов в ту пору в транспорте не водилось), собирается законопослушно погасить талон компостером — и вдруг обнаруживает с ужа-

сом, что талона-то у него и нет. Забыл приобрести. А тут как на грех остановка, в вагон входит бритоголовый; физически развитый контролер и предлагает предъявить, что у кого на проезд.

И еще надо учесть: месяц назад в трамвае именно этого маршрута два контролера насмерть забили безбилетника. Нет, кроме шуток — до сих пор жестяной венок на остановке висит. Контролеров потом, кажется, наказали, но безбилетнику-то от этого, согласитесь, не легче.

То есть чувства Лени Кологрива вы себе представляете. Вся жизнь мгновенно проходит перед его глазами, оставив в памяти где-то читанную, а может быть, и слышанную байку о том, как маленький Вольф Мессинг обнаружил у себя дар гипнотизера. Очень похожая история: едет куда-то маленький Мессинг зайцем — и входит грозный контролер. Ну не такой, конечно, как этот, но все равно. С усами и, может быть, даже при погончиках. Вольф, естественно, лезет под лавку, откуда его тот мигом извлекает.

— Ваш билет?

Мальчонка в ужасе сует ему клочок газеты. Контролер вздергивает погончики, пробивает клочок и, недоуменно пропустивши сквозь усы: «А что же вы тогда под лавкой едете?» — следует дальше.

— Вот мой билет! — предобморочным голосом сообщает Ленья и протягивает бритоголовому убийце бумажку, впоследствии оказавшуюся квитанцией из прачечной.

Лицо у громилы тупое, безжалостное. Потом оно становится, насколько это возможно, еще тупее, глаза громилы стекленеют — и происходит чудо. Помедлив секунду, он механическим движением надрывает квитанцию и возвращает ее Лене.

Трамвай останавливается, и потрясенный Кологрив выпадает из раздвинувшихся дверей на пыльный тротуар за два перегона до своей остановки. Остаток пути одолевает пешком, в ошеломлении пытаюсь осмыслить случившееся.

Либо контролер принял его за психа и не захотел связываться... Но тут в памяти вновь возникает тупая безжалостная морда бритоголового громилы — и Ленья, запоздало охнув, сознает, что такому все едино: псих, не псих...

Совпадение? Задумался, замечтался, надорвал бумажку чисто машинально...

Кто замечтался? ЭТОТ?!

Стало быть, остается всего один вариант, и, как ни странно, Леню он слегка пугает. Во-первых, что ни говори, а способность к гипнозу есть отклонение от нормы. Во-вторых, Леонид Кологрив при всей своей мнимой беспомощности очень даже неплохо приспособлен к окружающей среде. По морде, как было упомянуто выше, получает редко, ибо чуток и осмотрителен. А теперь что же, все привычки ломать?

Земную жизнь пройдя до половины...

Леня оглядывается на пройденную часть жизни — и содрогается от омерзения. Ломать! Ломать решительно и беспощадно. Не хочу быть черной крестьянкой... Хочу быть...

А кем, кстати?

Владычицей морскою? Да ну, глупости... Подумаешь гипноз! Мало ли сейчас гипнотизеров... Вон их сколько по ящику рекламируют: один от запоев излечивает, другой от бесплодия. И потом — кто сказал, что Леня владеет чем-нибудь подобным? Ну вогнал в транс с перепугу... Бывает. Побивали же люди рекорды по бегу, когда за ними собаки гнались!

Другое дело, что, окажись Леня экстрасенсом, у него возникает возможность маневра. Судя по всему, ремонтный заводик, уверенно ведомый к банкротству новым начальством с целью последующей приватизации, до конца года не протянет. Вот-вот грянут сокращения — и что тогда прикажете делать бедному клерку?

На службу он, естественно, опаздывает. Но там не до него. Начальник опять обхамил Клару Карловну, и та теперь бьется в истерику. Жаль, конечно, старушку, но помочь ей нечем. Все равно до пенсии здесь не доработаешь.

Леня Кологрив делает скорбное лицо и вдруг ловит себя на том, что сочувствует Кларе Карловне как бы свысока. Исчез страх перед начальством, исчезло опасение, что следующей жертвой может стать он, Кологрив. Достаточно

взгляда в глаза, чтобы... Чтобы что? И Леня испуганно прислушивается, как в нем прорастает, ветвясь, гордая независимая личность.

Затем возникает соблазн. Леня пытается с ним бороться, но соблазн неодолим. Словно некий чертик толкает его локотком в ребра и подзуживает: проверь, а? Вдруг не показалось! Чем рискуешь-то? Так и так сократят...

Тварь ты дрожащая или право имеешь?

Леня встает, входит без стука в кабинет, что уже само по себе иначе как безумием не назовешь, и, опершись обеими руками на край стола, долго глядит в испуганно расширяющиеся зрачки начальника. Наконец говорит — чегромко и внятно:

— Сейчас без десяти десять. — И глаза начальства волшебнo стекленеют, точь-в-точь как у того верзилы-контролера. — Ровно через пять минут вы покинете кабинет и попросите прощения у Клары Карловны. О нашем разговоре вы забудете, как только я закрою за собой дверь. Меня здесь не было, и мы с вами ни о чем не говорили.

Поворачивается и выходит. Кажется, он только что совершил главную глупость в своей жизни. Сократят. И не через два месяца, как он рассчитывал, а в рекордно краткие сроки.

Леня оседает за стол и обреченно смотрит на часы. Две минуты прошло... три... четыре... На пятой минуте дверь кабинета неуверенно отворяется — и показывается начальник. Движется он как-то заторможенно, механически. Вроде бы сам себе удивляясь, останавливается перед столом Клары Карловны и, ни на кого не глядя, глуховато бубнит слова извинения. Затем, неловко покашливая, удаляется.

Немая сцена.

Леня Кологрив в изнеможении падает грудью на стол.

До конца рабочего дня он пытается прикинуть дальнейшую свою судьбу и, к чести его следует сказать, ничего грандиозного пока не замышляет. Главный вопрос: утаить ему свою способность или обнародовать? Податься в профессионалы, в гордые одиночки, или, напротив, сделать карьеру, втихомолку внушая начальству самые лестные мысли о незаменимом работнике Леониде Кологриве?

А еще его беспокоит то обстоятельство, что гипнотизирует он как-то неправильно. Вот, например, не скомандовал: «Спать!» — и никакого не дал кодового слова. А ведь положено вроде...

Впрочем, у каждого своя метода.

Возможно, нынешнее продвинутое поколение не поверит или покрутит пальцем у виска, но, возвращаясь со службы, Леня купил в киоске пять талончиков на трамвай и один из них честно пробил компостером.

А дома — нервы, нервы, нервы... Хлопают дверцы платяного шкафа, летают блузки. Сегодня вечером Кологривы идут в гости и уже ясно как божий день, что не успевают вовремя. И во всем виноват, разумеется, Леня. Угораздило же выйти замуж за такого недоделанного!

Минут пять он задумчиво слушает упреки, потом берет супругу за плечи и поворачивает к себе лицом. Та от неожиданности смолкает.

— Ты любишь меня, — тихо, повелевающе информирует Леня. — С этой минуты ты обращаешься со мной бережно. Ты не чаешь во мне души.

Не как книжник и фарисей говорит, но как власть имущий.

Нужно ли добавлять, что глаза жены при этом стекленеют!

До знакомых, к которым приглашены супруги Кологривы, ходьбы минут пятнадцать. Черно-синие сумерки, склоненные над асфальтом ослепительно белые лампы. Притихшая похорошевшая жена время от времени удивленно поглядывает на незнакомого Леню, а перед самым подъездом порывисто прижимается щекой к его плечу.

На вечеринку они, понятное дело, опаздывают. Разуваюсь в передней, Леня слышит взрыв хохота из комнаты. Там наверняка уже приняли по второй — и травят анекдоты.

— А ты?.. — привизгивая от смеха, спрашивает хозяйка. — А ты что ему?..

Кологривы проходят в зал, но остаются пока незамеченными, потому что внимание собравшихся приковано к рас-

сказкику — огромному детине, сидящему к дверному проему спиной. Точнее, даже не спиной — спинищей. Синеватый валун затылка, оббитые бесформенные уши.

— А я что? — отвечает он обиженным баском. — Сделал вид, что проверил, и дальше пошел... Знаешь, какие у него глаза были? Вот-вот укусит!..

Далее, видимо, почувствовав, что за спиной у него кто-то стоит, рассказчик оборачивается — и заготовленное приветствие застревает у Лени в горле. В обернувшемся он узнает того самого громилу-контролера, которому сунул утром взамен трамвайного талона квитанцию из прачечной.

2004

Алексей Корепанов

СПАСИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Доблестный рыцарь Ивейн де Труа направил коня вверх по каменистому откосу и, проехав еще две-три сотни шагов, удостоверился в том, что добрался до нужного места.

Вход в пещеру, дугообразный, высокий, темнеющий в почти отвесном скалистом боку уходящей в облака горы, мог бы вызвать ассоциации с железнодорожным туннелем, но доблестному рыцарю такие ассоциации в голову не пришли. Во-первых, вход был гораздо выше и шире зева любого туннеля, а во-вторых, не было еще в те времена ни поездов, ни железных дорог.

Зато были драконы. В этом рыцарь убедился сразу же после того, как крикнул зычным голосом, приготовив к бою тяжелый меч:

— Эй, дракон, выходи! Я желаю сразиться с тобой!

Зашуршало, зашумело, заскрежетало в темноте, и из пещеры неторопливо выбрался под клонящееся к горным вершинам майское солнце огромный дракон — хранитель несметных сокровищ. Дракон был великолепен: большие изумрудные глаза, отливающая золотом чешуя, нежно-розовые, похожие на паруса крылья, шипастый хвост, длинные, безупречной формы когти — все было при нем.

Рыцарь, впрочем, тоже производил весьма приятное для глаз впечатление. Хороши были его доспехи, и сам он был

красив и уверенно держался в седле. Возможно, именно его имел в виду автор «Прекрасного Незнакомца» Рено де Божё, вот послушайте: «Щит его был из чистого серебра с алыми розами по зеленому полю. Он ладно сидел на гасконском скакуне, и конь у него был самый лучший. Он был прекрасно вооружен. На верхушке его прекрасного шлема были изображены розы. Его конь был покрыт чепраком из плотного шелка с алыми розами, так что нельзя было смотреть на него без восхищения». И это только прозаический перевод, а оригинал-то в стихах! «*Ses escus a argent estoit, / Roses yermelles i avoit...*» — не правда ли, впечатляет?

— Ты уверен, что действительно хочешь сразиться со мной? — лениво осведомился дракон, выпуская из сверкающей белоснежными зубами пасти легкий дымок.

— А ты можешь подсказать другой способ заполучить сокровища? — вопросом на вопрос ответил рыцарь.

— А зачем тебе сокровища? — не остался в долгу дракон. — Снаряжение у тебя вполне приличное, да и сам ты отнюдь не похож на голодающего. Алчность — большой грех, с таким грехом, пожалуй, не пустят в Царствие Небесное.

— Это все не мое, — с некоторым смущением отвечивал доблестный рыцарь. — Одолжил под обещание поделиться сокровищами. Отец прекрасной Бланшефлор требует очень много за свою дочь. Очень много...

— Ситуация знакомая, — задумчиво произнес дракон, впери свой взор в рыцаря, и глаза его блеснули в солнечном свете. — Надеюсь, тебе известно, что я поражаю противников огнем? У них нет ни малейшего шанса. Я не подпускаю к себе, я просто делаю вот так, — дракон, повернув голову в сторону от рыцаря, выдохнул огненный сгусток, — и они поджариваются в своих доспехах. Если хочешь, можешь взглянуть — я их сгребаю в одно место, вон там, за теми камнями. Там целая груда металлолома.

— У меня нет выбора, — сказал доблестный рыцарь, поднимая меч. — Я буду биться с тобой, и Господь поможет мне. Мало ли кто там что рассказывает о своей несокрушимой силе! Я тоже могу продекламировать тебе целый роман в прозе или в стихах о моих триумфах — меня считают неплохим писателем. А победителя определит только битва.

— Битвы не будет, — пообещал дракон. — Ты просто почувствуешь себя в этих сверкающих доспехах как яйцо, сваренное вкрутую. И все, занавес. Иной исход тебе не светит, поверь моему богатому опыту.

— У меня нет выбора... — побледнев, повторил доблестный рыцарь. — Я не могу жить без моей прекрасной Бланшефлор.

— М-да, любовь-морковь... — пробормотал дракон и уселся на задние лапы. Обвил себя хвостом, как кошка, и, казалось, о чем-то задумался.

— Я намерен сразиться с тобой, — напомнил рыцарь, упокая коня, нервно переступающего с ноги на ногу. — Я должен забрать твои сокровища.

— Что ж, — промолвил дракон, — если должен — бери. Вези сокровища отцу своей прекрасной Бланшефлор, пусть порадуется будущий тесть. Давайте женитесь, живите, так сказать, долго и счастливо и умрите в один день. Все как положено.

— Что?! — От изумления рыцарь опустил меч. — Как это так?

— А вот так. Заходи и забирай сколько сможешь, только не надорвись. Грыжа — не самое лучшее украшение первой брачной ночи.

Произнеся эти в высшей степени удивительные для уха рыцаря фразы, дракон медленно направился прочь от пещеры, нещадно пыля хвостом. Рыцарь ошеломленно смотрел ему вслед.

— Постой! — наконец воскликнул он, вновь обретая дар речи. — Что все это значит? А как же бой?

Дракон остановился, повернул к рыцарю точеную голову — вновь изумрудами блеснули глаза и ослепительно, как в телерекламе, сверкнули зубы. Впрочем, телерекламы еще не было под этими небесами.

— Наш создатель запрограммировал нас ровно на пятьдесят... м-м... контактов. Вон они, все пятьдесят, — он показал когтистой лапой, — за теми камнями, я уже говорил. Ты пятьдесят первый. Ты можешь забрать сокровища.

— Создатель? — потрясенно переспросил рыцарь. — Создатель драконов? Кто же ваш создатель?

— Не думаю, что тебе известно об Атлантиде, — начал дракон, развернувшись к рыцарю и вновь устроившись в позе кошки, — но был некогда такой дивный остров. Очень скучный остров, населенный до жути рациональными людьми. Представляешь, каково это — постичь практически все основные тайны мироздания и не иметь ни капельки воображения, фантазии. На редкость скучные и занудные люди... Наш создатель Алк — тогда он еще не был создателем — занимался исследованием будущего, ну, просто шарил во времени, как неводом в реке, извлекал всякие штуки и определял их пригодность в плане улучшения быта атлантов, хотя быт у них и так уже был обустроен — дальше некуда. И наткнулся на рукопись о драконе. Справился с переводом, прочитал, заинтересовался, начал искать уже целенаправленно... Совершенно изменился человек, запал на рыцарские романы, буквально глотал их... «Рыцарь со львом»... «Флуар и Бланшефлор»... — Рыцарь вздрогнул от неожиданности. — «Илль и Галерон»... «Отмщение за Рагиделя»... Потом сотворил нас и забросил в будущее, к вам, — он знал, что у Атлантиды-то никакого будущего не будет...

— Но зачем? — едва выдавил из себя доблестный рыцарь. — Зачем он забросил вас сюда, к нам?

— А чтобы вам было интереснее жить. — Дракон весело сверкнул глазами. — Чтобы фантазия у вас работала, чтобы вы создали великолепные сказки и романы. Поверь, я знаю, что говорю: в рационально устроенном и полностью объясненном мире жить невыносимо скучно. Так что считай — вам крупно повезло. Ну ладно, мне пора. Не забудь забрать сокровища.

— А куда же теперь ты?

— Да никуда. Просто сейчас взлечу и растворюсь в воздухе. Но ты не переживай — нас еще много осталось, спасибо Алку. — Дракон прикрыл глаза, умиротворенно выпустил несколько полупрозрачных клубов дыма. С удовольствием процитировал: — «Доблестный рыцарь Ивейн де Труа направил коня вверх по каменистому откосу и, проехав еще две-три сотни шагов, удостоверился в том, что добрался до нужного места». — Дракон прищелкнул языком. — Так начиналась та, первая рукопись, выловленная нашим создателем.

— Силы небесные! — не веря своим ушам, вскричал рыцарь. — Ивейн де Труа — это же мое имя!

— Вот как? — Дракон, похоже, ничуть не удивился. — Ну да, ты же говорил, что считаешься неплохим писателем. Значит, тебе и карты в руки. Вернешься к своей прекрасной Бланшефлор — не забудь запечатлеть на пергаменте сегодняшний день. Первую фразу я тебе подсказал, остальное — за тобой. Только не откладывай на потом, пиши сразу, пока свежи впечатления, а то знаем мы, чем эти «на потом» кончаются. Судьба вашего мира в твоих руках, доблестный Ивейн! Не напишешь — не выудит эту рукопись Алк. И будете как атланты — рациональными, серыми и скучными. И кончите так же плохо. Прощай!

Дракон расправил крылья-паруса и без усилий взмыл в бледную синеву.

— Подожди! — крикнул рыцарь. — А что случилось с атлантами?

Но в небе уже было пусто.

— Какой из меня писатель? — пробормотал рыцарь. — Прихвастнул, что называется... да что там прихвастнул — соврал! Я и в грамоте-то не слишком силен...

Он опять посмотрел на небо и вновь ничего там не увидел. А между тем как раз в этот момент гигантская комета начала свой путь к Земле, намереваясь через несколько веков расколошматить ее в пух и прах...

Но погодите, господа, не спешите на кладбище! Нашелся-таки спаситель человечества и записал эту историю. Вот она, перед вами! И мы, конечно же, придумаем, как справиться с кометой, — с фантазией у нас все в полном порядке, а в Голливуде и вообще уже есть масса рецептов избавления от подобной напасти...

Украина, г. Кировоград

ПОВЕСТИ

Владимир Михайлов

РЕШЕНИЕ НОМЕР ТРИ

1

Трое сидели в глубоких креслах за низким столиком на открытой площадке — на плоской вершине утеса, нависавшего над каньоном. Глубоко внизу извивалась речка, отсюда казавшаяся узенькой и спокойной, хотя на самом деле этому впечатлению она не очень соответствовала. Крутые склоны, поднимавшиеся от нее, поросли густым лесом, он словно создан был для любителей путешествий по нетронутой природе, но им, похоже, о существовании этого уголка не было известно — во всяком случае, никакого движения не было заметно там, внизу, а возникни оно — об этом сразу же стало бы известно хотя бы одному из людей, редкой цепью окружавших площадку по периметру и оснащенных всеми мыслимыми средствами обнаружения и наблюдения, да и некоторыми из немислимых тоже. На столике, в самой середине, стояло нечто, видом напоминавшее коническую детскую пирамидку, а кроме нее — объемистый хрустальный графин, на три четверти наполненный прозрачной бесцветной жидкостью.

И три высоких стакана — по одному перед каждым из сидящих. Именно в такой вот тихой, спокойной обстановке и начался эпизод, о котором вам предстоит услышать.

— Еще вчера я сомневался, — с этих слов начал самый старший из троих, по имени Шаром — тот, кому принадлежала и эта площадка, и каньон, да и окружающие горы тоже. Сразу следует оговорить: старший — не значит старый, он только что разменял вторую сотню лет, то есть находился в поре расцвета, о чем свидетельствовал и его облик: густые волосы без малейшего признака свойственного старости обесцвечивания, лицо без единой морщины, зоркие глаза, гладкая кожа, насколько позволяли видеть ее легкая рубашка с короткими рукавами и шорты — старая классика, упорно не выходящая из моды. Но главным впечатлением, возникавшим у всякого, кто когда-либо сталкивался с ним, было ощущение мощной энергии, которой он обладал и, казалось, с трудом ее в себе сдерживал. Как, например, сейчас. — До последнего мгновения я верил, что она не выступит против нас вот так — открыто. Даже не потому, что отлично понимает, насколько это бесполезно и какими последствиями чревато. Но... черт бы побрал, стоят же чего-то десятки лет нашего сотрудничества с ее отцом... я бы сказал даже — дружбы, единомыслия, совместных успехов!

— Земля ему пухом, — к месту вставил второй из сидящих. Третий же (он был несколько моложе и физически мощнее, фигура его свидетельствовала о регулярных занятиях спортом, а черты лица выражали силу; казалось, он ничем не походил на хозяина этих мест — если бы не взгляд, говоривший о недюжинном уме) лишь вздохнул и потупил взгляд.

— Но вчера, — продолжал Шаром, — я получил запись ее переговоров и понял: она сделала выбор. Или, может быть, я истолковал все неправильно? Мне тоже порой приходится ошибаться. Что скажете вы, Лимер? Вас не смущает, что речь идет о вашей жене?

— Раз уж я начал говорить, то выскажу свое мнение, — вновь заговорил второй. — Запись подлинная, действия ее — открытый вызов, мы уже вложили в наш проект слишком много. Я пытался склонить ее к сотрудничеству, но без всякого успеха; может быть, потому, что наши отношения давно уже не то чтобы оставляли желать лучшего — их просто уже не существовало. А уж после того, как огласили отцовское

завешание и она ощутила себя полной хозяйкой, она и вовсе отказалась прислушиваться к моим словам. В этом смысле даже ее отец был более стоворчивым, хотя в данном случае... Короче, мой вывод: устранить и ее — как можно скорее и без малейших колебаний. Устроить ей свидание с папой, столь безвременно покинувшим нас. Дин Бревор, надеюсь, что вы и на этот раз не откажете нам...

— Какой у вас тут уровень защиты? — вместо ответа поинтересовался Бревор. — Мы хорошо накрыты? Это, если не ошибаюсь, Г-12? — Он движением подбородка указал на детскую пирамидку. — Да? Значит, для мира нас сейчас просто нет. Мы не слышны уже в двух метрах. В таком случае могу ответить: да, я готов принять ваш заказ. Правда, это обойдется вам несколько дороже. Понимаете, если снаряд дважды падает в одно и то же место, это вызывает подозрения. Соответственно растет риск исполнителя. Мой риск.

— Сколько вы хотите, Вревор? — спросил Шаром. — Насколько известно, вы на самом деле совершенно не рискуете; во всяком случае, во всех предыдущих эпизодах...

— А что, разве у вас есть исполнитель подешевле? — Похоже, у Лимера, второго за столом, привычка отвечать вопросом на вопрос укоренилась глубоко.

— Если есть, то к чему было беспокоить меня? Мои гарантии дорогого стоят. И потому на этот раз вам придется накинуть пятьдесят процентов.

— Исчерпывающе. Нам остается лишь согласиться. Перейдем к практической стороне вопроса. Что вам нужно знать?

— Где она сейчас? — спросил Бревор.

— Сейчас — тут, в городе. Но после смерти отца она стала очень серьезно относиться к своей безопасности. Хотя думаю, что в ближайшие дни — завтра, послезавтра — уровень ее защиты будет обычным: да и вообще если и изменится, то лишь количественно, потому что создать новую систему — это требует немалого времени. Скажите, вы уложитесь в два дня?

Бревор улыбнулся.

— Меня мало интересует уровень ее охраны. Я работаю издалека. Надеюсь, подробности вас не интересуют. Два дня меня устраивают.

Хозяин слегка усмехнулся.

— Меньше знаешь — крепче спишь, не так ли? Но я все же хотел бы спросить: вам и в самом деле никто не в состоянии помешать? Откровенно.

Бревор ответил сразу и без запинки, очень уверенно:

— Никто. Если я наметил цель...

Лимер сказал, слегка нахмурившись:

— Когда умер мой тесть... Не ухмыляйтесь, Бревор, все мы знаем, отчего он умер, — моя супруга уже совсем собралась было обратиться к Сорогу; вы слышали это имя, Бревор?

— Возможно... Ну и что же?

— В свое время он лечил ее отца — очень любопытным, кажется, способом. Вылечил. Тогда мне удалось отговорить ее. Но если сейчас, услышав о вашем предсказании, она вновь захочет прибегнуть к его помощи?..

Бревор поморщился:

— Не хватало мне только бояться таких... знахарей или кто он там. Одним словом, можете говорить, что я сделал очередное прорицание: она умрет на третий день от нынешнего. Я забочусь о своей официальной репутации — как и любой другой деятель.

Пожалуй, надо было быть очень проницательным человеком, чтобы уловить в его голосе нотку если не сомнения, то, во всяком случае, не абсолютной уверенности.

— Ладно, — сказал Шаром. — Угодно вам получить аванс сейчас? Каким образом?

— Разумеется. Способ оплаты вы не забыли? Мои реквизиты?

— Я спросил на всякий случай. Лишняя страховка не мешает, — объяснил хозяин. — На этом можем пока закончить. Тем более что скоро обед — а перед ним от души советую выкупаться. Сейчас внизу как раз лучшая вода, проверено не единожды. Выключаю защиту.

Он повернул шишечку, венчающую пирамидку. И уже через пару минут все трое, сопровождаемые неотрывными взглядами охраны, разобрав приготовленные в сторонке антигравы, бесстрашно прыгнули с обрыва и плавно снизились на самом берегу.

Вода и в самом деле оказалась чудесной: не ледяной, но в меру прохладной, освежающей и бодрящей. Недаром в полусотне метров выше по течению речка проходила через зону

подогрева. Четверть часа, проведенные в потоке, могли обеспечить хорошее настроение на весь оставшийся день.

— Славно! — сказал Лимер, вытираясь на берегу. — А отчего ты тут рыбу не удишь? Прекрасный отдых...

— О, на то есть тысяча причин. Первая: тут никакая рыба не водится. Продолжать?

— Да? — удивился Лимер. — Значит, мне почудилось.

— Блики, — объяснил хозяин. — Бывает. Взлетаем: стол уже накрыт. Самое время отведать, чем Анри удивит нас на этот раз.

— Никак не привыкну чувствовать себя птичкой, — сказал Лимер перед тем, как включить антиграв.

— Поучись у профессионала, — посоветовал Шаром.

Лимер поглядел вверх, на высокое, ясное небо.

— Улетел, — сказал он. — Ладно, обойдусь как-нибудь своим умением.

И трое один за другим поднялись в воздух, чтобы вернуться на площадку, откуда ветерок уже донес до них соблазнительные запахи.

— А все же то была рыба, — проговорил Лимер, скорее всего самому себе. — Ну, пусть плещется на здоровье — здешняя жратва ей не придется по вкусу.

Рыба то была или нет, но ее больше там не было. Уплыла, чтобы оказаться выловленной километрах в двадцати ниже по течению.

Птица летела быстрее и оказалась в том же месте намного раньше. Ее мягко приземлили, вынули кристалл с записью. Такой же операции вскоре подверглось и устройство, которое и в самом деле даже вблизи можно было принять за форель — но только снаружи.

Записи на обоих кристаллах сразу же ушли в эфир и были без помех приняты — при помощи вовсе не случайно проходившего над этим районом низкоорбитального спутника — той, для кого и предназначались. Без промедления загружены в дешифратор и прочитаны.

Правда, ни одного слова при этом услышать не удалось, несмотря на все совершенство размещенных в птице и рыбе схем. Работавшая на площадке защита и в самом деле оказалась более чем надежной.

А вот дешифровать картинки удалось, и даже с очень большими потерями. Специалист был заранее готов к работе и менее чем через час напряженной работы смог не только установить язык, на котором велся разговор (западное наречие), но и восстановить, слово за словом, почти все содержание состоявшегося на площадке и на речном берегу обмена мнениями.

Расшифрованный таким способом текст был подвергнут анализу, занявшему очень мало времени, поскольку разговор на площадке велся открытым текстом и понять намерения его участников стало можно уже с первых слов.

Сказать, что анализ привел к полному разочарованию, значит не сказать ничего. Потому что вместо обсуждения какого-то замысла трое говорили о вещах совершенно безвредных, разговор был до скуки добропорядочным: три мужика толковали о предстоящих празднествах в честь Великого Выхода, каждый предлагал свой вариант веселья, сходились они лишь на том, что женщин должно быть много, и легкий спор возник по поводу того — каких дам приглашать и откуда. В этом ничего нового не было: первые лица известного во всей Галактике холдинга «Гарант, унлимитед» праздники отмечали чаще всего именно таким образом. Иными словами — техника работала зря, следовательно, и никакой опасности не возникало для «Эштор Гвин АО», дома не менее могучего и известного везде, куда только ступала нога человека или хотя бы киберзонда — потому что зонды производил как раз «Гвин». Вот к каким выводам привело прочтение восстановленного текста.

Странно, однако: такой результат не только не успокоил женщину, чье внимание сейчас было целиком отдано перехвату, но скорее весьма встревожил ее.

— Не верю, — совершенно определенно высказался Зарон, начальник службы безопасности. — Липа. Не стоит и состриженного ногтя. Раз уж там оказался Бревор... Его приглашают только по делу. Скорее всего они знали, что постараемся накрыть их. И приняли меры. Сунули нам запись. Значит, на самом деле планируют что-то серьезное. Хозяйка, снова настойчиво советую на какое-то время залечь на дно. В конце концов, у вас и дома есть все нужное для работы.

Женщина, к которой он обращался, решительно покачала головой:

— Даже если бы я согласилась до конца дней своих жить взаперти, дрожа от страха, это не помогло бы. Недаром ведь там был Бревор; вы прекрасно знаете, что о нем говорят. К тому же мой отец всю последнюю неделю жизни не показывался нигде, не выходил из дома — помогло это ему? Или вы, как и все на свете, верите, что все произошло естественно? К тому же трудно запретить Лимеру находиться в этом доме: он как-никак член семьи, в любом случае возник бы громкий скандал — а ведь доказательств у нас нет никаких. Или вы считаете иначе?

— Откровенно говоря, не знаю, что и думать. В моем опыте нет ничего подобного — а он, как вы знаете, достаточно обширен. Скорее всего это все-таки легенды.

— И все же — нет дыма без огня. Знаете что? Давайте просмотрим еще раз все записи. Предельно внимательно. И если наши подозрения останутся, то... я буду искать серьезной помощи, уж не обижайтесь.

Они вглядывались в сменявшиеся кадры.

— Ну-ка, ну-ка... Остановите. Отгоните на полминуты. Давайте самым малым. А! Смотрите! Видите? Сидят в тени! А в реальном времени были на солнце. Ляп! И Шаром — длинные рукава! А в первых кадрах — с короткими. Еще ляп. Два ляпа, это плохо. Очень плохо.

— Да, — после паузы согласился Зарон. — Для них — недопустимо. Намеренно? А смысл?

— Смысл я вижу один, — ответила Лига Гвин, хозяйка. — Заставить меня суетиться. Напугать. Чтобы я в результате или пошла на их условия, или... или умерла бы. Как и папа — от какой-нибудь совершенно естественной причины.

— Действительно, сложная ситуация, — признал Зарон.

— Но есть возможность уравнивать игру.

— Какая же?

— Извините, Зарон, — об этом я промолчу. Считайте — из суеверия. Могу лишь намекнуть. Помните — папа три года тому назад опасно болел...

— Такое не забывается. Но тогда он выздоровел. А ведь был уже приговорен...

— Его вылечил один человек. Он не очень известен, скорее наоборот, но те, у кого случается серьезная беда со здоровьем, находят его. Он берется; но только в случаях, когда всякая иная медицина бессильна. И выигрывает.

— Он что же — целитель? Я не очень-то доверяю...

— Не знаю, как его назвать. Но о нем не говорят как о целителе.

— Гм. Как его зовут? Где он сейчас?

— Хотела бы я это знать. Маг, может быть?

— Начинаем искать. Немедленно.

2

Сим Сорог этим утром проснулся в смутном расположении духа. Хотя засыпал вчера в прекрасном настроении. Что-то должно было произойти ночью — что-то, повлиявшее на восприятие им сегодняшнего мира именно таким образом. Что-то, воспринятое его подсознанием, пока рассудок отдыхал от дневных забот. Воспринятое, но еще не проявленное — как фотоснимок, уже запечатленный в памяти камеры, но еще не выведенный на дисплей.

Сим не любил неясностей. Мир в каждый миг своего существования должен был быть для Сорога ясным и логичным — иначе обладатель этого имени чувствовал себя плохо. В таком настроении (подумал он) не стоило даже вставать с постели. Если уж мир решил повернуться к Симу не лучшей своей стороной, то и Сим, в свою очередь, мог повернуться спиной к миру, забыть о его существовании, изолироваться — хотя бы, зарастив все окна и двери, на какое-то время исчезнуть из мироздания; пусть себе обходится без него как знает. Можно позволить себе такой режим, самое малое, на неделю: еды и питья в доме запасено предостаточно, так что есть полная возможность выпасть из окружающей среды, не подавая никаких признаков жизни. Отключить все средства связи. Не получать никакой информации. Опыт подсказывал, что такой образ действий являлся наилучшим в подобных ситуациях: лишившись притока свежей информации, рассудок уже в скором будущем начнет вести себя так, как поступает желудок, не получая пищи: примется переваривать то, что уже накоп-

лено. И таким образом — чуть раньше или чуть позже — то, что сейчас затаило в себе подсознание, выплывет наружу, подвергнется анализу рассудка, получит определение и название, займет свое гнездо в реальности — и мир снова сделается прозрачным и понимаемым, и настроение светлого покоя вернется и позволит без помех жить дальше.

Да, именно так и следует сейчас поступить.

Ззззз... Тирьям-пам-пам... Ззззз...

Связь.

Сим чуть не крикнул: «Меня нет, я в отъезде!..» Но в состязании на скорость кварктроника выигрывает у человека в ста случаях из ста. Если она не зависит и не глючит, конечно. И Компа успела ответить первой:

«Вас слушают». Нежный женский голосок.

«Я хотел бы говорить с дином Сорогом, ГММ».

Почти неуловимая пауза. Выдерживая ее, Компа дает хозяину возможность взять разговор на себя — или, наоборот, отказаться от этого; во втором случае начинает работать программа.

Это мужчина. Незнакомый. Называющий Сима «ГММ», то есть Гроссмейстер Магии. Хотя на самом деле Сим такого титула не носит, потому что никогда магией не занимался, его почему-то уже с давних пор так именуют. Устойчивое заблуждение. Не первое и не последнее. Хочет поручить какое-то дело. А пошли бы все они со своими делами. И так три десятка пациентов, один тяжелее другого. В другой раз...

«К сожалению, дин Сорог в отъезде. Если вы оставите...»

«Когда он вернется?»

Фу. Грубиян. Перебивать невежливо — тем более даму. Это должно быть безусловным рефлексом; у человека воспитанного, разумеется.

«Не располагаю информацией».

«А где его найти? Куда он уехал?»

«К сожалению, ничем не могу вам помочь».

Что-то неразборчиво-сердитое. И отбой.

— Компа, дай анализ. Будь любезна.

Нет, никто не может назвать Сима Сороба плохо воспитанным человеком.

«Первый слой анализа. Голос принадлежит лицу мужского пола во втором среднем возрасте между ста тридцатью се-

мью и ста сорока локальными годами, уроженцу Терры, свидетельствует о крепком здоровье, уверенности в себе, хорошем образовании, спокойном расположении духа. Второй слой: данная характеристика не относится к говорившему, поскольку при разговоре голос проходил через метаморфер, в результате был приведен к одиннадцатому варианту звучания. Третий слой: биометрические характеристики и проведенное мною обратное преобразование свидетельствуют о высоком уровне взволнованности, о неуверенности и раздражении говорившего субъекта, а также о его враждебном настроении. Возможно продолжение разговора иными способами».

— Отправь на идентификацию.

«Выполнено».

Интересно. И неприятно. Что поделать: неприятное тоже может быть интересным, и даже очень. Не это ли самое засело в подсознании? Ну что же: тем больше оснований для изоляции. Кстати, вот сейчас уже...

Ззззз...

На этот раз надо отвадить его лично. Иначе он не даст покоя.

— Да?

Слышен только слабый фон. Какие-то шорохи. И через две секунды — новый голос. Не Саны. Не тот, что звучал несколько минут тому назад. Этот принадлежит явно женщине. Но отличается от того, мужского, не только этим, но прежде всего эмоциональной окраской. Его обладательница не просто взволнована: она изрядно напугана. Хотя и старается скрыть это. Такую характеристику я могу снять и без помощи комп-идентификации.

«Дин Сорог, я так и думала, что вы дома. Простите за вторжение в вашу связь; у меня просто не остается иного выхода. Дело в том, дин Сим, что вы мне нужны. Для того чтобы объяснить вам суть дела, необходима личная встреча. Сейчас могу обещать только: я буду просить вас выполнить всего лишь одну мою просьбу; это целиком в ваших силах и не потребует от вас никаких лишних напряжений... Оплата будет такой, какую вы запросите».

Когда меня пытаются принудить к сотрудничеству, я, как правило, сразу же разрываю контакт: терпеть не могу, если мне хотят объяснить, что и когда мне нужно делать и чего не

нужно. Особенно если попытки принадлежат женщинам: в таких случаях сразу же возникает сильное желание немедленно сделать, согласно древней заповеди, все совершенно наоборот. Но, видимо, такое качество моего характера стало уже достаточно известным, и неведомая заказчица пытается не столько просить, сколько нажимать на меня. Это — очко не в ее пользу. Дело в том, что я в последние годы не стою перед необходимостью хвататься за любой заказ: я выполнил несколько достаточно выгодных излечений, расходы мои невелики — право выбора остается за мной. И это священное право у меня пытаются отнять самым грубым образом. Но я...

Неизвестная дама прервала свой монолог внезапно — но лишь для того, чтобы уступить канал связи человеку, которому принадлежал тот, первый голос — мужской.

«Дин Сорог, мы намерены использовать любые средства, чтобы склонить вас к выполнению нашей просьбы. Право же, для вас это не составит никакой трудности, тем не менее будет хорошо оплачено, даже, я бы сказал, очень хорошо. Но главное — выполнив наш заказ, вы совершите очень благое и благородное дело: спасете еще одну жизнь, находящуюся под страшной угрозой. Я изложил суть дела ясно, дин Сим?»

О Господи! Что это еще за чушь собачья?

— Вы, там...

Говорить, растягивая слова как можно больше. Потому что пальцы уже танцуют, набирая нужные команды: зафиксировать источник, обозначить на плане, все писать, определить систему связи — словом, сделать все, что полагается в таких случаях.

— ...перестаньте разглагольствовать. Объясните наконец, в чем дело? Каков диагноз, кто поставил, какие лечебные меры применялись и с кем? Иначе буду вынужден сделать вашу связь со мной невозможной!

«Охотно выполняем вашу просьбу в расчете на взаимность».

Что там дает идентификация? Очень весело: ничего нового.

О Господи! Вот дожили уже до того, что моя готовность помочь человеку становится частью механизма принуждения, который собираются грубо применить ко мне. Это мне не нравится, очень не нравится. И, пожалуй, могло бы стать даже серьезной причиной полного разрыва. Если бы не...

Если бы не то, что я однажды дал пожизненное обещание. Вообще их было несколько, но это гласило: «Не отказывай в помощи, потому что Слов тебе будет дано всегда столько, сколько нужно». Ну а чем больше Слов — тем я становлюсь сильнее.

Похоже, некая дама попала в какую-то крупную неприятность, связанную с потерей здоровья. Видимо, не по своей вине. И, конечно, чувство собственного достоинства не позволит мне бросить ее в таком положении. Хотя я уверен: веди она себя должным образом, то есть принимая хотя бы обычные меры предосторожности, каким учат в школе, ничего не произошло бы и никакая хворь к ней не привязалась бы. Серьезная, судя по уровню волнения — он кажется уже выше головы. Но я недаром всю жизнь думал, что основное отличие женщин от мужчин заключается вовсе не в тех или иных первичных половых признаках (это, как известно, поддается коррекции), но в том, что женщина сперва делает, а потом уже начинает думать, в данном случае — сначала пугается, а потом уже начинает всерьез анализировать опасность. Я же — как раз наоборот, как и другие люди одного со мною пола — за исключением, может быть, ничтожно малого количества женоподобных особей. Кстати, тот мужчина, что сейчас обращается ко мне с угрозами, относится, я уверен, именно к таким исключениям. Между прочим, он не лишен терпения: все еще ждет моего ответа.

«Дин Сорог, вы что — уснули?»

— По-моему, да. Потому что все происходящее больше всего похоже на сон, привидевшийся после тяжелого ужина. Что вы ели вчера вечером? И — простите за нескромность — что пили? Как у вас с желудочно-кишечным трактом? Вы давно показывались гастроэнтерологу?

(Мне надо как следует разозлить его — тогда он, может быть, выболтает что-нибудь такое, что поможет мне провести их за нос.)

«Мы воздаем должное вашему остроумию, дин Сорог. Но лишены возможности в полной мере испытать то удовольствие, какое оно доставило бы нам в более спокойной обстановке. С другой стороны, вы пока не дали нам повода оценить ваш здравый смысл и сообразительность. Похоже, вы еще не поняли, как обстоят дела в действительности. Так вот...»

Женский плач. Эти ужасные хлюпающие звуки!.. О Все-вышний!..

— Попросите даму прекратить это... извержение звуков!

«Только в случае, если вы...»

Вот упрямые скоты! Но становится интересным: чего ради они устраивают такой вот детский крик на лужайке?

— Ну ладно, ладно. Считайте, что вы меня уговорили. Сейчас посмотрю, когда я смогу...

«Нас порадовало бы, если бы вы смогли принять обращающуюся к вам даму в течение ближайших тридцати минут. Потому что в деле, с которым она вас ознакомит, время является решающим фактором».

Иными словами, меня просто берут за горло. Ну, что делать: раньше начнешь — раньше и закончишь.

— Хорошо, пусть будет полчаса. Ладно, через полчаса жду вас обоих. Пока!

3

— Я Лига Гвин, — сказала она. — И меня хотят убить.

Кажется, ей показалось, что сказанного недостаточно, и она добавила:

— Очень хотят. Вы, наверное, понимаете — почему.

Я не претендую на знание всего на свете. И поэтому не испытывал никакого неудобства, отвечая:

— Честное слово, не имею ни малейшего представления.

Похоже, что такой ответ ее удивил. И она сказала:

— Но вы ведь знаете — кто я. Не можете не знать!

— Могу, — ответил я, — отчего же нет? Вообще я могу многое, иначе вы ко мне и не обратились бы. Значит — могу и ничего не знать о вас. Поверьте, это совсем нетрудно. Вы кто — артистка? Но не театральная — иначе я бы видал вас на сцене. Или чья-то супруга? Может быть, дочь?

— Боже мой, — сказала она. — В каком же мире вы живете?

Я усмехнулся, отвечая:

— Вы ведь знаете, кто я. Не можете не знать. Не так ли?

— Я думала, что знаю, — ответила Лига Гвин. — Но похоже, что ошибалась. Хотя люди уверяют, что никто лучше вас не сможет помочь мне.

— Люди? — невольно удивился я (или сделал вид, что удивлен). — Какие это люди и что они обо мне вам сказали?

— О, — сказала возможная клиентка, — это был мой отец — он мне все уши прожужжал о ваших способностях с тех пор, как вам удалось воскресить его из мертвых. Иначе он это не называл...

— Простите, — сказал я, — как, вы сказали, ваша фамилия? Да, Гвин. Пойдите. Это «Эштор Гвин АО»? Да, помню, то был интересный случай. Но вы же не больны, насколько я могу судить. Вы сказали что-то об убийстве. А я не сыщик, как вы должны бы знать. Кстати, как сейчас чувствует себя ваш батюшка?

Я вовремя заметил, как в ее глазах — красивых, надо сказать, глазах — возник подозрительный блеск (похоже, за слезами ей не приходится ходить далеко), и постарался предотвратить наводнение.

— Он, увы...

— Я вспомнил: это было в информациях, — невежливо прервал я ее. — Напрасно не вызвали меня снова: может быть, снова удалось бы... Примите мои соболезнования. Однако... Раз уж вы принудили меня выслушать вас, предоставьте мне выбирать — что я хочу от вас услышать и чего сейчас не желаю.

Вообще-то меня, конечно, не пугала, а скорее привлекала перспектива поболтать, расслабившись, с женщиной, производившей (если отвлечься от конкретных обстоятельств) самое приятное впечатление. Такая... гм... склонность мне свойственна. Если бы мы с Лигой Гвин (о которой я и сейчас почти ничего не знал, хотя по ее мнению был просто обязан) сидели просто за чашкой чего-нибудь, я бы не стал препятствовать ее излияниям. Но она оказалась здесь не со светским, а с полностью деловым визитом, а я еще до ее появления тут уже успел войти в то рабочее состояние, в каком всякие личные мотивы отправляются на отдых до лучшего времени. К тому же женщин надо останавливать своевременно — иначе они возьмут все в свои руки. И я повторил:

— Я буду спрашивать, вы — отвечать. Другого порядка тут быть не может. Вы сказали, что вам угрожают убийством. Предотвращение убийств — не моя профессия, и отказ с моей стороны был бы вполне оправдан. Однако скажу откровенно:

вы мне нравиться, и не хочется оставлять вас ни с чем. Поэтому обещаю вам мою помощь — если только ваш случай хоть каким-то боком подпадает под мои возможности. Если нет — не взыщите, но... И поэтому вы сейчас обстоятельно мне представитесь — хотя бы для того, чтобы я смог сделать собственные выводы относительно того, стоит ли вас по каким-то причинам убивать и так ли эти причины серьезны, чтобы вовлекать в это дело меня, хотя, возможно, тут достаточно было бы сил полицейского патруля.

Дама вздохнула. Но мне показалось, что рассказывать о себе было занятием, вовсе не вызывавшим у нее неудовольствия. Хотя она попыталась было увильнуть от ответа, проговорив:

— Может быть, я дам вам наш проспект — там все изложено в подробностях, включая мое жизнеописание, сделанное лучшими специалистами по общественным отношениям. У меня как раз есть с собой кристалл...

— Приму с благодарностью, — ответил я. — Потому что обожаю получать в подарок всякие безделушки, от которых нет никакого практического прока. Но, знаете ли, я консерватор и люблю, например, театр, где играют живые люди, а не записи на кристалле, пусть они и куда богаче всякими трюками. Поэтому одолейте вашу лень и сэкономьте мое время — и ваш кошелек, потому что оплату я получаю повременную и счетчик тикает уже двенадцать минут. Ну-с?

Этот последний аргумент, похоже, подействовал на нее сильнее, чем все прочее, что я мог бы ей сказать.

— Люблю настойчивых мужчин, — сказала она, — хотя уступаю им очень редко — можете воспринять это как предупреждение. Итак, я...

4

Собственно, большой нужды ни в ее рассказе, ни в проспекте у меня не было. Пока дама со своим конвоем (что сейчас просто-таки оцепил мой дом) добиралась до моего жилья и затем поднималась ко мне, я успел, внимательно изучая картинку на экране, пока лифт ненавязчиво просвечивал их на предмет обнаружения опасных предметов (их, кстати,

не оказалось), увидеть на этой картинке и прочитать ее персональную карточку, запросить базу данных и получить исчерпывающий ответ. Так что я несколько кривил душой, заявляя, что понятия не имею об ее личности и месте в нашем насквозь просматриваем и регистрируемом мире. И сейчас мне было важно не то, что она расскажет, а то, о чем умолчит, а также — как, в каком стиле она расскажет и насколько искусно будет заштуковывать те дырки в повествовании, сиречь лакуны, какие неизбежно возникнут после умолчаний. Запись нашего диалога исправно работала с того мига, когда она появилась на пороге, тем не менее я слушал ее очень внимательно, насыщая свое первое, беглое представление о ней живыми деталями и оттенками. Картина получалась достаточно интересная.

Лига Гвин на самом деле была и дочерью, и женой, и даже артисткой — хотя в очень своеобразном жанре. Отец ее, Эштор Гвин, был одним из двух самых богатых людей в нашем вовсе не бедном мире; точнее, двух легально богатых — поскольку существует еще некоторое количество людей, стоящих даже больше, чем эти двое, но не отчитывающихся в своих прибылях ни перед кем. Муж дамы по имени Лимер принадлежал — ну, не к этим нескольким, но к тем, кто составляет их тесное окружение и тоже не ходит для заработка на паперть или в переходы.

— Думаю, у них достаточно возможностей обеспечить вам охрану — лучшую в мире или хотя бы одну из лучших, — вставил я свою реплику в ее монолог, воспользовавшись тем, что Лига Гвин делала очередной вдох. Судя по его продолжительности, легкие у нее были в прекрасном состоянии. — Почему же именно моя скромная персона заинтересовала вас до такой степени?

— Да, конечно, — ответила Лига с досадой, — отец не пожалел бы денег на мою защиту — если бы был жив. Но пока он был жив, вопроса о моей защите вообще не возникало, потому что мне ничто не угрожало. Можно сказать, он сам был самой надежной защитой.

— Откровенно говоря, не совсем понимаю, — покривил я душой. — Вы хотите сказать, что ваш батюшка умер?

— Да я уже сказала — просто вы не пожелали услышать. Вы что, совсем не пользуетесь даже открытой информацией?

— Увы. Процент истины во всех ее формах столь мизерен, что я просто не могу позволить себе тратить время столь непроизводительно. Мадам, я вынужден напомнить вам: вопросы задаю я.

— А я вас ни о чем и не спрашиваю, я просто уточняю. Да, мой отец, к сожалению, ушел из этого мира и тем поставил меня в очень двусмысленное положение.

— Вот как? Ну, собственно...

— Почему вы постоянно перебиваете меня? Хотите, чтобы наш разговор тянулся подольше? Да не бойтесь за свой гонорар: он будет даже больше, чем вы осмелитесь предполагать. Вы требуете моих ответов, а сами...

— Да, разумеется, — вынужден был признать я. — Извините великодушно и продолжайте, прошу вас. Двусмысленное положение, вы сказали?

Похоже, мое извинение пришлось ей по вкусу.

— Именно так. С одной стороны, он сделал меня, не побоюсь сказать, самой богатой женщиной в мире — разумеется, из женщин с открытым капиталом. С другой же — если до сих пор я была лишь персонажем светской хроники, не более того, и никто не думал обо мне как о серьезном участнике мирового экономического, а значит, и политического процесса, потому что никто не ожидал, что папа... Он ведь не страдал никакими болезнями, вел здоровый образ жизни, не предавался никаким излишествам — ну и так далее, все по вашим тогдашним инструкциям, — и все пророчили ему еще несколько десятков лет жизни. Так что для всего мира это оказалось неожиданным. Не только для редакций, у которых не оказалось заготовленных, как это принято, некрологов, но, главное, для всей деловой элиты. Они просто не знают, как отнестись ко мне, насколько серьезно воспринимать меня как делового человека, строить ли на мне какие-то расчеты — или считать меня фигурой случайной, которую удобнее всего вывести за скобки — у них это выражение в ходу, — и на мое место посадить человека, им хорошо известного и понятного, который не станет выбиваться из ряда вон. Вы понимаете, меня все время воспринимали как особу достаточно эксцентричную, способную на неожиданные и неоправданные с позиций здравого смысла действия...

Я просто не мог обойтись без поощрительной реплики:

— Следует ли понимать это так, что на самом деле вы — совершенно другой человек?

Тут она должна была, по-моему, немного растеряться. Этого, однако, не случилось. Она лишь очень пристально посмотрела на меня — так, что в пору было поежиться от странного ощущения.

— Скажите, дин Сорог, существует ли у вас, как, скажем, у адвокатов, понятие профессиональной тайны? Насколько конфиденциально то, что вы можете услышать от меня? Или вы вправе распоряжаться этим как вам заблагорассудится?

— Ни в коем случае, — успокоил я ее. — Только суд мог бы заставить меня рассекретить содержание моих разговоров с клиентом. Мог бы — если бы задался такой целью. Но этого никогда не произойдет.

— Вы уверены?

— Совершенно.

— Почему вы так считаете?

— А вот это уже относится к профессиональным тайнам. Извините.

Лига Гвин секунду помедлила, прежде чем сказать:

— Я поняла. Очень хорошо.

— Одно маленькое уточнение, мадам. Это правило распространяется и на вас: вы не должны разглашать содержания наших бесед, а иногда и самого их факта.

— Не беспокойтесь. На самом деле я вовсе не эксцентрична и прочее; но я действительно долго и успешно играла роль именно такого мотылька. Этого хотел папа. А на самом деле я всегда была в курсе его дел и замыслов, являясь как бы сверхштатным, тайным, если угодно, секретарем. Потому что он понимал, что в любой момент его интересы могут настолько круто и бесповоротно разойтись с интересами других королей экономики, что... Словом, он знал о возможности случившегося — и потому хотел, чтобы я была способна в любой миг взять руководство на себя, не тратя времени на ознакомление, вхождение в курс и тому подобное.

— Простите, Лига, но мне не совсем ясно... Видите ли, достаточно легкомысленная светская дама для бывших кол-

лег вашего отца, мне кажется, фигура весьма приемлемая. Ведь, используя вас как вывеску и посадив рядом с вами своего опытного и надежного человека, скажем — введя его в директорат, они смогут контролировать...

— Я вас поняла. Такой человек есть, и нет нужды вводить его в совет директоров. Это мой муж.

— Ну и прекрасно! Значит, рядом с вами имеется надежный, мне кажется, защитник, второй после отца, кому под силу защитить вас и у кого есть все основания сделать это.

— Логично, дин Сорог. Так и было бы — если бы не одно обстоятельство. А именно: муж — мой, но человек — их. Мой он пять лет, а их — не менее двадцати. До своего нынешнего положения он вырос не потому, что женился на мне, напротив: они вырастили его до такого уровня, и только тогда папа счел его достойным моей руки. Он станет защищать меня всеми средствами — если так прикажут они. А если приказание будет противоположным, он точно так же всеми силами... Ну, вы понимаете. Да собственно, вы можете увидеть его в тех кадрах, что нам удалось получить, когда и было решено убить меня. Он там был! И приказ уже отдан. Вот почему я у вас.

— Могу ли я спросить — кто эти пресловутые «они»?

— Вы должны спросить это в первую очередь. Вам знакомы такие имена? Шаром, например? Акузан Шаром?

Я больше не видел смысла продолжать игру в прятки и признал:

— Более чем знаком. Человек, чьих возможностей не знает даже Департамент налогов и сборов — а он, похоже, исчислил даже количество звезд в невидимой части Вселенной. Но почему они отдали именно такой приказ?

— Начать издалека или прямо о причинах?

— Сэкономим время; начинайте издалека.

— У них уже несколько лет назад — а точнее, пять лет и четыре месяца был подписан протокол о намерениях — возник замысел, суть которого — заставить федеральные власти коренным образом изменить антимонопольное и противонаркотическое законодательство. То есть совершенно развязать им руки не только в нашем мире, но и во всей Федерации.

— Они мыслят, надо сказать, масштабно. Но какими средствами...

— Не менее масштабными. Слушайте внимательно. Вы представляете, какая часть продукции и торговли находится под их контролем, иными словами — принадлежит им?

— Точно не интересовался, но думаю — не меньше половины.

— Шестьдесят пять процентов с десятичными, если угодно.

— М-да. Впечатляет. Ну а дальше?

— Отсюда вытекает их план. Принципиально нового в нем, пожалуй, мало, но... Короче говоря, это забастовка. Прекращение производства, оказания услуг, торговли, колоссальный локаут в мировом масштабе — и полное отсутствие у властей средств принудить их вернуться к нормальной деятельности. Никто не знает точно, кроме них самих, какая часть генералитета внешних и внутренних войск и органов правосудия закуплена ими, но и тут у них больше половины. А кроме того, они в отличие от властей умеют пренебречь внутренними противоречиями для решения глобальных задач, в то время как наши общественные и политические верхи...

— Да, это понятно. Мне неясно другое: при чем тут вы, ваш отец, ваши предприятия, наконец?

— Неужели это так трудно понять?

— Обождите секунду... Ага. Не опасаются ли они, что в данном случае вы смогли бы сыграть роль своего рода штрейкбрехеров? Не поддержав их... Так?

— Почти точно. Они знают, что отец с самого начала был принципиально против этого замысла. Потому что наш дом совершает все дела строго в рамках закона. Я не имею в виду налоговое законодательство (тут на губах ее промелькнула улыбка), но мы не монополисты и не наркоимператоры. И еще и по той причине, что их проект неизбежно приведет к беспорядкам — это же, по сути дела, смертный приговор для миллионов людей, — а беспорядки — к жертвам. А папа всегда был против жертв, в особенности человеческих.

— Но что практически мог бы сделать ваш отец, чтобы противостоять им? Не переоценивают ли они его... ваши возможности?

— Вы ведь поняли: они контролируют шестьдесят пять процентов...

— Разумеется.

— Так вот, остальные тридцать пять — это мы. Могу даже сказать: сейчас это — я. То есть в моих руках — половина их совокупной мощи. И при этом у меня нет разногласий с самой собой, а у них все-таки есть, пусть и на время отложенные.

— Да, вы действительно серьезный противник. Но ведь если вы, кем бы ни считались номинально, на деле всего лишь взбалмошная дамочка, я хочу сказать, конечно, — если они так считают, то до поры до времени они должны не только мириться с вашим присутствием, но даже радоваться тому, что их человек, ваш супруг, сможет беспрепятственно осуществлять перевод вашей мощности на их рельсы, так сказать...

— Вы совершенно правы — вернее, были бы правы, если бы они так считали. Но вся беда, дин Сорог, в том, что они прекрасно знают подлинное положение вещей, и на мой счет у них нет никаких иллюзий.

— Это плохо. Откуда, каким образом?..

— Дин Сорог, вы женаты?

— Я?! Господь уберег. При моей специальности это противопоказано.

— В самом деле? Хотя конечно. Знаете, как говорится, самый опасный вор — домашний. От человека, живущего под одной крышей с вами и пользующегося всеми правами члена семьи, ничего нельзя скрыть надолго — в особенности если он предпринимает усилия для того, чтобы быть в курсе всех дел, и обладает в таких делах немалым опытом. А Лимер именно таков. Мой муж, хотела я сказать.

— Я понял.

— Муж — и единственный мой наследник. Детей у нас нет.

— Гм. Сильный аргумент. А почему бы вам не написать завешание в... не знаю, в чью пользу, хотя бы какого-нибудь Фонда, и не объявить об этом всем и каждому? Думаете, его опротестуют?

— Нет. Его просто никто не увидит — ни у адвоката или нотариуса, ни даже у меня дома. Объяснят это как одно из моих вздорных заявлений — а я их делала немало, по уже известной вам причине. А я, как и папа, не хочу, чтобы по моей милости гибли люди. Я имею в виду того же адвоката —

он, на его беду, порядочный человек, другого папа бы и не потерпел бы. Теперь понимаете, почему мне лучше не рассчитывать на его защиту?

— Выходит, вам нужна защита от него?

— Нет. Его я не боюсь. Хотя и продолжаю обитать под одной крышей с ним, делая вид, что ни о чем не догадываюсь — во всяком случае, до конца. Да, приказ был отдан именно ему — но не для того, конечно, чтобы он выполнил все своими руками. Он скорее теоретик ликвидации, но для исполнения у него кишка тонка — простите за оборот речи. Вот подготовить и организовать, проследить, оплатить — это его стихия.

— Интересно, из каких денег?

— Да из моих, конечно же. Я сама должна оплатить мое убийство; у них это считается верхом остроумия — и целесообразности:

— А откуда у вас возникло такое впечатление о нем? Вам что-нибудь стало известным о...

— А вы думаете, мой папа умер своей смертью?

— Черт! Извините, но не с этого ли следовало вам начать? Мы тут говорим вокруг да около, а если у вас есть доказательства, то...

— Доказательства? Откуда, хотела бы я знать?

— Тогда на каком основании вы делаете заявление...

— Это не заявление, это умозаключение. Мне известен только один факт — но его, я думаю, достаточно.

— Что за факт?

— На отца был выпущен Бревог. Факт совершенно достоверный. И вот теперь его же подрядили, чтобы разделаться со мной.

— Бревог?..

— А вы думали, почему я так стремилась заручиться именно вашей помощью? Бревог, дин Сим, именно Бревог!

— Вот оно как, — только и смог произнести я. И через мгновение добавил: — Хорошо. Вы меня заинтересовали. Теперь мои условия: отсюда вы не выйдете до тех пор, пока вопрос не закроется. Не беспокойтесь: я гарантирую вам комфорт, хотя и не такой, наверное, каким вы пользуетесь дома. Но там сейчас, видимо, опасно, а тут надежно защищено. Приемлемо это для вас?

Она сказала после секундного колебания:

— Согласна. Он дал мне три дня — столько я вытерплю. Это все?

— Есть и второе условие. Что вы там говорили о гонопаре?..

5

Значит, Бревог. Веселенькая ситуевина: Сорог, то есть я, versus Бревога.

Откровенно говоря, я надеялся, что наши — моя и его — жизненные линии никогда не только не пересекутся, но и, какими бы узелками каждая из них ни завязывалась, даже и не сблизятся на расстояние прямой видимости. Конечно, в какой-то степени стыдно сознаваться в такого рода мыслях, поскольку их можно легко воспринять как проявление трусости. Однако и личности куда более масштабные порой не могли сдержат почти вопля отчаяния: «Да минет меня чаша сия!» Могу с уверенностью сказать: это не страх, а совсем другое — сознание того, что предстоящее — не твое, оно никак не соответствует ни твоему характеру, ни способностям, ни даже... Ну, словом — ничему из того, что составляет твою силу. Не соответствует — и все же ты вынужден этим заниматься.

До сих пор я Бревога не встречал. Не знал даже, как он выглядит, и потому, даже оказавшись рядом с ним, не смог бы опознать его. И до сих пор это меня нимало не смущало — потому что я не принадлежу к тем, кто идет по следам, гонится, настигает и хватает. Думаю, что я физически не смог бы задержать и тем более обезвредить даже простого невооруженного хулигана. Мое амплуа совсем иное: Слово. Я — человек Силы Слов. Понимаю, что это вам ничего не говорит, но сейчас у меня нет времени на объяснения. То есть я не отношусь к людям физического действия, не люблю выходить в поле и отлично без этого обхожусь, а лучше всего чувствую себя дома, в кабинете, и нередко даже помощь моим пациентам оказываю прямо отсюда, за исключением лишь самых тяжелых случаев. Сила Слов — это единственное, пожалуй, чем я дорожу в этом мире, потому что это учение живет со мною и во мне, и будет

жить, пока я жив, и со мною же умрет — хотя бы потому, что передать некому (хотя право передачи мне и дано): дети мои не родились, а друзья умерли, и вовсе не от старости, а от тех причин, которые обычно характеризуются миллиметрами с их десятичными и сотыми долями...

О чем, собственно, я? Да, о Бреворе.

Так вот он — не человек Силы Слов, но самозванец. Он не знает учения, но каким-то образом узнал и усвоил некоторые из его возможностей — немногие, но действенные. Никогда не встречав его, я, в общем, неплохо знаю тот путь, что пройден им и которым, судя по всему, он намерен следовать и дальше. И помню имена и жизнеописания тех людей, чьи жизни пресеклись при встрече — не могу сказать «с Бревором», но вправе утверждать: с его волей, его мыслью, его замыслом. Могу я сказать: «он убийца»? Могу, в этом нет ни малейших сомнений. Могу я доказать это? Нет. Не могу. И никто не в состоянии сделать это. Хотя попытки такие предпринимались, и не раз. И не только попытки доказать. Не раз впавшие в отчаяние люди пытались его просто уничтожить; причем не психопаты, но люди весьма квалифицированные, даже хорошие профессионалы. Но он оставался, а уничтожались они. Сейчас принято считать, что на его совести шестьдесят девять жизней. Если Лига Гвин права, то уже семьдесят. Но это не совсем точно. Я не имею в виду тот факт, что на его совести нет и не может быть ничего, поскольку он, по моему убеждению, своего рода мутант, от рождения лишенный совести, иными словами — ощущения Бога. Я лишь хочу сказать, что около двух десятков из этих семидесяти пали не от его, условно говоря, руки, но в результате действий его телохранителей. А теперь самое смешное: эту охрану нанимает и содержит не он, Бревор никогда, насколько мне известно, не затратил на свою безопасность ни гроша. С требованием обеспечить его безопасность он просто-напросто обратился к государству, представив убедительные доказательства того, что ему угрожают смертельные опасности; свора его адвокатов позаботилась об аргументах такого рода, хотя придумывать им ничего не пришлось, но лишь систематизировать и привести в соответствующий юридическим требованиям вид. И государство не нашло повода отказать ему, как не отказало бы в этом любо-

му другому гражданину, до такого правового уровня мы все же дожили, хотя и не сразу. Некоторые острят: Бревор, мол, давно под арестом, законвоирован, только без ограничений в передвижениях и общении. Это так; можно лишь добавить: своим конвоем он же и командует по собственному усмотрению. Кстати: государство рассчитывало, я думаю, что такая услуга волей-неволей заставит Бревора прекратить убивать. Ничуть не бывало. Его адвокаты утверждают, что на него с давних пор вешают все убийства, которые следователи не сумели раскрыть, что, по сути, это всего лишь легенды, поэтому, дескать, его и не могут ни в чем обвинить — он ничего подобного не совершал. И кто-то этому верит — из тех людей, которые уверены, что их скромная персона никогда не заинтересует легендарного персонажа хотя бы потому, что никто не захочет понести такие затраты ради их устранения.

И похоже на то, что сейчас, когда Лига Гвин назвала мне имя подозреваемого, я, кроме привычного уже душевного движения, весьма похожего на робость, ощутил и нечто новое: «Пришла пора». Словно бы я, сперва средневес, а потом и полутяж, долго нагонял вес, чтобы выйти на ринг против супертяжа, чемпиона мира, и схватиться за право надеть этот пояс. Сравнение не самое лучшее, но сейчас мне не до стилистических поисков.

Я понимаю, что сейчас просто-таки тону в многословии. И не потому, что пренебрегал формой: она всегда очень важна в отношениях с клиентами, с их сознанием и подсознанием, с их внутренними органами, не говоря уже о тонких телах. Тут скорее всего сказывается какой-то внутренний запрет, запрет на излишнюю откровенность: каждое слово из тех, что я скажу вам, почти сразу станет известно и ему (нет, я, разумеется, не имею в виду лично вас, но кто-нибудь да проинформирует столь известную личность — хотя бы из одного желания удостоиться его внимания), а это может помешать мне более, чем помочь. Возможно, я допустил ошибку еще раньше, вообще согласившись на столь откровенный разговор. Но мое правило — всякий путь проходить до конца, если даже впереди вас ожидают не удовольствия, но неприятности. Характер человека должен быть кристаллическим, а не слепленным из холодной манной каши. Впрочем, это мое личное мнение.

6

Ну что, перейдем наконец к делу? С чего начнем? По старинке: с начала.

Итак, подойдем к новой проблеме как к решению заурядной следственной задачи. Хотя решать ее я буду по-дилетантски, что совершенно естественно. Начинать расследование преступления принято с поиска ответов на несколько стандартных вопросов.

Первый из них: кому преступление выгодно?

Когда речь идет о действиях Бревора, найти заказчика не так уж сложно. Бревор не стреляет по воробьям; он охотник на слонов. Каждый из таких слонов крепко ввязан в какую-то одну (или в какие-то очень немногие) серьезную систему: политическую, экономическую, криминальную, не имеет значения — законную или нелегальную. Занимает в этой системе определенное место (и налицо — круг претендентов на это же место, буде оно освободится), оказывает влияние на определенную линию развития (оппоненты — люди, считающие, что он влияет не в том направлении), сам претендует на более высокий пост (врагом становится тот, кто занимает этот пост сейчас), а кроме того — может оказаться обидчиком кого-то в своей частной жизни (включая собственную жену и детей, порой даже родителей), ну и так далее. Чаше всего все причины, что могут его оппонентов привести к крутым решениям, присутствуют одновременно — так что вам остается только выстроить их в одну шеренгу по ранжиру, то есть по степени их важности и глубины, — и затем исследовать одну за другой, и не только сами мотивы, но и личности оппонентов — потому что иной может возненавидеть на всю жизнь, но никогда не задумается над возможностью физического устранения противника, будет просто тихо проклинать, в крайнем случае обратится к специалисту, чтобы насладиться порчу или нечто в этом роде; другой начнет плести хитроумную интригу, и только любитель прямых, хотя и опасных путей выберет убийство и станет искать исполнителя. Разобраться в этом — еще даже не работа, всего лишь подготовительные мероприятия.

Работа, как я считаю, начинается тогда, когда приступаешь к последующим вопросам: когда? И — как? И уже затем,

когда эти ответы сформировались, предпринимаешь шаги, чтобы заполнить последнюю (как кажется) графу в этом вопросе: кто?

Если рассуждать так — а в общем, логически тут все в порядке, — то можно облегченно вздохнуть, потому что вся работа такого рода давно завершена, а точнее — ее и не приходилось делать, она как бы выполнялась сама собой.

Когда? Ответ на этот вопрос можно с великой легкостью найти в официальных документах — хотя бы в свидетельстве о смерти очередной жертвы. Там совершенно точно указано все: месяц, число, час, минута, даже секунда, когда была произнесена формула: «Смерть наступила в...» И не нужно искать свидетелей печального события: их предостаточно, это и медицинский персонал (если это произошло в больнице), и родные и близкие — если человек скончался дома, в условиях, ничем не уступающих клиническим. Только так и умирают, как правило, жертвы Бревора; но и в тех редких случаях, когда exitus letalis наступает в офисном кабинете или в машине (самолете, на борту яхты или еще какого-то средства передвижения), рядом и поблизости обязательно окажется некоторое количество людей, готовых позже засвидетельствовать все обстоятельства дела. Так что тут искать нечего.

Как? И на это те же документы дадут исчерпывающее объяснение — в форме медицинского заключения, в котором будет диагноз. Может быть, причиной назовут обширный инфаркт миокарда, как в случае с Люфаретом Троком, генеральным директором «Трок Никель», может быть — кровоизлияние в мозг, какое вдруг прервало жизнь Голубина Стека из «Аэромира», или внезапная остановка сердца (Медовар Курба, «Тритиум Трест»), или отказ печени, уложивший в гроб известного Симо Орка, или, или, или...

Возможно, кто-то из близких, придя в себя после понятного потрясения (все равно, искреннего или хорошо сыгранного), не удержится и задаст врачам бестактный вопрос: как же это могло получиться, скажем, с Троком, за неделю до смертного часа прошедшим очередную обязательную диспансеризацию (конечно, на этот счет нет никаких законов, но есть требования страховых компаний) и в результате не заподозренном ни в каком, пусть даже самом пустяковом

недомогании, а уж что касается сердца, то оно, по тогдашнему замечанию кардиолога, могло бы с успехом работать и в груди чемпиона мира по, скажем, марафону; результаты всех исследований записаны, их можно просматривать хоть сто раз в поисках какой-то вовремя не замеченной угрозы — и не найти ни намека на что-либо такое. С чего же вдруг инфаркт? Врач, даже самый умудренный, лишь разведет руками и с приличествующей печалью в голосе произнесет: «К прискорбию, природа порой ставит нас перед такими фактами, которым мы пока не в силах дать сколько-нибудь убедительное объяснение; природа, знаете ли, весьма хитроумна и временами коварна» — или в этом роде. Он ничего иного сказать и не может, потому что иное предположение оказалось бы уже вне рамок современной науки — но уважаемый профессионал просто не имеет права позволить себе столь крамольные предположения, как то, например, которое возникло у меня уже достаточно давно, а затем превратилось в полную уверенность. Я-то могу позволить себе такую роскошь: я не принадлежу к миру официально признанной науки и поэтому могу делать такие заявления, на какие не отважится даже скромный бакалавр, не говоря уже об академиках.

Могу, да. Но до сих пор не спешил с этим. Да и сейчас попридержал бы язык за зубами, если бы дело, предложенное мне Лигой Гвин, не оказалось слишком уж серьезным. Люди, прибегшие к услугам Бревора, замахнулись слишком на многое: они, по сути, захотели вывернуть наш мир наизнанку. Но меня он, этот мир, вполне устраивает таким, каков он есть, — я уже достаточно долго живу в нем и, не закрывая глаз на множество его недостатков, все же хочу и оставшуюся часть жизни, какой бы она ни была краткой или долгой (это решаем не мы), провести именно в таком мире. То есть, существуя угроза для одной лишь красоты Гвин, я бы, возможно, еще подумал. Но этот колокол зазвонил и по мне. Так что приходится идти на риск.

В чем заключается моя гипотеза, объяснять недолго, и я даже не уверен, что нужно: вы наверняка уже и сами разобрались в обстановке. Однако чтобы не оказаться обвиненным в сокрытии доказательств, все же выскажу свое мнение. А заключается оно в том, что причиной всех этих неожиданных,

странных, хотя и вполне легальных вроде бы смертей (легальный — летальный, интересное созвучие, а?) является не что иное, как Сила Слов. Ларчик открывается с элегантной простотой, не правда ли?

Убить человека при помощи Слов несложно для посвященного; эта простая истина известна тысячелетиями. Но быть известным — одно, а стать признанным — совершенно иное. У нас принято отождествлять ее с магией и соответственно к ней относиться. И это обстоятельство, в частности, очень сильно помогает Бревору и другим таким, как он, — если они существуют, конечно. В нашей жизни магия в чем-то подобна проститутке: ее услугами пользуются очень многие — но в приличном обществе никогда в этом не признаются: это не *comme il faut*, никоим образом. Но в ином эти профессии и сильно различаются. Относительно проституции существуют какие-то законодательные акты, то есть она хоть как-то регулируется правом. А вот магия не является субъектом права, ее в законодательстве просто не существует, а это значит, что ее и нет вовсе, она — сказки, миф, не более, суеверие, темнота... прочие синонимы можете найти сами. И это же целиком относится и к Силе Слов.

Но раз магии не существует, то и убить человека с ее помощью невозможно. Как микробы не могли принести болезнь и смерть — до тех пор, пока не пришлось признать их реально существующими. Для этого пришлось изобрести микроскоп. Но никакие существующие приборы наблюдения и измерения не помогут разглядеть магию, для этого нужно нечто иное: другое мыслительное измерение. А оно не изобретается, не проектируется и не изготавливается, оно или есть, или его нет. А часто — есть, но человек сам себе в этом не признается, поскольку это не принято.

Ну вот. Магии нет и Силы Слов нет — значит причиной смерти она быть не может. Человек может называть себя магом, или другие могут именовать его так — да ради Бога, сколько угодно, всякий может назвать себя гением, святым, потомком Юлия Цезаря или какого-нибудь боярина... Кто-то поверит в это, потому что на самом деле ему все равно, кто-то пожалеет, что сам вовремя не догадался заявить о своем происхождении от короля Артура, но ничего наказуемого в этом

нет, если только человек не пытается извлечь из этого какую-то выгоду для себя, потому что тогда можно потребовать у него доказательств. Но можно ли потребовать доказательств от мага? Или от адепта Силы Слов? Это могут сделать только такие же специалисты, как он сам, вероятно, маги в своей среде этим и занимаются, нам же — людям Слов — это не нужно: нас всегда так мало, что мы всегда знаем друг друга хотя бы по имени; но опять-таки никакими законами это не регулируется.

Представьте, что вы приходите в официальное учреждение и заявляете: «Человека убил имярек такой-то при помощи Силы Слов. Он — убийца, арестуйте его, судите и приговорите!»

Представьте также, что (хотя это и неправдоподобно, но ведь мы исследуем чисто умозрительную возможность) вас не выгнали и даже не стали тестировать на алкоголь или наркотик. К вам отнеслись серьезно и спросили: «Какие же конкретно средства были применены имяреком для причинения человеку смерти? Вам это известно? Каков механизм магического, как вы сказали, воздействия одного человека на другого? Вы видели что-то подобное? Можете описать? Пожалуйста, убедите нас в том, что ваше заявление — не плод больной фантазии, и мы рассмотрим вопрос об открытии дела. Поймите, криминалистов нигде не обучают раскрытию магических преступлений просто потому, что их, по существующему убеждению, не существует и существовать не может. Вы говорите, что средствами магического воздействия могут быть определенные заклинания, а также воздействия на человека путем действий против его кукольной модели, или волос, или ногтей, или крови, или еще какие-то средства, вам неизвестные? Хорошо, это еще туда-сюда. Но чтобы словом?! Можно ли это проверить экспериментально? Вы можете? Ах, ни один из вас не пойдет на такое, потому что если он это сделает, то... Ясно, ясно. Однако не значит ли это, что ваше заявление даже в принципе не может быть подкреплено никакими конкретными фактами? Мы рады, что вы это понимаете. Но тогда... (лакуна в возможной записи разговора) какого же (лакуна) ты (обширная лакуна) морочишь нам тут головы? Ты что — решил пошутить с нами от нечего делать? Так мы в два счета найдем для тебя заня-

тие, ты (лакуна), (обширная лакуна), (болевые ощущения в области копчика)...

То есть Бревор может смело и беспрепятственно появляться где угодно, не изменяя облика, не выдавая себя за кого-то другого, и даже пользоваться почтительным уважением пополам со страхом. Потому что все знают, что он убийца, — и так же хорошо знают, что никто не сможет это доказать. А если кто-нибудь и попытается, то... Нашелся один такой три с лишним года тому назад. Силан Прост, владелец футбольной «Солиды», человек очень крутой. Ему кто-то внушил, что именно из-за магического воздействия его ребята проиграли в финале с позорным счетом 4:0. И назвали Бревора. Я бы на месте Проста этому не поверил — хотя бы потому, что Бревор веников не вяжет, на мелочи не разменивается, он не мелкий пакостник, но (говорят, однажды он так и заявил в узком кругу) властелин жизни и смерти, никак не менее. Но Прост о Бреворе мало что знал, просто имя на слуху, и решил разобраться с обидчиком по-серьезному. Но не успел: ссыпался с трехтысячной высоты на своем «Сериже»; он очень любил летать, в молодости был военным летчиком. Собирали его совком, но медики все же как-то исхитрились установить: пресловутая внезапная остановка сердца, упал он уже в холодном виде. Вот почему ни один серьезный человек и не подумает предпринимать против Бревора какие-то действия. Схватить за руку, обличить, доказать и тому подобное.

Я тоже достаточно далек от легкомыслия — во всяком случае, когда речь заходит о моей шкуре. И — слушайте внимательно! — не собираюсь ни обличать Бревора в чем бы то ни было, ни доказывать его вину хотя бы в одном из семи десятков убийств. Потому что это, во-первых, опасно, а во-вторых — бесполезно. А к тому же я — не карательный орган, не служитель правосудия, и государство не обращалось ко мне с предложением заниматься такими проблемами. Да и работа, на которую я подрядился, заключается не в уничтожении любым способом Бревора, а совсем в другом: в защите моей новой клиентки, Лиги Гвин.

Вот этим я намерен заняться всерьез. Не нападать на Бревора, отнюдь нет. Но помешать ему в выполнении совершенно конкретного замысла. Помешать! Предотвратить! Сделать его

действия бесполезными, не достигающими цели! А сам он — да пусть живет хоть сто двадцать лет, я не кровожаден.

На такую работу у меня (с недавнего времени я чувствую это) хватит и решимости, и, главное, умения и возможностей. Потому что я тоже не первый встречный. Я — Сим Сорог, и черт бы побрал всю магию!

7

Вот такой не самый короткий в мире монолог произносил Сим Сорог перед воображаемым зеркалом; любовался собой, может быть? Не исключено. Однако в то же самое время он еще и занимался делом; не только прокламировал свою позицию, но и, так сказать, обживал ее, как исходный рубеж для предстоящей атаки, и делал это в соответствии с теми методами, какие выработал сам для себя и которые должны были привести его к успеху в предстоящей кампании.

Если верить его словам (а у нас нет оснований сомневаться в его искренности), дин Сорог намерен был выступить не против личности Бревора, но лишь нейтрализовать его действия и предотвратить их результаты — сейчас в деле защиты Лиги Гвин, а если это удастся — в дальнейшем и всех других его покушений, какие, несомненно, будут Бревором предприниматься хотя бы для поддержания его неофициальной, но весьма прочной репутации.

На первый взгляд может показаться, что Сорог поставил перед собой задачу совершенно невыполнимую. И в самом деле: если убийца обходится не только без каких-то прямых контактов с намеченной жертвой, не только не намерен приближаться к ней хотя бы на расстояние выстрела, но и не собирается использовать в своей работе никаких средств связи, не прибегать к содействию каких-то третьих лиц (потому что все это в конечном итоге оставляет следы, всякое использованное техническое средство, не говоря уже о живых людях, неизбежно даст следствию показания — если, конечно, сыщик достаточно квалифицирован, чтобы знать, какой вопрос и как поставить) — то каким же образом можно его уличить хоть в чем-то, кроме разве того, что он действительно существует в одном и том же времени с предполагаемыми

жертвами. До сих пор ни в одном из преступлений, какие приписывались (и скорее всего — справедливо) Бревору, не было найдено ну совершенно ничего, что могло бы указать на методику осуществления убийства; в справедливости диагнозов не приходилось сомневаться, все выглядело совершенно естественно, то есть без участия человека. Никто не нанимал медсестер, чтобы сделать отравляющий укол или подсыпать что-нибудь во что-нибудь, никоим образом не загонял обреченного в какой-то дикий стресс, в котором отказывала и физика, и психика; во всяком случае, никаких даже намеков на такое ни в одном случае установлено не было. Да и не могло, потому что Бревору все это не было нужно.

Сорог знал, как действует Бревор. Точнее — предполагал с большой долей уверенности. Но перед тем, как что-то предпринимать, надо было окончательно убедиться в том, что здесь действительно работала Сила Слов. Потому что против Бревора может быть успешной скорее всего лишь одна атака. И она требует тщательной разработки и подготовки. Если же окажется, что Сила Слов тут ни при чем, что пушка выстрелит даже не по воробьям, а в пустоту, атакованный не потеряет ничего, атакующий же может лишиться всего, что составляет смысл его жизни.

И для того, чтобы совершенно в этом убедиться, Сорог собрал, пусть и не без определенных трудов и затрат, в своей базе данных копии всех расследований, проводившихся по поводу необъяснимых смертей и не давших никакого результата. К счастью, в этих документах все было запечатлено исключительно полно, со всеми деталями — как бы в оправдание того, что протоколы оказались единственным практическим результатом предпринятых следственных действий. Был простор для анализа, сопоставлений, догадок и выводов. По минутам, чуть ли не по секундам были, в результате кропотливой работы дознавателей, зафиксированы действия, встречи, передвижения, сеансы связи, завтраки, обеды и ужины (меню со всеми подробностями) каждого из почивших. Сорог искал каких-то совпадений, похожестей, параллельных действий, которые позволили бы ухватиться хотя бы за кончик пусть даже очень тонкой ниточки. Искал все-ръем, как бы заранее убедив себя в том, что ниточка эта существует, просто она так тщательно укрыта от постороннего

взгляда, как рисунок в загадочной картинке; искал не то что невооруженным глазом, но вогнал в пот всю свою кваркотронику (пот у этой техники проявляется в виде глюков). Без ее помощи такой сравнительной анатомией событий пришлось бы заниматься не менее полугода. Но результатом было лишь отсутствие хоть чего-либо, что можно было бы всерьез назвать результатом. Полный ноль. Потому что каждая смерть была не похожа на другие, оставалась единственной и неповторимой во всем, кроме конечного исхода: смерти человека точно в назначенное время — может быть, точность была не до минуты и секунды, но уж объявленный час соблюдался всегда и везде.

Впрочем, какие-то результаты все же были. В частности:

1) Бревор во время своего нападения никогда не находился вблизи жертвы, он обеспечивал себе алиби. Но не был и далее полукилометра. Это говорило о том, что если тут использована Сила Слов, то Бревор обладал лишь начальной возможностью. Настоящий адепт преодолеет любое расстояние.

2) Смертей, какие причинял он, было всего пять. И это тоже говорило об ограниченности его арсенала.

Для Сорога это были доказательства. Но только для него.

Ничего удивительного, подумал Сим Сорог, когда в анализах была поставлена последняя точка, что Бревор не боится предсказывать смерти совершенно открыто и даже с улыбкой на губах. Предсказания не наказуемы. Они не являются попытками. А его причастность к смертям оставалась ничем не подтвержденным предположением: уже после второго случая, когда прорицание подтвердилось, Бревора за две недели до объявленного срока начинали пасти и совершенно неприкрыто, и параллельно — самыми скрытыми способами, он же лишь усмехался, продолжая вести все тот же публичный образ жизни; все его перемещения, контакты, разговоры, действия — все было зафиксировано и не раз просматривалось не менее внимательно, чем только что сделал это Сим Сорог. И с тем же результатом.

Хотя нет; результат, пожалуй, был иным. Потому что все те, кто пытался разобраться во всех этих материалах до Сорога, надеялись все-таки найти хоть что-нибудь, подтверждающее причастность Бревора не только к пророчествам, но и к

их исполнению. Не нашли — и это было их поражением. Сорог же заранее предполагал и даже надеялся ничего не обнаружить, у него в голове уже сформировалось предположение, в котором для ожидаемых находок не было места, и если бы они все-таки случились, это стало бы лишь доказательством того, что Сорог заблуждался. Нет, он действительно искал с таким тщанием, как если бы целью его было — найти; потому что если и ловить себя на ошибке, то это нужно было сделать сейчас, пока поиск не ушел слишком далеко в направлении, которое оказалось бы ложным. Дорогу эту надо было преодолеть как можно быстрее. Потому что время предстоящей смерти Лиги Гвин было объявлено открыто и определенно, и до предсказанного горестного события оставались считанные дни. Не более двух.

Сим Сорог рассчитывал успеть.

Со вздохом облегчения он собрал все с таким трудом полученные кристаллы с записями материалов пусть и не всех, но все же шестидесяти пяти расследований, высыпал их в коробочку и засунул ее на самую дальнюю полку. Они больше не были нужны. Работа теперь предстояла совсем другая.

8

Работать помешал вызов.

Услышав сигнал, Сорог досадливо поморщился: не ко времени, совершенно не ко времени, кто бы ни захотел сейчас говорить с ним. И сердито спросил:

— Ты что, забыла, что я отменил соединения? Что там за пожар?

«Абонент представился как коллега», с готовностью отпартовал компьютер.

— Соедини.

Это уже другой голос, понял Сорог. Мужской. И незнакомый. Нажать «идентиф». Что-о? Ничего себе сюрприз. Хотя... этого следовало ожидать уже несколько часов назад. Но — без лишнего эмоций.

— Уважаемый дин, — сказал Сорог сухо, — я не разговариваю с анонимами, а вы даже не позаботились представиться. Так что — желаю здравствовать.

— Аноним? Ни в коем случае. Мое имя — Бревор. Уверен, что вам приходилось его слышать.

Бревор.

— Хорошо, в чем дело? Я не располагаю временем для долгих бесед.

(Вот так его! — чтобы не думал, что я так уж заинтригован его персоной.)

— Дин Сорог, приношу извинения за беспокойство в неурочное время — мне просто неизвестен ваш регламент... Тем более что нет никакого серьезного повода, всего лишь хотелось узнать: как обстоят дела у нашей общей знакомой — я имею в виду Лигу, конечно. Вы ведь, по-моему, приняли в ее делах какое-то участие, не так ли? Я пытался услышать это от нее самой, но, к сожалению, не могу разыскать ее нигде — ни один ее канал не отвечает. Может быть, вы в курсе? Как с ее безопасностью, а если у вас такой информации нет — то хотя бы где можно ее разыскать?

«Вопросы по-детски наивные, — невольно усмехнулся Сим. — Но это вовсе не значит, что он считает меня дурачком. Скорее ему хочется, чтобы я принял за глупца его самого. Что это может означать? Только одно: он знает, что я вошел в это дело, но настолько уверен в своих возможностях, что счел уместным формально объявить мне войну. Этот разговор и есть — «Иду на вы». Ему ведь прекрасно известно, что я и так знаю, что он стоит по другую сторону — барьера, сетки или шахматной доски, а точнее, может быть, — линии фронта. Так что новой информации в этом его заявлении — ноль, зато я начинаю ощущать — так он считает — психическое давление на меня. Хотя бы в смысле: «Не думай о чужой безопасности, маэстро, тебе в пору очень серьезно заняться проблемой самозащиты — если ты действительно угадываешь или хотя бы ощущаешь мою силу...»

— К сожалению, дин Бревор, даже не догадываюсь, где мадам Гвин может находиться сейчас: после известного вам визита она ко мне более не обращалась, и у меня тоже не возникало надобности искать ее...

(Чистая правда, усмехнулся Сим: мне незачем догадываться о местопребывании Лиги, поскольку оно мне известно совершенно точно, поэтому и нет надобности искать ее. Верно и то, что она ко мне более не обращалась: я ей это запретил строго-настрого.)

— ...поэтому не имею возможности помочь вам хоть как-то.

— Мне очень жаль, дин Сорог. В таком случае, когда я найду ее, то смогу сообщить вам ее новый адрес. Если он вас интересует, разумеется.

(Это надо понимать вот как: «Не трепыхайся, противник, я все время буду в курсе твоих дел, передвижений, встреч, разговоров...»)

— Очарован вашей любезностью, дин Бревор. Буду очень благодарен — разумеется, если это не слишком затруднит вас. Я никуда не собираюсь отлучаться, так что меня вы всегда найдете без малейшего труда.

— Очень раз слышать это, дин Сорог. Поверьте, наш разговор доставил мне истинное удовольствие. Теперь разрешите откланяться — до следующей связи, а может быть, даже и личной встречи?

«Прямая угроза, — оценил Сорог. — Ладно, получай ответ».

— О, я вовсе не исключаю такой возможности — вот только немного разберусь с делами, это не отнимет много времени, поскольку среди них нет никаких особо сложных. Рутину, знаете ли.

(То есть этакое высокомерно-пренебрежительное: «Не думай, что поймать тебя составляет для меня серьезную проблему; я решу ее походя!» Он в это, конечно, не поверит, но разозлится и, быть может, уступит желанию — не откладывая, доказать мне, что я его недооцениваю. И следующая атака с его стороны будет уже не просто сотрясением воздуха.)

— Рад слышать это, дин Сорог. Итак — до.

— До, дин Бревор.

9

Вот сейчас у меня действительно не осталось времени для болтовни. Потому что дело после этого разговора завертится по-настоящему, будет раскручиваться все быстрее, и нельзя терять ни минуты: на самом деле до решения задачи еще далеко, далеко, далеко. Но Бревору этого знать не следует: пусть думает, что я уже дышу ему в затылок, пусть и он поторопится: поспешность — мать ошибок.

Теперь Бревор вынужден осложнить свою задачу. И не вдвойне, как может показаться с точки зрения арифметики. А самое малое втрое. Вместо одной намеченной жертвы оказалось две — сейчас я уже наверняка в его списке, раз уж он заподозрил — да нет, точно узнал, что я решил выступить против него. Но эта вторая из намеченных жертв в состоянии как-то обороняться — во всяком случае, сама она так считает, да и Бревор тоже, раз уж ему известно, что я владею Силой Слов. А что это значит? То, что эта вторая жертва должна идти номером первым: если сначала выполнить заказ по Лиге Гвин, оставляя самозваного защитника на закуску, то он, чего доброго, может все же ухватить какой-то кончик ниточки, затем обратится в крота — уйдет под землю и оттуда начнет копать. Не очень, но все же опасно — так примерно должен сейчас рассуждать Бревор. Иметь на плечах противника — это всегда большое неудобство. Вывод: поменять их местами, сначала избавиться от преследователя, а потом уже спокойно выполнить взятое на себя обязательство. Тем более что эту новую цель искать не приходится: вот он, сидит у себя дома и пока еще не испугался всерьез — там и надо его играть. Скорее всего Бревор именно так и подумает: играть. Привык к тому, что для него это всего лишь игра — и беспрюиришная.

И логика, и интуиция тут согласны: первый удар будет нанесен по тебе. Значит, сейчас главное — организовать собственную защиту. Для этого у меня есть все. Ну, не совсем так, скажем скромнее: почти все.

Скажи-ка, — задал он самому себе непростой вопрос, — а не захотел ли ты разозлить Бревора именно затем, чтобы он первой целью сделал именно тебя? Пожалуй, именно таким и был настоящий мотив. Подставить себя — чтобы на себе и поймать его. Самый простой путь, хотя и самый опасный. А чего ради ты это сделал? Ради спасения этой дамы? Ну-ка ответь честно. Нет, не ради нее. Потому что если я тут проиграю, она и подавно не спасется. Одолело честолюбие? Не без того, но и не это дало толчок. Что же в таком случае? Кажется, две вещи. Первое: тебе захотелось схватки лицом к лицу. Поединка, а не охоты из засады. С рогатиной на медведя, а не с двустволкой против вепря. Второе: единственная рогатина, которой ты в состоянии воспользоваться, это —

твои гипотезы. Только с их помощью ты можешь использовать его оружие против него самого. И главное тут вовсе не личное, но забота об учении. Оно не призывает к убийствам, наоборот, категорически против. Однако его средства можно использовать и таким образом; так вот — этого нельзя допускать, и если кто-то позволяет себе использовать учение таким образом — его надо остановить чем скорее, тем лучше. Только как?

Характер Бревора более или менее ясен, он психически весьма устойчив, и если чем-то и можно поколебать его, то лишь полной неожиданностью твоих ходов. Столкновение с его собственным оружием окажется для него такой неожиданностью, которая сможет пошатнуть его, — во всяком случае, сейчас вряд ли удастся придумать что-то более пригодное. А другого времени и не будет, потому что он не станет медлить: время назначенного убийства Лиги известно, а меня надо устранить до этого. Когда? Да сегодня. Может быть, уже сейчас. Каким будет преступление? Это у нас, к счастью, есть: смерть намеченной жертвы — моя смерть — наступит в результате какого-то очень быстро протекающего патологического процесса, инициированного извне.

Смерть наступила. Произведено вскрытие. Диагноз...

Да. Каким будет скорее всего диагноз, если вскрывать будут меня? Каковы мои — моего организма — слабые стороны? Такие, о которых можно узнать, получив доступ к врачебной документации, я ведь в свое время обращался к врачам, и все это сохраняется; или даже — такие, о которых опытный диагност может догадаться уже по сумме внешних признаков, ничего не говорящих профанам, но легко читаемых профессионалом?

Что у тебя, дорогой я, считать самым слабым, уязвимым, где твоя пятка, Ахилл Сорог?

Господи, да у меня их — как у сороконожки. Нельзя прожить столько времени, сохраняя все в идеальном порядке: для этого нужна идеальная жизнь — а такой не бывает. И не было никогда. Так что противник может выбирать: нервная система, сердечно-сосудистая, тракт, лимфатическая вроде бы не волнует, но все же... Секреция, печень, почки...

Да. Но тогда, когда я еще верил врачам, у меня все было в лучшем виде. Так что медицинские архивы тех времен ни-

кому ничего не дадут, а современных просто нет. Однако у Бревора, судя по всем предыдущим случаям, должна быть конкретная цель, и, возможно, в зависимости от нее подыскивается и способ воздействия. Один из пяти возможных для него.

Так что...

10

Так что...

Постой, постой. Что со мной, собственно...

Голова! Сейчас она развалится на куски, как спелый, брошенный наземь арбуз. Это невозможно терпеть. Это не... это... это...

А что это такое — голова? У меня нет... Нет головы, нет меня, нет ничего, вообще ничего на свете не существует. И это очень хорошо, потому что мне нужен покой, я жажду покоя, требую покоя, приказываю, повелеваю: дайте мне покой! Или я уничтожу себя, а потом и всех вас!

Кто-то бьет по голове изо всех сил. Изнутри, не снаружи. Кто-то забрался в меня и разрушает меня изнутри. Откалывает по куску и превращает эти куски в ничто. Так что я их больше не вижу. Но я вообще ничего больше не вижу, мои глаза закрыты очень крепко, я не могу их открыть, и это очень хорошо, потому что их ни в коем случае нельзя открывать, чтобы не увидеть то ужасное ничто, окружающее меня, в которое превратился весь мир.

Но надо терпеть. Потому что осталось уже очень немного времени до покоя. До полного, желанного, сладостного покоя. Почему я раньше не понимал, как он прекрасен, почему старался бороться с ним, отдалить его, удержать на расстоянии? Почему не произносил, обращаясь к своему мозгу, а вернее — к моим тонким телам, тех немногих слов, которые и будут приглашением Покоя, разрешением Покою прийти и забрать меня к себе, вобрать в себя... Я знаю эти слова. Знаю все слова, которые нужны для того, чтобы разговаривать с собой, с каждой частью моего организма, с каждым из помещающихся в нем тонких тел, я знаю, надо только сейчас вспомнить их, наперекор боли, наперекор отсутствию головы, на-

пере... перере... кор, рок, орк... орк-естр, рок-ада, кор-пус... пуск... пуск скуп... скупка зол... золушка... Не те слова, не те, я не могу найти их, слова, где вы? Да уже и не нужно искать их — конец уже рядом, можно было бы прикоснуться к нему рукой — если бы у меня еще были руки, руки, ноги, все остальное — забыл, что еще у меня было, но это не важно, а главное — ...

Постой. Кажется, она еще здесь? Голова...

Очень больная голова. Но она, похоже, еще может...

Странно: кажется, что я по-прежнему дома, пустоты нет, покой отступил — только на шаг, но это уже...

И вдруг в багровом, кровавом тумане, каким была боль, нужные слова возникли. Давно, всю жизнь известные мне слова, с которых всегда и нужно начинать действие, обращенное на кого угодно, в первую очередь — на самого себя. И как я мог забыть их хотя бы на долю секунды?

Произнеси мысленно: «**** ****»!

И наступает отлив. Багровый океан, в котором я только что тонул, отступает не быстро, но несомненно. Вот моя бедная голова уже вынырнула из него и вновь обретает способность контролировать... Где мои тела? Здесь, здесь все они, от грубого эфира до тончайшего, божественного атмана. И ужас плещется уже где-то у самых ног. Отступает. Отступает!

Ох-х! Вот это была атака! Такого переживать мне еще не приходилось. Идиот Сим Сорог! Ты ожидал чего-то в будущем, но твой противник решил куда правильное: никаких отсрочек, немедленный штурм, пока осажденный (это я, по его разумению) еще не успеет как следует подготовиться. И в то время, когда я предавался всяким не обязательным рассуждениям, он нанес удар. Бревор был, несомненно, готов к этому удару еще до того, как вызвал меня на разговор, нужный ему скорее всего лишь для того, чтобы убедиться в том, что ты — на месте и к немедленной обороне не готов. Ай-ай-ай, Сим! Что это с тобой: возрастное поглупение? Или что-нибудь еще похуже?

Ладно, с этим разберемся потом. Сейчас надо понять главное. Почему я еще жив? Это ведь была не попытка устрашения, но огонь на поражение. Судя по количеству направленной им энергии, дело обстояло именно так. Почему же?... Что заставило его отступить?

Одно из двух. Или он решил, что со мною уже покончено, или у него просто не хватило сил на большее. Он атаковал меня всеми своими ресурсами. Честно сделал все, на что был способен. Но этого оказалось слишком мало. Я — сильнее, вот что это значит. И ему пришлось волей-неволей перевести дыхание, взять паузу, чтобы хоть немного восстановить затраченные силы. Это нужно и мне. Но я-то был, сам того не сознавая, в обороне — а оборона всегда требует меньших затрат энергии, да и не только ее.

Я уже перед распахнутым окном, раскинулся в глубоком кресле в нужной позе и чувствую, как энергия извне льется, льется, льется в меня. Наверное, похоже на ощущения автомобиля, на последних каплях добравшегося до заправки. Но моя заправочная станция всегда рядом со мной, она там, где нахожусь я, потому что я — как и любой другой человек — нахожусь внутри нее, и надо только подхватить заправочный штуцер, вставить и нажать. А еще лучше — ускорить процесс, мысленно произнеся то, что нужно.

Вот теперь, пока идет заправка, можно и подумать.

Почему стала возможной эта атака, к которой я в те мгновения оказался совершенно не подготовленным? Я ведь и до того понимал и даже был уверен в том, что он ударит. И перебирал в уме множество вариантов; но среди них не было того единственного, какой был им применен и который уже многократно использовался им при совершении убийств. Почему эта возможность не пришла мне в голову?

Но это сейчас не самое важное.

Куда важнее итоги случившегося. И они — в мою пользу. Потому что не надо больше сомневаться в способе, каким Бревор осуществляет заказанные ему убийства: да, это — Слово. Я только что сам испытал его воздействие. Это — раз. Второе: Бревор обладает меньшим по сравнению со мною объемом запасаемой энергии, да и его способ доставки хуже того, каким могу воспользоваться я. А значит — в ближайшем, пусть и не очень большое время и я, и тем более Лига можем считать себя в безопасности: я — условной, женщина же — наверняка, потому что он пока не знает, где она находится, и теперь уже вряд ли узнает. Хотя еще попробует — в том случае, если он полагает, что ему все-таки удалось уничтожить меня, — просканировать мой мозг и выудить оттуда

разную полезную информацию, в том числе и нынешний адрес Лиги Гвин. Да, вот это он попытается сделать уже в самые ближайшие минуты, не дожидаясь полного восстановления своей энергетики: сканируя труп, не нужно преодолевать его сопротивления. Ну-ну.

То есть первый раунд схватки с ним я могу считать выигранным. Потому что я жив.

11

Но в дальнейшем мне придется труднее.

Потому что на самом деле это не такой поединок, каким он представлялся мне еще несколько часов тому назад. Поединок — это когда бойцы находятся в равных условиях. А у нас этого нет. У Бревора — большая фора. Очень. И только сейчас я отдал себе в этом полный отчет.

Разница в том, что он не только хочет убить меня, но и может.

А я — я, откровенно говоря, тоже хочу уничтожить его — ради учения, а также и тех людей, которых он еще не убил, но, оставшись в живых, несомненно, будет убивать и впредь. Я хочу. Но в отличие от него — не могу. Не могу, как бы ни мечталось об этом.

Так что, по сути, я могу лишь обороняться, сдерживать его, может быть — препятствовать его планам, но не более того. Откровенно говоря — проигрышная позиция.

Но все же — пока есть хоть одна попытка, ты не проиграл. Так что потерпи с отходной самому себе, думай над тем, чего надо ожидать сейчас. А где-нибудь в подсознании верти эту твою главную проблему. Может быть, и найдется выход? Хочу верить.

Итак, что сейчас? Он попробует пробраться в мое сознание и подсознание — вернее, туда, где они (как принято думать) обитали при моей жизни. Это будет не сильное, скорее мягкое, вкрадчивое проникновение. До этого остаются, по моим расчетам, еще минуты. Чтобы они не ушли зря, попробую использовать их для решения частной, но очень интересующей меня задачи. А именно: где, когда и каким образом Бревор, не будучи адептом, смог позаимствовать даже и эти несколько Слов?

Бревор их узнал не сегодня: его киллерская карьера продолжается уже шесть с лишним лет — чуть ли не каждый месяц он выполняет очередной заказ. Как же смог он прийти к тем же результатам, что и я? Мне потребовалось более десяти лет, чтобы, во-первых, понять роль Слова в нашем существовании, постичь вербальные возможности управления сперва собственным, а потом и любым другим организмом; разобраться во всей этой системе, а не просто узнать два-три слова и пустить их в ход, как это делает он. Для этого потребовалось овладеть закрытой философией, погрузиться в глубину древних учений — не по написанному, авторы даже и серьезных наставлений всегда показывают лишь верхушку айсберга, они не заинтересованы в том, чтобы поднимать кого попало до своего уровня. Я прошел сквозь годы нелегкого ученичества, а затем и самостоятельного углубленного постижения, ради этого пришлось изменить не только образ жизни, но и прежде всего восприятие и понимание — в меру человеческих возможностей — самого Творца; лишь после этого, и то не сразу, мне начали открываться конкретные Слова и действия. То, что я веду такую же, на первый взгляд, жизнь, как и большинство людей моего уровня, — всего лишь чистое притворство, маска, спектакль, люди видят то, что на сцене, и никто не может заглянуть за кулисы, потому я и одинок и всегда останусь таким: вот наименьшая плата за те знания, какими я обладаю и какие дают мне возможность помогать людям. Это мой путь.

Но почему не предположить, что и Бревор на самом деле прошел всеми теми же тропами, какие довелось преодолеть мне, и обрел те же знания, какие были получены мною? А свои ресурсы ограничивает лишь потому, что большего тут и не требуется? И что его образ жизни, видимый всем, — тоже только маска, а на самом деле он совершенно другой?

Нет; этого не может быть. Почему я так уверен в этом? Потому что любое существо, наделенное теми же возможностями, что даны мне, я почувствовал бы даже на очень большом расстоянии. Я и чувствую их, хотя географически они находятся далеко, каждый — в тысячах километров, более высокая плотность привела бы к наложению наших полей и помехам в работе. Но Бревора среди них нет; я совершенно не ощущаю его как носителя Слов. А потому — знание того, чем он пользуется в своей страшной работе, не благоприобретено

им, но в лучшем случае украдено. Какая-то очень небольшая часть его — но для его целей этого достаточно. Нет, он не равен нам — немногим.

А значит — его сила просто-напросто украдена.

У кого же? Во всяком случае — не у меня. Потому что тогда, когда он впервые применил Силу Слова для убийства, сам я этой методикой еще не владел, я постиг ее годом позже. Кроме меня, в обширной округе — в тысячи километров радиусом — других знающих нет. Так что почерпнул это (Господи, до чего деликатно я выражаюсь даже в мыслях!) Бревор где-то в другом месте. Да?

Или же...

Я тогда действительно еще не обладал полным знанием. А почему? Да по той причине, что здесь один знающий уже был. И только после его смерти...

Кстати: что стало ее причиной? Возраст? Катастрофа? Или же... Погоди. Это у меня должно где-то быть. Конечно, должно: я ведь отлично знал, кто таков этот человек. Который, по сути дела, стоял у меня на дороге. Так что будь его смерть какой-то странной, скажем так, у меня были все шансы попасть в подозреваемые. Не у следственных органов, конечно, поскольку они не имели и сейчас не имеют ни малейшего представления о том, кем был он и кем сейчас являюсь я. Этой стороны бытия для них вообще не существует. Но подозреваемым для тех, кто выше нас... Но этого не произошло — потому что для них вообще не существует категории подозреваемых: они всегда *знают* и относительно меня знали, что я тут ни при чем. А кто-то вообще при чем? Или же просто несчастный случай или неизлечимое заболевание? Во всяком случае, я сохранил все, что можно было тогда получить по поводу этой смерти; не газетные некрологи и медицинские заключения — их не было, поскольку человек никакой официальной известностью не пользовался и свои благие дела совершал так, как и полагается: без колокольного звона, какой обожают самозванцы. Помнится, тогда у меня не возникло по этому поводу никаких сомнений: умер, как все умирают. Но вот сейчас я в этом уже не так уверен, даже больше: совершенно не уверен... Но возникла убежденность в том, что когда я эти записи найду, то официально зафиксированной причиной смерти будет инфаркт, инсульт или еще что-нибудь из этого репертуара.

Интересно: были ли у покойного контакты с Бревором? И не мог ли он оказаться тем источником, из которого будущему убийце удалось если и не напиться, то, во всяком случае, добыть на один-два глоточка Знания? Которым тут же не замедлил воспользоваться. И продолжает по сей день.

И сейчас сидит где-то не очень далеко отсюда и накапливает энергию для новой атаки. Снова на меня, потому что это он уже понял: я тут единственный опасный для него противник. Если он уже понял, что ему не удалось не только уничтожить меня, но даже сколько-нибудь вывести из строя, то сообразил и то, что я не просто опасный, но смертельно опасный враг.

Хотя на самом деле это не совсем так. Но сейчас это не самое важное.

12

Интересно вот что. Если он не обладает серьезными Словами, то он и не знает, в каком я сейчас состоянии. Не может знать. Может гадать, предполагать, но ему этого мало, ему нужна уверенность в том, что я не помешаю ему сделать то, за что ему заплатили. Потому что если ему это не удастся, то... Нет, дело, конечно, не в том, что полученное придется вернуть; это он переживет. Дело в том, что его заказчики заподозрят его в том, что кто-то перекупил его. У каждого из его заказчиков имеется огромное количество врагов, и нет ничего странного в предположении, что кто-то из них — или все они объединившись — перекупили Бревора, запретили ему ликвидировать Лигу Гвин, поскольку их деловые интересы могут строиться именно на том, что возглавлять фирму будет именно она, а не ее супруг, и поручили вместо этого разобраться с кем-то из тех, кто хотел использовать его сейчас. Бревор это понимает — так же ясно, как и то, что он — не единственный киллер в стране и городе и что его-то самого можно убрать и без соблюдения серьезных мер предосторожности: он не относится к китам экономики или политики, и в том — кто отправит его к праотцам, никто всерьез разбираться не станет. То есть сейчас для него вопрос стоит так: или он как можно скорее уничтожит Лигу, или уничтожат его. Он готов работать — но не знает, где она, а без этого

он не может, естественно, сделать с нею совершенно ничего. И следовательно, сейчас, придя в себя после моего отпора. (о, я ощущаю явственно: это ему уже почти удалось, оказывается, он умеет восстанавливаться достаточно быстро), он начнет искать ее. Каким образом? Кратчайшим путем. А где пролегает этот путь? Да через меня проходит он, именно так. Через живого или мертвого. Потому что если меня больше нет, то информация скорее всего не исчезнет вместе со мною: ее нынешний адрес может оказаться в памяти компьютера или в системе связи, поскольку мы же должны были поддерживать какую-то связь, если и не я, то она не могла утерпеть, чтобы не позвонить, — иначе она не была бы женщиной... Вот здесь он и начнет искать. И вот здесь...

Нет, не надо понимать все слишком уж примитивно. Он не станет вламываться в мое жилье, чтобы собственноручно обшарить все, где только могла зацепиться информация о ней. Потому что понимает, что мои апартаменты защищены достаточно хорошо, весьма хитроумно, не в один слой, а в три, четыре, а то и больше, и идти сюда так же безопасно, как бросаться грудью даже не на пулеметную амбразуру, но на дуло орудия главного калибра. Но это, собственно, ему и не нужно. К чему взламывать дверь, если можно, оставаясь на вполне безопасном расстоянии, взломать тот же компьютер или аппаратуру связи? Для этого не требуется никакого высокого Знания, не нужно владеть Силой Слова, хватит хакерского опыта. А этим может обладать и он сам, а если нет — подрядить специалиста куда легче, чем нанять убийцу, и дешевле, кстати. И поэтому сейчас он попытается прежде всего разобраться в моей проблеме, убедиться в том, что я более не опасен, а уверившись в этом — обратиться к моей информационной технике и выудить из нее золотую рыбку. Остальное будет делом той техники, в которой он — отдадим ему должное — преуспел.

Так он поступит — и это будет означать для него конец...

Господи, как же хочется сказать: «Конец его жизни»!

Но сказать это я, как уже сказано, не могу. И тем более — сделать. Можно, конечно, на миг поддаться сильнейшему чувству, уничтожить его любым из тех способов, которые применял и он сам и которых мне известно куда больше. Но это приведет лишь к тому, что в тот же миг, когда я совершу такую попытку...

Но лучше не надо о грустном.

У меня сейчас один враг — но кроме него, и более трех десятков людей, тяжело, порой смертельно (по принятым меркам) больных, которым я Силой Слова приношу облегчение, а потом и здоровье, порою же и возвращаю жизнь, которую признанные методики лечения сохранить им не могут. Возвратить жизнь могу, отнять — нет. Что же, получается; что ему ничто не грозит?

Сам он, правда, об этом не знает. Вряд ли он может представить, что человек, имеющий возможность убить врага, не воспользуется ею. Но, оставшись в живых, быстро поймет что к чему. И тогда уж его будет не удержать. Потому что, кроме меня, никто не в состоянии сделать это. Разве что кто-то закажет его; об этом я уже думал. Но до тех пор, пока он будет исправно выполнять заказы, его будут защищать от всех обычных способов устранения, защищать профессионально, умело и с применением самых крутых мер.

Перед веселой дилеммой я стою: во имя тех людей, которых я спасаю и еще смогу спасти, — пожертвовать другими людьми, теми, кого ему закажут и кого он убьет все тем же способом, не оставляющим видимых следов. Если решать вопрос арифметически, то излеченных мною всегда будет больше, чем уничтоженных им. Но далеко не для всех проблем правильное решение выражается в числах.

Явственно ощущаю: до возобновления его активности остались считанные минуты. И за этот малый срок я должен принять решение. Или — или.

Хотя...

Может быть, это и не дилемма вовсе? Не «или — или», но «или — или — или»? И существует третий вариант?

13

Теоретически найти его возможно. А вот практически... каким это третье решение может быть? Где оно лежит? Отнять у него не жизнь, но лишь его способность причинять зло тем способом, которым он пользуется сейчас? Вырвать ядовитые клыки? Предположим, мне удастся найти такой способ. Что последует за этим? Он перестанет убивать? Переста-

нет ли? Ох вряд ли. Ведь его репутация и связанное с нею благосостояние основаны именно на этих его действиях. Прекратить убивать для него будет означать лишиться признания его всеми сильными мира сего, лишиться поддержки и защиты, остаться без всего, что составляет и форму, и содержание его жизни, оказаться обезоруженным перед лицом многих врагов, какие у него наверняка есть, не могут не быть. Он никак не сможет смириться с этим. И будет убивать — любыми другими способами, пусть более примитивными, пусть оставляющими следы, намного более рискованными — но приводящими к тому же результату. А для гибнущих — велика ли разница в том, убивают их изощренным способом или самым примитивным? Да вряд ли. Так что они вряд ли поблагодарят меня...

А что, если...

Но додумать не удалось. Потому что одновременно ожили и компьютер, и система связи. Я вовремя успел установить их на автономную работу и не стал вмешиваться, но внимательно слушал.

«Дин Сорог... Ответьте, дин Сорог, очень срочно. Важное сообщение для мадам Гвин, очень важное, она должна непременно ответить, немедленно. Попросите ее к связи, пожалуйста...»

Чего-то в этом роде я и ожидал. И подготовил соответствующую программу. Она исправно включилась:

«Названный вами субъект отсутствует. Можете сообщить текст для передачи ему при первой возможности».

После почти неуловимой паузы:

«Передайте мадам Гвин: ей грозит смертельная опасность. Буквально сейчас. Источник — некий дин Бревор. Защитить ее не сможет никто, кроме меня. Но я смогу помочь ей лишь при условии непосредственной связи, никому другому я не имею права доверить способ... даже вам, дин Сорог».

Молодец, Бревор. Совершенно пришел в себя и, как обычно, бесконечно уверен в себе. Похоже, недавняя наука не пошла ему впрок. А сейчас он получит и благоприятный ответ. Вот он:

«Дин Сорог не в состоянии участвовать в разговоре».

Иными словами: я уже либо покойник, либо очень близок к этому. Давай дальше, система, припудри ему мозги!

«Ваше сообщение (продолжает программа) может быть переслано непосредственно адресату. В ином случае ничем не могу помочь».

Теперь пауза куда более протяженная. И означает она, что Бревор клюнул. Сейчас он скажет: «Дайте ее координаты!»

«Повторяю: нужна непосредственная связь. Угроза жизни!»

Тут никакая пауза не нужна: электронике не полагается сомневаться, она сразу говорит «да» или «нет».

«Сообщаю координаты...»

И программа диктует нужные номера и пароли. В этом есть, конечно, определенный риск. Но я уверен, что мой расчет точнее. То, что сейчас получает Бревор, — это мобильные координаты. По ним можно без труда определить место, где сейчас находится Лига Гвин. Или, вернее, — не сама она, а ее средства связи. Она передала их мне не без колебаний: по сути дела, я лишал ее всякой возможности связи с кем бы то ни было. И все же она поверила мне и доверилась; впрочем, что еще ей оставалось? Сдаться на милость убийцы? Но эти два понятия несовместимы. И ее аппаратура находится сейчас совсем в другом месте — в моей Келье уединения, месте для медитаций; она не очень далеко от моей резиденции, а если точнее — очень близко. Чтобы мне не пришлось добираться туда долго — когда это потребуются. То есть — уже через несколько минут. Однако, пока я еще здесь, всякий сигнал, отправленный на координаты Лиги, придет сюда — но отправитель этого не узнает, эта моя линия защищена от постороннего контроля. Так что сейчас я услышу...

Мы услышим. Потому что я уже нажал клавишу внутренней связи и Лига уже откликнулась.

— Лига! Поднимитесь ко мне. Побыстрее!

14

Она появилась в дверях вовремя: за секунду до того, как по ее каналу пришел вызов. Как и было уговорено заранее, она откликнулась сразу же — как будто давно уже ждала этого звонка. И ответила тоже по-условленному:

— Сим? Наконец-то. Почему так долго?..

Похоже, что Бревор был готов к такому повороту: ну конечно, если Лига находится в другом месте — а это он успел установить, потому у нее и возникло время подняться сюда из того укрытия, где она находилась все последние часы, — то откуда ей было знать, что Сим Сорог уже не может ей ни ответить, ни помочь каким угодно способом. И примерно ясно, что он ответит:

«Это не Сорог. Я говорю по его поручению, он сам, к сожалению, пострадал. Он просит вас срочно приехать...»

Она не дала ему договорить:

— Он запретил мне покидать это место без его сопровождения.

«Но я же сказал: он не в состоянии...»

— Все равно. Я не стану нарушать его указаний.

«Вы губите себя! Вам грозит...»

— Я знаю, что мне грозит. Но не сдвинусь с места. Разве что... если за мной приедут, имея на руках доказательство того, что это действительно его желание.

Она покосилась на меня, я одобрительно кивнул ей и улыбнулся.

«Ну и упрямы же вы! Хорошо, пусть будет по-вашему».

На самом деле это его вполне устраивает: Лига должна умереть там, куда поместил ее я; пусть подозревают меня, уже покойного.

«Назовите адрес: я же не знаю, где вы!»

Врет, конечно; но это — наименьший из его грехов.

Лига назвала адрес, который возник перед нею на мониторе. Бревор может быть доволен: сказанное совпадает с тем, что установил и он сам.

«Ждите. Буду через десять минут».

— Хорошо. Больше не звоните: я отключаю связь.

«Пожалуйста, не делайте этого: может быть, мне понадобится еще связаться с вами — уточнить, как к вам подъехать, или же как-то изменится обстановка...»

— Ну, я подумаю. Может быть...

«Еще раз прошу: не отключайте! Я спешу к вам».

Конец связи. Лига глубоко вздохнула, вопросительно глянула на меня.

— Мне вернуться туда, вниз?

— Там не очень приятно, правда?

— Нет, ничего... но уж как-то очень тоскливо.

— Тогда побудьте здесь, мне тоже будет приятно. Сейчас тут уже безопасно, если он и станет предпринимать что-то на расстоянии, то слова пойдут по вашей связи — а я уже отключил ее отсюда, там же никого, как вы понимаете, не будет, так что никто не понесет ущерба. Но, возможно, он захочет действовать наверняка, то есть разить с минимального расстояния. Такое ему раньше не удавалось — или почти не удавалось, в двух случаях, кажется, он был на прямой видимости, и все прошло — лучше не надо. Для него, конечно. А может быть, он попробует действовать по связи, но потом все-таки явится, чтобы убедиться в полном успехе — или завершить дело, если успех окажется лишь частичным.

— Сим, мне очень не хотелось бы ожидать его там. Если откровенно, то я очень боюсь.

— А вам там и нечего делать. Туда пойду я — сейчас же. А вы здесь останетесь в недосыгаемости: все средства связи я отключаю, а физически сюда не сможет вломиться даже усиленный отряд рейнджеров. Расслабьтесь, поставьте кристалл с хорошей музыкой — только не в центр, его я тоже отключаю для верности, а в плеер: вот в этот. Но не ставьте что-нибудь длинное: я вернусь скоро. Да, вот еще что: наговорите-ка мне несколько слов. Вот сюда.

— Что сказать?

— Громко крикните: «Поднимитесь ко мне! Открыто!»

Она крикнула.

— Нет, не так. Это должен быть не крик отчаяния, а достаточно сухое приглашение. Как если бы вы до последнего мгновения сомневались, ехать ли с ним или нет, и жаждете увидеть какую-то мою вещь, что ли, как подтверждение... Поняли?

Она кивнула. Я включил запись. Кивнул. Переключил и послушал. Мне понравилось. Лига сказала:

— Не думала, что у меня такой противный голос.

— Очень приятный голос, Лига. Но вы волнуетесь, даже боитесь, так что вполне естественно.

— Вы мастер успокаивать. С вами рядом стыдно бояться, но... Сим... Вы уверены, что справитесь с ним?

— Лига, вы что — стали сомневаться во мне?!

— Нет, конечно же, нет...

Я позавидовал ей, потому что у меня самого такой уверенности вовсе не было. Но было очень большое желание. И, разумеется, надежда — не та, которая умирает последней, а та, что не умирает никогда и остается и после нас. Такой нет, вы думаете? Есть. Хотя и не для каждого.

15

Не знаю, пытался ли Бревор передать Слова на расстоянии. Скорее всего да, но вряд ли на полную мощность: основную надежду он возлагает, конечно, на личный контакт. Контакт будет; но только не с Лигой. Потому что разговор предстоит чисто мужской. Я еще точно не знаю, как он сложится. Но, кажется, решение уже возникло. Рискованное. Очень. Но, кажется, единственно возможное. Решение номер три.

...Он приехал на несколько минут позже, чем я ожидал. Наверное, принимал какие-то дополнительные меры предосторожности — возможно, опасался засады на подходе или в подъезде, вызывал свою казенную охрану, да и (как я предполагал) какое-то время ушло у него на то, чтобы изменить внешность: никакой случайный прохожий, сосед или наблюдающая камера не должны были увидеть его, чтобы впоследствии дать показания. Впрочем, как раз это меня не очень интересовало: я в первую очередь воспринимал не внешний облик, это входило в круг моих способностей. И он еще только, составив охрану по местам, приближался к подъезду, а я уже знал, что это — он, и никто другой, не какое-то подставное лицо, посланное на разведку. Впрочем, я и не ожидал ничего такого: у Бревора никогда не было соучастников, потому он и ходил до сих пор на свободе. Соучастник в перспективе всегда — свидетель обвинения. Охрана не в счет: она никогда ничего не видит.

Он вышел на связь, уже оказавшись в подъезде:

— Мадам Гвин, я внизу. Спускайтесь, жду.

И услышал в ответ заготовленное:

«Поднимитесь ко мне! Открыто!»

Конечно, это могло в какой-то мере смутить его, как и любое другое отступление от уговора. Но я надеялся на то, что, находясь на расстоянии одного — последнего — шага от выполнения замысла, он уговорит себя рискнуть — соответственно подготовившись, конечно, к возможным неожиданностям. Однако их тут было больше, чем он мог себе представить; во всяком случае, так я полагал. Хотя возникали они далеко не сразу. И он смог без приключений подняться на второй этаж, убедиться в том, что никто его не подстерегает (второй этаж был и последним, а дверь — единственной), а также и в том, что дверь приотворена. Он вошел медленно и бесшумно; в руках его не было оружия — видимо, в случае осложнений Бревор полагался на свои боевые умения, и я не сомневался в том, что он владеет не самой маленькой суммой нужных приемов.

Я слышал, как он прошагал по коридору, стараясь ступать как можно тише, однако пол был оборудован множеством датчиков, акустических и контактных. Остановился перед дверью, что вела в комнату, то есть — ко мне; мгновенная нерешительность — и дверь распахнулась. Он шагнул внутрь, успев изобразить улыбку — самую доброжелательную из всех, на какие был способен. И увидел меня, сидящего в кресле и не менее ласково улыбающегося ему навстречу.

Бревор, что называется, встал на тормоза. Одновременно дверь за его спиной затворилась, лязгнул один автоматический запор, за ним — другой. Они могли бы сработать и совершенно бесшумно — однако лязг металла был одним из способов давления на психику, не очень сильным — но и единственным этот способ не был.

Я слегка удивился, увидев, что он выглядит таким, каким я видел его на снимках: никакой маски, ни следа грима, Бревор *au naturel*. И подумал, что он уверен в своем оружии даже больше, чем я предполагал. Ничего странного в этом, впрочем, не было: кроме меня — и не только в этом городе, — не было ни одного, кто мог бы прибегнуть к серьезной защите. А меня ведь уже не было, он заставил себя поверить в это, в неотразимость своих действий, — иначе ему следовало сразу бежать из этих мест куда глаза глядят.

Но я был здесь, живой и здоровый. Смотрел на него и улыбался, хотя и стараясь, чтобы эта улыбка не показалась

очень уж обидной. Никакого ехидства. Одно лишь гостеприимство. Таким же было и приглашение:

— Присаживайтесь, Бревор. Нам есть о чем поговорить.

Он, однако, не был расположен к беседе. И доказал это сразу же, не теряя ни минуты лишней. Вместо ответа произнес — достаточно правильно, с соблюдением нужных акцентов, пауз и четкости произношения:

— ** *** *****...

Это была самая сильная из доступных ему формул, трехчленное вступление перед главным посылом. Но я успел выставить защиту еще раньше, чем возникли слова. И произнесенное им гасло тут же, не успев даже как следует прозвучать. По законам подобных схваток я должен был тут же достаточно сильно ответить, чтобы, фигурально выражаясь, послать его в нокдаун. Но к этой минуте я уже окончательно понял, какие действия предприиму. Я не принимал решения раньше, потому что для этого мне надо было увидеть Бревора воочию, а не просто слышать запись или изучать изображение. Я увидел его — и подумал, что предварительное мое намерение оказалось правильным. Хотя, конечно, риск продолжал существовать, и не такой уж маленький.

Так что сейчас я не стал наносить удара, но лишь, что называется, показал его, сделав своего рода предупреждение. Бревор оказался достаточно умным, чтобы верно оценить мой аргумент. Он быстро огляделся, чтобы убедиться, что нас тут по-прежнему двое, шагнул и уселся (не в то кресло, на которое я указал было, но на противоположное; показал этим, что продолжает считать себя если и не хозяином положения, то, во всяком случае, равной переговоривающейся стороной). И сказал спокойно, как бы даже равнодушно, словно говорил о вчерашней погоде:

— Сорог, все равно я вас убью — и именно сегодня, вот тут, раз уж вы предоставили мне такую возможность. А затем и ее. Зачем вы только связались с этим делом? Жили бы и дальше — тихо, незаметно, спокойно, зато долго. Что, вам славы захотелось? Ее не будет, я ведь не дракон, о котором все всё знают и убить которого считается подвигом; обо мне подлинном знают очень немногие, для большинства я всего лишь удачливый прорицатель, и это меня вполне устраивает. За мое убийство вам никто и не подумал бы заплатить, так что для вас не

было бы никакой выгоды. Кстати, славы вы никак не заслуживаете — потому что, обладая немалыми возможностями — они есть, я признаю, — так и не научились использовать их с толком. Они же вам, по сути дела, не нужны, Сорог...

Я с удовольствием наблюдал, как он развертывал атаку — по всем правилам, какие были ему доступны. И одновременно действовал и сам — не атаковал, но вел достаточно глубокую разведку в его подсознании. Мне нужно было найти там одну, только одну точку, чтобы затем...

Нашел. Вовремя. И надавил как раз в тот миг, когда он решил, что мои возможности мне ни к чему.

Я таким способом заставил его увидеть некую картинку. Она потрясла, именно потрясла его настолько, что он даже умолк на несколько секунд, созерцая ее. У меня не было сомнений в том, что показанное более чем заинтересует его, потому что то был общий вид тех самых моих возможностей, о которых он только что говорил, — за исключением разве что одной-другой мелочи, но представление о которых было у него — теперь он понял это — даже не слишком бедным, но просто нишенским. И у него перехватило дыхание при мысли, что...

16

— Сорог! — наконец выговорил он хрипло. — Сорог... Знаете что, Сорог?..

— Хотите сказать еще что-то? — поинтересовался я как можно безмятежнее.

Бревору потребовалось немалое усилие, чтобы прийти к какому-то равновесию, пусть и чисто внешнему. Голос его зазвучал почти нормально, когда он смог продолжить.

— Я хочу, — сказал он, — сделать вам предложение. От которого вам вряд ли захочется отказаться, потому что оно выгодно для вас не менее, чем для меня.

— Бревор, — сказал я, — а вы не думаете, что и я могу уничтожить вас в любую секунду, когда вы вот так сидите передо мной? Вы только что увидели, на что я способен, разве не так?

Он усмехнулся, отвечая:

— Я увидел вас насквозь, Сорог; и там было, кроме всего прочего, и одно очень важное: вы не можете уничтожить меня,

потому что у вас на это наложен запрет. Не можете никаким способом. А у меня запретов нет, и вы настолько мешаете мне, что я готов пойти даже на серьезный риск и убить вас самым простым образом: просто взять и свернуть вам шею, без единого Слова. Вы верите, что я могу?

Про себя я в этом сильно сомневался, потому что был обучен куда лучше; но внешне он действительно выглядел куда выигрышнее для рукопашной: рослый, мускулистый, с точными движениями и так далее. Я решил не разочаровывать его и предпочел ответить уклончиво:

— Вы так говорите. Ходят, конечно, о вас всякие слухи. Но мне этого мало. Нужны доказательства.

— Хотите я убью вас, чтобы доказать?

— Но тогда я не смогу оценить их убедительности. Не меня; кого-нибудь другого.

— Интересно. У меня, как вы знаете, есть заказ...

— Это не мой заказ. А вы выполните мой.

— Интересно. Кто же это вам так насолил? Я? Но я не сторонник суицида.

— Речь не о вас. Ликвидируйте Лимера, да-да — мужа мадам Гвин. Он сейчас у себя дома и совершенно не защищен от таких воздействий, каким пользуетесь вы.

— Сорог, это стоит денег! И очень немалых. Вам такие и не снились.

— Согласен. Но это не значит, что у меня нечем заплатить вам. Вы сами только что видели...

— Пожалуй, именно так. Знаете, я никогда не работаю при свидетелях. Но в данной обстановке...

— Действуйте, Бревор. Меньше слов!

— Однако, даже если он умрет сейчас, об этом станет известно лишь утром.

— Всем, кроме меня. Вы ведь видели: я в состоянии узнать об этом сразу.

— Черт, и верно. Ну ладно. Только если вы рассчитываете на то, что после этой операции у меня не останется энергии для вас, то ошибаетесь: тот паренек почти не потребует усилий, потому что его печень и так тянет еле-еле. Алкоголь, знаете ли, яд. Слышали, конечно?

— Безусловно. Бревор, время идет.

— Я уже работаю.

17

Я внимательно наблюдал; он и в самом деле работал без обмана — пролог и один пакет малых Слов. Как я и думал, этим его арсенал действительно ограничивался; очень хорошо.

— Вот с ним и все, — сказал Бревор, переведя дыхание. — Ну что, убедились?

— Мир праху его. Теперь верю, что у вас нет никаких запретов на убийство.

— Вот именно. Пришла пора вам платить. И не только за ваш заказ. Кроме него, я предлагаю вам — можно даже сказать, возвращаю вам — вашу жизнь. Не стану пытаться уничтожить вас — при соблюдении вами двух условий. Первое, хотя на самом деле оно второе: вы исчезнете отсюда — из города, из страны, чтобы вами здесь более и не пахло. И второе, а по сути, первое и главное: вы передаете мне все, слышите, — все ваши умения и способности! И не когда-нибудь, а сейчас и здесь, немедленно. Я знаю, я увидел, что сделать это возможно, а вы знаете — как это совершить. Таковы мои условия. Если откажетесь — ваши способности все равно у вас не останутся, потому что вы потеряете их вместе с жизнью. Решайтесь, и быстро — потому что у меня этой ночью еще много дел.

Я сделал вид, что напряженно думаю, — хотя все было продумано заранее и теперь разворачивалось так, как я и предполагал. Риск еще сохранялся, он даже увеличился, но развитие шло, в общем, в нужном направлении.

— Гм... — проговорил я наконец, когда ощутил, что его напряжение дошло уже, как говорится, до красной черты и котел вот-вот взорвется. — Но вы не сказали ни слова о жизни Лиги Гвин. Если вы согласны не убивать ее... Тогда я, пожалуй...

— Сорог! — перебил он меня. — Слушайте, да ваша жизнь куда дороже, чем существование даже и десятка таких вот дамочек! К чему вам заботиться о...

— Честь, Бревор, — не промедлил с ответом я. — Честь дороже!

Вопросы чести явно были для него закрытой областью, и он лишь пожал плечами:

— Не понимаю, клянусь успехом. Неужели...

— Таково мое условие, Бревор.

Он подумал с полминуты:

— Да черт с вами и с нею! Что она — так уж взбаламутила ваши шарики? Да таких полно, хоть ставь на кости до самого океана! Но — ладно, ладно. Не хочу оскорблять ваши нежные чувства. Пусть живет — но только вы ее забираете с собой, она исчезает и больше не подает никаких признаков жизни. А тут уж я смогу все подать нужным образом. Итак, я согласен на ваши условия. Договорились?

— Не вижу другого выхода, — вздохнул я. Вздох, кстати, был совершенно естественным, потому что наступала минута большого риска. Очень большого.

— Тогда приступаем, — скомандовал он. — И без фокусов, да? Я ведь не отключусь, пока вы будете осуществлять передачу, и если только замечу...

— Да не волнуйтесь, — сказал я. — Обман — не моя стихия. Хорошо. Это займет примерно четверть часа, настройтесь на это и не толкайте меня под руку. Сейчас расслабьтесь... так... хорошо. Начали! Способности передаю вам по очереди, вы будете ощущать их, каждый раз подайте сигнал — хотя бы скажите просто «есть», сами почувствуете — когда.

И я начал.

Странное ощущение возникло у меня при этом. Подобное, наверное, чувствуют игроки в русскую рулетку — только у меня в барабане револьвера был не один патрон, а самое малое три. Может быть, я шел на самоубийство. Или же — на полное и окончательное избавление мира от Бревора. Сейчас результат зависел даже не от всех тех способностей, какие я, наделенный правом передачи, отдавал ему, тем самым отнимая их у себя; но от одного единственного обстоятельства: удалось ли мне, показывая ему картинки, хорошо скрыть то единственное, чего ему знать не следовало? Потому что...

— Все, — сказал я Бревору. — Передача завершена. Что вы чувствуете?

— Силу, — сказал он, наслаждаясь, похоже, самым звучанием этого слова. — Я велик, Бревор. По-настоящему велик. Теперь я могу все!

— Могли бы и поблагодарить, — предположил я.

— Разумеется, Сорог. Непременно. И не на словах. Отблагодарю вас делом.

— Тогда поспешите — пока я еще не ушел.

Он широко оскалил рот вместо улыбки:

— Сорог, забудем прежнее, согласны?

— В том числе и ваши обещания сохранить жизни мне — и Лиге?

— В первую очередь именно это. Потому что я вам, собственно, ничего не обещал. Обещал человек, которым я тогда был, — но этого человека больше нет, Сорог, есть новый я, гигант возможностей! А этот новый «я» не обещал вам ничего, кроме разве что благодарности за переданные свойства. И сейчас вы ее ощутите в полной мере.

— Жду с нетерпением. В чем она проявится?

Он ухмыльнулся вновь:

— В том, что я сначала покончу с дамой. Женщину, как говорят, следует всегда пропускать вперед. А вам я дарю те несколько минут, которые мне нужны, чтобы погрузить ее в вечный покой. Кстати, не подскажите ли, какие места в ее организме наиболее уязвимы? О, вижу, вижу: вы этого не делаете. Честь, не так ли? Или просто желание отыграть несколько лишних минут? Не думаю, что вы попытаетесь как-то помешать мне: теперь ведь у вас не осталось никаких возможностей для этого, я это ясно вижу, Сорог, и как же это прекрасно — видеть все то, что от вас хотят скрыть. Вот она, красавица, в соседнем доме, с нетерпением ждет приятной весточки от вас. Не хотите полюбезничать с нею перед смертью? Нет? И правильно: я бы вам все равно не позволил...

Часы в углу начали бить — низким, гулким звоном.

18

— Ого, Сорог, уже три часа? Самое подходящее время, не находите? А теперь, пожалуйста, сидите тихо и без телодвижений. Не мешайте дяде работать. — Он коротко вздохнул, и я понял его: такими средствами ему еще не приходилось пользоваться, а всякая новизна волнует. — Ну, начнем...

Он повернулся в нужную сторону и начал. Я внимательно следил и слушал, а во мне, в моем сознании и в душе, была

буря. Похоже, я проиграл. Он не сделал ни единой ошибки, все слова были правильными и употребленными вовремя. Сейчас он убьет Лигу, а затем и меня. И я, надо признать, это заслужил: своими руками вооружил его, теперь его уже ничто в мире не остановит...

Пять минут прошло. Все идет к финалу. Сейчас он приступит к произнесению последнего Слова — Слова исполнения.

Похоже, решение номер три оказалось самым неверным. Ты ошибся, Сорог.

Зазвучали первые звуки. В слове исполнения их двенадцать, два полуслова: семь звуков и пять. Оно даже не произносится, оно поется — протяжно, четко, а мне остается только считать звуки. Один, второй... пятый, шестой, седьмой...

Ко второму полуслову Бревор не успел перейти.

Он круто повернулся, взглядом нашел мои глаза. В его глазах была обида. Глубокая, как смерть. Рот распахнулся в гримасе боли. Ничего, просто тромб.

— Сорог...

Жизни его хватило только на мое имя.

Нет, третье решение было все же самым правильным. Передать ему все, утаив только Большое Правило: «Если обладатель Знания применяет Слова Смерти к человеку, их действие обращается лишь на него самого. Это закон».

И другое пришлось очень кстати, тоже утаенное от него: мало передать свойства, их надо еще закрепить в новом обладателе — иначе они уже через час возвращаются к прежнему носителю. Закрепления я не сделал. Но теперь надо ждать не менее получаса, пока все не вернется ко мне.

Полчаса оказалось для Лиги слишком большим сроком. Она потребовала связи, хотя я запретил ей делать это. Но я слишком устал, чтобы сделать ей выговор.

— Сим, прости, но я не могу не сказать тебе: я не утерпела и позвонила домой...

— Он умер, да? Лимер?

— Откуда ты знаешь?

— Бревор сознался. Переживаешь?

— Ты шутник. А что еще он сказал?

— К сожалению, больше ничего не успел. Увы. Я предполагаю, то был тромб. Придется позвонить в инстанции — хотя

бы в полицию, медикам... Умер, что называется, своею смертью. Никакого криминала.

— Сим... Спасибо.

— Только-то?

Но Лига умеет быстро приходить в себя.

— Остальное — при личном свидании. Но если ты через десять минут не появишься здесь — я уеду. Уже вызвала машину. У меня полно дел. Фирма...

Она дала мне десять минут. Втрое больше, чем нужно, чтобы вернуться в мое жилище.

— ...Но если не успеешь — знаешь, приезжай вечером — ко мне. Адрес дать?

— Да узнал уже — так, на всякий случай.

— Сим, ты нахал!

А кто-то смеет еще говорить, что женщинам чужда благодарность!

06.04.04

Юрий Манов

Я И ПРОЧИЕ БОГИ ЭТОГО МИРА

От автора: автор предупреждает, что, имея кого-то в виду, он никого конкретно в виду не имел, а если и имел, то это только совпадение. Все события вымышлены, все совпадения случайны. Также просьба не отождествлять автора с его персонажами, мы, то есть они — совершенно разные герои нашего времени. И простите, если что не так...

WARNING!

Только для пользователей сети INTERNET и любителей компьютерных игр! Нелюбителям и непользователям тоже можно. Даже нужно!

Чужого разведчика я заметил не сразу. Поверьте, тому была веская причина: я как раз был занят прокладкой узкоколейной железной дороги к довольно перспективному никелевому руднику и ломал голову над очередной пакостью нашего Создателя. Создатель, как известно, на разные пакости весьма гораздый, сотворил в этом районе довольно коварный ландшафт: на первый взгляд — идеальное место для узкоколейки, уютная такая долинка с редкими вкраплениями березовых рощиц и небольшой речушкой. При ближайшем рассмотрении долина представляла собой болото, совершенно не желающее размещать на себе шпалы и рельсы.

Пришлось засылать в топь геодезиста, тот оказался парнем резвым, довольно быстро метнулся туда-обратно и сообщил, что если я все-таки хочу проложить через этот участок железную дорогу, то нужно либо засыпать болото напрочь, либо строить большой ж/д мост.

Я вызвал экономического советника. Этот страдающий одышкой тип высветился на экране и инфантильно доложил, что о засыпке болота лучше сразу забыть — вовек не окупится, потому как песчаный карьер очень далеко, а щебня здесь и в помине не было. Что касается моста, то средства и ресурсы на строительство в принципе есть, и приказ к началу работ он готов отдать хоть сейчас, но тогда придется свернуть сразу несколько экономических программ, в том числе и новый порт.

Вот уж дудки! Я две недели (больше года по местному летосчислению) экономил на всем и вся, народ держал впроголодь, чтобы обзавестись наконец приличным морским портом. И строить огромные мосты через малюсенькие речки было отнюдь не в моих правилах. Я еще раз глянул на карту, хлебнул пивка и решительно повел узкоколейку в обход, через лес. Это, конечно, гораздо дальше, зато дешевле. Тут-то я его и заметил: маленькое желтое пятнышко в тени развесистого дуба.

Поначалу был жуткий соблазн — послать к дубу полицию, благо городских у меня хватало. Но когда внизу экрана высветился военный министр и стал привычно ныть по поводу слабости нашей армии, я решил не торопить события. Неподалеку от места, где был обнаружен чужак, я когда-то разместил небольшую пасеку. Быстренько вселившись в деда-пасечника, я прихватил для отвода глаз козу на привязи и двинулся в сторону прищельца.

По всему было видно, чужому разведчику пришлось хлебнуть в пути лиха: охотничий костюм чуть ли не по пояс в засохшей грязи, все лицо выжжено солнцем и обветрено. Разведчик закусывал: на холстине перед ним лежало несколько сухарей, не очень аппетитный кусок солонины, пара огурцов, репка, тыквенная фляга с водой, небольшая бутылочка с чем-то красным. Вроде как кетчуп.

— Божественный в помощь! — степенно, как и принято в здешних краях, проговорил я. — Хлеб-соль!

Увидев меня, разведчик остался совершенно спокоен, лишь придвинул поближе старенькое кремневое ружье и кивнул на траву рядом:

— Спасибо. Садись и ты, коли голоден.

Вежливый, уважаю! Хороший знак, когда вооруженный человек не грубит. «Не надо бояться человека с ружьем, — говаривал дедушка Ленин. — Бойтесь чекиста с наганом». Ха-ха-ха. Я не спеша привязал козу к тощей березке, раскрыл торбу и выложил на холстину пару свежих лепешек, шмат сала, баночку янтарного меда.

Мы заканчивали трапезу. Чужак вопросительно посмотрел на меня, снова принял к баночке и выпил мед до конца.

— Уф. Спасибо, дедушка! — проговорил он, доставая трубку и кисет. — Давненько я так вкусно не обедал.

— А что так? — поинтересовался я.

— Да места здесь какие-то безлюдные. Ни трактиров, ни деревень, ни хуторов, ни дорог приличных. За неделю ты — первый живой человек, которого я встретил...

— *Министр внешних сношений, ты слышал?* — осторожно связался я со своим дворцом. — *Неделю пути на восток дорог и поселений нет. Если не врет, конечно...*

— Да и болота здесь просто ужасные: гнус, пиявки, — продолжал чужак.

— Видать, издалека ты, мил человек. Из чьих будешь-та?

Разведчик сделал вид, что не услышал моего последнего вопроса, задумчиво посмотрел на облака и проговорил:

— Да уж, путь мой не близкий. Скажи-ка, дедушка, а что за край этот, что за народ здесь живет и кто здесь правит?

— *Министр, спишь что ли? Что посоветуешь? Дураком прикинуться? А смысл? На железную дорогу его послать? И то верно...*

— Народ здесь разный проживает, — уклончиво ответил я. — Кривичи, вятичи, древляне, мордва опять же. Что за край — сам видишь: леса, поля, реки да солнце в небесах. А правит здесь князь Всеяслав, дай Божественный ему здоровья, да князь Любомудр, да княжич Владислав!

— Так у вас феодальная раздробленность? — обрадовался чужак.

Он вытащил из потрепанной сумы какие-то бумаги, долго их перебирал, наконец нашел нужную.

— А как у вас с научно-техническим прогрессом? — по бумажке прочел разведчик. — Каков доход на душу населения? Какова производительность труда? Нет ли признаков приближающейся буржуазной революции?

— *Министр, он что, дурак или прикидывается? Есть варианты ответов? Эх ты, а еще министр...*

— Ась? — нашелся я самостоятельно.

— Ну, это, воюют у вас тут меж собой? Есть ли города крупные, самолеты летают?

— Про самолеты не слыхал, разве что в сказках. Насчет войны тоже не скажу — не знаю. Разбойнички, конечно, шалят порой по лесам, а как же без того. А ежели тебе в город надо, то иди-ка, паря, вдоль реки до брода, увидишь, что «чугунку» строят, там спросишь. Тут недалеко, пара дней пути.

— Чугунка? В смысле — железная дорога? — обрадованно переспросил разведчик. — Как, говоришь, до нее добратся?

В «Суперцивилизацию XXL» я играл уже четвертый месяц. Втянул меня в эту авантюру Витька — верстальщик с третьего этажа, с которым мы порой в обеденный перерыв проходились по пивку. Теперь Витек пива почти не пил: как ни зайдешь к нему, вечно сидит, в монитор уставившись, либо буклеты дурацкие лепит и проспекты рекламные, либо мир виртуально-совершенный ваяет. А пару раз замечали, что он и на ночь в офисе оставался. Запрется в кабинете, «мышкой» щелкает и бубнит, бубнит что-то в микрофон. Его даже Красноглазкой прозвали за чрезмерное общение с монитором. Впрочем, это окупалось — деньги у него водились, он, кстати, первым в нашей конторе маску для «виртуалки» купил.

Как-то заказал я ему халтурку — пару проспектов для фирмы, торгующей нижним бельем. Витек расстарался, не проспект, а прямо «конфетку» слепил, с такими милыми цыпочками из «Плейбоя», что не захочешь, а купишь знакомой даме чего-либо ажурного или в кружавчиках. Владелец фирмы — плотный такой сладострастник — чуть ли не слюни от возбуждения пустил, этих цыпочек увидев (и как только Витьку

удалось журнальных див в нужное бельишко обрядить?), и за работу поощрил. Пришлось мне Витьку пивом проставляться. Вот за ящичком «Гиннеса» под копченого леща Витек и рассказал мне свою тайну.

Оказалось, новая «Суперцивилизация XXL» — не просто очередная сетевая стратегия в режиме реального времени. Это — целая компьютерная жизнь в режиме реального времени. В ней нет сейфов, потому что Игра не прекращается ни на минуту...

— Ну, это что-то типа «тамагочи», помнишь, были такие электронные ублюдки, — объяснял Витек, умело сковыривая пробку бутылки о край сейфа. — То убери за ним, то накорми его, то поиграй. Не будешь кормить, поить, воспитывать — оттопырится, и «Гейм ова» — проиграл. Так и здесь: строишь мир, как в «Цивилизации», развиваешь его, открываешь новые земли, дипломатию с соседями налаживаешь, торгуешь, потом, естественно, воюешь. Ну и миссии добавочные по необходимости, то квест, то экшн со стрельбой. И все в режиме реального времени, и все без перерыва.

— Слушай, а как это? — удивился я. — Это что же, круглосуточно в сети сидеть? А как же работа, выходные, сон, личная жизнь?

— А советники тебе на что? Даешь им задание, и пусть вкалывают, только контролировать надо почаще, они такие тупые. Лариска, подружка моя, как-то в Ялту на три недели отдохнуть съездила. Возвращается домой, а у нее уже коммунизм построен — вершина человеческой цивилизации, если Марксу верить. Все общее, денег нет, народ ликует и каждый день демонстрации в поддержку. Только странный какой-то коммунизм получился: крестьяне все оборванные, на клыках дохлых пашут, в деревнях света нет, деньги отменили, но ввели талоны и жратву по карточкам, зато чиновники на лимузинах разъезжают и во дворцах живут. А у соседей уже самолеты реактивные летают и ракеты среднего радиуса действия. Короче, плакат «Все на защиту Отечества!» Лариске не помог. «Замочили» ее в неделю, она чуть в монастырь с горя не подалась...

И все-таки почему я согласился на эту Игру? Может, хо-роший «Гиннесс» так подействовал, а может, уж очень красивый и совершенный мир удалось построить Витьку. Мы про-

сидели за компом до глубокой ночи, и я влюбился в эту Игру по уши. Поутру Витек сам оформил мою заявку на участие в очередном туре «Суперцивилизации XXL», сам пробил мне виртуальный телефонный номер для сети и даже подключил мой пейджер для экстренных сообщений советников.

Военный министр торжествовал: -

— Что, пацифисты гребаные! Довыдывались?!! Вражеская агентура уже под самым носом, вблизи стратегических объектов разнюхивает, а у нас даже завалящего танка нет, пулеметов по одному на роту. Чем родину от супостатов будем защищать?

— Супостат у нас пока один, — спокойно возразил премьер. — И чтобы взять его — пары городских хватит. Что касается танков, пусть нас просветит думский советник по науке и военным технологиям.

Советник — лощеный рыжий мужчина средних лет — бросил рассматривать свой бриллиантовый перстень, вскочил и тут же ткнул указкой в большой плакат, висевший у него за спиной:

— В наших лабораториях уже разработаны две современные модели боевых машин, легкий танк, что вы видите на этом рисунке, и тяжелый, как показано на этом. И если министерство финансов выделит-таки обещанные средства...

— Черта лысого получите! — заорал, брызгая слюной, министр финансов. — Вы, думцы ученые, совсем обнаглели, в вас деньги вкладывать как в бездонную бочку! Где обещанная разработка системы ирригации? Где технология замораживания продуктов? Когда еще обещали? Вы что, голодных бунтов в стране хотите? Эти «колбасные электрички» уже всех достали!

— При чем здесь ирригация? — завизжал военный министр. — Я про танки, он мне про кур замороженных. Нужна срочная мобилизация...

— Цыц! — заткнул я рот бесноватому милитаристу и дал слово премьеру. Дельный мужик этот премьер-министр Пасюков, большей частью молчит, зато если уж что скажет — все в точку. Я из-за него уже две Думы распустил.

— Думаю, для мобилизации, как и для паники, объективных причин нет, — проговорил премьер, протирая очки. —

Что, собственно, произошло? Из-за леса, из-за гор появился дед Егор... Пришел представитель неведомых нам пока соседей. Я повторяю — пока неведомых. А разве мы сами не посылали своих разведчиков во все стороны? (Посылали; правда, пока ни один живым не вернулся.) Разве мы не упрашивали купцов отвезти наших дипломатов к соседям? (Упрашивали — мерзкие купцы отказали, сославшись на запрет Создателя.) Возможно, пришелец имеет дипломатические полномочия от властителей, которые хотят мира с нами, возможно, Игра, то есть жизнь, вступает в новую стадию — сотрудничество с соседями. Не зря ведь у нас есть пост министра внешних сношений и солидный штат сотрудников этого ведомства.

Все посмотрели в левый край экрана, где появилась физиономия совершенно кавказского типа.

— Нэ пэрэжыватэ, — заверил внешнесношательный министр. — Все под контролэм! Докладываю: посланца зовут Огюст. Кагда он спал, да, мои рэбята провэрили его мэшок. Так, ничего интырэсного: разве что зашифрованная карта его странствий, типовой договор о мире, вэритэльныэ грамоты с правом вэсты пэрэговоры, да? Ест эщо дюжина тэхнологий для обмэна — старье!

Все министры и советники уставились на меня, божественного. Я глянул на часы, почесал шетину, прикидывая, что побриться уже не успеваю, и сказал:

— До времени разведчика не трогайте, но следите за каждым его шагом. Работы на прокладке узкоколейки активизировать, думскому советнику по науке и военным технологиям к вечеру подготовить полный доклад по разработке военных технологий и финансовый отчет за год. Все!

Даже на мониторе было видно, как рыжий советник побледнел. Я выключил монитор, подхватил сумку и бросился к лифту. Наш новый шеф не терпел опозданий.

Перед самым обедом пейджер пропищал мелодию «Жил да был за углом черный кот». Я нажал кнопку, сообщал глава моей Тайной канцелярии Малюта: «Объект экстренно задержан в районе узкоколейки, какие будут указания?» Идиоты! Ни минуты покоя! Четко же приказал им разведчика не тро-

гаты! Я с досадой плюнул: опять попить пивка с ребятами во время законного обеденного перерыва не удастся. Незаметно проскользнув мимо вечно дремлющего старичка на вахте, я побежал к автобусной остановке.

Я вселился в тело инженера-железнодорожника и с удовлетворением отметил, что уровень знаний, даваемых в великокняжеском университете, носящем мое имя, заметно вырос. Инженер-механик, в которого мне пришлось вселяться месяц назад, во время аварии на чугунолитейном заводе, оказался неучем, к тому же — редкостным идиотом. А этот — напротив, умница и дело свое знает.

Я аккуратно положил на стол фуражку с перекрещенными молоточками, еще раз внимательно оглядев с ног до головы разведчика, отметил, что незванный гость со времени нашей последней встречи выглядит гораздо свежее: помылся, побрился и даже, кажется, поправился. Его мешок с вещами и бумагами лежал на моем столе, кремневое ружье кто-то пристроил в углу.

— Ну-с, — начал я официально. — Кто вы, милостивый государь, где ваши документы и что вы здесь делаете?

Разведчик решил повалять дурака и почти без акцента заговорил тоненьким голосом:

— Мы здешние, Оська я с Медового хутора, документов не имеем — в школах не обучались.

Я, то есть железнодорожный мастер, понимающе кивнул:

— Из крестьян, значица, паспорта не имеете, что ж, бывает. Но рабочие застали вас за скручиванием гаек и болтов с железнодорожного полотна. Чем вы это объясните, любезный?

— Так это ж, — зафальцетил Осип. — Рыбаки мы. Для грузил гайка — самое то. Потому как с дыркой. Я ж всего пару-то и взял. Мы ж не без понятия...

— *Министра культуры, быстро!* — «вошел» я во дворец. — *В наших школах уже проходят Чехова? Рассказ «Злоумышленник». Только в университете? Хорошо, далеко не отходите, вы мне можете еще понадобиться, а пока дайте кого-нибудь из министерства по металлургии. Это кто? Ведущий специалист по сплавам? Скажите, по обычной гайке с болтом можно оце-*

нить уровень развития цивилизации? И что же именно? Состав металла, качество закалки и качество резьбы? Это важно? Спасибо за информацию...

Удовлетворенный, я откинулся на спинку кресла и еще раз поглядел на ехидную физию разведчика. Может, выпороть мерзавца, чтобы перестал дурака валять? Нет, пожалуй, не следует, дипломатический скандал получиться может...

— А что это за бумаги? — спросил я, указывая на связку пергаментных листов.

— Так это... — На лице разведчика ясно обозначилась борьба чувств. Наконец он, видимо, решил, что ваньку валять уже бесполезно, а потому сказал уже нормальным голосом: — Это я могу только самому высокому начальству в столице. Уж не взыщите, барин...

Золотые часы в кармане жилетки железнодорожного инженера шелкнули и заиграли: «Боже, царя храни». Пора, а то опять от шефа нахлобучка будет.

— Эй, кто там! — крикнул я в сторону двери.

В проеме тут же нарисовались два почти одинаковых породовых в серых шинелях, при усах и саблях.

— Возьмите-ка этого парня, эти вещички и волоките его в Тайную канцелярию, — приказал я сурово. — Пусть там разбираются, а нам работать надо.

Обеденный бутерброд с ветчиной я дожевывал на бегу к автобусной остановке. Пива попить, естественно, не успел. На работу опять звонила Маринка и спрашивала, почему я ее забыл. Пришлось что-то наврать про срочную работу. Новость: Витек уволился. Говорят, он где-то надыбал денег на мощный комп и теперь работу берет на дом. Знаем, какую работу он берет — у него сейчас самая горячая пора в Игре: локальный конфликт с соседями и «Манхэттенский проект» в разработке. Надо бы к нему заехать, как выдастся время.

Пивком я решил догнаться вечером, после работы. Расставил бутылки, чипсы и сухарики перед монитором и под завистливые взгляды моих министров и советников сделал первый глоток. Вот оно, блаженство! Потом с удовольствием выслушал доклад советника по науке.

Толстомордый советник, очень похожий на бывшего советского премьера Павлова*, только рыжий, как Чубайс**, что-то невнятно лепетал, долго жаловался на обстоятельства, коварство подчиненных и семейное положение. Жена у него, видите ли, пятый год родить не может. Бездарная отмазка! Что ж, теперь каждой бесплодной бабе по дворцу за казенный счет строить, а передовой науке погибаться из-за таких вот казнокрадов?

Советник неожиданно признался в казнокрадстве и даже попытался повалиться у меня в ногах. Мой Малюта быстренько ухватил его за жабры и отволол в Тайную канцелярию. Под конец совещания от Малюты прибыл гонец и сообщил, что задержанный разведчик просит его принять. Ничего, пусть подождет, слишком много чести.

Я неторопливо взялся за повседневную работу. Сначала, конечно, дела столичные. Что поделаешь, люблю я этот город, как дитя родное он мне дорог. Оно и понятно, с деревушки отстраивать его начал, улицы еще бревнами мостил, последние деньги за трубы для первого водопровода и канализации отдавал. Корону свою со скипетром купцам заморским под это дело закладывал, между прочим. Еле-еле выкупить успел. Зато теперь — красавец город, чистенький, уютненький, в парках и фонтанах, с моими статуями на площадях. А разросся-то как! Замучаешься «мышь» давить, пока до окраин доберешься. Скорей бы метро изобрести, а то с переездами уже проблемы начинаются.

Ну что, жители стольного города Владиграда, проблемы есть? Налоги высокие? Ну, как всегда... Нет уж, извините, я и так вас разбаловал. 13% с доходов, а вы все равно так и норовите от налогов улизнуть. Что еще? Знаю, знаю, цирк хотите новый. Так получите. Вот здесь он будет, я давно местечко присмотрел. В виде Колизея, нравится? То-то!

А вам что? Школу? Получите! А вам? Нет, ребятки, это баловство. Академия в спальном районе — это уже слишком,

* При этом самом премьере в бывшем СССР были «отпущены» цены, тем самым был «опущен» весь советский народ, разом лишившийся своих сбережений. Обладая толстой мордой и довольно упитанными щеками. Глянешь на него и сразу поймешь: вот они где, закрома Родины.

** Тоже бывший премьер, но уже российский. И тоже в народе не особо любим. Был рыж, что дало россиянам повод всех рыжих котов называть Чубайсами.

перебьетесь библиотекой и ночным баром. А ваш квартал я переселяю. Как зачем? Надо, значит! На его месте будет детский парк с качелями и каруселями. Лебеди будут в озере плавать. Не спорить! Сами же жаловались на тесноту и безработицу. Вот какой я вам поселочек выбрал уютненький. И озерко здесь с пляжем, и рыболовная верфь, и консервный заводик. А домики-то какие! Просто виллы! Оставлю, оставляю я вам столичную прописку, обещаю! Давайте быстро, а то у меня терпение не бесконечное, и еще один поселок есть незаселенный. Правда, он далековато, на границе с тайгой, и из работы там только лесоразработки и золотой рудник с тачками, ха-ха-ха... Это — для особо строптивых.

Теперь обратимся к делам прогресса. Что у нас хорошего?

— *Министр торговли, что скажешь? Ввести монополию на хмельные напитки и начать торговлю табаком. Насчет водочной монополии — это хорошо, как только это я сам не догадался. А насчет табака забудь. Хрен с ними, с доходами, нечего мне население травить. Сам вон дымлю, как паровоз, а по утрам кашляю, как каторжник. Никакого табаку! Все! Я сказал! И еще объяви, что за наркотики — смертная казнь без разговоров. Какой мораторий? Кто объявил? Я?! Ну ладно, тогда каторга пожизненно. Какие наркотики? Ну героин, ЛСД... Не изобрели еще? И слава богу! За марихуану, гашиш — публичная порка! А нечего попадаться!*

Я, кажется, слова министру культуры не давал! Вы цирк новый получили, так ждите, года через три будем ленточку перерезать.

Что скажет министр по прогрессу? Первый конвейер запустили? Отлично! Теперь надо и о безопасности подумать. Что у нас с разработкой бронепоезда? Почему так затягиваете? Ускорьте. Всего и делов-то, пушки-пулеметы на платформы поставить да броней прикрыть. Что скажут авиаторы? Да знаю я, что без карбюраторного двигателя вам самолет не построить. Не беспокойтесь, ученые думают, изобретают. Но и вы не сидите без дела, безмоторный планер мне к концу года дайте. А то Малюту пришлю в помощь! Не надо? То-то!

Военный министр, у вас документы по всеобщей мобилизации готовы? А по народному ополчению? Хвалю, можете, когда хотите...

Я еще раз щелкнул на иконку с улыбающимся человеком вверху экрана и убедился, что в моем государстве все замечательно. Настроение граждан хорошее, приближается к отличному, всех ресурсов хватает, за исключением разве что экзотических фруктов, которые приходится ввозить. Социальная обстановка тоже на уровне: бедных мало, богатых еще меньше, в основном — средний класс, объявивший меня недавно Божеством.

Что ж, теперь можно принять и вражеского засланца. Я не спеша надел перчатку и маску, ударил по клавише и тут же очутился в полумраке своего дворца.

Поначалу я хотел обустроить свой тронный зал в египетском стиле. Больно уж мне фильм «Клеопатра» нравится. Я уж и интерьерчик придумал с кобрами и сфинксами и даже заказ купцам заморским сделал, но тут Маринка пришла. Посмотрела в экран и все планы мои в пух и прах разнесла: мол, если выбрал я для Игры среднюю полосу России, то и хоромы должны быть соответственные, согласно климату.

— Сам посуди, — ехидно сказала она, — вот сидишь ты на троне в виде золотой кобры и мерзнешь потихоньку, потому как такой зал в наши морозы хрен прогреешь, а на аудиенцию к тебе мужики лапотные в тулупах приперлись. Смешно...

Женская логика порой убивает, пришлось согласиться. А тут по телику «Иван Васильевич меняет профессию» показали. Короче, вы поняли, как выглядит мой тронный зал...

В общем-то Божество из меня получалось неплохое. Я прибавил себе сантиметров 70 роста, добавил мускулатуры а-ля Шварценеггер, подправил физиономию под Олега Видова в молодости. В принципе я вполне мог бы обойтись без этого дурацкого нимба, но раз в меню оно значилось, грех было не воспользоваться.

Золотой трон я с самого начала посчитал жлобством и восседал на очень удобном кресле из набора для банковских руководителей среднего звена.

Разведчик (посол? шпион?) зыркнул по сторонам, оценивающе осмотрел зал и моих бояр-министров, выстроившихся вдоль стен, поспешно опустился на колени и прижался губами к моему сапогу. Привстав, протянув верительные грамоты. Я принял и благосклонно кивнул.

Посол встал и с излишним пафосом торжественно произнес:

— Великий правитель королевства Арканар герцог Алайский моими устами приветствует великого владыку княжества Влагоградского божественного Владислава.

«Арканар?!! Герцог Алайский?!! Господи, не иначе, как мой неизвестный доселе сосед до сих пор западает на Стругацких», — подумал я, но виду, что знаком с именем герцога и названием королевства, не подал. Впрочем, что плохого, чем хуже Арканар, к примеру, Попинска, который Витек строит уже больше года, или Мухосрани, которую загубила его хиппующая подружка Лариска?

— Мы рады нашему соседу! — произнес я многозначительно, стараясь походить голосом на диктора Левитана. — Где же находится ваше славное королевство?

Разведчик открыл было рот для ответа, вдруг лицо его исказила гримаса, потом по телу прошла судорога, и я понял, что в разведчика вселился Игрок.

Надо отметить, что в этой Игре с Игроками — Богами соседних миров общаться приходится довольно редко, все больше с их виртуальными клонами, тупыми и предсказуемыми. Ну, раз уж Игрок вселился в разведчика для личной беседы, значит, он испытывает к моей персоне явный интерес. Что ж, добро пожаловать! Очень надеюсь, что сосед мне попался русскоязычный. •

Игрок сначала огляделся по сторонам, потом оценивающие глянул на меня. Я ехидно улыбнулся:

— Дон Румата, если не ошибаюсь?

— С чего ты взял?

— Раз Арканар, значит...

— Умные все больно стали! Ошибся, братан! Барон Пампа к вашим услугам! — И Игрок сделал шуточный реверанс.

— Пампа так Пампа, — не особо удивился я, — только странно как-то, вроде как королевство, а правит барон.

— Тут такое дело, братан, — почесав затылок, ответил Игрок. — Во мне весу под центнер, да и росту под два метра. Вот ребята из школьного клуба любителей фантастики и обозвали Пампой. А что, мне нравится. Слушай, а может, мне из баронов в короли произвестись?

— Твое личное дело, хоть в Боги — если уровень цивилизации позволяет. С чем пришел, сосед?

— Как положено, с предложением вечного мира, торгового соглашения и военного союза.

В принципе это был стандартный набор предложений, возможный со стороны разведчика с посольскими полномочиями. Только шпионить-то зачем? Впрочем, чего греха таить, своих разведчиков я отправлял на все четыре стороны с тем же заданием.

— На мир согласен — базаров нет! — тут же объявил я. — На торговлю тоже, если у вас есть что предложить. Что касается военного союза... Воюешь, что ли, с кем уже?

— Не, — скучным голосом ответил Игрок, — не с кем. Ты — второй, кто за три месяца встретился. Тоска! Я разведчиков штук двадцать уже загубил, во все стороны направил — сгинули. Один все же дошел через горы до какой-то страны, но там Игрок то ли венгр, то ли румын, что говорит — не понять. И английского не знает. Мы с ним кое-как границу по горам обозначили, сначала поторговали, потом бросили, уж больно дорого доставка через перевалы обходится. У купцов — дешевле.

— А чего тогда так поздно в разведчика вселился? — ехидно прищурившись, спросил я. — Три дня уж как твой разведчик в моей Тайной канцелярии отдыхал. Молчал, как партизан на допросе.

— У нас с соседом по общаге маска одна на двоих, — честно ответил Пампа. — Сначала договорились через день по очереди пользоваться, а тут он на какой-то порносайт вышел, заперся у себя в комнате, и неделю из сети его вытащить не могли...

Объяснения показались мне убедительными, но от болтовни пора была переходить к делу.

— Это... как там тебя, Пампа... Слушай, может, давай по настоящим именам? А то как-то по-детски получается. Я — Влад из Приокска, в Игре больше трех месяцев...

Пампа помялся, раздумывая, наконец сказал:

— Серега из Воронежа, студент журфака, четыре месяца в Игре.

— Что будем делать, Серега?

— Дружить давай. Предлагаю границу провести по этой реке. — Серега, он же Пампа, вынул из сумы карту и ткнул пальцем в голубую извилистую ленту.

— Ты на голову давно проверялся? — удивился я такой наглости. — Мне до реки два дня пути, а твой разведчик, по его же словам, неделю по полному безлюдью пробирался.

Посол понял всю наглость своих претензий и пожал плечами:

— Твои предложения?

— *Премьер, ау! Как тебе сосед? Думаешь, стоит доверять? Ну смотри!..*

— Давай-ка для начала картами сопредельных территорий обменяемся, — предложил я.

Стоило признать, Серегина карта была обширней, зато моя — подробней, с обозначением залежей подземных ископаемых. Границу мы провели довольно быстро, без особых споров, но Серега долго канючил хорошую рудную жилу на моей территории. Я прикинул стоимость прокладки дороги в эту глухомань и согласился. Руды у меня и так завались, а добрососедство куда дороже выгоды.

Обмена технологиями у нас не получилось. Серега не стал отпираться и признался, что всучил разведчику всяческое старье, годное лишь для первобытных племен.

— А вдруг в плен захватит кто, обидно будет, — объяснил он.

Расстались мы удовлетворенные с обещанием немедленно выслать друг к другу дипломатов. Вручив Пампе список товаров для торговли, я подарил ему лучшего коня и отключился, чтобы порыться в холодильнике и чего-нибудь сожрать.

Шеф побарабанил пальцами по полировке стола, наконец глянул на меня:

— Опять опоздал? И сколько это будет продолжаться?

Я, пристыженный, молчал. А что тут скажешь? Проспал. Еще бы, всю ночь совет с министрами держал. Решали, что делать в сложившейся ситуации. Все дело в том, что к нам заглянул еще один конный разведчик. Но странный какой-то — полуголая тетка на верблюде. Показалась в трех разных местах, потом под столицей объявилась, по всему — на пе-

реговоры ехала, я и приказал ее не трогать. И вдруг разведчица исчезла, как и не было ее. Получается, что лоханул я.

Естественно, министры мне ничего в глаза не сказали, не хватало еще, чтобы на Божество хвост поднимать! Но держались несколько развязно, и на лицах некоторых явно читалось легкое сомнение в моей компетенции.

Спорили долго, лишь под утро порешили: нечего ждать гостей, надо искать союзников самим. В тот же день на разведку отправились два десятка всадников с моими верительными грамотами.

— Ну так что? — прервал воспоминания мои нерадостные шеф. — Я же предупреждал тебя, Влад, что с бардаком, который был в конторе при прежнем руководстве, я мириться не буду. Специалист ты классный, не спорю, но на такую зарплату в этом городишке желающих найдется более чем достаточно. Согласен?

Я покорно кивнул.

— А ты ходишь, как вареный, помятый какой-то, глаза красные, — продолжал шеф, — словно и не спишь совсем. Бабу завел, что ли, новую, ха-ха-ха?

Я пробурчал что-то неопределенное.

— В общем, так, Владислав, — поднял указательный палец шеф. — Сегодня из-за тебя мы едва не лишились хорошего клиента, скажи спасибо ребятам, что тебя заменили. Делаю тебе последнее и решительное предупреждение! Еще одно опоздание, и пиши заявление по собственному...

Дождь лил не переставая, и ноги моей кобылы разъезжались по глине в разные стороны. Не хуже, чем у той самой пресловутой коровы на льду. Того и гляди — загремишь в овраг, шею сломаешь. Теперь понятно, отчего разведчики мои так быстро без вести сгибают, от души потрудился Создатель, дабы жизнь нам, местным Богам, усложнить. То чаща непроходимая, то трясина коварная на пути, то медведь голодный, то стая волков, то нечисть невиданная, в Красную Книгу не занесенная. А еще хуже — народ лихой с ножичками острыми. Я и не думал, сколько их по лесам прячется. А дождь-то не на шутку разошелся, надо что-то придумывать. Вон как раз мельница водяная с мостиком через речушку.

Честно говоря, мельница эта мне совершенно не понравилась, слишком уж тщательно прорисована на фоне заурядного пейзажа. Не иначе, Создатель приготовил здесь для Игроков очередную пакость. Попробую угадать: переправиться через речушку я смогу только посредством этой мельницы, Создатель, я прав? Но небеса молчали и продолжали сыпать холодным мелким душем. Как бы там ни было, укрыться от дождя можно только на мельнице, да и кобыле пора отдохнуть. Привязав лошадь под навесом, я взвел курок револьвера и толкнул дверь ногой.

Из темноты грохнуло, что-то сухо шелкнуло над правым ухом, я немедленно нырнул за мельничный жернов и притаился. Ба-бах! — мельница снова на миг осветилась от вспышки — вторая пуля сорвала с меня шикарную ковбойскую шляпу, вырвав вдобавок клочок волос. Ого! Неужели еще кто-то в живых остался? Вот уже два часа я, как обезьяна, прыгаю по гнилым лестницам этой дурацкой мельницы с «кольтом», отстреливая грязных ублюдков. Десятка три, наверное, уже положил. Одно радует: вооружены эти придурки лишь ружьями кремневыми да ножами. Впрочем, радости мало, я уже весь в бинтах, и в аптечке бальзама живительного лишь на пару глотков. А разведчик этот мне очень дорог, никто из моих так далеко еще не забирался.

Я перезарядил «кольт» — хороша все-таки машинка! Мои ученые постарались, не забыть бы поощрить и армию перевозчиков, если выживу, конечно. А вот патрончики кончаются, надо принимать решительные меры.

Я подобрал шляпу, нацепил ее на черенок лопаты и осторожно высунул за край мельничного жернова. Этой уловке, наверное, уже тысяча лет, но на нее по-прежнему попадают. Темнота мучного склада снова озарилась вспышкой, шляпу сорвало и отбросило в угол. Я, не раздумывая, выскочил из своего убежища и веером положил все шесть пуль в угол склада. Попал! Из угла раздался звук падающего тела и стон. Станный стон, какой-то не игровой.

Разбойничий атаман, морщась от боли, наматывал бинт на бедро и матерно ругался. Вот уж чего я явно не ожидал. Игрок в этой глуши!

— И откуда ты только взялся такой, — шипел атаман. — Всех моих ребят положил. С кем я теперь развиваться-то буду?

И действительно, с кем? Народу я пострелял здесь немерено. И мне было даже немножко стыдно, словно я ребенка неразумного случайно обидел.

— А чего же ты переговоры не начал? — смущенно спросил я.

— Начал — фигачал... — передразнил атаман. — Миссия у меня такая: грабеж на большой дороге, самогоноварение, мелкий рэкёт, потом выход к морю и основание вольной пиратской республики. Я ж только неделю в Игре, а тут ты. Ну, отдал бы мне свое золото и шел бы дальше. Палить-то зачем? Конечно, с «кольтом»-то против «кремневок» всяк героем будет, ты бы еще «Калаша» взял.

— «Калашников» мои ученые еще не изобрели, — возразил я. — Но, согласишься, твои-то первые начали, ножами перед лицом размахивали.

— Работа у них такая, ножами махать! Оооо! — снова застонал от боли атаман, пытаюсь встать. — Что мне теперь делать-то? Самому на костылях на большую дорогу выходить? Или Игру сдавать? А я, между прочим, полгода очереди на регистрацию ждал.

Последнюю фразу атаман сказал с заметной долей укоризны.

— На самом деле никого не осталось? — виновато спросил я.

— Никого... А впрочем... Эй, есть кто живой?! — проорал атаман на всю мельницу и прислушался.

Сверху раздался стон, потом еще один откуда-то сбоку.

— Есть, есть живые! — обрадовался атаман. — Эй, давайте все сюда!

Оказалось, дела у разбойничьего атамана были не так уж и плохи. Десяток разбойничков оказались только ранеными, половина из них — легко, один и вовсе был цел, просто забился в угол со страху. Выяснилось, что еще трое из банды в перестрелке не участвовали, они гнали самогон на дальней пасеке и должны были подойти лишь к вечеру.

Опасливо посматривая на меня, разбойники совещались. Для поправки дел решено было напасть на ближайший посе-

лок и набербовать новых членов банды на местной ярмарке, благо там сброду разного хватало...

Самогонка с медовухи оказалась на редкость хороша. Чистая как слеза, без запаха, а выпьешь, словно Христос босичком по душе пробежался (*по возвращении выяснить, откуда в моей памяти эта чудесная фраза*). Хлопнув с разбойничками по последней, я обменял остатки живительного бальзама на карту местности и собрался в дорогу.

— Оставайся, — уговаривал меня разбойничий атаман, оказавшийся Эдиком из Казани. — Ну куда ты поедешь на ночь глядя. Сыро, да и людишки лихие...

Кто бы говорил! Ночевать на мельнице среди разбойничьих рож мне совершенно не светило. Да и гора трупов, сваленных в углу склада, тоже на благодушный лад отнюдь не настраивала.

— А может, с нами? — уговаривал атаман. — Парень ты лихой, замом своим тебя сделаю, вторым человеком в банде будешь, дойдем до моря — капитаном станешь...

Я отрицательно покачал головой и молча направился к выходу.

— Ну, как знаешь! — зловеще прошипел атаман.

В принципе я был к этому готов, к сожалению, в реальной жизни благородные Робин Гуды среди разбойников попадают не так часто, как хотелось бы. Сделав кувырок вперед, я услышал, как финка свистнула над моей головой и вонзилась в деревянную балку. Вскочив на ноги, я резко обернулся и всадил весь барабан моего «кольта» в атамана.

В ту же секунду мельница осветилась неземным светом. Виртуальная душа разбойника облачком отделилась от упавшего навзничь тела и стала быстро подниматься к потолку.

— Ну и козел же ты! — успела крикнуть душа перед тем, как ярко вспыхнуть и оставить облачко с кроваво-красной надписью «GAME OVER».

В общем, забавная получилась «стрелялка». И «кольт» себя хорошо показал, не забыть бы поощрить ученых, если выживу, конечно.

Русская печь была слишком велика для лесной избушки. Да и вообще, разве бывают в охотничьих сторожках русские печи? Впрочем, Создателя порой и не так заносило. Как со-

общил мне воронежский Серега, его разведчики в тундре пингвинов обнаружили в большом количестве.

У печи, заплетая русые волосы в косу, сидела волоокая дева в сарафане. Увидев меня, дева радостно улыбнулась:

— Как зовут тебя, добрый молодец?

Квест! О нет, только не это! Надо же было попасться!

Дева так же сахарно лыбилась и продолжала спрашивать:

— Как зовут тебя, добрый молодец?

Я рванул обратно к двери и навалился на нее всей тяжестью тела. Без толку! Окно тоже не разбивалось, оно и понятно, это ж квест. Вот и сиди теперь, болтай с этой дурой, думай, как из избушки выбраться. Нет, спать, спать.

Я снял маску, с сожалением глянул на пустую сигаретную пачку и порылся в пепельнице в поисках подходящего бычка. Не найдя достойного, я еще раз посмотрел на занявшийся за окном рассвет, стянул джинсы и юркнул под одеяло.

Мало того что квестовая девка оказалась озабоченной дурой, она еще и жутко глючила. Знали бы вы, каких трудов мне стоило выбраться из той чертовой избушки да еще эту дуру с собой вытаскивать через печную трубу. Тут ее и начало глючить не по-детски. В какой-то момент девка перестала называть моего разведчика «добрым молодцем» и именovala не иначе, как «подружка». Вот и сейчас.

— Ну что, подружка, искупаемся? — хохотнула Марьяна Премудрая (так она представилась) и скинула сарафан. Под сарафаном ничего, кроме девичьих прелестей, не наблюдалось, впрочем, прорисовано все было качественно. Если пресловутая Марьяна и в жизни такая, я бы не отказался с ней познакомиться поближе.

Продемонстрировав мне прелести в полном объеме, Марьяна зашлась звонким смехом и шагнула к воде. Тут же глюкнуло, она опять оказалась одетой и снова предложила:

— Ну что, подружка, искупаемся?

Девку опять глюкнуло, стриптиз повторился, хорошо, хоть не зависла. Я полюбовался еще пару раз, загрустил и вышел в основную карту. Там меня ждало сообщение из главного Храма. Создатель ставил в известность, что я оштрафован за несанкционированное общение с другим Игроком. Наверное,

Сергея из Воронежа получил такое же. Все не слава Богу! Я вышел в главный Храм и пожертвовал на богоугодные дела тысячу золотых. Надеюсь, Создатель оценит...

Шеф одарил нас взглядом работаровца, которому обманом всучили партию подбракованного товара. Я потер подбородок, вспомнил, что опять не успел побриться, и постарался скрыться за спинами коллег, благо народу в конференц-зал набилось много. Но, к счастью, сегодня шефу было не до меня. Его добычей была более крупная рыба — рекламщики и начальники отделов. Шеф потер запястье, продемонстрировав всем прекрасный золотой «Ролекс», ткнул пальцем в клавиатуру и вызвал на экран мудреный график с красными и синими зигзагами. Синий зигзаг в конце графика резко уходил вниз, что означало катастрофическое положение дел в нашем издательстве.

— Я собрал вас сюда, господа, чтобы сообщить неприятнейшее известие, — начал шеф. — Наше издательство на грани разорения, так что вы все уволены! Прием новых работников я буду производить лично в индивидуальном порядке. Все, кроме начальников отделов, свободны.

Я блаженствовал. Солнышко нежно гладило мою кожу, легкие волны накатывались на песочек, ласково щекоча мои пятки, чайки вились над морем и кричали вызывающе, ансамбль мексиканцев в больших сомбреро тянул за моей спиной что-то грустное и протяжное. Наверное, они очень скучали по своей далекой родине, но возвращаться туда наотрез отказывались.

Я приподнялся на локте и снял очки. Подданные, окружавшие меня со всех сторон на почтительном расстоянии, немедленно повалились ниц, еще раз выражая горячую любовь к своему Божеству (то есть мне), снизошедшему до визуального явления. Уважают, то-то!

Хороший я все-таки сотворил курорт: уютные пляжики с белоснежным песочком, пальмы, красавцы-отели. Рай, да и только! Министр финансов, конечно, побурчал, предоставляя мне смету на это чудо света, и предупредил, что окупится курорт лет через тридцать, не раньше. Но что с того, разве это чудо не стоит вложенных в него денег? И разве не достоин я хотя бы недельного отдыха за все мои труды?

Неожиданно гитары за моей спиной смолкли, и раздалось тактичное покашливание.

— О Величайший! — Секретарь склонился в глубоком поклоне и протянул мне трубку. — Это вас!

— Влад? — прошипело в трубке (телефон мои ученые изобрели совсем недавно, и качество телефонных сетей Владиграда пока было далеко от совершенства). — Не опух еще от безделья? Что у тебя там все шумит? — Сквозь шум и потрескивание я все-таки узнал голос шефа. Немедленно сбросив маску, я схватил настоящую трубку и с почтением в голосе поздоровался. Тут же представил, как озвезденели мои подданные, увидевшие, как их Божественный исчез прямо с пляжного шезлонга, и хихикнул...

— Привет, привет, — ответил шеф. — На работу-то пока не устроился? Вот и отлично! Есть «калым» на хорошую сумму, возьмешься?

Я не торопился отвечать.

— Давай так, Влад, — не дождавшись ответа, предложил шеф. — Справляешься, беру тебя в штат, нет — сам понимаешь...

Работенка была не сложная, но колготная, книга с обилием мудреных схем и графиков. Терпеть не могу научных трудов. Скинув файлы в общую папку, я рассчитал примерный объем работы и присвистнул. Две недели на этот заказ уже не казались мне уймой времени. Успеть бы до срока. Да и об Игре придется на это время забыть, а что, если...

Президент моей академии, сухенький старичок в старомодных очках, выслушал меня и понимающе кивнул.

— Я рад помочь вам, о Божественный, но... До изобретения компьютеров нам еще очень далеко, и я с трудом представляю, как обращаться с этими... файлами? Я правильно называю?

— А если я все скину вам в распечатке, на обычных листах, в таком вот виде, — предложил я и щелкнул на иконку «Print».

— Это совсем другое дело — обрадовался академик, просмотрев лист с текстом и двумя схемами. — Это мы запросто!

Шеф просто сиял от удовольствия.

— Ну, Влад, удивил! Признаюсь, не ожидал, думал, ты — развездяй без всякого чувства ответственности, а ты... Давай колись, откуда у тебя эта программа, заказчик просто визжал от восторга!

Действительно, книжка получилась на редкость хороша: с солидными, от руки выполненными графиками и схемами, с виньетками в виде дубовых листьев в углах страниц, с прочими прибабасами, присущими скорее средневековым фолиантам, нежели современной научной литературе. Честно говоря, я сомневался, а не перегнули ли палку мои академики, но переделывать было поздно, пришлось сдавать все как есть. Заказчику понравилось.

— Вот тебе за работу. А это премиальные от заказчика, — добавил шеф, выкладывая на стол конверт. — У нас все честно! Давай недельку еще отдохни, пока мы в новый офис переезжаем, а потом выходи на работу. Считай, что принят.

В коридоре я осторожно раскрыл конверт и увидел зеленые деньги. Купюры на ощупь приятно шуршали.

Пейджер пискнул и сообщил, что у моего разведчика, неделю назад застрывшего в квесте, что-то изменилось. Хорошая новость, честно говоря, я уже на этого парня рукой махнул. Поставив разгрузку судов в порту на автомат, я надел маску.

Марьяна уже не показывала стриптиза. Она сидела в кустах, прикрыв сочную грудь и лобок руками, и грязно ругалась по-украински, примешивая русские, польские и английские слова. Судя по эмоциональности выражений, в эту глюченную дуру наконец-то вселился Игрок.

— Що, курва, вылупывся?! — шипела красавица. — Дивчин нагих нэ бачыв? Видверны очи бесстыжи до лису.

Я наконец обрел дар речи, соскочил с коня и с улыбкой сказал:

— Да хватит тебе прятаться-то. Я уж на тебя насмотрелся во всех видах, дальше некуда.

— Сгынь, злыдень, мать твою фак! — тут же раздалось из кустов.

— Давно бы сгинул, если бы не твой глюк. Если играешь, то хоть вирусов-то убивай, а то всю сеть заразишь.

Марьяна промолчала, видно, мой упрек попал в цель. Наконец из кустов донеслось:

— Пан може подать дывчине плаття?

Я пожал плечами, поднял с земли сарафан и бросил его в кусты. Там зашуршало, наконец Марьяна вышла и нерешительно остановилась передо мной. Девница заметно дрожала и непроизвольно почесывалась.

— Комары? — поинтересовался я.

— Жуть, просто спасу нэма, — объяснила Марьяна. — Пока вид тэбэ ховалась, всю зижралы тай змерзла шибко.

Я по-джентльменски снял камзол и накиннул на плечи дивчине. Она было дернулась, но одеть себя дала и вроде как даже улыбнулась.

— Чего так долго не появлялась? — спросил я. — Это ж двойной квест, его вдвоем проходить надо. Я из-за тебя здесь на столько времени завис.

— Свиту нэ було.

— Что? — не понял я.

— З Украйны я, — объяснила девница, делая ударение на «а». — У нашем сели свит видключылы на нидилю, не можно було у сэтэ войтыты. Тильки пару годын назад врубылы, а тут йше цей вырус. Еле-еле «дохтуром вебером» пэрэкандубачыла.

Хотя девница была явно взбалмошная, это фрикативное «Г» и милое «Ы» вместо «И» мне даже нравилось.

— Слышь, красотка, а чего ты здесь делаешь?

— То ж, що и ты, развидку роблю, — ответила Марьяна.

— А что у вас, мужики повывелись? — поинтересовался я.

— Та ни, кобелив хватае, просто це дорога ведэ к ымперыи амазонок. Воны чоловиков, то естэ мужчин, сразу того, у хвилыну — тай к стенке, без всяких переговоров. Вот и приходится дывчин посылать. И ты бы, хлопец, туды не ходыв...

Без глюков квест решился довольно быстро. Из шелкового царского шатра, где томилась дева, мы сотворили нечто вроде воздушного шара. Марьяна распустила косу и из цветных лент сплела сетку для гондолы, на саму гондолу пошла ступа Яги, найденная в той самой избушке. Под горелку приспособили керосиновую лампу, тоже позаимствованную у Яги, а газа нашлось в избытке на ближайшем болоте. Правда, дол-

го думали, как же зажечь лампу, всю печку Яге разворотили в поисках угля. Наконец сообразили: положили кусок сухой бересты к Ворон-камню, посыпали ее порохом из последнего патрона и доверили моей кобыле по камню стукнуть подкованным копытом. Искр было хоть отбавляй.

Рвущийся вверх шар теперь удерживала лишь веревка. Я чмокнул дивчину в щеку и забрался в ступу.

— Слушай, а ты на самом деле такая? — спросил я бес- тактно.

— Какая?

— Ну вот такая. — Я сделал руками движение, в выгодном свете отображающее девичьи формы.

Марьяна зарделась и опустила глазки:

— Да ну тебя. Ну, в общем... похоже.

— Тогда в скором времени жди в гости с посольством. Познакомимся поближе! — крикнул я и рубанул тесаком по веревке.

Насладиться прелестью полета мне не довелось. Едва мой шар поднялся над облаками, ввалилась Маринка, устроила скандал и поволокла меня к своей подруге на дачу, где справлялся чей-то день рождения. Весь вечер я дежурно улыбался, мысленно пребывая в Игре, сказал пару остроумных тостов, едва не подавился полусырым шашлыком и к вечеру, совершенно задубев, надрался. Впрочем, я был не одинок, напились многие, так что день рождения удался.

Маринка сгрузила мое тело у подъезда, сама расплатилась с таксистом и осталась на ночь. Обнимая и целуя Маринку, я почему-то представлял, что обнимаю и целую гарну дывчину Марьяну. Приснится же такое! Хорошо хоть, что у меня нет привычки разговаривать во сне, а то бы Маринка мне задала за виртуальную измену!

Меня довольно грубо втолкнули в сарай и заперли. Минут через десять дверь открылась, и появился высокий мужчина в ковбойской шляпе со звездой шерифа на светлой замшевой куртке. Некоторое время он в упор рассматривал меня, потом спросил:

— Ху а ю? Веа а ю флай фром? Вот ду ю нид? (Кто ты? Откуда ты прилетел? Что тебе здесь надо?)

Вот тебе и на! Случилось то, чего боялся. Видно, далеко меня ветром занесло, раз на англоязычников нарвался. Надо признаться, мои познания в английском были далеки от совершенства. Точнее, английского я совсем не знал, что касается изучаемого в школе немецкого, то я, наверное, смог бы что-то прочесть и перевести со словарем, но где бы его взять? Увиденное здесь было похоже на большой поселок старателей времен золотой лихорадки, откуда здесь словари? Что делать-то?

Вспомнив голливудские фильмы, я все же попробовал ответить по-аглицки, то и дело сбиваясь на немецкий:

— Ай донт спик инглиш, ай спик дойч, абер зер шлехт. Их бин руссиш, то есть рашен фром фа истен ланд, то есть кантри. Ай кам виз пис! Ферштейн? (Я не говорю по-английски, я говорю по-немецки, но очень плохо. Я русский из далекой страны на востоке. Я пришел с миром! Понимаешь?)

— Рашен? — удивился шериф. Не знаю, понял ли он хоть чего-нибудь из мною сказанного, но лицо его изменилось, глаза приобрели осмысленность — в шерифа вселился Игрок.

— Хей, рашен, веа а ю фром? А ю фром Москау, Петесберг? Ай возе ин Питесберг файв еаз эго. Э вандифул сити! Ю а э спай оф KGB, ант ю? (Эй, русский, откуда ты здесь взялся? Ты из Москвы? Петербурга? Я был в Петербурге пять лет назад, чудесный город! А ты не шпион КГБ?)

Оказывается, я не такой уж и тупой в английском. Из этого монолога я все-таки понял, что америкос знает Москву и Питер, что Питер ему нравится и что меня принимают за шпиона КГБ.

— Ноу Ки-Джи-Би! — запротестовал я. — Френд миссион! Миру — мир! Ай — дипломат. Ай лайк Ю-Эсэ-Эй! (Нет КГБ! Миссия дружбы! Я — дипломат. Я люблю США!)

— Ноу USA, — приложил палец к губам шериф и ткнул пальцем вверх, намекая, что Создатель довольно жестко штрафует Игроков за попытки пообщаться не по игровым кличкам. — OZZ, лэнд OZZ!

— Оз?! — обрадовался я и затараторил: — «Волшебник Изумрудного Города!» Гудвин! Элли! Дог Тототшка! Страшила, Дровосек, Гингема, Бастинда, Урфин Джюс!

Америкос вытаращил глаза:

— О йес! Урфин Джюс — а о Год! Хи из э рула ов виз плейз. (О да! Урфин Джюс — наш бог, он властитель этих мест.)

Шагая по дороге, вымощенной желтым кирпичом, что вела во дворец к Урфину, я с удивлением смотрел на отряд дуболомов, тащивших куда-то мой сдувшийся шар, на бригаду железных дровосеков, вкалывавших на лесоразработках, на эскадрилью отбомбившихся драконов, заходящих на посадку. Владыка и Бог этих земель Урфин Джюс уже с кем-то воевал...

Вас когда-нибудь расстреливали? Тогда считайте, что повезло. Мерзкие чувства испытываешь, когда тебя ведут на расстрел. Я ступал босыми ногами по заморской пыли, стараясь не напороться на колючку, и шурился от яркого солнца.

Шериф ехал рядом на гнедой кобыле и, листая русско-английский разговорник, объяснял, что лично против меня ничего не имеет: «Бизнес из бизнес, нефинг песонол» (Дело есть дело, ни фига личного), но приказ есть приказ. Евонный начальник порешил, что из-за сугубой отдаленности у наших государств вряд ли могут сложиться добрососедские отношения и торговля. Кормить лишнего юнита в условиях военного времени Бог этого мира Урфин Джюс считал накладным, поэтому решено было расстрелять меня, как шпиона.

— Такие экзекуции, — объяснял шериф с помощью словаря, — очень хорошо влияют на боевой дух армии.

Спасибо, успокоил. Вот и яма. Хорошо хоть самого копать не заставили. Охота была в чужой пыли ковыряться в такую-то жару. Шериф угостил меня последней сигарой, я прикурил и глянул в небо. Высоко в облаках дракон-бомбардировщик вяло отбивался от эскадрильи ехидных старушек в ступах. Одна из них вошла в пике и лихо смазала дракоше метлой по бугристой роже, тот в ответ плюнул в нее языком пламени из левой головы, но не попал.

— Не отобьется. Капут дракоше, — грустно констатировал шериф и достал из кобуры здоровенный «кольт». — Ну что, ю а реди?

Я еще раз затянулся, бросил остаток толстой сигары в яму, куда должно было упасть мое виртуальное тело, перекрестился и за мгновение до выстрела снял маску.

Через секунду счетчик жителей показал, что одним поданным у меня стало меньше. Почти в то же мгновение цифра стала прежней — из столичного роддома, тоже носящего мое имя, выбежала счастливая мамаша со свертком в голубых бантиках. Мужик родился, солдат...

Не знаю, откуда Маринка узнала об этом круизе. Не иначе была в нашем новом офисе и наткнулась на доску приказов и поощрений. Дело в том, что мои академики расстарались для одного бандитствующего поэта на пятитомный сборник сочинений (я сдуру выдал этот маразм за собственные стихи, теперь все дети в школах моей империи учат этот лирический бред наизусть). Заказчик — хозяин пары казино и десятка вешевых рынков — не только писал умильную лирику про березки и юных дев с косой по пояс, но и владел к тому же довольно крупной туристической фирмой, которая и вознаградила меня месячным круизом вокруг Африки на суперсовременном лайнере. А шеф в воспитательных целях известил об этом коллектив. Я, разумеется, ни в какой круиз ехать не собирался, намереваясь спихнуть путевку кому-нибудь хоть за полцены, а самому с головой уйти в Игру. Еще бы, какой тут круиз! В Думе смута, очередной экономический кризис, который едва не обернулся дефолтом, и Серега отказался покупать мой никель и молибден, а еще друг называется! Добавьте сюда пограничные конфликты с этим долбаным румыном-венгром на севере, наскоки амазонок на пограничные заставы на юге, да и Марьяна в последнее время что-то странно себя ведет, на переговоры не откликается. Или опять у них в поселке «свит вырубилы», либо задумала что. Какой уж тут отпуск.

— Нет, Влад, так больше нельзя! — выговаривала Маринка, заслоняя от меня экран нового монитора своими прекрасными формами. — Ты посмотри, как ты живешь, у тебя даже телевизора нет. Из мебели один диван да кресло. А на кого стал похож? Вечно небритый, лохматый, лицо позеленело, глаза красные, совсем как твой чокнутый Витек стал. На тусовки не выбираешься, друзей забросил, вспомни, когда последний раз на дискотеке были? Спятишь ты со своим компьютером! Все, собирайся, едем...

С Маринкой спорить бесполезно, единственное, на что мне удалось ее уговорить, — вечер перед отъездом я могу посвятить инструктажу своих министров.

Ломало меня, конечно, сильно. Маринка думала, что у меня банальная морская болезнь, но в мучениях моих волны Средиземного моря были совершенно не виноваты. Мне не хватало моей Игры, не хватало созданного мною Мира. Запершись в шикарной каюте лайнера, я бредил и мысленно представлял, как министры собираются на совещания, как спорят насчет разделения бюджетных средств, как ругают военного министра за излишний милитаризм, а министра культуры, наоборот, за излишний пацифизм. И еще я представлял, как гибнут мои разведчики в дальних краях, не имея возможности выбраться из критических ситуаций без моих мудрых подсказок.

Впрочем, через неделю я почти отошел, и круиз получился отменным. Но не было такого дня, чтобы, засыпая, я не пожелал мысленно всем моим подданным спокойной ночи.

Едва такси с Маринкой тронулось с места, я стер с лица глупую улыбку, подхватил тяжеленную сумку с вещами и сувенирами и кинулся в свою малосемейку. Не переодеваясь, дрожащими от нетерпения руками я стер слой пыли с засветившегося монитора и щелкнул по иконке «Суперцивилизация XXL». Вот он, мой Мир! Как же вы прожили без меня два с половиной года, родные? Соскучились, наверное?

Но вместо привычной карты экран показал мне заставку: «Засекречено по случаю объявления Чрезвычайного положения!» Что за дела? Я вышел в правительство, там, несмотря на глубокую ночь, заседали. Кабинет министров заметно обновился. Большинство этих лиц я видел впервые. Странно, что-то я не припоминаю, что назначал досрочные выборы. В основном министры прятали глаза, но некоторые смотрели даже вроде как с вызовом. Премьера Пасюкова на привычном месте не было, в его кресле восседал Малюта и нервно жевал кончик уса.

Первым нашелся снова занявший свое место советник по науке. Он несколько похудел в тюрьме, но голос остался тот же, елейно-приторный:

— О Божественный! Как прекрасен лик твой! Как идет тебе этот неземной загар. А этот белый тропический костюм...

— Заткнись! — оборвал я его. — Малюта, объясни, что происходит, где Пасюков, почему я не могу войти ни в одно посольство, почему я не могу посмотреть на карту МОЕГО мира?!!

Малюта оставил в покое правый ус и тут же взялся за левый.

— Я жду, — повторил я угрожающе.

— Пасюков оказался предателем, — наконец выдал Малюта. — Он готовил заговор против тебя, Божественный. Нам чудом удалось разоблачить этого агента Амазонок и Арканара. Карту же я спрятал специальной заставкой, потому что идет война. На нас напали коварные соседи. Ты же не хотел бы, Величайший, чтобы какой-нибудь враг пробрался в твоё жилище и срисовал карту. Но если ты пожелаешь, Божественный, то завтра...

Бред какой-то! Заговоры, война, шпионы...

— Никаких завтра! Открой мне карту немедленно! — резко приказал я.

Малюта нерешительно оглянулся на министров, но карту все-таки открыл, и я схватился за «мышь».

Начнем со столицы: настроение граждан тревожное, оно и понятно — война. Безработицы нет, тоже понятно, все мужики на фронте. А это что еще за новость? На берегу чудного рукотворного озера, в том самом месте, где по моим планам детишки должны кружиться на карусели, возвышаются красавцы-дворцы. И кто же хозяева? Вот они где все, мои министры и советники. Пока хозяин в отъезде, решили себе жилищные условия улучшить, дворцов понастроить. А на какие шиши? Казна-то пустая! Хорошо, ребята, дайте время, я с вами разберусь...

Посмотрим, что на общей карте. Так, на первый взгляд все нормально, леса, поля, леса и горы. А это что за красные вспышки на границах. Ого? У нас что, с Серегой пограничный конфликт? Он что, умом тронулся, его ученые только-только дизельный двигатель изобрели, куда ему со мной тягаться? Э-э-э, да это же мои войска на его территории, вон синие прямоугольники, означающие полки, и даже танковый батальон у того самого железного рудника, что я

подарил барону Пампе из Воронежа как символ вечной дружбы.

Я схватил «мышь», обвел свои войска рамкой и приказал прекратить огонь. Немедленно в углу монитора высветился командующий восточным фронтом генерал Лукогорев.

— Господин гениалиссимус! — начал он, отдав честь. — Не понял приказа, ой...

Наконец служивый разглядел, что докладывает не Малюте, а своему непосредственному Божеству.

— Генерал, — сказал я сурово. — Доложите обстановку.

— Согласно директиве генерального штаба, — отчеканил Лукогорев, снова козырнув, — продолжаем наступление вдоль реки Леночка и ведем упорные бои с агрессором.

— Каким агрессором? — спросил я.

— Войсками Королевства Арканар, вторгшимися на нашу территорию и захватившими богатейшие разработки стратегического сырья — железной руды!

— Какого стратегического сырья? — опешил я. — У нас этой руды хоть завались!

— Не могу знать, Божественный! Согласно директиве...

— Какой директиве?! Ты что, не знаешь, что этот рудник я с самого начала подарил Сереге... то есть Арканару?

— Не могу знать, Божественный! Согласно директиве генерального... — заладил генерал заевшим патефоном.

— Отставить! — скомандовал я, и генерал послушно замолк. — Слушать мое приказание: войска отвести на довоенные позиции, огня не открывать, все резолюции генерального штаба отменяются до моего особого распоряжения. Выполняйте!

За ночь я почти навел порядок в своей стране: снизил налоги до 15%, приказал арестовать Малюту вместе с его министрами, описать их дворцы и прочее имущество, отправил послов ко всем соседям с предложением мирных переговоров. Первым появился Серега, то есть Пампа. Барон чуть заметно поклонился и сухо поинтересовался, чего хочет от него вероломный князь Владислав.

— Брось, Серега, это ж я!

Пампа недоверчиво посмотрел на меня и спросил:

— Влад? Это ты, точно?

— Точнее не бывает! Серег, то есть досточтимый Пампа, а не соблаговолите ли рассказать, что здесь происходит?

Серега хмыкнул:

— А то ты не знаешь. Войну ты, братан, объявил всем кому только можно.

— Я, войну?!! Да меня месяц не было дома! Я в круиз ездил вокруг Средиземки.

— В круиз? Ну, тогда понятно. А я думал, у тебя крышу снесло или ты ядрену бомбу у кого украл. Больно уж борзо политику вел. Слушай, ты извини, тут меня соседи на переговоры приглашают, наверное, все из-за тебя. Я позже с тобой свяжусь.

Следствие велось быстро, солдаты нового министра обороны Лукогорева привозили заговорщиков пачками и еле успевали распихивать их по и без того переполненным камерам Тайной канцелярии, как поступала новая партия предателей. Следователи не спали сутками. Но часть заговорщиков во главе со сбежавшим Малютой окопалась в Сосновоостровске, пришлось город окружить и во избежание лишних жертв брать предателей измором.

Последним на допрос привели бывшего министра культуры. Старик за время следствия явно сдал, впрочем, и премьер Пасюков, возглавлявший следственную комиссию, здоровьем не выглядел. Оно и понятно: два года в тюрьме, пока я наслаждался круизом. Слава Мне, что расстрелять не успели!

Премьер прокашлялся:

— Давай, Пал Палыч, рассказывай, как до такой жизни докатился, как нашему Божественному решился изменить?

Культурный министр не отвечал, лишь беззвучно шевелил губами.

— Как же ты вору уподобился, типа советника по науке? — укоризненно продолжал Пасюков. — Он-то тот еще проходец, а ты — заслуженный человек, наградами отмечен.

— А что толку с этих наград?!! — вдруг по-бабьи, фальцетом вскрикнул бывший министр. — Их на хлеб не намажешь! А жизнь-то проходит!

— И ты решил сам себя наградить, — констатировал Пасюков. — Дворец себе за счет средств культуры построить? Бога ты не боишься, Палыч...

— Есть с кого пример брать, — неожиданно возразил мистр. — Не на нашего ли Божественного работала столичная Академия целых полгода, забросив все остальные дела? И что им в награду? Премия в размере месячного оклада и благодарность в личное дело. А Божественному нашему баксы в конверте и круиз вокруг Африки...

Ну и змеюку я пригрел у себя на груди. А такой тихенький с виду был старикашка...

Пасюков вопросительно глянул на меня, я в ответ лишь пожал плечами.

Мои плотники уже почти закончили сколачивать эшафот на центральной площади столицы, палач деловито проверял веревки на разрыв, когда в дверь позвонили. Я глянул на часы. Полпятого утра. Ого! В такую рань в гости обычно не ходят. Неужели соседей залил? Я бросился в ванную, но там все было сухо. Подойдя к двери, я прислушался. Позвонили опять, на этот раз решительно и долго.

— Кто там? — осторожно спросил я.

— Открывайте, милиция!

— Какая милиция, зачем? Я не вызывал...

Договорить мне не дали, дверь слетела с петель под мощным ударом, в лоб мне врезалось что-то тяжелое и твердое, последнее, что я услышал, были крики: «Всем оставаться на местах, ОМОН!» и почему-то жужжание принтера...

Голова раскалывалась. Я с трудом открыл глаза и огляделся: серые стены, на окнах решетки, длинный топчан в полкомнаты.

Что это? Где я? Где, где, в Игре... Не иначе, опять мой разведчик в какую-то передрагу вляпался. Не до него сейчас, надо страну от смуты спасти, предателя Малюту арестовывать...

Я попробовал снять маску, но маска не снималась. Точнее, ее не было. Не понял, в чем дело? Неужели реальная жизнь? Но это нереально!

Рядом что-то зашевелилось. «Что-то» оказалось здоровенным мужиком с сильно опухшей физиономией. Мужик глянул на меня, дыхнул перегаром и громко расхохотался:

— Ну, брат, и видок у тебя!

Я опустил глаза и с ужасом обнаружил на груди своего белоснежного в прошлом костюма огромный отпечаток казенного сапога. Размер 45-й, не меньше. К тому же правый лацкан моего одеяния был заляпан какими-то бурыми пятнами. Я ощупал рукой лицо. Над правой бровью болело и было влажно. Глянул на ладонь — кровь. Настоящая кровь, это уже не Игра...

В коридоре загремело, дверь камеры открылась, и в проеме нарисовался натуральный расейский мент в сержантских погонах.

— Мамичев. Есть такой? Давай к следователю на беседу.

Менты довольно быстро врубились, что дверь мне выбили зря и костюм испортили без особой надобности. Анонимный звонок оказался ложным: я никак не мог быть похитителем бизнесмена Айванесова и требовать за него выкуп. У меня было стопроцентное алиби, выразившееся в круизе вокруг Африки на комфортабельном скоростном лайнере. Путевка, авиабилеты лежали тут же на столе вместе с пачкой фотографий, где я в обнимку с Маринкой на фоне пальм. И дата, между прочим, есть. Но ведь кто-то позвонил в милицию и сообщил мой точный адрес.

В это время в стену постучали:

— Мужики, телик включите, там про Айванесова показывать будут.

Менты отстали от меня и расселись перед телевизором. Сначала показался колокол, качающийся туда-сюда, потом нарисовалась физиономия ведущего, невысокого мужичка с ехидной улыбкой и микрофоном.

— В эфире программа «Набат»! — обрадовал он. — Новость дня: освобожден предприниматель Айванесов, за которого неизвестные преступники неделю назад потребовали выкуп в сто тысяч долларов. Похитителями оказались деловые партнеры Айванесова, предприниматели Карапетян и Коровин. На первом же допросе похитители, державшие Айванесова в подвале загородного дома, заявили, что он их «кинул» на указанную сумму и они всего лишь хотели получить свои деньги назад.

Камера показала задержанных за решеткой: здорового мужика с огромным клювом явно кавказского типа и мелкого

хлюпика в очках. К моему удивлению Коровиным оказался именно клювастый.

— Тогда объясни, объясни нам, — настаивал «злой» следак. — Откуда это у тебя в принтере оказалось?

На стандартном листе А-4 крупным шрифтом было напечатано требование принести выкуп за господина Айванесова в полночь на местное кладбище.

— А хрен его знает откуда! Я же русским языком объясняю, не знаю я ни Айванесова, ни того, что его похитили. Я в круизе был месяц, только вчера приехал. И принтером этим никто месяц не пользовался, только когда ваши костоломы из ОМОНа ворвались, мне показало, что он заработал...

— Тогда послушай, — предложил «добрый» следак и вставил в магнитофон кассету с «наводкой» на мою квартиру. — Тебе этот голос не знаком?

Мне ли не знать этого голоса?! Это ведь я его придумал: густой, мощный, чуть хриповатый голос с примесью северного «оканья», голос бывшего начальника моей Тайной канцелярии Малюты. Но этого не может быть! Как он мог позвонить в милицию, его же не существует!

Я не узнавал своей столицы. По улицам и площадям бродили толпы горожан. Я увеличил карту до предела и прочел лозунги митингующих. В основном это были призывы типа: «Долой войну!» и «Божественный с нами!» Но часть манифестантов несла иные лозунги: «Война до победы!» и «Бога нет!»

Порой толпы встречались, и в местах их встреч начинались потасовки. Мои городовые сбивалась с ног, лупя манифестантов резиновыми «демократизаторами», переполненные участки не вмещали задержанных. Я подумал, снял с фронта пару полков и щелкнул «мышкой» по столице. Хватит демократии, пора вводить комендантский час.

В этот момент позвонил подполковник Кудасов, которому я поручил блокаду Сосновоостровска. Отличный офицер! Это он придумал окружить родной город Малюты железной дорогой и гонять по нему бронепоезда. Никуда теперь предатель не денется, жителей только жалко, они-то за что страдают.

— Мой Божественный! — отдал честь подполковник. — Изменник Малюта готов сдаться, но перед этим просит выслушать его.

Я плотоядно ухмыльнулся. Спекся предатель? Только бы не придумал пулю себе в лоб пустить, он мне живой нужен. Для допроса с пристрастием и открытого судебного процесса. Пусть мой народ узнает, как Малюта осмелился наступать на Божественного в милицию.

Я надел маску, вселился в парламентаря и двинулся в сторону Сосновоостровска.

Объяснять шефу, что я не справлюсь с этой работой за две недели, было очень трудно. Он и так считал меня немножко чокнутым, а представляете, что он подумает, когда я объявлю, что по случаю всеобщей мобилизации две трети мужчин из моей Академии наук призваны на фронт? Седьмая бригада, здоровенные санитары, смиренная рубашка и уютная палата в здании с желтыми стенами. В дурдом мне не хотелось, терять работу — тоже. Пришлось соглашаться.

Эта троица во дворе мне сразу не понравилась. Нет, я ничего не имею против компашек, распивающих пиво за дворовыми столиками, но эти трое как-то неправильно сидели: пива не пили, анекдотов и баек не травили. Кого-то ждали. Внутренний голос подсказал, что ждут меня, и он не ошибся.

Я не успел дойти до подъезда, как меня окружили и довольно бесцеремонно оттеснили к беседке.

— Слушай сюда, братан, — процедил самый высокий из троицы, бритый здоровяк в кожаной куртке. — Ты это, перестал бы бочку катить на министра финансов.

— Какого министра? — пролепетал я.

— Брось дуру валять! — пригрозил здоровяк, доставая из внутреннего кармана складную дубинку. — Сам знаешь какого. Пусть работает мужик на своем месте, у нас с ним дела, понял?

Возражать я не решился.

Троица степенно скрылась за углом. Я стоял, как доской пришибленный. Да, я действительно отправил вчера своего министра финансов как активного участника заговора в Тайную канцелярию, где у меня заведует новый костолом — сто-

матолог с совершенно семитской фамилией Айболит. Но откуда эти трое об этом знают? И какие у них могут быть с министром дела? Его же нет! Он же не существует!

Послушайте, кто-нибудь может дать мне телефон хорошего психиатра?

Далеко не в лучшем расположении духа я вернулся домой, включил монитор и сразу же встретился глазами с Малютой.

— Поговорим? — предложил Малюта.

Я кивнул и надел маску.

Палаты Малюты поражали эклектичностью. Низкие потолки и огромные венецианские люстры, грубо сколоченные столы и изящные стульчики в стиле Людовика, не помню какого по счету. На выбеленных простой известью стенах висели настоящие шедевры. Я узнал картины кисти Рембрандта, да Винчи, Сурикова, Айвазовского. За одной из полуоткрытых дверей краем глаза я заметил знакомый интерьер. Так вот она куда делась, Янтарная комната...

Вопреки ожиданиям Малюта сидел не на троне, а на большом армейском ящике, выкрашенном под камуфляж.

— Приветствую тебя, Божественный! — тихо сказал он и поклонился.

— Здорово, предатель! — ответил я, усаживаясь в большое мягкое кресло у окна. С этим уродом я решил не церемониться.

Малюта вздохнул:

— Все злишься, предателем меня называешь, а зря. Ведь многого ты, Божественный, не знаешь.

— Чего же именно? — поинтересовался я.

— Многого, — повторил уклончиво Малюта.

— У меня со временем напряг, — прервал я заплечных дел мастера. — Надо порядок наводить в том бардаке, что вы без меня натворили. Хотел говорить, просить о чем-то, так говори, проси.

Вообще-то я рассчитывал, что Малюта кинется ко мне в ноги и будет просить пощады. Но самозванный гениалиссимус (надо же, какое звание ему придумали) поступил иначе:

— Признаюсь, ты победил. Переворот не удался, эта столичная мразь оказалась трусами и предателями. Я им дворцов

понастроил, земли подарил, а они как тебя увидели, в штаны наложили, а еще вчера в верности клялись...

— Станный ты, Малюта. Чего ты еще ожидал? Разве можно затевать заговор против своего непосредственного Бога?

— Да всем давно плевать на Богов, все хотят просто жить, хорошо жить! Жаль, что ты этого до сих пор не понял. Короче, я хочу сделать предложение. Ты остаешься Божественным со всеми привилегиями, я восстанавливаю твои статуи на улицах городов, я даже отменяю преподавание атеизма в школах и академиях, но ты в свою очередь обещаешь в управление государством больше не лезть!

От такой наглости я лишился дара речи, а потому Малюта беспрепятственно продолжал:

— Ты, конечно, много потрудился и, хвала Создателю, сотворил очень хороший Мир. Но ты отстал от жизни, Божественный. Прежние методы руководства, волюнтаризм, уже не отвечают законам и правилам современного мира.

Я наконец смог говорить:

— И это говоришь ты? Ты, который устроил переворот, сверг законную власть и назначил сам себя гениалиссимусом?

— Для благого дела и только на период военных действий. Как только внешняя угроза исчезнет, я тут же, клянусь, передам власть всенародно избранной Думе.

Я расхохотался. По-настоящему! Минут пять я ржал, держась за живот. Да, давненько меня так не смешили.

— Малюта, я создал тебя хитрой лисой, но не думал, что ты можешь превратиться в такого циника. «Суперцивилизация XXL» — это военная стратегия, и обычное состояние играющих — война. Война до полной победы по всей карте. Но это — война до бесконечности! Так ты решил стать пожизненным диктатором? А чтобы игрок, создавший и тебя, и всех остальных, и весь этот Мир, не мешал, его можно упрятать за решетку, настучав в милицию, так?

Малюта прошелся по залу, остановившись у окна, пожевал ус:

— С милицией я погорячился, признаюсь. Но очень ты меня разозлил. Только согласись, вообще-то этот Мир сделал не ты, а Создатель Игры, и ты — лишь пользователь. Что, не ожидал? Я еще и не такое знаю! Не такие уж мы здесь дураки,

хоть и тобой созданы. Послушай, Божественный, ну зачем тебе это? Что, других игрушек мало? Поиграл бы в «WARKRAFT V» что ли, классная игрушка! Давай договоримся: ты не лезешь к нам, мы не лезем к тебе. Наша Академия и дальше будет работать на тебя, еще лучше работать. Будешь грести бабки лопатой в своей конторе, жить в свое удовольствие, на Маринке женишься. В противном случае...

Бред, нет, это натуральный бред! Урод, существующий лишь в памяти компа, учит меня жить. Меня, человека, его придумавшего! И не только учит, еще и угрожает. А может, правда дать по Сосновоостровску с орудий крупного калибра, как предлагал Кудасов? Но стрелять по своим... Да, представляю, каково было белым офицерам в гражданскую. Стрелять в свой народ, в солдатиков, с которыми в одних окопах сидели. Впрочем, если верить истории, солдатики особо подобными угрызениями совести не страдали...

— ...в противном случае мы будем вынуждены пойти на крайние меры, — закончил кистом.

— Это какие же? — ухмыльнулся я.

— А вот какие! — Малюта подошел к ящику, на котором незадолго до этого сидел, и откинул крышку. — Знаешь, что это такое?

Наверняка глаза у моего парламентаря вылезли из орбит, как у похотливого краба.

— Ядерная боеголовка от «СС-22-Сатана»! Одна здесь, еще две во Владиграде! — гордо объявил Малюта. — И если ты не согласишься на мои условия...

Где-то мои спецназовцы прокололись. Надо было все-таки самому группу спецназа возглавить! А может быть, эти боеголовки и нельзя было обезвредить, Малюта был сволочью, но отнюдь не дураком.

Зрелище было незабываемым: сначала огромный белый гриб поднялся над Сосновоостровском, потом еще два над Владиградом. Не блефовал, оказывается, Малюта, сам сгорел и остальных в пекло отправил. Я с ужасом наблюдал, как лица моих верных министров и советников превращаются в оскаленные черепа и тут же рассыпаются в прах. Я смотрел на счетчик населения, видел, как стремительно уменьшается число жителей моей страны, и по щекам моим катились слезы. Я

наблюдал, как огонь слизывает целые столичные кварталы, как вспыхивают фигурки человечков, моих верных подданных, и рука моя сама потянулась к сумке, где была заныкана бутылка текилы.

Тут же на экране высветился Серега:

— Влад, ты что, сдурел? Ты чё удумал-то? Или по тебе кто баллистической вдарил?

— Это заговорщики... — выдавил я сквозь слезы и сделал первый глоток прямо из горлышка.

Пампа сочувственно поглядел на меня и вздохнул.

— Ну, брат, теперь тебе кирдык. Слушай, не в службу, а в дружбу, ты бы не мог отвести свои войска от границы, все равно на тебя сейчас со всех сторон попрут, оставшееся делить:

Я кивнул и перешел на военную карту.

Позиция была лучше не придумаешь, просто отличная позиция! Гвардейскую ракетную батарею прикрывала березовая рощица, а мост и переправа были у меня как на ладони. Теперь бы только не спугнуть!

Десяток амазонок ступили на мост и нерешительно остановились. Их, наверное, очень удивило, что такой важный военный объект не заминирован. Ну давайте, давайте, девоньки! Не бойтесь, нет там ни динамита, ни мин. Я для вас другой сюрприз приготовил.

Дождавшись, когда через мост с гиканьем проскакал эскадрон полуобнаженных всадниц и проехал десяток броневиков, я разглядел в бинокль колонну бронетехники и поднял руку. Вот оно, секретное оружие амазонок, — танки с реактивными ракетными установками.

— Ну давайте, давайте...

Вдалеке загрохотал тяжелокалиберный пулемет. Это разведчицы амазонок напоролись на мой ДОТ, теперь-то они точно должны клюнуть!

Клюнули! Танки с уродливыми ракетными конструкциями на башнях разом выбросили клубы сизого дыма и двинулись к мосту. Когда первый из них достиг середины, я резко опустил руку и выдохнул «Огонь»!

Ракеты с воем полетели во врага, через минуту от моста остались две пары бетонных быков и какие-то обломки. Ос-

тавшихся в живых накрыл второй залп из ракетометов. Третий залп я дал по берегу, так, на всякий случай. Аллес!

Я снял полевую фуражку, утер рукавом пот и спустился в блиндаж докладывать начальству. Попутно глянул на себя в зеркало. Хорош! Боевой капитан в песочного цвета френче с нашивками «За доблесть». Никогда бы не подумал, что мне так к лицу военная форма.

Мои солдаты бились как львы. Каждый клочок моей земли врагу пришлось полить своей кровью. Я успел перелопатить гвардию амазонок и сжечь все танки этого господаря Мирчи — то ли венгра, то ли румына, когда мне доложили, что самолеты больше нечем заправлять, а последний склад боеприпасов пуст. Я закурил, вызвал Кудасова и приказал капитулировать. Тем более Серега подоспел с бронепехотой (а мне заливал, что танков еще не изобрел), он обещал с пленными обойтись достойно. Кудасов выслушал приказ, отдал честь и отправился выполнять. Через секунду после того, как над моей последней крепостью поднялся белый флаг, лицо полковника на экране превратилось в череп. Настоящий солдат, не выдержал позора капитуляции, застрелился!

Я в последний раз взглянул на свой город: те же багровые тучи и хохочущие всадники Апокалипсиса с косами в небесах. Вражеские солдаты в ОЗК и носатых противогазах деловито обносили пригороды моей бывшей столицы колючей проволокой и прибывали к столбам таблички, украшенные черепами с перекрещенными костями и надписью «Радиация».

Я успел заметить, как последнее обитаемое здание моего города обрушилось, как выскочившие из подвала фигурки человечков одновременно смешно раскинули ручонки и упали в пепел.

Экран осветился красным, и появилась зловещая надпись «Game Over».

— Прощай, Влад! — то ли послышалось, то ли на самом деле успел крикнуть воронежский Серега.

Через секунду надпись исчезла, и на мониторе высветился мой рабочий стол. Иконки с надписью «Цивилизация XXL» на нем больше не было...

Маринка не была дурой. Если бы Маринка была дурой, я бы с ней и не дружил. Но Маринка была умницей и сразу поняла, что со мной что-то не так. Не знаю, как ей удалось открыть железную дверь («подарок» от местного РОВД взамен выбитой), кто надоумил ее не вызывать «скорую», а пригласить нарколога с капельницей, кто объяснил ей, как вывести человека из компьютерной ломки. Но уже на следующий день я был как огурчик. В смысле — зеленый, но деятельный. Дождавшись, когда Маринка уйдет в ванную, чтобы замочить мой шикарный белый костюм, я проскользнул в дверь и решительно нажал на кнопку лифта.

Вот уже целый час я уговаривал Витьку запустить меня снова в Игру.

— Нет, брат, извини, но это — против всех правил, — лениво сказал Витек, наливая мне «Хеннеси» в рюмку. — Я же тебе рассказывал правила. Проиграл — до свидания, надо было за своими министрами следить, а не по круизам разезжать...

— Не сыпь мне сахар на хер, — пробормотал я, залпом проглатывая чудный напиток. — Скажи лучше, что делать-то теперь?

— Что делать? Как положено, регистрируешься на сайте, через полгода — жеребьевка. Если повезет, еще через год сможешь попасть запасным в новую карту. А там, глядишь, кто-то и откажется или вылетит быстро, как тот атаман, что ты пристрелил. Займешь его место.

Я судорожно сглотнул. Минимум полтора года без Игры, нет, это невозможно, я и месяца не выдержу.

— Слышь, Витек, давай не темни. Ты ж сам говорил, что твою Лариску «замочили», а она сейчас опять в Игре. Значит, можно без всяких отборов. Если нужно чего, говори, я ж не без понятия...

Витька откинулся в своем шикарном кресле. Да, окабанел мой приятель за последнее время. Комп у него стоит супермощнейший, монитор гигантский, домашний кинотеатр и мебель словно выставочный образец из салона. И внешне изменился, взгляд стал уверенный, нагловатый, глаза совсем не красные.

Выпив коньячку, Витек закусил лимончиком и лениво изрек:

— В принципе можно поговорить с дилером Игры, но, сам понимаешь, он тоже человек...

Я понимал, а потому только спросил: «Сколько?»

Витек достал из кармана халата «Паркер» с золотым пером и чего-то черкнул на бумажке.

— Рублей? — без особой надежды спросил я, увидев сумму.

Витек снова улыбнулся и начертил символ с пятой клавиши слева второго ряда стандартной «клавы».

— Долларов?! Да у меня столько вовек не было!

Витек пожал плечами:

— Как знаешь. Впрочем, есть еще один способ... Четверть суммы платишь наличными и... приводишь в Игру десять новичков.

Я молча встал, накинул куртку. Уже из коридора я крикнул:

— А каким я был у тебя по счету?

— Седьмым! — почти сразу же откликнулся Витек. — Счастлиное число!

— А не ты ли продал моему Малюте боеголовки?

В ответ Витек лишь радостно заржал.

— Забавно, забавно. — Шеф снова побарабанил пальцами по столу и глянул в экран. — Так, говоришь, все реально: можно плести заговоры, давать взятки и загружать подданных настоящей работой?

Я активно закивал:

— Очень реально, как в жизни, даже лучше, как в кино!

— Что ж, триста баксов — не такие большие деньги. Я, пожалуй, поиграю в эту игрушку месяцок, пока не надоест...

Сияющий, я вышел из начальственного кабинета. Как же, надоест тебе, сутками будешь торчать в Игре и «Ролекс» свой заложишь, когда продуеться и к Витьку побежишь за новой порцией счастья.

Шеф — уже седьмой, где бы найти еще троих? Кажется, у Маринки младший брат на стратегии западает. Навешу-ка я свою подругу, заодно и с братцем потолкую. Первый гейм, как всегда, бесплатно...

Святослав Логинов

ТЕНИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Экскурсия с препятствиями

«Послушивай!..» — эхо прозвучавшего двести лет назад крика мечется в подворотнях, ударяется о глухие стены, стоячей волной дрожит в дворах-колодцах. Кто умеет, услышит его не только сейчас, но и через сто лет. Город полон голосов, главное — отделять умерший звук от живого. Но даже умелец с чутким ухом не различит звука шагов бегущего Авалса. Кьяновские кроссовки касаются тротуара совершенно бесшумно. Бежишь и сам себя не слышишь.

«Посматривай!..» — а кому посматривать? Хотя все глаза прогляди в ночную ясность — а его не разглядишь. Увидать — дело не хитрое, а ты разгляди, когда всё кругом тает в обманном свете, смущает чувства и блазнит беспомощный разум. Человек ходит по городу, распахнув очарованные глаза, смотрит, видит и не осознаёт. Вот мелькнуло что-то — и нет ничего, да и как могло мелькнуть, если света кругом — хоть газету читай, хоть подбирай иголки? Неподвижность царит, живая, спящая. Недолгие полчаса ночи — его время. Над головой не заря, не зарево, а просто свет, пока ещё жемчужный. Жемчуг — прекрасный камень невинного обмана. Прозвительно светлый и непроницаемый для взгляда. Красивее всего блестит жемчуг в обманном пламени свечей, когда он не даёт тени. А

во время белой ночи жемчуг не виден, кажется простым окатышем, внучатым племянником гранитных монолитов, одевающих Неву.

Теперь Авалс бежал по набережной, скользя кроссовкой по слизи камня. Гранит безучастно терпел прикосновения. Сколько грубых человеческих касаний должно пройти по нему, чтобы на камне остался след... И что должно стрястись, чтобы битый ногами камень мостовой оказался потрясён до глубины души... Это гранитный постамент может вечно помнить удар вражеского железа, мостовые не хранят даже следов бомб. Отремонтировать — и забыть. Хотя рассказывают, что где-то под многослойным асфальтовым пирогом до сих пор можно найти следы копыт, каких не бывает у живых лошадей. Тётки с совковыми лопатами и мужики в оранжевых дорожно-ремонтных жилетах видели этот след, но среди бела дня не смогли рассмотреть. Что могут совковые тётки? Окажись рядом поэт или художник — он бы разглядел, но художники берегут руки, а поэты слишком субтильны, они не способны взламывать асфальт даже ради единого слова правды. Прозаики исполнены прозы жизни, им не интересен след копыта на камне. Вот и спрашивается, кто мог видеть фантастический след, да ещё и рассказать о нём во всеуслышание? Веры такому фантасту нет, да и прежде не больно бывало.

А об Авалсе даже легенды не сохранятся. Вот бросится он сейчас в Неву с пролёта сведённого моста — ряби на воде не появится, так и будет река струить свои гексаметры.

Авалс остановился на мгновение, беспомощно огляделся. Место знакомое, они шли здесь не больше получаса назад. Дружно шли, в ногу, всё было привычно и знакомо. Так нет, захотелось дураку самостоятельности, белая ночь в голову ударила, и помчался дурак куда глаза глядят. Теперь кружи бестолково, ищи потерявшегося хозяина. Спрашивается, где его черти носят? Ведь не только Авалс без хозяина пропадёт, хозяину тоже сладко не будет, говорят, от такого и помереть можно. Вот только хозяин пропажи не заметит и искать не станет. И никто не заметит до самого восхода солнца. А уж от солнца не скроешься, оно всё видит. И хозяина, каков он есть, хуже голого, и Авалса, как он без хозяина по улице разгуливает. После этого разговор с преступником будет корот-

ким, а вернее, вовсе никакого разговора не будет. Не останется от Авалса даже пятнышка.

Заметался бестолково, предвидя близкую гибель, вздел руки мелодраматическим жестом. И вдруг, ударя в лоб рукою, охнул от ослепительной догадки, которая не должна была являться в тёмную от природы голову: «Ну с чего он решил, что хозяин станет кружить по старым местам, будто потерялся или потерял что-то важное?.. Ясно ведь, дождался, пока мост сведут, тормознул праздную ночную машину и давно уже дома чай пьёт, а то и без чая уснул, умаявшись ночными красотоми». Домой надо было бежать, там и ждать хозяина!

Помчался что есть сил, прикидывая в уме, сколько времени бежать до дома... через мост, по Литейному, Невский пересечь, что даже ночью небезопасно, по Владимирскому, Загородному проспектам... полчаса бежать, не меньше, а ночи осталось едва пять минут. Раньше, рассказывают, можно было к трамваю прицепиться, проехаться на колбасе, а у нынешних трамваев держаться не за что...

Кретин, какой трамвай в начале четвёртого? — беги давай.

А бежать больше никаких сил нет, набегался за ночь выше всякой возможности, метался, кидался, кружил, как бездомная собака. И вот, пожалуйста, нужно бежать, а ноги как приколоченные. Это в книжках пишут «скользит легко, как тень», а у Авалса сбито дыхание... и хорошо хоть под рёбрами не тянет гнетущая боль — нет у Авалса рёбер. Сил едва хватило Литейный мост перебежать. Нет страшнее мест, чем мост. Там и с хозяином шагать страшновато: того гляди — ухнешь вниз, на текучую воду. Но всё-таки перебежал. И сразу препятствия начались, о которых прежде не думалось. Тени большого рода издавна живут сами по себе, и здесь, в начале Литейного, обосновались едва ли не самые из них мрачные и злобные. Почти у самого моста пятнает землю огромная тень большого дома. И такое в этой тени встречается, что лучше за три квартала обходить. А он, глупенький, думал духом пробежать... Даже человек, ежели день туманный, ёжится порой, ударившись взглядом о стену, по-старинному составленную из гранитных плит, переложенных свинцовыми листами. Сейчас так уже не строят, этот дом последний и единственный выстроенный по старым рецептам после революции, из-за которой весь город стал тенью былой столицы. Дом построили боль-

шой, и свинца ему не жалели ни для строительства, ни потом для насущных нужд. Невские рыболовы упорно врут, будто самый лучший клёв на спуске у Литейного моста, куда, прикормленные кровью, до сих пор сплываются окуньки и плотва. А прежде, мол, на этом спуске рыбачить не дозволялось, и когда вновь запретят, всякий ловец рыбы без слов поймёт, что это значит.

Авалса заметили, а может быть, на том берегу приземистый дюжий человек оглядел окрестности со своего бронеавтомобиля и закричал: «Вот он!» — уставив на Авалса железный палец. И все, сколько ни было в тени большого дома, кинулись на Авалса.

— Стой, контра! Врёшь, не уйдёшь! Петруха, сзадугай, сзадугай! Беглым — пли!

Трах-тарарах-тах-тах-тах!

Очнулся Авалс в переулочке. Долго стоял, дрожа крупной дрожью, тяжело смотрел и дышал, клацал зубами, кривя сведённые судорогой губы. На проспекте продолжалась стрельба; кого-то брали, но здесь было тихо.

Вот оно как — бродить по городу бесхозно. Это рядом с хозяином легко скользить по освинцованной стене, а в одиночку — только покажись, а что случится дальше... узнать узнаешь, но уже не расскажешь никому. Хорошо ещё, что магией эти не владеют, немощно им, а то бы никакого спасения не было городским видениям.

Осторожно ступая, Авалс выбрался на Шпалерную и вновь попал в царство теней, может быть, не столь опасное, но куда как прилипчивое.

Стоял некогда на углу дворец графа Шереметева — основателя и первого начальника добровольных пожарных дружин. Дом не дом, а так — тень дома, там никто не жил, и даже спальни ни единой не было. Особняк для торжественных встреч и приёмов. В следующую эпоху особняк был передан графу Толстому под дом писателей, и там до сих пор елозят тени пьяной советской богемы. Ныне дом полностью принадлежит теням, ибо пожар, произошедший по вине неисправной проводки, выкурил живых писателей из слишком шикарного особняка. Дворец начальника пожарных дружин гореть не хотел, так что услужливой электропроводке пришлось за один месяц трижды ломаться и поджигать обитые камы-

шом стены, прежде чем дом наконец сгорел как следует. И так он это добротнo сделал, что частные фирмы, алчно ожидавшие, когда погорелые литераторы уберутся вон, чтобы приватизировать прокопчённые стены, разочарованно отступились. От бывшего дворца остался фасад, скрывающий скверну разрушения. Таких домов в городе немало, и все они обжиты теньями. Сейчас обитатели литературного склепа толпились на свежем воздухе, догуливая последние минуты белой ночи. При виде Авалса они оживились, хищно предвкушая развлечение. Стрелять они не были приучены, но хватать и не пушать любили издавна и притом владели самым изысканным тенистым колдовством.

— Ход сдох! — Голос, неслышимый простому уху, но не утративший барственных обертонов, приковал Авалса к месту, заставив покорно замереть. И сразу сонмы теней окружили его, требуя внимания, почтения и прочтения.

— Ты меня цитируешь? — пытал один.

— Знаешь, кого помнит этот камень? — вопрошал другой, пиная гранит поребрика.

— Кого? — задохнувшись от ужасной догадки, переспросил Авалс.

— Меня!

— О, ты туп как путы-то! — осадил соперника тот, что минуту назад приковал Авалса волшебным заклинанием.

— Сам хам! — огрызнулся монументальный, но, не сумев достойно закончить строку, стушевался и ушёл во мрак пустых стен, бормоча что-то о широком махе масс.

— Вой хул — глух, Иов! — язвительно выкрикнул вслед победитель и, повернувшись к недвижному Авалсу, принялся декламировать:

И крик кирки,
Хил или лих,
А рушит тишь. Ура!

Сбоку подсунулся призрак с моднявым абрисом.

— Хит! — возгласил он. — Стон нот стих!

— Чего это они? — не надеясь на ответ, вякнул Авалс.

— Не берите в голову, — неожиданно ответил один из призраков. — Поэты промеж себя разбираются. А тот, что

сбежал, и вовсе стихотворец, к тому же — секретарь. А секретарство мстит за себя жестоко, оно чревато деградацией.

— А вы кто?

— Я — писатель, — сказал человечный и добавил с неожиданной грустью: — Тень писателя. Так бывает, живёшь, работаешь и вдруг обнаруживаешь, что ты лишь тень того, что было.

— Отпустили бы вы меня, — пользуясь мгновением, попросил Авалс.

— Куда? Отсюда не уйдёшь. Творчество — сладкий яд, кто раз его испробовал, не сможет стать прежним. Рано или поздно он вернётся в эти стены.

— Нет стен, — возразил поэт.

— Я не Сократ, я не пил яда! — закричал Авалс, но его не слушали. Каждый гомонил своё и о своём.

— Самое прискорбное, — пророчествовала тень писателя, обращаясь в никуда, — это вывод, к которому неизбежно приходит всякий мыслящий человек: миром правит зло, и что бы мы ни делали, как бы ни старались ради общего блага, зло всегда окажется победителем.

— У раба бар — у!.. пуст суп, худ дух, — подтвердил поэт и добавил прозой: — Но тебя я спасу. Ты будешь моей тенью, и зло не коснётся тебя.

— Я не хочу!

— Да кто ж тебя спросит... — в унисон ответили прозаик и рифмач.

Авалс дёрнулся, но заклинание впечатало его в стену прочней офсетного тиснения.

— Послушивай! — последний раз донеслось с Заячьего острова и замолкло до следующей ночи.

И тут в порыве отчаяния Авалс нашёл выход.

— Не буду! — закричал он и добавил экспромтом рождённое заклинание: — У тени тени нет и нету!

Ноги враз стали проворны, Авалс кинулся наутёк.

— Стой, Отс! — метнул домашнюю заготовку поэт, но поскольку Авалс не имел никакого отношения к артистам оперетты, заклинание не сработало. Домашним заготовкам вообще свойственно подводить авторов. Возможно, платонствующая тень, возмечтавшая о собственной тени, сумела бы изобрести что-то покруче, но стихотворец-секретарь, в кото-

ром зависть пробудила забытую способность к творчеству, высунулся из ниоткуда и, заикаясь, вскричал:

— Но! Б-биги, гиббон!

— Ату шута! — взревело благородное собрание.

Авалс бежал быстрее газели, спешащей в родной гараж. Скорее всего ему не удалось бы спастись, но какой-то секретарский подпевала визгнул вслед: «Дёру, урод!» — и преследователи, рассеянные, как все тени, отвлеклись, обрушившись на бездаря, которому теперь до скончания века предстоит носить издевательскую кличку «Урёд». Орфографическую ошибку секретаря деликатно не заметили.

На проспекте тоже продолжали кого-то ловить.

— В ежовые рукавицы его! — доносился крик.

— Ежу — хуже, — пробормотал Авалс и проскользнул незамеченным.

Рассвет пламенеет в полнеба. Свободные тени в такую пору не ходят, одни лишь мороки, порождённые не проснувшимся покуда городом, возбуждают горячечную фантазию. Вдали, на той стороне проспекта, сверкнул блеск эполет — всё ясно, офицерское собрание, а ныне — дом офицеров эманурует в уличное безлюдье неуспокоенную память. Только сверни туда бесприютная тень, враз узнаешь, кто ты есть перед их благородиями и превосходительствами. Мазурка гремит сквозь закрытые окна, декольтированные дамы выходят из экипажей... Мимо, мимо, взглянуть нет мига!

Улетает Литейный под спешащей ногой. Доходные дома, особняки, департаменты... Вот парадный подъезд института НИГРИ. Сквозь заветные двери доносится рёв зубра мычащего и тяжкая поступь зубра шагающего. Что делать в институтском вестибюле могучим зверям? Только стоять около двери, криком отпугивая нежелательных просителей. Почерневшие оборванные поисковики толкуются у запёртого входа. Держись, геолог, там ждут грандов — или грантов? — тебя там никто не ждёт, и тебе оттуда ждать нечего.

— Суди его бог, — произносит одетый в выштопанную штормовку призрак и, разведя безнадёжно руками, исчезает, не оставив по себе следа.

Целое мгновение Авалс не мог понять, что происходит, и этот миг, бесконечно растянувшийся между былым и грядущим, едва не погубил его.

Ночь кончилась, уже не свет грядущего дня, а само солнце явилось сквозь разорванный ветром горизонт. Стройные громады теснящихся домов покуда скрывали его, но всякому ясно, что бездомной тени на улице не выжить. Авалс непристойно визгнул, метнулся в сумрак подворотни и в панике полез под мусорный бак, воняющий резедой и квашеной капустой. Хорошо всё-таки, что позади всякого парадного подъезда прочервоточен чёрный ход, и любой фасад скрывает двор-колодец, куда выходят окна кухаркиных комнат.

— Тише ты, оглашенный, — прошелестел голос. — Осторожнее лезь, всё лицо обтоптал.

Осмотревшись в ненадёжном убежище, Авалс обнаружил две бомжеватого вида тени. Были они так потрёпаны, что и облика не сохранили, от прежних людей остались комки не то серости, не то сырости. Одна, чуть угловатее, видимо, принадлежала когда-то человеку видному, по меньшей мере внешне. Другая — вовсе плюгавенькая. Именно плюгавый и жаловался, что ему обтоптали давно потерянное лицо.

— Новенький, — сказал он. — Ну, давай устраивайся. Ишь ты, свежачок какой! Хозяину что, по старинке финский нож в селезёнку саданули? Или он у тебя из новых — на киллера угадал? Теперь это часто случается.

— Жив хозяин! — Авалс с трудом сдержал рвущиеся из груди рыдания. — Это я потерялся. Погулять отошёл — и вот...

— Серьёзно... — Словоохотливый призрак присвистнул. — Влип ты, парень, как роза в уличную грязь.

— Мне бы домой...

— Какое — домой? Ты наружу-то высунься. Тебя там в такие нежные цвета раскрасит — родная мама не узнает. Так что сиди и не чирикай.

— Нож в селезёнку, — с запозданием подал голос угловатый, — варварство! Кровь в брюшной полости, требушина, считай, вся испорчена. Зарез для чего существует, а? Ножичком по горлу чикнул, тушу попридержал слегка, пока трепыхаться перестанет, и кровь в тазик — на колбаску. Тазик надо заранее припасти. Мясо тогда чистое, хоть космополиту на кашрут.

— Вы резником работали? — вежливо спросил Авалс.

— Мясником в Кулаковском магазине, — с гордостью ответил угловатый.

— Он тенью работал, — поправил плюгавый, — а хозяин его работал палачом. Такое частенько бывает: хозяин темнее тени, а тень у него — очень приличный человек. Некоторые даже уходят от своих хозяев. Про тех, кто без тени остался, говорят: нежить, мол, упырь, у живых людей кровь сосёт. Ежели имплицитно судить, то и впрямь сосёт, а то и ведрами хлещет. А что нежить — так это неправда. Просто у тени совести больше оказалось, чем у живого человека. А наш приятель хоть и совестлив, а сбежать не решился, до последнего хозяину служил, и только сейчас у него мания грандиоза прорезалась, мясником себя вообразил.

Авалс покосился на незнакомые слова, но вопрос задал такой, чтобы ответ получить понятный.

— Он что, так и был палачом? С навестрённым топором и в красной рубахе?

— Сим даётся ответ вопросный: кого считать палачом? Красная рубашка, может, и была — его хозяин на гармошке играть любил. А что за гармонист без красной рубахи? А вот насчёт топора ты лишку хватил. Топоры сейчас не в моде, у современных процентщиц охрана такая, что топором не домахнёшь. Теперь у палачей методы другие. В начале проспекта дом стоит большой — видел? Что там творилось в недавние годы — расчухал? То-то и оно...

— Он там служил? — Авалс отодвинулся от страшного соседа, едва не высунувшись на свет.

— Он служил тенью. И хозяин его там не служил. Он приказы отдавал, а те исполняли.

— Соколок тоже надо уметь нарубить, — тянул своё угловатый. — Грудиночку тонкими полосками, грамм по триста — старушкам на щи, а ближе к зарезу пласт по три сантиметра делай, чтобы в один вес и мяска, и жирка, и грудинной косточки. Соколок по полтора фунта рубится, хорошей семье на борщ. А то взяли моду — мякотный кусочек, а к нему кости довесок. Я бы таких рубщиков своими руками...

— Молчал бы лучше! Ты и без того своими руками такого понатворил и снова старую музыку заводишь... гармонист!

— Музыка — мур! — отрубил палач-мясник.

— Индийскую столицу забыл, — непонятно подначил щуплый.

— Чево?

— Музыка, как ты верно заметил, — мура, но ещё и столица Индии. Ну что, вспомнил такого, гармонист?.. А ты что варезку разинул? — прикрикнул он на Авалса. — Шарад никогда не разгадывал? Ты смотри, дурака этого держи, а то до него сейчас дойдёт, так он с тоски на солнечный свет выброститься может. О, гляди, гляди, дошло!

— Чего вы все разговариваете ребусами, шарадами и... этими... палиндромами? — спросил Авалс, удерживая от самоубийства слабо рыпающегося мясника. — Я, конечно, это дело тоже люблю, а среди людей такие вещи редкость.

— Так то среди людей. А мы — тени. Тень по определению палиндромична и негативна. Привыкли всё воспринимать задом наперёд и в тёмном свете. Ясно?

— Какое ясно, если он тень? — неожиданно спокойно произнёс мясник. — Тёмно ему.

— А-а! — протянул Авалс. — Вот в чём дело! А я-то думаю: вроде бы писатель, с которым я недавно разговаривал, и умница, и добрый человек, а такую ересь несёт — миром, мол, правит зло!

— Тень писателя, — поправил шуплый. — Книжки его раскрой, там небось совсем иное сыщется. Негативизм — по сути дела, тот же палиндром; живым был — говорил «ха-ха!», теперь стал — «ах-ах!» затынул.

— А разве не зло правит миром? — спросил мясник. — Все мы на колоде лежим да разруба ждём.

— Нет в мире зла! — убеждённо воскликнул Авалс. — Конечно, солнце нас убивает, и всё же оно не зло, ведь без него и теней не будет. Знаете, как здорово в солнечный денёк пройтись по улице рядом с хозяином! — Авалс поник и захлюпал носом.

Всё-таки плохо быть двумерным — никакой глубины чувств... начал во здравие, а кончил за упокой. И суждения теней порой бывают плоски, хотя этим и люди грешат.

— Так-то, — сказал тщедушный, — диалектика-с. Вот мы с вами сидим, культурно о жизни беседуем, а тут в город заявится какая-нибудь шишковатая особа, в честь её проезда устроят большую уборку, начнут, между прочим, безо всякого злого умысла наш бак вне графика вывозить, и всё — понеслась душа в рай!

— У теней душа есть? — спросил Авалс.

— Нету. Её и у настоящих людей не сыскать.

Разумеется, это сказала тень палача. Хозяин её за долгие годы порешил немало людей, но ни в одном души разглядеть не сумел.

— Сложный вопрос... — Философствующий хлюпик не был столь категоричен. — Я чувствую в себе душу, так что чисто онтологически она должна быть. И вообще, дум спиро — спиро. С другой стороны, раскидать сейчас вмещающий помойный ландшафт — сопрёт твоё спиро в зобу — вот и вся радость. А с третьей стороны — ибо у всякой медали не менее трёх сторон, — иные из нашей братии в жизни устроились прочно, можно сказать, на века. Впрочем, расскажу-ка я вам историю, пока делать всё равно нечего... — Рассказчик кинул взгляд из помойки наружу, где уже вовсю бушевало солнечное утро, выбрал себе местечко посуше и, удостоверившись, что слушатели внимают с достаточным почтением, начал рассказ: — Кому, как не вам, знать, что люди бывают разные. Иной так прославится, что ему при жизни памятник ставят. Частенько при этом бывает, что как скончается знаменитость, то монумент быстренько сносить начинают, чтобы на земле и тени не осталось от бывшего любимца. Но в тот раз памятник ставили и впрямь по заслугам. Поэту. Большому поэту, настоящему, не чета тем, чьи тени ты видел. Разумеется, тень у такого поэта должна быть бронзовая. К тому же юбилей подоспел: сто лет со дня смерти. В ту пору вот он со товарищи у власти были. — Рассказчик кивнул на соседа. — Ежели не знаешь, то выражение «со товарищи» означает: «всей бандой». Вообще тюркское слово «товарищ» в русском языке имело два значения. Это или компаньон, с кем одним товаром торгуешь, или поделщик — член той же разбойничьей шайки, что и ты. Хорошее слово, ёмкое. Какие бы значения оно потом ни принимало, всё равно заранее известно, что, если власть у товарищей в руках, ничего, кроме грабежа, не получится.

— Вы, кажется, отвлеклись, — напомнил Авалс. Слишком часто приходилось ему слушать в транспорте разговоры о всеобщем грабеже.

— Нет, не отвлёкся. Это было лирическое отступление. Растёкся мыслию по древу, а сейчас назад стекуюсь. Так вот, поэтов наш друг любил ещё меньше, чем композиторов. Чуть увидит поэта, сразу норовит постановлением пришибить. Но

тут иное дело — юбиляра уже сто лет как пристрелили. Радость-то какая! И поэтому надо памятник ставить поэту тому...

Авалс насторожился, не палиндромами ли зашаманил рассказчик, — но нет, всё спокойно: обычная паразитная рифма, в прямой речи вполне допустимая.

— Поставили памятник на площади между музеем и филармонией. Удачно получилось, на одной площади все искусства собрались. Стоит поэт как живой: молодой, красивый, радостный. Горожане им любят, а он, солнце поэзии, ясное дело, солнце застит в ясный день, тень отбрасывает по площади. Всем хорошо, а тени каково? Ни позу переменить, ни руку опустить — беда, да и только. Год памятник стоит, и десять, и сорок, так что уже новый юбилей близится. Сам поэт столько не жил, а тень всё ползает округ пьедестала прочь от солнца. И вот однажды белой ночью снялась она с места навроде тебя и поползла напрямик к скульптору, что сорок лет назад памятник отливал.

— Тень?.. К живому человеку?.. — ужаснулся Авалс. — Да разве такое возможно?

— А это смотря к какому человеку. Бывают люди, у которых глаза и душа так устроены, что они не только тени видят, но и многое иное. Скульптор как раз из таких был. Выслушал он беглянку и отлил её в бронзе, чтобы стояла она как вздувается и смотрелась сама по себе. На первом-то памятнике поэт молодой и весёлый, а на втором — доживает последние дни и исполнен скорби. Настоящий памятник руку простёр, а тень уронила руки бессильно, немощная бороться с судьбой. С какой стороны ни взгляни, тень — она и есть тень. Закончил художник работу и хотел поставить новую фигуру на том месте, где полтора века назад застрелили поэта. Ан не тут-то было! Тень хоть и в металле отлита, а тенью осталась. Как услышала, что ей на свет явиться пора, задрожала, заметалась, только что не заголосила. Солнца, вишь, испугалась. Не могу, говорит, на солнце показаться, оно меня сожжёт. Скульптор и успокаивал, и упрасивал, и грозил тень в переплавку сдать — та ни в какую. А скульптор старый, ему волноваться вредно. Короче, махнул он рукой и поставил монумент там, где солнца вовек не бывало и быть не могло. Под землёй поставил, на самой что ни на есть метровой глубине. Второго подобного памятника нету, чтобы подземным был.

— На Пушкинской тоже памятник есть, — не вовремя высунулся Авалс. — Правда, он гипсовый...

— То-то и оно, что гипсовый, — недовольно отозвался щуплый. — И вообще не порти песню, дурак. Так вот, просто скульптура подземная встречается, и бюсты тоже попадают, а целого монумента — нет. Смотри и гадай: предсмертный памятник или посмертный? И художник уже ничего не ответит, умер вскоре после того, тайны не раскрыв. А тайна простая: не памятник это, а медная тень, житель подземного царства. А теням в тартаре и положено быть скорбными.

Рассказчик умолк и оглядел слушателей, самые позы которых источали внимательность.

— Чего ждёте? — спросил он. — Морали захотелось? Так у нас тут либерте и эгалите есть, а моралите — нету, не завезли. Да и какая может быть мораль в правдивой истории? Что миром правит зло? Это неправда. Что миром правит добро? — тем более ерунда. Миром правит стечение обстоятельств, поэтому всякая история должна заканчиваться никак. И нечего ждать действия, страстей, драмы искать... моветон это.

— А откуда вы знаете эту историю? — спросил Авалс.

— Слухом земля полнится, и как полежишь на земле с моё, то и не такое услышишь.

— Я почему-то подумал, что вы были тенью того скульптора.

— Я тень кухонной гнили, — важно произнёс плюгавый.

— Как же это? — Авалс пребывал в затруднении. — Тень отбрасывают одни предметы возвышенные, а тут вздор какой-то; во-первых, гниль сама по себе пятно и тенью обладать не может, а во-вторых, всё равно не бывает у гнили тени, хоть в лепёшку расшибись!

— Молодой человек! — укоризненно произнёс гниловатый. — Запомните, в этом городе бывают и не такие происшествия, редко, но бывают. Обратите внимание, что и я, и вы, и вот он с самого своего появления на свет расшиблены в лепёшку. Так какого вам ещё рожна надо? Каких доказательств взалкалось? Опять же, без света мы не существуем, но хотя когда-то появились на свет, в нынешнем положении на свет появиться не можем — испаримся-с. Опять парадокс. Но не унывайте, само существование северной столицы — парадокс. Гранит и тени — дивное сочетание! Только здесь дома могут

быть старше самого города; вроде бы только что отливовали праздник зоолетия, цифра 1703 всем намозолила сетчатку, а ведь на Васильевском острове стоит башня, выстроенная за полсотни лет до этой даты. И никто об этом не знает! Только здесь величайший певец города может быть величайшим его ненавистником. Да-да, я говорю о Фёдоре Михайловиче...

Авалс по темноте своей не понял, кого так по-домашнему помянул бомжеватый энциклопедист, а вот тень бывшего идеолога хотя и полагала себя мясником, но на имя классового врага немедленно сделала боевую стойку:

— Реакционер! Бесовщина!

— Это мы с тобой — бесовщина, — голос знатока лучился презрением, — а он при нас вроде патологоанатома при безвестных трупах. Неча на прозектора пенять, ежели у самого нутро прогнило.

— Это ты прогнил, интеллигент! — взорвался угловатый. — А я человек простой, рубщик мяса, я со свежатиной работаю!

— Как ты работаешь, мы знаем. Ложкой в борще ты работать мастер. В блокаду от людей одни тени оставались, а твой хозяин вон какую мамону наел, даже тебе перепало, до сих пор рассеяться не можешь.

— А сам-то!..

— Что я? Я, может, и не тень вовсе, а просто пописать вышел. Гнию себе потихонечку, интеллигентно...

— Фёдор Михайлович — это кто? — спросил Авалс, чтобы остановить свару.

— Достоевский. Великий писатель. Неужто позабыл? Или не читал вовсе?

— Я вообще-то читать не умею, — признался Авалс.

— Вот она, современная молодёжь, — ханжески вздохнул плюгавый. — Компьютер и видак заменили вам жизнь. А ведь это не жизнь, это тень жизни. Раньше люди были не в пример культурнее, по вечерам собирались всей семьёй, читали вслух. На столе лампа горит под атласным абажуром, глава семьи с книгою, повествует детские годы Багрова-внука, описанные господином Аксаковым. Опять же, взять роман «Василий Тёркин» знаменитого беллетриста Боборыкина... поучительная книга и злободневная, посвящённая, как сейчас сказали бы, экологическим проблемам. Хозяйка над вышиванием скло-

нилась, бабушка с вязаньем дремлет, дочери-гимназистки слушают прилежно: не прокрадётся ли на страницы описание роковой страсти. Оболтус-наследник ниткой котёнка дразнит, а всё одно, хоть вполуха, да слушает. От лампы в комнате уют, тени на обоях расположились с удобством и тоже слушают. Потому и в литературе разбирались не в пример лучше нынешних поколений. А то хозяева живые картины начнут представлять или театр теней. Тут мы первые... Нынче такого благолепия не сыщешь, нравы не те. — Рассказчик обвёл взглядом невеликую свою аудиторию и экологически неблагополучное убежище. Все слушали, и даже день на проспекте притих и уже не так яростно громыхал трамваями. — Достоевского, конечно, в семейном кругу вслух читывали редко, писатель сумрачный, можно сказать, даже мизантропичный...

— Волюнтарист! — подал голос идеолог, но оппонент лишь глянул кротко, и угловатый умолк. Такова теневая сторона действительности, в реальной жизни всё было наоборот.

— Многие о Фёдоре Михайловиче говорят, а главного никто не понял. Достоевский не жизнь пишет, а изнанку её, не люди у него, а тени, не чувства, а надрыв и душевный излом. Женщины у него скрежещут, идиоты философствуют, вроде как я сейчас. Короче — наш человек. С тенями говорить умел и понимал их, как никто другой. Потому описывал непременно тёмную сторону человека. Вот бы кому подземный памятник поставить. Или в глухом дворе, где окна занавешены непросыхающим бельём, и кошки следят с кровли дровяных сараев.

— Достоевскому памятник есть, — подсказал Авалс. — Уже несколько лет как стоит. Я в ту пору ещё в школу бегал.

— Небось посреди площади втюхали...

— На площади. Но не в середине, а так, с краешку. Там, где улица Правды начинается.

— Упаси боже от такой правды, — поёжился тщедушный, и массивный его недруг, кажется, впервые проворчал что-то согласное, хотя подумал всё-таки о другом. — Закоулки тёмных душ были перед ним открыты, а вещей простых, всякому понятных, сумрачный российский гений не знал и не любил. И город наш видел только с теневой стороны, а в остальном ляпсусы делал преуморительные. Ведомо ли вам, милостивые государи, что название величайшего петербургского чуда при-

надлежит перу Фёдора Михайловича? Я говорю о белых ночах, тех самых, что так опьянили нашего молодого друга. До этого был таинственных ночей прозрачный сумрак. А волшебные слова «белая ночь» впервые сказаны по-русски Достоевским. А вот какова она, белая ночь, под пером Достоевского? Ну-ка припомните... эх, да вы же неграмотные оба, один только крамолу между строк искать может, а второй прост, как вор-рецидивист. Ну, слушайте: «Была чудная ночь, такая ночь, которая разве только и может быть, когда мы молоды, любезный читатель. Небо было такое звёздное, такое светлое небо, что, взглянув на него, невольно нужно было спросить себя: неужели же могут жить под таким небом разные сердитые и капризные люди?» — а теперь скажите, любезные слушатели, какие такие звёзды привиделись великому писателю в разгар белых ночей? В эту пору внимательный взгляд разве что одну Венеру может заметить.

— Чистоговорка у него красивая, — не в тему произнёс Авалс. — «Неужели же могут жить», — если бы ещё вместо «могут» — «могут» стояло, совсем хорошо было бы.

— Я же говорил, — вновь загудел угловатый, — что он не писатель, а перерожденец и скрытый троцкист. Никакой правды жизни, одно буржуазное разложение.

— В лоб вам, что ли, дать? — риторически спросил хлюпик. — Не сильно, а так, чтобы мысли в башке в правильном порядке улеглись. Не писал Достоевский природы никогда! Это герой его психованный видит звёзды, когда их на небе нет. Он на жизнь как бы из глубины колодца смотрит. Не звёзды у Достоевского, а тени звёзд. Литературщина, если угодно. Раз ночь — изволь звёзды живописать. Правда жизни тут ни при чём, тут властвует правда затённого сознания. Белая ночь не интересовала Достоевского ни капельки, её он если и видел, то не разглядел.

— Зачем же тогда писал? — тихо спросил Авалс.

— Так он и не писал! — радостно подхватил реплику плюгавый. — Оно само произошло. Достоевский с французского переводил. Есть во французском языке такая идиома: «*nuit blanche*» — в буквальном переводе — белая ночь или ночь, проведённая без сна. Засиделся за картишками до утра, вот тебе и белая ночь. Достоевский писал вовсе не о петербургском чуде, а о тех, кому не спится в ночь глухую...

— Ты тут поматерись! — эхом откликнулся идеолог, а Авалс, выждав минуту, сказал:

— Не пойму, вы ругаете Достоевского или хвалите? Вам лично он нравится?

— Достоевский не может нравиться или не нравиться. Вот тебе, то есть твоему хозяину, нравится ходить к зубному врачу? Но ведь ходит.

— Не — не ходит. И Достоевского он не читает. Он больше дюдики и боевики уважает.

— Ну и дурак. Останется без зубов и без совести. Достоевский — что-то вроде горького лекарства, прививка против бездушия. Любить его не обязательно. Вот и я хоть и морщусь, но чту. Кстати, учти, я тут говорю, наш, мол, человек, скрытое видит, тeneвую сторону проникает, так ты смотри не расслабляйся. Нам, бесхозным теньям, от Фёдора Михайловича лучше держаться подальше. Как в тех краях окажешься, не поленись сторонкой обойти. Я его не видал, но полагаю, что сделан талантливо, совсем бездарные монументы в этом городе редко встречаются, разве что мерзавец Шемякин испоганил крепость медным сиднем. Так что если памятник хорош, то и взор у него всякую тень проникает что лазером. Будешь потом ходить пробитый навывлет, наподобие куриного бога. Не смертельно, но очень неудобно... — На этих словах культурная беседа была прервана, потому что Авалс разрыдался.

Обычно тени плачут невидимыми слезами, но Авалс разрыдался в голос, так, что прохожие на Литейном услышали. Хорошо, что нечасто они читают Достоевского, и никто не пошёл полюбопытствовать, кто рыдает в грязной подворотне.

— Ну чего ты?.. — бросился уговаривать плюгавый. — Мячик в реку уронил? Перестань, стыдно же... взрослая тень и вдруг — сопли и вопли.

Казалось, сейчас он вытащит необъятный носовой платок в синюю и белую клетку и примется утирать сопли и утишать вопли. Обошлось, впрочем, без платка. У теней нет селезёнки, поэтому они не способны долго горевать. Авалс умолк, лишь шмыгал носом и наконец произнёс сквозь всхлипы:

— Мне уже давно пора быть в тех краях... Я там живу, совсем близко. Хозяин дома, может быть, ещё ничего не заметил, а я тут сам себя, как бродячего пса, на помойку вышвырнул.

— Не реви, ещё ничего не потеряно. Сегодня воскресенье, на работу не надо, хозяин твой убежался за ночь и небось спит без задних ног и отсутствия твоего не заметил.

— Не станет же он сутки напролёт спать!

— А ты собираешься здесь до ночи сидеть? Нет уж, парень, хочешь домой — добирайся днём. Дело это рискованное, но риск, в свою очередь, дело благородное.

— Как?.. — с проснувшейся надеждой выдохнул Авалс краткий палиндром вопроса.

— Сейчас он тебе насоветует, — плотоядно усмехнувшись, предупредил мясник. — Мол, ты подвинься на край помойки и в тень бросайся проезжей фуры... Так вот, я тебе сразу скажу: не допрыгнешь. А и допрыгнул бы — всё равно потом отстанешь. И вообще с чего ты взял, что фура поедет к твоему дому? Она по своему маршруту поедет.

— Во-первых, — недовольно возразил плюгавый, — не лишай человека несравненного права самому выбирать способ самоубийства, а во-вторых, никакой фуры я ему не предлагаю, её тут и вовсе нет. Я просто напоминаю, что живём мы с вами в Северной Пальмире, где в отличие от южной тѣзки в году всего тридцать один ясный день. А вот туманных, когда тени могут сутки напролёт променировать, целых пятьдесят семь.

— Но ведь сегодня солнечно...

— Сегодня день полuyaсный. Таких в году в среднем около ста пяти. А это значит, есть надежда. — Бомж интеллигентно почесал давно утеранный в житейских передрыгах нос и добавил: — Что-то у меня абрис ломит. Не быть ли дождю? — весь дрожу.

— Утопнет! — хохотнул здоровяк. — Люблю грозу в начале мая! — Очевидно, эту строчку знал даже он.

— Жить захочет — выплывет. А сейчас не май, а третья декада июня. Скоротечные грозы отошли, хотя и затяжных дождей покуда нет. Как повезёт...

Сверху бабахнуло, с лязгом, громом, словно ударило железом по самой голове. Шумно плеснуло, с днища бака капала мутная жидкость, благоухающая селѣдочным рассолом и подсолнечным маслом.

— Гроза! — восторженно выдохнул Авалс.

— Аннушка помои вылила, — поправил плюгавый. — Грозу ещё ждать надо, пока тучи натянет.

Вновь раскатисто гроыхнула крышка мусорного контейнера, зашлёпали удаляющиеся шаги.

— Редкостная женщина, — сказал плюгавый, глядя из-под бака на мелькающие икры, которым иная ляжка позавидовала бы, — кухарка старой закалки, таких, увы, среди нас уж больше нет. А когда-то, помню...

— Размечтался! — процедил бывший идеолог, а ныне трудящийся мяспрома. — Интелихент, мозговая косточка нации. Ты не мозг, а...

— Эта точка зрения мне известна, — быстро сказал щуплый. — Не будем о драконах, поговорим лучше о женщинах. Аннушка — действительно замечательное существо. Иной раз я думаю, что она и родилась на кухне. Русская кухня вообще явление уникальное и может существовать только в нашем климате. Это единственное, что никогда не бывало в изгнании...

— Ты же о бабах хотел говорить, а сам о кухне.

— Оставь, Андрюшка, это одно и то же. Мы говорим: женщина, подразумеваем — кухня.

«Мясника Андрюшкой зовут, — отметил про себя Авалс. — Имя не перевёрнутое, значит, и впрямь хозяина нет в живых. Как, должно быть, страшно жить памятью о человеке, о котором и памяти не должно оставаться...»

— Во всякой нормальной квартире, — неумоимо разглагольствовал плюгавый, — непременно имелась спальня, гостиная, детская, кабинет хозяина, столовая и кухня. Теперь ничего этого нет, от былого великолепия остались только кухня и безликая жилплощадь, в просторечии именуемая комнатой. А прежде гости собирались в гостиной и беседовали о политике. Политика эта, по меткому наблюдению одного опального вице-губернатора, всего более напоминала яичницу, но тем не менее о ней беседовали, и не без изыска. А на кухне в это время кухарка пекла блины. Потом гости шли в столовую и блины ели. С маслом и рыжиками. Или с белужиной. Вкусно!..

— Ох и сладки гусиные лапки! — почти уверенно поддразнил угловатый Андрюшка.

— Теням угощения, конечно, не полагалось, — не стал спорить плюгавый, — но нам и духа блинного да щаного очень даже хватало. После обеда переходили в кабинет, где вновь

обсуждали яичницу, то бишь политику и состояние общественной жизни, но уже не самодовлеюще, а в качестве добавления к картам. В стуколку играли или в преферанс. Вы в стуколку играть умеете?

— Нет, — сказал Авалс.

Идеологическая тень многозначительно промолчала.

— И я не умею. Демократически настроенная интеллигенция предпочитала преферанс. Вероятно, оттого, что не знала других способов брать взятки. А потом всё кончилось. Товарищи решили, что сон — победа энтропии чёрной, и ликвидировали спальни. Затем сочли, что коллектив — большая сила, — и отменили кабинеты, чтобы никто не смел работать запершись. Ну и так далее, по списку. Только кухня осталась кухней, хотя и её коммунисты сделали коммунальной. Всё это можно было бы пережить, если бы кухарки оставались на своём месте. Но самый главный из товарищей, к нашему несчастью, читывал Михаила Евграфовича и метафору его понял буквально. Мол, если искусство управления государством сродни жарке яичницы, то и управлять страной должен тот, кто в приготовлении яичницы толк понимает. У хорошей кухарки глазунья не подгорит и сопливой не останется, опять же, желтков кухарка в отличие от нас, грешных, не помнёт. А раз так, то пусть она заведует министерством народного образования, чтобы все в стране стали кухарками и кухонными мужиками. Филологи называют подобный кунштюк актуализацией идиомы. Кстати, вы знаете, что сто лет назад слова «идиома» в русском языке не было? В ту пору вместо «идиоматическое выражение» говорили просто: «идиотизм». Так что вождь мирового пролетариата занимался актуализацией идиотизма. Пронизал этот идиотизм всю нашу жизнь. Кухарки выстроились дружными рядами и с песней: «Идём, идём, весёлые подружки!» — покинули осиротевшие кухни, отдав нежные мужские желудки во власть гастрита и обшепита. Но этим дело не ограничилось. Поскольку свято место пусто не бывает, то именно кухни взяли на себя функции гостиных и салонов. Сюда сползлись бывшие властители дум, здесь попевала их подгорелая яичница, тут же за разделочным столом играли в стуколку. Хотя игра стала совсем другой: кто первым стукнет товарищам на своих товарищей, тот и выиграл: разделал оппонента под

кедровый орех. Раньше такого не важивалось, а на брошенной кухне, среди тухлых яиц и прогорклого масла, мораль тоже стала с гнильцой. С тех самых пор нас принялись называть гнилой интеллигенцией.

— Поэтому вы и сказали, что вы гниль кухонная? — вскинулся Авалс.

— Догадливый, — похвалил рассказчик. — И не всё, оказывается, мимо ушей пропускает. Давай, малыш, учись, набирайся мудрости. Ум теням ни к чему, ум штука практическая, нам его применять некуда. Вот мудрость — иное дело. Мудрость — это свойство всё понимать и ничего не мочь. Поэтому российские тени и российская интеллигенция по природе своей мудры. Мы тени, они — интеньлигенты. Кстати...

Тень интеньлигента запнулась и начала новый период, никак не связанный с предыдущей темой:

— Кстати, вы заметили, что вся наша беседа, а вернее, мой монолог, происходит «кстати», в режиме потока бессознательного? Не могу долго фиксироваться на одной теме. Это общее свойство теней, наш крупный, но простительный недостаток. Так вот, возвращаясь к интеллигенции... ведомо ли вам, сударь мой, что слово «интеллигенция» было придумано уже упоминавшимся здесь писателем Боборыкиным? А прилагательное «гнилая» приложил к интеллигенции вот он! — Щуплый ткнул огрызком пальца в своего визави.

— Навет! — хрипло закричал угловатый.

— Ну не ты, конечно, а твой хозяин. Так ведь — одна сатана.

— Всё равно — навет! Мой хозяин голяшку от оковалка отличить не мог, где ему прилагательные прилагать! Это «сам» придумал.

— Сам с усам, — по инерции ляпнул интеньлигент и зябко вздрогнул, словно просквозило его эхом собственного каламбура.

— Обижают Андрюшеньку, — пожаловался угловатый Авалсу. — Вели его зарезать!

— Велеть-то нетрудно, — удивился Авалс, — а зарезать как? Он тень, ему голову и трамваем не отрежешь. И главное, зачем резать?

— О, вечно он чево?.. — простонал Андрюшенька в ответ.

— Озверел человек! — охнул шуплый. — Палиндромом припечатал. Теперь, получается, его и ругать нельзя. Придётся целый месяц любить его вечно.

— В самом деле, — спросил Авалс, — что вы всё время ругаетесь? Расползлись бы по разным бакам — и дело с концом.

— Нет, так не пойдёт, — возразил интеньлигент. — Сам посуди, за годы торжества кухонной демократии стало жизненно необходимо собираться за нечистым столом среди объедков и захватанных стаканов и обсуждать извечные, святыё вопросы: «Что делать?» и «Кто виноват?» Хотя, по сути, что там обсуждать? Кто виноват? — сами и виноваты. Что делать? — сидеть и не чирикать, а то съедят, как чижику. Но мы чирикали, несмотря на то, что стуколка, прежде презираемая, процвела повсеместно. Те, чьей тени мы не смели касаться, они тоже чирикали, хотя их чирикание казалось орлиным клёкотом, доносящимся с высот кавказского столпа. Ох-ох, как мы трепетали этого чирикания! Зато теперь — хо-хо! — когда он здесь, в одной параше со мной, приблизился час моего торжества. Я могу спросить: «Кто виноват?» — и ответить: «Он!» — Огрызок пальца снова уставился в сторону Андрюшечки, который словно усох при этих словах. — Я могу спросить: «Что делать?» — и гордо ответить: «Снять штаны и бегать!»

Оратор окинул слушателей победным взором, и, подтверждая его слова, сверху донёсся оглушительный грохот, словно вся вселенная обратилась в один мусорный бак, крышка которого рухнула вниз, поразив двор громом оцинкованного железа.

— Кажется, дождь начинается, — буднично объявил шуплый. — Собирайся, юноша, пора!

— Ага, — произнёс Авалс краткий палиндром согласия.

— Если что — заходи. По чётным дням мы здесь почётные гости. А по нечётным, извиняйте, мусор вывозят.

— И всё-таки как вас зовут? — спросил Авалс, вставая.

— Имя мне — легион! — важно ответил плюгавый. — Я фи́га, которая не имеет тени, потому что её никогда не достают из кармана. Я тот, кто брюзжит по утрам в сортире, но служит, наводя макияж на мерзость бытия. Педикюр моё

призвание. Так что можете смело называть меня Номис Рёфаук — не ошибётесь!

Первые крупные капли шлёпнулись на горячий асфальт, обратившись в пятна сырости — грязную тень чистой дождевой воды.

— Пошёл! — обкомовским басом рывкнул мясник Андрюша, и Авалс ринулся в дождевую муть, провожаемый напутственными заклинаниями Рёфаука:

— Гон ног! Топ-пот! Сила лис! Вихрь — ам атлета, а тел там — архив! — последнее было выше понимания Авалса, но сил добавило презирядно, так что понёсся он вихрем, словно атлет, которому ещё далеко до списания в архив.

Видали ль вы июньскую грозу в Петербурге? Нет, вы не видали июньской грозы в Петербурге! Город уже не старается казаться старинной литографией, он больше напоминает гуашь, забытую растяпой живописцем под всесмывающими струями грозы. На окраинах, которые делают Петербург самым зелёным из всех мегаполисов, вода жёлтая от пылицы цветущих деревьев, а в центре просто мутная, закручивается водоворотами у стоков, несёт бумажки, обёртки, окурки — всякий сор, демонстрирующий, как мало осталось в городе коренных петербуржцев.

Дождь льёт, как из ста сорока вёдер. Ветер бьёт порывами, разом со всех сторон, так что трубный ангел в Петропавловской высоте изнемог вертеться на своём подшиппнике и не знает, что трубить: зорю или отбой.

Вода хлещет отовсюду, водосточные трубы говорливо захлёбываются, не успевая выплёскивать дождь на потрясённый тротуар. В такие минуты северной Венеции и впрямь грозит актуализация идиотизма: жёсткий и прямой Литейный обратился в широкую реку, каналы хлынули к решёткам, ещё усилил, и город всплывёт, подобно морскому божеству, по пояс погружённому в воду. В недалёком Петергофе золочёный Самсон упрямо исторгает струю из растерзанного льва, противодействуя истинно большому каскаду, изливающимуся с небес. Сфинксы из пустынного Египта, так и не привыкшие к художествам мокрого климата, тшятся сохранить невозмутимый вид, но потоки, сбегаящие по лицам, искажают маску спокойствия, заставляя лики каменных гостей кривиться презрительным удивлением.

Загадка: откуда на небе вода и кто налил её туда?

Круговорот воды в природе принимал катастрофические формы. Небесное воинство задействовало установки «Град», ледяная шрапнель зашёлкала по жести крыши.

Ветер воет, гром грохочет. Вспышки синего пламени не успевают осветить помрачённый мир, лишь спят взор зевак, глазающих из-за витрин. Никогда в городе не бывает столько манекенов, как во время дождя. Хотя на что там смотреть? — на улице ни единого прохожего, только трамваи продолжают свой бег, да автомобили разгоняют волны дымящим капотом, словно они не автомобили, а буера. Шлёпает по лужам до нутра измокший, ополоумевший поэт, глотая дождь, бормочет полоумные вирши. Прежде сказали бы: «Пиитический восторг», сейчас скажут кратко: «Псих!» Более на проспекте ни единой души, а вернее, единая, хоть и бестелесная душа — Авалс, рвётся к дому против бури.

Легко сказать, бестелесный, мол, что с ним станется? А парусность куда девать? Ветер, злой и весёлый, рвёт, мнёт и носит Авалса, словно большой ободранный плакат с лозунгом позавчерашнего дня. Залитый Литейный тянется, как кошмарный сон. Дома встают на пути и исчезают в небытии. Вот ещё один кирпич эпохи модерна: магазин подписных изданий и примкнувший к нему ветхий букинист. Здесь бы постоять белой ночью, послушать, о чём шепчутся сданные в перекупку тома. Но сейчас день, дождь, громовые раскаты, и книги молчат. Качок, укрывшийся от непогоды в подвернувшуюся дверь, изумлённо разглядывает ряды корешков и бормочет:

— Ишь ты, книжки... Читануть, что ли?.. — но потом переводит взгляд на улицу, где всё так мокро, а по дождевой пелене прихоть ветра ведёт резкую черту, словно хищная рыба скользит в асфальтовой толще, выставив наружу острый плавник. Дуболом смотрит и не видит, что на самом деле это бежит, плывёт, карабкается и тонет Авалс, которому во что бы то ни стало надо поспеть домой.

Невский проспект на пути — как широкая водная преграда. Тут уже пахнет не гуляньем, а академической греблей. Но даже под проливным дождём всеобщая коммуникация Петербурга продолжает жить суматошной жизнью, и над невской башней слышится неумолчный городской гул. Поток машин, летящих по Невскому, если и уменьшился, то очень незначи-

тельно. Искрящиеся в свете дождя огни светофоров, перистальтически пропихивают автомобильную массу сквозь кишку проспекта. Загорается красный, и авто стоят, пропуская воображаемых пешеходов. Фантазмагорическое зрелище — Невский без привычной толпы! Людская масса жмётся по вестибюлям метро, заполняет магазины, магазинчики и салоны, хотя ничего не собирается там покупать, толчётся в подворотнях, с ужасом городского обывателя взирая на сорвавшуюся с цепи стихию. И куда только смотрит законодательное собрание? Давно пора запретить такое безобразие; у людей дела, а тут стой или мокни. В Европе ничего подобного давно нет, там тучи расстреливают из зенитных установок ещё на подходе к городам. Сразу видно, что у нас не Европа, а лишь окно в Европу, накрепко заложенное глухими ставнями. И люди покорно стоят и от нечего делать любуются брызгами, косыми струями и пеной, взбитой на разъярённых водах. Мостовая отдана во власть дождю, продавцы лимонада, сэндвичмены и прочий нужный люд укрываются в общей толпе, и даже рекетирствующие старухи, совершающие свои наезды на сострадательных прохожих, покинули нагретые и хорошо оплаченные места и прячутся от ненастья. Чуден Невский при тихой погоде, но во время грозы он ещё чуднее!

В тот час на углу Невского и Литейного проспектов, страшно бледный, замученный и истрёпанный житейской бурей, Авалс стоял, никем не зрим, и недвижно глядел перед собой. Ему давно следовало стремглав бежать, но таково свойство Невского проспекта, что хотя бы имел какое-нибудь нужное, необходимое дело, но, вошедши на него, верно, позабудешь о всяком деле. Да и как не замереть в этом сияющем царстве теней?..

Сияющая тень — оксюморончик-с, как сказал бы Номис Рёфаук. И всё-таки в невозможном городе возможно и такое. Титанические буквы на фасаде бывшего кинотеатра гласят: «Ресторанъ Палкина». Был, был когда-то такой, в этом самом здании на этом углу! Неужто воскрес из мертвых, поправ столетнюю смерть? Нет, конечно, одна спиритическая тень, сверкающая глазетной мишурой, воздвиглась из небытия. Лет двести назад трактир Палкина славился дешёвой русской кухней. Заходили сюда греться извозчики: ваньки да лихачи, а по субботам собирался извозчиный клуб, председательствовал в

котором его императорского величества собственный Ямщик. К концу позапрошлого века здание было перестроено, и ресторан изрядно подорожал, но и тогда можно было запросто зайти к Палкину, спросить стакан чаю и сидеть хоть весь вечер, наблюдая коловращение проспекта. А теперь попробуй изыбший таксист сунуться к Палкину, в самое дорогое городское заведение, — выведут под белые руки, а то и взащеи затолкают, пока не видит никто из уважаемых гостей. Тень по определению негативна: прежде был трактир для чёрного люда, а ныне ресторан для белой сахарной косточки, как сказал бы мясник-идеолог Андрюша.

А через дорогу, за широкой рекой, в которую обратился уже не Литейный, а Владимирский проспект, высится каталфалк совсем иной эпохи. Некогда здесь было царство ненавязчивого советского сервиса, и сюда со всех концов города сползался затруханый провинциальный андеграунд. Их и по сегодня много ходит, всяческих непризнанных гениев, постаревших хиппи, бездарных абстракционистов, умеющих лишь рассуждать о высоком искусстве, экзальтированных стихоплёток, одряхлевших йогов и прочего люда, неспособного вырваться из порочного круга своих бредовых представлений. И здесь же, среди подзаборного сора, минуя мавританскую и готическую гостиные Шереметевского дворца, бесстыдно выросло поколение тех, кем город может по праву гордиться. О них не пишут критики, они не входят в творческие союзы, но то, что они создают, и есть новое искусство. Когда наступит час и дети проходных дворов, не допущенные в сонм прижизненно признанных, расползутся по литературным бачкам, сладкое слово «Сайгон» будет объединять и греть их души. Но сегодня нет на углу Литейного никакого «Сайгона», сперва бывшую кофейню осквернил магазинчик сантехники, а потом туда вселился бар пятизвёздочного отеля, что в глазах маргинала немногим лучше тоговли унитазами. Впрочем, уже нашёлся предприимчивый нувориш, попытавшийся реанимировать «Сайгон» где-то на другом конце проспекта, «Сайгон» уже никому не нужный, как ресторан Палкина, «Бродячая собака», литературное кафе и многие другие городские склепы.

Ничего этого Авалс не знал, чуял лишь могучую силу, исходившую от старых зданий с новыми вывесками, и пони-

мал, что сейчас ему, как хитроумному герою древности, предстоит проплыть между Сциллой и Харибдой. Большая тень всегда грозит поглотить мелкую, эту нехитрую истину Авалс слишком хорошо понял, спасаясь от чёрного крыла Большого дома. И даже в писательском особняке, где всяк сам за себя, Авалса пытались приватизировать. Так что действовать надо было с оглядкой, но решительно.

Дождавшись, пока светофор явит отсутствующим пешеходам алый лик и машины дружною гурьбою двинутся по Невскому, Авалс ринулся наперерез железному потоку. Погибнуть под колёсами Авалс не боялся ничуть. Что может сделать колесо призрачной тени? — её и паровозом не задавишь, хоть сто лет кряду бросайся неживой образ под дымящую машину. Сколько раз, бывало, хозяин шёл по бровке у самого поребрика, а Авалс спешил рядом по мостовой, так что всякая легковушка пролетала по нему со свистом. И ничего не случилось, не истёрся Авалс, не посветлел. Зато сейчас жёсткие колёса отвлекали Авалса от неудержимого желания встать разиней и тем самым спасали от грозной и по-настоящему призрачной опасности.

Редкая тень добежит до середины Невской перспективной дороги, слишком уж широкая перспектива открывается с середины проспекта. Глянешь направо — дух захватывает от обилия теней, легенд и видений былого... тут Диоскуры смиряют чудесных коней, а у одного из них вместо положенных от природы гениталий проклюнулась из срамного места физиономия французского императора Луи-Филиппа. Там книжная лавка Свешникова проросла из небытия сквозь фирму Зингер, так что уже не поймёшь, чем здесь торгуют: с виду книги, а присмотришься — как на одной машинке состроены. И никого уже не удивляет, что чуть ли не все приказчики в магазине «номер раз» — женщины. Тени любят дробиться в зеркала, умножаясь сверх разумного. А когда-то не только столличный бомонд, но и простой народ шастал в лавку поглазеть на то, как Анна Николаевна Энгельгардт книгами торгует.

— Хеминистка!.. — шептались обыватели тревожно. — И муж у ей — химик, в Лесном крамолу разводит.

Напротив зингеровской башни ещё одна вертикаль — башня невская — городская дума с шаровым телеграфом на макушке. Вещь в себе — некуда отправлять сообщения, неотку-

да принимать — второй такой вышки нет. В самой думе никто уже не думает о городе, а в городе никто не думает о городской думе — внутри тлен, тени и призраки; никаких дум, одно былое. Словно придворное платье елизаветинской поры — парча, атлас, шёлк, но под вышитым великолепием нет живого тела, а только сухая деревянная болванка. Вот, скажем, одна из жемчужин Петербурга — павильон Росси, что возле Аничкова дворца. Десятки лет там был не дворец, а дворницкая: метлы хранились, лопаты, ящики с песком. Чудилось, вот-вот переполнится чаша терпения, тени большого города выплеснутся на улицы, на проспект выйдет зодчий Росси с расшарканной метлой наперевес, и тогда городу наступит непременный капут. Выметут нас долой — и, вновь обратившись в печальных пасынков природы, пойдём искать по свету хоть какого-нибудь себе угла. По счастью, добрый кутюрье Версачи за свой счёт отреставрировал блестящую руину и в награду получил право на долгосрочную аренду. Иной может возмутиться: как это — павильон Росси, а внутри — модный магазин. А по мне так — славная фирма, торгуй, наживай... магазин от Версачи куда как приятнее, чем паутина и осыпавшиеся потолки.

Над всеми вертикалями и дворцами Невского возносится единственная доминанта этих мест — золотой шпиг с корабликом на острие. Он один не боится потопа, обрушившегося с небес, во-первых, оттого что поднят слишком близко к небесам, а во-вторых, потому что кораблики умеют плавать.

Адмиралтейство возвышается, видимое отовсюду, оскорблённое невниманием властей, но не униженное, перегородившее воротами триумфальную арку, которая никуда не ведёт, но так и не ставшее склепом, где ничего, кроме фасада. А здесь звучат голоса, кипит молодая жизнь, и мраморная Свобода на балюстраде хранит в раненой груди осколок вражеского железа. С петровских времён было Адмиралтейство морской душой Петербурга, ею же осталось и по сегодня. Пока живо Адмиралтейство — жив и город, и жива Россия.

Все дома, памятники и дворцы играют королеву, всё на пять вёрст в округе работает на адмиралтейский ансамбль, и лишь в одном месте в самый глаз вонзается каменный сучец. Казалось бы, что может противостоять царственному творению крепостного мужика, однако когда дело касается чинов-

ной безвкусицы, то она границ не знает и при любом удобном и неудобном случае готова каркнуть во всё воронье горло. Налево от Литейного проспекта эрегирует в небеса гранитный фаллос, водружённый на площади последним Романовым — Гришкой-самозванцем. Прежде на этом месте стояла величайшая политическая карикатура всех времён: памятник царю-миротворцу Александру Александровичу. Миротворец, предпочитавший не с Европой свариться, а свой народ в узде держать, одетый в форму городского, сидел на битюге, поводья туго натянув. Среди горожан, ещё не хлебнувших кухонной демократии и прелестей стуколки, но яичницу уже возлюбивших, популярен был язвительный стишок:

Стоит комод,
На комод — бегемот,
На бегемоте — идиот,
На идиоте — шапка.

Однако какие стишки ни декламируй, а верховой бегемот на площади никому не мешал и смотрелся весьма удачно. А фаллический символ Гришки-самозванца, с какой стороны ни подойди, всюду выпирает. Семо посмотришь — накладывается обелиск на башню главного вокзала страны, овамо взгляд кинешь — пропарывает концертный зал, который и без того трудно вписывался в городской центр. А уж прямо лучше и не смотреть — восьмигранный штык воткнулся в самое горло Невского проспекта, далёкий Адмиралтейский шпиль заслонён, и кораблик распят золотой звездой. Всю площадь изнасиловал, проклятый фаллос, торчит гордый собой: джунгли нас заметили! И даже самому республиканскому взгляду начинает сладостно мерещиться призрак водянистого царя, который, побурев от натуги, силится свалить каменный столб, чтобы самому встать на законное место.

Пасмурными вечерами в подворотнях рассказывают, что, когда рухнула власть отрепья, и Гришка-самозванец растаял как дым, царственный городской выбрался из задворков Русского музея, где полвека притворялся экспонатом, и поскакал на площадь. Но не добрался, подвёл самодержца медлительный коняга, рассвет застал чугунного всадника неподалёку от Марсова поля, где упрямый монумент застыл и давит

своей громадой хрупкую красоту Мраморного дворца. Впрочем, Мраморному не привыкать: уж лучше бегемот, чем бровевик.

А как бы хотелось вернуть Александра на площадь, а площади оставить советское название — площадь Восстания, и пусть тяжеловесный царь давит, давит, давит его... чтобы никому не повадно было решать социальные проблемы вооружённым путём. Мечты, мечты, где ваша сладость?

Но и это ещё не всё. Совсем рядом, можно сказать, за спиной бесталанного Авалса, чудо вовсе небывалое, редкое даже для города призраков — монумент-оборотень. И не вервольф какой-нибудь, а человек-змея. Место перекидыш выбрал — самое что ни на есть невинное, рядом с Мариинской больницей. Некогда эта клиника была обустроена иждивением принца Ольденбургского. Он хоть и Ольденбургский, но свой, местный. В самом деле, что за дискриминация, отчего на Руси всё князья да бояре и ни одного принца? Обидно, честное слово. В таких случаях, чтобы не возникло комплекса неполноценности, следует собственного принца завести. Или завезти — не суть дело важно. Так и объявился в Петербурге принц. И такой-то удачный — просто загляденье! Благодетель, а не принц; только и думал, как бы городу услужить. Взял, например, и выстроил на Петроградской стороне Народный дом. В долгие, тяжкие годы царизма собирался в этом доме закабалённый люд, обсуждал свои проблемы, праздники устраивал, в кружках по интересам занимался: одни закон Божий изучали, другие — политэкономия по Марксу. Плюрализм процветал и самая разнузданная свобода. Зато когда иго самодержавия было свергнуто, с плюрализмом разобрались быстро. Вместо Народного дома сделали кинотеатр. Большой-пребольшой — так он и назывался: «Великан». Вся народная громада сидела и чинно созерцала один на всех высокохудожественный фильм. Видится в этом символ эпохи. Кстати, и сегодня бывший Народный дом можно смело назвать символом эпохи, ибо в годы перетряски туда вселился мюзик-холл. Так что глубинной своей сути здание на Кронверкском никогда не меняло и, значит, в рассказ об оборотнях попало случайно.

Но вернёмся к сказке снова. Когда принц-благодетель выстроил больницу для бедных обывателей, восхищённые го-

рожане решили поставить ему памятник. Но не успел обронзевший принц освоиться на новом пьедестале, как власть переменилась, и оказалось, что принц никакой не благодетель, а аспид и только что кровь трудовых младенцев не пьёт. Это разом стало ясно всем, а сила общественного мнения такова, что принц Ольденбургский на глазах у нетрезвого дворника трижды перекувырнулся через голову и обнаружил свою истинную сущность, обернувшись ядовитой змеей. А змея, в свою очередь, обернулась вокруг чаши, наполненной не иначе как младенческой кровью.

Нетрезвый дворник рассказывал потом, что это та самая змея, которую недотоптал петровский конь. Уползла, гадюка, на пенсию, а вахту под конём несёт её дочка, заложившая таким образом начало трудовой династии. Впрочем, не нам судить, кто, сколько и кого заложил.

Горожане отнеслись к метаморфозе спокойно, дав перекинувшемуся монументу ласковое прозвище: «Тёща кушает мороженое». И лишь тени младенцев тычут бескровными пальчиками сквозь больничные стёкла и беззвучно кричат:

— Дядя — яд, яд!

Когда Авалс проплывал Литейным проспектом, его вынесло едва ли не под самую чашу. Спасло беднягу то, что добросердечные бомжи всё-таки свернули змеюке голову, намереваясь обратиться в лом цветных металлов, так что чаша на ту пору осиротела. Бомжи, впрочем, были взяты с поличным и отправились в места не столь отдалённые, а декапутированная змея отправилась на реставрацию. В то же время говорят, что город изыскивает средства на воссоздание первоначального памятника, так что никто не знает, в каком виде явится глазам монумент-оборотень. А покуда он монумент-невидимка.

Кстати, и это ещё не всё. Заметил ли благосклонный читатель, что рассказ пошёл, словно беседа теней, «кстати» и от случая к случаю? И вообще — батюшки-светы! — куда нас занесло? Вот уж воистину, вошедши на Невский, позабудешь о всяком деле, и на уме будет одно гулянье. А ведь автор не рассеянная тень, а мужчина в чинах и к тому же весьма корпулентный. Однако и он не уберётся расслабляющего влияния Невского проспекта, растёкся мыслию по улицам и стопнам, забыв о герое, которого давно пора привести домой или

хотя бы угробить приличным случаю образом. Что уж тут говорить о бедной тени, застывшей посреди проспекта на островке безопасности между двумя потоками плывущих машин. Это для нас островок безопасен, а для тени хуже места не сыщешь. Весь на виду, и просто некуда деться. Да и дождь не вечен, даже петербургский...

— Ну чего встал, урёд? Дёру давай!

Авалс вздрогнул. Мысли в нём страшно прояснились, он осознал, в какую влип не ситуацию даже, а переделку. Издавши звук, сходный с тем, что производит попавший в аварийную ситуацию таксомотор, Авалс немедля набрал скорость, автомобилям наперерез пересёк остаток Невского и почесал по Владимирскому проспекту, оставив возмущённых водителей выяснять, кто и зачем тормозил. А он и не тормозил вовсе, он тень, у него всё наоборот, он скорость набирал. Хотя этого делать как раз и не следовало, поспешать нужно медленно, а кто несётся сломя голову, в самый раз поспеет голову сломить. Иссякающий дождь, как это часто бывает, вскипел последним титаническим усилием, на лужах вздулись пузыри, потоки воды, смывшей городскую грязь, вздулись, и, не найдя, что ещё смыть, смыли бегущего поперёк стихии Авалса. Закружило, закувыркало, понесло, припечатало немумной головой о поребрик...

— А-а! — краткий палиндром боли.

У, рад удару? Вижу — жив. А еще, а?..

— Wow!.. — краткий палиндром боли на иностранном языке. И где только нахватался, полиглот? Лучше бы затвердил правило: «Не ходите, тени, городом гулять. В городе акулы капитала, в городе гориллы в генеральских погонах, а уж больших и злых крокодилов и не пересчитать». Не умел учиться по-умному — учись лбом о поребрик, он твёрдый, он научит.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!.. — долгий палиндром боли.

Ведь есть на свете благословенные места, где не найдёшь ни единого поребрика! Спросите любого москвича, он подтвердит: нет в Москве поребриков — одни бордюры. А бордюры в плане ушибов куда гуманнее.

К сведению любознательных: бордюры и поребрик в дорожном строительстве — два способа укладки бортового камня. Если камень устанавливается ребром наружу, так, что

образуется ступенька — это поребрик. Если камень вкапывается заподлицо, ступеньки не образуя — получается бордюр. Поребрик отделяет тротуар от мостовой, бордюр разграничивает тротуар и газон. И раз нет поребриков, значит, нет мостовых. Представляете? — вся Москва одна пешеходная зона! Лепота...

Но здесь не Москва, Питер город серьёзный, машин полно, поребрики на каждом шагу. В плеске волн надвигается гранитный порог: «Бац!»

Боль в лоб.

— Ой! — это уже не палиндром, это просто больно.

Вода впереди закрутилась неумолимым мальстримом. Ненасытная пасть стозёвного чудища городской канализации ворочала воду, сглатывая всё, что сплывалось к ней вместе с водой. Что ждёт в беспросветной клоаке одинокую тень? А ничего не ждёт, там поджидает. И скоро дожждётся. Что случится потом, никто не скажет, от человека хотя бы раздувшийся труп занесёт на решётки острова Белый. А что может остаться от тени? Спросите у пены, что шапками вздымается над аэротенками, спросите, если умеете.

Авалс не умел говорить с пеной, не причаливал, запоздав на ловле, к пустынному Белому острову, и даже страшилок, что, серея от ужаса, рассказывают друг другу юные теньята, не слыхивал. Но почему-то ему очень не хотелось в люк. Авалс замолотил по воде, имитируя разом брасс, кроль и баттерфляй, но никакого успеха не достиг. Пасть приближалась, она чмокала и всхлипывала, явно искаая, кого поглотити. И всё же мальстриму районного масштаба сегодня пришлось умереть без обеда. Отчаянным усилием Авалс дотянулся к проезжавшему «Запорожцу», бульдожьей хваткой вцепился в поворотник, могучий мотор без труда вынул Авалса из мокрых объятий водоёма и помчал средь криков, шума, чуть не мятежа по Невскому, Садовой, к Цепному мосту... ой, не туда!.. — герою нужно совсем в другое место... скажем так: по Садовой, по Сенной, к Таврическому саду — опять не то! Ну почему, скажите на милость, литературные персонажи совершают пробежки непременно по Садовой, садами отнюдь не блещущей? Один Авалс, нарушая законы жанра, упрямо движется по Владимирскому проспекту. Да ещё и не сам движется, а волочёт его за машиной, так что трущиеся об асфальт части истёр-

лись уже едва не наполовину. Такое явление называется у теней асфальтовой болезнью. У киски болит, у собачки болит, а у Авалса заживёт, жирком заплывёт, но только если он вовремя вернётся к хозяину. А если нет, то ползать ему полустёртым, как жители литературных бачков.

По счастью, лимузин тормознул возле светофора, Авалс быстро подтянулся и с удобством уселся на облучке.

Право слово, автор не знает, что такое облучок и где он находится у «Запорожца». Чтобы разбираться в таких вещах, надо быть не автором, а автолюбителем. Тем не менее автор неоднократно слышал, как знатоки называют «Запорожец» драндулетом, тарантасом и таратайкой. А поскольку у перечисленных транспортных средств облучок имеется, то чисто теоретически он должен быть и у «Запорожца». А тени большего и не нужно, поскольку сидит она тоже чисто теоретически и лишь едет взаправду.

Какая русская тень не любит быстрой езды? Быстрота, разгул, волнение... народ ещё под зонтами или в подъездах, но уже веселится и ликует, ожидая, что дождь скоро кончится. А дождь и впрямь заканчивается, с минуты на минуту в небе засияет семицветная траурная лента.

Летит железный конь, мощно гудит мотор, но всё же это почти неподвижности мука — мчаться, зная наверно, что всё равно опоздаешь. Кроме того, как предупреждал бывалый Андрюша, машины предпочитают ездить по своему маршруту, и очень редко он пролегает мимо твоего дома.

— Стой! — заорал Авалс. — Куда? На Загородный сворачивай, тебе говорят!

Тень — это звучит скромно, отдельные взвизги не в счёт. Кто её услышит? — Авалса не слышали. «Запорожец» рулил к Кузнечному рынку, а базар — место хоть и не опасное для тени, но вязкое до предела, оттуда скоро не выберешься.

Авалс зажмурился и прыгнул на ходу.

Лужа, огромная, лениво вздыхающая у берега, приняла его в свои объятия. Разгоняя бензиновые разводы, Авалс вышел на тротуар и остановился, в очередной раз поражённый очередным ужасом. Прямо перед ним в скорбной задумчивости сидел бронзовый Достоевский.

«А в глазах-то у него лазерочки», — вспомнил Авалс предупреждение Рёфаука.

Мнилось, сейчас медленно поворотится железная голова, стальные глаза нальются гневом, и металлический голос проскрежешет:

— Это я не видел белых ночей? Это ты не видел белых ночей! Смотри, вот они, звёзды! — и звёздный пламень плеснёт из очей, стирая непрочную сущность тени.

Идол остался недвижим. Слёзы дождя стекали по скорбному лику, незрячие глаза не замечали теней внешних, созерцающая одна только сумеречную душу гения.

Кому ставят памятник благодарные потомки? — человеку или своему представлению о нём? Игроку, проматывавшему за зелёным столом последние рубли, а потом бессовестно жившему за счёт любящей женщины, или его словам, корявым и скрипучим, но умеющим разбивать корку на зачерствевшем сердце, заставляющим ужасаться и плакать сладкими слезами раскаяния? Что может быть эфемерней отзвучавших слов? И в их честь, в память о них, нагромождено многопудье бронзы! Это ещё непостижимее, чем гранит и тень, скользящая по нему белой ночью.

Осторожно ступая, Авалс отошёл от монумента и, лишь очутившись у него за спиной, припустил бегом. Небесная клепсида роняла последние капли дождя, а Загородный проспект ничуть не короче Литейного или Владимирского. А бежать предстоит почти до самого конца. Ещё то благо, что большинство монументов, памятных досок и иных, опасных робкому видению предметов собраны в дальней части проспекта. Взять хотя бы Военно-Медицинскую академию и её мрачноватый музей, наполненный такой расчленёнкой, что и Кингу не напридумывать.

Но и без того на пути немало препятствий. Одни из них безобидны, к другим лучше не приближаться. Подслеповатый Александр Сергеевич — поэт и тёзка поэта, конечно, отнесётся снисходительно к прошмыгнувшей тени. При жизни он относился серьёзно лишь к государственной службе, за что этой жизнью и поплатился. Но памятник ему поставили вовсе не за геройство на дипломатическом поприще и даже не за то, что смертью своей обогатил алмазный фонд страны. Памятник поставлен гениальному дилетанту. Дилетант, по-русски значит — любитель... тот, кто относится к делу с любовью. Меломан, сочинивший между делом пару вальсиков, которые

исполняются до сих пор, театрал — написавший всего одну многоактную пьесу... вот только рядом с этой единственной комедией вся современная драматургия кажется безвкусной, как розовый арбуз.

Сидит Александр Сергеевич-тёзка перед детским театром при скрещении Загородного и Гороховой улицы, в конце которой сияет адмиралтейский шпиль. И ни театр, ни памятник, поставленные в самые волонтаристские, кукурузные годы, не портят ансамбль, доказывая городу и миру, что можем, когда захотим.

А вот сама Гороховая улица не так проста. Лет тому сто с небольшим прозвище «гороховое пальто» носили сотрудники сыска, бескомпромиссные борцы с инакомыслием. И нет ничего удивительного, что целых полвека улица носила имя величайшего горохового пальто минувшей эпохи. Явление это называется персонификацией обобщённого образа и хорошо известно знатокам фольклора. С персонификациями шутить опасно, а Гороховую, хочешь, не хочешь, придётся пересекать. По счастью, это уже почти конец пути, ведь там, где Загородный состыковывается с Московским проспектом, мистика вновь достигает запредельного уровня. Казалось бы, обычная площадь с оживлённым движением и два монумента, возле которых никогда не останавливаются экскурсионные автобусы. А зря, господа хорошие, зря...

Первый памятник поставлен человеку, который «не». Он занимался наукой, но успехи его на этом поприще были скромны. Пописывал публицистику, но и здесь всемирной славы не сыскал. Под конец жизни имел возможность войти в большую политику, но у него хватило ума и совести отвергнуть соблазн. За последнее ему низкий поклон, благодарность потомков и статуя на площади. Неофициальное её название: «Плеханов указывает путь рабочему классу». Рабочий класс, разумеется, не работает, а стоит со знаменем у подножия монумента. Путь рабочему классу первый марксист указывает идеологически верный: прочь от Химико-технологического института, к которому скульптурная группа повернулась спиной, прямиком в винный отдел ближайшего гастронома. Именно туда указывает бронзовый перст; проверено неоднократно. Говорят, до войны вместо гастронома на углу находилась портерная. Тоже хороший вариант.

Вторая великая тень находится здесь же, всего в нескольких шагах. Памятники в Петербурге вообще растут кучками, как грибы, и с каждым связана история, легенда или иной кирпич русской словесности. Только что помянутый монумент не стал исключением, хотя никто вам не расскажет баек о нём — и всё из-за нашей малограмотности. А ведь это не просто бронзовая тень, а памятник, страдающий раздвоением личности.

В нём сокрыто много больше, чем гласят буквы на постаменте и даже обширная мозаика над головой. Напротив Технологички уже второе столетие располагается Палата мер и весов или попросту — Пробирная палата, а перед старым корпусом сидит в покойном кресле её основатель и первый директор.

— А! — воскликнет полуграмотный читатель. — Знаю такого, личность известная. Но ведь её в реальной жизни никогда не было, она, с позволения сказать, виртуальна, одно мечтание, пар!.. Неужто в Петербурге принялись ставить памятники литературным фантазиям?

Что на это ответить? Конечно, памятники литературным фантазиям в Питере есть, взять хотя бы знаменитого чижи-ка-пыжика, который регулярно улетает со своего выступления за водкой, а наклюкавшись, не может найти дорогу домой, так что его приходится заново отливать. Ничего не попишешь, всех пьяниц приходится регулярно отливать. Но в данном случае речь идёт о человеке вполне реальном и не пьянице, хотя и он руку к алкоголю приложил. В ту пору, когда трёхглавый автор придумывал незабвенного сына Кузькиной матери, Пробирной палаты в России не было, а были только разговоры о насущной необходимости учредить подобное заведение. В ту пору много чего учреждать собирались: гласность, суд присяжных, вольный университет и чуть ли не конституцию, так что на этом фоне мечты о Пробирной палате казались детским лепетом и были предметом для зубоскальства. Проблемы и вопросы педалировались и муссировались, так что в итоге получалась уже не глазунья, а омлет, из которого и произошёл Козьма Прутков. А покауда яичница поспевала, будущий реальный директор Пробирной палаты, ещё не увлекшийся метрологией, усиленно размышлял, не жениться ли ему на падчерице писателя Ершова, и стара-

тельно изучал увлекательный процесс смешения спирта с водой.

— А! — вновь закричит полужайка. — Так это Менделеев! Он ещё водку изобрёл!

— Верно, мой умничка, это Менделеев. Только водки он, вопреки распространённому мнению, не изобретал, докторская диссертация «О смешении спирта с водой» посвящена не приготовлению крепких напитков, а созданию теории сольватации. Тех, кто не знает, что это такое, — милости прошу в девятый класс общеобразовательной школы.

Памятник не броский, но сделан талантливо. Взгляд у латунного естествоиспытателя цепкий, направлен вовне, а не в глубь себя. От такого шальной тени не скрыться: поймает и изучит до полного растворения. Дмитрий Иванович ещё при жизни входил в состав комиссии по изучению медиумических явлений и пришёл к выводу, что таковых не существует. Хотя мало ли чего в природе не существует... Вон, над головой учёного выложена на глухой стене мозаичная таблица элементов, и в ней на почётном месте — несуществующий элемент дидим. С какой стороны ни посмотри — типичный призрак. И ничего ему не делается, в то время как Авалсу бы не поздоровилось, вздумай он бежать до конца Загородного.

Кстати, а мы опять отвлеклись, но на этот раз умышленно. Пока читатель развлекался экскурсией, Авалс беспрепятственно добежал почти к самому дому, даже у Пяти Углов умудрился по морде не получить, хотя два угла из этой пятёрки образованы улицей Ломоносова. И Гороховую пересёк без приключений: отметил его цепкий, запоминающийся взгляд и до времени пропустил, не арестовав. Не то время, чтобы в открытую силу проявлять. Хоть и дождь, а уж полдень близится. Дождь, впрочем, тоже иссякает, так что всякому ясно, куда спешит тернистою тропой очарованный странник.

Авалсов дом — на углу Загородного проспекта и Казачьего переулка Ильича. Казачий переулок Ильича — ещё одна персонификация обобщённого образа, но здесь вопрос не столь ясен, как в случае с гороховым пальто. Среди казаков было немало Ильичей — поди разберись, какой из них так поразил воображение современников, что на полвека стал символом всего казачества.

Сейчас отчество у Казачьего переулка куда-то делось, но Авалсу от этого не легче, потому что дождь прекратился, когда до дому осталось менее сотни метров. Поделом вору и мука: нечего было зевать по сторонам, стоя посреди Невского. А сейчас — природу не умолишь: ослепительный свет брызнул из-за туч, в небо словно соляркой плеснули, такая яркая радуга вспыхнула в вышине и упала своим многоцветьем в художественные районы — одним концом на улицу Кустодиева, другим на площадь Репина. Проспект враз наполнился тенями, законными, гордо вышагивающими у ног хозяев, мир расцвётился зонтами, люди скопом покинули подъезды и иные дождеубежища, не дожидаясь, пока небо уронит последние капли. Праздник жизни, на котором нет места неудачникам. Всё, финита ля комедия.

— Отстаньте! Что за манеры, кто вам позволил? нахал! Отстанете ль? — я закричу!

Молоденькая прелестная теньюшка была вне себя от возмущения. Вот так, среди бела дня, на глазах у всех к ней кинулась незнакомая — и одинокая! — тень, обняла, прижалась, как только на дискотеке дозволяется, и разве что лапаты не принялась.

— Подождите, — горячечно шептал Авалс. — Один лишь миг побыть с вами... Я не обижу вас, только пройти рядом несколько шагов и, клянусь, мне большего не надо! Поймите, вы моя жизнь, моё спасение... Пощадите, я умираю!

— Оставьте, что за глупости! Люди увидят!

— Они не увидят, люди никогда не смотрят под ноги. А я прошу так немного: жить вами, быть вашей тенью...

— Вы с ума сошли! Нет, конечно.

Замечательно всё-таки, что русские теньюшки, несмотря на засилье американщины, говорить предпочитают по-русски. Произнесла бы незнакомка «поп» — и всё, с кратким палиндромом отказа, пусть и на импортном языке, не поспоришь. А так Авалс продолжал обнимать девушку за плечи и шагал, шагал, с каждым шагом приближаясь к родным местам. Шёл, не думая, что приключится, когда хозяйка незнакомки пересечёт Казачий переулок и той же танцующей походкой начнёт удаляться от Авалсова дома.

— Мама, смотри, тётенька идёт одна, а тень — будто её дяденька обнимает!

— Ну вот! — рыдающе вскричала теньюшка, безуспешно пытаюсь вырваться. — Заметили!

— Нет, нет! — жарко бредил Авалс. — Это лишь ребёнок, гадкий мальчик, ему никто не поверит, люди рассудительные никогда не верят тому, что увидел маленький мальчик... Только не закрывайте зонтик и не прогоняйте меня. Вот видите, никто ничего не заметил!

И в самом деле, одышливый женский голос произнёс:

— Не мели ерунды!

За этими словами Авалс и его случайная спутница отчётливо различили тень несказанного: «Вот так и бывает, веришь, что идёшь в обнимку с судьбой, а на самом деле давно одна, суженый-ряженный умотал к другой. А ты так и будешь, надрываясь, волочить его тень, которую он тебе оставил...» — женщина недовольно дёрнула сына за руку и произнесла вслух:

— Пошевеливайся давай, на поезд опоздаем. Тебе бы только по сторонам глазеть — весь в своего папочку, такой же оболтус.

Пронесло! Мама с сыном бегут на поезд, куда чуть не опоздали из-за дождя. Удачно, что на той стороне проспекта вокзал, и люди кругом спешат с поезда и на поезд. Удачно, что вокзал на той стороне... ведь это хотя и не главный вокзал страны, но зато старейший, исполненный памяти и теней. Поезда здесь отправляются со второго этажа, ибо паровики прошлых столетий: слабосильный «Богатырь» и медлительный «Проворный» не могли сдвинуть с места четыре вагончика и вынуждены были начинать движение под горку. Здесь в залах ожидания висят старинные, ручной работы зеркала, а под потолком в стену навечно вделаны резанные из тёмного дуба рамы для портретов августейшей семьи. Много чего помнит мерцающая глубина старых зеркал, а об остальном и говорить страшно. Бойтесь, бойтесь портретных рам, они ещё страшнее пустых пьедесталов!

— Вот видите, нас никто не видит, — успокаивал невольную спутницу Авалс.

— Всё равно... Отпустите же меня!

— Нет-нет! Это выше моих сил. Без вас я не смогу прожить и секунды!

Стыдно, молодой человек! Чёрным крестом отметит вас Купидон в своей главной книге. Вам предъявляется тяжкое

обвинение: шантаж и подделка священнейших слов любви. И не важно, что всё, сказанное вами, — чистейшая правда, но любой девушке хочется верить красивому обману и, значит, ваша правда — ложь!

Тени не выбирают себе любимых, безответственно передоверив это жизненно-важное дело хозяевам. Обнимутся двое, и тени их сливаются в объятии, не думая о завтрашнем дне. И всё-таки в глубине своей плоской души всякая теньюшка хранит мечту о прекрасном незнакомце.

— Да кто вы такой, в конце концов! А то уже вовсе неприлично... — но именно на этих словах, которые всякий уличный ловелас счёл бы безоговорочной победой, тени достигли парадной дома, что на углу, и Авалс, понимая, что другого мига не будет, не попрощавшись, бросил свою минутную подругу и вполз под дверь, запёртую на ненадёжный кодовый замок.

Девушка, идущая по тротуару, замедлила шаги, удивлённо оглянувшись, сама не понимая, что высматривает. Её одолевало чувство, будто она обронила что-то, или же в одежде приключился непорядок, или дома позабыто что-то нужное... Подобное чувство знакомо каждому, но немногие знают, что это не у вас, а у вашей тени проблемы, это она встревоженно заметалась, а вы, на секунду поменявшись с ней ролями, повторяете её движения. Успокойтесь, долго это не продлится, тени забывчивы, да и случается такое не часто.

Здание, в которое проник Авалс, было не его домом, а соседним. Ему следовало заходить с Казачьего, но пути теней прокладываются внешними обстоятельствами. Радуйся, что лампы в подъезде не горят, и узкие окна выходят не на солнечный проспект, а в сумрачную глубину двора. И без того от Авалса оставалось очень немного, даже удивительно, что зоркий мальчуган умудрился разглядеть в нём дяденьку.

Постанывая от боли в обожжённом силуэте, Авалс двинулся вверх по ступенькам, словно собираясь выбраться на залитую адским светом крышу. Третий этаж, и четвёртый, и пятый... Истёртые об асфальт ноги не желают слушаться, но надо идти, иначе всё, что удалось преодолеть, было зря. Вот и его цель — чудо инженерно-строительной мысли и единственный шанс на спасение, больше схожий со смертельным но-

мером под куполом цирка. Дверь на предпоследнем этаже приоткрыта, Авалс осторожно глянул наружу...

Говорят, что у тени нет души, а у человека она есть. В таком случае у города их должно быть несколько, и некоторые из них доступны пытливому взору. Кто хочет увидеть купеческую душу Петербурга, должен свернуть на набережную реки Фонтанки и неподалёку от Большого Драматического театра отыскать доходный дом купца Елисеева, чей шикарный магазин стоит на Невском и отбрасывает тень аж до самой Москвы. Но мы сейчас не об Елисеевском магазине, а о доме на Фонтанке, 64, где купеческая душа Петербурга раскрыта напоказ. Разумеется, поверх всего выставлено пузатое, словно колонны дома Фаберже, богатство. Лепной фасад, изукрашенный арабесками до самого верхнего этажа, так что наверху узора уже не рассмотреть, всё сливается в пёструю рябь, напоминающую золотистый куриный помёт. Каждый ряд окон оформлен в собственном стиле: тут и античные портики, и арки, и ещё какие-то изыски, названия которых ведомы только архитекторам. Дубовые двери парадных не сгнили даже за столетие безремонтного обслуживания, сквозь безобразные наслоения масляной краски до сих пор проступает искусная резьба. Парадные, отсыревшие и воняющие кошками, были некогда украшены гипсовой скульптурой, ныне изуродованной новыми вандалами, на жалких останках её прыщавые юнцы демонстрируют свои сексуальные комплексы, подрисовывая фломастером недостающие анатомические подробности. Витражи на площадках вторых этажей сохранили в лучшем случае два-три цветных стёклышка, витые перила изломаны, ступени выщерблены. Чем-то внутреннее убранство парадных напоминает бомжеватую тень, ютящуюся под помойным баком, но продолжающую вспоминать лучшие времена, когда слово «парадная» вызывало ассоциации не с кошачьей мочой, а с парадным великолепием.

Но если любопытствующий прохожий, восхитившись руиной, решит, что ему открылась купеческая душа, то он будет обманут. Душу на всеобщее обозрение не выставляют, она спрятана глубже. Идём во двор через гигантскую арку, напоминающую крепостные ворота с бойницами швейцарской и изгибом посередине, чтобы не могла ворваться наскоком вражеская конница. Впрочем, в этих воротах изгиб сделан не

против конницы, а против посторонних децибел, которые со времён постройки дома возросли невиданно. И всё же, выходишь во двор — и всё, как отрезало — не слышно шума городского, будто и не движется по набережной Фонтанки нескончаемый поток машин. Блаженная тишина, старая брусчатка проглядывает сквозь проплешины дурно уложенного асфальта, те же пёстрые стены и прочие архитектурные излишества, что и на набережной, тускло светятся десятилетиями немытые витражи, и случайному зеваке, если он не вполне погряз в прозе жизни, открывается дивная красота этого места, где всё подчинено удобству и комфорту, как его понимали столетие назад. В глубине этого чудесного двора видна ещё одна арка, чуть пониже, и там вновь арабески, и скалит львиную пасть бездействующий фонтан в античном стиле. Как замороженный шагаешь туда, думая увидеть новые обветшалые красоты, и спотыкаешься, очутившись в глухом дворе-колодце. Фальшивый фонтан с львиной мордой и датой: «1889—1990» — оказывается лишь заплатой на глухой стене. Всё здесь говорит о скаредной экономии: теснота, гладкие стены, прорези окон шириной в ладонь... и бессмысленная, пышная заплатка, которая никого не обманывает. В доме Елисеева сдавались квартиры высокопоставленным чиновникам, как раз те, о каких ностальгически вспоминал Рёфаук: с ванной, гостиной, фонтаном во дворе и разве что без сада. Всякая квартира занимала крыло здания, и сюда, в глухой двор, выходили окна кухонь и кухаркиных комнат. Уж эти-то могли обойтись без витражей и лепнины! Вот тут и проявила себя в полной мере купеческая душа... Пышная показуха, слыхом не слыхавшая о хорошем вкусе, и рядом инстинктивное, в кровь вошедшее скопидомство, нелепо прикрытое фиговым листочком накладного фонтана.

В коллекции петербургских дворов-колодцев елисеевский двор — самый нелепый, а тот, на краю которого замер Авалс, — самый страшный. В елисеевском колодце живёт напыщенная и дурная купеческая душа, в колодце на Казачьем — никакой души нет — один потусторонний ужас. Если есть в мире двор, который можно назвать колодцем в прямом смысле слова, то это он. Вздыхающиеся стены и на самом дне пятно замусоренной земли четыре на четыре метра. Выхода в этот двор нет, сквозь щели окон может протиснуться только кошка, так

что двор находится в безраздельном владении кошачьего рода. И на самом верху, из лестничного окна предпоследнего этажа в лестничное окно соседнего дома переброшен узкий железный мостик, по которому только гимнасту Тибулу ходить. Нет, здесь не пособие для самоубийц, как может показаться с первого взгляда, а замена лифта. Шестиэтажный флигель, замыкающий дворовый провал, лишён полезного механизма, а старые этажи это вам не хрущёбки новейшего времени. У старушки, одолевшей пару пролётов, сердце готово взорваться и требует нитроглицерина. А старушек в питерских домах всегда большинство. Чёрная флигельная лестница тесна не то что для лифта, но и для всякого пастозного гражданина, а чудо технической мысли — наружный лифт — не влезает в четырёхметровый двор. Явление уникальное, второго подобного двора нет ни в Петербурге, да и нигде в мире, и решение проблемы придумано под стать её уникальности. Заходит бабуся в дом на Загородном, шаркает по парадным ступенькам к лязгающему дореволюционной постройки лифту, поднимается на шестой этаж, с грацией Тарзана перепархивает по натянутому над пропастью мостику — и оказывается на шестом этаже дома, что на Казачьем. А спускаться вниз к родной коммуналке не в пример легче.

Тарзан, Тибул... недаром имена героев, достойных пройти по висячему мосту, начинаются на букву, которая в старославянской азбуке именуется словом «твердо». А если нет твёрдости, если дух худ? Прежде, с хозяином, Авалс даже любил ходить через гулкий мостик, особенно если хозяин приводил знакомых девушек, которые очень забавно пугались. Под разноголосые взвизги Авалс кидался вниз, распластывался по стене и, не достигнув сумрачного дна, взлетал наверх, словно пристёгнутый тарзанкой. Бездомные кошки, неведомыми путями пробиравшиеся в колодец, следили за прыжками теней, в их жёлтых глазах светилось обещание недоброго. И вот недобрый час настал. Казалось бы, чего бояться тени в таком месте, куда солнце и по большим праздникам не заглядывает, а вот поди ж ты, без хозяина и ни туды и ни сюды, даже такой простой вещи не осилить. Мостик узенький, и высоко, а у тени с вестибулярным аппаратом плоховато — нету у неё вестибулярного аппарата. Кто не верит, пусть попытается проделать в ярко освещённом зале гимнастические упражнения на

бревне; можно биться об заклад, что тень гимнаста немедленно растянется на полу. Конечно, падение с шестого этажа для тени не смертельно, в годы мальчишества они с хозяином облазали все окрестные крыши, и падать оттуда приходилось частенько; не хозяину, вестимо, а Авалсу. Но ведь то с хозяином, отшагнёт он от опасного края — и Авалс тут как тут. «Тут как тут» — волшебное заклинание, помогающее вернуться к хозяйским ногам. А одному как быть? Сорвёшься по привычке и будешь потом выползать неведомыми дорожками, испещрёнными следами крыс-мутантов и прочей городской небывальщины. Да и светловато на мосту, какой ни будь двор-колодец, а полдень не самое приятное время для одиноких прогулок. И всё же надо решаться, завтра будет поздно.

— Я-я!.. — завизжал Авалс, по-наполеоновски ринувшись через мост, и краткий палиндром самоутверждения и боевого безумия не подвёл, помог проскочить на ту сторону, так что вниз сорвалась лишь одна нога и часть правого бока.

Невозможно поверить, но он добрался под крышу своего дома, пусть не в целости и сохранности, но зато среди полудня, пересёк полгорода, преидох же три проспекта, и теперь ему осталось последнее испытание — встретиться с хозяином.

Прежде всего, хозяина могло и не оказаться дома, а во-вторых, он уже мог обзавестись новой тенью. В городе водится немало мелкой шушеры, которая с удовольствием прилепится к живому человеку и станет посасывать его, изображая настоящую тень. А случается, человек попадает в лапы серьёзному хищнику. Добрый сказочник Ганс Христиан Андерсен многое мог порассказать о таковом несчастье. Не знал он лишь, что тень у его героя фальшивая.

Главное, чтобы никто из мелких паразитов не успел зафиксироваться, присосаться как следует. На эту тему можно было долго рефлексировать, стоя перед затворённой дверью и постепенно истаявая в бледном лестничном свете, но, видать, что-то сломалось в нестойкой Авалсовой душе, объявилась в ней несвойственная прежде решительность: Авалс втянулся под филенку и выполз в комнату.

Хозяин был дома. Он спал, и, рождённые сном разума, колыхались вокруг зловещие призраки, сосали силу спящего, сварились, заранее деля добычу.

— Он мой! Он мой! — кричал каждый.

Было здесь пятно от канализационной протечки, которое давно пора забелить, суетился пяток ночных кошмаров, клокотала не затихшая трамвайная склака, мельтешили ещё какие-то дразги, которым несть числа и поименования. Когда хозяин спит, тень его должна быть рядом, тогда никакая область негативной энергии не посмеет прикоснуться к нему. А Авалс... хорошо, ничего не скажешь, славно погулял.

Было невыносимо страшно объявиться и вступить в бой со сворой, успевшей украсть немало силы, но Авалс не колебался ни секунды. Стыдно колебаться тому, кто в одиночку прошёл полуденным городом. Он тень человека, а не занавески на ветру!

— Я тут! — крикнул Авалс и ринулся на выручку спящему.

Боевой клич произвёл переполох среди мародёров. Трусоватое канализационное пятно немедля завоняло и смылось, склака, зашипев, погасла, всякая мелкота разлетелась с комариным писком, унося крохи добытого, и перед Авалсом остался единственный противник, готовый вступить в бой. Это был ночной кошмар, тёртый, выдавший виды, а вернее — виданный-перевиданный. Он и прежде осмеливался приближаться к хозяину, заставляя стонать во сне и просыпаться в холодном поту. Жуткий, повторяющийся сон, будто бы хозяин снова школьник, стоит у доски и не знает, как прочесть по-французски мозголомное слово «беакоуп».

— О, ты туты-то? — парировал кошмар выпад Авалса и, вздев когтистые лапы, двинулся в атаку: — Усосу!

Что может обглодыш тени против собственного кошмара, залившего комнату чернильной тьмой? Но Авалс, которому было нечего терять, кроме присутствия духа, бой принял:

— Нов, иди вон! — рубанул он ночную тьму.

— Я тень! — завывла тьма.

— Нет, я! — блестяще завершил Авалс вражескую фразу, так что кошмар был отшвырнут под пыльную батарею. Авалс шагнул, прикрыв собой хозяина, и добил врага на его территории, метнув палиндром на франко-нижегородском наречии:

— Мой homme!

Настала тишина. Спустился покой. Где тристаты злобы? — их нет.

Тени не любят победных салютов, их радость тиха.

Шорох хорош.

Авалс юркнул под тёплое одеяло, прижался к хозяйскому боку. Раны на силуэте затянулись сами собой.

У киски болит, у собачки болит, а ему не больно и тепло.

Никогда больше, никогда... ни на шаг от хозяйской ноги... Ну, разве, сбежать, рассказать Номису Рёфауку и мяснику Андрюшеньке, как закончилось его путешествие... а больше — ни-ни!

И уже засыпая, Авалс подумал, что надо бы растолкать хозяина и заставить его пойти гулять. День сегодня замечательный, дождь кончился, наступила ясная половина дня. И кто знает, может быть, они встретят девушку с зонтом, тогда Авалс шепнёт хозяину: «Слава, посмотри, какая женщина!» — и хозяин подойдёт к незнакомке, отчего-то показавшейся удивительно знакомой, и скажет... не важно что, уж хозяин-то найдёт слова. А Авалс улыбнётся симпатичной теньюшке и поздоровается как ни в чём не бывало:

— А вот и я.

Они пойдут, сначала просто рядом, потом взявшись за руки, потом слившись в одну тень.

В самом деле, зачем же нет? Ведь миром правит не добро и, уж конечно, не зло, а один только счастливый случай.

О ФАНТАСТИКЕ И НЕ ТОЛЬКО

© С. Снегов, 1992
© Е. Лукин, 2004
© Д. Байкалов, А. Сеницын, 2004
© С. Лукьяненко, 2004

Сергей Снегов

ФЕНОМЕН ФАНТАСТИКИ

Имя Сергея Александровича Снегова не нуждается в рекомендациях. Любителям русской фантастики хорошо известны его произведения, роман «Люди как боги» стал культовым не для одного поколения читателей. Недавно, разбирая архив ВТО МПФ, я наткнулся на пухлый конверт, надписанный знакомым упругим почерком.

Дорогой Виталий Иванович! — значилось в сопроводительном письме. — По просьбе одесских издателей фантастики я написал свое мнение о фантастике и ее современном месте в литературе. Они собираются напечатать очерк в каком-то из своих сборников.

Вы являетесь сегодня главным организующим центром молодых даровитых фантастов. Многих из них я с уважением числю среди своих, если и не учеников, то молодых соратников. Поэтому посылаю Вам свой очерк. Мне важно Ваше мнение о нем. И важно ознакомить с ним тех, кто серьезно вникает в проблемы писательского творчества. Может быть, мой очерк поможет им в работе.

Крепко жму руку!

*Ваш С.А. Снегов
17-IX-92 года*

К стыду своему не помню, ответил ли я тогда Сергею Александровичу. Время было не слишком располагающее к дискуссиям о фантастике: только что отполыхала Приднестровская война, мы предпринимали отчаянные попытки хоть как-то сохранить ВТО МПФ... Был ли где-либо опубликован этот материал — бог весть. Мне, во всяком случае, разыскать упоминающийся «одесский сборник» не удалось. Пускай (хотя бы и с опозданием) с мыслями и взглядами С.А. Снегова познакомятся читатели, а эта публикация станет не просто данью памяти прекрасному писателю и замечательному человеку — ведь мысли, изложенные на этих страницах, нисколько не устарели.

Виталий Пищенко

Фантастика — разновидность художественной литературы, то есть не более чем один из многочисленных литературных жанров. Это самое главное в ней, истинная ее сущность, которая, к сожалению, далеко не всеми любителями фантастики отчетливо понимается. А подобное непонимание — особенно у писателей-фантастов и также у бесчисленного числа энтузиастов-фэнов — порождает свои особые трудности, определенно препятствующие ее развитию. Недаром уже давно идут разговоры о кризисе фантастики, в частности, о кризисе той ее разновидности, которая — по-моему, неправомерно — названа «фантастикой научной». Что до меня лично, то я глубоко убежден, что этот кризис родился уже давно и в настоящее время подходит к своему апогею. И выразительным симптомом такого процесса является то, что читательский интерес к фантастике, еще недавно столь огромный, явственно слабеет. Несомненное утихающее влечение к фантастическим книгам можно расценить и как вырождение этого рода литературы. Но такое суждение будет облегченно-поверхностным и потому неправильным. Речь, по-моему, надо вести о творческом кризисе, о том, что в фантастике наступил естественный возрастной перелом — период подъема, а не упадка.

В этой непростой проблеме надо разобраться.

1

В основе каждого фантастического произведения лежит вымысел. Фантастика в этом смысле является прямой противоположностью литературе реального факта, то есть живописанию реальных событий, в частности, той литературе, которая названа документальной и которую точнее и шире надо было бы назвать фотографичной. Фотография и фантастика — антиподы. Даже если фотографируется — в смысле описывается — совершенно нам неизвестный, но реально существующий мир и события этого мира нам покажутся невероятными, воистину фантастическими, то настоящей фантастикой здесь даже и не пахнет. Фантастика немыслима без вымысла, это ее реальный литературный фундамент. Как не поставить сложной машины, не подготовив для нее бетонного фундамента, так и не сотворить фантастического произведения, если не создать предварительно фундаментирующего его вымысла.

И тут возникает первое серьезное затруднение.

Все виды художественной литературы немыслимы без вымысла. Если даже сюжет и описывает фотографично какие-либо реальные события, то герои сюжета — люди вымышленные. Но еще гораздо чаще и сюжет, и герои художественного произведения представляют собой вымысел создавшего их автора. Самая реалистическая из всех форм художественной литературы — натуралистическая — живописует вымышленных героев во вполне естественных ситуациях. Тем натурализм, собственно, и отличается от документализма или просто фотографизма, где герои реальны, а не вымышлены. И все великие творения художественной литературы с самого начала ее письменного появления — о дописанных сказках не говорю, они насквозь вымышлены, — содержали в себе вымысел и выстраивались из вымысла, как дома из кирпичей. Не было в реальной древности ни Ахилла, ни Одиссея, ни Ифигении, ни Клитемнестры, ни Ореста — даже если происходящие с ними истории и обосновывались на реально происходивших событиях. Не было в реальной жизни ни адмирала Отелло, ни короля Лира, ни толстого распутника Фальстафа, ни злого Шейлока. А если и существовали реально — например, у Шиллера — герои исторических трагедий — ис-

панец Филипп, Жанна д'Арк, королева Мария Стюарт, полководец Валленштейн, герцог Фиеско, то говорят они в пьесах отнюдь не то, что в реальном своем бытии произносили, а лишь то, что своевольно примыслил для них гениальный автор. И уж не стоит твердить ни о благородном преступнике Жане Вальжане, ни о хитроумном аббате Жероме Куанзьяре, ни о трагически влюбившейся Анне Карениной, ни о запутавшемся в жестоких раздумьях Пьере Безухове, ни о покаранном за близорукость Евгении Онегине — все это литературный вымысел, мастерски расписанный великими авторами. Без вымысла их произведения даже не могли быть написаны.

Больше того. Самые великие произведения так называемой «большой литературы», вечно сохраняющиеся шедевры человеческой культуры еще ближе относятся к тому, что иначе чем «типичной фантастикой» и не назвать. К ним надо причислить почти все творчество древних Эсхила, Софокла, Еврипида, Вергилия, многие произведения Лукиана, роман «Золотой осел» Апулея. А в литературе поновей разве не фантастикой являются «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, «Приключения Гулливера» Свифта, «Восстание ангелов» Франса, «Портрет Дориана Грея» Уайльда, «Осень патриарха» Маркеса? Список фантастических бессмертных книг в «большой литературе» можно, при желании, еще далеко вытянуть.

Таким образом, фантастика проникает в поры самых великих произведений мировой художественной литературы. Книги, которыми мы зачитываемся с детства и которые, нетленные, сохраняются с нами всю нашу жизнь, без умения их создателей использовать фантастические сюжеты и фантастических героев никогда бы не могли быть написаны.

Вместе с тем любой из любителей современной фантастики, даже самый малоразвитый из фэнов, отлично понимает, что фантастические произведения «большой литературы» и та фантастика, которой он увлекается, между собой различны. Это как бы совсем несхожие между собой течения художественного творчества. Современная фантастика настолько отлична от прочей литературы, что образует в ней свой особый феномен. В этой особости фантастики нашего времени и причина ее продолжающегося шумного успеха у читателей и зародыш начинающегося неизбежного упадка.

2

Феномен современной фантастики состоит в том, что она появилась в то время, когда вся человеческая жизнь вдруг стала воистину фантастичной. Фантастика в литературе — своеобразное литературное зеркало внезапно возникшей фантастичности самой реальной жизни.

История человечества идет по очень неровной дороге. Ее можно изобразить как очень длинную веревку с повторяющимися — с учащающимися — толстыми узлами — ровное движение, прерываемое бурей схлестнувшихся проблем. Долгое время общество развивалось от неандертальцев и питекантропов, лишь постепенно и монотонно преобразовывавшихся в нынешнего человека. А затем неторопливое развитие преобразуется в быстрое движение, появляются сгущения культуры, плотные узлы на веревке истории — первые цивилизации античности. Всего за какую-нибудь тысячу лет история пробегает от форменной общественной дикости до высокого материального и духовного совершенства — примером того было появление письменности и развитие ее от букварного уровня до великих художественных и философских творений, превращение пещерного и хижинного бытия в шумный городской быт, в великие творения архитектуры. И снова полутысячелетнее топтание на месте, упадок мысли и удобств жизни. И примерно к середине нашего тысячелетия снова шаг вместо топтания, пеший бег истории, быстро превращающийся в ошалелую конную гонку, а конная гонка становится чуть ли не полетом снаряда. За последние сто лет человечество накопило больше знаний, больше совершило открытий, больше произвело изобретений — и количественно, и качественно, — чем, думаю, за все предшествующее развитие от пещерной бытности. В XX столетии мы воистину вступили в мир реальной фантастики.

Мне могут возразить:

— Вы преувеличиваете. Нет никакой фантастики в нашем реальном бытии. Обычный быт нашего обычного существования.

В этом ответе истины столько же, сколько и неправды. Любая фантастика, становясь повседневностью, теряет свою фантастичность. Если бы на наших улицах вдруг появились

летающие ангелы, мы недолго бы ощущали фантастичность их присутствия — их шумные полеты, толкотня об их крылья скоро стали бы привычным и надоедливо неудобным бытом.

Но представьте себе, что вы беседуете с человеком, возмущавшим в начале нашего века, всего около ста лет назад. Давайте реконструируем вашу гипотетическую беседу. Вы задаете друг другу вопросы, получаете друг от друга ответы. Как неодинаково он и вы воспринимаете свои ответы на одни и те же вопросы!

— Недавно была война между Францией и Германией, — информирует он вас. — А сейчас сражаются в Южной Африке, в Китае, в средней Америке. Удивительно, что происходит! Конница, вооруженная трехметровыми пиками и острыми саблями, проводит лихие атаки на неприятельские позиции. А как стреляет артиллерия! Больше четверти снарядов ложится в ста, двухстах метрах от цели, так велика точность, а осколки накрывают и цель. А если прямое попадание, то взрыв снаряда может разрушить целый дом. А наши военные суда? Достаточно мощному крейсеру подойти на видимость к цели, и орудия его рассыпают вокруг нее целый веер снарядов. У вас, наверно, еще выше техника?

— Да, немного выше, — отвечаете вы, удивляясь отсталости собеседника. — В атаку у нас ни конно, ни пехе не идут, а пускают закрытые машины с орудиями, танки, в них за броней сидят люди. А военные суда на видимость к цели и не думают приближаться, а пускают свои ракетные снаряды за тысячи километров от цели и попадают точно в нее, у снарядов ведь есть механические устройства, автоматически наводящие их на цель. У нас можно стрелять с любой точки в любую точку земного шара. И, между прочим, хорошая ракета уничтожает не одно здание, а целый городской район, может и миллионный город испепелить. Намедни — 30 октября 1961 года — на острове Новая Земля была взорвана авиационная бомба со взрывчатой мощностью, равноценной 57 миллионам тонн тротила. Это почти в десять раз больше, чем мощность всех взрывов во Второй мировой войне, продолжавшейся шесть лет с 1939-го по 1945 год. Тысяча таких бомб способна погубить всю жизнь на Земле, а их на всякий случай заготовлено около 40 000 — правда, не все такие большие, но каждой достаточно для уничтожения любого города. Од-

ной совсем маленькой бомбочкой — всего в 12,5 тысячи тонн тротилового эквивалента — была испепелена половина японской полумиллионной Хиросимы, за несколько минут погибло сто тысяч человек.

— Невероятно! — недоверчиво скажет ваш собеседник. — Вы ведь фантазируете, правда? Вот у нас появился замечательный писатель-фантаст Герберт Уэллс. Но и он ничего похожего не придумывал. Правда, его герои попадают на Луну, что физически невозможно...

— Вот еще — физически невозможно! — увлекаетесь вы. — Вполне возможно! Один из наших парней, полковник Нейл Армстронг, не так давно побывал на Луне и собрал на ней несколько килограммов камней. А всего на этом спутнике Земли прогуливались двенадцать человек, и двое из них, Юджин Цернан и Гаррисон Шмитт, увезли с Луны 114,8 кг камней и грунта. Да что Луна! Готовится полет на Марс. Скоро наши ребята, реальные люди, а не литературные герои, будут топтать своими ногами марсианские скалы и вершины. А на Венере мы уже давно опускаем наши аппараты на грунт и фотографируем ее пейзажи. Ходить по ней, правда, не планируем, очень уж раскалена эта планетка. Вот таковы наши сегодняшние пироги.

— Мне кажется, я сплю и вижу сны! — признается ваш собеседник. — Ибо только во сне возможны описанные вами события. Даже не всякая фантастика у нас сегодня поднимается до уровня вашего быта. Если только вы сами не фантазируете...

— Чистая правда! — уверяете вы. — Да что там Луна с Венерами и Марсами! Посмотрели бы, что совершается на нашей старушке Земле. Всюду внедряется автоматика, ведущая производство без людей. Есть уже целые работающие заводы и электростанции на ключе. Вы ездили на повозках и каретах, а мы на автомобилях, в десятки раз обгоняющих по скорости ваших лошадей. И мы имеем еще неведомый вам вид транспорта — самолеты. Вы с завистью следили за полетом птиц, удивлялись их скорости и высоте, а мы в сотни раз быстрее ваших птиц проносимся в воздухе на машинах, вмещающих сотни пассажиров, и эти машины так высоко взмывают в атмосферу, что их не разглядеть и в сильный бинокль. А что скажете о неизвестных вам пока радио и телевидении?

Вы говорите где-нибудь на Волге, а вас в эту же минуту слышат и видят на Миссисипи. Наш ученый Эйнштейн, сам создавший такую физическую теорию мировых процессов, что у вас от одного описания ее законов закружится голова, признавался, что для него наши телевизоры кажутся чудом: на одной стороне земного шара две команды играют в футбол, а на другой стороне вы сидите в кресле, попиваете чаек и наблюдаете, как эти ребята ошалело носятся по полю, слышите, как они бьют ногами по мячу, как ликующе орут при удачном ударе, как грубо ругаются, если противник нарушает правила игры. И если теперь вы не признаете, что мы живем в мире реальной фантастики, то вам по крайней мере надо признать, что наша жизнь — царство самого натурального волшебства.

Ваш собеседник, уже подавленный, еще пытается бороться с невероятной информацией.

— Если принять за правду то, что вы говорите, то надо ожидать, что скоро вы сможете определять наследственность ваших потомков и даже, что совсем немыслимо, по своей воле превращать мужчину в женщину, а женщину в мужчину. У нас есть поговорка, что всемогущий британский парламент только одного не может — изменить пол человека.

— Уже! — кричите вы восторженно. — И пол меняем по воле — уже несколько десятков мужчин превратились в женщин по своему желанию, а что до женщин, то они нисколько не уступают мужчинам в жажде своего полового преобразования. А вторжение в наследственность — сущие пустяки для наших специалистов. Хорошее облучение невидимыми лучами, о которых вы пока не имеете и представления, и готово — рождается совсем не то, что ожидалось по естественным законам. У нас появилась для таких действий даже новая наука с благородным наименованием — инженерная генетика. Правда, облучение пока происходит чаще всего от аварий с аппаратурой и рождаются преимущественно уроды и больные, но появление таких мутантов — естественные недоработки нового предприятия, мы с этими недостатками надеемся вскоре покончить.

Ваш собеседник окончательно сражен. Никакие фантастические мечтания не могли у него создать картину того невероятного мира, в каком мы живем реально. И он с робким уважением говорит:

— Даже не могу вообразить теперь, как вы усовершенствовались морально и социально, если достигли таких немислимых технических и материальных высот. Как я завидую вам! Жить в мире, где царствует доброта и взаимное уважение, в мире без голода, без войн, без грабежей и лжи, без национальной вражды, без...

Вы прерываете его. Ваше вдохновение погасает. Впервые за время беседы вы чувствуете себя смущенным.

— Нет, не завидуйте! И не старайтесь вообразить картину сущего рая, он пока не настал на Земле. И не уверен, что вообще настанет. Дело в том, что многое у нас стало даже хуже, чем в ваши времена. И грабежи, и взаимное неуважение, и свирепая национальная рознь, то и дело превращающаяся в открытую ненависть к «иной» крови, и жестокое стремление уничтожить чужие народности — жуткий геноцид, о котором вы понятия не имели... А уж наши непрерывные войны, бушующие практически на всех меридианах и даже в Европе, сердце человеческой культуры! А голод, периодически вспыхивающий на доброй трети земного шара, голод, уносящий, несмотря на всю борьбу с ним, ежегодно миллионы человеческих, преимущественно детских жизней... Нет, многим, очень многим можно у нас восхищаться. Но завидовать нам нельзя, завидовать нам — желание больше, чем преступное, ибо оно равноценно чудовишной глупости.

3

Итак, мы согласились, что современная литературная фантастика является зеркалом, отражающим реальную фантастичность нашего современного общественного бытия. Правда, зеркало это довольно криво, и отражение далеко не адекватно оригиналу. Но все это вполне укладывается в спасительную формулу: фантастика — *своеобразное* зеркало фантастической реальной жизни. Словечко «своеобразное» дает индульгенцию любым отклонениям и искажениям в художественной фантастике ее исходного предмета — фантастичности реальной жизни.

Разительные перемены в материально-техническом бытии познаются обычным человеком посредством информации о

том, что совершается вокруг него. Каждый существует лишь в своем непосредственном окружении, видит только его, а непрерывные научно-технические и социальные революции потрясают не окружение, а весь мир. И каждый день, каждую минуту где-то совершается что-то важное, новое и, возможно, меняющее весь уклад, все возможности жизни. Новизна в происходящем становится, таким образом, чертой обычного существования. Желание поскорей — хоть сознанием — приобщиться к этой постоянно возникающей новизне превращается в неприменную особенность поведения. Ненасытная жажда все умножающейся информации ныне внутренняя потребность каждого современного человека. То время, когда можно было всю жизнь прожить в сонной тиши каждодневно одинакового существования, полностью выветрилось из сегодняшних бешено мчащихся дней. От новизны когда-то отшатывались, теперь ее жаждут. Мне как-то рассказывал один крупный физик, что их, всех физиков большого института, собрал в своем кабинете в 1945 году академик Сергей Иванович Вавилов и поделился новостью:

— Раньше существовали два метода познания — дедукция и индукция. Теперь появился третий — информация. Так вот, информация требует от нас, чтобы мы все принялись распутывать новую загадку — проблему атомной энергии.

Жажда информации не ограничивается чтением газет, слушанием радиопередач, уютным отдыхом перед телевизором. Еще сильнее она проявляется в форме различных общественных бумов. Бум — внешнее проявление внутренней активности и жажды все новой информации. Читательский бум порождает производство книг миллионными тиражами с астрономически растущими ценами на них. Туристский бум становится важным источником в бюджете таких государств, как Испания, Италия, Непал. Экскурсионный бум выстраивает длинные очереди перед музеями, где всего несколько десятилетий назад лишь одинокие знатоки и любопытные бродили по залам, наполненным великими творениями искусства. Театральный бум вызывает толкотню у касс, рождение класса людей, существующих на перепродажу входных билетов по удешевленной цене. Бум одежды приводит в Дома моды массу зрителей, расходующих немалые денежки на то, чтобы только поглазеть на демонстрации ошеломляющих нарядов, кото-

рые никто реально не наденет хотя бы по причине их крайней экстравагантности и неудобств в ношении.

Жажда информации закономерно порождает массу технически изощренных информационных средств. Древний метод информации — из уст в уши — сменяется машинным методом. Информация становится общемассовой, механически-электронной. И, естественно, предельно стандартизированной.

Стандартизованная массовая информация приводит неизбежно к массовой культуре, столь же стандартизованной, как и оплодотворяющая ее массовая информация. Реальная наша жизнь с ее техническими и социальными революциями бесконечно разнообразна по самому существу происходящей в ней процессов, справедливо названных удивительными и фантастичными (с точки зрения наших дедов и прадедов). Но порожденная ею массовая культура бытия — стандартизована, в ней все больше теряются прежние своеобразие и удивительность. Стандартизируется архитектура — одни и те же небоскребы возводятся и в Нью-Йорке, и в Париже, и в Токио, и в Сеуле, и в Каире; древние города неумолимо теряют свое особое лицо, еще недавно казавшееся столь неповторимо оригинальным. Стандартизуется одежда — одинаковые пиджаки и брюки заполняют улицы Лондона и Кейптауна, Рима и Дели, Чикаго и Бангкока. Стандартизуется еда — во всех ресторанах всех городов мира вы сможете получить одни и те же супы и рагу, беконы и сыры, мясные отбивные и пирожные с мороженым, не говоря уже о заполонивших весь земной шар американских гамбургерах. Стандартизуется быт — в любой квартире любого города вы найдете похожие стулья, диваны, шкафы, посуду, белье. Стандартизуется даже психология, она тоже становится массовой. Она сплачивает миллионы различных людей — в одинаково мыслящую, одинаково чувствующую толпу, скорей даже стадо, а не толпу — во всяком случае, нечто одинаково ревущее в разных городах на одинаковых уличных митингах, сходках и схватках. За примерами ходить недалеко — фашисты в Германии, хунвейбины в Китае, наши недавние комсомольцы и коммунисты, а ныне столь же неразлично стандартные демократы.

Самыми распространенными средствами массовой информации являются телевидение, газеты и радио. Но книга, думаю, и сегодня остается важнейшим средством массовой ин-

формации и главным фактором нынешней массовой культуры. Книжный бум по реальному значению своему самый значительный среди всех современных бумов. Но и он стандартизован и, стало быть, до поверхности облегчен. Во времена Ньютона и Спинозы человек, прочитавший сотню книг, уважительно считался эрудитом. Ибо прочитать книгу означало усвоить ее, изучить, а не пробежать равнодушным взглядом. Соответственно, настоящих читателей было немногим больше, чем издаваемых книг. Пушкин в письме к брату сурово выговаривает ему, что тот пустил его поэму в рукописи по рукам знакомых — кто теперь будет покупать ее, когда она выйдет книгой? Шопенгауэр в предисловии к главной своей работе — «Мир как воля и представление» — предупреждает возможного читателя, что один раз прочитать его книгу — значит ничего в ней не понять, второе чтение кое-что разъяснит, но только чтение в третий раз раскроет истинную глубину его философии. Требование — вполне допустимое сто с небольшим лет назад, но очень сомнительное в нашу эпоху. В одних США, по журнальной информации, издается в год около 2000 одних романов. Всей жизни внимательного читателя не достанет на то, чтобы справиться с книжной продукцией одного года, а если брать весь мир, а не одни США, то и недельной продукции будет избыточно. Такое количество книг нельзя изучать, как в прошлом, ими нельзя духовно проникаться, их можно только пробегать глазами. Книга из предмета радостного интеллектуального общения становится чтивом — бульварным, трамвайным, послеобеденным, предсонным. Она должна щекотать воображение, а не цивилизовать сознание, заполнять пустоту в мозгах лишь видимостью чего-то интересного без значительности, либо просто снимать накопившуюся умственную усталость. По слухам, Гинденбург и Рузвельт читали одни детективы — что ж, занятие вполне приличествующее высоким представителям мира массовой культуры.

Современная фантастика, появившаяся в эпоху великих научных, технических и социальных революций, несет на себе генетические черты породивших ее родителей. А родителей у нее в отличие от общепринятых норм было не два, а даже три. Ветвь великого ствола художественной литературы, она законно числит своей прародительницей всю предшествующую

художественную литературу — и, стало быть, должна оцениваться по законам этой литературы как особая разновидность искусства. Но — порождение научно-технической революции — она не может не служить зеркалом своей эпохи — *своеобразным* зеркалом, повторим эту выручающую в трудных случаях формулу. А трудный случай как раз и подоспел.

Наше время — эпоха массовой информации и массовой стандартизированной и облегченной культуры. Массовая культура, третья родительница современной фантастики, не могла не наложить на нее свои родимые пятна. Очень сложная проблема — генезис и характеристика того впечатляющего явления, которое называется «современная фантастика».

Главным для первой зрительной видимости эпохи НТР были великие достижения научно-технического прогресса. Фантастика постаралась пошире отразить эту зримую суть эпохи. Современная фантастика, собственно, и народилась как художественное выражение гигантского переворота в материальной базе общества. Не только рассказы, но и повести, и длинные романы избирали своими темами то специфически новое, что принесла НТР. Книги заполнялись описанием открытий, изобретений, технических переворотов и выворотов, полетов в дальнее пространство и иные времена — прошлое и, еще чаще, будущее. Даже мелкие технические изобретения безудержно вводились в повествование, иные произведения от этого превращались в слегка беллетризованные технические статьи и очерки. А для удобочитаемости сюжет обильно сдабривался лихими приключениями, чаще всего связанными с неполадками и авариями техники. Люди в таких произведениях были не личностями, тем более — не героями, только именами. Роботы, наполнявшие подобные художественные творения — для фантастического антуража, в реальном быту роботов все же пока было меньше, чем на страницах, — часто выглядели индивидуализированней, чем командующие ими люди.

И поскольку сюжеты всех подобных фантастических произведений основывались на описаниях результатов великих научных свершений, то и вся литература была поименована научной фантастикой. Несколько позже, для пристойности, в научной фантастике произвели внутреннее не то реальное разделение, не то простое переименование: научная фантас-

тика ближнего прицела и научная фантастика прицела дальнего. Предполагалось, что в «ближней» фантастике разрабатываются сюжеты малых открытий и изобретений, и потому эта «ближняя» литература не очень-то, собственно, литературна и не очень фантастична и вообще с искусством имеет мало общего. Зато фантастика прицела дальнего трактует большие научно-технические новинки и потому устремлена в будущее — значит больше простора для фантазии, больше возможности стать искусством на простой информации. Хрен, однако, не слаще редьки.

Массовая культура с ее общедоступностью и стандартностью — духовная пища однородна для всех и потому охотно поглощается всеми — определила первоначальное огромное увлечение научной фантастикой. Этот, в сущности, информативный род литературы отвечал всеобщей жажде информации. В каждом новом произведении было что-то новое по части открытий, изобретений, находок, сбывшихся предвидений, еще не сбывшихся перспектив. Игнорировать такие творения в дни всеобщего поклонения новизне было практически невозможно. И ширились, и ширились границы тем, использующих техническую и научную новизну. И умножались груды книг, захватывающих читателя не мастерством изложения, не личностями героев, не великими страстями, не глубокими раздумьями, а лишь какой-либо новизной в сюжетном антураже. Читательский спрос требовал в эпоху технической революции материала для растущего творческого воображения, для ответа о возможности дальнейших открытий, изобретений, находок, в общем — для описания и прогноза всяческих достижений. Научная фантастика стала не только модной, но и массовой литературой со всеми недостатками массового продукта — стандартизацией сюжетов и героев, облегченностью и поверхностностью художественного письма. Начавшись как новое явление в литературе, она неумолимо превратилась в чтиво, литературу второго, если не третьего художественного разряда.

Некоторое оживление в научной фантастике произвело постепенно накапливавшееся в обществе противодействие научно-техническому прогрессу. Если все происходило в общественной жизни и не совсем по третьему закону механики Ньютона — действие точно равно противодействию, — то, во

всяком случае, действие порождало свое противостояние. Сперва это совершилось в сфере социальных, а не технических революций — возможно, потому, что первые происходили много раньше вторых. Великая революция большевизма оказала огромное влияние на всю мировую историю. Она прежде всего ужаснула властителей капитализма картиной того, что произойдет и с ними, если они не примут действенных мер — и притом незамедлительно, пока и у них не разразилась гроза. На западе после 1917 года шло торопливое перераспределение богатств и общественного влияния в пользу общественных низов и представлявших их партий и профсоюзов. А затем в том же направлении стала действовать и научно-техническая революция, многократно увеличившая материальные блага в обществе. Новые люмпен-пролетарские революции стали невозможны. Ленин в своей книге «Империализм как высшая стадия капитализма» провозгласил, что наступающие годы — эпоха империалистических войн за передел мира и пролетарских революций. Войны возникали и после его смерти, но скорей национальные, а не империалистические. А передел мира свершился совершенно обратный тому, какой он предсказывал, — великие державы не оттяпывали одна у другой колонии, а постепенно отделялись от своих собственных, ставших для них лишь обузой. И в тех главных странах, где особенно многочислен и силен был пролетариат, с каждым годом слабели, пока вовсе не стерлись призывы к социальным катаклизмам.

И еще одно важное следствие имела совершившаяся у нас большевистская революция. Она заставила не только вглядываться со страхом в то, что происходило у нас, но и задумываться над тем, какое сложится будущее, если наша революция победит и распространится повсеместно. И будущее при глубоком анализе представилось невеселым. Так появился новый вид художественной литературы — романы-предсказания, романы-предупреждения. Сюжетно это была чистая фантастика, философски — деловой прогноз будущего. И писали эти романы, пока еще уникалы, настоящие художники и мыслители. Так появились «Этот новый дивный мир» Хаксли, «Мы» Замятина, «1984» Оруэлла. Каждая из этих книг стала заметной вехой в современной фантастике. И они были по-

своему научны, хотя вряд ли кто причислил бы их к создававшейся в то время научной фантастике.

Все более усиливающееся противодействие вызвал и бурно нараставший технический прогресс. Научно-техническая революция не только вызвала на свет великое множество адептов, kloкочущих от энтузиазма, но и скрытых, а потом и заявивших о себе открыто противников. Уже применение во Второй мировой войне массы технических новинок, приведших к гибели 50 миллионов человек на фронте и в тылу, вызвало у мыслящих людей негодование и опасение. А появление зловещего ядерного оружия, уничтожение двумя небольшими бомбами — всего около пяти тонн весом каждая — двух полумиллионных городов вызвало в мире психологический шок: восхищение перед мощью разума, создавшего такие невероятные массы убийственной энергии в крохотном объеме, и ужас от того, что эта энергия способна и дальше совершенствоваться и применяться на гибель всему человечеству либо — в лучшем случае — отдельных стран, ставших объектом нападения. А последовавшие затем аварии на атомных реакторах, катастрофа в Чернобыле, ставшие известными данные о влиянии радиоактивного заражения на жизнь и гены быстро вызвали массовую истерику у народа, форменную ненависть ко всему, что вызывает к действию скрытую ядерную энергию либо как-то связано с ней. Величайшее из технических достижений — освобождение внутриядерной энергии — внезапно стало объектом ненависти, а не восхищения. НТР недолгое время виделась сладостным ликом божества, доброжелательно открывающего сияющие пути в райское техническое блаженство. Ныне огромная часть человечества замечает лишь свирепые клыки, которые распахнули на него высшие успехи техники. Наступила парадоксальная пора. Энергетическое будущее общества заключается в использовании ослепительных возможностей широкого использования потенциальной энергии атомного ядра. А мечущееся в истерике общество стремится судорожно подавить ногами то самое, что несет ему грядущее богатство и комфорт.

И, быстро отвечая новым потребностям эпохи, научная фантастика метнулась от неумеренного восхваления достижений науки и техники к столь же неумеренному осуждению их успехов. Валом повалили рассказы, повести, романы и пье-

сы-предупреждения. Всячески расписывались те недостатки, те провалы, те, наконец, ужасы, которые несет с собой дальнейший технический прогресс. Модой стало не восхвалять прогресс, как было еще недавно, а все свирепей, все изощренней хулить его. На апологетов будущего смотрели как на недомысленников — даже желторотые писательские юнцы, только пробующие себя на бумаге и ничего важного не создавшие и даже вообще не умеющие создавать. Все их художественные усилия направлялись на то, чтобы выискать в нашей жизни — особенно грядущей, это было всего легче, ибо черт ее знает, какой она будет, эта грядущая жизнь, — что-нибудь, достойное хотя бы простой ругни, а всего лучше — верх успеха — внушающее омерзение и ужас. Вот смотрите, честно предупреждаем, что вас ждет, — таков был боевой клич этих творцов литературы, в большинстве так и не сотворивших ничего литературно важного. (В этом круге особняком стоят по своим художественным достоинствам «Письма мертвого человека» В. Рыбакова.)

В хлынувшем потоке «книг предупреждения» таилось два имманентных недостатка, которые неизбежно должны были проявиться. И проявление их привело к нынешнему, все усиливающемуся оскудению этого литературного направления.

Первый — чисто профессиональный, простая особенность литературного мастерства. Ужасы легче писать, чем благолепие. Крушения, муки, страдания, неудачи гораздо сильнее действуют на психику читателя, чем спокойная жизнь. Попробуйте прочитать большой роман о любви, где нет житейской драмы — сплошное благополучие от первого собственного поцелуя до счастливого замужества последней внучки. Только устойчивые любители литературы дотянут до середины такой книги. Но если на первых же страницах страстная любовь не встречает взаимности, если на следующих страницах сплошная ревность, измены, ссоры, стычки и — особенно — попытки решить жизненные передраги и недодраги ножом, пистолетом или ядом — нет, от подобной книги не оторваться, ее нужно проглотить!

Таким образом, живописание ужасов, предупреждение о грядущих бедах не только облегчало сам писательский труд, но и гарантировало читательский успех. Эта дорога была легче любой другой, и на нее устремились чуряющиеся трудных

путей. Самые малоодаренные оживились, ибо малоодаренные всегда ищут путей полегче. А это означало, что художественный уровень такой литературы благодаря вторжению посредственностей должен был неминуемо снижаться. И результатом этого могло быть только одно — снижение читательского интереса и спроса. Художественная фантастика этого направления из искусства снова превращалась в чтение.

Вторая имманентная особенность литературы предупреждения гораздо сложнее, хоть ее отрицательное действие вряд ли меньше. Как и литература восхваления НТР, она эксплуатирует успехи прогресса, но только разыскивает в них не положительные, а отрицательные черты. Следовательно, как и хвалебная научная фантастика, она неотделима от того же сюжетного антуража — великих открытий и изобретений, перемен в материальном быту, связанных с ними катаклизмов в обществе и душах людей. НТР породила множество новых сюжетов и фабул. Но количество их не безгранично. Появляются повторения и заимствования. Гроссбук тем и сюжетов в фантастике, составленный Генрихом Альтовым, уже лет пятнадцать назад показывал, что давно наступило насыщение всей фантастики однотипными техническими коллизиями и повторяющимися открытиями. Интерес к ним естественно падал не только когда они восхваляли прогресс, но и когда предупреждали о грядущих бедствиях.

Фантастическая «литература предупреждения» тоже подошла к своему закату.

Вся так называемая научная фантастика впала в затяжной кризис.

4

Очень многие ценители фантастики с унынием утверждают, что кризис фантастики ведет к ее упадку. Я уже писал в начале этой статьи, что расцениваю разразившийся кризис как симптом неизбежного — скажу для скептиков осторожней: возможного и необходимого подъема. Фантастика как литературный жанр может, конечно, окончательно захиреть, но гораздо вероятней, что она уже стоит перед своим новым расцветом.

Причина в том, что фантастика именно жанр художественной литературы, то есть нечто, несущее в себе искусство.

Меньше всего размышляли о законах искусства молодые авторы фантастики, старательно подсчитывающие, к какой «волне» фантастики надо их самих причислить — второй, третьей, пятой, но ни разу не поставившие перед собой вопроса: а кто они по художественной манере? Романтики, импрессионисты, экспрессионисты, примитивисты, футуристы, традиционалисты, ничевоки? Все перечисленное вовсе не только манера рисования, как думают иные, но и стиль литературного художественного письма. Художественные стили не интересовали молодых фантастов. Они существовали где-то на задворках их стараний. Для всех «волн», накатывавшихся в фантастике благолепия и предупреждения, существовала лишь одна проблема — ввести что-то новое в сюжет, либо увлечь читателя сладостной перспективой, либо ошеломить его — по кумполу кирпичом — предупреждением о грядущем апокалипсисе. Картина Армагеддона настолько сама по себе впечатляет, что незачем для нее подыскивать особые художественные приемы.

Уже и массовая современная фантастика отбрасывала себя в сторону от того, что зовется художественной литературой. В художественной литературе, как и в религии, вначале всегда Слово. Борение со словом, стремление найти главное, единственно настоящее — это ведь главная черта каждого истинного писателя. Достаточно взглянуть хотя бы на рукопись стихотворения «Не дай мне Бог сойти с ума...», чтобы сразу уяснить, каких мук стоило Пушкину, гению, одно вполне удовлетворившее его слово. Он искал, как обозначить всем известный голос соловья, и перебрал десяток прилагательных — нежный, томный, звучный, сладкий, громкий и т.п., пока не остановился на единственном, не ошаблоненном, не стертом:

А ночью буду слушать я
Не голос яркий соловья...

История сохранила для нас то, что Лев Толстой семь раз переписывал «Анну Каренину», что Исаак Бабель составил семнадцать вариантов одного рассказа, что Илья Ильф гово-

рил Евгению Петрову, когда они совместно писали: «Женя, и вам, и мне одновременно явилось одно и то же слово. Это ужасно. Мы невольно ударились в штамп, мы пошли по шаблону». Та же история показывает бесконечно исчерканные, перегрязненные черновики у большинства крупных писателей. Мастера художественной литературы блестяще владели магией слова, но и тяжело боролись с ним, чтобы оно из равнодушного кирпича, слагающего серые страницы, стало искрой, сверкнувшей и высветившей весь текст. Генрих Манн так начинает свой роман о Генрихе IV: «Мальчик был маленький, а горы высокие». Этими несколькими словами он сказал о наваррском принце не только предельно ярко, но и самое главное о его характере и мечтах.

Ничего похожего на подобное уважение к слову и схватку со словом за Слово я не встречал у молодых фантастов всех «волн» — во всяком случае, у тех (авторов, а не «волн»), с какими мне пришлось встречаться. Слово как таковое их не интересовало. Оно не имело самостоятельного значения. Оно требовалось, чтобы довести информацию об очередном приключении, открытии или беде от достижений техники, оно имело лишь подчиненное значение — было служебное, а не художественное.

Этим неуважением к слову массовая фантастика сама отторгала себя от художественной литературы. Второзначность такой художественной литературы была запрограммирована уже изначально.

Но не только пренебрежением к искусству слова определено сползание массовой фантастики в литературную второсортность, но еще и более важным обстоятельством. В ней главным героем стал не человек, а событие. События — происшествие, техника, бедствие — заменили собой характеры и человеческие судьбы.

Я знаю — такое утверждение может показаться сомнительным. Разве в любом произведении массовой фантастики не действуют люди? Разве не люди наполняют звездолеты, высаживаются на иных планетах, контактируют с инопланетянами, воюют с враждебными существами, устраняют технические аварии, командуют всеми машинами и аппаратами?

На подобные протесты я отвечу: да, вы правы, в любой фантастике присутствуют люди, все происходит около них.

Но и я прав — не люди центр повествования, а то, что совершается вокруг. Они отнюдь не главные герои массовой фантастики. Герои — звездолеты, в которых они сидят, планеты, по которым они ходят, инопланетяне (дружественные им или враждебные), технические успехи, аварии механизмов, борьба с их неполадками. Люди лишь участники событий, связующие линии между ними. Они движутся, говорят, что-то делают, но практически они тени, лики без личности. И если авторы не забывают снабжать их именами и событиями, то и имена, и фамилии не больше, чем индексы, выражают функции, а не характеры, конкретные дела, а не судьбы. Я как-то в рассказе молодого фантаста поменял несколько раз фамилии героев, и никто из читавших не заметил подмены, потому что у фамилий не было самого главного — индивидуального, неповторимого характера их носителей. А у другого автора я спросил:

— Скажите, а у этого... как его?.. Да, Брунса, Микаэля Брунса, так? У него дома не остались жена и дети? А какая у него жена? Красивая, молодая, добрая? Он не боится, что она изменит ему в долгой разлуке? И вообще — какого цвета у нее глаза? Какие волосы? А сам он внушительного или низенького роста? Как вы считаете, он честолобив? Какие конкретно личные надежды он связывает с успехом своего звездолетного рейса? Да, еще — как он переносит невесомость и перегрузки? С головой у него все в порядке, а с желудком?

Ни на один из моих вопросов автор не смог ответить. Он не видел облика своего героя, совершенно не знал его характера, не представлял себе, конечно, его судьбы. Больше того — сохраняя официальное уважение, даже почтение ко мне, он глядел на меня, как на рехнувшегося. Ну какого дьявола понадобился этому зануде характер и цвет глаз капитана? Единственно важное, что он капитан. И точка на этом.

Если сам автор не видит реальных людей в придуманных им персонажах, то и никакой читатель, даже семи пядей во лбу, не разглядит в них ничего, кроме присвоенных им служебных функций — не люди, даже не роботы, безликие фигуры с человеческими именами.

Но нужно ли вообще человеку наличествовать в фантастическом произведении? Нельзя ли создать хорошую вещь без людей? Нечто безлюдное, но интересное?

Лет двадцать назад на одном из московских собраний фантастов у меня возник спор с одним из известных тогда писателей, автором нескольких неплохих книг. Фамилии его не называю, он давно умер, — важна суть нашего спора.

— Вы отсталый человек, — объявил он мне. — Носитесь со старой концепцией, что литература — человековедение. А я берусь написать книгу, где не будет людей, одни механизмы, одни машинные действия и схватки. А вы эту книгу с интересом прочтете.

Он не написал такой книги. Но не сомневаюсь, что он мог ее написать, он был человек даровитый. Только при этом он сделал бы подстановку, которую независимо от него часто делали другие известные фантасты, — неявно очеловечил бы мертвые машины, сделал их чуть одухотворенными, внедрил в их действия хоть видимость цели и чувства. Без этого машина осталась бы машиной, и даже отлично написанный рассказ о ней не стал бы выше технического очерка. К искусству, к художественной литературе вряд ли кто бы его причислил.

О машине можно много сказать и в инженерной работе, но не в произведениях искусства, если не очеловечивать саму машину, как это делает А. Азимов в своей великолепной книге о роботах. Посмотрите, как бедны сюжетные возможности массовой фантастики, когда кладутся в основу одни происшествия с механизмами: машина либо работает, либо терпит аварию — это главное, что можно сказать о ней. Все остальное связано с действием аварии либо хорошей работой машины на людей, судьбы которых зависят от нее. Без человека не обойтись. Только его присутствие придает событию остроту, только человеку мы сопереживаем — сочувствуем, тревожимся, гневаемся, досаждаем. Без наличия человека никакое фантастическое произведение не станет художественной литературой из технического очерка. Без него не только безмерно сокращается количество вариантов сюжета, заставляющее писателя мучительно задуматься — о чем писать, все уже написано, остаются одни повторения, — но вообще пропадает простой читательский интерес.

Мне могут — и вполне резонно — возразить, что и в «большой» художественной литературе иссякают сюжеты, что и там писатели жалуются на оскудение тем, что и там возникает

катастрофическая проблема — о чем писать? Но это лишь видимость проблемы, а не проблема. Чехов как-то пожаловался, что о любви писать нельзя, о любви все написано, возможны лишь повторения. И сам, честно выполняя свое убеждение, почти не писал о любви. Но посмотрите, что происходило в самой литературе. Уже при жизни Чехова начинал творить великий бытописатель «Страсти нежной» Кнут Гамсун, создавший серию гениальных любовных романов, являющихся гордостью и блеском всей мировой литературы. А после него? На темы любовных драм пишут новые писатели — и не повторяются, а создают оригинальные романы, шедевры новой художественной литературы. Я имею в виду такие романы, как «Все люди — враги» Олдингтона, «Прощай, оружие» Хемингуэя, «Три товарища», «Жизнь взаимы», «Время жить и время умирать» Ремарка — список этот можно продолжить. Любовь, тысячекратно описанная, продолжает оставаться неиссякаемым кладом сюжетов в «большой» художественной литературе.

Когда-то академик Александр Николаевич Веселовский, великий знаток мировой литературы, определил, что вся она исчерпывается примерно тридцатью фабулами. Какой узкий фундамент — тридцать фабул! И какое многообразие из сотен тысяч различных — каждое своеобразное — зданий возведено на таком скудном фундаменте!

В чем причина такого разнообразия художественных творений, использующих далеко не многообразную сюжетную основу?

В том, что во всем этом бесконечном разнообразии главной его фигурой, духовным его центром является человек, а человек — единственное в мире воистину многообразное существо. Человек во всем конечном живом мире предстает единственным безграничным существом, и потому бесконечность описаний его действий и возможностей отвечает их реальной бесконечности. Человек — истинный и пока одинокий феномен вселенной. Именно феноменальность человека лежит в существе созданной им же феноменальности художественной литературы.

Постараемся хотя бы приблизительно, хотя бы поверхностно оценить необычайность человека.

Он исключителен прежде всего по истории своего биологического развития.

Все виды живых существ возникают, в общем, биологически и генетически завершенными. И если развиваются, то недалеко удаляются от своего генопрототипа даже за миллионы лет существования. Человек за какой-нибудь миллион лет пробежал путь от животного до творца величественной материальной цивилизации, за десяток тысяч лет — от дикаря, не выползающего из пещеры, до путешественника по другим планетам. Ни один из миллионов видов живых образований не смог сделать и отдаленной попытки к такому самосовершенствованию. Человек здесь уникален.

Все живые существа, возникая, немедленно приспосабливаются к окружающей среде — либо быстро погибают, если не сумеют приспособиться. Они развивают в себе автоматизм такого приспособления, то самое, что мы называем инстинктом: целесообразный ответ на внезапно возникшую новизну. Животные очень редко и очень мало могут изменить свое окружение — лишь подделываются под него. Человек, возникнув, в неизмеримо короткие сроки — по часам природы — сразу начинает изменять обстановку под себя. Не приспосабливается к природе, а приспосабливает ее к себе. Не подчиняется ее условиям и ее прихотям, а меняет их для своего удобства. Иначе говоря, уже на заре своего существования он почувствовал себя не рабом природы, а ее господином. Ныне он даже слишком своевольно господствует над покорной ему планетой — отсюда и различные экологические бедствия. И в этом стремлении из раба природы превратиться в ее господина человек уникален в безмерном множестве всех живых существ. Ни одно из них не способно создать машину, продолжить самого себя, осуществить свои цели посредством механизма. А человек создал машинную цивилизацию. И этим одним доказал свою абсолютную уникальность, свою абсолютную исключительность в безмерности жизни. И мы мало представляем себе, до каких пределов дойдет в грядущем эта его исключительность в машинном творчестве.

И наконец самое главное.

Все животные конечны в своем интеллектуальном развитии. Здесь каждому положен близкий предел — набор простых чувств, элементарное понимание окружающего. Ни одно

из животных по самой природе своей не превзойдет своего недалекого умственного предела. Человек по той же самой своей природе интеллектуально безграничен. Ни при каком условии, ни по какой команде рыба не сможет создать музыкальной симфонии. Никогда и никак бык не сумеет изучить азбуку, не говоря об интегральном и тензорном исчислении. Никогда лошадь не составит архитектурный проект Парфенона и не осуществит этот проект в мраморе. Никакой орел не сядет за пульт автомобиля или самолета. И даже собака, много интеллектуально научившаяся от человека, никогда не напишет простого сонета, не говоря уже о драме Шекспира или «Войне и мире». Все эти действия и возможности недоступны животным. Они не заложены в их генные программы. Они отсутствуют у них даже в потенции.

Но у человека, даже в его животном, полудикарском состоянии, эти потенции существовали. Они еще не развились, но возможность их появления уже была. И дело не в биологическом развитии. Беру на себя смелость утверждать, что человек, возникнув, не так биологически и физиологически развивался, как интеллектуально просыпался. Он порой сам смутно ощущал даже на заре своего бытия, что «рожден для чего-то более высокого». Пушкин, мучаясь созданием почти божественных своих интеллектуальных возможностей, с грустью вопрошал:

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал?
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?

А через сто лет другой поэт, Николай Гумилев, уже абсолютно уверенный, что рано или поздно человеческий интеллект достигнет еще непредставимых высот, призывал это время скорей осуществиться:

Так век за вском — скоро ли, Господь? —
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

Николай Степанович в этой строфе пророчески предвидел, что именно искусство будет повивальной бабкой нового

взлета человеческого интеллекта — неплохо бы взять эту мысль на заметку тем нашим молодым фантастам, которые пока не поняли, что любая фантастика является — прежде всего — родом искусства.

Был один человек, который, по-моему, приближался к пониманию интеллектуальной феноменальности человека, его абсолютной исключительности среди других живых существ. Имя этого человека сейчас не модно помянуть, но от этого он не перестанет быть великим мыслителем. Это Фридрих Энгельс. Именно ему — так непохоже на стандартное теперешнее представление об ограниченном марксисте — принадлежит глубокое объяснение феноменальности человека. Он, вполне по Спинозе, а не по своему другу Марксу, утверждал, что потребность в самопознании заключена в самой природе, это ее неотъемлемый атрибут. И она сама — хочется сказать: сознательно — создает свой особый орган самопознания, и этим органом сегодня является человек. И Энгельс пишет, подытоживая, что «...материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, и что ни один из ее атрибутов никогда не может быть утрачен, и что потому с той же железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на Земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время» (сочинения Маркса—Энгельса. Т. 19, стр. 363).

Для своего времени это утверждение — исключительности человека, того, что он, единственный среди живых существ, является мыслящим духом самой природы, — звучало не только смело, но и пророчески. Оно означало почти божественную значимость человека. Нынешние мыслители в свете событий НТР могут спокойно кое в чем идти дальше Энгельса. Физик и историк науки Пьер Ляtilль гипотизирует, что человек проходит через ряд разительных трансформаций, а ныне приближается к последней: начинал как приспособленец к природе — стадия инстинктивного существования, ныне является преобразователем природы, ее командиром — стадия разума, а завершит переделкой самого себя, чтобы стать воистину духовным внутренним элементом самой природы, не отстраненным от нее, а состоящим в ней как ее член. Чем не захватывающая новая тема для фантастики? Человек так изменяет самого себя, что сможет спокойно, без особой среды

погружаться в жерло вулканов, двигаться в безвоздушном пространстве, прогуливаться без скафандров по планетам при температуре, близкой к абсолютному нулю, сливаться с механизмами как их деятельная составная часть и даже стать бессмертным, о чем давно уже мечтает в своих произведениях наш Георгий Гуревич. Я не так уж много читаю современной фантастики, многие фэны в этом смысле далеко меня обогнали, — мне трудно вникать в произведения, не являющиеся предметом писательского искусства; но я уже встречал у западных фантастов робкие попытки в этом направлении. У нас таких, уже деформировавшихся в нечеловеков героев повестей я встречал у Сергея Павлова, Евгения Дрозда и особенно у Андрея Столярова — вероятно, написаны и другие нечеловеческие люди, мне неизвестные. К сожалению, это почти всегда радиомутанты, болезненные искривления, а не высшее развитие человека, чаще недочеловеки, чем сверхчеловеки. Здесь еще *terra incognita* — неопробованное пространство сюжетов. Теория Фридриха Ницше о сверхчеловеке — правда, по-иному, чем он рисовал себе, — непременно осуществится раньше всего в фантастике, а потом и в житейской реальности. И не как «белокурая бестия», а как своеобразное почти божество.

Настоящая фантастика феноменальна, как феноменален главный предмет ее живописания — человек. Она может включать в себя все, что доныне является предметом художественной литературы, и пойти значительно дальше. Если нынешняя «большая литература» оперирует реальным прошлым и настоящим, то фантастика и в эти бытийные реальности способна внести необыкновенное и небывалое и показать, как реально чувствует себя человек в таком небывалом и нереальном. И она имеет еще одно пространство, абсолютно недоступное реалистической литературе, — будущее. Наряду с чувствами и физическими действиями человека фантастика подчиняет себе один элемент его природы, специфический именно для нее, — интеллектуальные возможности человека и их реализация в прошлом, настоящем и — особенно — будущем. В таком понимании судьба человека возвышается до значения мирового фактора вместо прежнего индивидуально-вещественного. И любовь, и ненависть, и удачи, и беды, и социальное счастье, и общественные непорядки, и знакомства и столкновения с иными мирами и иными разумными существами, и

творение иных миров и иных разумных существ, и конструирования одухотворенных механизмов, и еще многое, многое несказанное, а возможно, пока и непредставимое — все это составляет жизненный ареал фантастики.

Все эти возможности могут быть осуществлены, если фантастика станет по-настоящему родом художественной литературы. Для этого фантастам надо — прежде всего — быть хорошими писателями, художниками. Достаточно вспомнить, что все мастера современной фантастики, которыми мы заслуженно гордимся, были высококультурными людьми, знатоками и любителями мировой литературы, мастерами художественного пера. Если современная фантастика будет рассматривать себя как художественную литературу, разновидность искусства, речь пойдет не о закате ее, а о высоком расцвете.

13—16.09.92 г. Калининград

Евгений Лукин

В ЗАЩИТУ ЛОГИКИ

Заметки национал-лингвиста

Памяти Зенона из Элеи

1

В пятом веке до Рождества Христова философ Зенон Элейский предложил вниманию древнегреческой общественности несколько апорий (логических затруднений), из коих следовало, что движение теоретически невозможно. За истекшие с тех пор два с половиной тысячелетия лучшими умами человечества было предпринято бесчисленное количество попыток прекратить издевательство над людьми и выявить неправильность построений Зенона. С одной задачей удалось справиться довольно быстро. Осталось четыре.

Думаю, не будет ошибкой сказать, что апории пробовал опровергнуть каждый узнавший об их существовании. Счастливым исключением являются люди, напрочь лишенные способности к логическому мышлению: отмахнутся и забудут. Прочим — хуже. Простота и наглядность «Ахиллеса и черепахи» временами доводит их до исступления. Мало того что апо-

рии оскорбляют человеческое достоинство — они распространяются подобно компьютерному вирусу. Бедолага, обиженный черепахой, обязательно предложит эту головоломку друзьям, а то, согласитесь, как-то неловко получается.

Апории Зенона изложимы на любом человеческом языке. Наречия, в котором античный герой догнал бы и перегнал рептилию, судя по всему, пока еще не обнаружено. Данную задачку можно легко растолковать на пальцах — настолько она проста.

В Интернете апориям посвящены целые сайты и форумы! Опровергают с пеной у рта. До сих пор. Физически, релятивистски, с формулами, с математическими выкладками, напроць забывая о том, что, коль скоро аргументы Зенона понятны четырехлетнему ребенку, то и опровержение их должно быть столь же внятно и членораздельно.

Сам, знаете, грешен. По молодости лет пытался догнать черепаху всерьез, потом стал над собой подтрунивать. Но и над Зеноном тоже. Скажем, так:

«Допустим, что за пятнадцать минут Ахиллеса бега черепаха проползает всего одну минуту времени...»

«Пока Ахиллес достигнет точки, в которой находилась черепаха, время успеет настичь его бесчисленное множество раз».

«На самом деле Ахиллес гонится не за черепахой, а за упущенным временем».

В последней фразе ирония плавно перетекает в истерику, не находите?

2

Но и лучшие умы человечества тоже, знаете ли, хороши! Возражения Аристотеля кратки и небрежны. Брезгливы, как показалось Борхесу. Менее склонный к трепету перед авторитетом Пьер Бейль высказывался куда жестче: «Ответ Аристотеля жалок: он говорит, что фут материи бесконечен лишь потенциально...» Действительно, такое впечатление, будто Стагирит просто-напросто отмахнулся от проблемы. Его спросили, догонит ли Ахиллес черепаху, а он принялся растолковывать, почему нельзя шинковать от-

резок до бесконечности. Обычная адвокатская увёртка — ответ не по существу вопроса. Иначе, сами понимаете, пришлось бы ухлопать на опровержение апорий всю жизнь, так ничего в итоге и не опровергнув.

Что касается возражений, выходящих за рамки логики, то их и возражениями-то назвать трудно. Так, знаменитый променад Диогена перед одним из учеников Зенона был явно избыточен, поскольку противник киника, отстаивая невозможность движения, и сам наверняка открывал рот, шевелил языком, даже, возможно, жестикулировал.

Как тут не вспомнить знаменитую в свое время пародию Дмитрия Минаева на барона Розенгейма, не иначе навеянную пушкинским «Движеньем»:

Если в жизни застой обличитель найдет,
Ты на месте минуты не стой,
Но пройди по комнате взад и вперед
И спроси его: где же застой?

Я, кстати, не убежден в том, что сам Зенон, как пишет о нем тот же Пьер Бейль, «горячо выступал против существования движения». Прежде всего в этом заставляет усомниться бурная биография философа. Пытаться свергнуть тирана, выдержать пытку, прикинуться, будто согласен сообщить по секрету имени сообщников, в результате откусить узурпатору ухо — и все это как бы пребывая в неподвижности? Конечно, теория часто расходится с практикой, но не до такой же степени! Кроме того, по свидетельству античного автора, Зенон учил, что «природа всего сущего произошла из теплого, холодного, сухого и влажного, превращающихся друг в друга». Недвижное превращение? Тоже, знаете ли, неувязочка...

Ах если бы он и впрямь всего-навсего утверждал, что движения нет! К сожалению, Зенон Элеат доказал кое-что похуже: логика и здравый смысл — несовместимы. Наш главный инструмент познания, которым мы так гордимся, ни к черту не годен. Или, может быть, годен, но для другого мироздания.

Мышленья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой не понял — стал пред ним ходить.

Две с половиной тысячи лет истекло, а Ахиллес все никак не догонит черепаху...

Если враг не сдается и не уничтожается, к нему начинают подлизываться. И вот уже читаем в словаре следующий комплимент: «обнаруживающие необъяснимую для того времени диалектическую противоречивость движения». Это про них — про апории Зенона.

Даже Владимир Ильич Ленин — при его-то вере в мощь человеческого разума — вынужден был признать: «Вопрос не о том, есть ли движение, а о том, как его выразить в логике понятий».

Действительно, как?

Громоздят философы термин на термин, один другого краше да заумнее, а Ахиллес все бежит, бежит...

3

Бранить философию легко и приятно. Все равно что бранить интеллигенцию — никто не вступится. Даже обороняться не станет, поскольку это, согласитесь, не комильфо. С логикой, однако, такой номер не пройдет. Лица, главным своим достоинством почитающие именно логическое мышление, в уязвленном состоянии бывают не просто опасны, а весьма опасны. Сталкивался, знаю.

И тем не менее...

В руках у меня учебник логики для юридических вузов. Странное дело: такую относительно простую штуку, как равнономерное прямолинейное движение, мы (см. выше) в логике понятий выразить не можем, а путаницу человеческой жизни — пожалуйста! Но, с другой стороны, что тут странного? Логику-то как науку основал не кто-нибудь, а именно Аристотель, отмахнувшийся в свое время от неопровергнутых апорий Зенона.

Итак, учебник. С трепетом погружаемся в бездну премудрости. «Всякая мысль в процессе рассуждения должна быть тождественна самой себе». Натужно пытаюсь представить обратное. Тем не менее, если верить составителям, с помощью совокупности подобных приколов можно восстановить истинную картину происшествия и вычислить виновного.

Хотелось бы верить...

Если не ошибаюсь, Марк Твен первый высказал догадку, что все преступления, раскрытые Шерлоком Холмсом, были подстроены заранее самим великим сыщиком. Ладно, коли так. А ну как прав Антон Павлович Чехов, автор лучшего, в моем понимании, детектива всех времен и народов — рассказа «Шведская спичка»! Его вариант куда мрачнее и жизненнее: с помощью чистой дедукции двух подозреваемых прижали к стенке и уличили в убийстве, которого не было.

Дедуктивный метод требует жертв. Так что не стоит удивляться признанию американских юристов, будто в тюрьмах США содержится как минимум одиннадцать процентов совершенно невинных людей. Как минимум... Звучит пикантно. Сколько ж их сидит по максимуму?

«Лучшие русские юристы, — с уважением сообщает тот же учебник, — отличались не только глубоким знанием всех обстоятельств дела и яркостью речей, но и строгой логичностью в изложении и анализе материала, неопровержимой аргументацией выводов». Святые слова. Как тут не вспомнить нашумевший процесс Мироновича, когда три лучших русских юриста (Андреевский, Карабчевский, Урусов) неопровержимо аргументировали три взаимоисключающих вывода.

Мудры были наши пращуры, заставляя обвиняемого и обвинителя (или их доверенных лиц) сходиться в поединке: кто победил, тот и прав. Процент несправедливо осужденных останется приблизительно прежним, зато сколько времени сэкономишь!

4

Я бы рискнул определить Аристотелеву логику (в отличие от честной Зеноновой) как искусство примирения теории с практикой задним числом. Историческое событие или отдельное человеческое деяние сами по себе абсолютно бессмысленны. Логическую выстроенность они обретают только в словесном изложении. Вот и учебник местами проговаривается: «Выявить и исследовать логические структуры можно лишь путем анализа языковых выражений».

Кстати о языковых выражениях: сколько лет живу на свете, а с простым категорическим силлогизмом, не отягощенным учетверением терминов, в живой устной речи еще не сталкивался ни разу. Вдобавок создается впечатление, что, чем в меньшей степени речь поражена правилами логики, тем убедительнее она звучит.

— Давай (следует любое предложение)!

— Зачем?

— А просто!

И, как показывает практика, этот последний довод обычно бывает неотразим. Начнешь обосновывать — все испортить.

Мало того, злоупотребляя умозаключениями, рискуешь оказаться вне коммуникации. Приведу навскидку два примера.

Первый. Работая выпускающим областной газеты, я заподозрил однажды, что сменная мастерица наборного цеха воспринимает не столько смысл того, что я ей безуспешно пытаюсь втолковывать, сколько интонацию, с которой все это произносится.

Решил проверить. Подошел с отрешенным лицом, понизив голос, спросил:

— Люда, а ты знаешь, что угол падения равен углу отражения?

Вы не поверите, но она побледнела, всплеснула руками:

— Да ты чо-о?!

Через секунду сообразила — и сконфуженно засмеялась.

Другой случай: в каком-то застолье проникся ко мне уважением некий тинейджер колоссальных размеров. Подсел, завел беседу. Слушаю — и ничего не понимаю. Слова все знакомые, а мысль уловить не могу. Нету ее. Нетути.

Так оно впоследствии и оказалось. Какая там мысль! Титанический мальчуган всего-навсего старался употребить как можно больше «умных» слов, с тем чтобы я проникся к нему ответным уважением. Видимо, имела место попытка освоить язык иного социального статуса.

Не везет с собеседниками, говорите? Тогда послушайте, что сообщает Президент Международного общества прикладной психолингвистики Татьяна Слама-Казаку (Бухарест):

«...упомяну о некоторых высказываниях, лишенных научных оснований, но заставляющих размышлять о себе. Г. Тард (1922) приписывал изобретению слов эгоцентрические основания, считая, что язык создан ради праздной болтовни, или, по мнению О. Есперсена (1925), для выражения чувств, в частности, эротически-любовных; П. Жане (1936) решительно защищал утверждение, что язык изобретен индивидами, способными командовать, и до сих пор служит этой цели; Стуртеван (1947, 1948) считал, что основная функция языка — ложь. Ведущий румынский психолог М. Ралея (1949) высказывал мнение, что основным свойством человеческой психологии, а следовательно, и языка, является «симуляция».

А вы говорите: логика, логика...

5

Есть еще, правда, Наука (именно так — с прописной), но, обратите внимание, гуманитарные дисциплины, до сих пор использующие логику слова, а не логику формулы, мы за настоящие науки не держим — математики в них маловато. Что же касается точных наук, то не уверен, имеют ли они вообще отношение к человеческому мышлению и не являются ли переходной стадией к мышлению машинному.

Будучи по образованию гуманитарием, я привык относиться к математикам и физикам с паническим уважением. Так же, как к музыкантам. Они для меня вроде пришельцев, иной разум. Тем большую оторопь наводят высказывания ученых мужей, из которых явствует, что и точные науки с логикой, мягко говоря, не ладят.

«Эксперт — это человек, который совершил все возможные ошибки в очень узкой специальности». Нильс Бор.

«Фундаментальные исследования — это то, чем я занимаюсь, когда я понятия не имею о том, чем я занимаюсь». Вернер фон Браун.

«Фундаментальные исследования — примерно то же самое, что пускать стрелу в воздух и там, где она упадет, рисовать мишень». Адкинз Хоумер.

Вам не кажется, что во всех приведенных изречениях присутствует нечто от апорий Зенона? Особенно в последнем.

Да и сами логики сплошь и рядом не отказывают себе в удовольствии осмеять свое ремесло. Так, профессор Рэймонд М. Смаллиан с откровенным наслаждением цитирует глумливое определение Тербера, автора не читанного мной романа «Тринадцать часов»: «Поскольку можно прикоснуться к часам, не останавливая их, то можно пустить часы, не прикасаясь к ним. Это — логика, какой я ее вижу и понимаю».

Когда рассказывают о каком-либо открытии, речь почему-то всегда идет только об интуиции. «И гений, парадоксов друг». (Парадокс, напоминая, не что иное, как формально-логическое противоречие.) Менделеев даже имел мужество признаться, что периодическая таблица элементов есть результат дурного сна.

Серьезные ученые, как видим, позволяют себе относиться к науке скептически. Здоровый профессиональный цинизм. А вот недоучки, имя которым легион, за одну только осторожно высказанную мысль, что точные дисциплины тоже не слишком-то подвержены логике, могут схватиться за дреколье:

— Ка-ак это не подвержены? А мой компьютер! А мой «шестисотый»!

Они так гордятся прогрессом железяк, что можно подумывать, будто это их собственный прогресс.

Подозреваю, однако, что первый каменный топор скорее всего создавался без чертежей, расчетов и логических выкладок. Методом тыка. Ныне этот метод усовершенствован и носит имя глубоко научного тыка. Кроме того, не будем забывать, что техника занимается не столько познанием мира, сколько его покорением. Действительно, зачем познавать, если можно и так покорить? В крайнем случае уничтожить.

Нет мира — нет проблемы.

6

То, что человеческое мышление в логической своей ипостаси чуждо не только вселенной, в которой человек обитает, но и самому человеку, отрицать трудно. Об этом можно только забыть, чем мы, собственно, и занимаемся всю жизнь, пока смерть не придет и не напомнит.

Забавно: мышление наше чуждо даже самому себе. Кромешное самоопровержение, парадокс на парадоксе. «Мысль изреченная есть ложь», — сказал Тютчев, закрутив беличье колесо дурной бесконечности (получается, ложь ты изрек, Федор Иванович, да и я о твоей лжи тоже сейчас солгал).

Вот и Пиррон о том же...

Философия — заведомо неудачная попытка притереть разум к мирозданию. Не притирается.

Читатель, вероятно, уже решил, что дело клонится к очередному декрету национал-лингвистов — на сей раз об отмене формальной логики. Вынужден вас разочаровать: какой смысл отменять то, что мы используем только на экзамене по указанному выше предмету?

Нет, я всего-навсего хотел бы поделиться некой безумной догадкой, снимающей тем не менее все вопросы разом.

Что, если апории Зенона, как, впрочем, и остальные парадоксы логики, имеют нравственную подоплеку?

Судите сами: допустим, догонит Ахиллес черепаху. И что он с ней тогда сделает? Боюсь, ничего хорошего. Моральный облик Пелеева сына достаточно подробно дан в «Илиаде»: надругательство над трупом Гектора, припадки безудержного гнева, пренебрежение интересами Эллады ради личной выгоды, более чем подозрительные отношения с Патроком... И вот наш разум, цепenea при одной только мысли о дальнейшей судьбе медлительной рептилии, судорожно отодвигает беззащитную зверушку все дальше и дальше от преследующего ее убийцы и извращенца.

Здравый смысл беспощаден. Логика гуманна.

7

Да, но не означает ли это, что логическое мышление является инстинктивным отторжением мира с его жестокими и безнравственными законами? Ни в коей мере! Напротив. Неуклонное следование правилам есть, как известно, неотъемлемое свойство любой логики.

Стало быть, отнюдь не логика, но само мироздание нарушает предписанные ему законы, что и было доказано Зе-

ноном со всей очевидностью еще в пятом веке до Рождества Христова.

Наша вселенная по сути своей криминальна. В ней царит полный беспредел, освященный конформистской логикой Аристотеля, чей «Органон» являет собой позорный пакт с преступной окружающей действительностью.

Оглянитесь окрест себя. Разве не то же самое пренебрежение к законам мы наблюдаем сейчас в жизни социума? «Почему нельзя украсть? — недоумевает нормальный средний россиянин. — Никто же не видит! Могу — значит можно».

Неумышленно или осознанно, но он подменяет деонтическую модальность алетической, превращая тем самым благородный порядок логики в суетливый и алчный хаос здравого смысла.

Вот точно так же и с материей. «Почему нельзя? — спрашивает она себя. — Могу же...»

Возможно, все дело тут в размерах мироздания: за каждой молекулой не уследишь — и, пользуясь этим, они напропалую учиняют коллективное правонарушение, стыдливо именуемое броуновским движением частиц.

Материи не положено двигаться.

Тем не менее материя движется.

Когда-нибудь она за это ответит.

2004

Дмитрий Байкалов, Андрей Синицын

**ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КОНВЕНТАМ
ДЛЯ СТРАНСТВУЮЩИХ
И ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ**

Для развлечений это самое подходящее место. Большой интенсивности веселья достичь физически невозможно — разве что вставить в мозг постоянный стимулятор центра удовольствия.

Дуглас Адамс,
«Автостопом по Галактике»

Далеко-далеко, в стороне от центральных магистралей, в незамечаемых традиционно ориентированными картографами водах приютилась неприметная земля — Континент Фантастики.

Единственное, что по-настоящему всегда заботило представителей биоформы Континента, именовавших себя фэндомом, — как стать счастливее. Ведь большинство из них только и делали, что страдали. Одни никак не могли протолкнуть в журнал свой первый гениальный рассказ, другие были не в состоянии найти для прочтения хотя бы один текст, достойный их могучего интеллекта, третьи считали свои гонорары изрядно заниженными (по их мнению, все

ими честно заработанные деньги уходили на содержание любимчиков издателей, чьи книги печатались непомерными сотысячными тиражами, но почему-то расходились полностью, вплоть до последнего экземпляра, и зачем-то после этого допечатывались), четвертые мучились тем... пятые просто...

Для решения проблемы предпринималось множество попыток, но, несмотря на все усилия, цель по-прежнему оставалась недостижимой. День ото дня множились ряды тех, кто считал, что отцы-основатели совершили ошибку, «выбравшись из океана на фантастические берега». Некоторые особенно невыдержанные натуры бросались в воду, пытаясь вплавь добраться до Большой Земли, где их с удовольствием пожирали акулы пера и клавиатуры.

Наконец в один прекрасный день, в четверг после дождя, некто, сидя в одиночестве, вдруг додумался, в чем была вся загвоздка и каким образом мир можно превратить в обитель добра и терпимости.

До сих пор ни в одном издании — даже в претенциозной «Энциклопедии Континента» — об этом человеке не было сказано ни слова. Эту вопиющую несправедливость исправило издательство «Новая Космогония», выпустив долгожданный «Путеводитель по Конвентам для странствующих и путешественников». В нем о парне, который преобразил Континент, написано просто и ясно — на первой же странице: «Тот, кто придумал Конвент, был Гением». Однако достоинства книги этим не исчерпываются. Несмотря на неизбежные опечатки и непроверенные, основанные на слухах факты, «Путеводитель» позволяет любому жителю Континента обрести счастье и покой, если, конечно, тот будет следовать приведенным в книге рекомендациям.

Из «Путеводителя по Конвентам»

Обретение душевного равновесия на Конвенте проходит последовательно три этапа — выживание, познание и мудрость.

Сущность первого этапа можно свести к вопросу: «Боже, зачем я сюда приехал?» Второго — «Почему мне это нравится?». Третьего — «Когда же следующий Конвент?».

К сожалению, «Путеводитель» не рассказывает о том, где и когда прошел Первый Конвент. Зато нынешнее состояние дел описано подробно и со знанием дела.

Из «Путеводителя по Конвентам»

Для получения максимального удовольствия при минимальных затратах рекомендуется следующий основной маршрут: зима — «Роскон», весна — «Интерпресскон», лето — «Аэлита», осень — «Звездный мост».

Примечание: организаторы маршрута оставляют за собой право вносить в него любые изменения.

Авторы «Путеводителя», прекрасно отдавая себе отчет в том, что его влияние на умы жителей Континента будет значительным, разработали ряд правил, позволяющих исключить возможность злоупотреблений. Так эксперту, отвечающему за включение того или иного конвента в основной маршрут, строго-настрого запрещено получать любые премии, а также пользоваться льготами и скидками на вверенном ему участке работы, за исключением следующих случаев:

- а) если он честно пытался заплатить на общих основаниях, но его усилия были тщетны;
- б) если его жизни угрожает опасность;
- в) если очень хочется.

Поскольку перечисленные правила, как вы убедились, достаточно строги, в объективности указанного выше маршрута сомневаться не приходится.

Первой на страницах «Путеводителя» упоминается «Аэлита» как старшая по возрасту и по званию, а еще потому, что статьи в книге расположены в алфавитном порядке.

Из «Путеводителя по Конвентам»

«АЭЛИТА»

Основные сведения

Фестиваль фантастики «Аэлита» (г. Екатеринбург, бывший Свердловск). Старейший отечественный конвент — проходил

более двадцати раз. Под влиянием различных событий в стране неоднократно был под угрозой прекращения существования, однако каждый раз возрождался, аки феникс. Сейчас переживает очередной ренессанс.

Сроки проведения

Время проведения конвента неоднократно изменялось. Фестиваль собирал гостей и в марте, и в апреле, и в мае, и в июне. В последние годы его сроки привязаны к екатеринбургскому Дню города — в начале августа.

История

В конце семидесятых годов прошлого века флагманом отечественной НФ по праву считался свердловский журнал «Уральский следопыт». Вокруг него, точнее, вокруг его отдела фантастики, возглавляемого Виталием Бугровым, постепенно стали группироваться любители жанра — фэны. В 1980 году актив журнала, куда помимо Бугрова входили главный редактор Станислав Мешавкин, а также писатели Владислав Крапивин и Юрий Яровой, решил создать первую в СССР фантастическую премию. Идея получила одобрение в «верхах» — в Союзе писателей, — и уже в следующем, 1981 году в Свердловске прошло вручение приза «Аэлита». На церемонию в «Уральский следопыт» прибыли первые участники конвентов — из Свердловска и области, из соседней Перми.

В 1982 году количество прибывших возросло. Фэнам хотелось общения с такими же «желающими странного», как они сами, с писателями, с редакцией журнала — информация о конвенте распространилась среди клубов любителей фантастики (КЛФ) с огромной скоростью. Количество приезжающих ширилось... и тут разразился первый кризис, связанный с одиозным документом ЦК КПСС от 1984 года, фактически запретившим существование КЛФ. В 1985 году «Аэлита» прошла полуподпольно, не рассылая приглашений, а в 1986 году — вообще не состоялась.

Но в стране грянули перемены — и фестиваль возродился. С каждым годом в Свердловске собиралось все больше народа: на «Аэлите-90» было уже более тысячи участников. Однако экономические трудности девяностых годов сказались не

только на журнале «Уральский следопыт», но и на фестивале. Журнал переходил от владельца к владельцу, и новых хозяев уже интересовала не фантастика и даже не сам журнал, а лишь здание, принадлежавшее редакции. К тому же, вскоре после «Аэлиты-94», скончался ее бессменный организатор, выдающийся редактор, библиограф и литературовед Виталий Иванович Бугров. В результате в 1995-м и 1996 годах конвент не проводился.

И все-таки фестиваль вновь ожил! Появились спонсоры, был создан общественный фонд «Аэлита». Возглавил возрожденный конвент еще один энтузиаст, соратник Бугрова, Игорь Георгиевич Халымбаджа. К сожалению, за три дня до начала «Аэлиты-99» не стало и его. Но нашлись люди, которые подхватили начавшее было падать знамя первого отечественного конвента, и он обрел новую жизнь. Пусть в ином формате и изменив сроки проведения.

Оргкомитет

В настоящее время работу фестиваля обеспечивают два екатеринбуржца — писатель-фантаст Борис Долинго и журналист Евгений Пермяков. Огромную помощь им оказывают местные любители фантастики.

Премии

Все призы представляют собой произведения искусства — это композиции, выполненные из уральских самоцветов.

Приз «Аэлита», начиная с 1981 года, вручается писателям за вклад в фантастику. Лауреатом «Аэлиты» можно стать лишь единожды.

В 1987 году появился «Мемориальный приз имени Ивана Антоновича Ефремова», присуждаемый за выдающуюся организаторскую и просветительскую деятельность в области фантастики, а в 1989-м — приз «Старт» — за лучшую дебютную книгу года.

После смерти Виталия Ивановича Бугрова появился мемориальный приз его имени за редакторскую, библиографическую, литературоведческую и составительскую работу в области фантастики.

Пятым стал новый приз фестиваля «Орден рыцарей фантастики имени Игоря Георгиевича Халымбаджи», вручаемый

за развитие отечественного фэндомы. С 2004 года также вручается приз «ЕврАзия» — за освещение образа города Екатеринбурга и Урала в фантастических произведениях.

Современное состояние

Начиная с 2004 года, фестиваль благодаря уникальному расположению Екатеринбурга на границе двух частей света позиционируется как «Евроазиатский фестиваль фантастики». Количество участников в настоящий момент не очень велико, но многие писатели и фэны из восточных регионов страны появляются исключительно на этом конвенте.

Достопримечательности

В новейшей истории фестиваля организаторы взяли за правило приглашать в качестве почетного гостя известного зарубежного писателя. Уральский город уже посещали такие гранды, как Роберт Шекли и Майкл Суэнвик. Возрождается знаменитый аэлитовский СМА — семинар молодых авторов. В конце восьмидесятых через него прошли известные ныне мастера фантастики: Сергей Лукьяненко, Александр Громов, Владимир Васильев и другие.

Кроме традиционных семинаров, пресс-конференций, автограф-сессий и встреч с читателями, своеобразным ноу-хау конвента стал выезд участников к обелиску «Европа-Азия», где проходят «Пикник на обочине» и соревнование «Война миров» между фэнами из Европы и Азии.

Места проведения мероприятий, проживание и питание

Еще одной неременной составляющей фестиваля стала гостиница «Большой Урал», где участники селятся с самых первых «Аэлит». Несмотря на то что это сталинской застройки здание отнюдь не блещет удобствами — традиции есть традиции. Мероприятия фестиваля обычно проходят в разных местах — в библиотеках, в книжных магазинах, театрах и т.д. Оргвзнос с участников не берется. Питание и проживание гости конвента оплачивают самостоятельно.

Координаты

официальный сайт: <http://www.rusf.ru/aelita/>

Сухой текст статьи, конечно, не может передать всего очарования августовского Екатеринбурга, в пыльном мареве которого ларек с холодным пивом является вам как мираж в пустыне. У фэнов со стажем эта картина вызывает чувство легкой ностальгии по временам, когда красавица Аэлита встречала их с распростертыми объятиями. Ныне же ее томный взгляд предназначен, как правило, городским властям и зарубежным гостям. Любителям же фантастики остается лишь созерцать точеную фигурку марсианской принцессы, так сказать, со спины, что в общем-то тоже представляет собой вполне приятное зрелище. Впрочем, в современных условиях провести мероприятие подобного масштаба без поддержки города (со всеми вытекающими отсюда последствиями) представляется довольно проблематичным.

Хотя, надо отметить, прецедент существует, и существует довольно-таки длительное время, доказывая, что можно «не прогибаться под изменчивый мир». Речь — конечно, об «Интерпрессконе».

Из «Путеводителя по Конвентам»

«ИНТЕРПРЕССКОН»

Основные сведения

Конференция «Интерпресскон» ежегодно проводится под Санкт-Петербургом. Это самая заслуженная конференция на постсоветском пространстве. Ведь в 2004 году она прошла уже в пятнадцатый раз — и при этом, несмотря ни на какие политические пертурбации в стране, без столь любимого фэнами и профессионалами конвента ни один год не обошелся.

Сроки проведения

Основная черта «Интерпресскона» — его стабильность. Сейчас он всегда проходит в одни и те же сроки — с 4 по 7 мая, хотя в первые годы своего существования проводился в феврале.

История

В конце восьмидесятых годов, по причине отсутствия профессиональных журналов фантастики, в фэндоме получили

распространение их самиздатовские аналоги — фэнзины, которые выпускал практически каждый КЛФ. На «Аэлитах» и других конвентах стали проходить семинары по так называемой фэн-прессе. На этих семинарах встречались и обменивались опытом самодеятельные издатели любительских журналов — фэнзины. Многие из тогдашних фэнзинеров стали сейчас известными журналистами, редакторами, писателями. Явление в те времена получило такой размах, что назрело решение выделить встречи фэнзинеров в самостоятельный конвент. Инициативу провести подобную конференцию выдвинул председатель ленинградского КЛФ «МИФ-ХХ» Александр Сидорович и редактор фэнзина «СИЗИФ» Андрей Николаев (ныне известен как писатель Андрей Легостаев).

В феврале 1990 года в ленинградском Дворце молодежи был проведен «Первый всесоюзный семинар по фэн-прессе», или «Фэнзинкон». На него съехались почти все ведущие издатели фэнзинов, редакторы страничек КЛФ в местных газетах, начинающие писатели и критики — всего числом около шестидесяти.

Однако ситуация в стране менялась, появлялись новые журналы, газеты — и все больше фэнов уходило в профессионалы, фэнзины прекращали свое существование. И следующий конвент Сидорович с Николаевым решили сделать по классическим западным образцам — чтобы могли участвовать как профессионалы, так и фэны, чтобы рабочие мероприятия совмещались с развлекательными, с обязательным вручением НФ-премии и т.д. Серьезную поддержку при организации конференции нового типа оказал Б.Н. Стругацкий. Он же стал вручать свою персональную премию «Бронзовая улитка» — одну из самых престижных.

С 1991 года конвент получил название «Интерпресскон», что можно расшифровать как «Международная конференция по НФ-прессе». С 1994 года появилась и одноименная премия, вручаемая по результатам голосования участников конвента. Надо сказать, что именно «Интерпресскон» заложил основу многих крупных отечественных конвентов, ибо их организаторы непременно пользовались методикой проведения мероприятий и традициями, возникшими на питерском слете. Достаточно сказать, что еще один питерский конвент — «Странник» (официальное название «Конгресс фантастов Рос-

сии») — это «отпочковавшийся» от «Интерпресскона» сегмент: первые премии «Странника» вручались именно на «Интерпрессе» — так принято в фэндоме сокращенно именовать конференцию. Иногда еще ее неофициально называют «Сидоркон» — в честь бессменного организатора Александра Сидорича.

Каждый год под Питером собираются пообщаться, поработать, отдохнуть писатели и критики, фэны и редакторы, журналисты и кинорежиссеры. Многие из них уже не мыслят майских праздников без поездки в Питер. Число участников колеблется в разные годы от ста до двухсот.

Оргкомитет

Главный «мотор» конвента — Александр Сидорович. Андрей Николаев ныне отошел от дел. В оргкомитет входит достаточно много известных людей из Санкт-Петербурга, в том числе и Борис Натанович Стругацкий.

Премии

Основные премии: «Бронзовая улитка» (представляет собой бронзовую скульптуру улитки, ползущей по склону) и «Интерпресскон» (каменный куб на подставке, напоминающей манипулятор фантастического робота).

С недавнего времени на конвенте вручается премия «Русская фантастика» (искривленная в пространстве клавиатура, выполненная из металлического сплава, и значок с бриллиантом), присуждаемая по результатам голосования посетителей одноименного сервера.

Долго существовавшая самостоятельно премия за научно-просветительскую деятельность им. А. Беляева, или «Беляевская премия», с некоторых пор также вручается в рамках «Интерпресскона».

В 2004 году безвременно покинула фэндом шуточная премия неформальной фэн-группы «Мертвяки» — «За лучшее литературное убийство Ю. Семяцкого».

Современное состояние

Появление значительного количества новых конвентов, большинство из которых исповедуют принципы организации, заложенные «Интерпрессконом», несколько снизило интерес

фэндоме к питерскому слету. Стабильность и дань традициям имеют и свои отрицательные стороны. Поэтому оргкомитетом предпринимаются попытки оживить конвент новыми мероприятиями: проходят кинопоказы, отдельными пунктами в программе появляются дискуссии по самым животрепещущим и острым темам современной фантастики и околофантастической жизни.

Достопримечательности

Помимо семинаров, докладов и вручения премий проводятся и развлекательные мероприятия: концерты, фуршеты, банкет. Главное ноу-хау — пикник для всех участников на берегу Финского залива с потреблением жареной корюшки, шашлыков, открытием купального сезона, фейерверком, принятием новых членов в группу «Мертвяки» и прочими прелестями неформального общения — на весеннем балтийском берегу, среди дюн и сосен.

Кроме того, «Интерпресскон» — единственное место, где простые смертные могут познакомиться и пообщаться с живым классиком нашей фантастики Б.Н. Стругацким.

Места проведения мероприятий, проживание и питание

Одним из основных достоинств конвента является компактность проживания и проведения мероприятий. Участники селятся в одном из пансионатов под Питером (в 2003-м и 2004 годах это был пансионат «Буревестник» в Репино), там же питаются. Все мероприятия, кроме пикника, можно посетить, не выходя из здания. Наличие круглосуточного бара лишь оживляет неформальное общение гостей конвента. Ведь не секрет, что большое количество посетителей конвентов приезжают не ради фуршетов и премий, а исключительно для того, чтобы пообщаться с «братьями по крови» из других городов и регионов. Оргвзнос включает в себя все, за исключением бара.

Координаты

официальный сайт: <http://www.rusf.ru/interpresscon/>

электронная почта: interpresscon@rusf.ru

фоторепортажи: www.convent.ru

Как следует из приведенной в статье информации, «Интерпресскон» является типичным конвентом, который делается друзьями для друзей. Он не декларирует никаких пафосных лозунгов вроде «Фантастика спасет мир» или «Фантастика — это литература... плюс драконы и звездолеты», он просто помогает людям по-настоящему расслабиться.

В связи с этим хочется рассказать об интересном наблюдении, сделанном одним из экспертов «Путеводителя». Он как-то побывал на двух конвентах подряд. Причем первый позиционировался как мероприятие фэндомов, а второй — как городское. На первый участники добирались самостоятельно, гостиница — гадючник, питание — тошнеловка, программа — отсутствовала в принципе, но все были довольны, бодры и веселы. На втором транспорт — автобус «Мерседес», номера — люкс, питание — в ресторане, программа — насыщенная, а участники уныло ковыряли свои бифштексы с кровью, хмуро запивая их водкой «Русский стандарт». В результате первый конвент попадает в основной маршрут, а второй — лишь в раздел «специальные предложения». «Парадокс», — скажете вы. «Тенденция», — ответим мы.

Единственным, пожалуй, конвентом, в котором удалось гармонично соединить городской масштаб с душевностью «вечеринки для своих», в последние годы стал «Звездный мост».

Из «Путеводителя по Конвентам»

«ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ»

Основные сведения

Ведущий украинский конвент. Проходит в Харькове. Близость к границе с Россией и давние контакты фэндомов России и Украины делает «Звездный мост» главным осенним фантастическим мероприятием и для россиян, а также для многочисленных гостей из ближнего и дальнего зарубежья.

Сроки проведения

Сроки проведения конвента традиционны — середина сентября, с четверга по воскресенье.

История

В советское время харьковский фэндом был одним из самых мощных в стране. Достаточно сказать, что именно в Харькове был создан один из первых КЛФ. Затем его неоднократно закрывали, и окончательно он возродился лишь в конце восьмидесятых годов.

А в конце девяностых декан физического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина Николай Макаровский, писатели Александр Золотько, Дмитрий Громов, Олег Ладыженский и другие члены КЛФ «Контакт» решили организовать фестиваль фантастики — ведь к тому времени на Украине уже несколько лет не проводилось ни одного серьезного конвента.

Первый «Звездный мост» был проведен в октябре 1999 года на базе ХНУ. Организаторы декларируют главный принцип — фестиваль должен быть рабочим. Участники конвента должны не только «вариться в собственном соку», но и «выходить в люди». Во время фестиваля организуются десятки встреч с местными читателями, выезды в образовательные учреждения города и области, выступления по радио и телевидению. Фестиваль работает на город, и город отвечает ему взаимностью. Поддержка городских и областных властей весьма способствует развитию конвента — практически каждый следующий фестиваль по уровню организации и по творческому наполнению превосходит предыдущий.

Оргкомитет

Кроме упоминавшихся выше членов оргкомитета Н. Макаровского — председатель, Г.Л. Олди, А. Золотько, проводить фестиваль помогают многочисленные добровольцы — члены клуба «Контакт», творческой мастерской «Второй блин», мужественные студенты и очаровательные студентки ХНУ, а также местные писатели-фантасты. С недавних пор в состав оргкомитета вошел известный харьковский меценат Арсен Аваков.

Премии

Основные премии фестиваля «Золотой Кадуцей» и «Серебряный Кадуцей» представляют собой небольшие скульптуры авторской работы, изображающие двух змей, обвива-

ющих магический жезл. Вручаются «Кадуцей» за лучший роман, за книжный сериал, за дебютную книгу и за критические работы, собравшие наибольшее число голосов участников конвента.

Из множества других оригинальных призов стоит выделить «Портрет Дориана Грея» — художнику-иллюстратору, приз за лучшую НФ-эпиграмму, а также приз «Философский камень» (большой искусственный рубин) за вклад в фантастику.

Современное состояние

В настоящий момент конвент стремительно развивается, появились серьезные спонсоры. Достаточно сказать, что премии за 2003 год имели денежное содержание. Юбилейный, пятый конвент организаторы сделали более развлекательным, однако планируют в дальнейшем не сходить с проторенной стези — оптимальное сочетание рабочих мероприятий с увеселительными.

Достопримечательности

Проводятся многочисленные секции, семинары, дискуссии, концерты, телемосты. Из ноу-хау конвента — театрализованное открытие, выставки жанровых художников, турнир по пейнтболу «НФ против фэнтези», загородный пикник с полевой кухней, а также красочный фейерверк в центре города.

Места проведения мероприятий, проживание участников

Гости фестиваля размещаются в одной или нескольких гостиницах Харькова (обычно это «Турист» — на одной из окраин и «Харьков» — в центре города), там же, за исключением особых случаев (банкет), питаются. Мероприятия проводятся в самых различных местах — в Харьковском национальном университете, в книжных магазинах, иногда на открытом воздухе (пейнтбол, фейерверк, пикник). Между местами проведения курсируют специальные автобусы, в которых, впрочем, иногда не хватает мест, и участникам приходится добираться самостоятельно. Оргвзнос, включающий в себя все, как правило, несколько ниже аналогичных российских.

Координаты:

официальные сайты: www.rusf.ru/star, www.star-bridge.org

фоторепортажи: www.convent.ru

Харьков ранней осенью, надо сказать, чрезвычайно симпатичное место. В Москве уже идут холодные дожди, в Петербурге — затяжные, а здесь природа отдает людям накопленное за лето тепло, и гости конвента практически купаются в нем. «Звездный мост» предоставляет возможность сделать последний глоток солнца перед тем, как уйти на зимние квартиры, до встречи в прихваченной легким морозцем Москве, на «Росконе».

По непроверенной информации, первоначально «Роскон» не планировался для включения в основной маршрут. Довольно трудно найти человека, будь он трижды экспертом «Путеводителя», согласившегося за свой счет прожить в обнимку с дядькой Кондратием несколько дней на занесенной снегом и продуваемой злыми северными ветрами турбазе. Конечно, зимний конвент лучше проводить в южном полушарии или, на худой конец, в Ялте или Сочи. Но таковые обнаружить сотрудники «Путеводителя», при всем желании, не сумели и потому остановились на Москве. О чем потом, как жена Сталкера, никогда не жалели.

Из «Путеводителя по Конвентам»

«РОСКОН»*Основные сведения*

Самый представительный и многочисленный российский НФ-конвент. Проходит ежегодно в одном из подмосковных домов отдыха.

Сроки проведения

День заезда гостей — второй четверг февраля. Длительность — с четверга по воскресенье.

История

Ситуация сложилась так, что долгие годы конвенты проходили где угодно, только не в Москве, несмотря на очевидные, казалось бы, преимущества подобного места проведе-

ния. Москвичи с удовольствием посещали другие города, но организовать собственное мероприятие никак не получалось.

Наконец, на границе тысячелетий, возникла инициативная группа. В нее вошли около десяти человек, хорошо известных в фэндоме, кроме того, существенную помощь будущему конвенту оказали известные писатели Кир Булычев, Владимир Михайлов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев. Параллельно разрабатывалась идея новой литературной премии — наиболее демократичной на постсоветском пространстве*. Организаторы, сами побывавшие не на одном десятке отечественных и зарубежных конвентов, постарались использовать уже имеющийся опыт и интегрировать в новый конвент все самое лучшее.

В связи с тем, что среди участников «Роскона» присутствует немало людей, профессионально занятых в фантастике, большая часть его мероприятий — рабочие. Хотя развлекательная часть также присутствует. В каждый момент времени параллельно проходят несколько семинаров, мастер-классы, кинопоказы и т.д., поэтому у гостей всегда имеется выбор — куда пойти.

Оргкомитет

В рабочий оргкомитет входит более полудюжины человек. Координирует работу Олег Колесников. Серьезное участие в работе оргкомитета принимает Сергей Лукьяненко.

Премии

Основные премии конвента — «Золотой Роскон», «Серебряный Роскон» и «Бронзовый Роскон» — представлены в виде металлических статуэток, изображающих Георгия Победоносца, повергающего копьём змея. Вручаются они по итогам двухтурового голосования участников за прозаические произведения разных форм и критико-публицистические работы.

Специальная премия — «Большой Роскон» — присуждается оргкомитетом за выдающиеся заслуги перед фантастикой.

* Подробнее о современных отечественных литературных премиях см. статью «Истина где-то рядом» в сб. «Фантастика-2002», вып. 1».

Приз «Фантаст года» получает писатель, чьи книги, согласно опросу ведущих российских книготорговых сетей, являются самыми продаваемыми.

Приз «Алиса» вручается за лучшее фантастическое произведение для детей и подростков. Ранее судьбу этой премии решала комиссия под председательством Кира Булычева. После смерти писателя комиссию возглавила его вдова Кира Сошинская. А премия стала официально называться «Премия «Алиса» им. Кира Булычева».

Современное состояние

В данный момент на самый популярный отечественный конвент съезжается более трехсот официальных участников. И их количество постоянно растет. В 2004 году только писателей присутствовало почти сто человек.

Самая большая сложность для организаторов — проводить такое количество мероприятий, чтобы охватить интересы всех прибывших на конвент. Поэтому, стараясь следовать хоть и недолгим, но уже устоявшимся традициям «Роскона», оргкомитет тем не менее старается каждый год придумывать что-то новое.

Достопримечательности

Проводятся семинары по основным тематикам жанра, пресс-конференции, концерты, фуршет, банкет.

Из ноу-хау «Роскона» следует выделить киносеминар, на котором в течение трех дней проходят показы малоизвестных широкой публике фантастических фильмов, встречи с известными режиссерами и актерами, предпремьерные показы отечественных фильмов, доклады о состоянии современного НФ-кинематографа.

Особое внимание организаторы уделяют молодым писателям. Для них проводятся мастер-классы, на которых известные и популярные современные фантасты разбирают заранее присланные рукописи начинающих авторов, делятся некоторыми творческими секретами, объясняют политику взаимодействия с издательствами. (Впрочем, с издателями молодые авторы могут встретиться на специальном мероприятии.) По результатам каждого мастер-класса объявляются произведе-

ния-победители, которые потом публикуются в ежегоднике, выходящем по итогам конвента.

Из развлекательных мероприятий фирменным знаком стала НФ-дискотека, следующая сразу за пивным пати, а также упражнения на свежем зимнем воздухе — лыжи, коньки, шашлык на морозе, купание в проруби.

Места проведения мероприятий, проживание и питание

Конвент исповедует принцип «компактности» — все мероприятия проводятся в том же месте, где зарегистрированные участники живут и питаются. Оргвзнос включает в себя все, в том числе трансфер участников.

Координаты

официальные сайты: www.convent.ru, www.rusf.ru/roscon

«Роскон» самый молодой из входящих в основной маршрут конвентов. В связи с чем он, хочет того или не хочет, сконцентрировал в себе все их достоинства и недостатки. Любой, посетив его и сделав поправку на время и место проведения, легко может представить себе, что его ждет на трех других конвентах «большого шлема».

Если же вышеозначенному туристу не хватает впечатлений или он желает чего-нибудь особенного, «Путеводитель» может предложить ему дополнительные услуги.

Из «Путеводителя по Конвентам»

Специальные предложения

- Для знатоков компьютерных игр, украинской кухни и пива «Оболонь» — Ассамблея «Портал». Международный фестиваль фантастики. Киев. Апрель.

Координаты: <http://www.interportal.info/>

- Для фанатов творчества Лоис Макмастер Буджолд, называющих друг друга не иначе как с приставкой «фор», — «Форкон». Подмоскowie. Апрель.

Координаты: http://lavka.lib.ru/bujold/!buj_vorcon.htm

- Для любителей весенней московской неустойчивой погоды и журнала фантастики «Если» — Московский форум фантастики «Сигма-Ф». Москва, последняя неделя апреля.

Координаты: <http://www.rusf.ru/esli>

- Для желающих странного времяпрепровождения на единственном банкете по поводу вручения приза — «АБС-премия». Санкт-Петербург, 21 июня (день равностоящий от дней рождения братьев Стругацких).

Координаты: <http://litbkcenter.tripod.com/abs.htm>

- Для страждущих узнать мнение критиков о современном фантастическом процессе — «Филигрань». Москва, конец августа

Координаты: <http://www.rusf.ru/esli>, avanta@avanta.ru

- Для предпочитающих Dolce Vita, модную литературу и фантастику в стиле mainstream — «Странник». Конгресс фантастов России. Санкт-Петербург. Конец сентября — ноябрь.

Координаты: <http://www.rusf.ru/strannik/>

- Для поклонников Толкина вообще и ролевых игр в частности — «Зиланткон». Самое массовое на сегодняшний момент мероприятие, связанное с фантастикой, на всем постсоветском пространстве. Казань. Начало ноября.

Координаты: <http://zilant.konvent.ru/>

Для особо продвинутых клиентов в «Путеводителе» содержались сведения о совершенной экзотике, но они были изъяты цензурой как несоответствующие положениям закона «О запрете пропаганды насилия, порнографии и национальной розни». Впрочем, эти статьи были изданы отдельной брошюрой и продаются в специально отведенных для этого местах.

Несомненно, «Путеводитель по Конвентам для странствующих и путешествующих» станет незаменимым спутником для всех тех, кто попытается найти в бесконечно сложной и запутанной жизни Континента хоть какую-нибудь систему.

Однако следует принимать во внимание и тот факт, что адекватность «Путеводителя» реальности — не более чем декларация. Причем в случае значительного несоответствия ошиб-

ку следует искать в окружающей действительности, поскольку «Путеводитель» всегда прав. Хотя какое значение могут иметь такие мелочи, когда люди наконец-то соприкоснулись с теми вечными ценностями, которые позволяют любому жителю Континента пусть всего на несколько дней в году, но стать счастливыми.

Из «Путеводителя по Конвентам»

Если вы хотите, чтобы сведения о вашем конвенте были размещены в нашем «Путеводителе», обращайтесь по адресу: Континент Фантастики, издательство «Новая Космогония», заведующему отделом экспертиз. Цена договорная.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НФ-премии 2004 года

«РОСКОН» (12—15 февраля)

Приз «Алиса» присужден Киру Булычеву за роман «Убежище».

Премия «Фантаст года» получил Ник Перумов.

Премия «Большой Роскон» вручена Евгению Львовичу Войскунскому.

В номинации «Роман»:

«Золотой Роскон» — «Пандем» Марины и Сергея Дяченко;

«Серебряный Роскон» — «Свет в окошке» Святослава Логинова;

«Бронзовый Роскон» — «Война за «Асгард» Кирилла Бенедиктова.

В номинации «Повесть, рассказ»:

«Золотой Роскон» — повесть «К-10» Олега Дивова;

«Серебряный Роскон» — повесть «Корабельный секретарь» Александра Громова;

«Бронзовый Роскон» — рассказ «Хомка» Леонида Каганова.

В номинации «Фантастиковедение»:

«Золотой Роскон» — статья «Диалоги при полной луне» Дмитрия Байкалова и Андрея Синицына;

«Серебряный Роскон» — цикл очерков «Падчерица эпохи» Кира Булычева;

«Бронзовый Роскон» — книга «На экране — чудо» Евгения Харитонов и Андрея Щербака-Жукова.

«ПОРТАЛ» (15—18 апреля)

«Гран-при» присужден Геннадию Прашкевичу за роман «Кормчая книга».

Лучшая повесть — «Чушь собачья» Евгения Лукина.

Лучшая книга украиноязычной фантастики — «Мальва ланда» Юрия Винничука.

Лучшая работа в области фантастиковедения — «Падчерица эпохи» Кира Булычева.

Приз «Бомба года» от украинских книготорговых сетей за самый продаваемый роман, — «Сумеречный Дозор» Сергея Лукьяненко.

«СИГМА-Ф» (27—28 апреля)

Мемориальная премия им. Кира Булычева за пропаганду гуманистических идей в фантастике присуждена Марине и Сергею Дяченко за роман «Пандем».

Призы «Сигма-Ф»:

Лучший роман — «Бессильные мира сего» С. Витицкого;

Лучшая повесть — «Зоопарк» Марины и Сергея Дяченко;

Лучший рассказ — «Сила трения качения» Александра Громова.

«ИНТЕРПРЕССКОН» (4—7 мая)

Приз «Бронзовая улитка»:

«Война за «Асгард» Кирилла Бенедиктова (крупная форма);

«Белый мамонт» Геннадия Прашкевича (средняя форма);

«Хомка» Леонида Каганова (малая форма).

«Падчерица эпохи» Кира Булычева (критика, публицистика, литературоведение).

Премия «Интерпресскон»:

«Бессильные мира сего» С. Витицкого (крупная форма);

«Чушь собачья» Евгения Лукина (средняя форма);

«Хомка» Леонида Каганова (малая форма);
«Падчерица эпохи» Кира Булычева (критика, публицистика, литературоведение);
«Вариант «Бис» Сергея Анисимова (дебютная книга);
«Атланты» Олега Овчинникова (сверхкороткий рассказ);
Яна Ашмарина (иллюстрации к книге);
Владимир Бондарь (оформление обложки);
«Эксмо» (лучшее издательство).
Премия «Русская фантастика» — «Бессильные мира сего»
С. Витицкого

«АБС-ПРЕМИЯ» (21 июня)

Роман «Орфография» Дмитрия Быкова (художественная проза).

Цикл очерков «Падчерица эпохи» Кира Булычева (критика и публицистика).

«АЭЛИТА» (28—31 июля)

Премия «Аэлита» — Василий Головачев.

Премия им. И. Ефремова — Александр Шалганов.

Премия им. В. Бугрова — Юрий Зубакин.

Премия «Старт» — Алексей Иванов.

Премия «ЕврАзия» — Борис Долинго.

Орден рыцарей фантастики им. И. Халымбаджи — Геннадий Прашкевич.

«ФИЛИГРАНЬ» (28 августа)

Лучший роман — «Бессильные мира сего» С. Витицкого.
Лучшая повесть — «Эпоха великих соблазнов» Олега Дивова.

Лучший рассказ — «Сила трения качения» Александра Громова.

«ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ» (16—19 сентября)

Приз «Философский камень» за выдающиеся заслуги перед Ее Величеством Фантастикой присужден Марине и Сергею Дяченко.

В номинации «Роман»:

«Золотой Кадуцей» — «Ночной смотрящий» Олега Дивова;

«Серебряный Кадуцей» — «Антарктида online» Александра Громова и Владимира Васильева;

«Бронзовый Кадуцей» — «Варан» Марины и Сергея Дяченко.

В номинации «Сериал»:

«Золотой Кадуцей» — «Сумеречный Дозор» Сергея Лукьяненко;

«Серебряный Кадуцей» — «Портрет кудесника в юности» Евгения Лукина;

«Бронзовый Кадуцей» — «Лик Черной Пальмиры» Владимира Васильева.

В номинации «Дебютная книга»:

«Золотой Кадуцей» — «Семь грехов» Олега Овчинникова;

«Серебряный Кадуцей» — «Рубин Карашэхра» Елены Бычковой и Натальи Турчаниновой;

«Бронзовый Кадуцей» — «Граница миров» Ирины Ясиновской.

В номинации «Критика, публицистика, литературоведение»:

1-е место — доклад «Наконец-то литература!» Андрея Шмалько;

2-е место — статья «В ожидании Его» Дмитрия Байкалова и Андрея Синицына;

3-е место — статья «Дело о поисках истины» Василия Владимировского.

Москва — Харьков, 10—20 сентября 2004 года

Сергей Лукьяненко

УДАЧИ В НОВОМ ГОДУ!

Чего только не придумывают люди, пытаясь подманить к себе поближе Синюю Птицу счастья! Особенно много обычаев связано с Новым годом. Вот в России, к примеру, достаточно отдать все долги и с двенадцатым ударом кремлевских курантов выпить бокал шампанского.

А как обстоит дело в других странах?

В солнечной Испании почему-то требуется под бой часов проглатывать по виноградине (испанцам еще повезло, что гордостью их страны является виноградное вино, а не яблочный сидр). В не менее теплой и любящей вино Италии виноградом зазря не разбрасываются, зато под Новый год выкидывают старую одежду, обувь и, говорят, даже мебель. Немецкие новогодние обычаи вовсе не столь расточительны, выбрасывать ничего не приходится. Говорят даже, что хорошим немецким новогодним обычаем является съездить на Новый год в Италию и подобрать все, что валится из окон. Но зато уже больше шестидесяти лет плохой приметой в Германии считается ездить зимой в Россию, особенно без визы и в мундире.

В веселой стране Франции хорошей приметой является под бой часов вспомнить все амурные приключения за прошлый год. Вдвойне хорошая примета — не успеть все вспомнить. Это гарантирует интересную и насыщенную жизнь в Новом году.

У наших ближайших соседей, а когда-то и соотечественников финнов до недавнего времени было принято перед Новым годом сходить в баню, а потом съездить в Санкт-Петербург. Увы, с вступлением в Евросоюз и снижением цен на водку в Финляндии этот красивый обычай остался в прошлом.

Свои традиции и у наших прибалтийских соседей. В Латвии, Литве и Эстонии принято громко считать до двенадцати, пытаясь успеть за ударами часов. Те, кто отстал не более чем на три-четыре удара, считаются счастливыми. Интересно, что в Литве для ускорения разрешено считать по-русски, а вот в Латвии и Эстонии это считается крайне неудачным предзнаменованием.

Украинские обычаи последнее время все более и более тяготеют к европейским. К сожалению, обычай под бой курантов съесть или хотя бы поднадкусывать двенадцать кусков сала так и не прижился. Зато существует верная примета — если в кранах есть горячая вода, а батареи — теплые, то следующий год сложится удачно.

Белорусские обычаи также отличны от русских, в основном — в сторону большей вежливости. К примеру, с Новым годом надо поздравить друг друга как минимум дважды, а потом уважить праздник и поздравить друг друга еще и третий раз.

Молдавские обычаи почти полностью совпадают с испанскими — надо съесть двенадцать виноградин. Есть лишь одно отличие — удача придет к тому, кто при этом ни разу не скривится.

В Швеции до сих пор считается хорошей приметой увидеть в новогоднюю ночь пролетающего Карлсона.

Теперь перейдем из Европы в Азию и начнем с наших бывших соотечественников.

В Туркмении хорошим тоном является поблагодарить правительство за наступление Нового года.

В Казахстане вот уже несколько лет считается счастливой приметой что-нибудь перенести под Новый год. Правительство, как правило, переносит самые тяжелые вещи — к примеру, столицу государства. Простые граждане обычно переносят реформы.

Таджикистан своих обычаев пока не выработал.

Китайские обычаи, как правило, не индивидуальные, а коллективные. Очень хорошей китайской приметой является

увеличение за прошедший год территории страны. Еще более хорошей — уменьшение населения. Из известных индивидуальных китайских обычаев очень благоприятной считается встреча Нового года в Чайна Тауне в Нью-Йорке.

Похожие обычаи существуют и в Индии. Добрым знаком является наличие в доме риса. Плохим знаком — отсутствие риса.

Самая хорошая японская примета — получить под Новый год больше поздравлений, чем разослал сам.

Коснемся немного и американских обычаев.

В Мексике и Бразилии благоприятной приметой считается, если в последний день уходящего года вся семья соберется вместе, кто-нибудь, страдающей амнезией, внезапно все вспомнит, коварная невестка, весь год ссорившая семью, раскается, а у главы семьи найдется потерянный давным-давно ребенок, уже успевший вырасти и стать миллионером.

В США счастье непременно придет к тому, кто сумеет в новогоднюю ночь назвать пять любых иностранных государств, не считая Франции и Великобритании, рассказать на память таблицу умножения и вспомнить, кто с кем воевал во Вторую мировую войну.

Не менее интересные обычаи существуют не только у граждан разных государств, но и у представителей разных профессий.

К примеру, у астрономов считается хорошей приметой в новогоднюю ночь закрыть какую-нибудь звезду, неосторожно открытую коллегами, доказав, что это вовсе не звезда и не астероид, а пылинка на объективе.

Традиционный обычай врачей — выписать из больницы как можно больше пациентов, объявив их здоровыми. Особенно большую удачу это сулит тем врачам, которые будут дежурить в новогоднюю ночь.

У работников детских садов тоже есть своя примета. Если тридцать первого декабря удастся раздать всех детей родителям, то встречать Новый год можно будет дома.

Очень красивый обычай практикуют в Новый год сотрудники ГАИ. Пока бьют куранты, надо успеть остановить двенадцать машин, а потом найти нарушения у всех водителей. Если это удастся, то счастье в будущем году обеспечено.

Космонавты обычно гадают под Новый год на фотографиях Юрия Гагарина. Берутся несколько фотографий, на одних Гагарин улыбается, а на других хмурится. Фотографии тасуются, и одна вытягивается наугад. Если это фотография с веселым Гагариным, то в будущем году есть шанс слетать в космос.

Обычаи дворников просты и прагматичны. Если в Новый год идет снег или дождь — то будет много работы. Если же стоит холодная, но сухая погода, то удастся отдохнуть.

Традиционный обычай программистов — в новогоднюю ночь зайти на двенадцать порносайтов. Если в компьютере после этого не заведется ни одного вируса, значит, работа в Новом году будет спориться.

Ну и наконец, самая известная писательская примета. Если тебя попросили написать эссе в новогодний номер популярного журнала, значит, год прошел удачно!

Содержание

РАССКАЗЫ

Сергей Лукьяненко. УДАЧИ В НОВОМ ГОДУ!	7
Сергей Лукьяненко. ЖИВИ СПОКОЙНО	13
Сергей Лукьяненко. ВСЯ ЭТА ЛОЖЬ	23
Владимир Васильев. ИСПОВЕДЬ ЗАВЕДОМОГО СМЕРТНИКА	33
Борис Руденко. ПРОЕКТ «СТАТИС»	36
Алексей Пехов. ДОЖДЬ	63
Андрей Павлухин. САЛЬТО НАД АЛЮМИНИЕВЫМ ЛЕСОМ	84
Михаил Харитонов. НЕВЕСТА	111
Евгений Малинин. ДОЗА	144
Макс Олин. ИЕРОГЛИФ КАЛЬВИНА	181
Сергей Герасимов. ТОННЕЛЬ	203
Наталья Егорова. ПУШИСТИК	228
Игорь Ревва. САФАРИ	252
Владимир Баканов. ИРЭН	262
Владимир Баканов. ОРЕХОВЫЙ ТОРТ С СЕЛЕДОЧНОЙ НАЧИНКОЙ	266
Владимир Баканов. ЧЕРНОЕ ЧУДОВИЩЕ	270
Леонид Каганов. ДЕНЬ СВЕРЧКА	276
Сергей Чекмаев. СПАСИБО, МЫ САМИ	297
Евгений Лукин. ЗВОНОЧЕК	309
Алексей Корепанов. СПАСИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	316

ПОВЕСТИ

Владимир Михайлов. РЕШЕНИЕ НОМЕР ТРИ	323
Юрий Манов. Я И ПРОЧИЕ БОГИ ЭТОГО МИРА	385
Святослав Логинов. ТЕНИ БОЛЬШОГО ГОРОДА	428

О ФАНТАСТИКЕ И НЕ ТОЛЬКО

Сергей Снегов. ФЕНОМЕН ФАНТАСТИКИ	477
Евгений Лукин. В ЗАЩИТУ ЛОГИКИ	505
Дмитрий Байкалов, Андрей Сеницын. ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КОНВЕНТАМ ДЛЯ СТРАНСТВУЮЩИХ И ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ	515
Сергей Лукьяненко. УДАЧИ В НОВОМ ГОДУ!	537

Книги издательской группы АСТ вы можете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1,
Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

**129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10**

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Фантастика 2005

Сборник

Художественный редактор О.Н. Адашкина
Компьютерный дизайн: С.В. Шумилин
Компьютерная верстка: М.В. Пащенко
Технический редактор Т.В. Сафаришвили
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

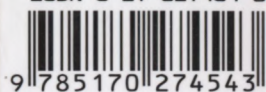
ОАО «ЛЮКС»
396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

При участии ООО «Харвест».
Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.04.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

ISBN 5-17-027454-8

9 785170 274543

По выжженной древней катастрофой земле
бредет человек, жизнь свою положивший на то,
чтобы НАЙТИ другого человека... ЗАЧЕМ?

Мир, в котором боятся гигантских пауков-шату-
нов, сдают экзамены на смелость и скорость
в борьбе с дикими комарами и клянутся книжными
копирайтами... ЧТО ЭТО?..

Человек, способный сознательно привлечь
к себе удачу, должен расплачиваться за везение...
НО ЧЕМ?!

Новые рассказы Сергея Лукьяненко!

Новые произведения мастеров отечественной
фантастики Владимира Васильева, Евгения Луки-
на, Евгения Малинина, Владимира Михайлова, Свя-
тослава Логинова, Леонида Каганова!

Критические и публицистические статьи, посвя-
щенные проблемам современной фантастики!

И многое, многое другое — в сборнике «Фанта-
стика-2005»!